

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО»
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННОЙ ФИЛОЛОГИИ
(структурное подразделение)
ГБУК РК «КРЫМСКАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА имени И. Я. ФРАНКО»

МАТЕРИАЛЫ V МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО КОНГРЕССА

**ИНОСТРАННАЯ ФИЛОЛОГИЯ.
СОЦИАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

Симферополь, 9–24 апреля 2020 г.

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2020

УДК 81-119:575.82

ББК 81.40-00

М 341

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: Петренко А. Д., *д.филол.н., профессор, ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Редактор: Полховская Е. В., *к.филол.н., доцент, ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Состав Редакционного Совета:

Вовк Н. А., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Ачкеназе В. Б., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Радченко Т. А., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Стрембицкая Н. С., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Компьютерная вёрстка: Хорунжий Н. Д.

Сборник печатается в авторской редакции. За содержание статей, достоверность цитат, имен, названий и данных ответственность несут авторы публикаций. Редакционный совет не всегда разделяет мнения авторов.

Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы : материалы V Международного научного конгресса, Симферополь, 9 – 24 апреля 2020 г. / ред. Е. В. Полховская. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2020. – 352 с.
ISBN 978-5-907310-60-5

В сборнике представлены статьи по докладам участников V Международного научного конгресса «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы», который проходил в дистанционной форме в г. Симферополь 9–24 апреля 2020 г. В представленных публикациях рассматриваются актуальные проблемы социолингвистики, социофонетики, индоевропеистики, литературоведения, языкознания, теоретические и практические аспекты лингводидактики, прагмалингвистики, коммуникативистики, теории дискурса, корпусной лингвистики и библиотечного обслуживания.

УДК 81-119:575.82

ББК 81.40-00

ISBN 978-5-907310-60-5

© ФГАОУ ВО «КФУ им.
В. И. Вернадского», 2020
© ИТ «АРИАЛ»,
макет, оформление, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО <i>А. Д. Петренко</i>	10
---	----

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

ТЕКСТ И ДИСКУРС В ГИПЕРТЕКСТОВОМ СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ <i>Т. А. Болдова, Л. В. Трегубова</i>	14
--	----

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДА КАЗАНИ: СИНХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ <i>Е. В. Варламова, Ф. Х. Тарасова</i>	16
--	----

«НОВО-ПРУССЬКА» ЯК МАРГІНАЛЬНИЙ ВИПАДОК МОВНОГО БУДІВНИЦТВА <i>М. В. Кирчанів</i>	19
---	----

КРЫМСКАЯ ОНОМАСТИКА КАК ФАКТОР СОЦИОЛИНГВИСТИКИ <i>Р. Ф. Набиев, Г. Г. Тазеев</i>	22
--	----

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОМАНА А. БЕРДЖЕССА «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН» <i>И. Ю. Павловская</i>	25
--	----

Ο ΛΑΜΠΡΟΣ ΚΑΤΣΩΝΗΣ ΣΤΗ ΔΗΜΟΤΙΚΗ ΠΟΙΗΣΗ. ΟΤΑΝ Η ΙΣΤΟΡΙΑ ΣΥΝΑΝΤΑ ΤΗ ΛΟΓΟΤΕΧΝΙΑ <i>Παπαδημητρίου Δ. Χριστίνα</i>	34
---	----

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЭКОНОМИИ РЕЧЕ- ВЫХ УСИЛИЙ НА ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОМ УРОВНЕ <i>А. Д. Петренко, Э. Ш. Исаев</i>	40
---	----

МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ: ЧТЕНИЕ ТЕК- СТА ИНФОРМАНТАМИ В ОБСТАНОВКЕ ОФИЦИАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ <i>А. Д. Петренко, Д. А. Петренко, Н. А. Вовк</i>	44
--	----

АНГЛИЙСКИЙ ЛИНГВА ФРАНКА: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ <i>А. Д. Петренко, К. А. Мележик, В. Г. Шевель</i>	48
---	----

FOREIGN LANGUAGE EDUCATIONAL PLATFORMS FOR UNDERGRADUATE STUDENTS' LANGUAGE PROFESSIONAL COMMUNICATION TRAINING <i>N. B. Samoilenko</i>	52
---	----

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ГЛЮТТОНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК КУЛЬТУРО- ГЕННОЙ СФЕРЕ: ЛИНГВОСЕМИОТИКА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ГЛЮТТОНИКИ <i>И. И. Воронцова</i>	57
--	----

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ БРИТАНСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО АНГЛИЙСКОГО <i>О. И. Гладких</i>	60
МЕДИЙНАЯ РОЛЬ ЭТНОСОЦИОЛЕКТА «КАНАКИШ» <i>А. В. Пономарёва</i>	64
АРАБСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ <i>Р. Т. Рамазанова</i>	68
ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ <i>Е. А. Романова</i>	72
SPRACHENKOLLISION: О ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ НЕМЕЦКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ <i>И. В. Черныш</i>	75
РОЛЬ ВОЗРАСТНОГО ФАКТОРА КАК ОДНОГО ИЗ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА) <i>А. Н. Шиманович</i>	78
LA POLITIQUE LINGUISTIQUE DANS LE CONTEXTE DU BILINGUISME TCHÉTCHÈNE-RUSSE EN RÉPUBLIQUE TCHÉTCHÈNE <i>А. А. Yakhyayeva</i>	81

СОЦИОФОНЕТИКА И ФНОСТИЛИСТИКА

ИНТОНАЦИЯ ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ НЕМЕЦКИХ ПОЛИТИКОВ) <i>Э. В. Лихачёв</i>	87
ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МУЛЬТИЭТНОЛЕКТА НА ПРИМЕРЕ ЛОНДОНСКОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО АНГЛИЙСКОГО <i>Ю. В. Онищенко</i>	89
РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕМЦЕВ КРЫМА: РЕТРОСПЕКЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ <i>С. Е. Перепечкина</i>	92
АНГЛИЦИЗМЫ В НЕМЕЦКОЙ РЕЧИ: АППРОКСИМАЦИЯ ИЛИ СУБСТИТУЦИЯ <i>Д. М. Шелехов</i>	96

ИНДОЕВРОПЕИСТИКА

ОТРИЦАНИЕ И СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ <i>Л. Н. Мирошниченко</i>	100
ΟΡΘΟΓΡΑΦΗΜΕΝΗ ΓΡΑΦΗ: Ο ΡΟΛΟΣ ΤΗΣ ΟΠΤΙΚΗΣ ΜΝΗΜΗΣ <i>Αικ. Προδρομάκη, Ν. Δημούλας</i>	104

ΛΟΓΟΤΕΧΝΙΑ ΣΤΗ ΔΙΔΑΣΚΑΛΙΑ ΤΗΣ ΕΛΛΗΝΙΚΗΣ ΩΣ ΞΕΝΗΣ ΓΛΩΣΣΑΣ
Ευαγγελία Τουτζάρη 107

Ο ΓΛΩΣΣΙΚΟΣ ΣΕΞΙΣΜΟΣ ΣΤΗΝ ΕΛΛΗΝΙΚΗ ΓΛΩΣΣΑ (Μια συνθετική περιδιάβαση)
Άννα Χατζηπαναγιωτίδη.....111

ΛΙΤΕΡΑΤΟΥΡΟΒΕΔΕΝΙΕ

ΚΑΦΚΑ-ΝΟΒΕΛΛΙΣΤ: ΠΡΟΒΛΕΜΑ ΤΒΟΡΧΕΣΚΟΓΟ ΜΕΤΟΔΑ
Ε. Α. Ανικεεβα..... 118

ΖΑΝΟΡΒΟΕ ΣΒΟΕΟΒΡΑΖΙΕ ΑΝΓΛΙΥΣΚΟΓΟ ΡΟΜΑΝΑ ΒΟΣΠΙΤΑΝΙΥ Β
ΚΟΝΤΕΚΣΤΕ ΠΟΣΤΜΟΔΕΡΝΙΖΜΑ
Λ. Β. Βοндаренко 121

«ΠΟΕΖΙΥ ΣΒΙΔΕΤΕΛΥΣΤΒΑ» Β ΤΒΟΡΧΕΣΤΒΕ Κ. Ξ. ΔΑΦΦΙ
Λ. Η. Глухенькая..... 125

ΜΙΦ ΟΒ ΑΜΑΖΟΝΚΑΧ ΚΑΚ ΠΣΙΧΟΦΙΖΙΟΛΟΓΙΧΕΣΚΑΥ
ΠΕΡΒΟΠΡΙΧΙΝΑ ΡΕΧΕΒΥΧ ΟΣΙΒΟΚ
Ζεκαг Мавахеб..... 128

ΟΤΗΟΣΗΕΝΙΕ ΞΛΙΑΣΑ ΚΑΝΕΤΤΙ Κ ΚΑΡΛΥ ΚΡΑΥΣΥ:
ΟΤ ΒΟΣΧΙΣΣΕΝΙΥ ΔΟ ΟΤΡΕΧΕΝΙΥ
Η. Φ. Зиганшина 132

ΒΕΖ ΠΡΑΒΑ ΝΑ ΟΣΙΒΚΥ. ΔΟΚΤΟΡΑ Ι ΠΑΧΙΕΝΤΥ
Β ΠΥΕΣΑΧ ΛΥΚΑΣΑ ΒΕΡΦΥСА
Д. А. Кириченко..... 135

ΦΥΝΚΤΙΥ ΜΟΤΙΒΑ ΖΑΓΟΡΟΔΝΟΓΟ ΔΟΜΑ
Β ΡΟΜΑΝΕ ΣΑΡΥ УОТЕРС «FINGERSMITH»
Ο. Η. Кохан..... 138

«ΝΟΜΕΡ 31328» Ι. ΒΕΝΕΖΙΣΑ Ι «ΚΟΝΑΡΜΙΥ» Ι. ΒΑΒΕΛΥ:
ΤΟΧΚΙ ΣΟΠΡΙΚΟСНОВΕΝΙΥ
Β. С. Куккоев, Г. В. Редько141

ΛΑΤΙΝΣΚΙΥ ΤΕΚΣΤ Β ΡΟΜΑΝΕ Φ. Μ. ΔΟΣΤΟΕΒΣΚΟΓΟ «ΠΟΔΡΟСТОК»
Ε. Π. Литинская 145

ΡΕΧΕΒΟΥ ΠΟΡΤΡΕΤ ΠΡΟΦΕΣΣΙΟΝΑΛΥΝΟ ΔΕΦΟΡΜΙΡΟΒΑΝΝΟΓΟ
ΠΕΡΣΟΝΑΖΑ (на материале романа Д. Лоджа «Хорошая работа»)
Ε. Η. Мазина 149

ΟΣΟΒΕΝΝΟСΤΙ ΜΑΓΙΧΕΣΚΟΓΟ ΡΕΑΛΙΖΜΑ
Β ΡΟΜΑΝΕ Д. ΜΙΤΧΕЛΛΑ «ГОЛОДНУЙ ΔΟΜ»
Ε. Η. Мазина, Г. П. Чернега..... 153

ИРОНИЯ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В РОМАНЕ В. ОРЛОВА «АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ» <i>В. Ю. Новикова</i>	157
---	-----

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ВИТЫ СЭКВИЛЛ-УЭСТ НА ТВОРЧЕСТВО ВИРДЖИНИИ ВУЛФ (ОБЗОР РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ) <i>Т. В. Языкова</i>	159
--	-----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

К ПРОБЛЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ ПРЕСТИЖА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА <i>Г. В. Галавова, А. Н. Гарипова</i>	165
---	-----

ЯЗЫК И КОММУНИКАЦИЯ В СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ <i>Г. В. Галавова, Л. Р. Закирова</i>	168
--	-----

COMPARATIVE TERMINOLOGY IN SPORTS (ON THE EXAMPLE OF BASKETBALL TERMS IN ENGLISH, RUSSIAN AND CHECHEN) <i>А. А. Dasovkhadzhieva</i>	171
---	-----

ТИПОЛОГИЯ ПРЕДМЕТНЫХ БЫТОВИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «ПОЛОТЕНЦЕ») <i>Н. В. Дронякина</i>	174
---	-----

ОСОБЕННОСТИ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕРМИНОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ПОЧВЕННОЙ МИКРОБИОЛОГИИ В АНГЛИЙСКОМ, УКРАИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ПРИЗНАКОВАЯ ЗОНА <i>М. В. Кислухина</i>	177
--	-----

ХАРАКТЕР СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ СЛОЖНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО <i>Н. А. Князева, А. В. Рейнова</i>	184
--	-----

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ ШУТКИ <i>А. Н. Манцаева, Х. А. Газимаева</i>	189
---	-----

УПОТРЕБЛЕНИЕ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ CAN, MAY И MUST В СБОРНИКЕ СКАЗОК Р. КИПЛИНГА «КНИГА ДЖУНГЛЕЙ» <i>А. О. Пирожкова</i>	192
---	-----

О ВЛИЯНИИ VREXIT НА СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА <i>Н. Н. Трунченкова, И. В. Татарникова</i>	195
---	-----

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РОМАНА Н. КАЗАНДЗАКИСА «ГРЕК ЗОРБА») <i>З. А. Фарамазян</i>	198
---	-----

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ И ОНИМЫ В НЕМ КАК СРЕДСТВО ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ПОЗНАНИЯ РОССИИ ИНОСТРАНЦАМИ <i>Л. А. Батурина, Н. В. Харламова</i>	202
---	-----

КОММУНИКАТИВИСТИКА И ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИКА
Т. Б. Колышкина, И. В. Шустина 206

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ
ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ (на материале TED-Talks)
Т. В. Мельниченко, Я. А. Викторова 211

АВТОРСКОЕ «МЫ» В АННОТАЦИЯХ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО ЭКОНОМИКЕ
М. В. Миколайчик 215

ОПЫТ ПРАГМАСИНТАКСИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ
ТЕКСТОВ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ДЛЯ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ
М. В. Оберюхтина 219

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРАЗА СОВРЕМЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА): ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД
М. Д. Рыжикова 223

СПОСОБЫ ПРЕДИКАЦИИ В ПЕРСОНАЛЬНОМ
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ БЫТИЙНОМ ДИСКУРСЕ
С. В. Сдобнова 227

ТУРИСТИЧЕСКИЕ СТОППЕРЫ В РЕКЛАМНОМ ОБЪЯВЛЕНИИ
Н. Ф. Старыгина 230

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ КООПЕРАЦИИ В БИЗНЕС-ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО КИНОФИЛЬМА «THE BIG SHORT»)
А. О. Столярова 234

БИЛИНГВИЗМ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
Т. Г. Чернышова, Э. С. Шамиева 237

ОСОБЕННОСТИ БИЛИНГВАЛЬНОЙ АФАЗИИ
Л. В. Ягенич, А. В. Геращенко 241

ЛИНГВОДИДАКТИКА

РОЛЬ ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ И СОДЕРЖАНИИ
СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
Т. И. Борисенко, Г. И. Сыроватская 246

ВНЕАУДИТОРНАЯ РАБОТА КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ
МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
(ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ «ТУРИЗМ», КФУ ИМ. В. И. ВЕРНАДСКОГО)
О. А. Васильева, И. А. Гулакова, И. А. Борзова 249

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЛАТФОРМЫ MOODLE
ПРИ ОБУЧЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТОРОНЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ
О. В. Исаева, Н. С. Стрембицкая 253

ДИДАКТИКА ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ <i>А. В. Карпенко</i>	257
TEACHING PROSODY OF PUBLIC SPEAKING TO NON-MAJORS <i>Е. В. Крюкова</i>	261
КАК ТЕХНОЛОГИИ ИЗМЕНЯЮТ ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ <i>И. А. Семёнкина</i>	264
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ВТОРОГО УРОВНЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ <i>Т. А. Цебровская, А. И. Малаховская</i>	268
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА <i>И. Е. Шкабара</i>	272
ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ПРОФИЛЬНОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ВУЗА (ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ СТРАНЫ ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА») <i>Е. В. Южанинова</i>	276
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ	
РАЗВИТИЕ БИБЛИОТЕКИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ <i>И. Ф. Павлова</i>	281
СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРОЕКТЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ КРЫМА <i>О. В. Сиротюк</i>	285
СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ <i>Е. В. Суханова</i>	289
ЖИВОЕ ОБЩЕНИЕ: КЛУБНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ В БИБЛИОТЕКЕ <i>С. А. Шевченко</i>	294
МОЛОДАЯ НАУКА	
МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ СТУДЕНТОВ АВСТРИИ <i>А. А. Абросимова</i>	298
БИЛИНГВИЗМ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН <i>А. К. Алимова</i>	301
ТЕАТРАЛЬНАЯ ИГРА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ <i>Э. Н. Асанова</i>	305

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ КАК ВИД ЭЛЕКТРОННОЙ КОММУНИКАЦИИ: СТРУКТУРНЫЙ И ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОДЫ <i>Ю. М. Бурда</i>	308
АКТУАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ <i>А. И. Выдря</i>	311
СИМВОЛИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕНТРАЛЬНОГО ОБРАЗА ЖИВОТНОГО В РОМАНЕ Д. Г. ЛОУРЕНСА <i>THE KANGAROO</i> <i>А. Ю. Иваниченко</i>	315
«ПОЛИТИЧЕСКИ КОРРЕКТНЫЕ СКАЗКИ НА НОЧЬ» ДЖ. Ф. ГАРНЕРА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА УСТОЯВШИЕСЯ ПРИНЦИПЫ <i>Ш. З. Мамутова</i>	319
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ ЭЛЬЗАС-ЛОТАРИНГИЯ <i>М. А. Марценюк</i>	324
АРХЕТИП МЕДЕИ В ТВОРЧЕСТВЕ БОСТА <i>М. О. Тамбулова</i>	327
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АМЕРИКАНСКОГО ТИПАЖА «BUYER»: ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД <i>А. Ю. Ткаченко</i>	330
ОБРАЗ СПОРТСМЕНА В ЯПОНСКОМ КОМИКСЕ (МАНГЕ): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ <i>М. Д. Фокин, А. И. Опарин</i>	332
ИДИОМАТИЧЕСКИЕ СЛЕНГОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ <i>К. А. Хоронская</i>	336
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ОБЪЯВЛЕНИЙ КАК РЕЧЕВОГО ЖАНРА <i>Е. В. Чуксина</i>	339
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	344

**Приветственное слово директора Института иностранной филологии (сп)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
доктора филологических наук, профессора Петренко А. Д.
к онлайн-участникам юбилейного V Международного научного конгресса
«Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность
языка и литературы»**

Уважаемые коллеги! Как Вы заметили своим филологическим зрением, в заглавии этого пункта присутствуют два ключевых слова, которые определяют формат проведения V Международного научного конгресса «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы»: «онлайн» и «юбилейный»!

Все деятели науки, в том числе ученые-филологи, всегда иронично относились к термину из сферы бизнеса «обстоятельства непреодолимой силы» («circumstances of Force Majeure»; «Umstände höherer Gewalt»; «circonstances de force majeure»; «condiciones de fuerza mayor»; «caso di forza maggiore»; «ανωτέρα βία»; «vi maiore quadam acciderit»), но сейчас именно они влияют на все процессы, происходящие в мире!

Распространение эпидемии коронавируса обусловило переход высшего образования и науки в онлайн-режим. Высшие учебные заведения в разных странах столкнулись с необходимостью дистанционного подхода к обучению и проведению научных мероприятий. Такое решение было одобрено министерствами разных стран, которые курируют образование и науку.

Институт иностранной филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского не стал исключением. Как известно, преподаватели и обучающиеся этого структурного подразделения КФУ самым серьезным образом относятся к научно-исследовательской работе. Уже на протяжении четырех лет в ИИФ проводится ряд значимых научных мероприятий. В рамках «научного» апреля этого года запланирован Международный научный конгресс «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы». 2020 год является для него юбилейным, так как нынешний Конгресс проводится в пятый раз. Весь профессорско-преподавательский состав и студенты Института всегда с нетерпением ждут это событие, так как это — визитная карточка ИИФ КФУ им. В.И. Вернадского.

Организационный комитет V Международного научного конгресса «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы», который я имею честь возглавлять, принял решение проводить это научное мероприятие в онлайн-режиме. Нами были разосланы электронные письма-приглашения по всей Российской Федерации и за её пределы, международным участникам. Нас очень порадовало единство ученых, ибо все оказались в одинаково сложных условиях. Однако желание принять участие в столь значимом международном научном событии стало стимулом, который определил решение участников в этих обстоятельствах непреодолимой силы. На электронный адрес Конгресса стали в большом количестве поступать сообщения разного формата. Это были видеодоклады, аудиодоклады, презентации. Все эти материалы, представленные известными отечественными и зарубежными учеными размещаются по ссылке <https://iif.cfuv.ru/v-mezhdunarodnyj-nauchnyj-kongress-inostrannaya-filologiya-socialnaya-i-nacionalnaya-variativnost-yazyka-i-literatury/>, которая содержит несколько десятков позиций разного формата. Хочется выразить теплые слова благодарности всем, кто прислал свои научные труды!

Отдельное спасибо докторам наук, которые приняли участие в Конгрессе. Постоянным участником нашего научного мероприятия является доктор филологических наук Павловская Ирина Юрьевна, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Для онлайн-участия Ирина Юрьевна предложила доклад на тему «Фоносемантический анализ текста».

Доктор филологических наук, профессор Лушникова Галина Игоревна из Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» (Ялта) также ежегодно принимает участие в нашем международном мероприятии. В онлайн-сессии Галина Игоревна затронула проблему «Нарративных тактик в постмодернистском романе».

Левицкий Андрей Эдуардович, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, представил для онлайн-ознакомления «Типологические характеристики фонетической системы современного английского языка: стандарт и диалекты».

Доктор исторических наук Поляков Владимир Евгеньевич, доцент кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (Симферополь), в дистанционном формате затронул вопросы ономастики в докладе «Имя собственное. Патронимы, матронимы».

Несколько интересных докладов подготовили члены нашей научной школы социофонетики и фоностилистики. Доктором филологических наук Мележик Мариной Алексеевной были представлены результаты исследования на тему «Концептуализация ПОАЛФ в рефлексивном обучении межкультурной коммуникативной компетенции».

Заслуживает внимание и доклад «Педагогическая целевая модель в обучении АЛФ компетенциям» преподавателя кафедры иностранных языков Шевель Валерии Геннадьевны. Результаты совместного исследования на тему «Метод моделирования коммуникативной ситуации: чтение текста информантами в обстановке официального общения», представили Вовк Николай Александрович, старший преподаватель кафедры английской филологии и Петренко Даниил Александрович, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой немецкой филологии нашего Института.

Онлайн-формат внес свои коррективы и в проведение секционных заседаний. В рамках V Международного научного конгресса «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» прошло заседание секции греческой филологии, которое транслировалось в режиме видеоконференции. Необходимо отметить, что даже в условиях столь сложной обстановки, ученые разных стран находят способы для сотрудничества и творческого взаимодействия с целью укрепления научных контактов и развития плодотворных связей на международном уровне.

На секции греческой филологии были представлены результаты научных исследований в области сразу несколько тематических направлений работы конгресса: социолингвистики, литературоведения и лингводидактики. Авторами были раскрыты актуальные для современного греческого общества вопросы языкового сексизма и рассмотрены различные подходы и методики преподавания греческой литературы на разных уровнях владения языком. Докладчики проанализировали оптические, этимологические и орфографические ошибки у обучающихся, которые овладевают греческим языком, предложили комплексы упражнений для преодоления отклонений от стандартной языковой нормы. Материалы докладов и сообщений вызвали оживленную дискуссию среди слушателей.

Тематика докладов, представленных нашими гостями на секции греческой филологии в рамках V Международного научного конгресса «Иностранная фило-

логия. Социальная и национальная вариативность языка и литературы», довольно обширна. Так, например, Анна Хаджипанайотиди (Αννα Χατζηπαναγιωτίδη), профессор кафедры педагогических наук факультета педагогических и социальных наук Кипрского университета им. Фредерика (Никосия, Республика Кипр), представила доклад «Ο γλωσσικός σεξισμός στην ελληνική γλώσσα / Языковой сексизм в греческом языке». Преподаватель кафедры педагогических наук этого же университета, известная в Греции писательница Евангелия Тудзари (Ευαγγελία Τουτζάρη), выступила с сообщением на тему «Λογοτεχνία στη διδασκαλία της ελληνικής ως ξένης γλώσσας / Литература в преподавании греческого как иностранного языка». Дионисия Сотиропулу (Διονυσία Σωτηροπούλου), преподаватель греческой филологии второго профессионального лицея г.Комотини (Республика Греция) изложила результаты исследования на тему «Ένα διδακτικό σενάριο διδακτικής λογοτεχνίας και γλώσσας στην Α΄ Λυκείου / Винцензос Корнарос «Эротокритос»: междисциплинарный подход в обучении языку и литературе. Николаос Димулас (Νικόλαος Δημουλάς), преподаватель греческого языка, командированный Министерством образования, науки и религии Греции в университет г. Краснодар, и Екатерина Продромаки (Αικατερίνα Προδρομάκη), преподаватель факультета педагогики университета г. Патры (Греческая Республика), затронули в своем выступлении важную проблему «Ο ρόλος της μνήμης στην орθογραφημένη γραφή / Роль памяти в обучении письму».

Все представленные доклады продемонстрировали актуальность научной проблематики, тесное взаимодействие теории и практики преподавания языка и литературы с социолингвистикой, применение методов социолингвистического анализа языкового и литературоведческого материала. Следует отметить, что исследования коллег Греческой Республики и Республики Кипр во многом соответствуют тематике исследований Научной школы социофонетики и фоностилистики Института иностранной филологии Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского. В ходе научной дискуссии проявлен интерес и обсуждены перспективы совместных исследований и публикаций профессора А.Д. Петренко и профессора А. Хаджипанайотиди, доцента Л.С. Банах и Е. Тудзари. Внимание участников привлек и доклад нашего гостя Зекаг Мавахерб из Алжирского университета 2, на тему «Миф об амазонках как психофизическая первопричина речевых ошибок». Приятно отметить, что все участники состоявшейся международной онлайн-сессии выразили желание лично присутствовать в работе следующего VI Международного научного конгресса в КФУ им. В. И. Вернадского в 2021 году.

Программа V Международного научного конгресса «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» размещена по ссылке <https://iif.cfuv.ru/iif-kfu-im-v-i-vernadskogo-provodit-v-mezhdunarodnyj-nauchnyj-kongress-inostrannaya-filologiya-socialnaya-i-nacionalnaya-variativnost-yazyka-i-literatury-v-onlajn-rezhime/>.

Весьма необычно видеть в программе вместо расписания докладов и номеров аудиторий ссылку на сеть Интернет.

Если у коллег возникнет желание ознакомиться с материалами заседания секции греческой филологии, то, пожалуйста, пройдите по таким ссылкам: https://www.youtube.com/watch?time_continue=2&v=8lw6eeoVVRw&feature=emb_logo; https://www.youtube.com/watch?time_continue=2&v=prapyXHqkUU&feature=emb_logo.

Работа Конгресса также была освещена и пресс-службой Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, в чем можно убедиться, воспользовавшись ссылкой <https://cfuv.ru/news/institut-inostrannoj-filologii-kfu-provodit-nauchnyj-kongress-v-rezhime-onlajn>.

На правах председателя Организационного комитета Международного научного конгресса «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» приглашаю всех к участию в работе Конгресса следующем 2021 году.

С уважением,

А. Д. Петренко

Директор Института иностранной филологии (с/п)
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,
доктор филологических наук, профессор,
руководитель Научной школы социофонетики и фоностилистики

aldpetrenko@mail.ru

<https://vk.com/id340732757>

https://vk.com/sociophonetics_phonostylistics

<https://iif.cfuv.ru/>

<https://iif.cfuv.ru/personalnye-stranicy-prepodavatelej/petrenko-aleksandr-demyanovich/>

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 81(072)

ТЕКСТ И ДИСКУРС В ГИПЕРТЕКСТОВОМ СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Т. А. Болдова,

*доктор педагогических наук, профессор кафедры РКИ,
Московский педагогический государственный университет, Москва*

Л. В. Трезубова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры
методики преподавания русского языка,
Московский педагогический государственный университет, Москва*

Аннотация. Статья посвящена вопросам определения гипертекста в теории коммуникационных технологий. Обращение идет к теории текста, где синтагматика и парадигматика восходят к знаковой теории де Соссюра. В русле современных тенденций развития лингвистики дается определение гипертекста как нового коммуникационного продукта в виртуальном пространстве, а сетевая коммуникация рассматривается как целостный процесс.

Ключевые слова: новые технологии, лингвистика текста, прагматика текста, специальная сфера коммуникации, гипертексты в сети.

Summary. The article is devoted to the definition of hypertext in the theory of communication technologies. The appeal goes to the theory of text, where syntagmatics and paradigmatics go back to the sign theory of de Saussure. In line with current trends in the development of linguistics, hypertext is defined as a new communication product in the virtual space, and network communication is considered as an integral process.

Key words: new technologies, text linguistics, text pragmatics, special sphere of communication, hypertexts in the network.

Идея отражения смысла текста как базы текстовых файлов базируется на том, что текстовый файл – это единица семантического представления текста, и готовый блок для вхождения в базу знаний определенной предметной области.

На сегодняшний день теории классической лингвистики текста, классической прагматики текста, теории речевых актов исчерпывающим образом рассматривают мультимедийность и интерактивность гипертекстовых технологий. Исследователям представляется, что возможно с помощью более точных сравнений между традиционной лингвистической теорией и концептом гипертекста, будет достигнуто совершенно новое определение гипертекста в теории коммуникационных технологиях. Так, обращаясь к теории текста, где синтагматика и парадигматика восходят к знаковой теории де Соссюра, говорится, что гипертекст – это новый коммуникационный продукт. Связи имеют разделение на связи *in absentia* – связи между элементами, присутствующими в тексте и элементами, отсутствующими в нем – и на связи *in praesentia* – связи между соприсутствующими в тексте элементами, образующими разные конструкции. При этом выделяется ко-текст – текст внутри текста касательно синтагматических текстовых отношений внутренних полей, это текст – начала, середины, конца – близких, удаленных частей. Выделяется контекст, где речь идет о внешне текстовых отношениях, где пре-тексты – разговорные, дискуссионные поля различного свойства. Когеренция текста, в этом случае, обозначает текстовое семантическое единство глубоких

структур. Когезию текста обозначают грамматико-языковые, риторические и повествовательные единства поверхностных структур. Таким образом, гипертекст в сети есть – текст-коллаж, где нет границ семантического и парадигматического единого контекста; нет границ между внутренним и внешним текстом.

Сложность работы с гипертекстами объясняется: - интерактивностью (возможность обратной связи и непосредственного участия в процессе коммуникации); - нелинейностью; - цифровой формой использования текстовых форматов; - модульностью как комбинированием разнородных компонентов в едином информационном пространстве; - сжатостью пространства при акцентировании возможностей мгновенной коммуникации и уменьшении значения барьеров физической дистанции; - конвергенцией как сложностью доступа к гипертекстовым поисковым системам в режиме реального времени, приводящей к созданию гибридных форм текстов и использованию различных мультимедийных технологий; - гранулятивностью, как использованием гипертекстов в форме включения информации из текстов в систему знаний. И чем больше дробится информация в гипертексте, тем больше соединений, тем более «гранулирован» гипертекст. Если речь идет о литературных текстах, то говорится о повествовательности как нелинейных формах повествования и репрезентации в гипертекстовом пространстве, где время становится событийным, где происходит незрелость организационных структур, которые надо перенастроить на изменения.

Таким образом, гипертекст – как сетевой, мультисеквентный продукт, состоящий из текстовых блоков, лексий, позволяет интерактивно взаимодействовать через текст/тексты и осуществлять электронные соединения с текстами. Соединенные текстовые блоки есть сетевая структура возможных путей прочтения текста через синтагму. При этом различаются два типа синтагм: 1) внутри одного узла (лексии); 2) из нескольких узлов как объединение текстовых отрывков. Первый тип не отличается от традиционного текста, характеризуется одновременностью появления знаков на экране монитора и называется – одновременными синтагмами. Второй тип обозначается как гипертекстуальный тип, как форма последовательной синтагмы. Первый тип синтагм «пролистывается» на экране, второй тип достижим через указатели в других лексиях. Оба эти типа определяют синтагму и гипертагму (исходя из терминологических и языковых обоснований), как два типа парадигмы, а именно – гипертагму и гипердигму (гиперспецифика). Гипертагма – это то, что уже выбрано читателем из гипердигмы через его индивидуальную интеракцию с гипертекстом. Узлы находятся в гипертагме как комбинации в форме и- отношений. Гипердигма – это актуальная реализация возможностей выбора, которые получает читатель гипертекста через гипердигму, где он продвигается в сети через текстовое гиперпространство. Гипердигма даёт возможность выбора узлов, находящихся друг с другом в комбинации или- отношений (селекция). Если в узле есть возможность выбора чтения в других узлах, то в этом случае говорится о «темпоральной гипердигме» [2]. Такой текст не результат селекции, а своего рода гипотеза, предположение, каким должен быть текст по версии самого читающего. При этом гипердигма рассматривается как функция чтения, а не текста, где селекция ничего не говорит о значении. В немецкой терминологии гипертексты в сети представлены как: – композиционно-речевые формы (Darbietungsform), смысловые единства (Sinneinheit), тексты (Text), предложения (Satz), как смысловые фрагменты, которые смешиваются; как креолизованные тексты, состоящие из двух частей: вербальной части и невербальной, где текст как коммуникативная величина не ограничен языковой составляющей; - как поликодовые, мультимедийные тексты (Sprache-Bild-Text). В этом случае намеренно стираются границы между текстуальностью (как свойством текста) и об-

разностью (как свойством графического изображения) для соединения смыслов текста и изображения через фрагментированные, но выстроенные в определенной заданной последовательности мультимодальные тексты, как когерентные медиа сообщения. Взаимодействие в виртуальной среде – это концепции организации человеческих отношений. Текст возникает у читающего, а не у авторов гипертекста и не у тех, кто выставляет их на сайтах. Все материалы сети ценны не только своей доступностью, но и своим потенциалом. Наиболее полно эта возможность представлена в гипертекстовой опосредованной коммуникации. Тогда гипертекст различных моделей дискурсов становится средством протяженной во времени коммуникации, разделенной дистанцией. Выбранная в гипертексте тема может быть по желанию развита дальше, с последующим изменением модулей или введена совершенно по-новому. Такой текст выступает в функции контекста для другого гипертекста. Основано это на требованиях некоего стандарта сетевого дискурса. Дискурс, устный или письменный, осуществляется в асимметричной темпоральной структуре как настоящее-прошлое, вневременное, в которой прошлое в силу его неизменности выступает в качестве инстанции реальности, подтверждающей понятие «здесь и сейчас». Нельзя понять целое, не понимая каждого отдельного его фрагмента. В русле современных тенденций развития лингвистики сетевая коммуникация рассматривается как целостный процесс, а также как среда моделирования вторичной языковой личности как участника процесса такой коммуникации в сети.

Список использованных источников

1. Störrer, Angelika. Sprachliche Besonderheiten getippter Gespräche: Sprecherwechsel und sprachliches Zeigen in der Chat-Kommunikation. In: Beißwenger (Hrsg.), 2016. S. 3–24.
2. Ware, Colin: Information Visualization, San Diego, CA: Academic Press, 2009.

УДК 811.12

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДА КАЗАНИ: СИНХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. В. Варламова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
Казанский федеральный университет, Казань*

Ф. Х. Тарасова,

*доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской
филологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации,
Казанский федеральный университет, Казань*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организации лингвистического ландшафта города Казани с точки зрения представленности русского, татарского и иностранных языков. Авторы статьи приходят к выводам, что русский язык занимает лидирующую позицию как язык государственный, на втором месте татарский язык, который в данном городе является титульным. Иностранные языки занимают третье место в лингвистическом пространстве города, однако ненамного отстают от татарского языка в количественной представленности. Изучение лингвистического ландшафта современных мультилингвальных городов является одним из инструментов изучения важных социальных процессов, протекающих на отдельных территориях. Его особенности отражают основные

социально-языковые процессы, а также степень влияния различных экстралингвистических факторов на лингвистический ландшафт территорий.

Ключевые слова: мультилингвизм, глобализация, государственный язык, титульный язык, лингвистический ландшафт

Summary. The article discusses the features of the organization of the linguistic landscape of the city of Kazan in terms of the representation of the Russian, Tatar and foreign languages. The authors of the article conclude that the Russian language occupies the leading position as the state language; the second position is taken by the Tatar language, which is the majority language in this city. Foreign languages occupy the third place in the linguistic space of the city; however, they are not much behind the Tatar language in quantitative representation. The study of the linguistic landscape of modern multilingual cities is one of the tools for studying the important social processes taking place in individual territories. Its features reflect the main social and linguistic processes, as well as the degree of influence of various extra-linguistic factors on the linguistic landscape of the territories.

Key words: multilingualism, globalization, official language, majority language, linguistic landscape.

Перемены социокультурного характера, происходящие в эпоху глобализации, не могут не повлечь за собой изменений в языке, его использовании, функционировании и распространении [1]. Расширение экономических и культурных взаимоотношений, увеличение туристического потока приводит к тому, что в современных городах появляются новые социальные, коммерческие, административные объекты, такие как: посольства, визовые центры, медицинские учреждения, спортивные объекты и многое другое. Также увеличивается количество проживающих из других стран, другой национальности. Все вместе это приводит к тому, что повсеместно происходит заимствование иноязычной лексики, наблюдается тесное взаимовлияние языков при номинации различных объектов города.

Для отражения действительной языковой ситуации в том или ином городе исследователи обращаются к такому понятию как «лингвистический ландшафт», под которым понимается графическая представленность разных языков в общественных пространствах многоязычных городов [4]. Метод описания лингвистического ландшафта состоит в исследовании письменных знаков в общественной сфере (публичном пространстве) городской среды [3].

Лингвистический ландшафт городов формируется под влиянием ряда социальных процессов и представлен астионимами, гидронимами, годонимами, эргонимами, надписями частного содержания, информационными объявлениями, объявлениями на столбах, административными знаками, мотивационными надписями и др.

Город Казань является столицей субъекта Российской Федерации – Республики Татарстан. Согласно Конституции Татарстана «государственными языками в Республике Татарстан являются равноправные татарский и русский языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях Республики Татарстан государственные языки Республики Татарстан употребляются на равных основаниях (Статья 8) [2]. Являясь официально билингвальным городом, г. Казань не может не служить ярким примером города мультилингвального, поскольку неофициально считается третьей столицей Российской Федерации, местом, где за последнее десятилетие было проведено несколько крупных культурных и спортивных мероприятий, привлечших внимание мировой общественности и подтолкнувших развитие массового международного туризма.

Лингвистический ландшафт многонациональных городов ярко отражает основные социальные процессы, протекающие в городе, регионе, государстве. Лингвистическое пространство является маркером прошлых и настоящих событий, а

также индикатором потенциально возможных социально-языковых изменений на данной территории [5].

Материал исследования составляет 1600 языковых знаков г. Казани (под языковым знаком здесь и далее мы понимаем лексическую единицу). Данные для исследования собирались на ул. Пушкина и ул. Татарстан, которые являются одними из центральных улиц г. Казани. Выбор данных улиц объясняется следующим: на этих улицах проживают представители разных национальностей. Доказательством этого может служить то, что на них находятся различные религиозные сооружения, наглядно демонстрируя то, что местные жители принадлежат к разным религиозным конфессиям.

Сбор материала осуществлялся методом сплошной выборки в период с июля по сентябрь 2019 г при помощи фото- и картографирования. Описательный метод, который включает в себя сбор, каталогизацию и систематизацию материала, использовался для первичного описания материала и классификации текстовых единиц. Элементы количественного анализа применялись при подсчете количества единиц в различных группах.

Языковая ситуация в г. Казани имеет интересное отображение в лингвистическом пространстве города. Нами было обнаружено, что на уровне языков 1055 языковых знаков представлены на русском, 282 на татарском и 263 на иностранных языках. Таким образом, мы можем заметить, что русский язык является доминантным языком в лингвистическом ландшафте города.

Разница между иностранными языками и татарским языком, как мы можем заметить, не очень существенная. Однако, имея в виду, что татарский язык является официальным для г. Казани, а иностранные языки, такие как английский, итальянский, французский – нет, то отсутствие разницы бросается в глаза.

Из 282 языковых знаков на татарском 170 приходится на административные знаки и 90 языковых знаков – на информационное объявление, которое было единственным объявлением с татарским текстом на улицах г. Казани, 22 на – эргонимы.

В случае с иностранными языками из 263 языковых знаков 173 приходится на административные знаки и 90 на эргонимы. Сложившаяся ситуация демонстрирует, что в лингвистическом ландшафте города татарский язык активно сохраняется благодаря языковой политике региона, иностранные же проникают в него по экстралингвистическим причинам: развитие международного туризма, увеличение экономических и культурных связей с зарубежными странами и т.д. Следует отметить, что английский язык более популярен среди авторов информационных единиц, они находят его более привлекательным для номинации городских объектов. Кроме того, наблюдаются многочисленные примеры транслитерации, когда русское или татарское слово пишется латинскими буквами, такие примеры мы отнесли к иностранным словам.

Таким образом, изучение лингвистического ландшафта современных городов является одним из инструментов изучения важных социальных процессов, протекающих на отдельных территориях. Его особенности отражают основные социально-языковые процессы (глобализация), увеличение мигрантов, статус и сферы функционирования государственных и титульных языков в языковых ландшафтах городов, а также степень влияния различных экстралингвистических процессов на лингвистический ландшафт территорий (городов).

Список использованных источников

1. Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». - 2013. - № 24. - Выпуск 5. С. 159–167.

2. Закон Республики Татарстан от 19 апреля 2002 г. N 1380 «О внесении изме-

нений и дополнений в Конституцию Республики Татарстан» (с изменениями на 14 декабря 2004 года) [Электронный ресурс] <http://docs.cntd.ru/document/917010042> (дата обращения 18.01.2019).

3. Backhaus, P. Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokio / P. Backhaus // Multilingual Matters (136). – New York; Ontario; Clevelon, 2007. 158 p.

4. Ben-Rafael, E. Linguistic Landscape as symbolic construction of the public space: the case of Israel / E. Ben-Rafael, E. Shohamy, M.H. Amara, N. Trumper-Hecht // International Journal of Multilingualism. – 2006. – Vol. 3 (1). P. 7–30.

5. Edwards J. Multilingualism [Electronic Resource]. London: Routledge, 1994. – Mode of access: URL: https://books.google.ru/books/about/Multilingualism.html?id=qaKIAgAAQBAJ&redir_esc=y (дата обращения 18.01.2019).

УДК 811.1/2 + 811.29

«НОВО-ПРУССЬКА» ЯК МАРГІНАЛЬНИЙ ВИПАДОК МОВНОГО БУДІВНИЦТВА

М. В. Кирчанів,

*доктор історичних наук, Факультет міжнародних відносин, доцент кафедри
регіонознавства і економіки зарубіжних країн,
Воронезький державний університет, Воронеж*

Аннотация. Автор анализирует проблемы лингвистического воображения прусских активистов, которые стремятся восстановить прусский язык, превратив его в третий живой балтийский язык. С методологической точки зрения статья написана в рамках конструктивистской парадигмы. Целью статьи является анализ форм и перспектив деятельности прусских лингвистических активистов. Предполагается, что деятельность сторонников прусского проекта может быть определена как форма националистического воображения и изобретения традиций. Основными формами продвижения прусского языка является восстановление и развитие его грамматической системы, расширение словаря и попытки его активного использования в виртуальном пространстве. Анализируя деятельность сторонников восстановления прусского языка, автор полагает, что этот проект является маргинальным, академическим и виртуальным.

Ключевые слова: национализм, идентичность, воображение, изобретение традиций, новопрусский язык.

Summary. The author analyzes the problems of the linguistic imagination of Prussian activists who seek to restore the Prussian language, turning it into the third living Baltic language. From a methodological viewpoint, the article is written within the constructivist paradigm. The purpose of the article is to analyze the forms and prospects of Prussian linguistic activities. It is assumed that the activities of the supporters of the Prussian project can be defined as a form of nationalist imagination and the invention of traditions. The restoration and development of the grammatical system, the expansion of the vocabulary and attempts to use it actively in the virtual space are the main forms of promotion of the Prussian language. Analyzing the activities of the supporters of the restoration of the Prussian language, the author believes that this project is marginal, academic and virtual.

Key words: nationalism, identity, imagination, invention of traditions, New Prussian language.

Формулювання проблеми. Культурна та інтелектуальна історія сучасного світу стала історією націоналістичних рухів та ідеологій, які особливу увагу приділяли мовним проблемам. Ставлення націоналістів до мовного питання було гетерогенним і могло варіюватися від вимог вільного використання мови меншини до радикального етнічного націоналізму і заперечення мовних прав інших груп, які до розпаду імперій могли становити політичну більшість. У цьому контексті діапазон взаємин між націоналістичними ідеологіями і мовами був дуже різноманітним.

Однією з форм націоналістичних лінгвістичних маніпуляцій стали процеси реставрації мов, які сприймалися як мертві. Класичний випадок цього процесу – відродження іврити та його перетворення в офіційну мову Держави Ізраїль. Політичні активності і лінгвістичні маніпуляції єврейських націоналістів з івритом доводять потенціал націоналізму в зміні статусу мов, які мали репутацію мертвих, функціонуючи тільки як частина релігійних практик, але були перетворені націоналістично орієнтованими інтелектуалами в мову системи початкової, середньої та вищої освіти, науки, літератури і культури, державного управління та засобів масової інформації сучасного Ізраїлю.

Інтелектуальна історія ХХ століття знає й інші приклади, коли націоналісти і інтелектуали прагнули змінити статус мертвих мов, але ці спроби були менш успішні, ніж досвід єврейських націоналістів в контекстах мовного відродження іврити в Ізраїлі.

Мета і завдання статті. Тому, в центрі авторської уваги цієї статті будуть спроби відродження пруської мови, які почалися в 1980-і роки ХХ століття. Завданнями статті є аналіз як тактик, практик і стратегій лінгвістичних активістів і ентузіастів відродження пруської мови, а також – перспективи новітнього пруського мовного будівництва.

Методологія. Методологічно ця стаття базується на ідеях, запропонованих в рамках конструктивістського повороту в першій половині 1980-х років. Тому, ново-пруська мова може бути визначена як винайдена традиція, «пруські» лінгвістичні активісти – як уявлена спільнота, їх лінгвістичні експерименти – як винайдення традицій, тобто частина гетерогенних практик, спрямованих на відновлення пруської мови.

Джерела ново-пруської мови. Сучасні спроби відновлення пруської мови з боку лінгвістичних активістів мають кілька джерел.

По-перше, сучасні політичні концепти поступово втрачають привабливість в той час, як альтернативні і маргінальні рухи можуть ефективно залучати нових прихильників. Сучасний пруський рух, ймовірно, може бути локалізований серед саме таких проектів. По-друге, більш важливим стимулом є академічна балтістика [4; 12], сфокусована на вивченні живих балтійських мов. По-третє, не менш важливим фактором ми можемо визнати як історичні, так і лінгвістичні дослідження древніх прусів [5]. Ймовірно, саме цим ми можемо пояснювати те, що більшість лінгвістичних активістів, залучених в процеси «відродження» пруської мови мали чи досі має відношення до академічної балтістики або вивченням культурної спадщини сучасних балтійських країн.

Основні учасники ново-пруського проекту. Склад учасників ново-пруського проекту є гетерогенним, але число активістів, залучених в його реалізацію, невелике.

З одного боку, до процесів рекреації пруської мови залучені професійні філологи-балтісти. Ймовірно, найвідомішим професійним учасником процесу відродження пруської мови є Летас Палмайтіс, відомий як Міккелс Клуссіс, який в 1983 році, в співавторстві з відомим радянським і російським балтістом В. Топоровим [1], опублікував статтю, в якій розглядав можливості і перспективи відродження пруської мови. Вчителя Л. Палмайтіса, Вітаутаса Мажюліса (1926 – 2009) [10; 11],

не можна розглядати як пруського лінгвістичного активіста: він, на відміну від свого учня, залишався в рамках академічного дискурсу. Дослідження В. Топорова [2] також стимулювали інтерес до пруської проблематики з боку неакадемічних ентузіастів, чий зусилля були спрямовані на відродження пруської мови.

З іншого боку, в процесах відродження пруської мови беруть участь фольклорні та псевдо-фольклорні гурти, які можуть використовувати ново-прусську мову в своїх піснях. Крім цього, третьою групою можуть бути визнані лінгвістичні активісти і ентузіасти, які сприяють відродженню пруської мови, перекладаючи класичні літературні тексти або «використовуючи» пруську мову як мову інтернет-публікацій. Ймовірно, саме ці групи і складають основу «носіїв» ново-пруської мови, але її використання навіть з їхнього боку не має регулярного характеру.

Основні форми ново-прусського проекту. Процеси відродження ново-пруської мови на сучасному етапі мають кілька проявів.

По-перше, лінгвістичні активісти особливу увагу приділяють «відродженню» пруської лексики, складаючи і публікуючи словники, серед яких, наприклад, «Словник відродженої пруської мови» [8], але, беручи до уваги те, що історична пруська мова мертва, ентузіасти фактично займаються «винайденням» і конструюванням нової мови.

По-друге, формою рекреації пруської мови є спроби її використання як мови електронних ЗМІ. На сучасному етапі «Prūsas Tāutas Prēigaga» [3; 6; 9] є єдиним нерегулярним електронним виданням на пруській мові.

По-третє, особливу роль у відродженні пруської мови грає її використання фольклорними гуртами, але, беручи до уваги те, що автентична пруська мова вимерла кілька століть назад, ці фольклорні гурти можуть бути визначені як «фейкморні», а їхні тексти – як новітні спроби винайдення традицій. «Romowe Rikoito» [13] і «Kūlgřinda» [14], литовські етно-музичні групи, періодично використовують пруську мову для виконання своїх пісень.

Ці три форми існування і побутування пруської мови (словник, нерегулярні тексти в електронних ЗМІ, «народна» пісня) фактично актуалізують штучний характер проекту, що свідчить про невизначеність перспектив його розвитку і подальшого продовження.

Висновки. Завершуючи статтю, до уваги необхідно приймати кілька факторів.

По-перше, активності лінгвістичних активістів, спрямовані на відновлення пруської мови, можуть аналізуватися в міждисциплінарній перспективі як частина націоналістичної уяви і винайдення традицій.

По-друге, спроби відновлення пруської мови можна сприймати як маргінальний випадок національного будівництва «нової» етнічної нації, хоча об'єктивні умови і передумови для цього процесу фактично відсутні.

По-третє, процеси рекреації пруської мови можуть бути описані як в рамках штудій націоналізму, так і сучасних Baltic Studies – тому лінгвістичні експерименти пруських мовних активістів цікаві в контекстах порівняльного вивчення балтійських мов і їх історії.

По-четверте, лінгвістичні активності пруських активістів мають альтернативний і, тому, маргінальний характер – корпус текстів на пруській мові обмежений, пруська мова не має активних користувачів протягом кількох століть і, тому, в цій ситуації концепції пруських активістів щодо граматики, синтаксису і лексики пруської мови є гіпотетичними.

По-п'яте, перспективи реального відродження пруської мови малоімовірні тому, що пруська мова не має активних носіїв, які використовують її регулярно, а групи, які ратували б за відновлення пруської державності фактично відсутні.

Тому, логічно припустити, що 1) «нова» пруська мова буде розвиватися як

лінгвістичний експеримент, 2) спроби відновлення пруської мови будуть цікаві або маргінальним національним активістам, або професійним філологам, які будуть використовувати «відновлену» пруську мову для перевірки своїх гіпотез і досліджень живих балтійських мов, і тому, 3) Інтернет стане основною і єдиною сферою її побутування і використання.

Список использованных источников

1. Палмайтис М.Л., Топоров В.Н. От реконструкции старопрусского к рекреации новопрусского // Балто-славянские исследования, 1983. М.: «Наука», 1984. С. 36 – 59.
2. Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. М.: Издательство «Наука», 1975 – 1990. Т. 1 – 5.
3. Aulaūwuns mackāļisks lingwists W. Iwanōws // Prūsas Tāutas Prēigara. 2017. Spallinas 8 d. [Электронный ресурс]. – URL.: <https://awizi.twanksta.org/nawwiniskai/aulauwuns-mackalisks-lingwists-w-iwanows/>
4. Dini P.U. Baltų kalbos. Lyginamoji istorija. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 2000.
5. Endzelīns J. Senprūšu valoda // Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1982. – 4. sēj. – 9. 351. lpp.
6. Gaudītjai: Archeolōgai aupallusis trins VI – I mettasimtas pirdau nūsan ēras wāisins // Prūsas Tāutas Prēigara. 2019. Sakkjas 18 d. [Электронный ресурс]. – URL.: <https://awizi.twanksta.org/nawwiniskai/gauditjai-archeologai-aupallusis-trins-vi-mettasimtas-pirdau-nusan-eras-waisins/>
7. Kaukienė A. Prūsų kalba. Klaipėda, 2002.
8. Klussis M. Словарь возрожденного прусского языка: прусско-русский, русско-прусский. Bāziskas prūsiskai-guddiskas wurdēins per tālaisin laksikis rekreaciōnin (Sembas dialakts). Institut Européen des Minorités Ethniques Dispersées, 2006. 409 p.
9. Leītawas sēims priki pēran “Romuva” // Prūsas Tāutas Prēigara. 2019. Sēmenjas 28 d. [Электронный ресурс]. – URL.: <https://awizi.twanksta.org/nawwiniskai/leitawas-seims-priki-ramawan/>
10. Mažiulis V. Prūsų kalbos istorinė gramatika. Vilnius, 2004.
11. Mažiulis V. Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1966 – 1981.
12. Palmaitis L. Baltų kalbų gramatinės sistemos raida. Vilnius: Šviesa, 1998. 353 p.
13. Peleckis M. Romowe Rikoito: prūsiškas neofolkas – iš vandens, tylos, kadagių dykros [Электронный ресурс]. – URL.: <http://www.ekspertai.eu/romowe-rikoitoprusiskas-neofolkas-is-vandenstyloskadagių-dykrosvideo/>
14. Strmiska M.F. Paganism-Inspired Folk Music, Folk Music-Inspired Paganism and New Cultural Fusions in Lithuania and Latvia // Handbook of New Religions and Cultural Production. NY. – L.: Brill, 2012. P. 349 – 398.

УДК 81.93

КРЫМСКАЯ ОНОМАСТИКА КАК ФАКТОР СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Р. Ф. Набиев,

доктор исторических наук, профессор кафедры государственно правовых дисциплин, Казанский институт МВД России, Казань

Г. Г. Тазеев,

кандидат филологических наук, доцент кафедры языковедения и иностранных языков, Казанский юридический институт МВД России, Казань

Аннотация. В представленной работе, мы акцентируем внимание на нескольких топонимах, характеризующих социум болгарского и татарского периода.

Цель исследования – выявить специфику топонимов, раскрывающих некоторые особенности крымско-татарского общества. Наиболее хорошо представлены и имеют прозрачную семантику топонимы, обусловленные родо-племенной структурой общества крымских государств (мангыт, керит, кыпчак). Научная новизна нашего исследования обеспечивается тем, что даже небольшая часть крымской ономастики способна дать значительный объем информации об общественном строе и социальных институтах татарского общества периода Крымского ханства.

Ключевые слова: ономастика, топоним, социум, крымско-татарский, соционим, оружейное производство, котел-казан, пушка, сталь.

Summary. In this paper, we focus on several toponyms that characterize the society of the Bulgarian and Tatar period.

The purpose of the study is to identify the specifics of the place names revealing some features of the Crimean-Tatar society reflected in toponyms.

The toponyms of the ancestral-tribal structure of the society of the Crimean states (mangyt, kerit, Kipchak) are the most well-represented, with transparent semantics.

The scientific novelty of our research is ensured by the fact that even a small part of the Crimean onomastics is able to give a significant amount of information about the social system and social institutions of Tatar society during the Crimean Khanate period.

Key words: onomastics, place name, society, Crimean Tatar, socio, weapons production, cauldron, cannon, steel.

Благодаря вниманию ученых к истории Крыма, ни для кого не является секретом, что полуостров с древнейших времен является перекрестком торговых путей и территорией постоянных контактов множества народов. Многие из них оставили следы в ономастике Таврии, зафиксировав не только факт исторического проживания на данной территории, но и особенности национальных приоритетов. Более того, ряд сохранившихся топонимов позволяет сделать выводы об особых чертах социума, характерных для времени их создания. Это не только национальные черты, но и профессиональные, культурные и экономические признаки общества.

Например, колхозно-аграрные, прибрежно-рыбачьи, пограничные и санаторные названия сел и местечек вполне очевидно раскрывают приоритеты советского периода в данном регионе. Однако, отметим, что часть из них уже непонятна современной молодежи. Как правило, это названия, связанные с идейно-политическими акцентами советского общества. Можно отметить, что работа по их систематизации и этимологизации в интересах будущих поколений уже назрела.

В данной работе, мы обратим внимание на несколько топонимов, характеризующих социум болгарского и татарского периода.

Как люди, имеющие отношение к науке, мы с сожалением должны отметить, что многие населенные пункты были переименованы в российское и советское время. При этом, конечно, учитываем, что это неизбежный процесс при любой смене господствующего этноса.

В свете заявленной темы мы попытаемся выявить несколько топонимов, раскрывающих некоторые особенности крымско-татарского общества, нашедшие отражение в топонимии. Наиболее хорошо представлены и имеют прозрачную семантику топонимы, обусловленные родоплеменной структурой общества крымских государств (мангыт, керит, кыпчак). Эту тематику периодически затрагивают ученые, она вполне доступна для исследователя даже с небольшой подготовкой, но основная работа, конечно, ещё впереди. Хотелось бы отметить в этом контексте лишь вопрос о казаках. Русско-украинское восприятие этого соционима и топонима связывает его со славянским населением, однако это отчасти верно лишь для последних двух-трех столетий. Термин этот, имеющий монгольское

происхождение, получил распространение в западной части Евразийских степей во времена Империи Джучидов («Золотой Орды»). Поэтому сопоставление русского названия *Казачье* и прежнего – *Киргыз-казак* (Приморский район), а также *Таш-казак-конрат* (влиятельный среди всех степных народов род *кунграт*) ведет к прежнему значению термина ‘кочевник’. Именно это значение сохранили за этим словом легенды Крыма [1]. Наиболее вероятно появление этого топонима во время перевода кочевников из восточноевропейской степи к оседлому образу жизни крымскими ханами.

В плане социальной стратификации и особенностей тюрко-исламской юриспруденции привлекают внимание такие названия, как (малый) *Тархан*, (*Казанки*) *вакуф*, *Карача-орлюк*...

Населенные пункты с названием *Тархан* встречаются по всей территории татарских государств. Звание тархана, героя, освобожденного от всех налогов, могли давать правители разных рангов, освобождая от своей доли налогов и обязательств. Например, Московский князь мог освобождать своих подданных от своих налогов, а Великий хан – от всех налогов и от наказаний за девять смертных преступлений.

Также в Крыму были села, содержащие в своем названии термин *вакуф* (*Вакуф Джамбулду*, *Казанки-вакуф*). Согласно исламскому законодательству, объекты, доходы с которых шли на благотворительность и религиозные цели, также освобождались от налогов. Интересно, что этим же правом пользовалась и русская церковь, и что впоследствии церковники неоднократно вспоминали данный факт и попрекали Московских царей за их фискальную политику. В тюркских государствах существовали привилегированные должности с высоким статусом *карачи*. Вероятнее всего, именно статус бывшего владельца отражает название села *Карача-Орлюк* (Козловка). Название *Беш-Ходжа* означает, что в этом селе проживало пять крупных ученых-богословов. Известно, что временами Крым стал центром восточноевропейской науки. Также были названия поселений каменщиков, земледельцев...

На наш взгляд особое внимание следует обратить на металлургические и военные названия, характеризующие оружейное производство (и сообщества оружейников) Крымского ханства. Например, с. *Темир-Булат*, которое получило адекватный русский перевод *Железновка*, *Булатчи* – изготовители стали, *Казанчи* – изготовители котлов-казанов (но возможны и другие варианты перевода) в Новоселовском районе.

Наибольшее внимание авторов привлекают мастера огнестрельного дела. Уже не одно столетие известно, что Европа получила огнестрельное оружие от монголов и татар. Поэтому особый интерес для мировой истории представляют села оружейников: *Топлы* (Пушечное)¹ в Старокрымском районе, в ТУАК сохранились сведения об обнаружении пяти «татарских чугунных пушек» «в деревне *Топчикой*»² (ныне Долинное). Здесь, судя по названию³, можно искать один из центров пушечного литья.

Молодой исследователь З.Р. Набиева в своих работах акцентирует внимание на крымскотатарский род под фамилией *Топчи*. По сведениями Шафики Абдурамановой,⁴ они, действительно, считались оружейниками и проживали в поселке Шума (ныне Кутузовка). Примечательно, что село расположено у перевала через гору *Тимерджи* (*Тимерче*) – ‘железная’, с которой к Алуште стекает речка *Тимерджи*. Таким образом, при помощи компаративистики (правда, в сочетании с археологическими находками) было выявлено три центра оружейного производства.

1 Русское название *Топлевка* говорит о том, что новопоселенцы не понимали татарского языка. Носители суржика явно дали названия по созвучию

2 Протоколы ИТУАК. 1898. № 28. С. 193.

3 *Тупчи* (тюркск.) — пушкарь, *тупчи-баши* (бухарск.) — начальник артиллерии

4 Шафика Абдураманова — научный сотрудник Симферопольского крымско-татарского этнографического музея.

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что даже небольшая часть крымской ономастики способна дать значительный объем информации об общественном строе и социальных институтах татарского общества периода Крымского ханства.

Список использованных источников

1. Легенды Крыма - Симферополь: Крымиздат, 1961. 246 с.
2. Протоколы ИТУАК // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1898. № 28. С. 193.
3. Набиев Р. Ф. Новые данные о первых пушках в Европе // Основные направления совершенствования учебного процесса... Сборник научн. докл. 21 конф. КФВАУ МО РФ. Казань, 2002. С. 78–81.
4. Набиев Р. Ф., Елизарова А.Ю. Средневековая татарская пушка из экспозиции Феодосийского музея древностей: Конференция – 5 Феодосийские чтения. 23-24.05.19. Феодосия: МБУК ФМД, 2019. С. 169–172.
5. Татарско-русский и русско-татарский словарь. Сост. Ф. С. Сафиуллина: Изво «Тарих». – Казань, 2002. 576 с.

УДК 808.1

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОМАНА А. БЕРДЖЕССА «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН»

И. Ю. Павловская,

*доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков
и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье представлен фоносемантический анализ романа английского писателя Энтони Берджесса «Заводной апельсин», впервые изданного в 1962 г., но не потерявшего свою актуальность и сегодня в связи с уникальным лингвистическим оформлением текста и философскими рассуждениями автора о свободе воли и насилии. Фоносемантический анализ романа преследует цель выяснить, какую роль выполняет фоносемантическая сущность языкового знака в письменных видах речевой деятельности, кодировании и декодировании звуко-смысловых связей писателем и читателем через письменный текст крупной формы — роман. Эта задача решается методами лексикологического анализа психолингвистического эксперимента, статистического анализа.

Ключевые слова: фоносемантика, Э. Берджесс, фоностилистика, звукоизобразительная лексика, психолингвистический эксперимент.

Summary. The article presents a phonosemantic analysis of the novel «A Clockwork Orange» by an English writer Anthony Burgess, first published in 1962, which has not lost its relevance to-day due to the unique linguistic design of the text and in connection with the author's philosophical arguments about free will and violence. Phonosemantic analysis of the novel aims to find out what role the phonosemantic aspects of the language play in written types of speech, in the encoding and decoding sound-semantic associations by the writer and the reader through a written text of a large format. This problem is solved by the methods of lexicological analysis, psycholinguistic experiment, and statistical analysis.

Key words: phonosemantics, A. Burgess, phonostilistics, sound-iconic vocabulary, psycholinguistic experiment.

1. Введение

В современном мире фоносемантика заняла свое, пусть небольшое, место в языкознании, опираясь на сведения истории, философии, психологии, палеоло-

гии, когнитологии, психолингвистики, нейрофизиологии. Ввиду бурного развития всех видов передачи информации, еще один канал, непосредственная передача смысла через звук, минуя какие-либо лингвистические построения, безусловно, привлекает к себе внимание. Продолжаются исследования на материале художественных произведений [7,8,9]. Наибольший интерес представляют труды, находящиеся на стыке лингвистики, психолингвистики и когнитивной неврологии и изучающие проявления синестезии в языке и речи [14, 15, 19, 20, 22, 23, 24].

В настоящей статье раскрывается одно из современных учений фоносемантики, а именно, коммуникативная фоносемантика, положения которой гласят:

1. В речевой деятельности человека существуют прямые ассоциативные связи между звуком и значением, независимо от двусторонних единиц языковой системы.

2. Фоносемантические явления универсальны и обусловлены единством психофонетической базы речевой деятельности человека и синестезии как основы звукоизобразительности.

3. Культурно-национальные особенности реципиентов могут оказывать влияние на восприятие «фонетического значения» [4,5] (звуковой символики) благодаря различию фонологических систем и культурологическому узусу.

4. Носителями «фонетического значения» могут быть единицы звукового строя языка любого уровня — дифференциальные признаки фонем или их комбинации, фонемы, аллофоны, фонестемы, морфемы, слова, высказывания, тексты, — как в устной, так и в письменной форме

5. «Фонетическое значение» осознается реципиентом при условии, что существует гармония между смыслом сказанного или написанного (текста в широком смысле) и формой этого сказанного или написанного.

6. Восприятие «фонетического значения» обостряется при наличии особых условий, при которых привычные системные семантические закономерности затемняются или отходят на второй план, а именно: а) в детской речи и в речи, обращенной к детям; б) в экспрессивной и художественной речи, рассчитанной на устное восприятие; в) в иноязычной устной незнакомой или малознакомой речи.

7. Фоносемантические закономерности наиболее достоверно выявляются при сочетании психолингвистического эксперимента со следующей математической обработкой данных по статистическим законам и широкого филологического анализа с привлечением данных смежных наук (литературоведения, этимологии, психологии, нейрофизиологии,)[6, стр. 9].

Роман Э. Берджесса «Заводной апельсин» как нельзя лучше отвечает всем трем условиям проявления фоносемантической сущности речевого сигнала:

а) в нем присутствуют элементы примитивной речи («baby talk»), где образные средства выражения превалируют над абстрактными;

б) особое внимание уделяется экспрессивности и эмотивным средствам;

в) в романе присутствуют иноязычные слова, непонятные или малопонятные читателю.

Факт того, что роман является формой письменной, а не устной, где воспринимается собственно звук, не меняет дела. Письменная форма, являясь вторичной по отношению к звуковой форме, изначально была предназначена для перекодирования сигналов одной сенсорной модальности — акустико-аудитивной — в другую визуальную, так что письменный знак синкретичен, звукосимволичен уже сам по себе. Кроме того, когнитивный механизм чтения включает фазу внутреннего проговаривания слов, таким образом акустический их образ в восприятии читателя сохраняется: «Механизмы внутренней речи подключают ту или иную степень артикуляции при опознании иноязычных слов, и слово как звуковой стимул может восприниматься как непосредственно, через слуховой канал, так и опосредованно, через внутреннее озвучивание визуально предъявляемого текста» [17, стр. 75].

Фоносемантический анализ романа преследует цель выяснить, какую роль выполняет фоносемантическая сущность знака в письменных видах речевой деятельности, кодировании и декодировании звуко-смысловых связей писателем и читателем через письменный текст крупной формы — роман.

Своеобразие романа «Заводной апельсин» заключается прежде всего в совершенно уникальном умении автора отразить звуковую сторону языка, которая используется и в целях построения композиции романа, и в целях характеристики образа мысли действующих лиц.

Философские проблемы в романе решаются при помощи композиционного построения, системы образов, стилистических и лингвистических средств.

2. Фоносемантический компонент в романе

Своеобразие текстовой материи романа позволяет выделить следующие фоносемантические особенности.

1. Желая передать специфику речи хулиганов, Берджесс сначала хотел использовать обычный для того времени молодежный сленг, но он понимал, что сленг достаточно быстро устареет, а ему не хотелось, чтобы его роман устарел. В России он услышал речь стилига 60-х годов, изобиловавшую вставными англоязычными выражениями, и решил использовать этот прием, вложив в уста своих антигероев жаргон, который он назвал «Nadsat Language» — язык тинейджеров, состоящий из 251 слова (97 слов — русского происхождения, например *bezoomny, bratchny, collocoll* и др.). Слова в тексте написаны латиницей, смысл их не расшифровывается, поэтому особое внимание читателя сосредоточено на том, чтобы а) их правильно прочитать/произнести и б) догадаться об их значении. Таким образом, фонетическое значение приобретает в них ведущую роль, и лишь позднее, по контексту, оно сверяется с истинным лексическим значением.

Кроме русских слов в глоссарий *Nadsat Language* автор включил слова цыганского происхождения, а также экспрессивные жаргонные выражения с различной мотивировкой:

а) с метонимическим переносом:

«*cancer*» — сигарета (метонимический перенос со следствия на причину: раком заболевают от курения);

«*fist*» — поколотить (от «кулак»);

«*horn*» — «трубить», кричать о помощи (акустическая синестема); «*in-out-in-out*» — половой акт (кинестетическая синестема);

«*luscious glory*» — волосы («слава сластолюбца»);

«*mounch*» — закуска (от «жевать») (кинестетическая синестема);

«*pan-handle*» — эрекция (визуальная синестема);

«*plosh*» и «*plodge*» — всплеск (ономатопы);

«*sharp*» — женщина (от «острый») (тактильная синестема);

«*snoutie*» — табак (от «нюхать») (обонятельная синестема);

«*firegold*» — «золотой огонь» (выпивка) (визуально-тактильная синестема);

б) с добавлением суффиксов детского языка (*baby-talk*):

«*appy polly loggy*» — извиняться (от *apology*);

«*baddiwad*» — «плохиш» (от «*bad*»);

«*eggiwcg*» — «яйко» (от «*egg*»);

«*guttiwuts*» — «нутро»;

«*jammiwam*» — «вареньичко» (от «*jam*»);

«*sinny*» — «киношка» (от «*cinema*»);

«*scholliwoll*» — «школка» (от «*school*»);

в) с фонетически созвучными условными наименованиями:

«*Charles, charlic*» — or «*chaplain*» — священник;

«filly» — от «play or fool with» — дурачить;
«guff» — от «guffaw» — грубый хохот, гогот;
«sarky» — от «sarcastic» — саркастический,
«striking» — от «scratching» — скрести.

d) условные аббревиатуры:

«pee and em» — по первым буквам «папа и мама» родители (игра слов: MP «member of parliament» — общепринятая аббревиатура: член парламента);

«staja» — от «State jail» — государственная тюрьма;

«synthemese», «vellocet», «drencrom» — названия наркотиков, имитирующих фармацевтические аббревиатуры;

e) сочетания русских и английских корней:

«hen-korm» — куриный корм;

«oddy knocky» — одинокий, игра слов: oddy — странный, knocky драчливый;

К словам нерусского происхождения следует, по-видимому, отнести:

«cutter» — деньги; «shlaga» — клуб;

«dung» — испражняться; «sod» — вступать во внебрачную связь;

«golly» денежная единица; «tash took» — носовой платок;

«nazz» — дурак; «tass» — чаша;

«polyclef» — отмычка; «vausay» — ванная;

«shilarny» — забота; «yahoodies» — евреи.

«shive» — кусок;

С другой стороны, по свидетельству автора, прообразом Nadsat Language служил и сленг английских «молодых маргиналов» — группировок рокеров, «Teddyboys», «Mods». Поэтому стилистический прием Берджесса имел еще и политическую подоплеку — обрушить железный занавес и создать аргю из комбинации жаргонов двух политически самых влиятельных культур в мире — англо-американской и русской [16]. Судя по активному засорению русского языка англицизмами, это ему удалось.

Однако помимо хулиганского аргю, Берджесс вкладывает в уста своих антигероев и библейские изречения, и шекспировские цитаты, и тонкую языковую игру. Когда Алекс и его друзья встречаются со своими жертвами, которые не говорят на их надцатовском языке, их речь звучит бравурно-возвышенно. Когда хозяин дома, куда врывается банда, вопрошает: «How dare you enter my house without permission!», — он слышит в ответ: «Never fear. If fear thou hast in thy heart, O brother, banish it forthwith» [Как высмеете врываться в мой дом? - Не бойся, о, брат мой. Страх в твоём сердце достоин кары]. Как пишет Джоунз: «Alex uses bolshy horrorshow words to aestheticise his violence» [18] [Испытывая эстетическое наслаждение от своих садистских наклонностей, Алекс облакает их в «большие хорошие» слова» (Здесь и далее перевод мой. — И.П.)].

2. Второй особенностью языка романа является обилие звукоподражаний. Всего их насчитывается 103 с многочисленными повторениями на каждой странице. С одной стороны, звукоизобразительность живо рисует происходящие события, например, «the door went queeeeeeeak» — дверь заскрипела. Но, с другой стороны, явный перевес в сторону образно-конкретного мышления над абстрактно-логическим говорит о примитивности и ограниченности сознания героев. Их речь близка к речи детей, например: «it was gorgeosity and yumyumyum». Ономатопы, употребленные в романе, легко поддаются классификации по принципу звукотипов С.В. Воронина.[3]. Приведем некоторые примеры таких классов.

I класс — инстанты (удары):

«I could slooshy the clack clack clackity clack clack clackity clackclack»; «to clack a plate»; «my heart going bar bar bar»; «my heart was going clopclopclop with like

excitment); «the old baboochka's nogas going flip-Пап in the Hip-Пап slippers»; «he went bubble bubble bubble»; «odd blurp blurp»; «flash bulbs going pop pop all the time».

II класс - континуанты (длящееся слитное тоновое или шумовое звучание):

«pull his shlem off his gulliver and go haw haw haw»; «you wind it up orrr orr огг»; «my stomach growled orrrr all the time»; «I cried lor myself hoo hoc hoo»; «so 1 went arghhhh»; «a baby gliding goo goo goo»- «my em boohooing»; «haw haw haw goloss»; «me belching arrrrgh on the cold coke I'd pected»; «a clocony big hohohohoho»; «chain snaking whisssshhh»; «these mewng sidders going maaaaaaa for moloko»; «with the old lapa and ptaaaa and griss and kraaaaark»; «he went hauwwwww hauwwwww hauwwwww like a doggie»; «Dim went aaaaaarhgk»; «I let die simple music for organ only come belting out with growwwowwwww»; «teeheeheeing Jap torturers».

III класс — фреквентативы (быстрая последовательность серии ударов):

«he went crash crash on to the floor»; «my gulliver going throbb throbb throbb»; «a britva go rip rip rip»; «crunch crunch crunch went the key in the lock»; «gazetta vecks went scribble scribble scribble»; «a fire going crackle crackle within»; «we sat down to the old crack crack crack eggs and cracle crunch crunch of this black toast»; «the old krovvy drip drip drip»; «a nozh scrap».

Как видно из представленных примеров, автор широко пользуется приемом редупликации и всевозможных повторов. Повторяются звуки, слоги, слова, фразы. Это создает впечатление сбивчивой, бестолковой, заикающейся речи. Иногда навязчивой мысли. Причем количество редупликаций увеличивается к середине романа, когда главный антигерой подвергается «лечению» и почти теряет разум. Помимо приведенных выше примеров редуплицируемых звукоподражаний, например:

The devotchka who was still creech creech creeching Georgie going lurch lurch lurch with his shining nosh, встречаются параллельные конструкции типа:

One moment of pain, perhaps, and then sleep for ever and ever and ever. Go away. Go away or I shoot.

Своеобразным зачином звучит первая фраза романа «What's it going to be then, eh?», повторяющаяся в начале каждого композиционного раздела и подчеркивающая динамизм повествования.

3. Третьей особенностью языка романа является широкое употребление фоно-стилистических средств — аллитераций, ассонансов, звукоизобразительных слов, которые преследуют цели: а) достижения эвфонии; б) создания звуковых образов; в) передачи настроения общей эмоциональной гаммы. Характерно, что все стилистические средства тесно сплетены друг с другом в тексте романа: редуплицированными оказываются ЗИ слова, в параллельных конструкциях используются аллитерации и ассонансы, например: «Millicents were coming with pooshkas pushing out of the police-auto-windows at the ready» [Менты уже катили, пушки на прицеле дулами из окон] В предложении присутствует звукоряд «pooshkas pushing out of the police» с выдвинутым звуком /p/. По экспериментальным данным звук /p/ для англичан имеет символическую характеристику «неприятный». Отрицательная коннотация широкого контекста, предчувствие угрозы усиливается этим фонетическим значением, резонируя смысл. Но кроме аллитерации /p/ в этом примере присутствует иноязычное слово «pooshkas» (пушки) со звукоизобразительным компонентом /push/ — редуплицированным в следующем непосредственно за ним слове «pushing».

Или в другом примере:

«I still felt shagged and fagged and fashed and bashed» [Я всё еще чувствовал себя как зачуханный чурка, заросший отморозок]. Во-первых, в предложении ас-

сонирует звук /a/. Эта фонема воспринимается чаще всего как «грубая», «неприятная», что соответствует общей коннотации фразы. Кроме того, в ней параллельно повторены конструкции «shagged and fagged» и «fashed and bashed», внутри которых, помимо ассонанса, наблюдается еще и консонанс, что в целом создает рифму. При этом автор избирает 3И слова: «bashed».

Таким образом, в тексте романа соблюдены все три условия установки на восприятие фонетического значения.

1. Используется примитивный язык людей, по своему психическому состоянию мыслящих на уровне детей или слаборазвитых народов.

2. Описываемые в романе ужасные сцены насилия настраивают читателя на особо острое восприятие неприятных звуков, используемых при условиях высокой тесноты звукового ряда.

3. Читатель сталкивается в каждом абзаце с иноязычными словами, смысла которых он не понимает, поэтому внимание его приковывается к звуковой форме, он ее неизбежно проговаривает, по крайней мере внутренне.

3. Психолингвистический эксперимент по восприятию языка романа

Гипотеза эксперимента, построенного по принципу семантического дифференциала Ч. Осгуда [21], состояла в следующем. Поскольку иноязычные слова, вкрапленные в текст романа с помощью жаргона антигероев, представляют собой необычные для носителей английского языка сочетания фонем и скорее всего им не знакомы, они будут создавать дополнительные трудности и дискомфорт в восприятии читателей. Это вызовет негативную реакцию и неприятные ощущения. Поэтому стимулы Nadsat будут опознаны как более неприятные в сравнении с их английскими эквивалентами. В качестве стимулов было отобрано 59 слов из языка Nadsat. В качестве испытуемых выступали носители английского языка, британского варианта (10). Информанты-испытуемые оценивали слова по шкале «приятный — неприятный», исходя из 3-х баллов с допущением дробных оценок — 2,5 и 1,5. Информанты заносили свои оценки на опросный лист, указывая порядковый номер карточки и оценку слова. Например, 1-2,5, где 1 — номер карточки, 2,5 — оценка слова. Испытуемым были даны подробные инструкции. Обработка полученных данных велась методом нахождения медианы. Было получено 1180 ответов информантов (590 оценок слов Nadsat и 590 оценок английских эквивалентов). Из них выведено 118 медиан — оценок, сведенных в таблицу. Оценки распределились следующим образом.

«Неприятных» слов в языке Nadsat на 22% больше, чем в английских эквивалентах, «приятных» — на 11% меньше.

При попарном сравнении каждого Nadsat слова и его эквивалента выяснилось, что в 31 случае (53%) Nadsat-слова воспринимаются как «более неприятные», в 17 случаях (27%) как «более приятные», в 11 случаях (20%) — одинаково нейтральные.

Таким образом, эксперимент показал, что, действительно, иноязычные слова языка Nadsat воспринимаются английскими читателями как более неприятные, чем родные английские эквиваленты.

4. Проблема перевода фоносемантических средств в романе

Каким образом переводчики справляются с нелегкой задачей передачи всей описанной выше игры звуков в романе? Обратимся к двум переводам, выполненным В. Бошняком [1] и Е. Синельниковым [2]. Само название романа в тексте оригинала происходит от идиоматического оборота языка кокни с аллитерированным /k/: «queer as a clock-work orange» — странный, как заводной апельсин. «Заводной апельсин» — это опыт приложения механистичных павловских условных рефлексов к живому непостижимому человеческому сознанию. Путешествуя

по Малайзии, Берджесс узнал, что на местном наречии «человек» звучит как «orang» (отсюда — оран-гутан), а множественное число образуется, как во многих примитивных языках, путем удвоения корня — редупликацией — «orang-orang». В слове «orange» воплотился и этот скрытый смысл. В переводе он отсутствует.

Не случайны в романе и имена. Антигероя зовут Алекс, сокращенное от «Alexander» — что значит «защитник людей» (с греческого). На самом деле Алекс — хулиган и убийца. Корень «lex» (закон) — обозначает анархическое начало Алекса как носителя внутреннего закона в себе, а первый звук имени «а» — отрицание этого закона «a-lex». Кроме того, все имена шайки хулиганов — Алекс, Георгий, Петя и Дима исходно русские. Русским же именем обладает еще один персонаж — тюремный врач доктор Бродский, проводящий опыты над заключенными по выработке павловских условных рефлексов. Кроме того, имя «Dim» носит самый тупой, грубый и неповоротливый из хулиганов, что великолепно передается и звуковым комплексом «dim» (сравните идиоматическое выражение «Dumb Dora» — с аллитерацией d — дурочка Дора, и самим значением слова «dim» (тёмный туманный)).

В переводе В. Бошняка приятелей зовут Алекс, Пит, Джорджик и Тем. Такой подбор следует признать удачным, так как в нем сохранен

и легкий налет иностранщины, и звукоизобразительность в имени Тём («Тём был и в самом деле парень тёмный»). У Е. Синельщикова же эта звукоизобразительность полностью уничтожается царственно-величественным именем Кир, хотя автор и пытается ее снизить в ассонансе «Кирилла-дебила».

Особый интерес представляют способы перевода языка Nadsat.

В. Бошняк использовал следующий прием перевода языка Nadsat:

Русскоязычный сленг передан латиницей. Например, «под звуки И.С. Баха я стал гораздо лучше ponimatt...», «Корова — это было zavedenye». Некоторые такие слова встречаются и у Берджесса. Это tshai, bezumni, tshelovek, kritsh, devotsbka, toltshok. got и др., хотя написание их слегка отличается. Следует отметить, что переводчик использует свой сленг не каждый раз, когда он есть в оригинале. Кроме того, он добавляет его в те или иные места по своему усмотрению. Строго говоря, такой язык вряд ли можно назвать сленгом в большинстве своем это самые обычные слова, только выделенные латиницей. Все они легко узнаваемы, за исключением одного-двух слов, таких как, например, vek — человек, kashka — старикашка.

Е. Синельщиков выбрал способ зеркального отражения приема, примененного автором, — он использовал англоязычные слова в транслитерации кириллицей — и в фонетической и грамматической адаптации к русскому строю речи, например:

«Я и мои Фрэнды который раз заканчиваем по четвертой поршн. Покеты у нас полны мани, так что отпадает наш обычный эмьюзмент трахнуть но хэду или подрезать какого-нибудь папика и уотч, как он будет снимать в луже собственной блад и юрин, пока мы чистим его карманы». Такой жаргон очень похож на модный говорок «золотой молодежи» 60-х гг., который Берджесс услышал в Ленинграде. Особенно гротескно он звучит сегодня, когда русский язык все больше и больше засоряется ненужными англоязычными заимствованиями.

Зеркальный перевод иноязычных выражений предполагает ситуацию, когда русский читатель не владеет английским языком. Но такая ситуация среди читателей романа в России вряд ли возможна, тем более что на таком сленге выросло уже не одно поколение советских людей. Мы подчеркиваем советских, так как этот перевод был напечатан в 1991 г. еще в СССР, и такой сленг появился сначала у стилига в конце 50-х с оттепелью и постепенно изменялся и развивался среди других молодежных течений, таких как хиппи, рокеры и т. д. В настоящее время молодое и среднее поколение все чаще вставляют в свою речь английские слова.

Целью одного из наших экспериментов было уточнить, имеет ли текст переводов воздействие на читателя, аналогичное тексту оригинала.

Для оценки восприятия слов снова обратимся к информантам, носителям русского языка. Был проведен эксперимент с использованием переводов В. Бошняка и Е. Синельщикова. Так же, как и ранее, информантам был предложен комплект карточек с жаргонными словами, примененными В. Бошняком, с их русскими эквивалентами, *stsiias*, *щас* и т.д. Слова оценивались по 5-балльной шкале «приятный — неприятный». Аналогичная процедура была проделана с набором иноязычных слов Е. Синельщикова, где на карточках было: брэкфаст, завтрак и т.д. Причем, иноязычные слова и русский эквивалент размещались на разных картах и предъявлялись в случайном порядке. На этот раз была выбрана 5-, а не 3-балльная шкала ввиду того, что фонетическое значение русских звуков в труде А.П. Журавлева дано по 5-балльной шкале (1974).

Было опрошено всего 11 человек: 5 мужчин (45%) и 6 женщин (55%) (табл. 16). Минимальный возраст 15, максимальный — 65, средний возраст — 26 лет. Все жители Санкт-Петербурга, для всех родным языком является русский, у 9 (82%) образование или высшее или неполное высшее. В целом информанты по возрасту, образованию, соотношению мужчин и женщин, общему количеству соответствуют группе английских информантов, участвовавших в эксперименте.

По переводу В. Бошняка информантами было оценено 31 слово в двух своих вариантах: 1) в написании латиницей, 2) в написании кириллицей. В 7 случаях (23%) русский эквивалент, написанный латиницей, был оценен как более «приятный» и в 15 случаях (48%) точно так же, как родное слово, написанное кириллицей. То есть применение латиницы не дало заметного увеличения неприятного воздействия на читателя.

По переводу Е. Синельщикова было оценено 51 слово и его русский эквивалент. В 15 случаях (29%) иноязычные слова воспринимались как «менее приятные», в 15 случаях (29%) как «более приятные» и в 21 случае (42%) одинаково со своим русским эквивалентом. Это позволяет сделать вывод, что прием Е. Синельщикова также не способствовал созданию более неприятного впечатления.

Таким образом ни перевод В. Бошняка, ни перевод Е. Синельщикова не могут считаться адекватными в части передачи сленга подростков на русский язык, ввиду неспособности оказывать определенное негативное впечатление на читателя, которое, несомненно, оказывает сленг оригинала.

При выполнении перевода художественного произведения на русский язык переводчику необходимо находить не только подходящий по смыслу эквивалент, но и учитывать воздействие на читателя его звуковой формы.

Более пристальное внимание переводчиков к фоносемантическим средствам могло бы значительно обогатить текст перевода оттенками смысла, передачей настроения и общего тембра художественного произведения.

5. Заключение

Фоносемантический анализ романа Энтони Берджесса «Заводной апельсин» показывает, что автор не случайно использовал в тексте фоносемантические и фоностилистические средства. Лексикологический анализ и психолингвистические эксперименты подтвердили гипотезу о том, что ономотопы с различным фонетическим составом, аллитерации, ассонансы, консонансы, параллельные конструкции, иноязычные слова, малознакомые и неудобопроизносимые для англоязычных читателей — все направлено на то, чтобы вызвать у читателя отвращение к антигероям романа, усилить негативные характеристики их действий, создать дискомфорт от подсознательного восприятия звукописи, умело выстраиваемой автором. Попытки воссоздать эту звукопись в переводах на русский язык пока не достигли эквивалентного оригиналу эффекта.

Список использованных источников

1. Берджесс Э. Заводной апельсин / перевод с английского В. Бошняка. Л., 1991.
2. Берджесс Э. Заводной апельсин // журнал «Юность» № 3-4 / перевод с английского Е. Синельщикова. М., 1993.
3. Воронин С.В. Основы фоносемантики. М., 2006.
4. Журавлев А.П. Звук и смысл. М., 1991.
5. Журавлев А.П. Фонетическое значение, Л., 1974.
6. Павловская И.Ю. Фоносемантический анализ речи. СПб, 2004.
7. Павловская И.Ю. Фоносемантические средства в поэзии и музыке (на материале рок-оперы «Иисус Христос - суперзвезда») Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 5 (74). С. 107-112.
8. Павловская И.Ю. Фоносемантический анализ некоторых произведений английской детской художественной литературы и их перевода на русский язык // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 7. № 4. С. 195-203.
9. Павловская И.Ю. Средства звуковой аттракции в художественном аудиотексте // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 7. № 1. С. 72-82.
10. Павловская И.Ю., Седёлкина Ю.Г., Ткачева Л. О., Наследов А.Д.
11. Психосемантическое исследование визуального восприятия иноязычной звукоизобразительности искусственными билингвами – лингвистический аспект // «Вестник Томского Государственного Педагогического Университета», № 4, 2018г. (март), С.147-153 DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-147-153
12. Павловская И.Ю., Седёлкина Ю.Г., Ткачева Л. О., Наследов А.Д. Возможные когнитивные механизмы опознания визуально предъявляемых звукоизобразительных слов английского языка русскоязычными искусственными билингвами // Вестник тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология, 2017, № 4 ISSN (печатное издание): 1999-4133 Серия Педагогика и психология С. 86-93 http://psychology.tversu.ru/websites/24/ckeditor_assets/attachments/2686/2017-4_Вестник_РГУ.pdf
13. Ткачева Л.О., Павловская И.Ю., Седёлкина Ю.Г., Наследов А.Д. Исследование опознания звукоизобразительных слов английского языка с использованием методики «лексическое решение» // Science, society, progress: Proceedings of articles the international scientific conference. Czech Republic, Karlovy Vary - Russia, Moscow, July 29-30, 2017 [Electronic resource] / Editors prof. M.V. Dubovik, S.D. Gurieva, A.K. Adamov, Ju.B. Mel'nikov. – Electron. txt. d. (1 файл 4,4 MB). – Czech Republic, Karlovy Vary: Skleněný Můstek – Russia, Kirov: MCNIP, 2017. – 1 elektr. opt. drive (CD-ROM). - ISBN 978-80-7534-148-8 + ISBN 978-5-00090-124-3.- 3.264-270
14. Abramova E., Fernandez R., Sangati F. Automatic labeling of phonesthemic senses // 35th Annual Meeting of Cognitive Science Society (CogSci 2013): Cooperative Mings: Social Interaction and Group Dynamics. Berlin, Germany, 2013. P. 1698]; Drellishak S. Statistical Techniques for Detecting and Validating Phonesthemes. University of Washington. Seattle, WA. 2006. P. 38]; Sadowski P. The Sound as an Echo to the Sence. The Iconicity of English gl-Words // The Motivated Sign. Iconicity in Language and Literature 2. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 69-88]
15. Berlin B. Evidence for pervasive synaesthetic sound symbolism in ethnozoological nomenclature // Sound Symbolism / Eds. L Hinton., J. Nichols, J. Ohala. New York: Cambridge University Press. 2006. 379p. - P. 77-93.]. [Brown R. W., Black A. H., Horowitz A. E. Phonetic symbolism in natural languages // Journal of Abnormal Psychology. 1955. № 50(3). P. 388-393; Klank L., Huang Y.-H., Johnson R. Determinants of success

in matching word pairs in tests of phonetic symbolism // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1971. № 10. P. 140-148].

16. Burgess A. A Clockwork Orange: A Play with Music. London, 1987.

17. Guerrero M. C. M. de Inner Speech - L2: Thinking Words in a Second Language, Springer, 2005, 251p.

18. Jones J. This book wrecks lives: Just ask that poor Mr. Kubrick// The Guardian, 1998, February.

19. Kunihiro S. Effects of the expressive voice on phonetic symbolism // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1971. №10 (4), P. 427–429. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0022-5371\(71\)80042-7](http://dx.doi.org/10.1016/S0022-5371(71)80042-7)].

20. Lockwood G., Dingemans M. Iconicity in the lab: a review of behavioral, developmental, and neuroimaging research into sound-symbolism. Language Sciences // Frontiers in Psychology. 2015. №6. DOI: <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01246> (дата обращения 6.08.2017)].

21. Osgood Ch., Suci G., Tannenbaum P. The Measurement of Meaning. Urbana, 1951.

22. Ramachandran V., Hubbard E. M. Synaesthesia – A window into perception, thought and language // Journal of Consciousness Studies. 2001. № 8(12). P. 3-34.

23. Revill K. P., Namy L. L., DeFife L. C., Nygaard L. C. Cross-linguistic sound symbolism and crossmodal correspondence: Evidence from fMRI and DTI // Brain and Language 2014. № 128 (1). P. 18–24. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.bandl.2013.11.002>].

УДК 821.14

Ο ΛΑΜΠΡΟΣ ΚΑΤΣΩΝΗΣ ΣΤΗ ΔΗΜΟΤΙΚΗ ΠΟΙΗΣΗ. ΌΤΑΝ Η ΙΣΤΟΡΙΑ ΣΥΝΑΝΤΑ ΤΗ ΛΟΓΟΤΕΧΝΙΑ

Παπαδημητρίου Δ. Χριστίνα
Διδάκτωρ Νεοελληνικής Φιλολογίας
Διευθύντρια 4ου Γυμνασίου Σερρών

Summary. This article aims to highlight the way history is written into a literary work, and more specifically, how the actions and the personality of a well-known historical person are depicted. Such a person is Lambros Katsonis, who served both the Greek interests in the 18th century as well as the interests of Tsarist Russia for as long as these two coincided. Lambros Katsonis's personality and action inspired the folklore in Greece. In particular, the folk poetry with its abstracting, allegoric (figurative) speech praised the struggles and the personality of Katsonis and ascended him into a mythical form carrying a special symbolic and emotional value for the Greeks. Through literature, Katsonis was recorded in the consciousness of the people as a hero and a symbol of universal and timeless value. However, the folk songs did not only contribute to the mythology of Lambros Katsonis but also established his individual adventure as a symbol of a nation's collective struggles for freedom and self-determination. Thus, today, these songs are a part of a wider cycle of songs representing a particular cultural model in which the affirmation of life is linked to national independence and freedom.

Key words: history, literature, Lampros Katsonis, popular folk poetry

Πρόλογος

Η συγκεκριμένη ανακοίνωση αποσκοπεί στο να αναδείξει τον τρόπο με τον οποίο η ιστορία εγγράφεται σε ένα λογοτεχνικό έργο και πιο συγκεκριμένα πως εγγράφεται η δράση και η προσωπικότητα ενός πολύ γνωστού ιστορικού προσώπου όπως είναι ο Λάμπρος Κατσώνης.

Είναι γνωστό πως η λογοτεχνία αποτελεί έκφραση της πολιτιστικής ιδιαιτερότητας

ενός λαού και αντικατοπτρίζει τη βιωμένη πραγματικότητα της εποχής κατά την οποία παράγεται στο επίπεδο της δομής, της γλώσσας και του περιεχομένου. Ως εκ τούτου τα ιστορικά και κοινωνικά συμφραζόμενα μιας εποχής γίνονται αναγνωρίσιμα στα λογοτεχνικά έργα και πολύ περισσότερο σε όσα αξιοποιούν την ιστορία π.χ. ιστορικά μυθιστορήματα, μυθιστορηματικές βιογραφίες, ιστορικά δημοτικά τραγούδια. Βέβαια, στα έργα αυτά το φανταστικό στοιχείο διαπλέκεται με το πραγματικό – ιστορικό με έναν τρόπο που τις περισσότερες φορές η διάκριση τους είναι δύσκολα ανιχνεύσιμη, γεγονός που παρασύρει τους αναγνώστες σε παρανοήσεις, όπως το να αντιμετωπίζουν το λογοτεχνικό έργο ως ιστορική πηγή.

Είναι γνωστό επίσης, πως οι λογοτέχνες, που αξιοποιούν την ιστορία, για να προσδώσουν αληθοφάνεια και ρεαλισμό στο έργο τους, συνήθως επιλέγουν είτε ως κεντρικούς ήρωες σημαντικά ιστορικά πρόσωπα των οποίων τη ζωή και τη δράση επενδύουν με πολλά μυθικά στοιχεία ή άλλοτε πάλι επιλέγουν φανταστικούς ήρωες ως δρώντα πρόσωπα του μύθου τους, των οποίων όμως τη δράση τοποθετούν στα πλαίσια μιας συγκεκριμένης ιστορικής περιόδου, που αξιοποιείται ως ιστορικό πλαίσιο του μύθου. Θα μπορούσαμε να πούμε εν ολίγοις πως η σχέση της ιστορίας με τη λογοτεχνία είναι πολύ ενδιαφέρουσα αλλά και πολύπλοκη. Συνδέεται με το γενικότερο θέμα της αναφορικότητας ή της αντανάκλασης και έχει προκαλέσει μακροχρόνια πολλές συζητήσεις όμως, δεν αποτελεί θέμα της παρούσας ανακοίνωσης.

Ο Λάμπρος Κατσώνης στη λογοτεχνία

Εμείς με την παρούσα εισήγηση, όπως προείπαμε, έχουμε επιλέξει να αναφερθούμε σε ένα συγκεκριμένο ιστορικό πρόσωπο, τον Λάμπρο Κατσώνη, ο οποίος έδρασε στη διάρκεια του 18ου αιώνα και συνέβαλε τα μέγιστα στην προετοιμασία της Ελληνικής Επανάστασης. Μάλιστα υπηρέτησε τόσο τα ελληνικά δίκαια όσο και τα συμφέροντα της τσαρικής Ρωσίας, για όσο διάστημα αυτά τα δύο συνέπιπταν.

Ο Κατσώνης είχε στενούς δεσμούς με την τσαρική Ρωσία [8, σ. 113] και ιδιαίτερα με την περιοχή της Κριμαίας. Τα τελευταία χρόνια της ζωής του διέμενε μαζί με την οικογένειά του στο χωριό Λιβαδειά (Ливадия), που θεωρείται πια προάστιο της Γιάλτας, όπου άφησε και την τελευταία του πνοή.

Αυτοί οι δεσμοί του Λάμπρου Κατσώνη με την τσαρική Ρωσία και την Κριμαία αλλά και η δυναμική προσωπικότητα του και η ηρωική δράση του, όπως είναι γνωστό, αποτέλεσαν πηγή έμπνευσης για τον Βαλεντίνο Πίκουλ στο έργο του «Οι πρώτοι Λαιστρυγόνες της Μπαλακλάβας». Και ίσως θα ήταν ενδιαφέρον στο σημείο αυτό να θυμηθούμε ότι και πολλοί άλλοι ρώσοι λογοτέχνες, όπως έχει επισημάνει η Σόνια Ιλίνσκαγια [3] σε σχετικό της άρθρο, έχουν εμπνευσθεί από τους αγώνες των Ελλήνων για ελευθερία στην διάρκεια της Επανάστασης του 1821 όπως ο Πούσκιν, Β. Κιουχελμπέκερ, ο Ριλέγεφ, Φ. Γκλίνκα, Β. Τουμάνσκι, Β. Γκριγκόριεφ, Ι. Κοζλόφ.

Όσον αφορά τώρα τη νεοελληνική λογοτεχνία, αυτή έχει να επιδείξει μια σειρά από λογοτεχνικά έργα τα οποία αναφέρονται στη δράση και την προσωπικότητα του Λάμπρου Κατσώνη όπως μυθιστορηματικές βιογραφίες, θεατρικά έργα, έπη αλλά και αρκετά ιστορικά δημοτικά τραγούδια⁵. Σε αυτά τα τελευταία, δηλαδή τα δημοτικά τραγούδια θα αναφερθούμε εμείς, διότι όπως παρατηρούσε ο Ν. Γ. Πολίτης περισσότερο από κάθε άλλη λογοτεχνική δημιουργία αντικατοπτρίζουν τον ιδιαίτερο χαρακτήρα του

⁵ Εκτός από τα δημοτικά τραγούδια έχουν δημοσιευθεί και τα παρακάτω λογοτεχνικά έργα:

1. Ι. Λάκωνος, Έπος του Λάμπρου Κατσώνη, 2. Μαρία Μουζάκη - Χιονάτου, Λάμπρος Κατσώνης-Ο Κουρσάρος της Λευτεριάς, Εκδόσεις Αρτέον, Αθήνα: 2017, 3. Αριστείδη Κυριακού, Λάμπρος Κατσώνης και οι Έλληνες κουρσάροι της Μεσογείου (κουρσάροι, γιγαντομάχοι, έρωτες αγρίων και ηρώων). Τυπογραφείον Δελής - Τσίπης, Αθήνα: 1927, 4. Τάκη Λάππα, Ο θαλασσομάχος του Αιγαίου. Λάμπρος Κατσώνης. Εκδόσεις Πατάκη, Αθήνα:1961, 5. Παναγιώτης Σούτσος, Ευθύμιος Βλαχάβας ή Η ανάστασης του ελληνικού έθνους. Τυπογραφείον Ν. Αγγελίδου, Αθήνα:1851, 6. Πέτρος Χουτζούμης, Λάμπρος Κατσώνης. Ο θαλασσομάχος του Αιγαίου. Εκδόσεις Δωδώνη, Αθήνα 2011, 7. Γ. Ρούσου, Ο κουρσάρος του Αιγαίου

έθνους και σε αυτά «ο εθνικός χαρακτήρ αποτυπώνεται ακραιφνής και ακίβδηλος» [13, σ. 9]. Άλλωστε στην Ελλάδα η παράδοση του δημοτικού τραγουδιού ακόμη και σήμερα παρουσιάζει ξεχωριστή ζωτικότητα τόσο στην ύπαιθρο χώρα όσο και στα αστικά κέντρα και ένα από τα είδη του δημοτικού τραγουδιού, που ακόμη και σήμερα, γνωρίζει ιδιαίτερη ακμή είναι το ιστορικό δημοτικό τραγούδι σύμφωνα με τον Ε. Καψωμένο [5, σ. 20]. Αλλά και ο Σπυρίδων Ζαμπέλιος ήδη από το 1852 χαρακτήριζε τα ιστορικά δημοτικά τραγούδια ως απόδειξη της ιστορικής μνήμης του ελληνικού λαού [2, σ. 5–6], και έκτοτε πολλοί και σπουδαίοι μελετητές ασχολήθηκαν με το θέμα των δημοτικών τραγουδιών και τη σύνδεσή τους με την ιστορία.

Τα δημοτικά τραγούδια που αναφέρονται στην προσωπικότητα και την δράση του Λάμπρου Κατσώνη και αποτελούν αντικείμενο μελέτης για εμάς είναι τα εξής:

1. «Η ναυμαχία Λάμπρου Κατσώνη και εκστρατεία» από τη συλλογή Claude Fauriel [16, σ. 59–60].

2. «Ο Λάμπρος Κατσώνης» από τη συλλογή του Emile Legrand [15, σ. 332–336].

3. «Του Λάμπρου Κατσώνη» Δημοτικό Καρπάθου σε δύο παραλλαγές που διασώζονται στο ομώνυμο βιβλίο του Π. Σ. Μαγιάκου [8, σ. 138–139] και Ι. Ν. Κούφου [7].

4. Άτιτλο ποίημα που αναφέρεται στην ναυμαχία στην Τζια από τη συλλογή της Κ. Α. Παπαϊωαννίδου [10].

5. «Μια προυσταγή μιγάλη» ή «Άσμα Άνδρου περί του Λάμπρου Κατσώνη» από τη συλλογή του Δ. Πασχάλη [11, σ. 80].

Κωδικοποίηση του μυθικού και ιδεολογικού σύμπαντος των έργων

Μελετώντας κανείς τα ποιήματα αυτά διαπιστώνει πως ο λαϊκός δημιουργός εξυμνεί τα κατορθώματα και την αντρείοσύνη του Λάμπρου Κατσώνη προβάλλοντας ιδιαίτερα το ψυχικό του σθένος, την ηγετική του φυσιογνωμία, την άκαμπτη θέλησή του για ελευθερία, την αδάμαστη αγωνιστική του διάθεση, τον σεβασμό στα ιερά και τα όσια της πατρίδας του.

Κατ' αρχάς εκείνο που θα πρέπει να παρατηρήσουμε είναι πως στα τραγούδια αυτά συναντούμε ένα από τα βασικά χαρακτηριστικά της παράδοσης των ιστορικών δημοτικών τραγουδιών, που είναι οι ατομικοί επώνυμοι ήρωες. Όλα τα τραγούδια που προαναφέραμε έχουν ως κεντρικό ήρωα τον Λάμπρο Κατσώνη. Επίσης σε όλα σχεδόν τα τραγούδια υπάρχουν χρονικοί και τοπικοί προσδιορισμοί τόσο ακριβείς που επιτρέπουν να στοιχειοθετήσουμε τα ιστορικά γεγονότα, τα οποία διεκτραγωδούνται σε αυτά.

Πιο συγκεκριμένα, τα τραγούδια για τον Λάμπρο Κατσώνη φαίνεται πως γράφονται με αφορμή τρεις σημαντικές στιγμές της αγωνιστικής του διαδρομής. Το ποίημα με τον τίτλο «Λάμπρος Κατσώνης» της συλλογής Legrand είναι αφιερωμένο στη δράση του Κατσώνη κατά το έτος 1789 και το γάμο του με την ξακουστή για τα κάλλη της, κόρη του προκρίτου Πέτρου Σοφιανού, Μαρία [8, σ. 89–96]. Είναι χαρακτηριστικοί οι στίχοι του τραγουδιού που ορίζουν την εποχή και τα γεγονότα: «Στους χίλιους επτακόσιους τους ογδόντα εννιά / Εξέβηκεν ο Λάμπρος 'πο μεσ' τη Μοσκοβιά [...] / Παρασκευήν το δείλι πάει στην Ύδρα [...] / Και πήρε ένα κορίτσι δώδεκα χρονών, / και τα' όνομά της λέσιν η Κυρά Μαρουδιά, / που έχει μαύρα μάτια και ξανθιά μαλιά, / κι ανάμεσα στα φρύδια έχει χρυσήν ελιά».

Οι δύο παραλλαγές της Καρπάθου και το «Μια προυσταγή μιγάλη» αναφέρονται στην ναυμαχία που έδωσε ο Κατσώνης στον Κάβο Ντόρο και είναι πιο γνωστή ως ναυμαχία της Άνδρου, στην οποία ηττήθηκε και η οποία διεξήχθη στις 17 Μαΐου του 1790. Στα τραγούδια υπάρχει σαφής αναφορά στο γεγονός και στον τόπο: «Βγαίνουν στον Κάβου Ντόρου καράβια φουβιρά. / Σαν τα 'δινι ου Λάμπρους βαριά 'ναστέναξε» και «Ανάμεσα 'ς την Άνδρο τα' απόξω 'που τη Τζια, / ευρέθητεσεν ο Λάμπρος τσ' ο καπετά Πασσάς».

Τέλος, τα τραγούδια της συλλογής Fauriel και της συλλογής Παπαϊωαννίδου σύμφωνα με ιστορικές πηγές αναφέρονται στην καταβύθιση της τουρκικής φρεγάτας από τον στόλο του Λάμπρου Κατσώνη, στις 23 Απριλίου του 1792, ανήμερα του Αγίου

Γεωργίου [8, σ. 114, 140]. Και στα δύο τραγούδια δίνεται έμφαση στο χρόνο, που συντελείται η ναυμαχία και τονίζεται ιδιαίτερα η θρησκευτική εορτή της ημέρας εκείνης. Στη λαϊκή αντίληψη άλλωστε πάντα επικρατούσε η πίστη πως οι αγώνες των Ελλήνων για ελευθερία δεν ήταν καρπός μόνο της ανθρώπινης βούλησης, αλλά και της θεϊκής παρέμβασης. Υπήρχε η πίστη πως σε αυτούς τους αγώνες είχαν αρωγούς και προστάτες είτε αγίους είτε την Παναγία [9, σ. 140]. Έτσι και στην περίπτωση αυτή, στην συνείδηση του λαϊκού δημιουργού κυριαρχεί η πίστη πως ο άγιος Γεώργιος ο τροπαιοφόρος και ελευθερωτής συντάχθηκε με τον Κατσώνη και τους ναύτες του στον αγώνα τους: «Στους χίλιους εφτακόσιους τους ενενήντα δυο [...] / Στις εικοσιτρείς ήτον τ' Απριλιού, / ημέρα του Αγίου Γεωργίου» και «Σ' τοις εικοσιτρείς του Απριλιού, / ανήμερα του Άη Γιωργιού, / η αρμάδα όξω βγαίνει, και ντο Λάμπρο περιμένει».

Επειδή όμως, μια εισήγηση λίγων λεπτών, δεν προσφέρεται για διεξοδική ανάλυση και ερμηνεία των τραγουδιών, επιλέξαμε να παρουσιάσουμε συνοπτικά τα συμπεράσματα στα οποία αυτές μας οδήγησαν. Τα τραγούδια, στα οποία αναφερόμαστε, αφηγούνται μια ιστορία. Κοινός θεματικός πυρήνας των τραγουδιών είναι ο αγώνας του Λάμπρου Κατσώνη με τους Τούρκους, που ανάγεται στο αφηγηματικό μοντέλο της ηρωικής δοκιμασίας [14, σ. 93–110]. Σε αυτόν τον αγώνα νικητής αναδεικνύεται ο Λάμπρος Κατσώνης, που ως εντολοδόχος της ελληνικής ιστορικής παράδοσης, την οποία κομίζει ως εθνική συνείδηση, αναμετράται με τους Τούρκους. Στην αναμέτρηση αυτή επικρατεί είτε κατατροπώνοντας τον εχθρό είτε διατηρώντας ανυπότακτο το αγωνιστικό του σθένος, δηλώνοντας με παρρησία την πρόθεσή του να αγωνιστεί μέχρι θανάτου απέναντι στις υπεράριθμες δυνάμεις του αντιπάλου. Η βαθειά πίστη του ήρωα Κατσώνη στα εθνικά και θρησκευτικά ιδεώδη, τα οποία πυροδοτούν τη δράση του και τον κρατούν σε συνεχή αγωνιστική εγρήγορση αποτυπώνεται σε στίχους όπως οι παρακάτω: «Πολλά να πολεμήσω θέλω την σήμερα, / όρτζα και την παντιέρα και τον χρυσόν σταυρόν», «Αλέστα, παλληκάρια, όλοι για τον Θεόν, / Πολλά να πολεμήσω για τον χρυσόν σταυρόν» και «Ποτέ με δεν μαϊνάρω το χρυσό σταυρό, / ποτέ μην το πιστέψεις πως σκλάβος θα γενώ» [συλλογή Legrand] και αλλού «Αββία παλληκάρια αν είστε Χριστιανοί / μη μας επάρου σκλάβους οι Αγαρηνοί» [παραλλαγή Καρπάθου].

Οφείλουμε επίσης, να παρατηρήσουμε πως τα τραγούδια μπορούν να διακριθούν σε δύο ομάδες με κριτήριο την έκβαση της αναμέτρησης του Κατσώνη και των πληρωμάτων του με τους Τούρκους. Στην πρώτη ομάδα περιλαμβάνονται αυτά στα οποία υμνείται ο σκληρός αγώνας του Κατσώνη και η επικράτησή του έναντι των Τούρκων και στη δεύτερη ομάδα αυτά στα οποία υποβαθμίζεται η τελική έκβαση της αναμέτρησης, δηλαδή η ήττα που υπέστη ο στόλος του Κατσώνη στα στενά της Άνδρου, αλλά προβάλλεται με έμφαση η απόφαση του να αγωνισθεί μέχρι εσχάτων και υμνείται η ανυπότακτη φύση του.

Στην πρώτη ομάδα ανήκει το τραγούδι της συλλογής Legrand, αυτό της συλλογής Fauriel, στο οποίο ο Κατσώνης τρέπει σε φυγή τους αντιπάλους του μετά από πολήμερο αγώνα: «Από το πρωί ως το βράδυ / ο πόλεμος δεν παύει / την καπετανιά έκαμε / κάτω να μαϊνάρει», καθώς και το τραγούδι της συλλογής Παπαϊωαννίδου, στο οποίο εικονογραφείται η καταβύθιση της τουρκικής φρεγάτας και ο μεγάλος αριθμός των θυμάτων: «Ρήχνει ντην πρώτη κανονιά / και της τρυπάει τ' πανιά, / ρήχνει και ντη δευτερίνα, / και της παίρνει πλώρα, πρύμνα. / Όσ' άστρα είναι στον ουρανό, / τόσα σαρίκια στο γιαλό / το «Αλλάχ, Αλλάχ» φωνάζουν / και ντο Μουμαμέτη κράζουν». Στα τραγούδια της δεύτερης ομάδας, όπου με ιδιαίτερη έμφαση εξυμνείται ο ηρωισμός του Κατσώνη και των πληρωμάτων του, αλλά σχεδόν αποσιωπάται η ήττα του, περιλαμβάνεται το τραγούδι «Μια προυσταγή μιγάλη» και οι δύο παραλλαγές της Καρπάθου. Μάλιστα η μία από αυτές τελειώνει με τον ηρωικό θάνατο του αγαπημένου ναύτη του ήρωα: «Κι' ο Χατζή-Κανακάρης επληγώθηκε / κι' ήσπασε το σπαθί του 'ς τη καταμεσή, / στην κάμαρα εμπαινεί να πιασ' άλλο σπαθί, / 'μμ' ως που να μπει και να 'βγει εξέβγηκεν η ψυχή».

Σε ενδιαφέρουσες διαπιστώσεις όμως, μπορούμε να οδηγηθούμε και από την αποκωδικοποίηση του δραματικού μοντέλου, που κυριαρχεί στα προς μελέτη τραγούδια. Με βάση, τη σφαίρα δράσης, λοιπόν, δηλ. το σύνολο των λειτουργιών και των ιδιοτήτων που αποδίδονται στα δρώντα πρόσωπα του μύθου μπορούμε να συντάξουμε ένα αντιπροσωπευτικό δραματικό μοντέλο [14, σ. 177–178] των τραγουδιών και να οδηγηθούμε σε κάποιες επιπλέον παρατηρήσεις. Ήρωας όλων των δημοτικών τραγουδιών, όπως ήδη έχουμε αναφέρει, είναι ο Λάμπρος Κατσώνης που παρουσιάζεται με την ιδιότητα του ήρωα – πρωταγωνιστή. Δραστηριοποιείται από την κατηγορία για διατήρηση ενός πολύτιμου αντικειμένου, το οποίο συμπίπτει με την δυνατότητα αυτοδιάθεσης και ελευθερίας. Ο ρόλος του Δέκτη όπως και του Πομπού δεν αντιπροσωπεύονται από χωριστά δρώντα πρόσωπα, αλλά ταυτίζονται με τον ρόλο του Ήρωα. Ο συμφυρμός αυτός καταδεικνύει την αντίληψη που έχει το Υποκείμενο για τον εαυτό του, καθώς αυτή η ταύτιση σε μυθικό επίπεδο αποτελεί σαφή βεβαίωση της ελεύθερης συνείδησής του. Στην πραγματικότητα ο ήρωας δεν δέχεται εντολές από κανέναν, αλλά εμφορείται από την αγωνιστική ιστορική παράδοση, που έχει εγγραφεί στη συνείδηση του και που τον καλεί να δραστηριοποιηθεί, για να διατηρήσει αυτά τα αγαθά. Τον ρόλο του Αντίμαχου κατέχουν οι Τούρκοι και ενίοτε οι Αλγερινοί, οι οποίοι απειλούν την ελευθερία του ήρωα και διακρίνονται όχι μόνο για την υπεραριθμία τους αλλά και την υπεροπλία τους. Πράγμα που σημαίνει ότι ο αγώνας, που διεξάγεται ανάμεσα στον ήρωα και τους αντιμάχους, είναι εκ προοιμίου άνισος και η νίκη ή ήττα του ήρωα συνεπάγεται ηθική κατεξοχήν δικαίωση.

Επίσης, θα πρέπει να παρατηρήσουμε ότι στις γενικές προθέσεις του ανώνυμου δημιουργού όλων των τραγουδιών είναι να προβάλλει την αγωνιστικότητα του Κατσώνη και των ναυτών του και να εξυμνήσει την απόφασή τους να αγωνισθούν μέχρι θανάτου για την ελευθερία. Ενδεικτικά αναφέρουμε απόσπασμα από το τραγούδι της συλλογής Legrand, στο οποίο ο Κατσώνης επικαλούμενος τη σχέση του με τη Ρωσία, απαντά με παρρησία στην πρόκληση του σκληρού αντιπάλου του, Σεήτ Αλή, που τον καλεί να παραδοθεί: «Μάϊνα, Λάμπρο μάϊνα, μάϊνα τα πανιά, / και σκλάβο θα σε πάρω μέσα στη Μπαρμπαριά. / Δεν είμαι γω Πολίτης να μαϊνάρω πανιά, / αλλά είμαι Μοσχοβίτης, δεν είναι χωρατά. / Δεν είμαι γω Πολίτης, είμαι τζεζαερλής / Και τ' όνομα μου λέσιν κακού Σεήτ Αλή / Έβγεν η ακοή μου Δύσην κι' Ανατολή, / Εμένανε με τρέμουν και Τούρκοι και Ρωμιοί, / ακόμη καρτερώσε, τι έχεις να μου πεις / αν θενα πολεμήσεις ή θενα σκλαβωθείς. / Ποτέ μην το πιστέψεις πως σκλάβος θα γενώ / Κάλλιο θενά κρούσω, κάλλιο να πνιγώ».

Όμως ιδιαίτερη έμφαση δίνεται και στο γεγονός ότι οι Τούρκοι διαθέτουν υπεράριθμες δυνάμεις και σαφή υπεροπλία έναντι του Κατσώνη όπως φαίνεται και στους στίχους του τραγουδιού της συλλογής Παπαϊωαννίδου: «ανήμερα του Άη Γιωργιού, / η αρμάδα όξω βγαίνει / και ντο Λάμπρο περιμένει. / Και μια φιργάδα απ' τη Τζια, / πηγαίνει ανατολικά, / σαρανταδυό είν' τουρκικά, / ούλου μπαρούτι και φωτιά». Είναι προφανές ότι τέτοιου είδους αναφορές αποσκοπούν στην σαφή προβολή της υπεροχής του ήρωα τόσο σε μυθικό επίπεδο όσο και σε ηθικό - αξιολογικό. Προς την ίδια κατεύθυνση κατατείνει και η αποτύπωση της διάθεσης του ήρωα να πολεμήσει μέχρι θανάτου. Αποκτά δε ακόμη μεγαλύτερη σημασία, όταν αυτό το αναγνωρίζει και ο εχθρός: «Που είναι τον τον Λάμπρο, τον σκύλο το φονιά, / οπούκαψε την Ύδρα, τα δώδεκα νησιά; / Στο πέλαγος εκείσθη κάστρο με τα τειχιά, / Καράβια δεν αφήνει μεγάλ και μικρά, / πιάνει και τα κουρσεύει κ' ύστερα αφήνει τα / σκλάβο θα να τον κάμω μ' αυτήν την Μαρουδιά».

Ο δυναμισμός, η άκαμπτη θέληση και η χαρισματική φύση όμως, του Λάμπρου Κατσώνη καταδεικνύονται και με επιλογή χαρακτηρισμών όπως αυτοί που υπάρχουν στους παρακάτω στίχους: «Στο πέλαγος εβγήκεν ο σκύλος φοβερός, / στον κόσμο εγεννήθη για νανε **ξακουστός**» αλλά και την ιδιαίτερη επιλογή των ρημάτων: «Στο πέλαγος εξέβη και **βολτατζάριζε**» και «Στο πέλαγος να βγούμε να **σεργιανίουμε** / νάβρω τους

Μπαρμπαρέσους να πολεμήσομε» (Legrand). Η επιλογή των ρημάτων βολτατζάριζε και σεργιανίομε δεν είναι τυχαία. Τα ρήματα σημαίνουν πως κινούμαι προς διάφορες κατευθύνσεις για ευχαρίστηση ή αναψυχή. Για τον Κατσώνη λοιπόν, η παρουσία του στόλου του στο Αιγαίο είναι απλά ένας περίπατος, μια ανώδυνη βόλτα και έτσι σημασιοδοτείται όχι μόνο η κυριαρχία του σε αυτό αλλά και η ηρωική και αδάμαστη φύση του.

Στα δημοτικά τραγούδια όμως, καταγράφεται και η σχέση του Κατσώνη με την τσαρική Ρωσία. Ο Κατσώνης ως γνωστόν ηγήθηκε του ρωσικού στόλου στο Αιγαίο και ήταν στόλαρχος του ρωσικού ναυτικού, γεγονός που έχει ιδιαίτερη σημασία για τον λαϊκό ποιητή, γι αυτό και σε κάποια από τα τραγούδια κάνει ειδική μνεία σε αυτή την ιδιαίτερη σχέση: «Εξέβηκεν ο Λάμπρος 'πο μεσ' τη Μοσκοβιά» και παρακάτω ένας από τους ναύτες του Λάμπρου «Θέλω περιπατήσω αρμάδα των Τουρκώ, / σκλάβους θέλω τους πάρει, τώρα να τους ιδώ, / και θέλω να τους πάρω, μέσα στη Μοσκοβιά, / άλλος πέτρες να κόφτη, κι άλλος να κουβλεί, / άλλος νερό να φέρνει, και άλλος τον πηλό, / μιαν εκκλησιά να κτίσω για τον χρυσόν σταυρόν» [15]. Άλλωστε πίσω από τέτοιες αναφορές υποκρύπτεται η λαϊκή δοξασία και η χρησιμολογία της εποχής περί του ξανθού γένους (δηλαδή αυτού των Ρώσων), που θα βοηθούσε στην ανάσταση του έθνους [12, σ. 149–168].

Επίλογος

Από όσα έχουν αναφερθεί, γίνεται αντιληπτό πως τα ίδια τα κείμενα μάς υπογορεύουν να δώσουμε έμφαση στην διακειμενική λειτουργία μεταξύ των κειμένων και των ιστορικο-πολιτισμικών κωδίκων, που υφέρπουν σε αυτά τα ιστορικά δημοτικά τραγούδια. Συνοψίζοντας, θα λέγαμε, λοιπόν, πως η νίκη του Κατσώνη έναντι των Τούρκων και η πρόθεσή του να αγωνιστεί μέχρι θανάτου στο επίπεδο της αφήγησης, σημασιοδοτεί σε μυθικό επίπεδο την ηθική νίκη του ήρωα, και κατ' επέκταση την νίκη των αξιών και των αρχών του ελληνισμού πάνω στη βία και την αδικία των Τούρκων. Επιπροσθέτως, εκφράζει την πίστη του λαού στο δίκαιο αγώνα για την κατάκτηση της ελευθερίας και συμβάλει στην ανάδειξη του Λάμπρου Κατσώνη σε αντιπροσωπευτική περίπτωση Έλληνα αγωνιστή, δηλαδή σε ένα σύμβολο.

Κλείνοντας, θα ήθελα να επικαλεσθούμε τον πρώτο θεωρητικό της λογοτεχνίας (αν μου επιτρέπετε να τον χαρακτηρίσω έτσι), τον Αριστοτέλη, ο οποίος στο έργο του «Περί ποιητικής» θεωρεί ως χαρακτηριστικά της λογοτεχνίας τη μυθοπλασία και την καθολικότητα ενώ ως βασικά χαρακτηριστικά της ιστορίας την αλήθεια και τη μερικότητα [1, σ. 205–207]. Η ποίηση λοιπόν, και συγκεκριμένα η δημοτική ποίηση με τον αφαιρετικό, μεταφορικό της λόγο απέδωσε τις ιστορικές εμπειρίες έμμεσα αναδεικνύοντας κυρίως τη συμβολική και συναισθηματική τους αξία, όπως αυτή είναι εγγεγραμμένη στη συνείδηση του λαού. Στα πλαίσια αυτά ύμνησε και τους αγώνες και την προσωπικότητα του Κατσώνη και τον ανήγαγε σε μια μυθική μορφή με ιδιαίτερη συμβολική και συναισθηματική αξία για τους Έλληνες. Μέσω της λογοτεχνίας ο Κατσώνης εγγράφηκε στη συνείδηση του λαού ως σύμβολο ηρωισμού με καθολική και διαχρονική αξία.

Τα δημοτικά τραγούδια που δημιουργήθηκαν με αφορμή την δράση και την προσωπικότητα του Λάμπρου Κατσώνη αποτελούν στην πραγματικότητα αναγωγή της ατομικής περιπέτειας σε σύμβολο της συλλογικής αγωνιστικής δράσης ενός ολόκληρου λαού για ελευθερία και αυτοδιάθεση. Έτσι, σήμερα τα τραγούδια αυτά εντάσσονται σε έναν ευρύτερο κύκλο τραγουδιών, που αντιπροσωπεύουν ένα συγκεκριμένο πολιτιστικό πρότυπο, στο οποίο η κατάφαση της ζωής συνδέεται με την υιοθέτηση αξιών και αρχών οι οποίες προασπίζονται την εθνική ανεξαρτησία και ελευθερία.

Βιβλιογραφία

1. Αριστοτέλης. Περί ποιητικής. Αθήνα: Κάκτος, 1995.
2. Ζαμπέλιος, Σ. Άσματα δημοτικά της Ελλάδος. Κέρκυρα: Τυπογραφείον Ερμής Α. Τερζάκη και Θ. Ρωμαίου, 1852.

3. Ιλίνσκαγια - Αλεξανδροπούλου, Σ. Πώς «το αθάνατο κρασί του '21» μέθυσε τους ρώσους ποιητές. Εφ. «Το Βήμα», 21/3/1999. – <http://www.tovima.gr/opinions/article/?aid=109272>
4. Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Αθήνα: Εκδοτική Αθηνών τ. ΙΑ, 1975. Σ. 89–96.
5. Καψωμένος, Ε. Γ. Το σύγχρονο κρητικό ιστορικό τραγούδι. Η δομή και η ιδεολογία του. Αθήνα: Θεμέλιο, 1979.
6. Καψωμένος, Ε. Γ. Ποιητική. Θεωρία και μέθοδοι ανάλυσης των ποιητικών κειμένων. Αθήνα: Πατάκη, 2005.
7. Κούφου, Ι. Ν. Τα ελληνικά δημοτικά τραγούδια. Αθήνα : Σείριος, 1970.
8. Μαγιάκος, Π. Σ. Ο Λάμπρος Κατσώνης (1752-1804), Αθήνα: Εκδόσεις Ν. Τιλιπέρογλου, 1932.
9. Οικονόμου, Η.. «Θεός και επανάσταση του 1821», περ. «Κοινωνία», τομ.2 (Απρίλιος-Ιούνιος), 1984.
10. Παπαϊωαννίδου, Κ. Δ.. Άσματα Δημοτικά Σωζοπόλεως, περ. «Λαογραφία» τόμ. Ι 1909-1910 σ. 585-650. Αθήνα: Σακελλαρίου Π.Δ., 1909.
11. Πασχάλης, Δ. Π. Δημώδη τραγούδια της νήσου Άνδρο συλλεγέντα από του στόματος του λαού. Άνδρος: Σύλλογος «Ο Δημήτρης Μπάλης», 1987.
12. Πίσσης, Ν. Χρησιμολογία και «Ρωσική Προσδοκία». Στο Οι Σλάβοι και ο ελληνικός κόσμος. Πρακτικά Α΄Επιστημονικής Ημερίδας Σλαβικών Σπουδών (7 Δεκεμβρίου 2012). Εθνικό και Καποδιστριακό Πανεπιστήμιο Αθηνών. Αθήνα:Πελεκάνος, 2014.
13. Πολίτη, Ν. Γ. Εκλογαί από τα τραγούδια του ελληνικού λαού. Αθήνα: Πάπυρος, 1914.
14. Greimas, J. A. Sémantique structural. Paris: Larousse, 1966.
15. Legrand, E. Bibliothèque Grecque-Vulgaire. Paris: Editeurs Maisonneuve, 1881.
16. Fauriel, C. Ελληνικά δημοτικά τραγούδια. Ηράκλειο: Πανεπιστημιακές Εκδόσεις Κρήτης, 1999.

УДК 811.11-112

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЭКОНОМИИ РЕЧЕВЫХ УСИЛИЙ НА ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОМ УРОВНЕ

Α. Δ. Πετρνκο,

*δoκτωρ φιλολογικoςκoς νoυκ, πρoφeσσoρ, ζαv. καφeδρoύ τeορiις γλoσσας,
λιτeρατυρiς ι οiοιολιγγβιστικiς, διρεκτωρ Ινστιτυτα ινοστραννoυ
φιλολογιις (CΠ), ΦΓΑΟΥ ΒΟ «Κρyμσκiυ φeδeρaλνύ ινιβερσιτυ ιμeνι
Β. Ι. Βeρναδσκoγo», Cιμφeρoπoλν*

Έ. Σ. Ισαeν,

*κανδιδατ φιλολογικoςκoς νoυκ, δoκτωρ καφeδρoυ τeορiις γλoσσας,
λιτeρατυρiς ι οiοιολιγγβιστικiς, Ινστιτυτ ινοστραννoυ φιλολογιις (CΠ),
ΦΓΑΟΥ ΒΟ «Κρyμσκiυ φeδeρaλνύ ινιβερσιτυ
ιμeνι Β. Ι. Βeρναδσκoγo», Cιμφeρoπoλν*

Αννοτακια. Δαννο ισσελοδoνιe νυπoλνeνo ιν ρυσλε τρaδιτιυ νoυκνoυ σκoλνς σοκιoφoνετικiς ι φoνoστιλιστικiς πρoφeσσoρα Α. Δ. Πετρνκο. Στατυα ζνακομιτ ι νεκοτωρiς πριμεραμiς ρeαλιζακιις πρινκιπa εκονομiις ρeχeυις υσιλιυ να ματεριαλε ιζυχeνιa πρoιζνοσηνιa νεμeκκiς σκoλνυικoυ. Β οσνυου δαννου εταπα ραβoτυς πoλoγeνις μεθοδoλογικeς πρινκιπiς ι μεθοδυ σοκιoλιγγβιστικoυ ι σοκιoφoνετικoυ ισσελοδoνιa ρeχeυoυ ματεριαλα, πρeδλoγeννeς Υ. Λαβoυυ ι Α. Δ. Πετρνκο: ινδυκτιυ-δeδυκτιυνύ μεθοδυ, μεθοδυ σοπoσταυιτeλνoυ αναλιζa, οπiσατελνύνύ μεθοδυ, μεθοδυ πoλυστανδαρτνoυ ιντερβυυ, μεθοδυ

анкетирования, метод «включенного наблюдения», метод скрытой записи.

Ключевые слова: языковая вариативность, вариант, редукция, фонологическая переменная, ситуация общения.

Summary. The study was performed in line with the traditions of the scientific school of sociophonetics and phonostylistics of Professor A. D. Petrenko. The article introduces some examples of the principle of speech effort saving implementation as exemplified in the research of German schoolchildren pronunciation. The study is based on methodological principles and methods of sociolinguistic and sociophonetic research of the speech material that were suggested by W. Labov and A. D. Petrenko: the inductive-deductive method, the method of comparative analyses, the descriptive method, the method of semistandard interview, the method of questionnaire survey, «overt observation» method, secret record method.

Key words: linguistic variation, variant, reduction, phonologic variable, communicative situation.

Данное исследование выполнено в духе традиций научной школы социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко [3]. Вопросы многоаспектного изучения социально обусловленной языковой вариативности детально раскрываются в работах Л. С. Бор, Д. С. Бородиной, Т. В. Бридко, О. И. Гладких, Н. М. Евстафьевой, Э. Ш. Исаева, Э. В. Лихачева, К. А. Мележик, С. Е. Перепечкиной, Д. А. Петренко, А. В. Пономаревой, Е. А. Устинович, Ю. Б. Федотовой, Д. М. Храбсковой и др.

Как отмечает А. Д. Петренко, «согласно данным социофонетического анализа, сегментный состав немецкого языка характеризуется в речи всех информантов широкой вариативностью. Особенно это касается реализации высказываний в непринужденной обстановке общения, когда фонетическая форма слов меняется до неузнаваемости, сопровождаясь, как правило, выпадением отдельных сегментов и целых слогов» [6, с. 59].

Вариативность речи проявляется как на уровне гласных, так и на уровне согласных. Причиной, обуславливающей вариативность, является целый комплекс факторов лингвистического и экстралингвистического характера. Позиция в слове, синтагме, степень официальности ситуации влияют на выбор определенного произносительного варианта.

Одним из факторов, влияющих на появление количественной и качественной редукции и, как следствие, различных вариантов произношения считается принцип экономии речевых усилий. В общем плане экономия предполагает достижение наибольшего результата наименьшими средствами. Под языковой экономией понимается стремление к наиболее рациональному использованию языковых средств, к максимальной степени выразительности при минимальных затратах.

Вопрос о действии экономии в речевой деятельности рассматривался еще в работах младограмматиков. Г. Пауль [4, с. 75] исходил из того, что изменение звуков в сторону большего удобства является физиологическим по своей основе. Е. Д. Поливанов [5, с. 80], в отличие от Г. Пауля считал, что «экономия энергии сказывается в истории языков не в одной только экономии физиологической, но и в виде экономии психической деятельности». И основу этой экономии он видит в «лени»: «Как ни странно, но тот коллективно-психологический фактор, который всюду при анализе механизма языковых изменений будет проглядывать как основная пружина этого механизма, действительно, есть то, что, говоря грубо, можно назвать словами «лень человеческая» или – что то же самое – стремление к экономии трудовой деятельности» [5, с. 81].

По мнению Л. В. Щербы [7, с. 29-30], «в языковой системе определенной группы объективно заложены в определенных местах ее те или другие возможности ассимиляции (в фонетике, морфологии, синтаксисе, словаре). Поэтому в силу при-

сущей (в пределах исторического опыта) людям тенденции к экономии труда... эти возможности реализуются одинаковым образом у всех членов группы или по крайней мере могут так реализовываться, а потому во всяком случае ни у кого не вызывают протеста (факты так общеизвестны, что на них не стоит настаивать)”.

В. Д. Девкин [1, с. 58-61] различает количественную и качественную экономию. К качественной экономии он относит “рационализацию средств выражения, требующую меньшей затраты умственного напряжения”. Подтверждением этого можно считать активное использование интонации, исправляющей погрешности синтаксической организации предложения, умение обходиться ограниченным словарем. Суть качественной экономии, по мнению В. Д. Девкина, не в уменьшении количества языковых средств, а в облегчении говорящим своих умственных усилий в процессе общения.

В отличие от качественной экономии, количественная экономия проявляется в произношении слов с неполным фонетическим составом (редукция, элизия), в разных видах аббревиации, в употреблении сложных и производных слов вместо словосочетаний и предложений.

Именно этот вид экономии интересует нас в связи с особенностями реализации произносительных вариантов в ситуациях неофициального общения. Та сторона качественной редукции, которая связана с фонологией, была предметом исследований А. Мартине [2].

Теоретической основой данной теории был “принцип наименьшего усилия”. Согласно этому принципу человек в ходе работы старается затратить минимум усилий. Проявлением “экономии” в произношении является стирание в немецком языке противопоставления долгий-краткий гласный, утрата твердого приступа, экономия силы голосового тона, редукция отдельных гласных вплоть до элизии, выпадение согласных в определенном положении, экономия времени, затрачиваемого на произнесение отдельного высказывания. Большую роль в осуществлении “экономии” произношения играет фонетическое окружение того или иного звука, степень автоматизации речи и т.д.

В разговорном функциональном стиле, особенно в диалогической форме общения, проявляются особенности неполного стиля произношения: редукция, ассимиляция и т. д. Количественная экономия проявляется не только в пределах слова, но и на уровне синтагмы, ведет к стяжению на стыках слов и может вызывать тем самым глубинные изменения в структуре высказывания.

Однако эта экономия не беспредельна, т. к. процесс коммуникации включает в себя не только говорящего, но и слушающего. И, как справедливо отмечает Л. В. Щерба [7, с. 30], “можно сказать, что интересы понимания и говорения прямо противоположны, и историю языка можно представить как постоянное возникновение этих противоречий и их преодоление”. Следовательно, экономия должна ограничиваться интересами слушающего, т. к. в противном случае говорение превратится в процесс, неподдающийся пониманию.

В разговорном стиле произношения существуют традиционные способы применения экономии. В результате возникают редуцированные формы слов и словосочетаний, которые не вызывают затруднений в восприятии. Эти формы и являются вариантами, одной из причин возникновения которых стала произносительная экономия.

В качестве доказательства приведем некоторые наиболее иллюстративные примеры на материале немецкого языка.

В ситуациях непринужденного общения в местоименных наречиях, как правило, отмечается 100%-я элизия гласного [a]:

darin – [dRin], daran – [dRan], darauf – [dRaof],
darüber – [ˈdRybɐ], darunter – [ˈdRuntɐ].

Этому явлению способствует, вероятно, безударность позиции и механизм образования местоименных наречий, при котором его первую часть составляет указательное местоимение *da*, в котором и происходит полная элизия гласного [a]. А основой регулярности выпадения гласного [a] является одинаковый фонемный состав начала слова.

Типичным для ситуации непринужденного общения является также слияние артикля и предлога и, как следствие, полное выпадение (элизия) гласного [e]:

in der – [inα], *an der* – [anα], *auf dem* – [ofm].

Реализацию артиклей в редуцированной и стяженной формах можно объяснить, в первую очередь, их безударностью и десемантизацией. Они образуют с лексически значимыми словами фонетическое единство, теряя при этом полную фонетическую форму слова. Г. Майнхольд [9] рассматривает нарушение фонетической целостности артикля как следствие высокой частотности и десемантизации. Характеризуя слабые формы, он отмечает, что в ряде слов с высокой степенью частотности и незначительным семантическим весом (прежде всего, в артиклях и личных местоимениях) их артикуляционная небрежность и невыраженность соответствует той роли, которую они играют в высказывании.

Широкое распространение, особенно в неофициальных ситуациях, получило слияние определенного артикля с предлогами, и как следствие, полное выпадение [d] в таких формах:

[d] ⇒ “0”-форма

mit den – [mit'n], *mit dem* – [mit'm], *in der* – [in'α].

Данное явление считается типичным для немецкой разговорной речи. Исследователи отмечают, что значения предлогов, их падежное управление не играют решающей роли в образовании стяженных форм. Более значимыми моментами принято считать вопросы частотности и условий артикуляции. Чем чаще в речи употребляется предлог и артикль, тем вероятнее появление стяженных форм.

Согласно данным Х. Майера [8, с. 145-150], артикль *die* занимает первое место, т. е. является самым часто встречаемым в речи словом, *der* – второе, *den* – шестое, *das* – седьмое. В результате элизии в определенном артикле сохраняется лишь последний звук:

die ⇒ [ɐ], *der* ⇒ [α], *das* ⇒ [s], *dem* ⇒ [m], *den* ⇒ [n].

Особенности неофициальной ситуации проявляются в непринужденности беседы, активности собеседников, спонтанном характере высказываний. Следовательно, в такой ситуации возможно наибольшее количество произносительных вариантов. К их числу относятся не только редукция и элизия гласных, но и выпадение согласных, упрощающее произношение. Как уже отмечалось, выпадение согласных распространяется, прежде всего, на служебные слова, находящиеся, как правило, в безударном положении.

Наибольшей вариативностью характеризуются ситуации неофициального общения. К основным причинам, вызывающим повышение вариативности в неофициальных ситуациях, можно отнести следующие экстралингвистические факторы:

- 1) снижение внимания к собственной речи;
- 2) высокий темп речи;
- 3) стремление к экономии речевых усилий.

Список использованных источников

1. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М.: Изд-во Междунар. отношений, 1979. 253 с.
2. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. Проблемы диакронической фонологии. М.: Изд-во иностр. литературы, 1960. 261 с.

3. Научная школа социофонетики и фоностилистики профессора Петренко А. Д. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://docplayer.ru/80500541-Nauchnaya-shkola-sociofonetiki-i-fonostilistiki-professora-petrenko-a-d.html> (дата обращения 10.01.2020).

4. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностр. литературы, 1960. 500 с.

5. Поливанов Е. Д. Где лежат причины языковой эволюции // Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 375 с.

6. Социофонетика и фоностилистика (опыт, актуальная проблематика, перспективы): монография; под редакцией доктора филологических наук, профессора А. Д. Петренко. Москва, 2018. С. 59.

7. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.

8. Meier H. Deutsche Sprachstatistik. Bd.2. 2., erw. u. verb. Aufl. Hildesheim: Olms, 1967. S. 145-150.

9. Meinhold G. Deutsche Standardausprache: Lautschwächungen und Formstufen. Jena: Friedrich-Schiller-Universität, 1973. 147 S.

УДК 811.111'27

**МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ:
ЧТЕНИЕ ТЕКСТА ИНФОРМАНТАМИ В ОБСТАНОВКЕ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ**

А. Д. Петренко,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики, директор Института иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Д. А. Петренко,

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии, Институт иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Н. А. Вовк,

аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье анализируется речевой материал, который записан в обстановке официального общения в рамках применения метода моделирования коммуникативной ситуации. Девушки-информанты из Федеративной Республики Нигерия (далее – ФРН) производили чтение текста на английском языке (далее – АЯ). Цель исследования состоит в выявлении специфики произношения лиц женского пола, социальный статус которых определяется принадлежностью к студенческим кругам. Дается фонетико-фонологический анализ фрагмента текста. Выявляются особенности влияния фонем языка йоруба (далее – ЯЙ) на системы вокализма и консонантизма нигерийского варианта английского языка (далее – НВАЯ), фонематическую основу которых формирует британский английский (далее – БА).

Ключевые слова: метод моделирования коммуникативной ситуации, обстановка официального общения, чтение текста, язык йоруба, британский английский, нигерийский вариант английского языка, гласные фонемы, согласные фонемы.

Summary. In the article there is analyzed the speech material recorded in the context of formal communication within the framework of the method of modelling a communicative situation. The informant girls from the Federative Republic of Nigeria were reading a text in the English language. The purpose of the research lies in defining the specifics of pronunciation of female representatives whose social status is identified by belonging to the students' community. One gives the phonetics and phonological analysis of the text fragment. There are defined the peculiarities of the Yoruba language influence on the vowel and consonant systems of Nigerian English, the phonematic basis of which is formed by British English.

Key words: method of modelling a communicative situation, context of formal communication, text reading, the Yoruba language, British English, Nigerian English, vowel phonemes, consonant phonemes.

На текущем этапе фонетика успешно рассматривает соотношение нормы и варьирования. Охвачен целый список факторов, влияющих на произносительные средства в речевой реализации. Языковеды в своих работах основываются на важности детального рассмотрения форм вариативности языка, которая соотносится с конкретными социальными признаками его носителей [4, с. 5-6].

Анализ вариативности с позиций социолингвистики обуславливает определение закономерностей, характеризующих речевое поведение не постоянного, а переменного вида. Единицы вариантных структур произношения представлены фонологическими переменными [3, с. 17].

Современная социолингвистика вводит в фокус исследования такую важную проблему, как социально обусловленная вариативность международного английского языка. Последний применяется для коммуникации и демонстрирует наличие социальных норм, которые определяют речевое поведение. Современные исследования международного английского языка позволяют методологически построить механизм селекции вариантов, имеющих социальную значимость [2, с. 11]. Одним из вариантов английского языка является нигерийский вариант АЯ, система фонем которого подвергается влиянию гласных и согласных местных языков, которые присутствуют в Федеративной Республике Нигерия в большом количестве, примером чему служит язык йоруба, на котором разговаривает одноименный этнос.

В процессе социофонетических изысканий важную роль играет методика сбора материала исследования, предполагающая использование метода фиксации языкового и речевого материала на определенных носители и метод моделирования коммуникативной ситуации. В рамках последнего важную роль играют конструируемые контексты общения: непринужденное общение информантов между собой; общение информантов с участием экспериментатора; нестандартное интервью; более официальное общение с тестированием информантов и выполнением упражнений с исследуемыми фонологическими переменными в рамках программы исследования; официальное общение с выразительным чтением списков слов и отрывков текстов для приближения произношения информантов к эталону корректной речи [5, с. 51].

Контекст официального общения создавался в ходе работы с информантами, с девушками из ФРН. Специфика такого вида коммуникации выражается в точности и четкости артикуляции. Официальное общение представляет собой сравнительно медленный тип коммуникации. Такие свойства официально-деловой речи определяются задачами общения, суть которых состоит в том, чтобы правильно и точно передать информацию реципиенту, используя при этом минимум языковых

средств. Прежде чем перейти к анализу записей текста, который ими выразительно читался, необходимо сказать о системах вокализма и консонантизма ЯЙ.

Система вокализма языка йоруба представлена семью ротовыми гласными фонемами /i; e; ε; a; o; ɔ; u/ и пятью назальными гласными /ĩ; ẽ; ã; õ; ù/ [8].

Точное число согласных фонем в ЯЙ вызывает определенные споры. Распространенной точкой зрения является тот факт, что система консонантизма этого языка представлена восемнадцатью согласными фонемами. Это количество соответствует числу согласных букв: /b, t, d, k, g, k̄, ḡ, f, s, ʃ, h, dʒ, m, n, r, l, j, w/ [7, с. 4].

Британский английский содержит двенадцать монофтонгов: /ɪ; e; æ; ɒ; ʌ; ʊ; ə; iː; uː; ɑː; ɔː; zː/. Число дифтонгов – восемь: /eɪ; aɪ; ɔɪ; əʊ; aʊ; iə; eə; ʊə/ [1, с. 74].

Система консонантизма британского варианта английского языка формируется двадцатью четырьмя фонемами: /p; b; t; d; k; g; f; v; θ; ð; s; z; ʃ; ʒ; h; tʃ; dʒ; m; n; ŋ; w; r; j; l/ [1, с. 61].

В ходе работы информантам было предложено прочитать текст. С этой целью был выбран рассказ известной нигерийской писательницы Чимаманды Нгози Адичи (Chimamanda Ngozi Adichie) «Призраки» («Ghosts»), который по очереди читали семь студенток из Нигерии, принадлежащих к этносу йоруба и для которых ЯЙ является родным. Для анализа было отобрано первое предложение из этого произведения: «Today I saw Ikenna Okoro, a man I had long thought was dead» [6].

Проводился сопоставительный анализ фонетической реализации этой синтаксической единицы семью девушками-информантами, которые участвовали в записи. Произношение этого предложения в виде транскрипции выглядит следующим образом:

Информант	Транскрипция предложения
Девушка 1	[tə'deɪ aɪ 'sɔ i'kenə ə'kɔrɔ, ə 'mæn aɪ (həd) 'lɒŋ 'tɒt wɔs ded]
Девушка 2	[tə'deɪ aɪ 'sɔ i'kenə ə'kɔrɔ, i 'mæn aɪ hed 'lɒŋ 'tɒt wɔs ded]
Девушка 3	[tə'deɪ aɪ 'sɔ i'kina u'kuru, i 'mæn aɪ hed 'lɒŋ 'tɒt wɔs ded]
Девушка 4	[tə'deɪ aɪ 'sɔ i'kenə ə'kɔrɔ, i 'mæn aɪ hed 'lɒŋ 'θɒt wɔs ded]
Девушка 5	[tə'deɪ aɪ 'sɔ i'kenə ə'kuru, i 'mæn aɪ hed 'lɒŋ 'tɒt wɔs ded]
Девушка 6	[tə'deɪ aɪ 'sɔ i'kenə ə'kɔrɔ, i 'mæn aɪ hed 'lɒŋ 'tɒt wɔs ded]
Девушка 7	[tə'deɪ aɪ 'sɔ i'kenə ə'kɔrɔ, i 'mæn aɪ hed 'lɒŋ 'θɒt wɔs ded]

В транскрибированных предложениях видно, что часть слов произносится, как и в БА, например: today, I, dead [tə'deɪ; aɪ; ded].

В языке йоруба отсутствует деление гласных по признаку долготы и краткости. Поэтому лексические единицы, которые в БА содержат долгие гласные, такие как *saw* и *thought* [sɔː; θɔːt], произносятся информантами в «кратком виде»: [sɔ; θɒt].

Также анализ показывает, что фонема британского английского /æ/, которая отсутствует в системе вокализма ЯЙ, в пяти случаях реализуется девушками-информантами как [ɛ]. В языке йоруба присутствуют две фонемы, которые похожи по артикуляции – это /e/ (полузакрытый неогубленный гласный переднего ряда) и /ɛ/ (полуоткрытый неогубленный гласный переднего ряда). Вторая из этой пары более открыта, чем первая, поэтому и заменяет фонема БА /æ/.

Переходя к анализу согласных звуков, можно сказать, что в системе консонантизма ЯЙ фонема /ŋ/ не имеет однозначного статуса. Одни исследователи включают ее в число согласных языка йоруба, другие не считают нужным это делать. Поэтому в ходе процесса чтения наречие *long*, которое читается в БА как [lɒŋ], информантами читается как [lɒŋ] в виду неустойчивости статуса этой носовой велярной фонемы.

Также следует обратить внимание на особенности реализации фонемы английского языка [θ]. Пять информантов женского пола произносят эту фонетическую переменную как [t], что следует из примера со словом *thought*. Вместо британского [θɔ:t] получается вариант [tɔ:t]. Следует отметить, что фонема /θ/ отсутствует в системе консонантизма ЯЙ.

На основе проделанного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Девушки-информанты произносят ряд слов как в британском английском.
2. В языке йоруба нет долгих гласных и информанты произносят долгие в БА гласные кратко.

3. Фонема британского английского /æ/ отсутствует среди гласных ЯЙ и в пяти случаях реализуется студентками из Нигерии как [ɛ].

4. Среди согласных фонем ЯЙ фонема /ŋ/ не имеет однозначного статуса. Поэтому в ходе чтения наречие *long* информантами читается как [lɔŋ].

5. Также следует обратить внимание на особенности реализации фонемы английского языка [θ]. Пять информантов женского пола произносят эту фонологическую переменную в виде варианта [t].

Таким образом, можно сделать вывод, что даже в официальном контексте общения на сегментном уровне прослеживается влияние фонетических особенностей языка йоруба на артикуляцию нигерийского варианта английского языка, на котором разговаривают информанты женского пола – студентки из Федеративной Республики Нигерия.

Список использованных источников

1. Бурая Е.А. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс: учебник для студ. вузов и фак. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 272 с.

2. Мележик К.А. От глобального английского языка к национальному варианту английского лингва франка – проблемы коммуникативно-прагматической вариативности: Дис. ... доктора филол. наук. Симферополь, 2018. 635 с.

3. Петренко А.Д. Опыт изучения фонетической стратификации речи // Социофонетика и фоностилистика (опыт, актуальная проблематика, перспективы): монография / А.Д. Петренко, В.М. Бухаров, Д.А. Петренко [и др.]; под ред. д-ра филол. наук, проф. А.Д. Петренко. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 13-69.

4. Петренко А.Д. Социофонетика: Крымский резонанс // Социофонетика и фоностилистика (опыт, актуальная проблематика, перспективы): монография / А.Д. Петренко, В.М. Бухаров, Д.А. Петренко [и др.]; под ред. д-ра филол. наук, проф. А.Д. Петренко. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 5-12.

5. Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. К.: «Рідна мова», 1998. 254 с.

6. Adichie Ch.N. Ghosts [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: http://www.all-story.com/issues.cgi?action=show_story&story_id=250. (дата обращения 21.01.2020).

7. Arokoyo B.E. A Comparative Phonology of the Olùkùmi, Igala, Owe and Yoruba Languages [Electronic Resource] // Towards Proto-Niger Congo: Comparison and Reconstruction. Paris, 18-21 September. 9 p. – Mode of access: URL: http://llacan.vjf.cnrs.fr/fichiers/nigercongo/fichiers/arokoyo_paper.pdf. (дата обращения: 10.02.20).

8. Yoruba (Èdè Yorùbá). Omniglot. The Online Encyclopedia of Writing Systems and Languages [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://www.omniglot.com/writing/yoruba.htm>. (дата обращения: 28.01.20).

А. Д. Петренко,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики, директор Института иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

К. А. Мележик,

доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков №3, Институт иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

В. Г. Шевель,

преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена вопросу изучения английского языка как лингва франка (АЛФ) в контексте компьютерно-опосредованного общения. Цель работы заключается в освещении ключевых компонентов АЛФ общения, необходимых для реализации частных коммуникативных намерений в рамках взаимодействия с говорящими, обладающими различными лингво-культурными данными. В работе обозначены основные АЛФ компетенции, освоение которых способствует успешной межкультурной коммуникации на АЛФ в аутентичной среде. Обучение таким компетенциям подразумевает применение педагогической целевой модели, способствующей развитию широкого диапазона частных коммуникативных навыков при помощи компьютерно-опосредованных ресурсов и телеколлаборационных средств, сопутствующим инновационным педагогическим решениям, направленным на развитие осведомленности, понимания, продуктивности, коммуникативного взаимодействия и креативности АЛФ коммуникантов. Основные результаты исследования были получены путем применения индуктивно-дедуктивного метода и метода обоснованной теории.

Ключевые слова: социолингвистика, межкультурное общение, английский лингва франка (АЛФ), компьютерно-опосредованная коммуникация, компьютерно-опосредованное обучение.

Summary. The article is devoted to the current role of the English language, i.e. ELF. The purpose of the given work is to scrutinize the main components needed to fulfill effective communication process between people from diverse linguacultural backgrounds by means of ELF. The growing number of non-native speakers requires a more differentiated view of teaching towards ELF competence. The main ELF competences to mediate social and professional relations in an authentic communicative environment are set. From a pedagogic perspective, awareness, comprehension, productivity, communicative interaction, and creativity are the key dimensions to develop. Computer-mediated and telecollaboration means offer new target model of teaching, virtual learning environment for the authentic communicative interactions within intercultural ELF cooperation. The inductive-deductive method serves as a methodological procedure of the present research.

Key words: sociolinguistics, English as a Lingua Franca (ELF), intercultural competence, computer-mediated education, ELF competences.

За последние десятилетия изучение сферы распространения английского языка как лингва франка (АЛФ) стало одним из актуальных направлений прикладного языкознания. Ключевыми терминологическими детерминантами в рамках таких исследований являются: «говорящие», «личность», «неродной язык», «языковая политика», «межкультурное общение», «толерантность», «межкультурная осведомленность» [3, с. 55; 10, с. 135-150; 7, с. 514-520], что представляет АЛФ междисциплинарной, динамичной и многогранной сферой научных изысканий, отображающей процессы языковых изменений, дивергенции, конвергенции, а также открывает говорящим новые коммуникативные возможности для реализации частных коммуникативных интенций.

Изучение английского языка как лингва франка (АЛФ) в контексте компьютерно-опосредованного общения направлено на выявление стремительно происходящих языковых изменений, а также на распознавание и обучение таким изменениям при помощи компьютерно-опосредованных средств в рамках освоения иностранного языка.

Отмечается, что возможность регулярного применения компьютерно-опосредованных инструментов обучения, взаимодействуя, при этом, в рамках аутентичной среды, превращает стандартное «закрытое» обучение в виртуальную «открытую» среду, которая трансформирует английский язык как иностранный (АИЯ) в английский язык как лингва франка, социально конструируемый его пользователями [2, с. 152-167]. В этой связи, проведение дифференциации между английским языком как иностранным и английским языком как лингва франка видится как континуум, нежели как дихотомия [6, с. 202-220].

Дж. Лантольф и С. Торн отмечают, что с применением ресурсов компьютерно-опосредованного обучения, аудиторное обучение может рассматриваться как открытая экосистема, а АИЯ и АЛФ конвергируют для осуществления успешной коммуникации среди неродных носителей языка.

Возникающая потребность эффективного общения в среде говорящих, представляющих различные лингво-культурные группы, подразумевает частный подход к обучению таких говорящих, который учитывает не только особенности межкультурного взаимодействия, но и представляет адаптированный подход к преподаванию самого языка [2, с. 155-160; 5, с. 235-264; 6, с. 166-168; 8, с. 84-95; 11, с. 153-180; 12, с. 202-233; 13, с. 483-500]. Указанный подход должен быть направлен на улучшение общекультурных и коммуникативных компетенций говорящих.

Ключевыми компетенциями, освоенными, в рамках такого подхода могут считаться: способность говорящих распознавать и понимать региональные разновидности английского языка; грамотно поддерживать межкультурный диалог; успешно применять интерактивные и межкультурные коммуникативные стратегии [1, с. 157-163; 10, с. 150-158]; правильно использовать грамматические структуры. Таким образом, данный адаптированный подход подразумевает преподавание грамматики как динамичной системы, которой необходимо обучать как навыку, нежели как фиксированному своду правил, а также обеспечение обучающихся возможностью использовать грамматические основы в процессе активных видов деятельности, в аутентичной среде [9, с. 158].

Ряд особенностей комбинированного подхода, включающего инновационное обучение языку, обучающие практики посредством компьютерных средств, а также телеколлаборацию (telecollaboration/ online interaction and exchange (OIE)) был рассмотрен Дж. Дженкинс, Б. Зайдхолфер, В. Антониаду, Дж. А. Белтс, М. Варшауер, Р. Керн, А. Кого, М. Дьюи, Л. Лопприоре, Н. Сифакис, А. М. Сугари. Данный подход,

отмечают исследователи, позволяет учителям трансформировать традиционную изолированную среду обучения в виртуальную агору, в рамках которой, обучающиеся из различных лингвокультурных сред используют АЛФ в качестве средства для поддержания социальных взаимоотношений в аутентичной коммуникативной среде.

Увеличивающееся количество неродных носителей английского языка, принадлежащих к «внешнему кругу» Б. Качру, и представители «расширяющегося круга» (Б. Качру) послужили появлению «глобальных» вариантов английского языка, отличающихся как от нормативного варианта английского языка, так и от многих других разновидностей английского языка, используемых родными носителями, на фонологическом, лексико-грамматическом и дискурсивном уровнях.

Данный социолингвистический феномен отражает проблемное поле коммуникации «внутреннего» круга родных носителей языка (Б. Качру) как относительного меньшинства, что, как отмечают А. Кого, М. Дьюи, подчеркивает необходимость переформулирования моделей и практик обучения, адаптированных к процессам языковых изменений и социокультурным реалиям. К. Крамш отмечает необходимость обращения к АЛФ не как к разновидности или варианту английского языка, а как к процессу общения, что изменяет педагогическую парадигму с обучения формам и структурам на помощь в реализации коммуникативных целей говорящих. Обучение АЛФ компетенциям подразумевает направленность на следующие компоненты: осведомленность, понимание, производительность, коммуникативное взаимодействие и креативность неродных носителей языка. Успешное освоение данных составляющих АЛФ общения играет ключевую роль в процессе межкультурного общения.

С точки зрения педагогики, говорящим, в первую очередь, необходимо развивать осведомленность в отношении структурных компонентов, условий и требований АЛФ коммуникации. Значительному количеству потенциальных говорящих на АЛФ будет необходимо пересмотреть привычное отношение к нормативности высказываний в сторону толерантности, углубленности, вовлеченности, в контексте соответствующей коммуникативной ситуации [4, с. 72-90].

Инструменты и практики, направленные на улучшение коммуникативной осведомленности связаны с наблюдением за собственным коммуникативным поведением, а также коммуникативным поведением собеседников, учитывая культурные различия, стиль общения, удовлетворенность результатом общения. Овладение навыком понимания в рамках обучения АЛФ коммуникации включает в себя ознакомление с новыми произносительными вариантами и структурой предложений, трактовками высказываний, дискурсивным единством. Помощь в освоении навыков производительности (продуктивности) порождает установление собственных требований говорящих в рамках открытой межкультурной АЛФ среды, подразумевающих гибкое и функциональное отношение к нормативности высказываний.

Особое внимание должно быть уделено: расширению лингвистического репертуара в отношении вежливых форм обращения; формам выражения согласия/несогласия; управлению тематикой общения и процессом общения; стратегии перефразирования как форме организации общения; устранению недопониманий. Задания такого рода способствуют поддержанию вовлеченности говорящих в аутентичной АЛФ среде, не пренебрегая стандартными коммуникативными нормами; учитывают лингвистические средства выражения значения, присущие межкультурному АЛФ общению; способствуют упрощению общения при помощи компьютерно-опосредованных вспомогательных средств.

В процессе овладения навыком коммуникативного взаимодействия, ключевыми являются требования, которые предъявляются говорящими к собственному коммуникативному поведению.

Одним из самых комплексных аспектов формирования АЛФ компетенции является закрепление навыка креативности, что частично подразумевает овладение стратегиями креативного изучения, расширение собственных лингво-коммуникативных ресурсов, развитие критической чувствительности.

Успешное овладение АЛФ компетенциями непосредственно связано с компьютерно-опосредованными средствами обучения. В частности, открытые образовательные ресурсы предоставляют доступ к широкому спектру аудио- и видеозаписей речи, фиксирующим многочисленные произносительные и стилистические варианты речи (Pedagogic Corpora for Content and Language Integrated Learning (BACKBONE), Tübingen English as a Lingua Franca (TELF), PELLIC, TILA). Проекты такого рода могут представлять собой корпуса фиксированных элементов общения на иностранном языке; в рамках повседневной или бизнес коммуникации; в частности, письменной и устной; в больших и менее количественных группах; при помощи электронных образовательных сред, базирующихся на платформах Moodle и Google Apps. Вспомогательными средствами в рамках таких проектов выступают элементы транскрибирования, анкеты участников учебного процесса, отчеты участников о решении коммуникативных проблем и мн. др.

Обучение АЛФ компетенциям подразумевает применение педагогической целевой модели, способствующей развитию широкого диапазона частных коммуникативных навыков, творческого потенциала, критического осмысления ситуаций коммуникативного взаимодействия, обеспечение преподавателем непрерывный доступ обучающихся к межкультурному АЛФ общению в режиме реального времени.

Компьютерно-опосредованные ресурсы и телеколлорсионные средства способствуют инновационным педагогическим решениям, направленным на развитие осведомленности, понимания, производительности, коммуникативного взаимодействия и креативности потенциального коммуниканта на АЛФ.

Список использованных источников

1. Cogo A. & Dewey M. Analysing English as a Lingua Franca. A corpus-based investigation . London: Continuum, 2012.
2. Gray J. The global course-book in English language teaching. London: Routledge, 2002.
3. Jenkins J. The phonology of English as an International Language. Oxford: Oxford University Press, 2000.
4. Kohn K. ELF and the Standard English misunderstanding. Amsterdam: John Benjamins, 2011.
5. Lopriore L. & Ceruti M.A. Lexicon and intercultural competence in EFL manuals. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012.
6. Lopriore L. & Vettorel P. Promoting awareness of Englishes and ELF in the English language classroom. London: Palgrave MacMillan, 2015.
7. Mauranen A. (2003). The corpus of English as lingua franca in academic settings. TESOL Quarterly. 37 (3), 2003.
8. Naji Meidani E. & Pishghadam R. Analysis of English language textbooks in the light of English as an International Language (EIL): A comparative study. International Journal of Research Studies in Language Learning. 2 (2), 2013.
9. Pérez-Llantada C. New trends in grammar teaching: Issues and applications. London: Atlantis, 2007.
10. Seidlhofer B. Closing the conceptual gap of English as a lingua franca. International journal of Applied Linguistics. 11 (2), 2001.
11. Vettorel P. EIL/ELF and representation of culture in textbooks: Only food, fairs, folklore and facts? Bern: Peter, 2010.
12. Vettorel P. & Corrizzato S. World Englishes and ELF in ELT textbooks: How is plurality represented?. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012.

13. Vettorel P. & Lopriore L. Is there ELF in ELT course-books? *Studies in Second Language Learning and Teaching*, 3(4), 2013.

УДК 378.14

**FOREIGN LANGUAGE EDUCATIONAL PLATFORMS FOR
UNDERGRADUATE STUDENTS' LANGUAGE PROFESSIONAL
COMMUNICATION TRAINING**

N. B. Samoilenko,

*Doctor (Pedagogy), professor of Language Teaching Methods and Foreign Philology
Department, Institute of Humanities and Pedagogy, Sevastopol State University,
Sevastopol*

Аннотация. В статье рассмотрена необходимость формирования образовательной среды, адекватной новым тенденциям в сфере высшего профессионального образования; описаны возможности использования онлайн-курсов на иноязычных образовательных порталах в профессионально-ориентированном обучении иностранному языку магистрантов.

Ключевые слова: образовательная среда, профессионально-ориентированное обучение иностранному языку, онлайн курс, иноязычный образовательный портал, магистрант.

Summary. In the article the necessity of educational environment forming, adequate to the new tendencies in the field of higher professional education is analyzed; opportunities for using of online-courses on foreign language educational platforms in undergraduate students' foreign languages professional communication training are described.

Key words: education environment, foreign language professional communication training, online course, foreign language educational platform, undergraduate student.

At present the revision of education system is necessary in order to prepare graduates for the 21st century. The development of foreign language competences is essential for social inclusion, mutual understanding and professional development. The CEFR has contributed to the implementation of the Council of Europe's language education principles, including the promotion of reflective learning and learner autonomy [1; 2]. For some years ELF scholars have been observing some changes in higher education. It is globalised. Many universities around the world are described as 'international'. It is very important to focus on the cultural and linguistic implications [6]. In the recent researches we have mentioned the role of English as the global lingua franca [4].

Scholars from different countries in their researches highlight the role of Global Englishes and intercultural communication in English Language Teaching. They explore the links between languages, cultures, communities, nations and identities and the implications about communication and teaching languages [4].

There's been a massive increase in the use of technology in the use of English globally [2]. Nowadays, there are a great many possibilities to learn languages online at distance, and self-study materials for language learning have been available for many years. However, when the globalisation and internationalisation of higher education are discussed, the role of undergraduate students' foreign language competence development in a higher educational institution using online platform has not discussed enough.

The last researchers present now day teacher's skills in English language teaching: to incorporate the global diversity of English into the curriculum rather than focusing exclusively on native English; to develop learners' ability to use English in a flexible way for accommodating to diverse interlocutors and promoting successful intercultural

communication [3, p. 171]; to set realistic objectives that are attainable and more closely correspond to the needs of the majority of users of English; to focus on communicative function and evaluating forms in terms of their functional effectiveness rather than their closeness to native English norms [5, p. 198]; to analyse and teach English linguistically, culturally, pragmatically; to teach learners to use what they are taught developing effective communication strategies related to their own cultural reality [7, p. 373]; to organize communicative practices related both to specific cultures and also as emergent and hybrid in intercultural communication; to set initial interaction in intercultural communication based on cultural stereotypes or generalizations; to negotiate and mediate between different emergent socioculturally grounded communication modes and frames of reference based on the above understanding of culture in intercultural communication; to set about raising intercultural awareness among English learners [4].

The scholars focus on the reasons for such changes: global diversity of English; effective and successful intercultural communication; communicative use of language; descriptions of ELF should not directly determine what language is taught – this should remain a local decision; pedagogical framework for an ELF-informed approach to the teaching of English; concept “cultural awareness” and its role in using ELF – developing an understanding of differences between one’s own and another culture; a user or learner of English has knowledge of all the different cultural contexts of communication they may encounter and even less so the language cultures of the participants in this communication [3-5; 7].

There are many ways by which teachers can become actively involved in the learning process. Technology influence on language learning process, new ways of teaching and learning. On-line professional training course on leading on-line platforms is an up-today trend in education [10].

Participating in different online courses and didn’t have enough experience of teaching English online, we analyze and choose the answers of our colleagues from other countries and cultures: “I became an online tutor initially because I wanted to keep up to date with trends in teaching”; “I wanted something to complement my main schedule. I didn’t have a lot of teaching hours and I wanted something that was flexible”; “I wanted to cut down on commuting time because I was teaching private languages classes far from my home”; “I needed flexible teaching hours to fit around my family life” [6].

In our practice we use the online platforms for students’ autonomous learning and language learning achievement presenting and assessing students’ skills.

We focus on the opportunities for implementation of online education for improvement of higher pedagogical education in the foreign language teaching process. There are examples of some on-line courses for students and teachers. We studied on leading on-line platform «Future Learn» for 2017-2018 yy.: “Teaching for Success: Lessons and Teaching” – develop the skills and practices for continuing professional development (CPD); cover four professional practices: planning lessons and courses, managing resources, managing the lesson, taking responsibility for professional development; “Research Writing: How to Do a Literature Review” – learn how to write a strong literature review with this course designed for research students, at any level, in any discipline; “Blended Learning Essentials: Developing Digital Skills” – a course for the Vocational Education and Training sector to support the development of learners’ digital skills in the workplace; “Teaching for Success: Lessons and Teaching” – look at lessons, courses and resources with this continuing professional development course for English language teachers [6].

The foreign language online platforms were analysed by the undergraduate students in the process of studying discipline “Teaching foreign languages in the higher education institutions”: Future Learn – <https://www.futurelearn.com>; Yale – <https://oyc.yale>.

edu/courses; Canvas – <https://www.canvas.net>; Stanford Online – <http://online.stanford.edu/courses>; Alison – <https://alison.com>; Openlearning – <https://www.openlearning.com>; Genius English – <https://geniusenglish.ru>; Khan academy – <https://www.khanacademy.org>; Lingualeo – <https://lingualeo.com/ru>. They use this material for preparing and conducting their own microteaching lessons.

We set the students the task of investigating these tools, and discuss which they could use to teach and to learn foreign languages. The results are presented in table 1.

Table 1

On-line courses for students and teachers

№	Online course title	Online course description	Authors	Audience
1	Understanding Languages	What exactly is language? How do we go about learning a language? What does an effective language teaching classroom environment look like? What about technology? How do we use that in language learning today? What about the implications of the global spread of English?	University of Southampton 2017	Future English language teachers, Undergraduate students of Humanities, English language teachers
2	Using Virtual Scenarios To Create Effective Learning	This course is for teachers and trainers in any discipline who wish to create their own virtual scenarios, or learn about this approach. The course will also be of value to those studying or interested in working in education disciplines or instructional design.	St George's, University of London	Teachers and trainers in any discipline
3	Supporting English Learners: Resources for Leaders	To support educational leaders in driving educational change for English Learners; to better understand ELs in their context, including their schooling experiences, needs, and successes, and use what they learn to design and implement higher quality educational experiences that build disciplinary knowledge and skills.	Stanford University 2018	Teachers and trainers in teaching the English language
4	Creating Effective Online and Blended Courses	These resources help instructors develop online courses or incorporate online learning approaches in their on-campus classes.	Stanford University 2018	For a general audience of instructors at 2-and 4-year higher education institutions
5	English as a Medium of Instruction for Academics	Equip yourself to teach in international contexts by increasing your English language skills and intercultural knowledge.	University of Southampton 2018	Undergraduate students of Humanities
6	English for Academic Purposes: a MOVE-ME Project Course	Develop the language skills you need to study in English and make the most of European student mobility programmes	University of Southampton 2018	Undergraduate students of Humanities

7	Intercultural Communication	Learn to appreciate, adjust to, and work or study in different cultures, with this free online intercultural communication course.	University of Southampton 2018	Students of Humanities
8	Language Assessment in the Classroom	Assessment is becoming increasingly important in language education. Understand it better with this course for language teachers.	University of Southampton 2018	Students of Humanities
9	English as a Medium of Instruction for Academics	Equip yourself to teach in international contexts by increasing your English language skills and intercultural knowledge.	University of Southampton 2018	Undergraduate students of Humanities
10	Improve Your Intercultural Competence	Develop the attitudes, skills and knowledge required to thrive in diverse workplaces.	University of Southampton 2018	Students of Humanities
11	Working with Translation: Theory and Practice	Explore what it means to communicate in multiple languages in a variety of contexts, and discover your inner translator.	University of Southampton 2018	Students of Humanities
12	An Intermediate Guide to Writing in English for University Study	Improve your academic English skills further, learning about critical analysis, using sources, avoiding plagiarism and more.	University of Southampton 2018	Undergraduate students of Humanities
13	Introduction to Intercultural Studies: Language and Culture	Explore intercultural communication by understanding the relationship between language and cultural identity.	University of Leeds 2018	Students of Humanities
14	Understanding Diversity and Inclusion	Develop your attitudes, skills and knowledge of cultural diversity so you're able to create inclusive environments.	University of Southampton 2018	Students of Humanities

In conclusion we can say that language learning process has changed because the skills and content of any modern language course; the nature of assessment, impact of technology have changed. We used online platform resources for supporting our students' thinking about their language learning; helping them to understand the central aim of language learning; teaching them how to assess themselves; increasing the learners' motivation; using European standards of proficiency (the CECR levels).

That is why the main goal of the future projects is to improve the present system of education of the residents and students by designing the Master program in "Foreign Languages and Intercultural communication teaching", revising relevant curricula, existing relevant modules of teaching courses and approximating them to the European educational standards, developing and implementing training and retraining programs. Preliminary results of introducing the new program are presented. It is necessary to discuss some considerations as to the prospects of online learning and teaching, which are potentially applicable to similar intercultural and educational situations.

References

1. Самойленко Н. Б. Language portfolio: students' autonomous learning and language learning achievement. *Scientific Letters of Academic Society of Michal Baludansky*. Slovakia, 2018. Vol. 3. №. 6. P. 124–130.
2. Самойленко Н.Б. Преподаватель в виртуальной образовательной среде:

проблемі, перспективи. Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. – Сборник научных трудов: Ялта: РИО ГПА, 2018. – Вып. 59. Ч. 1. С. 318–323.

3. Cogo A. Analysing English as a Lingua Franca: A Corpus-Driven Investigation. New York: Continuum, 2012. P. 169–183.

4. Jenkins J. Global Englishes. A resource book for students. Abingdon, GB: Routledge, 3rd edition, 2015. 288 p.

5. Seidlhofer B. Understanding English as a Lingua Franca. Oxford : Oxford University Press, 2011. P. 196–198.

6. The University of Southampton – [Electronic Resource] – Mode of access: <https://www.southampton.ac.uk/ml/about/staff/wmlb.page>. (accessed 18 January 2019).

7. Wen Q. English as a lingua franca // A pedagogical perspective. Journal of English as a Lingua Franca. – 2012 – 1(2). – P. 371-376. – [Electronic Resource] – Mode of access: <https://doi.org/10.1515/jelf-2012-0024> (accessed 22.01.2019).

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

УДК 811.9

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ГЛЮТТОНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК КУЛЬТУРОГЕННОЙ СФЕРЕ: ЛИНГВОСЕМИОТИКА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ГЛЮТТОНИКИ

И. И. Воронцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Аннотация. Автором рассматриваются некоторые аспекты интертекстуального анализа глуттонического дискурса как многоуровневого конструкта.

Предпринимается попытка представить семантическую категоризацию лингвосемиотических знаков англоязычной глуттонической коммуникации. Эскурсы в историю и этнолингвистику раскрывают уникальность национальной культуросферы на примерах этимологии глуттонимов и модификации стоящих за ними понятий. Автор последовательно проводит мысль, что в ситуации потребительской коммуникации номинирование превращает блюдо в семиотический медиум, обозначает роль эмотивного воздействия на сознание адресата гастрономического дискурса через аллюзии к семейным, экологическим, гедонистическим ценностям.

Статья завершается выводом о том, что развитие лингвокультурологической компетенции, в том числе, в сфере гасстики, напрямую акцентуирует интертекстуальность.

Ключевые слова: интертекстуальность, глуттонический дискурс, культурный код, аксиологическая парадигма, лингвосемиотические знаки.

Summary. The author explores some aspects of the intertextual analysis of gluttonic discourse as a multi-level construct.

The author endeavors to present a semantic categorization of linguosemiotic signs of English-language gluttonic communication. Retrospective insights into history and ethnolinguistics reveal the uniqueness of the national cultural sphere on the examples of gluttonyms' etymology and modifications of the concepts behind them. The author consistently holds the idea that in a situation of consumer communication, nomination turns the dish into a semiotic medium, outlines the role of the emotional impact on the consciousness of the recipient of gastronomic discourse through allusions to family, environmental, hedonistic values.

The article concludes that the development of linguistic and cultural competence, enveloping the field of gastics, explicitly accentuates intertextuality.

Key words: intertextuality, gluttonic discourse, cultural code, axiological paradigm, linguosemiotic signs.

Если принять тезу Мартина Хайдеггера, что в изображении картины мира мир предстает и космосом, и историей, и даже природой [4], то глуттоническая картина мира (от лат. *gluttonare* – «есть, питаться, поглощать пищу») реализуется в виде глуттонического дискурса, одного из ведущих в потребительской коммуникации.

Э. Глиссан пишет о том, что пища является «важнейшим элементом культурной принадлежности», еде приписываются символические значения, поскольку культура питания отражает культурные ценности человека, семьи, нации и отражена в языковой паремии, церемониях и ритуалах. Еда выступает проводни-

ком социальной информации и передающихся от поколения к поколению культурных ценностей. “Meals convey social messages. Through eating together as a family, cultural values are transmitted from generation to generation.<...> Finally, the importance of food and eating is reflected in proverbs, folk wisdom and metaphor in many languages” [5, с. 3].

1. Конститутивные признаки глуттонического дискурса

Конститутивными признаками глуттонического дискурса выступают креолизованные прецедентные тексты, к наиболее репрезентативным из которых можно отнести рецепты, меню, путеводители, гастрономические фрагменты художественных текстов и материалы журналов, книг, веб-страниц, кулинарных передач, являющих феномен лингвовизуальной коммуникации. Так, в кулинарных передачах дискурс направлен на создание кулинарного стиля и расширение гастрономического кругозора зрителя за счет введения кулинарной лексики, экскурса в историю блюда, демонстрации особенностей национальной культуры питания, в том числе, и в лингвистическом аспекте: паста — это традиция, которая живет тысячи лет. Название «паста» происходит от латинского слова *impastare* — месить. У пасты были прежде и все еще существуют в мире и другие имена, особенно на итальянских диалектах, — этрусское название *макерони*, или *макароны* или пришедшее из древнегреческого *lāganon* и латинского *laganum* нынешнее имя *лазанья*.

2. Лингвосемиотические знаки глуттонической коммуникации

Полижанровый по своей природе, глуттонический дискурс вводится в научный оборот как разновидность культурного кода, со своим арсеналом лингвосемиотических знаков, или глуттонимов. Терминологический аппарат гастрономической картины мира воплощен в номинативном фонде, обозначении процедур и профессий людей, связанных с приготовлением и подачей еды.

Жан Бодрийяр [1] ввел понятие «человека общества потребления», к характеристике сознания и поведения которого Ги Дебор [3] добавил поведенческую модель «общество спектакля». В подобном социуме актуализируется интерес к эвристичности номинации в гастрономии, относящейся к культурогенным сферам, проектирующим творчество, моду, престиж, и отражающим культуроспецифичность аксиологической системы национальной лингвокультуры.

Феномен антропонимической номинации блюда включен в лингвистику «семиосферы». Существующий в научном обороте термин для обозначения блюд — «кулинароним», обогащенный личным именем, порождает новый термин — «антропокулинароним».

По мере общественного признания персоналии имя собственное переходит в статус имени нарицательного.

В антропокулинаронимах может прослеживаться отсылка к:

1. **креатору:** *Hot Brown* (Горячий Браун) – James Graham Brown (Дж. Грэм Браун), владелец отеля Браун, первым подал горячий бутерброд ресторане отеля.

2. а) **исторической личности:** *Salisbury steak* (Стейк Солсбери) – Доктор Джеймс Х. Солсбери, США (1823–1905), сторонник, создал это блюдо и позиционировал его как здоровую пищу для своих пациентов. Стейк готовится на основе говяжьего фарша и, как правило, подается с *gravy* –подливкой из сока жаркого. Подобные кулинарные традиции уже существовали в истории человечества, например, в древнеримских рецептах начала 4-го века или у кочевых монголов, которые подкладывали куски мяса под седла, чтобы оно растиралось в порошок и само готовилось нагреванием и трением. Позже это называли *steak tartar* (стейк тартар).

б) **творческой личности:** *Veal pie à la Dickens* (Пирог с телятиной à la Dickens), созданный шефом Чарльзом Ранхофером в ресторане Delmonico's в Нью-Йорке в честь писателя Чарльза Диккенса в 1867 году; *Chaliapin steak* (Стейк Шаляпина)

– по заказу Федора Шаляпина (1873–1938) в Японии; живописи: *Carpaccio* (Карпаччо) – блюдо из мяса или рыбы, названное в честь венецианского художника Витторе Карпаччо, из-за сходства цвета тонко нарезанной сырой говядины с характерными красными и белыми тонами Витторе Карпаччо.

в) **персоне королевского дома:** *Battenberg cake* (Баттенбергский торт) – в честь брака принца Луи Баттенбергского и принцессы Виктории в 1884 году. Двухцветный «шахматный» (чек-паттерн) бисквитный торт с марципановой глазурью в розовых и желтых цветах. Газета *The Independent* назвала торт Баттенберг «образцовым британцем». Клетчатые узоры на машине скорой помощи в Великобритании официально называются маркировками Баттенберга из-за сходства с тортом.

г) **модной светской личности:** *Eggs Benedict* (Яйца Бенедикта) – отель Waldorf внес в меню блюдо из тостов, бекона, яиц и голландского соуса после того как Лемюэль Бенедикт, известный в Нью-Йорке персонаж светской хроники, заказал его как средство от похмелья. В меню Вальдорфа блюдо получило имя. Ныне известна и германская версия: вместо английских тостов и бекона – ржаной хлеб и колбаса.

Складывается коммуникативная ситуация, в которой потребитель попадает в условия языковой игры, где антропокулинарным становится для коммуниканта семиотическим кодом к культурологической информации. Блюдо порождает у потребителя ассоциативный ряд, приглашая его к соавторству новых концептов. Таков *Eve's Pudding* (Пудинг Евы, также известный как пудинг матери Евы) – впервые упомянутый в 1823 г. яблочный пудинг ассоциативно отсылает к библейской истории.

3. Глюттотическая метафорика и паремия

Лингвокультурологический подход к исследованию языковых репрезентаций эмоций, запечатленных в идиомах, паремиях и конвенциональных метафорах, предопределен «восприятием культуры и языка как антропоцентричных форм сознания» [2, с. 19]. Богатство семиотики лингвознаков англоязычной глюттотоники дает безграничные возможности для фигуративных построений. Фразеологизмы, одни из самых выразительных средств языка, подвергаются переосмыслению в глюттотическом дискурсе: по преданию, корнуэльский пирог с сардинами назван «*Старгейзи*» (*Stargazy*), так как головы сардин обращены в небо.

Нередко смысл идиом с глюттотонимами покидает пределы гасистики: *hot potato* – неприятная или обременительная нагрузка, от которой хочется поскорее избавиться; *spill the beans* – выдать секрет; *eat humble pie* – прийти с повинной; *the greatest thing since sliced bread* – лучше не придумать; *like taking candy from a baby* – проще простого; *the toast of the town* – местная знаменитость.

Возможен иной вектор метафорического переноса: слово *pedigree* – родословная (*a man of pedigree* = человек с хорошей родословной), от французского *ped de gris* (лапка куропатки) – перенос признака на родовое древо, по очертанию сходное с лапкой.

4. Способы воздействия на адресата глюттотического дискурса.

Миссия названий блюд и кулинарных рецептов – установление контакта с клиентом гастрономического дискурса. Эпикурейская философия гасистики очень выражена, поэтому образы глюттотических текстов транслируют стимул «позвольте своим вкусам, балуйте себя» ('indulge yourself'): *One of the reasons to like winter. Yes, even such a grey and dull one. Chestnut cream soup/ pumpkin/ seeds – Один из поводов полюбить зиму. Да-да, даже такую серую и унылую. Крем-суп из каштана/ тыква/ семечки. Или Right morning everyone! Smoothie bowl of the day with beetroot / apple / banana! – Всем яркого утра! Смузи (слово уже вошло в российскую гастрономическую коммерцию для именованья холодного десерта из ягод, овощей или фруктов) дня со свеклой / яблоком / бананом!*

Как инструмент эмотивизации воздействия могут применяться аллюзии к семейным: *My mamma's biscuits, happy 2020!!* – Печенье моей мамы, с 2020!! или эко-

логическим ценностям: “*Dragon’s blood*”, a red latex extracted from the bark of some amazonic trees, it has many medicinal properties. *Beautiful nature* – «Кровь дракона» – красный латекс, извлеченный из коры некоторых амазонических деревьев, обладает множеством лекарственных свойств. Красивая природа. / *Every flower is a soul blossoming in nature* – Каждый цветок – это душа, расцветающая в природе.

Учитывая социально-культурный контекст и бесконечные модификации в рецептуре и самих глуттонимах, глуттонический дискурс может быть описан как совокупность коммуникативного действия, гастрономического текста и микро-макроконтекста.

Развитие лингвокультурологической компетенции напрямую связано с интертекстуальностью. Например, вовсе не обязательно обращаться к справочным ресурсам, чтобы предположить, что блюдо с названием «Запечённая Аляска» (*Baked Alaska*)¹ должно включать нечто холодное – мороженое, покрытое зарумяненными в духовке взбитыми яичными белками. А если эвристически придти к информации, что десерт изобрел шеф-повар нью-йоркского ресторана *Delmonico’s* Чарльз Ранхофер в 1867 году, несложно раскрыть тайну названия – в честь покупки Аляски у Российской Империи.

Равным образом, если знать, что Лорд Вултон был британским министром продовольствия в период II мировой войны, и его задачей было обеспечить поддержание питательной диеты нации, несмотря на нехватку мяса, можно догадаться, что в рецепт *Woolton pie* – Вултонского пирога, рекомендованного британской общественности Министерством продовольствия, входили корнеплоды. Он был создан в отеле *Savoy* в Лондоне шеф-поваром Мэтром Фрэнсисом Латри.

Список использованных источников

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. Перевод на русский язык: Е.А. Самарская. — М., 2006. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. — 26.10.2008. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464>.

2. Воронцова И.И. Метафора как методический прием и единица обучающего воздействия в профессионально ориентированном иноязычном образовании // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Коммуникативные единицы в свете современных научных парадигм» // Т. II – 264 с. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. С. 17–25.

3. Дебор Г. Общество спектакля // [Текст] / Г. Дебор; пер. с фр. А. Уриновского. – М.: Опустошитель, 2008. 236 с.

4. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина — М.: Ad Marginem, 1997. Переизд.: СПб.: Наука, 2002; М.: Академический проект, 2010. — ISBN 978-5-8291-1228-8.

5. E. Glissant. Editorial // *The Courier*. - 1987. - May.

УДК 811.111’37

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ БРИТАНСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО АНГЛИЙСКОГО

О. И. Гладких,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь

¹ Wikipedia official website [Электронный ресурс] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Baked_Alaska (дата обращения 16.01.2020)

Аннотация. Национальная кухня представляет собой важный элемент национальной культуры. Гастрономическая лексика формирует представление об образе жизни нации и помогает составить ее портрет. В связи с этим изучение гастрономической лексики представляется актуальным.

Целью исследования является изучение различий в гастрономической лексике британского и американского английского, что позволяет подробно описать особенности национальных вариантов и постичь различия в национальной кухне Великобритании и США.

В результате анализа было выявлено девять тематических групп, которые обнаруживают семантические различия в гастрономической лексике британского и американского английского. По данным выборки подобные отличия зафиксированы также у дивергентов, чьи значения маркированы канадским и австралийским английским.

Ключевые слова: национальная кухня, гастрономическая лексика, британский английский, американский английский, лексико-семантический дивергент.

Summary. National cuisine is an indispensable part of a national culture. Gastronomic lexis shapes our ideas about the nation's lifestyle, which explains the topicality of its study.

The aim of the research is to study differences in the gastronomic vocabulary of British and American English, which allows for their detailed description and provides insight into the national cuisine of Great Britain and the United States.

The analysis revealed nine thematic groups with semantic differences in the gastronomic vocabulary of British and American English. Such differences have also been noticed in divergents whose meanings are marked as Canadian and Australian.

Key words: national cuisine, gastronomic lexis, British English, American English, lexico-semantic divergent.

Глобальное распространение английского языка обусловило его неомогенность в разных ареалах его использования. Сегодня исследователи выделяют пять национальных вариантов английского языка, которые характеризуются наличием своей языковой нормы и разветвленной системой функциональных стилей. К ним относятся британский (BE), американский (AE), канадский (CanE), австралийский (AuE) и новозеландский английский. Благодаря их широкому распространению и роли в формировании других вариантов, а также их современному статусу во всем мире, среди этих пяти вариантов основными признают британский и американский английский.

Одним из критериев для выделения вариантов языка являются различия на всех уровнях языковой системы. Как правило, наиболее заметные отличия наблюдаются в лексико-семантической системе языка. Различия лексико-семантического характера в целом сводятся к двум большим группам: различия в плане выражения и различия в плане содержания. Единицы с разным планом выражения при общности плана содержания А.Д. Швейцер относит к лексико-семантическим аналогам, а единицы, обладающие разным содержанием при общности плана выражения, – к лексико-семантическим дивергентам [3].

Лексико-семантические дивергенты охватывают самые разнообразные подсистемы лексики. Одной из таких подсистем, которая обнаруживает любопытные для исследователя данные, является гастрономическая лексика как элемент национальной кухни.

По мнению А.В. Павловской, «национальная кухня в современных условиях подвержена постоянному воздействию извне, она вбирает в себя что-то новое, модифицируется и адаптируется к конкретным условиям своего существования. Вместе с тем, она является одним из наиболее определенных национальных признаков, больше других бытовых явлений сохраняя традиционные особенности и являясь одним из самых устойчивых признаков национальной идентичности» [2, с. 65].

А.В. Павловская также отмечает, что благодаря своему широкому распространению определенные продукты имеют влияние на самые разные стороны жизни данного народа, в том числе и на язык. Автор приводит пример из английского языка, в котором слово *meat* «мясо» изначально означало пищу вообще. От этого значения произошло и слово *sweetmeat* (букв. «сладкое мясо»), которое обозначает сладости. В этом же значении слово *meat* употребляется в поговорке *One man's meat is another man's poison* («Что одному хорошо, то другому – смерть») [2, с. 65].

Различия во вкусовых предпочтениях и кулинарных традициях наблюдаются и в культурах, которые обслуживает один и тот же язык. Так, в британском и американском английском существует немало лексических единиц гастрономической тематики, которые обозначают хотя и в чем-то схожие, но, все же, разные продукты питания и кулинарные блюда.

Для анализа данной тематической сферы из лексикографических источников [4; 5] методом сплошной выборки было отобрано 73 лексико-семантических дивергента (97 лексико-семантических вариантов – ЛСВ), используемых для характеристики британской и американской национальной кухни. Общеанглийские значения (General English – GE), зафиксированные у этих единиц, указывают на общее историческое прошлое Великобритании и ее колоний. Различия в их семантике свидетельствуют о независимом пути культурно-исторического развития данных наций, обусловленном, кроме прочего, природными условиями и укладом жизни местного населения.

Эту мысль высказывает и Е.С. Волкова: «традиции питания колониальной Новой Англии в определенной степени повлияли на формирование региональной и национальной идентичности» [1, с. 140].

В результате исследования было установлено, что наибольшее количество лексико-семантических дивергентов обозначает близкие по значению денотаты, что, в свою очередь, говорит о том, что отношения между данными единицами редко выходят за рамки полисемии. Тем не менее, в ходе анализа были выявлены и единицы, которые содержат омонимичные и даже энантионимичные значения.

Дивергенты-омонимы можно проиллюстрировать следующими примерами: 1. *cornet*: «корнет (музыкальный инструмент)» (GE) и «вафельный рожок (для мороженого)» (BE); 2. *fool*: «десерт со взбитыми сливками» (BE), который противопоставляется *fool* «дурак, глупец» (GE), *fool* «глупый, безрассудный» (AE) и *fool* «одурачивать» и «дурачиться» (GE).

Среди дивергентов-энантионимов можно выделить *cider* со значениями «сидр (алкогольный напиток)» (BE) и «сидр (безалкогольный напиток)» (AE).

Тематическая классификация выборки позволила выявить 9 тематических групп, единицы которых обнаруживают семантические различия в британском и американском национальных вариантах: 1. «сладости» – 27 ЛСВ; 2. «напитки» – 19 ЛСВ; 3. «мясо и мясные продукты» – 14 ЛСВ; 4. «овощи» – 7 ЛСВ; 5. «рыба» – 7 ЛСВ; 6. «блюда по порядку их подачи» – 7 ЛСВ; 7. «хлеб, зерновые» – 5 ЛСВ; 8. «гарниры» – 3 ЛСВ и 9. «разное» – 8 ЛСВ. Проиллюстрируем наиболее многочисленные из них.

Наибольшее количество расхождений наблюдается у дивергентов со значением «сладости», например: 1. *flapjack*: «овсяное печенье» (BE) и «блин» (AE); 2. *muffin*: «сдобная лепешка» (BE) и «кекс» (AE); 3. *trifle*: «пустяк, мелочь» (GE) и «(холодный) десерт из бисквита с фруктами или ягодами и желе, пропитанный вином или соком и покрытый заварным кремом и взбитыми сливками» (BE).

Как видно из приведенных примеров, не все ЛСВ дивергента имеют значения, соответствующие тематической группе «сладости». Это свидетельствует об омонимии значений.

Вторая по количеству группа – напитки. Она также представлена как омонимами, так и полисемантическими единицами: 1. *black and tan*: «черное животное с рыжими подпалинами» (GE), «напиток, состоящий из темного пива (крепкого портера или портера) и эля (или пива более светлого цвета)» (BE), «новобранец, призванный в Англии в 1920–21 гг. для службы в Королевской ирландской полиции против вооруженного движения за независимость Ирландии» (GE) и «член политической организации для белых и чернокожих (например, на юге США)» (GE); 2. *sherbet* шербет (напиток в арабских странах) (GE), «сладкий порошок (для приготовления шипучего напитка)» (BE) и «фруктовое мороженое, фруктовый лед» (AE). Последнее значение в последнем примере иллюстрирует предыдущую группу.

Еще одна многочисленная группа – «мясо и мясные продукты», что свидетельствует о значимости этого вида продуктов как для Великобритании, так и для Соединенных Штатов. В данную тематическую группу входит, например, дивергент *gammon* со значениями «ветчина» (BE), «боковая часть куска бекона» (BE), «нарды» (GE) и «выигрыш в нарды, перед тем, как проигравший успеет убрать фигуры с доски» (GE).

Интересный пример этой группы – дивергенты *hamburger* и *mince*, каждый из которых обозначает «мясной фарш» (AE – для *hamburger* и BE для *mince*) и «гамбургер» (GE) одновременно.

«Овощи», «рыба» и «блюда по порядку их подачи» обнаруживают одинаковое количество расхождений – по 7 ЛСВ.

Анализ выборки гастрономической лексики показал, что дивергентные значения в ней маркированы принадлежностью не только к британскому и американскому английскому. Были также зафиксированы расхождения в австралийском и канадском национальных вариантах (2 и 10 ЛСВ соответственно).

Примером локальной маркированности, соотнесенной с канадским английским, является дивергент *calabrese* со значениями «спаржевая капуста» (GE) и «круглый белый хрустящий итальянский хлеб» (CanE), а также дивергент *Caesar* с ЛСВ «титул римских императоров» (GE), «автократ» (GE), «салат Цезарь» (GE) и *Caesar (Bloody Caesar)* «напиток из водки с томатным соком» (CanE).

Дивергенцию в австралийском английском можно проиллюстрировать при помощи дивергента *dampener* с ЛСВ «притупляющее или приглушающее воздействие» (GE), «приспособление, которое заглушает звук, например: а клапан или пластинка (как в дымоходе печи) для регулирования тяги воздуха; б небольшой войлочный блок для прекращения вибрации фортепианной струны» (GE); с «амортизатор» (BE) и «простой пресный хлеб, подобно тому, какой изначально пекли в буше» (AuE).

Национальная кухня, как и традиции национального питания, является важной составляющей национальной идентичности, одним из определяющих факторов которой выступает среда обитания той или иной нации. В новых условиях традиции питания подвергаются изменениям и адаптируются к природным условиям проживания людей. Таким образом трансформировалась и кухня североамериканских колоний Великобритании, которая со временем стала отличительной чертой американской нации.

Список использованных источников

1. Волкова Е.С. Традиции питания в колониальной Новой Англии как фактор формирования национальной идентичности // Материалы II Международного симпозиума. История еды и традиции питания народов мира. 29–31 октября 2015 г. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2016. Вып. 2. С. 137–142.

2. Павловская А.В. Понятие национальной кухни: к теории вопроса // Материалы II Международного симпозиума. История еды и традиции питания наро-

дов мира. 29–31 октября 2015 г. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2016. Вып. 2. С. 65–75.

3. Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии. М.: Высшая школа, 1971. 200 с.

4. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. 11th edition. Springfield, Mass., U.S.A., 2008. 40a + 1624 p.

5. Oxford Russian Dictionary / M. Wheeler, B. Unbegaun, P. Falla. 4th edition. Oxford University Press. Published in the United States, 2007. 1322 p.

УДК 81'282.8

МЕДИЙНАЯ РОЛЬ ЭТНОСОЦИОЛЕКТА «КАНАКИШ»

А. В. Пономарёва,

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии,

Институт иностранной филологии (СП),

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Этносоциолект «канакиш» представляет собой вариант немецкого языка, используемый для повседневного общения молодыми людьми турецкого происхождения. Исследование показало, что «канакиш» в качестве стилистического приема приводит к более четкой социальной дифференциации персонажа и создает особый эмоциональный фон повествования. Стилизация этносоциолекта в СМИ играет главную роль в процессах его деэтнизации и популяризации, что вносит вклад в создание нового образа мигрантов.

Ключевые слова: «канакиш», этносоциолект, медийная роль, медиатизация.

Summary. The article is devoted to the study of the ethnosociolect “Kanakisch”, which is a variant of German language used for everyday communication by young people of Turkish origin. The use of the ethnosociolect “Kanakisch” as a stylistic device leads to a clearer social differentiation of the character and creates a special emotional background of the story.

Key words: Kanakisch, ethnosociolect, media-shaped language, mediatisation.

Современные медиа стали неотъемлемой частью жизни общества. Средства массовой коммуникации не только оказывают влияние, но и формируют определенное мнение относительно того или иного явления посредством различных технологических средств и приемов. Медиакomпонент настолько проник в современную повседневную реальность, что другие социальные процессы в обществе рассматриваются преимущественно через призму медиапространства, которое в основном представлено электронными средствами массовой информации. Терминологически такое явление реализуется понятием «медиатизация» [11].

Существует несколько подходов к пониманию медиатизации. По мнению С. Хьярварда, медиатизация представляет собой двусторонний социальный процесс, с помощью которого социум насыщается средствами массовой информации в такой мере, что СМИ могут рассматриваться лишь в контексте общественных институтов. Сами по себе медийные технологии не являются причиной социокультурной динамики, однако погружение человека в информационный поток при условии формирования определенных политических, экономических, социальных и культурных реалий с помощью современных технологий активно способствует воздействию на общественное сознание [7, с. 107–128]. Данное явление затрагивает социум на макро- и микроуровнях, что позволяет говорить о том, что общество становится полностью зависимо от медиа [7, с. 120]. Немецкий социолог

В. Шульц выдвинул ещё один подход к пониманию медиатизации и обозначил четыре вида процессов, видоизменяющих социальную коммуникацию: расширение, замещение, объединение и приспособление. Исследователь также отмечает, что медиа на сегодняшний день успешно выполняют коммуникативную функцию наряду с информационной и развлекательной [9, с. 90].

Немаловажную роль в процессе медиатизации играют новые формы коммуникации, возникшие в результате языкового и социокультурного контакта представителей различных этнических групп, проживающих на одной территории. Говоря о немецкоязычном пространстве, стоит прежде всего выделить такой вариант языка как «канакиш» (нем. *Kanak Sprak*), который представляет собой актуальный объект изучения в современной социо- и этнолингвистике.

Цель данного исследования состоит в обосновании медийной роли «канакиш», что обуславливает необходимость решения ряда задач:

- 1) обозначение языкового статуса «канакиш»;
- 2) определение места «канакиш» в системе этнолектов немецкоязычного пространства;
- 3) анализ примеров стилизации этносоциолекта «канакиш» в различных типах медиа.

С целью решения данных задач был задействован описательный метод, а также метод непосредственного лингвистического наблюдения.

«Канакиш» представляет собой неформальное обозначение одного из вариантов немецкого языка, который был сформирован преимущественно двуязычным молодым поколением турецких мигрантов в немецкоязычном пространстве [5, с. 7]. Данный феномен имеет различные обозначения в немецком языке: язык гетто (нем. *Ghettosprache*), сленг турок (нем. *Türken slang*), турецкий немецкий язык (нем. *Türkendeutsch*), турецкий пиджин (нем. *Türkenpidgin*) и представляет собой не просто «промежуточную форму языка» с некоторыми грамматическими и лексическими отклонениями от языковой нормы, а является этнически обусловленным языком социальной группы, то есть – этнолектным языковым вариантом [4, с. 118].

Вопрос определения языкового статуса «канакиш» достаточно сложен. Большинство ученых (среди которых П. Ауэр, Я. Андросопулос, М. Кляйн, И. Дирим и другие) рассматривают его как этнолект. Под этнолектом И. Дирим понимает форму проявления языка, используемую носителями определенной этнической группы, а также ассоциирующуюся с ними [6, с. 15]. В отличие от диалекта и социолекта, где определяющими являются территориальный и социальный аспекты, ключевым признаком этнолекта выступает этническая принадлежность говорящих [8, с. 117].

И. Н. Костина, однако, рассматривает «канакиш» в качестве социолекта, опираясь на тот факт, что социолект подразумевает наличие системы речевых средств, которая свойственна для определенной группы людей и характеризуется рядом факторов, имеющих не только социальный, но также биологический и психологический характер (например, пол, возраст, темперамент) [1]. Таким образом, видится возможным рассматривать «канакиш» в качестве этносоциолекта, который объединяет в себе характеристики как этнолекта, так и социального диалекта.

Классификация этнолектов, разработанная П. Ауэром, позволяет группировать этнолекты в зависимости от степени их «инновативности» и «мультикультурности» [3, с. 13], выделяя первичные, вторичные (медиальные) и третичные этнолекты.

Первичный этнолект – это вариант языка, который зародился в крупных немецких городах с высоким процентом турецкого населения и в основном используется молодыми людьми мужского пола в коммуникации внутри своей этнической группы [3, с. 14]. Первичный этнолект по своей сути схож с немецким языком

гастарбайтеров (нем. *Gastarbeiterdeutsch*). Отличие, согласно П. Ауэру, может состоять в его выборочном использовании в зависимости от целей определенной коммуникативной ситуации.

Вторичный этнолект (медийный этнолект), формируется в рамках медийного дискурса. Массмедиа подвергает типичные для первичного этнолекта особенности некоторой стилизации, расширяя при этом его лексический состав. Вторичный этнолект широко представлен в фильмах, комедийных шоу, комиксах и периодических изданиях. Говоря о немецкоязычном пространстве, «канакиш» является ярким примером подобного рода вторичного этнолекта, который, в свою очередь, стал основой для появления третичного типа.

Отличие третичного этнолекта состоит в том, что его используют не только иммигранты, но уже и молодежь немецкого происхождения, которая турецким языком не владеет. В качестве примера третичного этнолекта выступает такая форма современного немецкого языка как «кицдойч» (нем. *Kiezdeutsch*). Владея третичным этнолектом как средством общения, говорящий заявляет о себе как о представителе определенной этносоциальной группы, хотя не обязательно принадлежит к группе индивидуумов, использующих его постоянно [6, с. 217–222]. Носители третичного этнолекта могут не иметь непосредственных контактов с лицами ненемецкого происхождения, но используют в качестве модели речевого поведения определенных персонажей массмедиа, типичных представителей современной немецкой иммиграции.

Отношения, существующие между тремя типами этнолектов, можно обозначить как «феномен передвижения с улиц на экраны и обратно» [2, с. 114]. Представленная трехступенчатая модель позволяет говорить о «деэтнизации этнолекта», проявляющейся в расширении этнических границ иммигрантского населения, в частичной потере этнолектом своих этнических признаков, а также в проникновении элементов этнолекта в литературный вариант немецкого языка [3, с. 19]. Все это приводит к трансформации этносоциолекта в полноценный вариант языка определенной социальной группы.

Современная массовая культура способствует тому, что происходят изменения в восприятии мигрантов населением Германии. Стилизация языка играет главную роль в создании нового образа мигрантов. Под термином «стилизация» М. Зелтинг понимает репрезентацию социально типизированных смысловых структур [10, с. 3]. При этом явление стилизации, в том числе языка «канакиш», имеет две важные стратегические особенности: её предметом являются не конкретные личности, а стереотипный представитель данной социальной категории людей; и она нацелена не на максимально реалистичное, а, наоборот, гиперболизированное изображение языкового поведения. Благодаря вышеперечисленным характеристикам стилизация достигает степени моментальной узнаваемости среди публики.

В рамках так называемой «иммигрантской литературы» можно говорить о таких авторах, как Осман Энгин (произведения «*Kanaken-Ghandi*», «*Don Osman auf Tour*», «*Dütschlünd, Dütschlünd übür üllüs*»), Якоб Аржуни (серия детективных романов с главным героем турецкого происхождения), Яде Кара («*Selam Berlin*»), Эмине Зевги Оздамар («*Karagöz in Alamania*») и др.

Стилизации этносоциолекта «канакиш» также способствовало появление в конце 90-х годов XX в. этнокомедий, пользовавшихся широкой популярностью. В языке этнокомедий ярко проявляются фонетические и грамматические особенности этносоциолекта, к тому же с тенденцией к гиперболизации. Так, вследствие многократного повторения таких выражений, как *ich schwör, Alder, korrekt, krass, weißt du?*, они превратились в шибболеты, т.е. речевые пароли языка «канакиш».

Вместе с тем комедийные персонажи использовали в своей речи как черты языка гастарбайтеров, так и искусственно созданные особенности, позволяющие максимально усилить разницу с общеупотребительным обиходно-разговорным языком.

Популярность этнокомедий и их трансляция в средствах массовой информации внесли свой вклад в то, что стилизованная речь героев данных комедий стала восприниматься как единственно верно отражающей речь самих «канаков». Усердное повторение слов и фраз из этнокомедий остальным немецким населением может иметь дискриминирующий характер, на что указывают исследования данных употреблений. «Канакиш» кажется привлекательным для использования его в качестве средства комментирования каких-либо пороков или недостатков, а также для проявления агрессии, сексистских взглядов и т. п.

Успех стилизаций значительно возрос благодаря скетчам комика турецко-арабского происхождения Кайа Янар в телевизионному шоу «*Was guckst du?!*». В этой программе комик предстает перед публикой в различных ролях, изображая мигрантов разного происхождения. Это и Йылдерым, инструктор по вождению из Кельна, не имеющий прав и при этом руководящий уже 15 лет автошколой; клубный вышибала Харкан из Франкфурта, который своим акцентом, грамматическими ошибками, а также грубым хвастовством и агрессивностью напоминает героев из вышеупомянутых этнокомедий и др. Разнообразие колоритных персонажей и их речевого изображения качественно отличает Кайа Янар от предыдущих комических инсценировок иммигрантской тематики.

Что касается кинематографа, то если Феридун Заимоглу своим сборником стихотворений «Канак Шпрак» и другими произведениями в литературе заложил основу для эмансипации «канаков», то же самое можно сказать и о фильмах «Быстро и без боли» («*Kurz und schmerzlos*», 1998 г.), «Головой о стену» («*Gegen die Wand*», 2003 г.), «Душевная кухня» («*Soul Kitchen*», 2010 г.) режиссера турецкого происхождения Фатих Акин.

Также стилизация этносоциолекта «канакиш» имеет место в таких фильмах и сериалах, как «Все потуречино» («*Alles getürkt!*», 2004 г.), «Теперь я босс» («*Ich Chef, du nix*», 2007 г.), «Достучаться до небес» («*Knockin' on Heaven's Door*», 1997 г.), «Турецкий для начинающих» («*Türkisch für Anfänger*», 2006 г.) и др.

Кроме того, этносоциолект «канакиш» используется в таком направлении культуры, как немецкий хип-хоп. В качестве примера можно привести творчество таких музыкальных групп, как «*Kanaken-Camp*», «*Songs of Gastabeita*», «*Advanced Chemistry*», «*Da Crime Posse*».

Таким образом, использование этносоциолекта «канакиш» в качестве стилистического приема приводит к более четкой социальной дифференциации персонажа и создает особый эмоциональный фон повествования.

Современная массовая культура способствует тому, что происходят изменения в восприятии мигрантов населением Германии. Стилизация этносоциолекта в СМИ играет главную роль в процессе деэнтнизации и одновременной популяризации «канакиш», что вносит вклад в создание нового образа мигрантов.

Список использованных источников

1. Костина И. Н. «Kanakisch» в условиях межкультурной коммуникации (социальная природа контактного языка) [Электронный ресурс]. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-517835.html?page=38> (дата обращения 20.07.2019).
2. Androutsopoulos J. Ethnolekte in der Mediengesellschaft. Stilisierung und Sprachideologie in Performance, Fiktion und Metasprachdiskurs // Standard, Variation und Sprachwandel in germanischen Sprachen. Tübingen: Narr, 2006. S. 113 – 155.
3. Auer P. Ethnische Marker im Deutschen zwischen Varietät und Stil // Das Deutsch der Migranten. Berlin, Boston: de Gruyter, 2013. S. 9–40.

4. Budach G. Diskurse und Praxis der Alphabetisierung von Erwachsenen im frankophonen Kanada. Frankfurt: Peter Lang, 2003. 352 S.
5. Clyne M. Lingua franca and ethnolects in Europe and beyond // Sociolinguistica. 2000. № 14. S. 83–89.
6. Dirim I., Auer P. Türkisch sprechen nicht nur die Türken: Über die Unschärfebeziehung zwischen Sprache und Ethnie in Deutschland. Berlin: de Gruyter, 2004. 245 S.
7. Hjarvard S. The mediatization of society: A theory of the media as agents of social and cultural change // Nordicom Review. 2008. Vol. 29. No. 2. P. 105–134.
8. Löffler H. Germanistische Soziolinguistik. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2005. 246 S.
9. Schulz W. Reconstructing mediatization as an analytical concept // European Journal of Communication. 2004. Vol. 19 (1). P. 87–101.
10. Selting M. Einleitung: Stil und Stilisierung in der Interpretativen Soziolinguistik // Stil und Stilisierung. Arbeiten zur interpretativen Soziolinguistik. Tübingen, 1989. S. 1–23.
11. Thompson J. B. The Media and Modernity: A Social Theory of the Media. [Электронный ресурс]. URL: <https://epdf.pub/the-media-and-modernity-a-social-theory-of-the-media.html> (дата обращения: 29.07.2019).

УДК 811.411.21

АРАБСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Р. Т. Рамазанова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания европейских и восточных языков,
Чеченский государственный педагогический университет, Грозный*

Аннотация. Большое количество арабских заимствований есть в нахо-дагестанских языках. Это объясняется несколькими факторами: уже во второй половине VIII века арабы были на юго-востоке нынешней России, городе Дербент. Начинается постепенное расселение арабов, а также распространение их языка. Во время Кавказской войны, 1817-1864, арабский язык стал международным языком Северного Кавказа. Это дало мощный толчок к его изучению и проникновению новых слов во все кавказские языки. Следующий этап, когда арабские заимствования заявили о себе, это период распада Советского Союза. В этот период большое число жителей данных территорий получили возможность учиться языку и религии в арабоязычных странах. Это дало, по их приезду, открытий медресе, исламских университетов, ведение частных уроков, все это способствовало интенсивному проникновению арабской лексики, как в кавказские языки, так и в русский. Однако арабизмы в русском языке имеют более глубокие корни.

Ключевые слова: история, арабизмы, заимствования, язык, лексика.

Summary. A large number of Arabic borrowings is in the Nakh-Dagestan languages. This is due to several factors: already in the second half of the 8th century, Arabs were in the southeast of present-day Russia, the city of Derbent. The gradual resettlement of Arabs begins, as well as the spread of their language. During the Caucasian War, 1817-1864, Arabic became the international language of the North Caucasus. This gave a powerful impetus to its study and the penetration of new words into all Caucasian languages. The next stage, when the Arab borrowings revealed themselves, is the period of the collapse of the Soviet Union. During this period, a large number of residents

of these territories got the opportunity to learn the language and religion in Arabic-speaking countries. This gave, upon their arrival, the opening of the madrassah, Islamic universities, private lessons, all this contributed to the intensive penetration of Arabic vocabulary, both in the Caucasian languages and in Russian. However, Arabisms in the Russian language have deeper roots.

Key words: history, Arabisms, borrowings, language, vocabulary.

Вопрос о заимствованиях стоит во всех языках. В каком-то языке активно прослеживается этот процесс, в каком-то менее активно. Языками - донарами выступают как правило языки тех народов, которые выдвигались на передний план мировой истории и меняли в ней ход событий, ее географию, языки. Одним из таких феноменов явилась арабская цивилизация.

Общеизвестный факт, что в седьмом веке нашей эры, арабы заявили о себе как о представителях религии Ислам и новой культуры, ореол которой ограничивался небольшими центральноарабскими землями. Поднимаясь со своими завоеваниями на север Аравии, они несли не только свою религию, но и язык! Религия и язык – были неразделимы. И изучение арабского языка было делом государственного уровня. По мере новых завоеваний, расширялись не только территории Халифата, но и арабского языка в том числе. Он был не только языком завоевателей, он нес смысл Священного Писания. Его не просто учили, его изучали; в каждом новозавоеванном регионе появлялись лингвистические школы, на мощи и фундаментальных исследованиях которых закладывались знания, доселе хранимые памятью самих арабов, а также их поэзий, красота слога и языка которой остается непрекаемой по сей день.

Арабская лексика проникала не только в языки завоеванных народов. Русский язык является одним из языков, носители которого не пересекались территориально. Однако русско-арабские контакты уходят далеко в историю.

С XII – XV века русский словарь пополнялся арабизмами через турецкий язык. В турецком языке огромное множество слов арабского происхождения, вошедшие в турецкий язык во время турецко-османского господства. Следующим этапом пополнения русского языка арабизмами явился XVIII век, время петровских реформ. Арабизмы пополняли словарь русского языка через английский, французский, испанский и другие западноевропейские языки.

В XIX веке к российской империи присоединяются народы Кавказа и Средней Азии. На Северном Кавказе арабы появились уже во второй половине VIII, в юго-восточной его части, в частности в г. Дербент. Отсюда начинается постепенное расселение арабов, их ассимиляция с коренным населением, а также распространение новой здесь религии Ислам, а соответственно и арабского языка. Если народы нынешнего Дагестана активно принимали новую религию, а арабский язык стал связующим языком, то на территории Чечни и Ингушетии распространение арабского языка произошло много позже. Есть сведения, что еще в XIV веке, миссионеры из Кумыкии приходили на данные территории с распространением религии. Также есть сведения, что уже в XV веке были случаи совершения хаджа в Мекку и Медину. К сожалению, практически, все письменные свидетельства истории чеченцев-тептарш, были уничтожены в первой половине XX века. Однако официальная дата принятия Ислама на территории Чечни – это XVIII век. Именно в этот период начинается интенсивное распространение арабского языка. Открываются школы-медресе, письменность чеченская тоже передается арабской графикой. Основная заимствованная лексика-религиозного толка.

В XX веке многие арабские государства вступили с Советским Союзом в дипломатические, экономические, научные взаимоотношения. Роль арабского языка значительно возросла, язык стал востребованным.

Новая волна интереса к языку приходится на первую четверть нынешнего столетия. Особенно интерес возрос в республиках Кавказа, в частности в Чечне, Дагестане, Ингушетии. Появляется возможность изучения религии и арабского языка в странах-носителях. Именно в этот период происходит всплеск религиозной заимствованной лексики, которая в большом количестве стала проникать в кавказские языки.

В русский язык часть лексики поступает и из кавказских языков. Несмотря на то, что арабский и русский языки относятся к разноструктурным языкам, к разным языковым группам, тем не менее, заимствованная лексика довольно хорошо адаптировалась. В системе согласных есть значительные расхождения, например: в арабском языке 28 согласных букв, три гласных звука, которые не имеют буквенного изображения, есть долгие согласные звуки. В русском алфавите насчитывается 36 звуков. В фонетическом отношении в арабском языке существуют фрикативные, эмфатические, межзубные, гортанные звуки, которых нет в русском языке, однако в последнем присутствуют смычно-взрывно-й «п», аффрикаты – «ч», «ц», фрикативные звуки «в», «ш» и другие различия. Каждая лексическая единица претерпела фонетические, грамматические и семантические изменения, приспособившись к системе русского языка.

Саму заимствованную лексику можно разделить на следующие группы:

- а. растительный и животный мир
- б. сооружения
- в. морская тема, астрономия
- г. социальные термины
- д. общая лексика
- е. пища
- ж. идиомы

Групп заимствованной лексики много больше, мы в данной работе ограничились выше перечисленными.

Проведем анализ данных групп лексики: а.

نَاجِنٌ ذَابٌ – «баклажаны» (собир.) в русском языке – «*баклажан*»,

نَيْي مَسَاي – «жасмин» → «*жасмин*»,

نَسِي حَزَنٌ – «нарциссы» → «*нарцисс*», данная лексика заимствована арабским языком из среднеперсидского языка.

تَوْتُ – «тут» → «*тутовое дерево*», в арабский язык слово перешло из арамейского языка;

لَا زَغٌ – «газель» → «*газель*».

ب. رُصُقَالَا – «дворец» → «*алькасар*» – название крепостей, дворцов Испании и Португалии, которые были построены во времена арабских завоеваний;

عَبَقٌ – «свод», «купол», «шатер», получая артикль определенности [ʔал] – لْا приобретает форму → عُبُقٌ «*альков*», данное слово обозначало первоначально спальное место, сегодня его значение обозначает комнату без окон, свет, в которую проникает либо через стеклянные двери или из другой комнаты;

نَاكِدٌ – «лавка», «лавочка» → «*духан*», мелочная лавка;

نَزَجٌ – «хранилище», «склад», «амбар» → «*магазин*»;

مَسْرَمٌ – «школа» → «*медресе*», школа для изучения арабского языка и религиозных догм;

مَقْتَلَمٌ – «библиотека» → «*мектеб*», мусульманская начальная школа;

مَيْحٌ – «жена, жены», «женская половина дома», в генетивной конструкции – مَيْحٌ لَ تَيْبٍ – имеет значение «гарем» → «*гарем*» и др.

в. Большое количество звезд имеют названия арабского происхождения:

رِيْطٌ – «птица» при прибавлении артикля определенности [ʔал] – لْا, слово по-

лучает форму – رىاطلا и в этой форме имеет в русском языке семантическое значение «Альтаир»;

قراطلالْبَج – генитивная конструкция, «гора ат-Тарика» → *Гибралтар*, название произошло от слова «гора», которое имеет определением в родительном падеже имени собственного «ат – Тарик», первого мусульманского полководца Тарика ибн Зияда, который первым преодолел этот пролив.

مَسْمَع – «сезон» → «*муссон*», устойчивые ветры, периодически меняющие свое направление;

مَوْص – «самум», горячий стремительный ветер пустыни → «*самум*» – олицетворение всего стремительного;

От арабского قَرْش – «восток», произошло существительное «*сирокко*» – сильный жаркий ветер;

نَيْسَج – «хамсин», название сухого, изнуряющее жаркого ветра, который дует пятьдесят дней, слово произошло от числительного – «пятьдесят», в русском языке имеет вокализацию «*хамасин*», «*хамсин*», с тем же значением;

لَيْس – «поток», «ручей» → «*сель*», то есть «поток камней, попеременно с горной породой»;

تَجْرَاب – «военный корабль», «линейный корабль» → «*баржа*», вид грузового судна;

خَانِمَا – «климат» + артикль определенности – خَانِمَا, в русском значение – «*альманах*», сборник научно-популярных произведений.

г. Социальных терминов также большое число, они разнообразны:

رِيْزُو – «министр» → «*визирь*», передает тоже значение;

نَاطِلْس – «государь», «верховный правитель» → «*султан*», титул правителя;

خَيْش – «старик», «старец»; «член палаты шейхов, сенатор» → «*шейх*» – почетное название видного богослова в Исламе;

رِيْمَا – «начальник» → «*эмир*», титул правителя;

رَجْبَالرِيْمَا – «правитель моря» → «*адмирал*», в арабском языке представляет собой генитивную конструкцию.

д. Общая лексика:

لَوْحْك – «спирт, алкоголь», при прибавлении артикля определенности, получает форму لَوْحْكَمَا – «*алкоголь*», в том же значении;

حَرْطَم – «матрац» от арабского глагола حرط, то есть «бросать», в русском языке «*матрац*»;

رِفْص – «ноль» → «*цифра*», «*шифр*»;

عَشْوَك – «место для лежания» → «*кушетка*», с тем же значением и множество др.

е. В этой группе лексика также разнообразна.

عَلْأَقْب – «*бакалейная торговля*»;

قَوْهَق – «*кофе*»;

رَكْس – «*сахар*»

Слово «*банан*», происходит от генитивной конструкции زَجَلْأَنْب, которая состоит из двух слов – نَاب – *собираю*. «пальцы, кончики пальцев», а непосредственно слово «*банан*» означает второе слово конструкции – زَوْمَلَا. Первая часть конструкции – *банан* и закрепилась за название обозначаемого им фрукта.

ж. Самой распространенной идиомой является сочетание слов «*абракадабра*», в арабском языке эта идиома представляет предложение – أَرْبَأْتَقْ أَرْبَأ – глагол IV породы اربا имеет значение «исцелять, вылечивать». Это выражение появилось в средние века, когда лекари лечили от лихорадки, значение этого выражения – «излечился, уже излечился!»;

«*Выдрать как сидорову козу*», есть предположения, что это выражение возникло от арабского высказывания → «يَضْأَقْلَا رَصَص» глагол رَصَص имеет значения

«быть объявленным, изданным (о приказе)», причастие действительного залога – قاضٍ имеет значение «судья», соответственно вся фраза переводится как «Судья принял решение» и это окончательно и не оспоримо;

Выражение «*Вот где собака зарыта*», также, по нашим предположениям, возникло от арабского «عريذ قبابس»: причастие قبابس имеет значение «лошадь, пришедшая первая к призовому столбу», качественное прилагательное عريذ переводится как «быстрый, скорый; неизбежный».

Это фонетическая аналогия прослеживается и у следующих гидронимов: تلجد [диджлату] – р.Тигр и تارفال [’ал-фурату] – Ефрат.

Это небольшое количество заимствованной арабской лексики мы постарались рассмотреть в данной работе. Их значительно больше, некоторые лингвисты приводят даже определенные цифры. В дальнейшем мы рассчитываем продолжить работу с данным пластом лексики, который представляет огромный интерес.

Список использованных источников

1. Баранов Х.К. Арабско – русский словарь, Ташкент, 1994.
2. Белкин В.М. Арабская лексикология, Москва, 1975.
3. Рамазанова Р.Т. «Текстовая проблематика в общем языкознании русистике и арабистике», материалы регионально научно – практической конференции, посвященной Дню арабского языка, «Ближний восток: языки, история, литература», Грозный, 2013.

УДК 811.112.2:070

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Е. А. Романова,

*Петербургский государственный университет путей сообщения
императора Александра I, Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье рассматривается возможность трансляции этнокультурного компонента в газетно-публицистическом тексте через употребление культурно-маркированной лексики. Уделяется внимание характеристикам газетного текста, послужившего материалом исследования. Дается определение культурно-маркированной лексики. Выделяются некоторые аспекты ее использования в данном виде текста. Кратко комментируются некоторые функции культурно-маркированной лексики, выявленные в публицистических текстах: локализирующая, эмотивная и интертекстуальная. Новизна исследования видится в том, что проведенный анализ позволяет дополнить актуальный инвентарь культурно-специфических слов немецкого языка и расширить межкультурную компетенцию.

Ключевые слова: этническая картина мира, культурно-маркированная лексика, газетно-публицистический текст, текст СМИ.

Summary. The ethnic picture of the world in German mass media text. The article deals with the possibility of ethno-cultural component demonstration through the use of culturally-marked vocabulary in the newspaper-journalistic text. The features of the newspaper text, which served as the research material, is considered. The definition of culturally-marked vocabulary is given. Some aspects of its use in newspaper texts is highlighted. Some features of culturally-marked vocabulary revealed in the newspaper-journalistic text are briefly annotated: localizing, emotive and intertextual. The novelty of the study is that the analysis allows to complete the current inventory of culture-specific words of the German language and to expand the cross-cultural competence.

Key words: the ethnic picture of the world; culturally-marked lexis; newspaper-journalistic text; mass media text.

Статья посвящена вопросу отражения в языке картины мира и её этнокультурной составляющей, а также выбору газетно-публицистического текста как материала для демонстрации культурно-маркированных языковых элементов. Антропоцентрическая научная парадигма, затронувшая многие разделы лингвистики в XX веке, обратила внимание ученых на рассмотрение языка в тесной взаимосвязи с человеком и культурой его этноса. Являясь языковой, традиционно-культурной общностью людей, связанных самосознанием своего группового единства, общностью представлений о себе, особенностях своей культуры, общностью языка [5, с. 18], этнос осознаёт себя через «интерпретацию своего происхождения в контексте культуры» [10, с. 183]. Эта интерпретация находит себя в картине мира – целостной совокупности образов действительности в коллективном сознании [4, с. 74].

Картина мира человека состоит, однако, не только из «общих» понятий, присутствующих во всех культурах и языках, но и из тех, которые характерны только для одного языка, или одной культуры. Составные части картины мира человека и их природа неоднородны, они представляют собой некие смысловые образования, понятия и образы, которые формируются в сознании человека на основе, с одной стороны, индивидуального опыта человека, его размышлений и идей, а, с другой стороны, включают в себя логические мысли человека о различной категоризации предметов и явлений, их делении на виды и классы. Таким образом, картина мира отражает все представления человека об окружающей его действительности, и так как человек является представителем определённой культуры, народности, этноса, то помимо индивидуальных особенностей (основанных на индивидуальном перцептивном опыте человека) она подвержена влиянию культуры этноса, которая также воздействует на картину мира конкретного человека [6, с. 18]. Так возникает этническая картина мира, включающая в себя «этнические стереотипы и установки, фоновые знания и культурные концепты, которые фиксируются как в ментальном, так и в языковом поле этноса» [2, с. 5]. Этническая картина мира позволяет этносу осознать своё место в мире, в первую очередь через выявление различий с картиной мира другого этноса, становясь той «призмой, через которую человек смотрит на мир и выстраивает в своём сознании целый комплекс культурных представлений» [7, с. 25]. При взаимодействии с представителями других культур выявляются основные базовые единицы картины мира, свойственные определённому этносу и отличающие его от другого этноса – культурные концепты. Для их вербализации в языке используется культурно-маркированная лексика, т. е. лексика с экстралингвистическим фоном, передающая образ мышления этноса, уникальную информацию о мире, быте, обществе, незнакомую представителям других этнических групп [8].

Актуальные взгляды этноса на мир, взаимодействие с другими народами и культурами, общественную жизнь находят своё отражение в обширной по своей тематике публицистике. Газетные тексты, послужившие материалом нашего исследования, относятся к текстам массовой информации, от которых требуется полнота, наглядность и информативность при описании событий и явлений общества. Текст массовой информации создается на основе перевода коммуникативного намерения (интенции) в коммуникативную деятельность, при этом «предметом текстовой деятельности является не смысловая информация вообще, а смысловая информация, цементируемая конкретным замыслом, коммуникативно-познавательным или коммуникативно-побудительным намерением. Большую роль при этом играют фоновые знания получателя информации, являющегося но-

сителем определённой культуры» [Цит. по: 3, с. 113]. Выбор публицистического текста как материала исследования обусловлен тем, что публицистический текст всегда воздействует на общество и в культурологическом плане, т.к. он показывает фрагмент национальной культуры, характерный для данного периода, представляя собой «портрет эпохи»; он в полной мере отображает тенденции современности, а языковой материал публицистических текстов позволяет исследовать речевые изменения общества [1, с. 33]. Поэтому исследуемая нами культурно-маркированная лексика приобретает особую значимость в газетно-публицистических текстах, так как фиксирует национальные и культурные особенности этноса, позволяя выделить основные события и этапы развития общества и идентифицировать этнос с определённым восприятием действительности.

Для понимания текста, наполненного культурно-маркированными лексическими единицами, необходимы фоновые знания о повседневной жизни носителей изучаемого языка. Наиболее полное раскрытие интенции автора возможно благодаря пониманию читателем единиц культурно-маркированной лексики, присутствующих в тексте. Возникает вопрос о наличии у культурно-маркированной лексики определённых функций, влияющих на восприятие газетного текста читателем.

На данный момент нами выделены следующие функции культурно-маркированной лексики:

- *локализирующая*

К культурно-маркированной лексике относятся языковые единицы, денотатом которых являются яркие, уникальные явления общества. Такие явления всегда соотносятся в сознании индивида с тем пространством и временем, в котором они произошли. Это указывает на наличие локализирующей функции у культурно-маркированной лексики.

- *эмотивная*

Передавая эмоциональную составляющую внутреннего мира человека, эмотивная лексика наполняет текст чувствами и переживаниями, относящимся к определённым героям или событиям. Культурно-маркированная лексика уже сама по себе выделяется в тексте за счёт отсылки к культурным концептам и этнической картине мира реципиента, но её эмотивная функция наделяет особой оценкой универсальные явления, не обладающие таким же значением для другого этноса.

- *интертекстуальная*

Построение газетного текста не представляется возможным без отсылки к уже существующим текстам, так как газеты информируют о событиях, происходящих на фоне других событий, определённых культурных реалий общества. Знание этого культурного фона коммуникантами помогает конструировать и воспринимать новый текст [9].

Выделенные нами функции демонстрируют важность культурно-маркированной лексики как средства репрезентации этнической картины мира в газетном тексте. Культурно-маркированная лексика обогащает текст, создавая коммуникативно-прагматическую связность и привязывая информационную составляющую к культурным реалиям. Она позволяет продуценту значительно воздействовать на аудиторию на прагматическом, семантическом и эмоциональном уровнях. Основные функции культурно-маркированной лексики в газетном тексте направлены на достижение этой цели за счёт выделения и передачи смыслов, коннотаций, ценностных особенностей национальной действительности. Дальнейшее изучение этнокультурной составляющей газетно-публицистических текстов позволит расширить межкультурную компетенцию и дополнить актуальный инвентарь культурно-маркированной лексики немецкого языка.

Список использованных источников

1. Богуславская В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. Изд. 4-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2013. С. 18-42.
2. Буряковская В. А. Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ...к.фил.наук. – Волгоград, 2000.
3. Иванкова Т. А. Национально-маркированная лексика в англоязычных газетах России // Вестник ТГПУ. 2011. Выпуск 3 (105). С. 113-118.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. С. 73-188.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Академия, 2001. 208 с. Электронная книга. Лингвистика. Этнолингвистика и лингвокультурология.
6. Образ мира в зеркале языка : сб. научных статей / отв. соред. В. В. Колесов, М. Влад. Пименова, В. И. Теркулов. – М.: ФЛИНТА, 2014. 568 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 1).
7. Этническая картина мира калмыков: лингвокультурологический аспект / Ц. Н. Аюшова. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. С.16-25.
8. Яшина М. Г. Культурно-маркированная лексика: структурные и семантические особенности (на материале итальянского языка). М., 2010. С.13-46.
9. A. Wierlacher und A. Bogner (Hrsg.), Handbuch interkulturelle Germanistik. Springer-Verlag GmbH Deutschland 2003 S. 345-382.
10. Charles F. Keyes. Ethnic Change. Seattle, University of Washington Press, 1981. P. 183-185.

УДК 811.11

SPRACHENKOLLISION: О ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ НЕМЕЦКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

И. В. Черныш,

*старший преподаватель кафедры немецкой филологии,
Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В данной работе исследуется проблема языкового контакта. Разработка теории языкового контакта в условиях современного глобального интегрированного общества обретает особую актуальность. Цель данной работы – систематизация языковых фактов взаимодействия и взаимовлияния, интерференций в немецком и турецком языках. В данном исследовании были использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы. Проблема речевого контакта является ключевой при исследовании языковых изменений, появившихся в классических европейских языках. Данные изменения следует считать эволюцией языка.

Ключевые слова: языковой контакт, языковой конфликт, языковое сообщество, интерференция, культурный обмен, мультилингвальная ситуация, языковая коллизия.

Summary. This paper examines the problem of language contact. The development of the theory of language contact in today's global integrated society is particularly relevant. The purpose of this work is to systematize the linguistic facts of interaction and interference in the German and Turkish languages. This study used descriptive and comparative methods. The problem of speech contact is a key one in the study of

language changes that have appeared in classical European languages. These changes should be considered an evolution of the language.

Key words: language contact, language conflict, language community, interference, cultural exchange, multilingual situation, language conflict.

Условия развития современного общества могут быть охарактеризованы как высокотехнические, динамичные, гибкие, информативно насыщенные. Данные характеристики справедливы и для описания развития современных языков и языковых сообществ. Динамика развития общества сопряжена с проблемами мировой глобализации и национальной интеграции. Любое сегодняшнее государство представляет собой некое языковое сообщество, состоящее из нескольких или многих этносов, находящихся в постоянном языковом контакте и культурном обмене. Постоянный речевой контакт в пределах определенного географического ареала приводит к неизбежному взаимодействию разных этнических сообществ, проникновению традиций, изучению нрава и быта, культурному обмену.

Языковой контакт в контексте современного глобального и интегрированного общества обретает особую значимость и актуальность. По мнению профессора Лейпцигского университета Увэ Хинрикса, языковой контакт является двигателем преобразований, обусловленных культурным обменом в новых социально-экономических условиях. Любой естественный язык, развивается именно путем преобразований, будь то заимствования, либо упрощение некоторых грамматических, синтаксических структур [3, с. 33].

Последнее десятилетие нашего века может быть охарактеризовано как эпоха проведения широкомасштабных лингвистических исследований и сбора эмпирического материала в свете глобальных преобразований в языковом ареале Старого Света. Многие лингвисты подчеркивают, что развитие «старой доброй» Европы с ее традиционными английским, немецким, французским языками в силу сложившихся стереотипов о национальной и культурной моногамии было незаслуженно обделено вниманием ученых. Слишком долго «корневые» европейские языки рассматривались в качестве западных культурных языков, претендующих на неограниченный приоритет и языковое богатство. Главный принцип развития европейских языков, начиная с XIX в., можно сформулировать кратко: «Одно государство – одна нация – один народ – один язык». Следствием данного явления и стала острая нехватка исследований языкового контакта среди европейских языков. Лингвист, культуролог Х. Харман считает, что на Балканах и в некоторых современных странах Западной Европы можно и сегодня увидеть последствия такой односторонней перспективы [3, с. 37].

И лишь в свете новой глобализации, во второй половине XX в., произошло осознание того, что история развития языков – это прежде всего история их контактов, и языковые изменения представляют собой феномен, движущей силой которого являются контакт и конфликт языков (и их носителей). Американский лингвист – специалист по языковым контактам и креольским языкам – Саликоко Мафвен выражает этот принцип следующим образом: «I contend that the ecological factors selective restructuring which produced creoles are of the same kind as those which produced <normal> language change. Contact, I argue, is a critical factor in almost any case of language change» [3, с. 33]. Так теория языкового контакта в европейском ареале вступила в свои права.

Примечательным является резюме профессора Х. Хармана: «Kontakte zwischen Sprachen und deren Sprechern sind Realitäten, die unsere Kulturgeschichte und damit unser kulturelles Gedächtnis seit jeher geprägt haben. Sprachkontakte sind keine Begleiterscheinung sprachlicher Realitäten, sie konstituieren diese Realitäten schlechthin. In den Sprachen Europas sind so gut wie sämtliche Manifestationen von

Sprachkontaktphänomenen nachzuweisen, die sich in einer allgemeinen Typologie unterscheiden lassen, angefangen von einfachen lexikalischen Interferenzen bis hin zu komplexen Fusionsprozessen, ja sogar bis zur Ausbildung neuer Sprachsysteme, und zwar von Pidgins» [2, с. 163]. Направляющей линией значимых процессов преобразований в языковой картине Европы в значительной мере является не мультилингвальная ситуация, а зачастую – это простые механизмы языкового контакта – интерференции. В свете вышеозначенного следует выделить основные исследовательские проблемы в лингвистике, которые приоткроют кулису новых языковых изменений в немецком, обусловленных и направляемых языковыми контактами:

- превратятся ли все языки Европы со временем в языки, в которых слишком сложная грамматика будет упразднена и заменена на более простые грамматические структуры. Западная Европа в этом плане более прогрессивна, Восточная – консервативна. Показательным примером является современный английский язык;
- могут ли в родственных языках произойти значительные структурные преобразования на всех уровнях – от словарного состава и порядка слов вплоть до звукового подобию, которые будут восходить прямиком из языковых контактов и многоязычия. Образцом здесь служат балканские языки и их «языковой союз»;
- будут ли со временем «оевропеизироваться» языки, далекие от европейского класса, как венгерский, баскский или турецкий, благодаря контакту с евро языками своего окружения, будут ли они ассимилировать друг с другом на многих языковых уровнях. Именно этот феномен можно обнаружить в иммигрантской Германии: реализуемые здесь турецкий, русский, югославский со временем «онемечиваются» (Deutschland –Türkisch и др.).

Языковой контакт был и остается обычным случаем по всему миру. Языковые контакты всегда становятся причиной изменений во всех задействованных языках. Чем интенсивнее контакт, тем интенсивнее изменения. Преобразования в языке возможны и без контакта – но едва ли они имеют значение и представляют интерес для Европы XXI в.

Неизбежным продуктом такого контакта является языковая коллизия (Sprachenkollision). Люди и их языки не только встречаются, они и нападают друг на друга. Они могут конкурировать в своих способах выражения, демонстрируя зачастую эффективность, политическую мощь и жизненную силу. Языковые контакты и языковые конфликты всегда происходят параллельно. Именно такое развитие языка и подразумевает его эволюцию.

Турецкая диаспора в Германии является самой крупной: первая волна турецкой миграции началась после Второй мировой войны. У. Хинрикс постулирует следующий факт: «Турецкий язык является самым значимым иммигрантским языком и своего рода образцом для языкового смешения и смешанных языков в Германии. С полным правом можно говорить о начавшемся симбиозе между говорением на турецком и немецком» [3, с. 80]. В данном контексте представляется логичным, что языковой контакт турецкого и немецкого языков привел к образованию языковых изменений. Характер взаимодействия и взаимовлияния этих языков лингвист обозначает словом *Clash* – коллизия, конфликт, стычка, столкновение. В этом контексте речь идет о географическом и лингвистическом различии между турецким и немецким языком: они не только не являются родственными, а, более того, практически диаметрально противоположны друг другу по языковому типу и в грамматике. Турецкая языковая интуиция и знание языков структурно отличается от немецкого языка. Данные языки относятся не только к разным языковым типам, но и к разным языковым семьям.

Продолжительность данного языкового контакта позволяет суммировать полученные результаты и определить следующие морфосинтаксические модели ре-

дукций и упрощений, характерные для турецкого варианта немецкого языка:

1. Выпадение предлога: *Wir gehn Görlitzer Park.*
2. Выпадение артикля: *Isch kauf _Auto.*
3. Опущение глагола-связки: *München _weit weg.*
4. Неправильный род: *Ich frag mein Schwester.*
5. Слияние подлежащего и сказуемого: *gibs Leute.*
6. Конъюнктура глагола MACHEN +X: *Machst du rote Ampel.*
7. Неправильный порядок слов: *Dann isch geh nach Hause.*

Перечисленные морфосинтаксические модели не являются новыми: подобные языковые элементы зарегистрированы в языке пиджин и в креольских языках.

Следует заметить, что не только турецкие синтаксические структуры, но и слова внедрились в обыденную речь немцев и в сферу вопросов общей эрудиции на ток-шоу:

Raki – водка, *Hamam* – баня, неизбежный *Döner*, *Baklava* – сладкое блюдо, *Ayran* – кефир, *Kebab* – мясо на шампуре, *Janitscharen* – янычары, новобранцы, *Millet* – нация, *Raya* – немусульманский народ.

Приведенные примеры позволяют прийти к заключению о том, что изменения в немецкой разговорной речи имеют миграционную природу. Речь идет о так называемых языковых компромиссных структурах, которые не присущи ни одному, ни другому языку. Данные структуры образуются в пограничной зоне обоих языков: опущение падежа, эрозия окончаний, исчезновение грамматических связей, колебание артикля, новая роль предлогов, новые лексические модели, новые иностранные слова из другого культурного круга. Эти лексико-синтаксические структуры хотя и делают немецкий язык более гибким и компактным, в конечном итоге они обусловят преобразование немецкого языка на грамматическом и лексическом уровне. Таким образом, сегодняшние лексические и грамматические ошибки завтра могут рассматриваться в качестве речевых навыков и правил.

Список использованных источников

1. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1978. 216 с.
2. Daszkiewicz Anna. Rezension zu Hinrichs, Uwe. Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert.// [Электронный ресурс] Режим доступа: *Diyalog : interkulturelle Zeitschrift für Germanistik / Organ des türkischen Germanistenverbandes GERDER* http://www.gerder.org.tr/diyalog/Diyalog_2014_1/Diyalog_2014_1.htm (дата обращения 17.01.2020).
3. Hinrichs Uwe. Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert. München: C. H. Beck, 2013. 294 S.
4. Kurzdeutsch. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.kurzdeutsch.de. (дата обращения 17.01.2020).

УДК 81'1'4

РОЛЬ ВОЗРАСТНОГО ФАКТОРА КАК ОДНОГО ИЗ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА)

А. Н. Шиманович,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Изучение наименований лица как составляющей языковой картины мира современного англоязычного общества является актуальным с точки зрения необходимости выявления особенностей лингвокреативной деятельности человека, отражения его мировоззрения и вербализации разнообразного опыта. Целью данного исследования является изучение роли возрастного фактора, как одного из экстралингвистических факторов, в обогащении лексической системы современного английского языка. Основными методами исследования являются: метод выборки, метод компонентного и структурно-семантического анализа, метод дефинитивного анализа, метод концептуального анализа.

Ключевые слова: лексическая система, возраст, номинация, категоризация, картина мира.

Summary. The present research focuses on the role of the “age factor” and its influence on the enrichment of the lexical system of modern English. New nominative units that denote people of various age are studied in different aspects, taking into consideration linguistic and sociolinguistic processes.

Key words: lexical system, age, nominative unit, categorization, linguistic view of the world.

Конец XX – начало XXI столетия характеризуется появлением в английском языке значительного количества так называемых «возрастных» номинаций, что связано с повышенным вниманием к антропохарактеристикам современного человека, ориентацией разнообразных сфер деятельности, промышленности, СМИ на разные возрастные группы. Изучение наименований лица как составляющей англоязычной картины мира XXI века является актуальным, учитывая необходимость выявления особенностей лингвокреативной деятельности человека. Особое значение приобретает проблема лексической номинации как способа фиксации изменений, которые непрерывно происходят и осмысливаются человеком в его общественно-социальной практике. Изучение семантической структуры лексических инноваций позволяет проанализировать основные закономерности развития значений тех или иных групп слов. Новообразования рассматриваются с точки зрения лингвистических и социолингвистических процессов, связанных с развитием и обогащением лексической системы современного английского языка. Своеобразный антропоцентрический «взрыв» связан с влиянием разнообразных экстралингвистических факторов на развитие языка.

С середины XX века в английском языке отмечается количественный рост лексических единиц, которые фиксируют внимание на возрасте человека. В начале XX века круг этих номинаций ограничивался, в основном, словами с акцентом на первом десятилетии жизни человека, например, *baby, infant, child, younker*; в оппозиции к которым находились лексические единицы, которые означали взрослого человека – *adult, grown-up*. В конце XX столетия в связи с увеличением продолжительности жизни, что стало следствием развития и совершенствования медицины, появления новых технологий (примером номинаций, которые отражают эти процессы, являются такие номинации как: *digital autopsy* – a non-invasive autopsy which involves 3D scanning, rather than cutting open of the corps; *electroceutical* – electric stimulation used to provide pain relief; *Cinderella surgery* – cosmetic surgery to the feet, *face ironing* (inf.) – a cosmetic procedure aimed at reducing wrinkles, etc; рост продолжительности жизни и увеличение количества людей пожилого возраста стали причиной появления особого специалиста – *geriatrician* – a doctor who studies and treats the diseases of old people), улучшения качества жизни, акцент сместился в сторону номинаций, обозначающих людей пожилого возраста, среди которых зафиксированы следующие: *dinosaur, wrinkly, dusty, crinkly* – an older person, *crumbly / crumbie* – an older person; *old fogey* (inf.) – someone who is old or has old-fashioned ideas about things; *oldie / oldster*

– an old person [1], которые по своим морфемным признакам указывают на derogative оценочное значение и принадлежность данных номинаций к сленгу. Для обозначения человека, который дискриминирует людей по возрастному признаку, в английском языке появилась лексическая единица *ageist* (основным механизмом номинации в данном случае является аналогия. Данное наименование лица было создано по аналогии с *racist, sexist*). Как отмечает И. А. Алексеева, слова, которые дискриминируют человека по возрастному признаку, начали восприниматься как «опасная лексика». Таким образом, вместо нетактичного словосочетания *old age pensioners* употребляется *senior citizens*. Если сравнить английский эвфемизм *senior citizens* и русский «люди пожилого возраста», то можно отметить, что сема старости в первом варианте вообще отсутствует, вместо нее используется прилагательное, которое имеет значение «старшинство», то есть качество относительное, а не абсолютное [2, с.8].

К нейтральным словам относятся такие, которые непосредственно указывают на точный возраст человека, например, *centenarian* – a person who is 100 years old or more; *octogenarian* – a person who is between 80 and 89 years old; *nonagenarian* – someone between 90 and 99 years old [3].

Номинации людей среднего возраста включают немало других компонентов оценочного характера, указывая также и на социальный статус, уровень дохода, например, *glam* – well-off middle ager, *muppie* – middle-aged yuppie, акроним *mamba* – middle-aged middle-brow accomplisher [4].

Нейтральными являются также номинации, которые делят людей по возрасту с интервалом в 10 лет. Такие номинации создаются с помощью словообразовательного форманта –**something** – «человек в возрасте, обозначенном основой плюс 1 – 9 лет», который выделился из слова **thirtysomething** – названия популярного в конце 80х годов XX века американского телесериала про жизнь людей среднего возраста; в 90е годы этот формант вошел в состав существительных *twentysomething* (данная номинация стала использоваться для обозначения «представителя молодого поколения») *sixtysomething, fiftysomething, etc.* Номинация *sixtysomething* вводит понятие человека, который родился после Второй мировой войны, во время «бума рождаемости» (эквивалентами являются также номинации *baby-boomer, boomer* – someone born during a period when a lot of babies were born, esp. between 1946 and 1964), лексическая единица *seventysomething* используется для обозначения людей пенсионного возраста. В конце XX века в языке появляется лексическая инновация *gerontologist* (especially US) – a person who studies the process of people growing old [1].

С другой стороны, появляется большое количество лексических единиц, которые обозначают детей, например, *preschooler* – a child who has not yet started to attend school, *saucepan lid* (rhyming slang for) – a child or kid, *tin lid* (rhyming slang for) – a kid, child, *toddler* – a child between the ages of about 1 and 3 years old, *tween* also *tweenager* – children who are 11 – 12 years old, и молодежь, например, *pisher* (US, informal) – a youth, a youngster, *teeny-bopper* – a young teenager who keenly follows the latest fashions in clothes, pop music, etc [4].

На градацию по возрастному параметру, как правило, влияет социальный фактор. Так, словосочетание *Bee-Bop Generation* используется представителями старшего поколения с иронией по отношению к людям, которые родились через несколько десятилетий после войны и чья жизнь лишена трудностей. К аналогичным номинациям можно отнести также: *Generation X/ Gen X* – a generation of young people perceived to lack a sense of direction in life and to have no part to play in society; *slacker* – a person regarded as being one of a large group of people, esp. the current generation of young adults, who are perceived to lack a sense of direction in life; *Generation Y* – the teenagers of the nineties; *baby-buster* и его синоним *twenty-nothing* – a person who

belongs to the Generation X, lacking motivation and responsibility [4]. Такие номинации опосредованно, неточно указывают на возраст человека, соотнося его с определенным периодом.

Таким образом, демографические изменения, увеличение продолжительности жизни, усиление расхождений в мировоззрении разных возрастных групп населения, что связано с ростом темпов жизни, привело к выделению определенных возрастных групп населения и было зафиксировано с помощью многочисленных лексических единиц, образованных разными способами. «Серийное» образование целого ряда номинаций произошло с помощью форманта *something*. Кроме того, появилось значительное количество единиц, которые имеют возрастную составляющую в своей семантической структуре.

Таким образом, значительное количество появившихся и продолжающих появляться в современном английском языке номинаций, которые имеют в своем значении возрастные характеристики, свидетельствует про важность возрастного фактора в процессе создания наименований лица.

Список использованных источников

1. Schwarz C. Chambers Concise Dictionary. – Edinburgh, 1999.
2. Алексеева И.О. Евфемизми як відображення соціальних змін: від позначення табу до етикетних форм та політичної коректності // Мовні і концептуальні картини світу : Збірник наукових праць. – К., 2002. – № 7. С. 1 – 10.
3. Wehmeier S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (sixth edition). – Oxford University Press, 2000.
4. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.urbandictionary.com/define.php>

УДК 81.27

LA POLITIQUE LINGUISTIQUE DANS LE CONTEXTE DU BILINGUISME TCHÉTCHÈNE-RUSSE EN RÉPUBLIQUE TCHÉTCHÈNE

A. A. Yakhyaeva,

Candidat en sciences philologie, professeur agrégé du Département de théorie et de méthodologie de l'enseignement de la langue anglaise de l'Université pédagogique d'Etat Tchétchène, Grozny

Résumé. Cet article examine l'état actuel du bilinguisme tchétchène-russe en République Tchétchène. Le bilinguisme tchétchène-russe est défini comme la principale composante de la situation linguistique de la République.

Une attention particulière est accordée dans cet article aux documents normatifs de l'Etat destinés à définir la politique linguistique de la République tchétchène: «Loi sur les langues en République tchétchène», «Programme pour le développement de la langue tchétchène (2008-2012)», «Projet de programme national pour la préservation, l'étude et le développement des langues nationales de la République Tchétchène et autres langues en République tchétchène pour 2015-2024».

Mots clés: bilinguisme, situation linguistique, politique linguistique, bilinguisme tchétchéno-russe.

Summary. This article examines the current state of Chechen-Russian bilingualism in the Chechen Republic. Chechen-Russian bilingualism is defined as the main component of the linguistic situation in Chechnya.

Special attention in this article is paid to the state normative documents aimed at defining the language policy of the Chechen Republic: the Languages Act, the programme

for the development of the Chechen language (2008-2012), and the draft national programme for the preservation, study and development of the national languages of the Chechen Republic and other languages of the Chechen Republic for 2015-2024.

Key words: bilinguisme, politique linguistique, situation linguistique dans l'éducation.

Les problèmes du bilinguisme intéressent depuis longtemps des chercheurs, tant nationaux qu'étrangers. Les scientifiques de la République Tchétchène ne font pas car il s'agit de leur langue maternelle.

On sait que la situation linguistique dépend de la politique linguistique, cette dernière est le facteur le plus important dans la formation de la situation linguistique.

Les principales composantes de la situation linguistique actuelle en République Tchétchène sont la répartition des langues tchétchène et russe dans divers domaines sociaux, ainsi que l'état actuel et les tendances du bilinguisme tchétchène-russe. L'intérêt à l'étude du bilinguisme tchétchène-russe a également augmenté dans notre république. Un certain nombre d'ouvrages scientifiques ont été publiés par professeur Ovkhadov M.R., Khalidov A.I.? «Zherebilo T.V. Israilova L.Y. et autres.

La situation linguistique dans la République Tchétchène est toujours directement liée à la politique linguistique du gouvernement du pays. Schweitzer A.D. et Nikolskiy L.B. dans leur ouvrage sur la sociolinguistique définissent la politique linguistique comme « un ensemble de mesures prises par l'État pour modifier ou maintenir la répartition fonctionnelle existante des langues ou des sous-systèmes linguistiques, pour introduire de nouvelles normes linguistiques ou pour maintenir des normes linguistiques existantes » (Schweitzer, Nikolskiy, 1978).

Par conséquent, la tâche essentielle de la politique linguistique est d'influencer l'aspect fonctionnel et, par la réglementation de l'aspect fonctionnel de la langue, d'influencer l'aspect structurel.

Malgré les différentes définitions de la politique linguistique, On peut constater que son objectif principal est d'influencer les aspects fonctionnels et structurels de la langue.

L'absence d'une politique linguistique bien conçue peut avoir un impact négatif sur l'état d'une langue dans l'État.

La situation linguistique actuelle en République Tchétchène est le résultat de la politique linguistique en Union soviétique, alors que cette république était une république multinationale, qui était elle-même le résultat de la politique linguistique du pays. Aujourd'hui, il n'y a pas d'évaluation claire des activités menées dans le domaine linguistique en URSS. Certains chercheurs évaluent ces processus de façon extrêmement positive, tandis que d'autres ne voient que des aspects négatifs, ce qui annule les choses positives qui ont été faites pendant les années de pouvoir soviétique.

Au cours de la période post-soviétique, la situation linguistique de la république a complètement changé. Cela est dû aux événements tragiques qui ont eu lieu dans la république dans les années 90 du XXe siècle, qui ont entraîné d'énormes changements démographiques.

D'après les chiffres du recensement de la population de la Russie de 1989, la population en République Tchétchène était le suivant:

Tchétchènes - 734501 personnes, Ingush - 163762, Russes - 293771, Arméniens - 14824, Ukrainiens - 12627, Kumyks - 9853, Nogayts - 6884, Avars - 6276, Tatars - 5102.

En 2010, la situation démographique a radicalement changé :

Tchétchènes - 1206551 personnes, Ingush - 1296, Russes - 24382, Arméniens - 514, Ukrainiens - 829, Kumyks - 12221, Nogayts - 3444, Avars - 4864, Tatars - 1466.

On voit, comment la situation démographique de la république a changé. La République Tchétchène moderne est une région pratiquement mono-ethnique. Selon le recensement de 2010, 1268989 personnes vivent dans la république, dont 1206551 (95,08%) sont Tchétchènes et 24382 (1,92%) sont Russes. Le nombre de Tchétchènes a augmenté

au cours des huit dernières années et, au contraire, l'exode des autres nationalités de la République a presque doublé.

Une situation démographique similaire s'est développée dans la capitale de la République. Sur les 271 573 habitants de Grozny, 93,73 (2 545 500) sont Tchétchènes, 3,30 % (8 961) sont Russes et les 3 % restants sont kumyks, ingouches, avars, lizgins et autres.

Il est à noter qu'à l'exception de Grozny et de quelques villages dans les districts de Chelkovsky et de Naursky, tous les autres villages sont monoethniques, où vivent seuls des représentants de nationalité tchétchène.

La situation linguistique en République Tchétchène est caractérisée par le bilinguisme tchétchène-russe et la répartition des fonctions sociales entre ces langues, qui détermine en grande partie l'état infrastructural de la langue tchétchène (Khalidov, 2009). Malgré le fait que la République est pratiquement mono-nationale et que, selon les enquêtes démographiques, la langue maternelle est le tchétchène, le tchétchène n'est pas la première langue de la République Tchétchène.

Le bilinguisme tchétchène - russe est l'une des composantes les plus importantes de la situation linguistique en République tchétchène.

Du point de vue sociolinguistique, le bilinguisme est « la coexistence de deux langues au sein d'un même collectif linguistique, qui utilise ces langues dans leurs sphères de communication respectives, en fonction de la situation sociale et d'autres paramètres de l'acte communicatif » (Yakhyaeva, 2007).

M.R. Ovkhadov distingue les types de bilinguisme suivants: individuel et national. Selon la classification de Desheriev, les types de bilinguisme diffèrent selon la méthode d'acquisition d'une langue seconde et selon la nature de l'interaction entre locuteurs natifs - unilatérale et bilatérale. (Ovkhadov. Le bilinguisme tchétchène-russe).

Actuellement, le bilinguisme tchétchène-russe est dominant dans la République et fonctionne de manière stable dans la plupart des domaines de la vie. Bien que le tchétchène soit la langue maternelle de la population indigène de la République, ce n'est pas la première langue fonctionnelle de la République pour les Tchétchènes bilingues.

Les linguistes ont des opinions différentes sur la définition de la «langue maternelle». Alors que certains chercheurs appellent langue maternelle une langue parlée depuis l'enfance leur langue maternelle, la plupart des gens reconnaissent la langue de leur nationalité comme leur «langue maternelle».

Cette opinion est également confirmée par les résultats du recensement de 1989: 99,8 % des Tchétchènes considèrent le tchétchène comme leur langue maternelle, c'est-à-dire la langue de leur nationalité.

En 2007, le Parlement a adopté et approuvé la loi sur les langues dans la République tchétchène. (n° 16-rz du 29 mars 2007). En vertu de la loi sur les langues, les langues tchétchène et russe ont le statut de langues d'État, ce qui suppose l'exercice de fonctions égales dans tous les domaines de la vie de la République. L'objectif principal de ce document est de revitaliser, préserver et développer la langue tchétchène sur le territoire de la République. Dans l'article 5, le Gouvernement approuve les programmes pour la préservation et le développement des langues en République Tchétchène. Selon la loi, tout le citoyen de la République a le droit de choisir la langue d'éducation et d'enseignement, ainsi que la langue de travail lors des réunions et assemblées des organes de l'État. Les documents imprimés et les émissions de radio et de télévision sont publiés dans les deux langues.

La loi sur les langues constitue un cadre juridique et réglementaire solide pour la protection et le développement de la langue tchétchène.

La même année, des linguistes de l'Académie des sciences de la République Tchétchène publient un projet de développement de la langue tchétchène, d'une longue durée de 2008 à 2012.

Le programme assure une planification scientifiquement rationnelle des activités des autorités de l'Etat, des institutions éducatives, scientifiques et autres visant à res-

taurer les valeurs matérielles perdues de la culture spirituelle du peuple tchéchène, à étendre les fonctions de la langue tchéchène, à continuer la recherche sur celle-ci et à développer la langue et la culture littéraires du peuple tchéchène. Ainsi, sans préjudice du rôle de la langue russe en tant que l'une des langues officielles de la République, le programme vise à préserver et à développer davantage la langue maternelle tchéchène au niveau national.

Les auteurs de ce projet ont proposé d'étendre les fonctions de la langue tchéchène, car, à leur avis, l'équilibre actuel des fonctions des langues tchéchène et russe ne permet pas à la population autochtone de préserver et, plus encore, de développer sa langue maternelle. Le deuxième chapitre du projet porte sur la place de la langue tchéchène dans l'enseignement.

En 2014, on a publié le Programme d'Etat de la République tchéchène pour la préservation, l'étude et le développement des langues d'Etat de la République tchéchène et des autres langues en République Tchétchène pour 2015-2024. L'objectif principal de ce programme est de créer les conditions nécessaires à la préservation, à l'étude et au développement de l'Etat et des autres langues de la République tchéchène, d'assurer le fonctionnement optimal des langues tchéchène et russe en tant que langues d'Etat de la République Tchétchène et d'assurer la mise en œuvre cohérente de la loi relative aux langues en République Tchétchène. (Projet de programme, 2014).

Afin d'atteindre les objectifs fixés dans le domaine de la langue tchéchène en tant que langue d'Etat, un certain nombre de tâches importantes ont été identifiées: c'est d'élever le statut de la langue tchéchène dans l'espace éducatif républicain, de créer les conditions permettant à l'ensemble de la population de la République Tchétchène d'étudier cette langue comme langue d'Etat et obtenir un équilibre bilingue entre la langue tchéchène et la langue russe

Ainsi, ces documents normatifs tiennent compte de tous les facteurs qui peuvent affecter la situation linguistique de la république. Bien que les programmes précédents n'aient pas été pleinement mis en œuvre, les mesures prises dans la république ont eu un impact sur le processus de formation et de développement de la personnalité linguistique.

Il est intéressant de noter que la transition vers une deuxième langue se fait actuellement dans la petite enfance. Une place particulière devrait être accordée aux médias dans ce domaine. La télévision et l'Internet jouent un rôle important dans la transition de la langue maternelle au russe. Avec l'aide des chaînes TV pour enfants, les jeunes sont complètement immergés dans un autre environnement linguistique et sont facilement transférés d'une langue à une autre. Un autre facteur important est la famille. Dans les zones rurales, la langue tchéchène est utilisée dans les relations familiales avec les Tchétchènes, tandis que dans la plupart des familles en ville, les parents préfèrent parler avec leurs enfants en russe, car la deuxième langue est plus accessible et compréhensible pour eux. Ainsi, s'il y a seulement quelques décennies, la sphère des relations familiales et domestiques était dominée par la forme orale de la langue tchéchène, aujourd'hui la langue tchéchène est inférieure au russe dans ce domaine.

L'éducation est un autre facteur puissant du développement du bilinguisme tchéchène-russe dans la république. La langue de l'enseignement à tous les niveaux est russe. «Ce fait a causé à la fois l'ampleur de la couverture de la population sous l'influence de la langue russe dans les conditions de l'enseignement secondaire général et la qualité de son assimilation (Ovkhadov, 2007).

Les établissements d'enseignement supérieur de la République dispensent également un enseignement en langue russe. La discipline de choix «langue tchéchène» est enseignée comme facultative de 18 à 36 heures par semestre. C'est la seule discipline enseignée en tchéchène. Ainsi, on peut affirmer que le domaine de l'éducation joue un rôle important dans la formation du bilinguisme tchéchéno-russe dans la République en tant que région pratiquement mono-ethnique.

On peut constater que la prédominance de la langue russe dans presque tous les domaines fait qu'une partie importante de la population locale maîtrise mal la forme littéraire de la langue tchétchène, qu'elle ne peut maîtriser que dans le secondaire et par les médias. Alors que dans les zones rurales, les jeunes parlent encore le tchétchène à un bon niveau grâce à la communication familiale, la population urbaine se tourne de plus en plus vers une deuxième langue.

Dans le domaine de la vie publique et politique de la république, on observe une tendance à passer du russe au tchétchène. Alors qu'il y a quelques décennies, cette sphère était presque entièrement occupée par le russe, elle est aujourd'hui presque universellement occupée par la langue tchétchène parlée sous toutes ses formes orales - dialectes, conférences et formes de conversation littéraire.

On peut également parler de l'expansion de la fonction de la langue tchétchène à la télévision et à la radio, qui est un outil puissant pour influencer la compétence linguistique de la population.

En ce qui concerne la presse, il est difficile de parler des préférences de la population locale, car la presse écrite est déjà presque entièrement remplacée par la télévision et Internet. Par conséquent, les médias ne peuvent, dans une certaine mesure, influencer la formation du bilinguisme dans le pays.

Aujourd'hui, le théâtre tchétchène et les manifestations culturelles organisées dans différentes parties de la République ont une grande influence sur le niveau et la qualité de la connaissance de la littérature tchétchène. La population tchétchène a toujours aimé et tremblé à propos de son folklore et a apprécié les représentations du Théâtre national tchétchène. Le théâtre est un lieu où la langue littéraire tchétchène peut être préservée.

Mais en même temps, il ne faut pas sous-estimer le haut niveau de maîtrise de la langue russe dans la république. Cela accroît sans aucun doute la compétitivité de la population tchétchène dans notre pays et favorise l'attachement de la nation aux réalisations de la civilisation et de la culture du monde moderne. «Après tout, le bilinguisme n'est pas seulement la capacité de parler deux langues, c'est aussi un type particulier de pensée qui absorbe les valeurs culturelles des deux civilisations (Ertymbayev, 2008).

Référence

1. Abraham E. Problems of bilingualism in the Republic of Kazakhstan // Problems and prospects of development in the era of globalization - Collection d'articles de la Conférence scientifique et pratique de toute la Russie - M., PFUR, 2015. C. 6-13.
2. Bezrokhova M.B. Politique linguistique et situation linguistique en République kabardino-balkanique comme condition de la formation de la personnalité linguistique
3. Buralova R.A., Khalidov A.I. A la question du bilinguisme national-russe «équilibré» et du bilinguisme/ Sciences philologiques, Questions de théorie et de pratique - Tambov, Gramota, 2018, №1 (79). Ch. 2. P. 277-282.
4. Zherebilo T.V. État linguistique dans les conditions du bilinguisme. - Nazran: Cap, 2015-2015.
5. Loi de la République tchétchène du 25 avril 2007 n° 16-rz «Sur les langues dans la République Tchétchène».
6. Ovkhadov M.R. Le bilinguisme tchétchène-russe - Grozny, 1983.
7. Ovkhadov, M.R. Sociolinguistic analysis of the Chechen-Russian bilingualism development - Nazran : Pilgrim, 2007. 204 p.
8. Ovkhadov, M.R., Shamileva, R.D., Yakhyaeva, A.A. Linguistic situation in the Chechen Republic -Nazran, 2016. 176 p.
9. Projet de programme d'Etat de la République tchétchène pour la préservation, l'étude et le développement des langues d'Etat de la République tchétchène et d'autres langues en République tchétchène pour 2015-2024. - Grozny, 2014. 46 p.

10. Programme de développement de la langue tchéchène (2008-2012) - Grozny: Université d'Etat Tchétchène, 2007 - 41 p.
11. Khalidov A.I. Russe à l'école tchéchène - Grozny : Abat, 2009 - 194 p.
12. Schweitzer, A.D. ; Nikolsky, L.B. Introduction to Sociolinguistics - Higher School, 1978. 216 p.
13. Yakhyaeva A.A. Situation linguistique dans les années 90 du XXe siècle: fonctions et structure, 2007.

СОЦИОФОНЕТИКА И ФОНОСТИЛИСТИКА

УДК 81'342.9:81'42

ИНТОНАЦИЯ ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ НЕМЕЦКИХ ПОЛИТИКОВ)

Э. В. Лихачёв,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии,
Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности суперсегментного уровня речи депутатов немецкого бундестага – представителей партий ХДС, СДПГ, ЛПГ, АДГ. Представлены результаты субъективного аудитивного и объективного электроакустического анализа основных просодических показателей высказываний. Проводится сравнение просодических средств актуализации политической речи депутата правительства и оппозиционера. Основное внимание уделяется эмотивной функции интонации и её воздействию на аудиторию.

Ключевые слова: просодические средства, частотный диапазон, электроакустический анализ, немецкий политический дискурс, интонация.

Summary. The suprasegment peculiarities of the speech of the German Bundestag deputies (representatives of CDU, SPD, The Left and AfD) are being investigated in the paper. The results of the subjective auditive analysis and the objective electroacoustic analysis of the sentences are being introduced. The prosodic means of the actualization of the political speech of the government member and the opposition politic are being compared. The paper focuses on the emotive function of the intonation and its influence on the audience.

Key words: prosodic means, the pitch range, electroacoustic analysis, the German political discourse, intonation.

Последнее десятилетие двадцатого века ознаменовалось глобальными политическими потрясениями (падение Берлинской стены, крах коммунистической системы, формирование однополярного мира). Эти события были осмыслены Ф. Фукуямой [1], провозгласившим о конце века идеологических противостояний, глобальных революций и войн, искусства и философии [2]. Турбулентное начало XXI в. показало преждевременность таких выводов. О нарастающем количестве технологических изменений, к которым не успевают адаптироваться как отдельные индивидуумы, так и целые социумы, писал американский философ и футуролог Э. Тоффлер в книге «Шок будущего» [3].

Исторические минимумы депутатских мандатов, полученных ХДС и СДПГ в бундестаге девятнадцатого созыва, и успехи Die Linke и Alternative für Deutschland [4], свидетельствуют об усилении идеологических противостояний в парламентском дискурсе Германии, что обуславливает **актуальность** изучения речи немецких политиков. **Объектом** данного исследования являются выступления политиков партий оппозиции и власти, **предметом** – интонация высказываний, важнейшей функцией которой является эмоционально-экспрессивная, т.е. воздействие на слушателя [5].

Программа исследования включала в себя лексико-семантический, частотный, аудитивный и электроакустический анализ. Материалом послужили аудио-

и видеозаписи речи немецких политиков – депутатов бундестага от партии ХДС (Гита Конеман), СДПГ (Йохан Саатхоф), АдГ (Александр Гауланд), Левая (Дитмар Барш), загруженные на видеохостинг Youtube в 2018-2019 гг. и посвященные актуальным социально-политическим темам миграции, защиты окружающей среды, бюджета, безработицы. Общая продолжительность записей на этапе аудитивного анализа составила 100 минут. Электроакустический анализ аудиофрагментов продолжительностью 42 минуты был выполнен в программе Praat 6.1.09.

Лексико-семантический анализ выступлений позволяет определить формат дискуссии как *demokratischer Streit* («демократическая ссора»). Оппозиционеров называют *Populisten* («популисты»), *selbst ernannte Fachleute* («профессионалы-самозванцы»), *Nationalisten* («националисты»). Коалицию характеризуют как *Rechtsbrecher* («нарушители закона»), *Misswirtschaftler* («недоэкономисты»), *personifizierte Haushaltslöcher* («лицетворенные дыры в бюджете»).

Риторика ХДС и СДПГ скорее положительная (*wir setzen auf Wissenschaft* «мы делаем ставку на науку», *Respekt statt Angst* «уважение вместо страха») и объединяющая (*diese Erkenntnis eint uns alle* «осознание этого сплавляет нас всех», *alle Sprachen sind Kulturgut* «все языки – это культурное достояние», *Solidarität* «солидарность»). Стилистические средства используются редко: важность леса описывается метафорой *Wald ist Lunge des Landes, er ist Klimaanlage* («лес – легкое страны, он – кондиционер»); критика оппонентов реализуется с помощью эпитетов *nationalistische Tendenzen* («националистические тенденции»), *der komische Antrag* («странный законопроект»). Для воздействия на слушателей депутат от СДПГ Й. Саатхоф говорит на нижненемецком диалекте (речь против законопроекта АдГ о немецком языке как государственном), а Гита Конеман (ХДС) в речи о защите окружающей среды цитирует стихотворение Т. Шторм «Кнехт Рупрехт»: *Von draußen vom Walde komm ich her* («От леса я свой путь держу»).

Повесткаевой партии и АдГ резко негативная. Широкое применение эпитетов позволяет дать оценку действиям власти (*Irrwitziger Einsatz* «странная операция», *er ist kraftlos und verantwortungslos* «он бессильный и безответственный» – о бюджете, *grandiose Felhentscheidungen* «грандиозные ошибочные решения», *respektloses Verhalten* «неуважительное отношение»), положению в стране (*Armut nimmt dramatisch zu* «Уровень бедности резко растет», *Das ist unhaltbarer Zustand* «Это неприемлемое состояние», *unser Land ist krank* «Наша страна больна»). Слабая социальная политика описывается метафорой *Sie kleben bei klaffender Wunde ein kleines Pflaster* «Вы накладываете на зияющую рану маленький пластырь». Призыв к отставке всего правительства изображается спортивной метафорой *Eigentlich dürfte man die zweite Hälfte ihrer Spielzeit nicht einpfeifen ... Spielabbruch und neue Mannschaften wären notwendig* «Вообще-то нельзя было давать свисток к началу второго тайма их игры... Стоило бы прервать игру и выпустить новые команды».

На просодическом уровне исследовались основные тональные, динамические и темпоральные показатели. Абсолютные характеристики, такие как средняя ЧОТ, интенсивность и среднезвуковая продолжительность артикуляции дают общее представление о суперсегментном уровне высказывания, в то время как относительные – диапазон ЧОТ и интенсивности, изменения темпа речи – позволяют анализировать динамику высказывания. В целом, можно отметить среднюю и средневысокую интенсивность высказываний (65-70 дБ), среднюю ЧОТ (140-160 Гц) и достаточно высокий темп речи (80 мс для артикуляции звука). Различия в просодическом оформлении в высказываниях оппозиционеров и коалиционеров объясняются как структурными особенностями, так и различиями в эмоционально-прагматическом потенциале высказывания.

Речь политиков большой коалиции более спокойна, взвешена. Частотный диапазон высказывания достаточно узкий (20-30 Гц), частотными и динамическими

максимумами выделяются центральная тема высказывания: *Wer wirklich Ökologie will* «Кто действительно хочет экологии» (73 дБ, 160 Гц) *Das sind nationalistische Tendenzen, und wir wissen, wozu das führt* «Это националистические тенденции, и мы знаем, к чему это приводит» (72,5 дБ, 170 Гц). Часто выступление основывается на ряде риторических вопросов, ответ на который априори известен слушателям (*Und was sagen die selbst ernannten Fachleute?* «А что говорят специалисты-самозванцы?»).

Оппозиционеры критикуют власть, используя прием климакса, поэтому их речь можно условно разделить на два этапа – развитие тезиса (*Sie kennen kein Haushaltsrecht* «Вы не знаете бюджетного права» – динамический диапазон 3 дБ) и кульминация обвинения (*Es ist ökologisch wirkungslos, ökonomisch fragwürdig, sozial ungerecht* «Он экологически неэффективный, экономически сомнительный, социально несправедливый» – динамический диапазон 7 дБ), после чего происходит переход к следующему тезису. Для высмеивания тезисов оппонента используется сарказм (*1945 waren wir Teufel der Erde, jetzt – Engel der Planeten* «в 1945 мы были дьяволом всей Земли, сейчас – вселенским ангелом»), коэффициент паузации – 1,15; *soziale Schere gehen auseinander – wir können das* «социальные ножницы расходятся – мы можем себе это позволить», коэффициент паузации – 1,21).

Полученные данные свидетельствуют об усилении парламентской борьбы в Германии, падении популярности традиционных умеренных партий и возвышении их радикальных конкурентов. Принадлежность к власти или оппозиции определяет модальность и структуру высказываний, их эмоционально-прагматический потенциал, что обуславливает выбор просодических средств. Динамика изменений политического ландшафта ФРГ определяет интерес к дальнейшему изучению вариативности просодических средств актуализации речи немецких политиков, ведь именно интонация является мощным орудием в бескомпромиссной борьбе за сердца и умы избирателей.

Список использованных источников

1. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015. 600 с.
2. Конец истории и последний человек [Электронный ресурс] // Википедия URL: shorturl.at/dwyY4 (дата обращения: 07.01.2020).
3. Тоффлер, Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008. 557 с.
4. Fraktionen // Deutscher Bundestag URL: shorturl.at/bpE67 (дата обращения 07.01.2020).
5. Лихачёв Э. В. Эмотивная функция интонации в немецком футбольном комментарии // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. Материалы II Международного научного конгресса. Симферополь, 2017. С. 98-101.

УДК 81'282.8

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МУЛЬТИЭТНОЛЕКТА НА ПРИМЕРЕ ЛОНДОНСКОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО АНГЛИЙСКОГО

Ю. В. Онищенко,

старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3,
Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются особенности лондонского мультикультурного английского (МЛА) в диахроническом и синхроническом аспектах,

также анализируется политика государства в сфере образования, определяющая векторы формирования языковой ситуации и социальной востребованности молодежи, говорящей на МЛА. При проведении настоящего исследования использованы следующие методы: анализ литературы, фонологическая и социофонетическая интерпретация звучащей речи, сравнительно-сопоставительный анализ. К основным результатам исследования относится выявление специфики МЛА на различных уровнях системы языка, а также определение места данной формы языка в кругу социальных и территориальных диалектов Великобритании.

Ключевые слова: этносоциолект, мультиэтнолект, лондонский мультикультурный английский, фонетические инновации, вариативность, языковое изменение.

Summary. The article investigates the peculiarities of Multicultural London English (MLE) in both synchronic and diachronic aspects. The issues of educational policies concerning MLE and defining the direction of language situation and social fulfillment of youth speaking MLE are analyzed. The present research is performed using such methods as literature analysis, phonological and sociophonetic interpretation of speech, comparative analysis. The main results include classification of special features of MLE on the different sublevels, and defining the place of the sociolect discussed in the circle of territorial and social dialects of the British Isles.

Key words: ethnosociolect, multiethnolect, Multicultural London English, phonetic innovations, feature pool, language change.

В последние годы в центре внимания исследователей находятся этносоциолекты (У. Лабов, Т. Б. Заграевская, В. М. Бухаров, А. Д. Петренко). Термин «мультиэтнолект» подразумевает форму языка, этнически нейтральную по своей сути, однако объединяющую говорящих, принадлежащих к различным этносам [5].

Возникновение лондонского мультикультурного английского (МЛА/MLE) хронологически относят к концу прошлого века, географически – к местности, известной как East End в Лондоне, в первую очередь ассоциируемой с Кокни – городским социолектом малообразованного населения. После того, как часть населения Ист Энда была переселена в новые застройки городов графства Эссекс, приток иммигрантов постепенно начал заселять освободившуюся местность, превращая ее из сегрегированного района в многонациональный и мультикультурный дом для большого количества этнических меньшинств, где по данным статистики 2011 года всего 36% населения составляли белые британцы [2].

При том, что количество языков, употребляемых жителями местности Хакни (Hackney) в Ист Энде, выросло с 26 в 2000 году до 88 в 2011 году, уровень владения английским языком у родителей и детей различается, представляя собой как национальные варианты, креолизированные идиомы, так и Кокни, слышимый преимущественно от коренного старшего населения. Таким образом, «целевой английский» для детей в дошкольных учреждениях и школах – не какой-либо определенный вариант языка, а многообразие черт («feature pool»), из которого можно выбрать различные комбинации, обеспечивающие взаимопонимание и осуществление коммуникации. Так, на стадии формирования находится новый вариант английского языка, характеризующийся большой степенью вариативности, однако, обладающий собственным фонетическим, грамматическим ядром и специфическими дискурсивными особенностями. Следует отметить, что подобные идиомы, для которых исследователь Р. Драммонд в 2016 году предложил термин «Multicultural Urban British English» [3] возникают не только в Лондоне и в других больших городах Великобритании (Манчестер), но также и в повсеместно Европе. Так, А. Д. Петренко говорит о том, что «этносоциолекты, возникшие в 70-80х гг. в многоэтнических иммигрантских сообществах и бывшие специфическими для отдельных этнических групп, превратились в молодежные мультиэтнолекты

городских районов, где рядом представителями второго поколения полиэтничных иммигрантских семей проживают представители титульных наций» [1, с. 86].

По мнению исследователей, наблюдение возникновения и формирования мультиэтнOLEKTOB является интригующим и захватывающим процессом. Стремительное развитие инновационных черт означает, что мы имеем возможность наблюдать языковое изменение «из первых рук», а не сравнивать состояние языка на сегодняшний день с зафиксированным в источниках сотни лет назад [2].

К характеристикам МЛА относят широкий спектр вариативности на всех уровнях языка. На уровне **грамматики** отмечают использование «man» в качестве местоимения, например, «I don't care what my girl looks like, it's her personality man's looking at», где говорящий подразумевает «I'm looking at». Еще одной конструкцией является *this is* +говорящий, например, «This is my mum's boyfriend "put that in your pocket now"», схожее с «say» или «be like» для введения прямой речи. В меньшей мере инновационными является тенденция к выбору *who* для введения придаточного предложения, тогда как на территории Великобритании наблюдается тенденция к выбору местоимения *that*. Связующий оборот речи *innit*, встречающийся в ряду диалектов и молодежных идиомов, выполняет различные функции в данных формах языка и в МЛА. Как правило, *innit* находится в конце предложения в разделительном вопросе и заменяет вопросительную часть после запятой, унифицируя местоимение и вспомогательный глагол для облегчения данной грамматической конструкции, например, «You like football, *innit*?» вместо «You like football, don't you?» Кроме данного случая употребления говорящие на МЛА в Хакни также используют *innit* для того, чтобы подчеркнуть, о ком именно пойдет речь в дальнейшем, привлечь внимание собеседника (*the girl innit*) [2]. Также отмечается тенденция к унификации числа глагола *to be* в прошедшем времени: *I was, you was* и *I weren't, you weren't* [5].

На **фонетическом** уровне инновации затрагивают как сегментный, так и суперсегментный уровень (ударение, интонация). В парадигме согласных наблюдается веллярный сдвиг взрывного [k] перед гласными низкого подъема заднего ряда, в системе гласных такие изменения, как сужение дифтонга [eɪ] в FACE вплоть до монофтонгизации [e], тогда как в Кокни дифтонг, напротив, более широкий в ядерном элементе [æɪ]. Молодые носители МЛА отбрасывают начальный [h] в гораздо меньшей степени, чем другие жители региона Южная Англия, тогда как в Кокни начальный [h], как правило, не произносится [2; 4]. Для неопределенного артикля свойственна форма *a* гораздо чаще, чем *an* (*a banana, a apple*). Тенденция замены межзубных [θ] [ð] лабиодентальными [f] [v] и дентальным [d] (Th-fronting) характерна для ряда социолектов и национальных вариантов, в большой степени для МЛА [4].

Ритм речи характеризуют как стаккато из-за более частого и отрывистого чередования ударных и безударных слогов.

На уровне **лексики** социолект инкорпорирует большое количество заимствований преимущественно из ямайского английского, но также и с языков других групп иммигрантов.

На данный момент вокруг МЛА происходит активная дискуссия о том, какое место в образовательной среде и в жизни молодого поколения соответствует данной форме языка. Ранее использовавшийся термин «Jafaican» для обозначения МЛА говорит о том, что обширный инвентарь заимствований с ямайского английского, а также гласные, схожие по звучанию с гласными из вариантов английского, на котором говорят жители стран Карибского бассейна, ассоциировали МЛА с речью афроамериканского населения. Так, британской лингвист П. Керсуилл, исследующий данный мультиэтнOLEKTOB, в 2014 году выступил с речью в защиту МЛА, оппонировав историку и телеведущему телеканала BBC Д. Стар-

ки, который утверждал, что данная форма языка, «черная» культура и насилие взаимосвязаны, белое население (основном молодежь и дети) «кклюет» на все это, становясь «черным» [2].

Дж. Чешир и другие авторы говорят о том, что для успешной интеграции в социум во взрослой жизни молодежи из части Лондона, говорящей на МЛА, не следует запрещать использовать данную форму языка в школах и при трудоустройстве. Напротив, молодые люди, способные на переключение кодов, что было продемонстрировано ими в разговорах с представителями властей, в ролевых играх об устройстве на работу, в основном осведомлены о стандартной форме английского языка и тех речевых регистрах, в которых желательно ее употребление [2]. Ведущие видеоблогов, молодые белые британцы, знакомящие подписчиков с МЛА, объясняют употребление *You was* вместо *You were* тем, что тот или иной интервьюируемый «выбирает нестандартный вариант», тогда как старшее поколение посчитает ошибкой подобное употребление [4].

Лингвисты считают перспективным введение в учебных заведениях курса о языковом разнообразии на территории Великобритании, составления карты диалектов и социолектов для учителей и обучающихся. По их мнению, в дальнейшем это позволит молодежи осознанно овладеть знанием как своей, так и других форм языка, и наряду с расовой и этнической толерантностью будет способствовать взаимопониманию между представителями мультиэтнуса.

Список использованных источников

1. Петренко А.Д. Эволюция этносоциолектов в странах Западной Европы // Социофонетика и фоностилистика (опыт, актуальная проблематика, перспективы): монография / А.Д. Петренко, В.М. Бухаров, Д.А. Петренко [и др.]; под ред. д-ра филол. наук, проф. А.Д. Петренко. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 70–90.

2. Adger D., Hall D., Cheshire J. Multicultural London English and social and educational policies [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <http://www.meits.org/policy-papers/paper/multicultural-london-english-and-social-and-educational-policies> (дата обращения 16.01.2020).

3. Drummond R. (Mis)interpreting urban youth language: white kids sounding black? // Journal of Youth Studies. Published by Taylor & Francis, 2016. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1080/13676261.2016.1260692> (дата обращения 16.01.2020).

4. Eat Sleep Dream English. Learn English with Stormzy. MULTICULTURAL LONDON ENGLISH (MLE). – Mode of access: <https://www.youtube.com/channel/UCu4AP8qmYnXNUipUeyPQKig> (дата обращения 16.01.2020).

5. Multicultural London English: the emergence, acquisition and diffusion of a new variety. ESRC. Project of Department of Linguistics and English Language, Lancaster University, LA1 4YT, United Kingdom. – Mode of access: <https://www.lancaster.ac.uk/fss/projects/linguistics/multicultural/overview.htm> (дата обращения 16.01.2020).

УДК 81'27:39

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕМЦЕВ КРЫМА: РЕТРОСПЕКЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

С. Е. Перепечкина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии,

Институт иностранной филологии (СП),

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье изложены результаты экспериментального исследования речевого поведения этнических немцев Крыма на рубеже XX / XXI веков. На основе данных социолингвистических анкет, интервью и фонозаписей образцов речи выявлены особенности «семейного» языка (диалекта) его последних носителей, степень и сферы его использования. В работе рассматривается также вопрос языковой компетенции крымских немцев сегодня и подчеркивается значимость фактора компактного проживания и языковой политики для возрождения национальной культуры и языка (возможно, лишь в литературно-разговорной форме) в современных условиях.

Ключевые слова: крымские немцы, речевое поведение, социолингвистическое исследование, языковая компетенция.

Summary. The article outlines the results of an experimental study of the speech behavior of ethnic Germans of Crimea at the turn of the 20th / 21st centuries. Based on the data of the sociolinguistic questionnaires and speech samples, the peculiarities of the «family» language (dialect) of its last speakers, the degree and scope of its use have been revealed. The paper also examines the question of the language competence of Crimean Germans today and emphasizes the importance of the factor of compact residence and language policy for the revival of national culture and language (perhaps only in its literary-spoken form) in the modern environment.

Key words: Crimean Germans, speech behavior, sociolinguistic research, language competence.

Изучение языковых особенностей какого-либо народа с учетом его исторической судьбы является составной частью любого этнографического исследования. Особое внимание привлекают в этой связи «островные» языки, в частности, говоры «российских» немцев. «Изолированные среди иноязычного населения немецкие колонии являются как бы экспериментальной лингвистической лабораторией, в которой на протяжении сравнительно краткого промежутка времени в 100–150 лет, в обстановке, удобной для наблюдения, совершались языковые процессы, обычно развертывающиеся на протяжении целых столетий» (В.М. Жирмунский [1, с. 492]). Одним из последствий изолированности говора от языка метрополии является сохранение архаичных черт. Так, по оценке носителей диалектов, швабский диалект российских немцев кажется им «консервативнее», чем швабский в Германии; гессенский в России намного «гессеннее».

Историко-культурные особенности немецких колоний в Крыму рассматриваются в ряде специальных исследований (см. [2–3]), речевое же поведение немецких поселенцев остается пока еще менее изученным. В данной работе представлены результаты собственных исследований в хронологически разные периоды:

1) на рубеже XX / XXI вв. (1999–2000 гг.). Ввиду угрозы полного исчезновения «островных» языков вследствие ассимиляционных процессов, резкого сокращения числа немецких общин и их распада, массовой эмиграции в Германию и т.п. нами была поставлена цель – *выявить и описать особенности языка крымских немцев как явления, уходящего вместе с поколением его носителей*; 2) современный период, когда основной целью становится выявление уровня языковой компетенции этнических немцев Крыма сегодня, а также того, в какой форме и сферах функционирует их язык.

Проблематику экспериментального исследования составили также вопросы интерференции контактирующих языков, изучение исторических вех жизни крымских немцев – как в целом, так и их частных судеб. Полевые работы проведены с участием выпускницы Таврического национального университета (ныне КФУ им. В.И. Вернадского) Галины Федоровны Экштейн. Группа респондентов насчитывала 19 человек разного пола, возраста и уровня образования. Изначаль-

но предполагалось, что наиболее важным параметром окажется возраст, поэтому в опросе участвовали как представители старшего поколения (старше 60 – 6 человек), так и младшего (5 человек младше 16 лет). Сразу отметим, что существенных различий в знании языка по категории пола обнаружены не были. Почти все респонденты оказались потомками немецких колонистов из Вюртемберга, Верхнего Эльзаса, Пфальца, Баварии, Бадена и Цюриха (кантона) – носителей верхнеалеманнского (Цюрихталь), швабского, баварского (Розенталь, Фриденталь, Нейзац), южно-франкского (Гейльбрунн), эльзасского и баденско-пфальцского (Кроненталь) диалектов. Сбор данных осуществлялся с помощью основных социолингвистических методов – опроса (анкетирования), интервью (ключевые вопросы были направлены на выяснение значимых для языка моментов биографии) с записью на магнитную ленту, в том числе и методом «скрытой» записи; наблюдения с составлением рукописных заметок и последующим их анализом.

История активного заселения Крыма немцами восходит к началу XIX века, когда в Таврической губернии основываются первые (материнские) колонии. Их названия свидетельствуют о высокой позитивной (часто лирической) оценке поселенцами местного ландшафта (Rosental, Kronental, Heilbrunn, Herzentel, Zürichthal), о надежде на спокойную – после лишений военного времени на родине – жизнь на новом месте (Friedental, Neusatz). Это были мононациональные немецкие поселения с преобладающей диалектной формой немецкого языка в качестве средства общения. В конце XIX века (по переписи 1897 г.) в Таврической губернии проживало 31590 этнических немцев (5,8% населения) [2]. Основными контактирующими языками были русский и малороссийский, крымскотатарский, еврейский, болгарский и греческий. Знания диалекта приобретались в семейном кругу, он исполнял роль родного языка. Напротив, литературный язык изучался в школе; употребляемый в общении, он имел диалектальную окраску [5, с. 15], т.е. явление диглоссии было выражено очень слабо. Интервью с представителями старшего поколения свидетельствуют о том, что до Второй Мировой войны (т.е. до вынужденного переселения на восток) они еще знали как о регионе происхождения своих предков, так и об их языке.

С началом Второй Мировой Войны, когда стали рушиться старые языковые структуры «островов», в развитии языка российских немцев наступает фаза нестабильности и непоследовательности. «Устойчивый тип» общин, в которых жили немцы (села с преобладающим или полностью немецкоговорящим населением) сменяется «переломным» (села со смешанноговорящим населением), а позднее – ассимилирующим (превалирует население, не говорящее на немецком языке). Доминантным языком этого поколения российских (и крымских) немцев становится – в силу своего статуса государственного и лингва-франка – русский язык, даже если первичная социализация (в семье) происходила в условиях использования немецкого диалекта.

Исследование показало, что владение литературным немецким языком связано в первую очередь с возрастом респондента. Читать, писать и говорить на нем могло только то поколение крымских немцев, которые окончили школу в довоенных немецких поселках. У следующего поколения (на момент исследования это было поколение прабабушек и прадедушек) обучение началось в немецкой школе, но продолжить его после переселения на восток стало невозможным. Вследствие этого – лишь частичные знания литературного языка: они могут читать, немного говорить и писать, смешивая немецкий язык с русским; в сфере письменного общения (переписка) доминирует немецкий. Поколение бабушек и дедушек относится уже к «переломному», которое не владеет литературным языком ни в письменной, ни в устной форме. Многие из них еще владеют диалектом. Знание

литературного языка средним и молодым поколениями немцев приобретаются исключительно в школе, их родным языком становится ассимилирующий (русский, украинский или др. контактирующий язык). Свои диалектные знания 40% опрошенных оценили как «вообще никаких», «плохо», «удовлетворительно».

Результаты опроса подтвердили предположение о том, что немецкий язык (в диалектной его форме) еще не полностью утратил свои позиции в качестве семейного языка. Около трети опрошенных старшего возраста указали, что чаще предпочитают говорить дома на немецком языке; четверть говорит на «смеси немецкого диалекта с русским». В кругу семьи на немецком диалекте чаще говорят родители, братья и сестры (старшее поколение), реже – с детьми и при общении супругов между собой (даже, если оба – немцы). Со старшими родственниками и знакомыми говорят, как правило, на немецком языке, с молодым поколением – на русском. Литературный немецкий язык, по данным интервью, не использовался, главным источником его распространения была названа школа.

Аудитивный анализ образцов речи позволил выявить фонетические особенности, характерные для южнонемецких диалектов: делабиализацию /ö/, /ü/ – /e/, /i/ (*leffel* – «Löffel», *kissen* – «küssen», *tier* – «Tür»); трансформацию дифтонгов ai/oi: *lait* – «Leute», *daitisch* – «Deutsch»; отпадение /n/ в окончаниях глаголов (*suche* вместо «*suchen*»); свойственную разговорному языку элизию конечного /e/ (*nehm*); /s/ перед /t/ в середине слова заменяется шипящим (*du hascht* – «*du hast*», *poscht* – «*Post*», *samschtag* – «*Samstag*»). Отмечено влияние русского языка на произнесение /o/ в безударной позиции: /k~~o~~ntakt/ вместо /k~~o~~ntakt/, а также меньшая интенсивность произношения; используется переднеязычный вариант /r/ и палатальный (мягкий) /r'/ перед /a/.

Интересен нетипичный факт северонемецкого произношения среди крымских немцев: один респондент, Элеонора Иоганновна, называла себя и людей, говорящих на этом диалекте, «*plottditsche Menschen*». Ее речи свойственны все особенности нижнегерманских диалектов, в которых, в отличие от верхнегерманских, не произошло 2-го передвижения согласных (*die zweite Lautverschiebung*). Приведем лишь некоторые примеры: *oppel* (Apfel), *twölf* (zwölf), *wouta* (Wasser), *masser* (Messer), *molti* (Milch), *bottamolti* (Buttermilch), *et weit* (ich weiß), *Plottditsch* (Plattdeutsch).

Среди лексико-грамматических особенностей зарегистрированы случаи несоблюдения категории рода: *eine stück* (русск. «штука» – жен. р., а в немецком – среднего), *der/das bier*, *der/das wort*. Артикль, в основном неопределенный, часто опускается или используется в другом значении: *dann war ich an (einem) anderem dorf*; *hab' mir (einen) große ofe gehabt*; *kein eines wort wußte ich nicht auf russisch*. В последнем примере неопределенный артикль употребляется в значении прилагательного «*einzig*». Здесь же мы видим двойное отрицание (*kein...nicht*), что в немецком языке излишне. Многие респонденты не используют в речи сложных грамматических форм, особенно аналитических форм прошедшего времени, конструкций страдательного залога: „*gestern gehe ich ...*“. Синтаксические особенности можно проследить на примере предложения *In d' schul' bin ich gegangen am achtundvierzigste Jahr*: инверсия (встречается часто), несоблюдение рамочной конструкции. Заметим, что предлог *am* вместо *im* довольно часто встречался не только в выражении «в ... году», но и в сочетании с топонимами: *dann war ich an anderem dorf Martynowka*. Аналогичны предложения *Die deutsche sprache habe ich gelernt von der finfte bis siebenter klasse*; *dort waren mir hingekommen am einundvierzigste jahr september monat*. *Die erste jahre kannte ich nicht in d' schul', weil mir haben nichts gahabt zum anziehen: keine schuhe, keine stiefel, barfuß*. Здесь, кроме того, встречаются диалектизмы (*finfte*, *waren mir (m.e. wir)*), калька из русского языка (*september monat* – сентябрь-месяц).

Случаи перестановки букв в некоторых многосложных словах могут свиде-

тельствовать о том, что язык передавался из уст в уста: *Ach du, dummer Unrasirier* (вместо *Unrasierter* – сущ., образованного от деепричастной формы глагола «rasieren» – «бриться» при помощи негативной приставки *un-* и суффикса *-er*).

На лексическом уровне отмечены не только диалектизмы и разговорные формы (*der (Ofe) war warm; nix verstanden*), но и некоторые архаизмы (*Knecht*), а также заимствования из русского языка, обозначающие технические новшества, названия которых в немецком языке респондентам не были известны (*ich gucke телевизор*).

Сегодня, спустя почти 20 лет, старшего поколения, еще знавшего и хранившего родной язык, уже нет. Задачей немецкой диаспоры в Крыму, насчитывающей теперь всего лишь 2,5 тыс. человек (по сравнению с 53 тыс. в 1941 г.), становится возрождение своей культуры и изучение языка своих предков. Некоторая часть, особенно вернувшиеся из Германии репатрианты, говорят в семье на немецком языке (уже в его литературно-разговорной форме), прививают его детям. «Российские немцы», по словам Ю.К. Гемпеля, председателя общества немцев Крыма «Wiedergeburt», это «люди двух культур – немецкой и русской». Национальная газета «Hoffnung» («Надежда») издается на этих двух языках, по-видимому, не случайно.

Подводя итог, выделим главное: 1. Диалекты немецких колонистов, «привезенные» из Германии более двухсот лет назад, неизбежно испытали интерферирующее воздействие контактирующих языков на лексико-грамматическом и фонетическом уровне, сохранив при этом ряд архаичных черт.

2. Трагические обстоятельства в исторической судьбе этнических немцев, дисперсное (некомпактное) расселение при их малочисленности привело практически к нивелированию особенностей национального характера, быта и культуры, утрате «семейного» языка.

3. Представляется, что возрождение национальных культурно-языковых основ возможно лишь при условии создания устойчивого типа поселения (компактного, т.е. немецких поселков) и соответствующей языковой политике государства.

Список использованных источников

1. Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание: Избр.тр. Л.: Наука, 1976. 695 с.

2. Лаптев Ю.Н. Немцы Крыма: история и современность // КЛИО. Научно-популярный исторический журнал для детей, юношества и педагогов. № 1–4(4). Симферополь, 1998. С. 30–34.

3. Немцы в Крыму: Очерки истории и культуры / сост. Лаптев Ю.Н. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. 253 с.

4. Социолингвистический портрет этнических немцев Крыма (исторический аспект) // Евстафьева Н.М. [и др.]. Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы IV Международного научного конгресса, Симферополь, 1 – 19 апреля 2019 г. Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2019. С. 103–106.

5. Berend, Nina. Sprachliche Anpassung: eine soziolinguistisch-dialektologische Untersuchung zum Rußlanddeutschen. Tübingen: Narr, 1998. 253 S.

УДК: 811

АНГЛИЦИЗМЫ В НЕМЕЦКОЙ РЕЧИ: АППРОКСИМАЦИЯ ИЛИ СУБСТИТУЦИЯ

Д. М. Шелехов,

*аспирант кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации,
Факультет иностранных языков и регионоведения,*

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. В статье рассматривается социофонетический аспект функционирования англицизмов в устной речи респондентов-носителей немецкого языка. Для достижения цели был составлен список из 40 предложений на немецком языке, включающий 58 слов-стимулов, содержащих ксенофоны – звуки языка-донора, чуждые языку-реципиенту. Их реализация информантами призвана показать степень аппроксимации и выявить варианты произнесения в родной (немецкой) речи. В исследовании используются методы анкетирования, социофонетического и контрастивного анализа для определения возраста, пола и уровня владения английским языком.

Ключевые слова: социофонетика, артикуляция, адаптация, ассимиляция; акцент.

Summary. The article considers sociophonteic aspect of anglicisms functioning in oral speech of native Germans. The informants had to pronounce 40 sentences, which contained 58 stimulus words, i.e. xenophones – the sounds alien to the recipient language. Their realization by native speakers of German demonstrates the approximation degree and subsidiary varieties in oral speech. The methods used include questionnaire survey, contrastive and sociophonetic analysis to identify the age, gender and the speakers' command of English.

Key words: sociophonetics, articulation, adaptation, assimilation, accent.

Начиная с XVIII века англицизмы стали проникать в немецкий язык. Они прочно вошли в такие сферы, как литература, архитектура, садоводство, гончарное производство, спорт, музыку, автомобильную индустрию и авиацию.

Приводимый ниже эксперимент призван продемонстрировать, какие звуки носители немецкого языка произносят в соответствии с фонетической нормой английского языка, а какие – подвергают аппроксимации или субституции под влиянием родного (немецкого) языка.

Цель исследования – определить варианты субституции и аппроксимации ряда английских ксенофонов (звуков языка-донора, чуждых языку-реципиенту) в устной речи носителей немецкого языка.

В исследовании используются следующие методы:

- анкетирование информантов-носителей немецкого языка;
- социолингвистический анализ для определения таких социальных особенностей речи информантов, как возраст, пол, социальный статус;
- контрастивный анализ для определения параметров отклонения реализации англицизмов носителями немецкого языка под его влиянием.

Для исследования проблематики был проведен опрос респондентов-носителей немецкого языка, которые заполнили анкеты, указав возраст, гендер, уровень образования, количество лет изучения английского, степень погруженности в англоязычные СМИ. Респонденты также зачитали 40 предложений на немецком языке, в которых присутствовали 58 слов-стимулов.

Собранный эмпирический материал позволит оценить вероятность появления определенных ксенофонов. В ходе анализа речи немецкоязычных информантов станет возможным выделение субституций в английских заимствованиях.

Иностраный акцент безошибочно воспринимается в речи носителя другого языка, но не всегда объективно определяется различиями в речевом сигнале. В нем в основном фиксируются структуры родного языка. На акцент также влияют нейрофизиологические и социологические факторы. Так, не все респонденты, родным языком которых является немецкий, делали одни и те же ошибки, говоря на иностранном для них – английском языке.

Две основные модели изучения иностранного языка – Модель речевого обучения (Speech Learning Model, SLM) Джеймса Фледжа и Модель восприятия

ассимиляции (Perceptual Assimilation Model, PAM) Кэтрин Бест. Так, обе теории исходят из того, что восприятие во время усвоения иноязычных звуков является наиболее важным аспектом изучения языка.

Дж. Фледж рассматривает фонемы как языковые категории, которые хранятся в долговременной памяти. Новые категории возникают только в том случае, если предполагаемые различия с существующей категорией в родном языке достаточно велики. Все категории, относящиеся как родному языку, так и к иностранному (т.н. «новые»), находятся в едином фонологическом пространстве.

По данным Дж. Фледжа, слушающий воспринимает иностранные звуки как «новые», как «похожие» или как «идентичные» по сравнению со знакомыми ему звуками родного языка. В процессе изучения иностранного языка идентичные звуки иностранного и родного языка не вызывают затруднений у говорящего/слушающего; они попадают в категорию звуков родного языка и произносятся так же, как и они. Новые звуки, которые не похожи на звуки родного языка, заучиваются легко, так как они не могут быть отнесены ни к одной из существующих звуковых категорий, и тем самым стимулируют формирование новых категорий. Похожие звуки, однако, ассоциируются со звуками родного языка и поэтому произносятся, как они. Это приводит к типичным произносительным ошибкам.

Согласно SLM, с увеличением возраста лица, изучающего иностранный язык, уменьшается вероятность восприятия различий между звуками родного (L1) и иностранного (L2) языков, а также теми звуками L2, которые не контрастируют с L1. Это связано с адаптацией восприятия к L1 [2, с. 239].

Модель ассимиляции восприятия (Perceptual Assimilation Model, PAM) К. Бест (1995), как и SLM, нацелена на объяснение поведения лица, изучающего иностранный язык и улавливающего связь между звуками L1 и L2. Отличие от SLM заключается в осознанном представлении об артикуляции.

Фонетическое различие и фонетическое сходство определяются в PAM близостью артикуляционного жеста. Фонемы либо ассимилируются с существующей категорией L1, либо воспринимаются как неклассифицируемые, что приводит к формированию новой категории. При классификации в качестве звука L1, звук L2 не обязательно должен восприниматься как образцовый представитель этой категории, но может быть также классифицирован как плохая реализация определенного звука [1, с. 193].

Исходя из вышесказанного, считаем необходимым исследовать произношение немецкоязычными информантами следующих согласных фонем, встречающихся в английских словах:

- [D], [T], [w], [G], которые не имеют эквивалентных фонем в инвентаре немецкого языка;
- [ɪ], [ʃ], которые имеют эквивалентные фонемы в немецком языке, однако их артикуляция значительно различается.

Для реализации эмпирического исследования составлен список англицизмов, в произношении которых присутствует максимальное возможное количество ксенофонов. Источником английских заимствований послужил онлайн-корпус “Deutscher Wortschatz” Лейпцигского университета, так как в нем представлены предложения естественной природы, используемые в повседневной речи. Этот факт делает исследование более объективным: проводимый социофонетический эксперимент не включает искусственно созданные предложения. При составлении списка англицизмов в поисковую строку на сайте онлайн-корпуса заносилось слово-стимул, затем из списка выбиралось предложение, его содержащее.

В исследовании представлены англицизмы из разных сфер жизни: рекламы (*Enjoy*), экономики (*Pipeline*), спорта (*Soccer*), медиа (*Primetime*), IT (*Web*), автомо-

бильной индустрии (*Airbag*), музыкальной индустрии (*Backstage*). Для создания максимально естественной ситуации слова-стимулы были инкорпорированы в немецкие предложения.

Среди представленных в анкете предложений были следующие:

- *So werden die Daten beispielsweise via Bluetooth an das Handy des für den überwachten Bereich zuständigen Mitarbeiters gesendet.*
- *Klar reden diese Leute ungern von Klasse, Rasse, Gender und so weiter.*

Необходимо подчеркнуть, что слова-стимулы, представленные респондентам, не выделялись ни курсивом, ни полужирным, ни каким бы то ни было другим способом. Это позволило исключить предиктивно английское произношение.

Так, например, при исследовании произнесения немецкоязычными информантами английских фонем [T], [D], [w], [G], которые не имеют прямых соответствий в инвентаре немецкого языка, наблюдаются следующие варианты подстановки:

- [T] заменяется на [s] и [t];
- [D] заменяется на [d], [z] или [z̥] в инициальной позиции;
- [w] заменяется на [v];
- [G] заменяется на [Z] и [tS].

Случаи корректной реализации в рамках исследования не рассматривались, так как его цель – определить варианты субституции и аппроксимации английских ксенофонов устной речи носителей немецкого языка.

В случае с [ɹ], [ʃ], имеющими эквивалентные фонемы в немецком языке, но артикуляция которых значительно различается, наблюдаются следующие варианты реализации:

- [ɹ] реализуется при помощи аппроксиманта [ʁ].
- [ʃ] заменяется на [ʃ].

Таким образом, можно утверждать, что в реализации пяти из шести проанализированных звуков наблюдаются субституции и лишь в реализации одного звука – аппроксимация. Видится целесообразным, что современные фонологические и фонетические теории могут, по крайней мере частично, объяснить и предсказать типичные ошибки произношения, возникающие при овладении вторым языком. Однако индивидуальным особенностям обучающихся уделяется мало внимания. В произношении заимствований важную роль играет также оценка ситуации говорящим (например, адаптация говорящего к предполагаемым знаниям иностранного языка и предпочтениям слушателя), степень интеграции соответствующего слова в немецкий язык, а также социолингвистические аспекты, такие как возраст и уровень владения английским языком.

Список использованных источников

1. Best C. T. A direct realist view of cross-language speech perception // *Speech Perception and Linguistic Experience: Theoretical and Methodological Issues* / W. Strange (Hrsg.). Timonium: York Press, 1995. S. 171–204.
2. Flege J. E. Second Language Speech Learning: Theory, Findings and Problems // *Speech Perception and Linguistic Experience: Theoretical and Methodological Issues in Cross-Language Speech Research* / W. Strange (Hrsg.). Timonium: York Press, 1995. S. 233–272.

ИНДОЕВРОПЕИСТИКА

УДК 81'36:811.14

ОТРИЦАНИЕ И СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

*Л. Н. Мирошниченко,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры новогреческой филологии,
Кубанский государственный университет, Краснодар*

Аннотация. В статье анализируется категория отрицания. Цель работы – выявить и проанализировать способы выражения отрицания в новогреческом языке. Задачи работы: определить многообразие средств выражения отрицания; рассмотреть способы и средства выражения отрицания в структуре греческого предложения. В ходе работы использовался метод системного анализа, описание и трансформационный метод, а также наблюдение, сравнение и обобщение. При анализе материала применялись прежде всего дескриптивный и дистрибутивный методы. Отрицание, являясь универсальной категорией естественных языков, имеет при этом определенные особенности, далекие от интуитивно ожидаемых.

Ключевые слова: категория отрицания, отрицательное предложение, отрицательный маркер, полинегативные и мононегативные предложения, приглагольное отрицание, двойное отрицание, отрицательные конструкции.

Summary. The article analyzes the category of negation. The purpose of the work is to identify and analyze the ways of expressing negation in the modern Greek language. Objectives: identify the variety of means of expression of negation; consider ways and means of expressing negation in the structure of the Greek sentence. In the research the system analysis method, description and transformation method were used, as well as observation, comparison and generalization. In the analysis of the material, first of all, descriptive and distributive methods were used. The negation, being a universal category of natural languages, has certain features that are far from intuitively expected.

Key words: category of negation, negative sentence, negative marker, poli- and mononegative sentences, negation in front of the verb, double negation, negative patterns.

Категория отрицания – сложное многоаспектное явление. До сих пор в лингвистике нет однозначной трактовки отрицания. Аристотель исследовал отрицание с позиции логики, позже возобладала теория синтаксиса, а сегодня этой категорией занимается еще и лексическая семантика [3]. Е. В. Падучева приходит к выводу о том, что отрицание в языке принадлежит к числу исходных, не толкуемых понятий [2]. Велудис утверждает, что отрицательные предложения формируются с целью уничтожения ожиданий, воплощаемых (даже если они не высказываются, а лишь существуют мысленно) в утвердительных высказываниях и являются «опровержением ожидаемого положения вещей» [4, с 321]. По мнению Калининой А. А., «отрицательное высказывание может представлять собой реакцию говорящего на истинностное содержание чужого высказывания (мнения)» [1, с. 4].

В лингвистической литературе отмечается, что основным содержанием грамматической категории отрицания является логическое отрицание. Логическое содержание языковой категории отрицания составляют небытие, инобытие, различие, лишенность и т.д. При этом в содержание языкового отрицания могут входить и другие денотативные частные значения: несогласие, возражение, отказ, за-

прет, протест и др. Поэтому отрицание можно рассматривать и как формальную универсалию, общую для всех языков.

Наличие отрицания не всегда свидетельствует об отрицательном суждении. Оно может соответствовать положительному суждению и быть средством выражения не суждения, а запрета, вопроса и др.

Рассмотрим средства выражения отрицания в новогреческом языке.

Одним из распространенных средств выражения отрицания в новогреческом языке являются отрицательные префиксы: *α-*, *ανα-*, *αν-*, *απο-*, *αντι-*, *δυσ-*, *ξε-*. Этот способ характерен как для имен, так и для глаголов. Причем в новогреческом языке префиксы присоединяются как к именным основам, так и к глагольным.

Отрицание именного предиката реализуется несколькими различными способами (частицы, отрицательный префикс, отрицательная конструкция, их синтетические расширения); показатель отрицания при именной предикации с семантикой идентификации отличается от экспонента отрицания в бытийных предложениях и предложениях с предикативным обладанием. К отрицательным частицам в греческом языке относятся *δεν*, *μην*, *όχι*.

Отрицательные частицы – наиболее распространенное средство грамматического выражения отрицания в новогреческом языке. При этом одни из них употребляются только с глаголами, другие – только с именами, третьи – самостоятельно или и с теми, и с другими. Частица *δεν*, используемая при глагольном отрицании, не употребляется при отрицании имён. Частицы *δεν* и *μην*, употребляющиеся с глаголами, могут дифференцироваться по наклонениям и временам.

Отрицание в наклонениях реализуется разными отрицательными частицами. В изъявительном, сослагательном и условном наклонениях используется частица *δεν*, в повелительном – *μην*, а в зависимом – перед модальным глаголом ставится частица *δεν*, а перед смысловым – *μην*: *Δεν θέλω να διαβάσεις.* (Я не хочу, чтоб ты читал). – Здесь и далее перевод автора. *Θέλω να μην διαβάσεις.* (Я хочу, чтоб ты не читал).

К средствам репрезентации отрицания относятся также отрицательные местоимения и наречия, выражающие значение отсутствия того, что обозначено корневой морфемой соответствующего вопросительно-относительного местоимения и наречия. Так, в новогреческом языке местоимение «*κανένας, καμία, κανένα (ουδείς)/ ουδεμία (ουδεμία)/ ουδέν*» означает отсутствие или несуществование какого бы то ни было лица, «*κανένας, καμίας, κανενός*» – «никому не принадлежащий», «*κανένα, καμία, κανένα (ουδένα/ ουδεμία/ ουδένα)*» – отсутствие субъекта действия и так далее. Отрицательные местоимения и наречия выражают отрицание наличия объекта (то есть его отсутствие, несуществование) вообще или в той или иной его количественной (например, никого) или качественной (например, никак) определенности. *Επ ουδενί λόγο, ουδεμία περίπτωση.* (Ни при каких обстоятельствах).

Для выражения отрицания в новогреческом языке применяются также предлоги: *χωρίς, δίχως, άνευ*. Примечательно, что, если эти предлоги используются вместе с другими маркерами отрицания (частицами *δεν, όχι*), образуется предложение с утвердительным значением: *Όχι χωρίς τη βοήθεια των ανώτερων δυνάμεων.* (Не без помощи высших сил).

Другим способом выражения отрицания являются отрицательные союзы – *ούτε, μήτε*.

Отрицательное значение также несут в себе антонимы. Они не только взаимно отрицают, но в то же время и предполагают друг друга.

Грамматические средства выражения категории отрицания встречаются во всех формах прошедшего, настоящего и будущего времен. Кроме того, данные средства используются с модальными глаголами при предикативной форме с частицей *δεν*. Побудительные и вопросительные предложения могут также содержать в себе

отрицание, но это отрицание при общем вопросе означает не отрицание факта, а выражает удивление, сомнение или предложение, которые в русском языке часто передаются посредством вопросительных частиц (разве, неужели, ли и др.).

Логическое значение отрицания и языковое выражение отрицания могут не совпадать. Так, отрицательные языковые формы не всегда выражают логическое отрицание. Например, слово *ανεκτίμητος* (бесценный) означает положительное понятие, а именно: *αυπολόγιστος* (огромной ценности). И, наоборот, положительные языковые формы могут выражать логическое отрицание – отрицательные понятия: *ελεύθερος* (свободный) в значении *άγαμος*, *αύπαντρος* (неженатый).

Перейдем к рассмотрению отрицания в структуре греческих предложений.

В новогреческом языке отрицание в предложении может относиться:

1) к подлежащему: *Οι μη καπνιστές βρίσκονται σε θανάσιμο κίνδυνο.* (Некурящие находятся в смертельной опасности).

2) к сказуемому (с помощью отрицательных частиц *δε(ν)* и *μη(ν)*): *Με επείραξε επίσης που δε μου τα είχε διηγηθεί παλαιότερα.* (Меня также задело то, что он(а) не рассказал(а) мне об этом раньше).

3) к дополнению: *Αν δεν έχεις αγάπη, δεν έχεις τίποτα στη γή.* (Если у тебя нет любви, у тебя нет ничего на земле).

4) к обстоятельству: *Ποτέ μη λες ποτέ.* (Никогда не говори никогда).

5) ко всему предложению в целом (при помощи отрицательного союза): *Πρέπει να ομολογήσω ότι δε με άγριζε ούτε με το μικρό του δαχτυλάκι.* (Я должна признаться, что он не тронул меня даже мизинцем). Причем это относится только к выражению отрицания в одном и том же предложении. Если предложений два или более (даже входящих в состав одного сложного), то отрицание должно быть выражено в каждом из них:

Ούτε πιάστηκε ούτε εκτελέσθηκε ούτε σκοτώθηκε στη μάχη. (Его не поймали, не казнили, он не погиб в бою).

Даже когда отрицание относится к другим членам предложения, в греческом языке оно нередко остается при глаголе. Понимание того, к какому именно слову относится отрицание, в этих случаях обычно достигается за счет противопоставления. Акцент при этом делается на том слове, к которому был поставлен вопрос:

- Ποιος άρχισε τη φασαρία; Ο Κώστας; (- Кто начал шумиху? Костас?)

- Όχι, δεν την άρχισε ο Κώστας. (- Нет, ее начал не Костас).

Новогреческий язык относится к языкам полинегативного типа. В построении отрицательных конструкций наблюдается вариативность: возможно построение как монологических конструкций, так и полинегативных. Как и в русском языке, двойные и даже тройные отрицания являются нормой. То есть в новогреческом языке отрицание в предложении может быть оформлено одновременно двумя маркерами: как грамматическим (отрицательной частицей при глаголе), так и лексико-грамматическим (например, отрицательным наречием).

К новогреческому языку применима теория американского учёного Уильяма Лабова о так называемом отрицательном согласовании [5]. Согласование между отрицательным грамматическим маркером и лексико-грамматическим может быть выражено как в форме двойного отрицания (например, отрицательная приглагольная частица и отрицательное наречие или местоимение), так и, при необходимости использования дополнительного маркера, нейтрального элемента (например, неопределенного местоимения *κάτι*). Такой маркер не является отрицательным сам по себе, а становится им только когда используется в отрицательной конструкции.

В качестве примера двойного отрицания приведем предложение с использованием отрицательной частицы и местоимения: *Δεν θέλω να πάω πουθενά.* (Я не

хочу никуда идти). Возможно также употребление сразу нескольких маркеров/репрезентантов отрицания: *Κανένας δεν μπορεί να της αρνηθεί τίποτα.* (Никто ни в чем не может ей отказать.)

Примером использования нейтрального элемента в «отрицательном поле» может служить следующий: *Τι έγινε, Πέτρο, και είσαι άκεφος, έχεις κάτι; – Όχι, δεν έχω κάτι, απλώς κουράστηκα.* (Что случилось, Петр, и ты не в настроении, что-то не так? – Нет, ничего плохого, я просто устал).

Однако две отрицательные частицы иногда оформляют утвердительное предложение (предложение с двойным отрицанием), так как в нем происходит отрицание отрицания. Например: *Δεν μπορείς να μην ακούς.* (Ты не можешь не слышать).

Некоторые предложения, наоборот, формально относятся к утвердительным, на самом деле носят отрицательный характер: *Αν τολμάς, προσπάθησε να το πεις.* (Если хватает смелости, попробуй это сказать).

Как маркер усиленного отрицания функционирует повтор отрицания. Мы можем встретить его в двух случаях:

а) внутри предложения, когда отрицательные слова следуют одно за другим: *Ποτέ, μα ποτέ δεν κατηγορώ άλλους ανθρώπους* (Я никогда, да, никогда не осуждаю других людей).

б) когда предложение связано с предыдущим, усиливая отрицательное значение первого: *Όχι μόνο δεν πήρε ποτέ βραβείο Νόμπελ αλλά ούτε καν προτάθηκε γι' αυτό.* (Он не только не получил Нобелевскую премию, но никогда и не выдвигался на нее).

Итак, категория отрицания в современном греческом языке находит свое выражение как в его грамматической структуре, так и в лексической системе. Семантически отрицательные предложения очень разнообразны. Коррелируя с утвердительными конструкциями, они выражают оппозитивные значения. Выбор необходимой формы несогласия/отказа позволяет адекватно выразить содержание-намерение высказывания, и передать при этом дополнительные коннотации.

В общеотрицательных конструкциях через отрицание понятия, содержащегося в предикате, отрицается весь смысл предложения. Наряду с общеотрицательными высказываниями, выделяются и частичноотрицательные.

Встречаются также случаи нарушения оппозиции утвердительности/отрицательности, когда один из членов формальной оппозиции семантически утрачивает оппозитивность. Это происходит при двойном отрицании, одно из возможных (хотя и не очень распространенных в новогреческом языке) назначений которого является выражение позитивной семантики.

Распределение функциональной нагрузки отрицательных элементов, широкое распространение морфологических способов выражения отрицания (отрицательных префиксов), используемых с различными частями речи, связано с грамматической структурой греческого языка.

Список использованных источников

1. Калинина А. А. Категория утверждения/ отрицания в функциональных типах предложений в современном русском языке: Автореф. дис. ...докт. - М., 2012. 42 с.
2. Падучева Е.В., Русское отрицательное предложение. Монография. М., Изд-во Языки славянской культуры, 2013. 304 с.
3. Файрузова А.Р. Структурные разновидности моно- и полинегативных предложений (типологический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, №10 (28). 2013. С. 170–175.
4. Βελούδης, Γ. Η άρνηση. Αθήνα: Πατάκης, 2005, 110 σελ.
5. Hedde Z., Negation in the natural language On the form and meaning of the Negative Elements. Language and Linguistics Compass 1/5. 2007. URL: http://www.lib.csu.ru/ER/ER_Philosophy/fulltexts/ZeijlstraH.pdf (дата обращения 15.02.2020)

Αικ. Προδρομάκη,

*Φιλολόγος, ΜΕ.δ στην Ειδική Αγωγή και Εκπαίδευση – Προπτυχιακή Φοιτήτρια
Παιδαγωγικού Τμήματος Δημοτικής, Εκπαίδευσης*

Ν. Δημουλάς,

*Δάσκαλος Ελληνικής Γλώσσας - Μεταπτυχιακός φοιτητής Ελληνικού Ανοιχτού
Πανεπιστημίου, αποσπασμένος εκπαιδευτικός στη Ρωσία, στην πόλη Κρασνοντάρ*

Περίληψη. Η παρούσα μελέτη διερευνά την εμπλοκή της οπτικής μνήμης στην ορθογραφημένη γραφή, σε φοιτητές φυσικού ομιλητές της ελληνικής γλώσσας και σε φοιτητές που διδάσκονται την ελληνική ως δεύτερη, ξένη γλώσσα. Στην έρευνα συμμετείχαν συνολικά εξήντα (60) φοιτητές ηλικίας 18-20 ετών από την Ελλάδα και τη Ρωσία. Τα αποτελέσματα παρουσιάζουν σημαντικά ποσοστά λάθους στα ετυμολογικά σημεία των λέξεων, τα οποία αποτελούν μέρος της οπτικής τους ταυτότητας και της ιστορικής τους διάστασης. Σχετικά με τα ευρήματα, μπορούν να χρησιμοποιηθούν ως δεδομένα για περαιτέρω διερεύνηση σχετικά με το βαθμό ανάμειξης και σημαντικότητας της οπτικής μνήμης στην ανάκληση ορθογραφικών τύπων σε ενήλικες που μαθαίνουν ελληνικά, αρχάριους και προχωρημένους.

Λέξεις-κλειδιά: λειτουργία μνήμης εργασίας, οπτική μνήμη, ορθογραφία

Summary. The present study explores the involvement of visual memory in spelling, in students who are native Greek speakers and students who are taught Greek as a second, foreign language. A total of sixty (60) students aged 18-20 years from Greece and Russia participated in the survey. The results show significant error rates in the etymological points of the words, which are part of their visual identity and historical dimension. Regarding the findings, they can be used as data for further investigation into the degree of mixing and significance of visual memory in the recall of spelling types in adults learning Greek, beginners and advanced ones.

Key words: working memory, visual memory, spelling.

1. ΕΙΣΑΓΩΓΗ

Η μνήμη εργασίας αποτελεί ένα γνωστικό μηχανισμό, απαραίτητο για τη σύντομη διατήρηση και την επεξεργασία πληροφοριών [1], που βοηθά στην απόκτηση λεξιλογίου [2], στην κατάκτηση της ανάγνωσης και της ορθογραφημένης γραφής [5; 6] όσο και στην εκτέλεση ανώτερων διεργασιών οι οποίες απαιτούνται για την κατανόηση κειμένου [3].

Εμπεριέχει έναν κεντρικό επεξεργαστή, το αρθρωτικό ή φωνολογικό κύκλωμα και το οπτικο-χωρικό σημειωματάριο. Το αρθρωτικό κύκλωμα αποτελεί το πρώτο βοηθητικό σύστημα της μνήμης εργασίας και είναι εξειδικευμένο για τη συγκράτηση φωνολογικών πληροφοριών βασιζόμενο στην εσωτερική επανάληψη, ενώ το οπτικο-χωρικό σημειωματάριο είναι υπεύθυνο για την δημιουργία οπτικών – νοερών εικόνων. Για να επιτευχθούν οι παραπάνω διαδικασίες, χρειάζεται η λειτουργία δύο ακόμη συστημάτων, της συγκράτησης των πληροφοριών και της αρθρωτικής επεξεργασίας [10].

Η ορθογραφημένη γραφή είναι μια ιδιαίτερη και επίκτητη ικανότητα, στην οποία υπάρχει σημαντική εμπλοκή της μνήμης ως γνωστική λειτουργία, αφού ο “συγγραφέας” καλείται να ανασύρει τόσο μορφοσυντακτικούς όσο και φωνολογικούς κανόνες, για να καταλήξει στην ορθή γραφή των λέξεων [4]. Σε πρώτο στάδιο, η συγκράτηση και η επεξεργασία των εισρεόμενων ερεθισμάτων συμβαίνει στη μνήμη εργασίας, η οποία συγκρατεί τις πληροφορίες για μικρό χρονικό διάστημα, ώστε να διεκπεραιωθεί το γνωστικό έργο, αλλά και επιτελεί διεργασίες με τις οποίες γίνεται μια ενσυνείδητη

επεξεργασία εμπειριών [9]. Για έναν ορθογράφο σε πρωταρχικό στάδιο, η διαδικασία ανάκλησης των πληροφοριών έγκειται στην μετατροπή φωνήματος σε γράφημα και στη σειριακή αποκωδικοποίηση, όπου καταγράφεται συνήθως ένα «γράμμα τη φορά». Αυτό παρατηρείται ιδιαίτερα σε γλώσσες με διαφανή ορθογραφία, όπως τα ιταλικά, όπου η αντιστοίχιση φωνήματος-γραφήματος παραμένει σταθερή [12]. Σε άλλες περιπτώσεις, κατά τη διάρκεια απόκτησης εμπειρίας, η επιλογή του ορθά γραμμένου λεξικού τύπου εκτελείται μέσω της ενεργοποίησης του σημασιολογικού λεξικού. Επομένως, η σημασιολογική δομή της λέξης, σε μεταγενέστερο στάδιο, βοηθά στην επιλογή του επικρατέστερου ορθογραφικού τύπου από το ορθογραφικό λεξικό, ώστε αυτός να οδηγηθεί στο σημείο εκροής (output) [7]. Από όσα αναφέρθηκαν, προκύπτει ότι, οποιαδήποτε δυσκολία στη μάθηση γραφημικών και φωνολογικών αντιστοιχιών επηρεάζει σημαντικά τη την ανάπτυξη του φάσματος και της ποιότητας του ορθογραφικού λεξικού σχετικά με τις ορθογραφικές αναπαραστάσεις [7]. Επιπλέον, έλλειμμα στη μνήμη εργασίας μπορεί επίσης να επηρεάσει την κωδικοποίηση και εν τέλει, την ανάσυρση των ορθογραφικών ταυτοτήτων των λέξεων.

2. Η ΕΡΕΥΝΑ

Η έρευνα που ακολουθεί εξετάζει τη σχέση της οπτικής μνήμης με την ορθογραφημένη γραφή κατά τη διάρκεια ανάκλησης, σε φοιτητές φυσικούς ομιλητές της ελληνικής γλώσσας και σε φοιτητές που διδάσκονται την ελληνική ως ξένη γλώσσα. Η επιλογή των συγκεκριμένων ομάδων βασίστηκε στο ενδιαφέρον μας για την ποιότητα των λαθών σε άτομα που αποτελούν μέλη Πανεπιστημιακών Ιδρυμάτων της χώρας σε σχέση με αντίστοιχες ηλικίες φοιτητών του εξωτερικού, που όμως έρχονται σε επαφή με τα ελληνικά για πρώτη φορά.

Επομένως, σκοπός της έρευνας είναι να διαθέσει νέα δεδομένα σχετικά με την ποιότητα των λαθών για τις ηλικιακές ομάδες 18-20 ετών, ώστε να επισημάνει αν όντως η οπτική μνήμη κατέχει σημαντικό ρόλο στην ορθογραφία και αν τα λάθη που καταγράφθηκαν ανήκουν ως επί το πλείστον στο κομμάτι που αφορά στην οπτική κωδικοποίηση. Είναι σημαντικό να σημειωθεί ότι η αξιολόγηση απευθύνεται σε φοιτητές τυπικής ανάπτυξης χωρίς γνωμάτευση μαθησιακών ή άλλων δυσκολιών. Υπολογίστηκαν α) ο μέσος όρος σωστών λέξεων και β) τα ποσοστά λάθους ανά κατηγορία.

Χρησιμοποιήθηκαν εξήντα λέξεις, διαβαθμισμένης δυσκολίας από τη δοκιμασία ορθογραφικής επίδοσης των Σιδερίδη, Μουζάκη, Πρωτόπαπα και Σίμου [13], οι οποίες εκφωνήθηκαν, αρχικά μεμονωμένα κι έπειτα μέσα σε φράσεις, ώστε να γίνει σαφής η σημασιολογική τους ταυτότητα και να αποφευχθούν παρερμηνείες. Έπειτα, τα λάθη κατηγοριοποιήθηκαν βάσει της «Κλείδας καταγραφής και ανάλυσης ορθογραφικών σφαλμάτων» των προαναφερθέντων. Για την εκτέλεσή της δοκιμασίας, οι φοιτητές ανακαλούν πληροφορίες από τη μνήμη τους σχετικές με τη φωνολογική, γραμματική (μορφολογική) ή ιστορική (οπτική) ταυτότητα των λέξεων, είτε ολιστικά είτε σειριακά. Στη δοκιμασία συμπεριλήφθησαν τριάντα Έλληνες φοιτητές και τριάντα Ρώσοι φοιτητές, που διδάσκονται την ελληνική για περίπου έναν χρόνο.

3. ΑΠΟΤΕΛΕΣΜΑΤΑ

Σε σύνολο εξήντα λέξεων ο μέσος όρος σωστών ορθογραφικών τύπων για τους Έλληνες ανήλθε στις 56 λέξεις ενώ για τους Ρώσους φοιτητές μόλις στις 31 λέξεις. Η διαφορά αυτή είναι απόλυτα δικαιολογημένη, αφού πρόκειται για δύο ομάδες, όπου η μεν πρώτη αποτελείται από φυσικούς ομιλητές της ελληνικής ενώ η δεύτερη αποτελείται από αλλόγλωσσους, με σχετικά μικρή επαφή με τη γλώσσα. Ενδιαφέρον, όμως, παρουσιάζει ο ποιοτικός έλεγχος και η σχέση λαθών των δύο ομάδων. Έτσι, σε σύνολο 118 λαθών (N=118) για τους Έλληνες φοιτητές, τα σφάλματα στα ετυμολογικά σύμφωνα ανέρχονται σε ποσοστό 39% («χειμαρος/ χειμαρρος», «ξεφυλίζοντας/ξεφυλίζοντας», «εκατομύριο/εκατομμύριο») και αποτελούν το μεγαλύτερο ποσοστό μεταξύ άλλων (ετυμολογικά φωνήεντα 26%, θεματικό κανόνα 22% και θεματικό εξαίρεσης

μόλις 9%). Ελάχιστα λάθη καταγράφηκαν στη μορφολογία, κλιτές καταλήξεις και στη φωνογραφημική αντιστοιχίση.

Για τους Ρώσους φοιτητές το πλήθος των σφαλμάτων ανέρχεται στα 775 (N=775), με το 63% να εντοπίζεται σε ετυμολογικό φωνήεν («εικονιμοκότερος/οικονομικότερος», «αποδικνείω/αποδεικνύω» «ειθοποιός/ηθοποιός», «κινηγητό/ κυνηγητό»). Ακολουθεί ποσοστό 16% που αφορά σε λάθη θεματικού κανόνα και ένα 9% σε μορφολογικά λάθη. Τέλος, το 8% απευθύνεται σε λάθη φωνολογικού περιεχομένου, κυρίως σε αντικατάσταση φωνήματος/όπου το «θ» καταγράφηκε ως «φ» και το «δ» ως «β».

4. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ

Τα αποτελέσματα της έρευνας δείχνουν σαφή αντιστοιχία λαθών στις δύο ομάδες, στο κομμάτι της ετυμολογίας, παρά το επίπεδο γνώσης και χειρισμού της γλώσσας. Για τους αρχάριους ορθογράφους των πρώτων τάξεων του Δημοτικού σχολείου, έχει αποδειχθεί ότι το μεγαλύτερο ποσοστό λαθών καταγράφεται στις κλιτές καταλήξεις και άρα αφορά σε σφάλματα μορφολογικού περιεχομένου. Θα περιμέναμε λοιπόν, ότι οι Ρώσοι φοιτητές, που θεωρούνται πρακτικά αρχάριοι ορθογράφοι, θα προέβαιναν σε περισσότερα λάθη στη μορφολογία των λέξεων [11]. Ωστόσο, το μεγαλύτερο μέρος των λαθών εντοπίστηκε στο ετυμολογικό φωνήεν, δηλαδή σχετιζόταν με λάθη οπτικής κωδικοποίησης και ανάκλησης, όπως ακριβώς και τα λάθη των φυσικών ομιλητών της ελληνικής γλώσσας. Το εύρημα αυτό ίσως υποδηλώνει ότι η οπτική μνήμη έχει πολύ μεγάλη σημασία και συμβολή κατά τη διδασκαλία της γλώσσας, αφού και οι δύο ομάδες έσφαλαν σε σημεία που έπρεπε να θυμούνται ως «εικόνα» και όχι ως «κανόνα», κάτι που όμως δε συμβαίνει στους αρχάριους ορθογράφους, όπως ήδη αναφέρθηκε. Σύμφωνα με τα παραπάνω, θα μπορούσαμε να ισχυριστούμε ότι τα εντοπισμένα λάθη μπορούν να οφείλονται είτε στη χαμηλή συχνότητα των λέξεων στο οπτικό λεξιλόγιο, είτε στις ελλειπείς νοητικές αναπαραστάσεις, συνήθως εξαιτίας της έλλειψης επαφής με τον γραπτό λόγο (κυρίως για τους Έλληνες φοιτητές), είτε ακόμα και στις μεθόδους διδασκαλίας, οι οποίες συγκλίνουν.

Ωστόσο, για την εξαγωγή ασφαλέστερων συμπερασμάτων, απαιτείται η περαιτέρω μελέτη και η διαρκής παρατήρηση των μαθητών στο κομμάτι της ορθογραφίας, όσο αυξάνεται η ηλικία τους, ώστε να μπορεί να σχηματιστεί μια σαφέστερη και πληρέστερη εικόνα των λαθών τους.

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ

1. Baddeley A. Working Memory, Thought, and Action. Oxford: Oxford University Press, 2007.
2. Baddeley, A. D., Gathercole, S. E., & Papagno, C.. The phonological loop as a language learning device. *Psychological Review*, 1998. 105, 158–173.
3. Cain, K., Oakhill, J., & Bryant, P. (2004). Children's reading comprehension ability: Concurrent prediction by working memory, verbal ability, and component skills. *Journal of Educational Psychology*, 96(1), 31–42.
4. Ehri, L.C. (2002). Phases of acquisition in learning to read words and implications for teaching. *British Journal of Educational Psychology, Monograph Series II*, 1, 7–28.
5. Gathercole, S. E. (2006). Nonword repetition and word learning: The nature of the relationship. *Applied Psycholinguistics*, 27, 513–543.
6. Gathercole, S. E., & Pickering, S. J. (2000). Working memory deficits in children with low achievements in the national curriculum at 7 years of age. *British Journal of Educational Psychology*, 70.
7. Μουζάκη, Α., & Πρωτόπαπας, Α. (Επιμ.). *Ορθογραφία: Μάθηση και διαταραχές*. Αθήνα: Gutenberg, 2010.
8. Μουζάκη, Α., Πρωτόπαπας Α., Σιδερίδης, Γ., & Σίμος, Π.. Μια δοκιμασία για την αξιολόγηση της ορθογραφίας. Στο Α. Μουζάκη, & Α. Πρωτόπαπας (Επιμ.) *Ορθογραφία: Μάθηση και Διαταραχές* (σελ. 326–347). Αθήνα: Gutenberg, 2010.

9. Παπανικολάου. Φαινόμενα και εννοιολογικές κατασκευές. Στο Α. Παπανικολάου. Ηράκλειο: Πανεπιστημιακές εκδόσεις Κρήτης, 2007.

10. Πόρποδας, Κ.. Μάθηση & Γνώση στην Εκπαίδευση: Γνωστική ανάλυση- Δυσκολίες-Εφαρμογές. Πάτρα, 2011.

11. Protopoulos, A., Fakou, A., Drakopoulou, S., Skaloumbakas, C., & Mouzaki, A. (2013). What do spelling errors tell us? Classification and analysis of errors made by Greek schoolchildren with and without dyslexia. *Reading and Writing*, 26 (5), 615–646.

12. Seymour, P. H. K., Aro, M., & Erskine, J. M. (2003). Foundation literacy acquisition in European orthographies. *British Journal of Psychology*, 94, 143–174.

13. Σιδερίδης, Γ. Δ., Μουζάκη, Α., Πρωτόπαπας, Α., & Σίμος, Α. (2008). Ψυχομετρική διερεύνηση μιας ορθογραφικής δοκιμασίας για μαθητές Δημοτικού σχολείου. *Ψυχολογία*, 15, 290–315.

ΥΔΚ 373

ΛΟΓΟΤΕΧΝΙΑ ΣΤΗ ΔΙΔΑΣΚΑΛΙΑ ΤΗΣ ΕΛΛΗΝΙΚΗΣ ΩΣ ΞΕΝΗΣ ΓΛΩΣΣΑΣ

Ευαγγελία Τουτζάρη

*Καθηγήτρια της Ελληνικής ως ξένης γλώσσας στη γαλλική πρεσβεία Κύπρου
και τη γαλλική κοινότητα της Λευκωσίας εν γένει, Λευκωσία*

Περίληψη. Μπορούμε να διδάξουμε λογοτεχνία από τα πρώτα κιόλας μαθήματα της ελληνικής ως ξένης γλώσσας, από την προσχολική μάλιστα ηλικία. Ένα ποίημα απλοϊκό, στο τέλος του τριμήνου ή οι στίχοι ενός τραγουδιού, μπορούν να πλαισιώσουν ή να κλείσουν όμορφα και διασκεδαστικά μια ενότητα που έχει διδαχτεί. Οι μαθητές μέσα από τη διδασκαλία λογοτεχνικών κειμένων εμπλουτίζουν το λεξιλόγιό τους και αποκτούν ουσιαστικότερη και όχι επιφανειακή γνώση της γλώσσας επειδή με την ανάγνωση της λογοτεχνίας κινείται το συναίσθημα. Η λογοτεχνία επομένως, διδάσκεται αβίαστα, μακριά από κανόνες γραμματικής και συντακτικού, επικοινωνιακά, φέρνοντας τους μαθητές σε επαφή με το πολύπλευρο φαινόμενο της γλώσσας.

Λέξεις κλειδιά: διδασκαλία λογοτεχνίας, αβίαστη διδασκαλία της γλώσσας, ελληνική ως ξένη και δεύτερη γλώσσα.

Summary. We can teach literature from the very first lessons of Greek as a foreign language, even from the pre-school age. A simple poem at the end of the quarter or the lyrics of a song can frame or close beautifully and amusingly a unit that has been taught. Through the teaching of literary texts, students enrich their vocabulary and acquire more substantial and not superficial knowledge of the language, as with the reading of literature the emotion moves. Literature, therefore, is taught effortlessly, away from grammatical and syntactic rules, communicatively, bringing students into the contact with the multifaceted phenomenon of language.

Key words: teaching literature, effortless language teaching, Greek as a foreign and second language.

Μπορούμε να διδάξουμε λογοτεχνία από τα πρώτα κιόλας μαθήματα της ελληνικής ως ξένης γλώσσας, από την προσχολική μάλιστα ηλικία. Ένα ποίημα απλοϊκό, στο τέλος του τριμήνου ή οι στίχοι ενός τραγουδιού, μπορούν να πλαισιώσουν ή να κλείσουν όμορφα και διασκεδαστικά μια ενότητα που έχει διδαχτεί [10; 7; 5].

Όσο όμως ανεβαίνει το επίπεδο, η διδασκαλία της λογοτεχνίας γίνεται λίγο πιο πολύπλοκη αφού μπορεί να χρειαστεί να φέρουμε τους μαθητές μας αντιμέτωπους με μια ποιητική γλώσσα, εκφράσεις που ίσως να μην τις συναντούν στην καθημερινότητα και ίσως και σύνταξη παράξενη που τυχόν χρησιμοποιεί ο συγγραφέας.

Έτσι, ο δάσκαλος καλείται να επιλέξει κείμενα που να μην αποθαρρύνουν με τη δυσκολία τους τους μαθητές και να είναι μέσα στα πλαίσια της γλωσσικής τους ικανότητας [2; 3].

Τι είναι όμως λογοτεχνία; Τι εννοούμε όταν λέμε Λογοτεχνία;

Γενικά είναι η τέχνη που να φτιάχνεις λόγο, όχι όμως έναν οποιοδήποτε λόγο, αλλά αυτόν που συγκινεί τον άνθρωπο με τη δύναμη της έκφρασής του, την πρωτοτυπία του, τη γλαφυρότητά του, την ομορφιά του.

Μύθοι, παραμύθια, τραγούδια, λαϊκές παραδόσεις, πεζά κείμενα, ποιήματα, θεατρικά κείμενα, αινίγματα, απομνημονεύματα, χρονογραφήματα, δοκίμια, βιογραφίες και αυτοβιογραφίες, οδοιπορικά κ.α., όλα αυτά τα κείμενα, - που αποτελούν εκφράσεις του διανοητικού και του συναισθηματικού κόσμου του ανθρώπου- , είναι λογοτεχνικά κείμενα και μπορούν να γίνουν θαυμάσια εργαλεία στη διδασκαλία της ελληνικής αλλά και οποιασδήποτε άλλης γλώσσας ως δεύτερης ή ξένης [5].

Οι μαθητές μέσα από τη διδασκαλία λογοτεχνικών κειμένων εμπλουτίζουν το λεξιλόγιό τους και αποκτούν ουσιαστικότερη και όχι επιφανειακή γνώση της γλώσσας επειδή με την ανάγνωση της λογοτεχνίας κινείται το συναίσθημα. Επίσης, μαθαίνουν να εκφράζονται με το να παίρνουν τη σκυτάλη αφηγούμενοι την ιστορία στους συμμαθητές τους ή αφηγούμενοι ένα άλλο τέλος ή φτιάχνοντας μια άλλη παρόμοια δικιά τους ιστορία. Έτσι βλέπουμε ότι αναπτύσσεται όχι μόνο ο αφηγηματικός λόγος αλλά στην πορεία καταφέρνουν να κατανοούν και δύσκολες μορφολογίες και σχήματα λόγου.

Σε πιο προχωρημένα επίπεδα ή σε δίγλωσσους μαθητές, η λογοτεχνία μπορεί να προκαλέσει προβληματισμούς παντός είδους ενθαρρύνοντας τη συζήτηση στην τάξη, μεταδίδοντας μηνύματα κοινωνικά και ανθρωπιστικά, στις μέρες μας και αντιπολεμικά, αναπτύσσοντας συγχρόνως και την αισθητική και καλλιτεχνική φύση κάποιων από τους μαθητές μας [4]. Σε μια τέτοια τάξη, μπορούμε να επιλέξουμε κείμενα που να μιλούν για τη διαφορετικότητα και τη διαπολιτισμικότητα καλλιεργώντας έτσι τις αξίες της αγάπης και της αποδοχής γιατί ως εκπαιδευτικοί δεν πρέπει να στεκόμαστε μόνο και ξερά στη διδασκαλία της γλώσσας.

Η λογοτεχνία επομένως, διδάσκεται αβίαστα, μακριά από κανόνες γραμματικής και συντακτικού, επικοινωνιακά, φέρνοντας τους μαθητές σε επαφή με το πολύπλευρο φαινόμενο της γλώσσας [10].

Όμως, πώς επιλέγουμε τα κείμενα που θα διδάξουμε;

Πρώτ' απ' όλα, εξαρτάται από την ηλικία. Άλλου είδους κείμενο θα διδάξω σε ένα παιδάκι 7 χρονών κι άλλο σε έναν νεαρό 17 ή έναν ενήλικα. Επίσης, εξαρτάται και από το επίπεδο. Πόσο προχωρημένοι είναι οι μαθητές μας στην εκμάθηση της γλώσσας. Άρα, η δυσκολία και η έκταση των κειμένων εξαρτάται τόσο από την ηλικία όσο και από το επίπεδο [5].

Το ίδιο αφορά και το περιεχόμενο των κειμένων: το διαλέγουμε ανάλογα με την ηλικία και καμιά φορά το διασκευάζουμε ή το προσαρμόζουμε είτε στην ηλικία είτε στο επίπεδο. Για παράδειγμα, σε παιδάκια από 5 ως 9 χρονών, επιλέγουμε παραμύθια ή μύθους από τη μυθολογία ή από τον Αίσωπο, μάλιστα στα νήπια είναι πιο προσιτός ο έμμετρος λόγος, ποιηματάκια με ρυθμό και ρίμα που να μπορούν ακόμα και να τα απομνημονεύσουν. Σε μεγαλύτερα παιδιά η θεματολογία μας μπορεί να περιλαμβάνει ακόμα και θέματα κοινωνικού προβληματισμού όπως η διαφορετικότητα, η οικολογία, ή ο εθελοντισμός ενώ σε εφήβους μικρούς και μεγάλους επιλέγουμε κείμενα με πιο έντονο κοινωνικό χαρακτήρα και πιο σύνθετα εκφραστικά μέσα.

Τα λογοτεχνικά κείμενα δεν τα χρησιμοποιούμε για να διδάξουμε γραμματικά και συντακτικά φαινόμενα, όπως είπαμε παραπάνω, αλλά για να εφαρμόσουμε όσα ήδη έχουμε διδάξει. Προετοιμάζουμε την τάξη προκαλώντας συζήτηση πάνω στο θέμα, οπότε προκύπτει - ή κάνουμε να προκύψει - το βασικό λεξιλόγιο που περιέχεται στο κείμενο.

Προκαλούμε τους μαθητές να το διαβάσουν φωναχτά, παίζοντας ρόλους αν υπάρχουν διάλογοι. Κάνουμε τους μαθητές μας να αγαπήσουν τη λογοτεχνία και να θέλουν να αποστηθίσουν φράσεις που δεν πρόκειται ποτέ να ξεχάσουν στη ζωή τους.

Συμπέρασμα: Δεν πρέπει να λείπει από μια τάξη εκμάθησης μιας ξένης ή δεύτερης γλώσσας, όποια κι αν είναι αυτή,- θέλω να πω ότι αυτά δεν ισχύουν μόνο για την ελληνική γλώσσα-, το λογοτεχνικό κείμενο. Είναι εργαλείο και έργο τέχνης. Αναπτύσσεται ο μαθητής μας όχι μόνο γλωσσικά αλλά και πνευματικά, ανοίγονται οι ορίζοντές του [10].

Για του λόγου το αληθές και για να γίνουν πιο κατανοητά αυτά που είπα, σας δίνω μερικά παραδείγματα.

Όσον αφορά τους μικρούς μας μαθητές, ένα μικρό ποιηματάκι που βρίσκεται μέσα στο Ανθολόγιο της Α' τάξης του Δημοτικού, πολύ χαριτωμένο και που το αγαπάνε τα παιδάκια, είναι ΤΟ ΠΟΥΛΑΚΙ:

«Τικ τικ, Ανοίχτε μου παιδιά,
Εγώ δεν έχω πια φωλιά
Τη σκέπασε το χιόνι.
Έξω, μαυρίλα, παγωνιά.
Και στη ζεστή σας τη γωνιά
Καλή φωτιά φουντώνει.
Ανοίχτε μου καλά παιδιά!...»

Έχουμε ήδη μάθει να μιλάμε για τον καιρό, για τις εποχές, για τα ζώακια που κρυώνουν τον χειμώνα και χαίρονται την άνοιξη και το καλοκαίρι. Στο τέλος, διαβάζουμε αυτό το ποιηματάκι, (στα παιδιά της προσχολικής ηλικίας το διαβάζει ο δάσκαλος και τα παιδιά το μαθαίνουν όπως κάνουν και με τα τραγούδια. Ρυθμικά και επαναλαμβάνοντας στίχο-στίχο), το παίζουμε σε ρόλους, κάθε φορά κι ένα άλλο παιδάκι γίνεται πουλάκι κι έτσι μαθαίνουν και το ποιηματάκι να το λένε απέξω... Με παιδιά αλλόγλωσσα θα φτάσουμε σ' αυτόν τον στόχο με λίγο πιο αργό ρυθμό.

Για παιδιά της Δευτέρας ή Τρίτης Δημοτικού ή για παιδιά με την ελληνική ως δεύτερη γλώσσα, μπορούμε να χρησιμοποιήσουμε και μύθους του Αισώπου. Όπως αυτόν με το μυρμήγκι και το τζίτζικι:

ΤΟ ΤΖΙΖΙΚΙ ΚΑΙ ΤΟ ΜΥΡΜΗΓΚΙ

Ένα τζίτζικι κι ένα μυρμήγκι είναι γείτονες.

Μένουν στο ίδιο δέντρο. Το τζίτζικι στα κλαδιά του, μέσα στα φύλλα, και το μυρμήγκι στις ρίζες του.

Κάθε πρωί ξυπνούν και λένε καλημέρα. Μετά το μυρμήγκι αρχίζει τη δουλειά. Ψάχνει παντού φαγητό και την βάζει στην αποθήκη του.

Το τζίτζικι γελάει με το μυρμήγκι. «Γιατί δουλεύεις τόσο πολύ; Η ζωή είναι ωραία. Δε βλέπεις εμένα τι ωραία περνάω; Όλη μέρα κάθομαι και τραγουδάω!»

Το μυρμήγκι όμως, συνεχίζει τη δουλειά του.

Έρχεται ο χειμώνας, πέφτουν τα φύλλα από τα δέντρα κάνει κρύο και μια μέρα το τζίτζικι ζητάει βοήθεια από το γείτονα. «Έχεις λίγο φαγητό να μου δώσεις;»

«Όλο το καλοκαίρι γελάς μαζί μου επειδή δουλεύω και δεν κάνεις τίποτα. Μόνο τραγουδάς. Τώρα λοιπόν, γελάω εγώ μαζί σου!»

Βλέπετε, το κείμενο το έχουμε διασκευάσει. Το κόψαμε και το ράψαμε στα μέτρα των δυνατοτήτων των μαθητών μας.

Μ' αυτό το κείμενο μπορούμε να παίξουμε πολύ. Να βάλουμε τα παιδιά να αλλάξουν ρόλους στα έντομα. Το τζίτζικι να δουλεύει και το μυρμήγκι να τεμπελιάζει. Η έκπληξή μου όταν το έκανα αυτό στην τάξη μου ήταν ότι στο τέλος το μυρμήγκι κουράστηκε να τεμπελιάζει και ο τζίτζικας να δουλεύει και ξαναγύρισαν στην πραγματική τους ζωή! Να πώς η λογοτεχνία μπορεί να οδηγήσει σε συμπεράσματα τα παιδιά στα οποία δεν θα έφταναν, όσο σάλιο και ενέργεια κι αν καταναλώναμε εμείς, ως γονείς και δάσκαλοι.

Ένα άλλο παράδειγμα, για προχωρημένους αυτή τη φορά και για μεγαλύτερες ηλικίες, είναι το γνωστό ποίημα ΙΘΑΚΗ του Κωνσταντίνου Καβάφη:

“Σα βγεις στον πηγαιμό για την Ιθάκη,
να εύχεται να ‘ναι μακρύς ο δρόμος,
γεμάτος περιπέτειες, γεμάτος γνώσεις.
Τους Λαιστρυγόνες και τους Κύκλωπας,
τον θυμωμένο Ποσειδώνα μη φοβάσαι,
τέτοια στον δρόμο σου ποτέ σου δεν θα βρεις,
αν μέν’ η σκέψις σου υψηλή, αν εκλεκτή
συγκίνησις το πνεύμα και το σώμα σου αγγίζει.
Τους Λαιστρυγόνες και τους Κύκλωπας,
τον άγριο Ποσειδώνα δεν θα συναντήσεις,
αν δεν τους κουβανείς μες στην ψυχή σου,
αν η ψυχή σου δεν τους στήνει εμπρός σου.

.....
Πάντα στον νου σου να ‘χεις την Ιθάκη.
Το φθάσιμον εκεί είν’ ο προορισμός σου.
Αλλά μη βιάζεις το ταξείδι διόλου.
Καλλίτερα χρόνια πολλά να διαρκέσει
και γέρος πια ν’ αράξεις στο νησί,
πλούσιος με όσα κέρδισες στον δρόμο,
μη προσδοκώντας πλούτη να σε δώσει η Ιθάκη.
Η Ιθάκη σ’ έδωσε τ’ ωραίο ταξείδι.
Χωρίς αυτήν δεν θα ‘βγαινες στον δρόμο.
Άλλα δεν έχει να σε δώσει πια.
Κι αν πτωχική την βρεις, η Ιθάκη δεν σε γέλασε.
Έτσι σοφός που έγινες, με τόση πείρα,
ήδη θα το κατάλαβες Ιθάκες τι σημαίνουν.”

Αυτό βέβαια, είναι ένα χαρακτηριστικό απόσπασμα. Μπορούμε να παρουσιάσουμε το ποίημα ολόκληρο στους μαθητές μας και μετά να τους ζητήσουμε να επιλέξουν το απόσπασμα που τους άρεσε περισσότερο και να το συζητήσουμε. Μπορεί αυτή η συζήτηση να μας πάρει και μερικά μαθήματα. Δεν πειράζει. Η ωφέλεια που θα έχουν οι μαθητές μας από αυτό θα είναι τεράστια.

Βλέπουμε λοιπόν σ’ αυτό το συγκεκριμένο ποίημα, τους ιδιοματισμούς στη γλώσσα, τόσο της ντοπιολαλιάς των Αλεξανδρινών της εποχής, όσο και τους προσωπικούς ιδιοματισμούς του Καβάφη. Έχουμε επίσης αναφορά στη Μυθολογία, γνώση που είτε ήδη την έχουν οι μαθητές μας είτε είναι η ευκαιρία μας να τους τη μεταδώσουμε, βάζοντάς τους να κάνουν και μια μικρή έρευνα, να βρουν ποιοι είναι οι Λαιστρυγόνες και οι Κύκλωπες, ή το γιατί να είναι άγριος ο Ποσειδώνας, για να καταλήξουμε επίσης στην επισήμανση των γραμματικών τύπων και της ορθογραφίας μιας άλλης εποχής!

Αυτά βέβαια, δεν μπορούμε να τα διδάξουμε παρά μόνο σε επίπεδο Γ ή σε δίγλωσσους μαθητές, εφήβους και ενήλικους.

Παραθέτω εδώ ως παράδειγμα κι ένα κείμενο από το βιβλίο της νεοελληνικής λογοτεχνίας της Β’ Γυμνασίου, το οποίο περιλαμβάνει μεν λεξιλόγιο και ερωτήματα από κάτω, εμείς όμως μπορούμε να το αξιοποιήσουμε με ποικίλους τρόπους ανάλογα με τους στόχους μας και φυσικά τις ανάγκες της τάξης.

Είναι απόσπασμα από το βιβλίο του Τάσου Καλούτσα, Το καινούριο αμάξι, εκδόσεις Νεφέλη, 1995

Στο διήγημα αυτό, ο κύριος Μ., αστυνομικός διευθυντής των ΜΑΤ στη Θεσσαλονίκη, παρατηρεί τους συνεπιβάτες του στο αστικό λεωφορείο, οι οποίοι στην πλειονότητά τους είναι πρόσφυγες. Ο κύριος Μ. σχηματίζει έτσι μια άμεση εικόνα της κοινωνικής πραγματικότητας και προβληματίζεται θετικά για τη συνύπαρξη και τη θέση αυτών των (κοινωνικά και πολιτισμικά) διαφορετικών ομάδων που ζουν και εργάζονται στην Ελλάδα.

Έχουμε ήδη θίξει στην τάξη τα θέματα των προσφύγων και των μεταναστών, τα πρακτικά και τα ηθικά προβλήματα που αντιμετωπίζουν στις χώρες υποδοχής, σημειώνοντας το ανάλογο λεξιλόγιο στον πίνακα και προκαλώντας τους μαθητές μας να το χρησιμοποιήσουν. Στο κείμενο βλέπουμε το πρόβλημα μέσα από τα μάτια του Έλληνα αφηγητή, του κυρίου Μ.

Βλέπουμε λοιπόν, πώς η λογοτεχνία διδάσκεται χωρίς να αναφερόμαστε σε κανόνες γραμματικής και συντακτικού, με τρόπο επικοινωνιακό, φέρνοντας τους μαθητές σε επαφή με το πολύπλευρο φαινόμενο όχι μόνο της γλώσσας αλλά και του πολιτισμού.

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ

1. Διδακτική της Νεοελληνικής Γλώσσας. Κριτικές και βιοματικές προσεγγίσεις, για το Γυμνάσιο και το Λύκειο. Συγγραφέας: Συλλογικό, Εκδόσεις Γρηγόρη, Αθήνα 2017.

2. Γλώσσα και Λογοτεχνία στην Πρωτοβάθμια και τη Δευτεροβάθμια Εκπαίδευση, Εκδόσεις Μεταίχμιο, Αθήνα, 2005.

3. Αγγελιδάκη, Μ.. «Η διδακτική της λογοτεχνίας στη Δευτεροβάθμια εκπαίδευση. Αντιφάσεις και προοπτικές», Πρακτικά του Ελληνικού Ινστιτούτου Εφαρμοσμένης Παιδαγωγικής και Εκπαίδευσης (ΕΛΛΙΕΠΕΚ), 8ο Πανελλήνιο Συνέδριο, 18–19 Νοεμβρίου 2016.

4. Αγγελοπούλου, Π. & Μάνεσης, Ν. (2017). «Δίγλωσσοι μαθητές στο δημοτικό σχολείο και διαπολιτισμική εκπαίδευση: η περίπτωση της Αχαΐας», Έρευνα στην Εκπαίδευση, 6 (1): 228–236.

5. Αναγνωστόπουλος, Β. Γλώσσα και λογοτεχνία στην εκπαίδευση. Πανεπιστημιακές σημειώσεις, Βόλος, 1999.

6. Γεωργογιάννης, Π. Διδακτική της ελληνικής ως δεύτερης ή ξένης γλώσσας, Πάτρα, 2009.

7. Κιρκιλιανίδου, Μ. « Το Ανθολόγιο Λογοτεχνικών Κειμένων των τάξεων Α' και Β' της Πρωτοβάθμιας Εκπαίδευσης. Μία πρόταση διδακτικής αξιοποίησης της Λογοτεχνίας», στο 10ο Πανελλήνιο Συνέδριο Παιδαγωγικής Εταιρίας Ελλάδος «Λογοτεχνία και Παιδεία», Βιβλίο Περιλήψεων, Πανεπιστήμιο Ιωαννίνων, 2016.

8. Κοκκινίδου, Μ.. «Λογοτεχνία και διδασκαλία της ελληνικής ως δεύτερης/ξένης γλώσσας σε ενηλίκους», Μελέτες για την ελληνική γλώσσα, 31, Αθήνα, 2010: Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη.

9. Κολλιοπούλου, Κ. Γλωσσική διδασκαλία Δημοτικού (Νεοελληνική Γλώσσα και Λογοτεχνία), (2016).

10. Χατζηπαναγιωτίδη, Άννα. «Η κουλτούρα στην αίθουσα διδασκαλίας μίας ξένης γλώσσας. Η περίπτωση της νέας ελληνικής», Πρακτικά Πανελλήνιου Συνεδρίου με Διεθνή Συμμετοχή, «Η διδασκαλία της ελληνικής ως πρώτης/μητρικής, δεύτερης/ξένης γλώσσας, 9 Σεπτεμβρίου 2010.

ΥΔΚ 811.142

Ο ΓΛΩΣΣΙΚΟΣ ΣΕΞΙΣΜΟΣ ΣΤΗΝ ΕΛΛΗΝΙΚΗ ΓΛΩΣΣΑ (Μια συνθετική περιδιάβαση)

Άννα Χατζηπαναγιωτίδη,

*Αναπληρώτρια Καθηγήτρια Διαπολιτισμικής/Γλωσσικής Αγωγής
Πανεπιστήμιο Frederick Κύπρου, Λευκωσία*

Περίληψη. Με αφορμή την ανάδειξη μιας γυναίκας στο ανώτατο αξίωμα της Προεδρίας στην Ελλάδα, επαναφέρεται προς συζήτηση ο τρόπος προσφώνησης της κ. Σακελλαροπούλου ως Πρόεδρο ή Προεδρίνα, και αναδύεται εκ νέου το φαινόμενο του σεξισμού στη γλώσσα μας. Το ζήτημα αυτό έχει απασχολήσει εδώ και χρόνια γλωσσο-

λόγους, κοινωνιολόγους, δασκάλους/ες που διδάσκουν ελληνικά και αφορά επίσης τη θηλυκή απόδοση ορισμένων αξιωμάτων καθώς και πλήθος επαγγελματικών θηλυκών. Το άρθρο αυτό επιχειρεί να τοποθετηθεί σε ό,τι επικρατεί για τις γυναίκες στη γλώσσα και κοινωνία και να προτείνει τρόπους αντιμετώπισης του γλωσσικού ρατσισμού. Ο σεξισμός στη γλώσσα επιβάλλει τη συμβολή όλων μας προκειμένου να δημιουργηθούν γλωσσικά πρότυπα που θα ανταποκρίνονται στη νέα πραγματικότητα όπου η γυναίκα έχει κατακτήσει με αγώνα και σθένος τη θέση που της ανήκει στην κοινωνία.

Λέξεις κλειδιά: Σεξισμός, ανδροκρατούμενα επαγγέλματα, γλωσσικά πρότυπα

Summary. On the occasion of the assignment of a woman to the highest position of the Presidency in Greece, the manner in which Ms. Sakellaropoulou is addressed as a President or a woman President is being discussed and the phenomenon of sexism in our language is emerging again. This issue is of great interest for linguists, sociologists, teachers of Greek and also concerns the female definition of certain positions as well as a number of nouns defining women's professions. This article has the purpose to analyse the woman's position in the language and the society and to suggest the ways of the resistance against the linguistic racism. Sexism in language requires the contribution of all of us in order to create the language standards that meet the new reality where the woman has won the proper position in the society with struggle and vigor.

Key words: Sexism, male-dominated professions, language standards.

«Τι είναι γυναίκα; Σας βεβαιώνω πως δε γνωρίζω. Και ούτε πιστεύω πως γνωρίζετε κι εσείς. Δεν πιστεύω πως μπορεί κανείς να μάθει, μέχρις ότου αυτή εκφραστεί σε όλες τις τέχνες και σε όλα τα επαγγέλματα που είναι διαθέσιμα στους ανθρώπους» (Virginia Woolf, 1931)

ΕΙΣΑΓΩΓΙΚΑ

Στην ελληνική γλώσσα το αρσενικό γένος είναι το πρώτο στην ιεραρχία και αυτό ισχύει για όλα τα μέρη του λόγου, άρθρα, ουσιαστικά, επίθετα, αντωνυμίες, μετοχές. Η χρήση του αρσενικού ως του επικρατέστερου γένους, στερεοτυπικά, ισχύει σε όλες τις ευρωπαϊκές γλώσσες, που έχουν γραμματικό γένος. Όμως παρατηρούμε τάσεις αναθεώρησης, όπου (π.χ. στα γαλλικά) η χρήση του αρσενικού τύπου αντικαθίσταται από τη χρήση διπλού τύπου (π.χ. *tous les acteurs* γίνεται *tous/toutes les acteurs/actrices* [14]).

Στη σύνταξη παρατηρούμε το ίδιο φαινόμενο. Ο αρσενικός τύπος προηγείται του θηλυκού και ουδέτερου. Επίσης πολλές εκφράσεις δίνουν προτεραιότητα στο αρσενικό π.χ. 'αντρώγυνο', 'ο κύριος και η κυρία', ενώ σε άλλες περιπτώσεις το θηλυκό είτε αγνοείται τελείως είτε 'συμπεριλαμβάνεται' στο αρσενικό π.χ. 'οι δάσκαλοι', 'οι μαθητές', 'οι καθηγητές', 'οι φοιτητές', οι εργάτες, οι επιστήμονες κ.ά.

Μόνο σε περιπτώσεις ψευτοευγένειας προηγείται ο θηλυκός τύπος (π.χ. 'η νύφη κι ο γαμπρός', 'κυρίες και κύριοι' κ.ά.), όπου πάντα υποδηλώνονται καταστάσεις στις οποίες πρωταγωνιστεί η γυναίκα λόγω της σχέσης της με κάποιον άντρα.

Σε ό,τι αφορά στο λεξιλόγιο ιδιαίτερα σε αυτό που αναπαράγεται από τα ΜΜΕ αξίζει να επισημανθούν τα εξής:

Οι γελοιογραφίες και τα σκίτσα που υπάρχουν στα έντυπα παρουσιάζουν τον άνθρωπο ως γένους αρσενικού αφού χρησιμοποιούνται υποκείμενα που ανήκουν κυρίως στο ανδρικό φύλο. Η παρουσία των γυναικών σε αυτά είναι περιορισμένη [10, c. 32]. Στα άρθρα που αναφέρονται σε καταξιωμένες γυναίκες ή γυναίκες πολιτικούς, δίνεται έμφαση στις προσωπικές τους πληροφορίες και στην οικογενειακή τους κατάσταση ακόμα και αν αυτά είναι άσχετα με το θέμα. Ακόμα, αναφέρεται συχνά η σχέση που έχουν με κάποιον άνδρα ή σχολιάζεται η ανικανότητά τους λόγω του φύλου τους [4, c. 20].

Υπάρχουν στερεότυπες αναφορές σε ό,τι αφορά τα γυναικεία σωματικά προσόντα και την οικογενειακή τους κατάσταση (π.χ. ξανθιά, ωραία, καλλίγραμμη, χήρα, χωρισμένη). Στα σίριαλ και σε διάφορες εκπομπές η γυναίκα απεικονίζεται με τα εξωτερικά στοιχεία εμφάνισης (ρούχα, μαλλιά, μακιγιάζ). Ανάλογα παραδείγματα ισχύουν και για πολλές διαφημίσεις.

Η χρήση της λέξης ‘δεσποινίς’ καθίσταται προβληματική, καθώς αυτή η διαφορά δηλώνει ότι οι γυναίκες, για να γίνουν ‘κυρίες’, πρέπει - όχι απλά να ενηλικιωθούν όπως οι άντρες, αλλά- να παντρευτούν έναν άντρα! Αντίστοιχοι όροι υπάρχουν και σε πολλές άλλες γλώσσες (π.χ. Madame, Mademoiselle για το γαλλικό ‘κυρία’ και ‘δεσποινίς’, Mrs, Miss για τους αντίστοιχους αγγλικούς όρους). Οι όροι κυρία, Madame και Ms προτείνονται από γυναικείες οργανώσεις για τις γυναίκες κάθε ηλικίας [12].

Στις παροιμίες βρίσκουμε αναλόγως να αναδεικνύεται η γυναικεία φύση ως επιπόλαιη και φλύαρη (π.χ. δώδεκα γυναίκες δεκατέσσερις κουβέντες, πολλές μαμές στραβό παιδί, αλλιώς σ’ εκείνον που γελαστεί και γυναικός πιστέψει κτλ.). Πολλές παροιμίες εκφράζονται μόνο στο αρσενικό γένος (π.χ. ο καλός ο καπετάνιος στη φουρτούνα φαίνεται, το καλό το παλικάρι ξέρει κι άλλο μονοπάτι κτλ.). Κάποια άλλα παραδείγματα: Πυρ, γυνή και θάλασσα. Η γυναίκα παρουσιάζεται σαν ένα από τα τρία μεγαλύτερα δεινά του κόσμου. Τα δεινά αυτά είναι απρόβλεπτα, ατιθάσευτα και αυτό που κάνουν είναι να καταστρέφουν και αφαιρούν ζωές [3, c. 75]. Γυναίκα δίχως φίμωτρο, αλί ποιος θα την πάρει [3, c. 73]. Στις στερεότυπες φράσεις επίσης έχουμε παραδείγματα όπως: Κάνει σαν γεροντοκόρη, κάνει σαν κακιά πεθερά, εγώ πλήρωσα τη νύφη [3, c. 73].

Στο επίπεδο της σημασιολογίας μέσω λέξεων θηλυκού γένους, που έχουν υπόρρητες συνδηλώσεις, οι γυναίκες παρουσιάζονται ως κατώτερες των ανδρών. Η αντίληψη αυτή ενισχύεται περισσότερο μέσω του γενικευτικού αρσενικού, ενώ, ακόμα και όταν σχηματίζονται θηλυκοί τύποι, αυτοί δημιουργούνται από αρσενικούς τύπους ή βασίζονται σε αυτούς δηλώνοντας έμμεσα αυτή τη φορά την εξάρτηση της γυναίκας από τον άνδρα. Η εξέταση των τρόπων με τους οποίους δηλώνεται η γυναίκα στις σύγχρονες δυτικές κοινωνίες με βάση το επίθετο του συζύγου ή του πατέρα της καθώς και η εξέταση των ‘επαγγελματικών ουσιαστικών’, αντανακλούν επίσης αυτά τα στερεότυπα, καθώς τα ‘θηλυκά επαγγελματικά ουσιαστικά’ ήταν περιορισμένα αρχικά και συχνά με ανδρωνυμική σημασία. Εξαίρεση αποτελούν στερεοτυπικά θηλυκά επαγγέλματα (μαία, νοσοκόμα).

Σημαντικό ρόλο στην απόδοση γένους διαδραματίζουν τα επιθήματα υπό την έννοια ότι συγκεκριμένα επιθήματα συνδέονται με το κάθε γένος, δηλώνοντας έτσι ρητά το γένος του ουσιαστικού που σχηματίζουν. Υπάρχουν, όμως, και ορισμένα επιθήματα που από μόνα τους δεν μπορούν να δηλώσουν το γένος του ουσιαστικού, όπως αυτά που δηλώνουν πρόσωπο ή άτομο που ασκεί κάποιο συγκεκριμένο επάγγελμα. Έχουν, δηλαδή, την ίδια μορφή και για τη δήλωση του θηλυκού προσώπου και του αρσενικού και για αυτό το λόγο το γένος τους καθορίζεται κυρίως από τον δείκτη του άρθρου. Τα ουσιαστικά αυτού του είδους κατατάσσονται από τους Holton, Mackridge & Philippaki-Warburton [15, c.42–43] στην κατηγορία του ‘κοινού γένους’ (common gender).

Συνοψίζοντας, λοιπόν, η ελληνική γλώσσα και κατά συνέπεια η ελληνική κοινωνία διαθέτει ένα γραμματικό σύστημα που έχει κυρίως σημασιολογικό πυρήνα όσον αφορά τα ουσιαστικά που δηλώνουν πρόσωπο, καθώς το αρσενικό γραμματικό γένος δηλώνει το αρσενικό φύλο και το θηλυκό γραμματικό γένος το γυναικείο φύλο. Κατ’ επέκταση, οι ομιλητές και οι ομιλήτριες της ελληνικής γλώσσας χρειάζεται συστηματικά να δηλώνουν τόσο το δικό τους φύλο, όσο και το φύλο των προσώπων στα οποία γίνεται αναφορά.

Θηλυκά επαγγελματικά ουσιαστικά

Με τον όρο ‘θηλυκά επαγγελματικά ουσιαστικά’ περιγράφεται η κατηγορία των θηλυκών ουσιαστικών που προσδίδουν στις γυναίκες κάποια επαγγελματική ή άλλη ιδιότητα ή κάποιο αξίωμα (Ιορδανίδου & Μάντζαρη 2005, 73). Τα ‘θηλυκά επαγγελματικά ουσιαστικά’ αποτελούν θέμα συζήτησης και προβληματισμού στο πλαίσιο της μελέτης πολλών γλωσσών. Στην ελληνική γλώσσα το ενδιαφέρον για τα ‘θηλυκά επαγγελματικά ουσιαστικά’ ξεκίνησε από τους δημοτικιστές τη δεκαετία του ’50 (στο πλαίσιο της διαμάχης καθαρεύουσας-δημοτικής), όταν αυξήθηκε η ανάγκη δημιουργίας τους καθώς το πεδίο επαγγελματικής ενασχόλησης της γυναίκας διευρυνόταν και σε ανδροκρατού-

μενα επαγγέλματα. Έως εκείνη την εποχή οι γυναίκες περιορίζονταν σε παραδοσιακά γυναικεία επαγγέλματα (νοσοκόμα, υπηρέτρια) ή σε μικρότερο βαθμό σε αντρικά επαγγέλματα χαμηλού κύρους¹, δηλαδή σε επαγγέλματα που δεν πρόκυπτε κάποιο θέμα στον μορφολογικό σχηματισμό των ‘θηλυκών επαγγελματικών ουσιαστικών’ τους [7, c. 47–48]. Τα τελευταία χρόνια, από τη μελέτη της Παυλίδου [6] και έπειτα, η έρευνα των ‘θηλυκών επαγγελματικών ουσιαστικών’ απομακρύνθηκε από τη ρυθμιστική τάση των παλαιότερων ερευνών και στράφηκε στην περιγραφή της χρήσης τους υπό το πρίσμα της κοινωνιογλωσσολογίας [7, c. 48–51].

Κοινό πυρήνα των διαφορετικών ερευνητικών προσεγγίσεων αποτέλεσαν οι διάφορες επιλογές επιθημάτων που αξιοποιούνται ή είναι εν δυνάμει αξιοποιήσιμα από την ελληνική γλώσσα για τον σχηματισμό των ‘θηλυκών επαγγελματικών ουσιαστικών’ με μεγαλύτερη έμφαση στις διτυπίες (συνύπαρξη λόγιου τύπου και τύπου της δημοτικής) που διαθέτουν ορισμένα ‘θηλυκά επαγγελματικά’ ως αποτέλεσμα κυρίως της συνύπαρξης καθαρεύουσας-δημοτικής.

<i>Θηλυκά επαγγελματικά για επίσημη χρήση</i>	<i>Θηλυκά επαγγελματικά για ανεπίσημη χρήση</i>
η ειρηνοδίκης	η ειρηνοδίκισσα
η κακουργιοδίκης	η κακουργιοδίκισσα
η πρωτοδίκης	η πρωτοδίκισσα
η στρατοδίκης	η στρατοδίκισσα
η ιατροδικαστής	η ιατροδικαστίνα
η ευρωδικαστής	η ευρωδικαστίνα
η δικαστής	η δικαστίνα/ η δικάστρια
η νομάρχης	η νομάρχισσα/η νομαρχίνα
η γυμνασιάρχης	η γυμνασιάρχισσα /η γυμνασιαρχίνα
η λυκειάρχης	η λυκειάρχισσα
η καταστηματάρχης	η καταστηματάρχισσα
η βουλευτής	η βουλευτίνα
η ευρωβουλευτής	η ευρωβουλευτίνα
η διπλωμάτης	η διπλωμάτισσα (και μη αξίωμα)
η πρέσβης	η πρέσβειρα (και μη αξίωμα)
η (αντι)πρύτανης	η (αντι)πρυτάνισσα

Απαραίτητα είναι η εξέταση των επιθημάτων που χρησιμοποιήθηκαν στον μορφολογικό σχηματισμό τους κατά τη διαχρονία της ελληνικής γλώσσας. Η εξέτασή τους σε συνάρτηση με τη δήλωση του γραμματικού γένους θα σκιαγραφήσει τη μορφολογική εξέλιξη της γλώσσας και θα αναδείξει την επίδραση του γλωσσικού συντηρητισμού, που ανέστειλε ορισμένες από τις εξελίξεις, επηρεάζοντας τον μορφολογικό σχηματισμό των ‘θηλυκών επαγγελματικών ουσιαστικών’ στη νέα ελληνική και καθιστώντας γενικευτική τη χρήση του αρσενικού γένους. Έτσι παρατηρούμε τύπους για επίσημη χρήση και τύπους για ανεπίσημη χρήση, κυρίως στον προφορικό λόγο. Π.χ.

Η θηλυκή εκδοχή των ουσιαστικών αυτών όμως θεωρείται ότι μειώνει το κύρος του προσώπου στο οποίο αναφέρεται. Μία δικηγόρος έχει μεγαλύτερο κύρος από μία δικηγορίνα. Οι ασθενείς θα προτιμήσουν μία γιατρό από μία γιατρέσσα. Στα επαγγέλματα τα οποία δεν θεωρούνται ότι έχουν κάποιο κύρος η εικόνα αλλάζει. Τα θηλυκά επιθήματα μπορούν να χρησιμοποιηθούν χωρίς να προκαλούν εντύπωση ή να προσβάλουν κανένα. Η καφετζού, η μαγείρισσα και η πωλήτρια είναι απόλυτα δεκτοί επαγγελματικοί χαρακτηρισμοί. Σε επίσημες περιστάσεις όμως, η δήλωση για παράδειγμα ενός τίτλου όπως το υπουργός, επιλέγεται το λόγιο επίθημα: Η υπουργός κυρία Χ και όχι η υπουργίνα

¹ Όπως μανάβισσα, αγρότισσα.

κυρία Χ [6, c. 214–215]. Αυτές οι γυναίκες φαίνεται να αποζητούν τον ανδρικό τίτλο, τον «κανονικό» τίτλο, και όχι έναν ο οποίος θα τις διαφοροποιεί μεν αλλά μπορεί να γίνει και αιτία υποτίμησής τους [13, c. 92]. Ως αποκλειστικά θηλυκά επαγγέλματα μπορούν να θεωρηθούν αυτά της μαίας και της καθαρίστριας [1, c. 153] ενώ μεγάλο ενδιαφέρον έχει το «επάγγελμα» νοικοκυρά-οικιακά. Μια άνεργη γυναίκα όταν της ζητηθεί να δηλώσει το επάγγελμά της, π.χ. σε κάποιο δημόσιο έντυπο, συνηθίζει να χρησιμοποιεί το όρο οικιακά. Κάτι τέτοιο φυσικά δεν μπορεί να χρησιμοποιηθεί ποτέ από κάποιον άνδρα, αν θέλει να λέγεται άνδρας. Τα οικιακά παρουσιάζονται ως μια ασχολία η οποία είναι αποκλειστικά γυναικεία, ως η φυσική λειτουργία μιας γυναίκας [2].

Τα τελευταία χρόνια όλο και περισσότερο εμφανίζεται, στον ημερήσιο και περιοδικό τύπο σε άρθρα και γραπτές ανακοινώσεις, η χρήση των διπλών καταλήξεων -μαθητές/ριες, καθηγητές/ριες- των διπλών άρθρων -ο/η, του/της, τους/τις- μέσα από μια συνειδητή επιλογή των αρθρογράφων - συγγραφέων να απευθυνθούν με έναν ισότιμο τρόπο σε άνδρες και γυναίκες αποδέκτες των μηνυμάτων τους. Η υιοθέτηση αυτού του γραπτού τρόπου αναφοράς και στα δύο φύλα από τις συγγραφικές ομάδες των σχολικών βιβλίων:

Προτάσεις για την αντιμετώπιση του γλωσσικού σεξισμού στα επαγγελματικά θηλυκά

Χρήση αρσενικού και θηλυκού άρθρου π.χ. ο/η συγγραφέας

Όπου οι μορφολογικές καταλήξεις είναι κοινές να γίνεται η διευκρίνιση, π.χ. των εκπαιδευτικών, ανδρών και γυναικών

Στα επαγγελματικά ονόματα τα οποία διαθέτουν και αρσενική και θηλυκή κατάληξη θα πρέπει να παρατίθενται και οι δύο αυτές καταλήξεις, π.χ. ο εργάτης και η εργάτρια η εργάτρια και ο εργάτης ο/η εργάτης/τρια η/ο εργάτρια/της [10, c. 41–43].

Υπάρχουν επαγγελματικά ονόματα τα οποία μπορούν να χρησιμοποιηθούν και με τους δύο παραπάνω τρόπους: αρσενικό και θηλυκό, αρσενική και θηλυκή κατάληξη π.χ. ο/η δικηγόρος, ο δικηγόρος και η δικηγόρινα. Αντί να γίνεται χρήση διπλών τύπων με τα επαγγελματικά ονόματα και τα άρθρα τους και στα δύο γένη, θα μπορούσε να γίνει αντικατάστασή τους από λέξεις ή εκφράσεις οι οποίες θα περιλαμβάνουν και τα δύο φύλα, π.χ. αντί «οι καθηγητές απεργούν», «το διδακτικό προσωπικό απεργεί».

Αλφαβητική σύνταξη, αντί της ισχύουσας στερεότυπης όπου ο θηλυκός τύπος ακολουθεί τον αρσενικό π.χ. η 'Γκόλφω' να προηγείται του 'Τάσου', ο 'μαθητής' της 'μαθήτριας', η 'δασκάλα' του 'δασκάλου' κ.ο.κ..

Αντικατάσταση των σεξιστικών λέξεων π.χ.

Σεξιστικές λέξεις	Εναλλακτικές λύσεις
Ανδραγάθημα	Γενναία πράξη
Γεροντοκόρη	Αγαμη γυναίκα
Υιοθετώ	Τεκνοθετώ
Επανδρώνω	Στελεχώνω

Η χρήση γυναικείων μορφών στα Μ.Μ.Ε., ως αντιπροσωπευτικών της γυναικείας ύπαρξης (π.χ. στις γελοιογραφίες).

Η παρουσίαση των γυναικών, στα τηλεοπτικά σήριαλ, ως ευφυή, δυναμικά και αποφασιστικά και όχι απαραιτήτως υστερικά, άβουλα και σεξομανή άτομα. Η συχνή χρήση του θηλυκού γένους, με σκοπό την κριτική των στερεοτύπων στο δημόσιο και ιδιωτικό χώρο (π.χ. 'η από μηχανής θεά').

Τα σχολικά εγχειρίδια μπορούν να χρησιμοποιούν τις λέξεις «άνθρωπος/οι» και «παιδί/ιά», έτσι ώστε να μη δημιουργείται ασάφεια ή συγκεκριμένη εικόνα για το φύλο στο οποίο αναφέρεται και να αποφεύγεται η αμφισημία άνθρωπος=ανθρώπινο είδος και άνθρωπος=ενήλικος άνδρας. Όταν είναι ανάγκη να δηλωθεί «το ανθρώπινο είδος» μπορεί να χρησιμοποιηθεί αυτή ακριβώς η έκφραση αντί της λέξης «άνθρωπος», όταν

είναι ανάγκη να δηλωθεί το ανδρικό φύλο τότε να χρησιμοποιείται η λέξη «άνδρας/ες» αντί της λέξης «άνθρωπος» και όταν είναι ανάγκη να δηλωθεί ένα σύνολο ατόμων, ανδρών και γυναικών, τότε να χρησιμοποιούνται οι λέξεις «άνδρες και γυναίκες» ή αν χρησιμοποιείται η λέξη «άνθρωποι», στην εικόνα που συνοδεύει το κείμενο να υπάρχουν άτομα και των δύο φύλων. Για παράδειγμα, αντί της πρότασης «Όλοι οι άνθρωποι έχουν την εμπειρία της δύναμης. Ο καθένας μας έχει σπρώξει ή σύρει αντικείμενα...» Θα μπορούσε να υπάρχει η πρόταση: «Όλοι οι άνθρωποι έχουν την εμπειρία της δύναμης. Ο καθένας και η καθεμία μας έχει σπρώξει ή σύρει αντικείμενα...». Θα πρέπει, επίσης, η απεικόνιση του «ανθρώπου» να γίνεται με ισότιμο τρόπο (ίσος αριθμός φωτογραφιών-σκίτσων ανδρών, γυναικών). Το ίδιο ισχύει και για τη λέξη «παιδί/ιά».

Σημείο εκκίνησης αποτελεί το κοινωνικό πρόβλημα, δηλαδή ο κοινωνικός σεξισμός σε βάρος των γυναικών που και σήμερα ακόμη συγκαθορίζει την ελληνική πραγματικότητα. Αυτό δεν συνιστά φυσικά ένα «γυναικείο» ζήτημα, αλλά ένα ζήτημα σχέσεων, σχέσεων εξουσίας ανάμεσα στα δύο φύλα. Γλωσσολογική αφετηρία αποτελεί η θέση ότι η γλώσσα δεν αντανακλά μόνο παθητικά την κοινωνία, αλλά είναι συστατικός παράγοντας στη συγκρότησή της και κατά συνέπεια ενέχεται δια των ομιλητών και ομιλητριών της στην παραγωγή και αναπαραγωγή των κοινωνικών ανισοτήτων και των ιδεολογιών που τις συντηρούν. Η αποδοχή μιας διαλεκτικής σχέσης μεταξύ γλώσσας και κοινωνίας, σε συνδυασμό με τη βασική θέση περί κοινωνικού σεξισμού, επιβάλλουν τη διερεύνηση της συμβολής της γλώσσας στη διατήρηση της ανισότητας στις σχέσεις των φύλων [7].

Η γλώσσα δεν είναι κοινωνικά αθώα. Η πραγματικότητα παράγεται εκ νέου μέσα από το λόγο. Ο λόγος δηλαδή δεν είναι απλώς μέσο για τη μετάδοση της σκέψης, είναι κοινωνική πράξη, κοινωνική ενέργεια και όχι μόνο κώδικας του γύρω κόσμου. Ικανότητα συμβολισμού από την οποία πηγάζει η κοινωνική ζωή. Δεν είναι μόνο το σημείο συνάντησης των ανθρώπων (επικοινωνία), αλλά επιβάλλει συγκεκριμένες μορφές σ' αυτή τη συνάντηση. Δεν είναι μόνο συστατικό στοιχείο της κοινωνικής ζωής και προϋπόθεση για την ύπαρξή της, αλλά επιβάλλει όρους στην κοινωνική ζωή, είναι τρόπος κοινωνικής ζωής, επιβάλλει όρους στις κοινωνικές σχέσεις. Κάθε φορά που η ομιλία ξετυλίγει το γεγονός, κάθε φορά ο κόσμος ξαναρχίζει. Καμιά δύναμη δε θα φτάσει ποτέ αυτή του λόγου, που δημιουργεί τόσα πολλά με τόσο λίγο.

Πηγές

Ασημακοπούλου Σ. 2018, Ο σεξισμός στην ελληνική γλώσσα και προτάσεις αποφυγής του. Μια συγκριτική μελέτη με τον τρόπο πραγμάτωσης και αντιμετώπισης του φαινομένου στην Αγγλική γλώσσα, Διπλωματική εργασία, Πανεπιστήμιο Πατρών

Εμινέ-Χασάν Ν, 2018, Θηλυκά επαγγελματικά ουσιαστικά της ελληνικής γλώσσας, Μεταπτυχιακή διατριβή, Πανεπιστήμιο Αιγαίου, Ρόδος

Ιορδανίδου,Α, Μάντζαρη Ε. 2005,Τα θηλυκά επαγγελματικά ουσιαστικά: γλωσσική χρήση και τυποποίηση, ΕΛΕΤΟ, 5ο Συνέδριο, Λευκωσία, Κύπρος.

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ

1. Αρχάκης, Α. & Κονδύλη Μ. (2004). Εισαγωγή σε ζητήματα κοινωνιογλωσσολογίας. Αθήνα: Νήσος

2. Γκόβα, Ε. (2002). Στον γαλαξία του ρατσισμού. Στο: Ε. Γκόβα (επιμ.), Η πτώση των φύλ(λ)ων, Κείμενα και προτάσεις για τον σεξισμό και τη βία (σσ: 81-84). Αθήνα: Ε. Γκόβα

3. Μενίκη, Β. 2002, Γλώσσα και φύλο,Στο Ε.Γκόβα (επιμ) Η πτώση των φύλ(λ)ων.Κείμενα και προτάσεις για τον σεξισμό και τη βία.Αθήνα

4. Μοσχοβάκου, Ν. & Χατζηαντωνίου Λ. (2018). Οδηγός προς τα Μέσα Μαζικής Επικοινωνίας για την εξάλειψη του σεξισμού και των έμφυλων διακρίσεων. Αθήνα: Κέντρο Ερευνών για Θέματα Ισότητας (ΚΕΘΙ)

5. Μπασλής, Γ. (1995): «Θηλυκά επαγγελματικά», Μελέτες για την Ελληνική Γλώσσα 16:447-457, Θεσ/νίκη 1996, Εκδόσεις Κυριακίδη.

6. Παυλίδου, Θ.- Σ. (1984): «Παρατηρήσεις στα θηλυκά επαγγελματικά», Μελέτες για την Ελληνική Γλώσσα 5: 201-215, Θεσ/νίκη, 1985, Εκδόσεις Κυριακίδη.
7. Παυλίδου, Θ.- Σ. (2002): «Γλώσσα - Γένος - Φύλο: προβλήματα, αναζητήσεις και ελληνική γλώσσα», στο Γλώσσα - Γένος - Φύλο όχι πλάγια τα επόμενα (επιμ.) Θ.-Σ. Παυλίδου, Παρατηρητής, σ. 13-76.
8. Σετάτος, Μ. (1998): «Γραμματικό και φυσικό γένος στην κοινή νεοελληνική», Επιστημονική Επετηρίδα της Φιλοσοφικής Σχολής του Α.Π.Θ., Τεύχος Τμήματος Φιλολογίας 7, σ. 115-136.
9. Τριανταφυλλίδης, Μ. (1953): «Η “βουλευτίνα” και ο σχηματισμός των θηλυκών επαγγελματικών ουσιαστικών», Άπαντα Μανόλη Τριανταφυλλίδη, τόμ. 2, Θεσ/νίκη 1963, σ. 326-334.
10. Τσοκαλίδου, Ρ. Γυναίκες, Γλώσσα και Λεξικά ,Στο Ε.Γκόβα (επιμ) Η πτώση των φύ(λ)ων.Κείμενα και προτάσεις για τον σεξισμό και τη βία.Αθήνα
11. Τσοπανάκης, Α (1982): «Ο δρόμος προς τη δημοτική: θεωρητικά, τεχνικά και γλωσσικά προβλήματα. Σχηματισμός των θηλυκών επαγγελματικών», Νέα Εστία 1204, σ. 1120-1142.
12. Φραγκουδάκη, Α. (1989). Γλώσσα Λανθάνουσα -3: Γιατί δεν υπάρχουν βουλευ-τριες παρά μόνο χορεύτριες; Δίνη 4: 42-44
13. Χάρης, Γ. Η. (2003). Η γλώσσα, τα λάθη και τα πάθη. Αθήνα: Πόλις
14. Cameron, D. (ed.) (1998). The feminist critique of language: A reader. London and New York: Routledge
15. Holton David, Mackridge Peter, Φιλιππάκη-Warburton Ειρήνη. Γραμματική της ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, Πατάκης, 2004.
16. Penelope Eckert and Sally McConnell-Ginet 2003 , Language and gender published by the press syndicate of the University of Cambridge The Pitt Building, Trumpington Street, Cambridge CB2 1RP, United Kingdom.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.112.2

КАФКА-НОВЕЛЛИСТ: ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСКОГО МЕТОДА

Е. А. Аникеева,

старший преподаватель кафедры немецкой филологии,

Институт иностранной филологии(СП), ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье исследуется вопрос о специфике творческого метода Кафки-новеллиста. Цель исследования – изучить особенности творческого метода Кафки-новеллиста. Для достижения поставленной цели в работе используется ряд методов: историко-литературный, типологический, историко-генетический.

В исследовании делается вывод о том, что новеллистика Кафки уникальна для XX века своим новаторством и эклектичностью.

Ключевые слова: Кафка, немецкая литература, рассказы, новеллистика, творческий метод, кафкианские мотивы.

Summary. The article examines the specifics of the creative method of Kafka-novelist. The purpose of the work is to study the features of the Kafka's creative method of as a novelist. To achieve this goal a number of methods are used in the work: historical-literary, typological, historical-genetic.

The study concludes that Kafka's short stories are unique in the twentieth century for their innovation and eclecticism.

Key words: Kafka, German literature, short stories, creative method, Kafka motifs.

Франц Кафка (1883–1924) по праву считается ключевой фигурой литературного процесса XX века. В его произведениях, как крупноформатных, так и миниатюрных, можно выделить черты многих самостоятельных направлений, получивших позднее широкое распространение не только в немецкоязычной, но и в целом – мировой литературе. Будучи по сути своего творчества художником-новатором, Кафка заложил фундамент для развития литературного искусства, несмотря на довольно непродолжительный творческий путь и весьма небольшое творческое наследие.

Творчество этого австрийского писателя – неисчерпаемый источник научных размышлений, именно этим объясняется невероятное количество литературоведческих исследований, посвященных различным проблемам творческого метода Кафки. Особое место в этих работах отводится непосредственно романистике писателя, а новеллистика, дневниковая проза и эпистолярный Кафки, на наш взгляд, незаслуженно остаются в тени. Вопрос о творческом методе Кафки-новеллиста на сегодняшний день является дискуссионным, что и обосновывает актуальность настоящей статьи.

Цель исследования – изучить особенности творческого метода Кафки-новеллиста. Для достижения поставленной цели в работе используется ряд методов: историко-литературный, типологический и историко-генетический.

Известно, что при жизни писателя было опубликовано лишь несколько его произведений, но даже этого количества хватило, чтобы о Кафке заговорили как о писателе, не походящем ни на кого из его предшественников и современников. В его работах причудливо, но весьма органично переплетаются, на первый взгляд, несовместимые черты: реализм и абсурдизм, фантастика и социальная сатира, сюрреализм и антиутопия, экзистенциальные и религиозные мотивы, отчаяние и ис-

кренняя надежда, экспрессионизм и символизм, а также многое другое. Разгадать тайну его творческого метода пытается уже не одно поколение исследователей. И не только профессиональные литературоведы [4, 7] или биографы [3] стремятся проникнуть в суть творчества Кафки, но и не менее знаменитые писатели XX века, чье творчество пришлось на период, когда мир уже признал в Кафке гения: М. Брод [1, 2], А. Камю [6], В. Набоков [8] и другие.

Новеллистика Кафки совершенно особенная. Она состоит как из собранных в сборники произведений, так и разрозненных, неотсортированных новелл. Это отчасти объясняется тем, что сам автор обрек большую часть написанного на уничтожение, и только М. Брод, нарушивший последнюю волю своего соавтора и друга, посчитал правильным опубликовать приговоренные рукописи. Сборники новелл Кафки «Созерцание» (1913), «Кары» (1915), «Сельский врач» (1919), «Голодарь» (1924) включают в себя около четырех десятков произведений, многие из которых являют собой всемирно известные шедевры немецкой литературы.

Многие образцы новеллистики Кафки представляют собой миниатюры, занимающие полстраницы, а то и меньше, но, тем не менее, их содержание глубоко, а их философский смысл заставляет задуматься надолго. Что же касается творческого метода писателя, то однозначно охарактеризовать его невозможно: смесь различных приемов, относящихся к разным направлениям западной литературы XX века, превращает его сочинения в уникальные, можно сказать, эклектичные и новаторские по своей природе тексты, пронизанные мотивами, которые получили обобщающее название – «кафкианские».

Одной из самых известных и лучших новелл писателя по праву считается «Превращение», поэтому неудивительно, что именно это произведение привлекло внимание максимального количества исследователей. Учитывая данное обстоятельство, мы не включили эту знаменитую новеллу в качестве материала нашего исследования. В нем мы коснемся менее изученных, но от этого не менее значимых образцов новеллистики Кафки, входящих в уже названные сборники: «Голодарь» и «Сельский врач». Выбор данных текстов обусловлен, с одной стороны, их репрезентативностью, а с другой, – тем, что сам автор оценивал их как удачные.

Для того, чтобы постичь природу новеллистики Ф. Кафки, необходимо изучить не только всю малую прозу писателя, но и его дневниковые записи, поскольку именно в них, по утверждению М. Брода, писатель созрел как новеллист: «В дневнике содержится множество маленьких фрагментов будущих рассказов. Они громоздились друг на друга до тех пор, пока внезапно из скопления предложений вдруг не выскочил, как язык пламени, первый законченный рассказ значительного объема» [1, с. 114]. Макс Брод также утверждает, что точно знает дату, когда Кафка стал Кафкой: «в течение одной ночи, с 22 на 23 сентября 1912 г., автор нашел наиболее подходящую для себя литературную форму, и мощь писательского гения, уникального в своем жанре, наконец-то обрела полную свободу» [1, с. 114].

Что касается особенностей творческого метода писателя, то и на этот счет М. Брод, его друг, соавтор, биограф, литературный агент и издатель, также имеет свое авторитетное мнение. На попытки исследователей причислить творчество Кафки к сюрреализму, он категорически возражает: «Кафке был присущ необыкновенный дар наблюдения, большая точность. В его творчестве нет ничего «сюрреалистического», а есть правдивость, протокольно точное и правдоподобное восприятие» [1, с. 71]. Таким образом, М. Брод отмечает реалистичность или, скорее, натуралистичность как основную характерную особенность творческого метода писателя.

Экзистенциалист А. Камю в эссе о творчестве Ф. Кафки [6] причисляет его, с некоторыми оговорками, к абсурдистам, одновременно отмечая и тот факт, что все его произведения пронизаны символикой.

Современный отечественный литературовед и переводчик с немецкого А. В. Карельский, в свою очередь, соглашается с тем, что метод Кафки уникален и своеобразен, однако спорит со всеми предшественниками, пытавшимися уложить творческий метод писателя в «прокрустово ложе» того или иного литературного течения. Он характеризует творчество писателя не как синкретическое явление, созвучное многоголосью направлений начала XX века, а как феномен, сильно опережающий свое время: «На самом деле его некуда пристроить – ни в какой «изм» его эпохи. Скорей уж он соприкасается с литературой абсурда – уже второй половины века. Но и там при ближайшем рассмотрении сходство оказывается скорее внешним – Кафка глубже, философичней, религиозней абсурдистов. С экспрессионистами же его язык, его стиль не имеет ничего общего, более того – он прямой антипод экспрессионистического стиля» [7, с. 241]. Считая Кафку новатором и даже творческим революционером своего времени, исследователь подытоживает: «Тихая революция Кафки заключается прежде всего в том, что он, сохранив всю традиционную структуру языкового сообщения, его грамматико-синтаксическую связность и логичность, воплотил в этой структуре кричащую, вопиющую нелогичность, бессвязность, абсурдность содержания. Специфически кафкианский эффект – все ясно, но ничего не понятно» [7, с. 241].

Тем не менее, исследователи и почитатели Кафки едины в одном: в высокой оценке его художественного творчества и масштабности влияния, оказанного им на всю мировую литературу последующих эпох. Г. Гессе именовал его «тайновенчанным королем немецкой прозы» [цит. по: 7, с. 241], А. Камю открыто называл писателя «великим», отмечая «капитальную важность творчества Кафки» [6, с. 118], а В. Набоков со столь свойственной ему категоричностью утверждал, что Кафка «величайший немецкий писатель нашего времени. В сравнении с ним такие поэты, как Рильке, и такие романисты, как Томас Манн, – карлики или гипсовые святые» [8, с. 330].

Хронологически творчество Кафки относится к эпохе модернизма, и в литературоведении даже существует определенная установка считать Кафку одним из основателей данного направления. Однако, на наш взгляд, в новаторском творчестве Кафки-новеллиста сосуществуют черты разнообразных литературных приемов и тенденций, в том числе и весьма далеких от модернистских, но существуют они стихийно и интуитивно, так что едва ли и сам автор мог до конца осознать, какому из направлений его творчество положило начало.

В новелле «Голодарь», которую сам Кафка в завещании 1922 года, в отличие от большинства своих произведений, посчитал удачной и поэтому не приговорил к уничтожению, можно обнаружить и аллегория, и элементы притчи, и символика, и черты модернистской эстетики (тема художника и толпы, тема искусства), абсурдность и отчужденность человеческого существования, и даже реализм, поскольку перфомансы «художников голодания» практиковались в действительности в начале XX века.

Новелла «Сельский врач» из одноименного сборника, которой сам Кафка гордился, изобилует библейскими аллюзиями, многослойной и очень личной символикой, а также истинно кафкианской метафоричностью. Ее вполне можно считать сюрреалистической, поскольку ее атмосфера воспринимается как онирическая или, скорее, подсознательная. А подобные экскурсы в подсознательную часть психики, как известно, станут позднее одним из основных методов сюрреалистов первой трети XX века.

Как и творчество любого большого художника, наследие Кафки отличается нестандартностью и не подлежит однозначному толкованию. Чем глубже проникновение в суть творческого метода писателя, тем очевиднее тот факт, что его

глубины поистине неисчерпаемы. Можно выделить множество характерных особенностей и черт «кафкианского» стиля, однако все эти черты никак не укладываются ни в какое отдельное направление, поскольку творческий метод Кафки – гениальнейшая эклектика из удивительным образом сочетающихся несочетаемых литературных приемов и эстетических принципов.

Кафка-новеллист являет собой уникальный творческий феномен, а его произведения не утрачивают своей актуальности даже по истечении века. Тексты новелл Кафки, образцы новаторского стиля и эклектичной техники, все еще ждут своего исследователя.

Список использованных источников

1. Брод М. О Франце Кафке: Франц Кафка. Биография. Отчаяние и спасение в творчестве Франца Кафки. Вера и учение Франца Кафки (Кафка и Толстой). СПб.: Академ. проект, 2000. 505 с.
2. Брод М. Франц Кафка. Узник абсолюта. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 286 с.
3. Давид К. Франц Кафка. Харьков: Фолио; Ростов н/Д: Феникс, 1998. 384 с.
4. Затонский Д. В. Франц Кафка и проблемы модернизма. М. : Высш. шк., 1972. 136 с.
5. Кафка Ф. Превращение: новеллы. М. : АСТ : Транзиткнига, 2006. 302 с.
6. Камю А. Надежда и абсурд в творчестве Франца Кафки // Камю А. Творчество и свобода. Сборник. М.: Радуга, 1990. С. 110–118.
7. Карельский А. В. Австрийский лиро-мифологический эпос // Зарубежная литература XX века. Под ред. Л.Г. Андреева. М.: Высш. шк., 2004. С. 240–267.
8. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Издательство Независимая Газета, 1998. 512 с.

УДК 82 – 31

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АНГЛИЙСКОГО РОМАНА ВОСПИТАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Л. В. Бондаренко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью данной работы является выявление своеобразия жанровых особенностей романа воспитания в контексте постмодернизма на материале нескольких английских романов. В статье использован системный подход, с применением герменевтического, культурно-исторического и структурного методов исследования. Установлено, что в литературе постмодернизма наблюдается тенденция формальной и тематической трансформации романа воспитания с перемещением фокуса внимания с внутреннего психологического развития личности героя на роль социума и внешних обстоятельств в данном процессе. Для композиционной структуры нового романа воспитания характерны рефлексия, реминисценция, временные сдвиги, фрагментарность.

Ключевые слова: роман воспитания, Джулиан Барнс, Метроленд, рефлексия, реминисценция,

Summary. The purpose of this article is to determine the distinctive genre characteristics of the coming of age' novel in some English novels, viewed in the context of postmodernism. The systematic approach is employed in the research, including the hermeneutic, cultural-historic and structural methods. It is stated that in

the postmodernist literature there is a strong tendency of the thematic and structural transformation of the coming of age' novel with the attention focusing on the social circumstances of the formation of the individual personality rather than on the process of the inner psychological development of the protagonist. Introspection, reminiscence, time shift and fragmentation are often found in the new coming of age novel narrative structure.

Key words: Coming of age novel, Julian Barnes, Metroland, introspection, reminiscence.

В западном литературоведении фигурируют несколько терминов-синонимов, соответствующих русскому – «роман воспитания»: «bildungsroman» – в немецком, «coming-of age» story, «novel of formation, education and culture», то есть, «роман формирования, образования и культуры» – в английском [2]. Такое разнообразие терминов не случайно, поскольку выделяют несколько разновидностей данного жанра, в зависимости от главной темы произведения. Внимание в романе воспитания сосредоточено на процессе морального, духовного и психологического формирования личности протагониста, жизнь которого часто представлена в форме воспоминаний или автобиографических заметок. Появление нового жанра в литературе восходит к 1795 году, когда впервые был опубликован роман И.В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера».

Зародившись в Германии, роман воспитания широко распространился во Франции и Англии в 20 веке, привлекая внимание писателей и литературоведов, определивших его жанровые особенности. Следует отметить фундаментальные труды М.М. Бахтина «Эстетика словесного творчества», монографию И.А. Влодавской «Поэтика английского романа воспитания начала 20 века: типология жанра», а также работы А.Н. Садриева и Л.И. Скуратовской. Среди зарубежных исследований отметим статью Марианны Хирш о романе воспитания как жанре [5] и эссе Джорджа Гиссинга о творчестве Чарльза Диккенса как одного из видных представителей английской литературы романа воспитания.

В английской литературной традиции наиболее активно роман воспитания развивается в викторианскую эпоху. Марианна Хирш и Джером Бакли выделяют следующие жанровые признаки романа воспитания: *автобиографичность*; *история происхождения* – главный герой-протагонист, чаще всего, сирота, лишенный дома, что ведет к отсутствию веры в общественные и моральные ценности; *обучение (научное и морально-этическое)* – персонаж развивается на фоне «ученичества» у жизни; испытания и скитания, формирующие характер героя, вырабатывая способ приспособления и выживания в реальной жизни; *душевный конфликт* – по Хирш и Бакли, основной конфликт произведения происходит в душе главного героя-протагониста и является внутренним. Когда внутренний конфликт исчерпан, герой становится на путь стабильного и органичного существования, обретает гармонию с самим собой и с окружающим миром; *финансовая независимость* – в процессе духовного и интеллектуального развития герой получает образование и работу, обретая независимость от родителей или людей их заменяющих; *любовь* – очередное испытание, наряду с деньгами и скитаниями, она встречается двух типов: чистая, светлая, бескорыстная и порочная, роковая [5].

В модернизме и постмодернизме происходят некоторые изменения в формах романного нарратива – преобладают интертекстуальность, пастиш, метапроза, интеллектуализм, магический реализм, фрагментарность [4]. Канадский литературовед Линда Хатчеон называет постмодернистскую прозу «иронически-кавычками», так как большая часть этой литературы пародийна и иронична.

Протагонист в романе воспитания, как правило, стремится к активной деятельности, направленной на установление справедливости и гармонии в отноше-

ниях, в основном в любовных. Вся сюжетная линия представляет собой путь, который проходит личность героя в своем развитии. Внутренняя жизнь изображается методом *интроспекции*. Протагонист сам пристально наблюдает за своим внутренним развитием и совершенствованием, становлением своего сознания, интеллекта и мировоззрения. Все происходящее вокруг – собственные поступки, события, в которых участвует герой, и поступки других людей оцениваются им через призму собственных ощущений и восприятий. Герой сам наблюдает за своей психологической эволюцией и сознательно закрепляет положительный опыт. Именно так происходит в романе «Искупление» (2001) Йэна Макьюэна, рассказывающем о том, как случайная ошибка ребенка повлияла на судьбы близких ей людей и определила будущее самой Брайони, которая всю жизнь ищет ответ на вопрос, что же на самом деле произошло тогда в библиотеке между ее сестрой и Робби Тернером. В связи с интроспекцией в романном жанре впервые появляются внутренние монологи, в которых герой рассуждает о самом себе, рассматривая себя со стороны, – *рефлексирует*.

Другим приемом, характерным для композиции романа воспитания, является *ретроспекция* – размышления героя о прошлом, мысленное воссоздание в воображении определенного отрезка времени в прошлом, определенных событий, произошедших с ним. Размышления над своим поведением и поступками иногда настолько обширны, что превращаются в отдельные главы и части произведения. В современном романе часто такие ретроспективные сдвиги лежат в основе композиции и носят фрагментарный характер с минимальным контекстом. Так, в романе Салмана Рушди «Дети полуночи», Салем Синай воспроизводит в памяти фрагменты своего прошлого в Кашмире и Дели, размышляя о людях и обстоятельствах, повлиявших на его жизнь: «действительность не всегда совпадает с истиной. В дни раннего детства истиной для меня всегда была некая скрытая подоплека историй, которые рассказывала мне Мари Перейра <...> Мари, знавшая о нас все. Истина скрывалась за горизонтом, куда был обращен указующий перст рыбака, изображенного на картине, что висела меня на стене; <...> и теперь, когда я пишу в свете угловой лампы, я соизмеряю истину с этими ранними впечатлениями: А как бы Мари рассказала об этом? Что поведал бы тот рыбак?...» [1, с. 200]. Поиски истины и восстановление справедливости становится главной целью жизни Брайони Таллис, главной героини в романе «Искупление», от имени которой идет повествование. Став писательницей, Брайони не только размышляет о своей жизни, но и создает новую жизнь для Сесили и Робби – на страницах своего собственного романа, рассказывая об этом в романе Макьюэна.

Для постмодернистского романа воспитания в значительной степени характерны *рефлексия* и *ретроспекция*, а психологическое развитие личности протагониста представлено в историко-культурном контексте. В романе «Полу-жизнь» В.С. Найпола (2001) читателю предлагается история жизни протагониста – выходца из Индии – с детства до сорока лет – возраста Будды, который в Индии считается возрастом духовной зрелости. На фоне судьбы главного героя перед нами раскрывается реальная жизнь в пост колониальной Индии, мир Лондона послевоенного времени, настроения и идеи богемного общества в английской столице, тайны отношений европейского колониального общества и местного населения в Африке. Личность протагониста является носителем отпечатка своей эпохи, как и личности героев романа «Белые зубы» (2000) Зэди Смит, в котором внимание сосредоточено на судьбах представителей разных культур и поколений – эмигрантов с Ямайки, из Пакистана и Бангладеш, на проблемах взаимодействия культур и поколений.

По мнению многих критиков, наиболее ярко жанровые признаки романа воспитания проявляются в романах Хилари Мэнтел «Любовный эксперимент» (1995)

и Джулиана Барнса «Метролэнд» (1980), схожих по своей композиционной структуре и тематическому содержанию. В них традиционные для романа воспитания рефлексия и ретроспекция, а также элементы интроспекции сочетаются с фрагментарностью, временными сдвигами, загадками, игрой с читателем. Описывая историю жизни, отношения и пережитый опыт двух девочек – Кармель и Карины, Мэнтел подробно рассказывает об английском образовании в средней и высшей школе, где учатся только девочки, а перед внимательным читателем открываются не только секреты английской женской образовательной системы, но и тайны психологии молодых женщин 1960х.

В ту же самую эпоху происходит действие в романе воспитания Дж. Барнса «Метролэнд», в котором, практически, отсутствует фабульное действие и динамика событий, а в фокусе внимания оказывается трансформация внутреннего мира героя, его моральное и духовное перерождение.

В первой части два тринадцатилетних мальчика – Кристофер Ллойд и Тони, из района железнодорожников «метролэнд» стремятся шокировать окружающих всеми возможными способами. У этой игры есть свои правила – «the rules of the epat» [3, с. 20]. В своем стремлении разрушить самодовольство буржуазного мира, друзья подражают представителям французского декаданса – Шарлю Бодлеру, Теофилу Готье и Жерару де Нервалю. Однако, Криса и Тони окружают представители рабочего класса, не имеющие корней (родословной) (*racine* на французском – корень) и вряд ли читавшие *Расина*. Герои, как представители прогрессивного поколения, гордятся тем, что не принадлежат к высшему классу: «Tony and I prided ourselves on being rootless». И далее, «Tony far outclassed me in rootlessness» [3, с. 33]. Так, Барнс подчеркивает остроумие героев, их природный ум, способность мыслить, рассуждать, увлекаться и искренне верить в искусство.

Вторая часть романа представляет собой переживание героем любовного опыта – в Париже, во время работы над магистерской работой Кристофер знакомится с Анник, испытывая бурную страсть, но затем встречает Марион, которая первая, после родителей, задает ему вполне прагматичный вопрос, «What are your plans for future?» [3, с. 112], заставляя задуматься о будущем.

В третьей части во время встречи друзей разрешается основной конфликт произведения. У Кристофера хорошая работа, прекрасная жена и дочь, он живет в Метролэнде, модном районе Лондона. Еще недавно сочинитель дешевых рекламных текстов, теперь Кристофер издает дорогие и престижные настольные книги. Его друг Тони – «великовозрастный» радикал – время от времени заезжает к ним с Марион, чтобы выпить бокал виски и порассуждать о капитализме. Тони остается «хипстером», в то время как Кристофер становится конформистом и вполне доволен своим положением в обществе, работой, семьей – своей жизнью. Не сумев убедить Криса изменить свой «буржуазный» образ жизни, Тони отправляется обратно в Америку, а Кристофер переживает эмоциональный кризис, после которого еще яснее понимает, что дорожит своей теперешней жизнью, что это и есть для него счастье.

Таким образом, в новом романе воспитания, получившем развитие в эпоху постмодернизма, наблюдаются структурные и тематические вариации нарратива – герой находит себя как психологическая и социальная личность во многом благодаря обстоятельствам и окружающим его людям, а также, благодаря случайным событиям, повлиявшим на судьбу самого протагониста, либо его близких. На уровне композиционной структуры в постмодернистском романе воспитания преобладают интроспекция, рефлексия и реминисценции, фрагментарность и временные сдвиги – события редко излагаются в хронологической последовательности, используется прием метапрозы – рассказ о человеке пишущем. Формиро-

вание психологически и социально зрелой личности в новом романе воспитания происходит в социокультурном контексте, отражающем тенденции и проблемы современного общества.

Список использованных источников

1. Рушди С. Дети полуночи. Москва: Изд-во Corpus, 2014. 768 с.
2. Au J. The Bildungsroman Genre: Defining the Old, the New and The Same [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://ja00785.files.wordpress.com/2011/04/ess-final-research-paper-52.pdf>. – (дата обращения 14. 04. 2019).
3. Barnes J. Metroland. New York: Vintage International, 1992. 175 p.
4. Eagleton T. The English novel. The Introduction. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. 365 p.
5. Hirsh M. The Novel of Formation as a Genre // Genre. 1979. Vol. 7. No 3. P. 293 – 312.
6. The Best Bildungsroman Books [Electronic resource]. – Mode of access: Access: URL: https://www.goodreads.com/list/show/3248.Best_Bildungsroman_book. – (дата обращения 7.04.2019).

УДК 821.111

«ПОЭЗИЯ СВИДЕТЕЛЬСТВА» В ТВОРЧЕСТВЕ К. Э. ДАФФИ

Л. Н. Глухенькая,

аспирант 2-го года обучения кафедры русской и зарубежной литературы, факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В данной статье критически осмысливается феномен «поэзия свидетельства» в творчестве поэта-лауреата К. Э. Даффи. Трансформация военной темы в творчестве современного автора описывается как третья веха в развитии военной поэзии: концепция патриотизма и героизма – концепция страха и потери – концепция безысходности. Используемые методы: герменевтический, интертекстуальный и метод символической интерпретации.

Ключевые слова: окопная поэзия, К. Э. Даффи, коммеморация, поэзия свидетельства, безысходность.

Summary. The present article introduces the critical interpretation of the phenomenon of the poetry of witness in the work by poet-laureate C. A. Duffy. The transformation of the military theme in the work of a contemporary author is described as followed: the concept of patriotism and heroism transforms into the concepts of fear and loss, and hopelessness subsequently. The methods used within the research are hermeneutic, intertextual and the method of symbolic interpretation.

Key words: First World War poetry, C.A. Duffy, commemoration, poetry of witness, hopelessness.

Поэты с древних времен писали о войне. По словам Платона, обязанность поэта – свидетельствовать. О гражданской войне писали Уолт Уитмен и Федерико Гарсия Лорка, о Второй мировой войне, прежде чем погибнуть на фронте, писал Кит Дуглас, писали во всех уголках Земли, от Герберта Збигнева из Восточной Европы, Шеймуса Хини и Майкла Лонгли из Северной Ирландии до Махмуда Дарвиша с Ближнего Востока.

В первые годы XX века в поэзии наблюдался закат Викторианской эпохи. Первыми после викторианцев в новом столетии стали георгианцы (Э. Бланден,

Р. Брук, Р. Грейвс, примкнувший позже к имажистам Д.Г. Лоуренс, У.Дж. Де Ла Мар, З. Сассун). Их поэзия представляла собой определенную реакцию на упадок 1890-х гг. и тяготела к сентиментализму. В это же время Европу настигает Первая мировая война, многие георгианцы идут на войну (Брук, Грейвс, Сассун). Так появляется феномен окопных поэтов (поэтов траншей, поэтов-свидетелей). Отметим, что в зарубежных исследованиях [3; 4], как правило, пользуются термином *First World War Poetry*. Поэты траншей быстро избавилась от идеалистического и романтического представления о войне, в своих стихотворениях усомнившиеся в военном пафосе и раскрывая жестокую и неприглядную правду о войне. Среди окопных поэтов также известны И. Розенберг, Э. Томас, У. Оуэн (все трое, как и Р. Брук, погибли в ходе участия в боевых действиях – прим. Л.Г.), М. Кэннан и др.

1940-е годы начались с новой войны. Ответным стало появление нового поколения военных поэтов (К. Дуглас, А. Льюис, Г. Рид, Ф.Т. Принс). Как и в случае с поэтами Первой мировой войны, творчество этих писателей можно рассматривать как промежуточное явление в истории поэзии XX века. Многие из них были технически обязаны поэтам 1930-х годов, но их поэзия выросла из уже новых обстоятельств, в которых они жили и сражались.

В конце XX – начале XXI вв. новый виток развития получила «поэзия свидетельства» (или освидетельствования). Если интерес к общественно-политической проблематике у поэтов траншей был обусловлен тем фактом, что они являлись непосредственными участниками боевых действий, то на рубеже веков, с одной стороны, появилась этическая дилемма, как изображать трагедии человечества от межэтнических конфликтов до глобальных войн, с новой силой вспыхнувших на геополитической карте мира. С другой стороны, встал вопрос коммеморации прошлого с целью недопущения повторения трагических исторических событий. В таком порядке вещей получила свое развитие и художественная форма лирических произведений: «Theories of deconstruction and poststructuralist thought can persuade readers and students that the politics of a poem lies in an interrogation of linguistic structures» [6, p. 62] / «Деконструктивистская и постструктуралистская мысль направляет читателей и исследователей по пути изучения языковых структур в лирике в ее взаимосвязи с политикой» (перевод мой – Л.Г.). Изменения коснулись и языкового уровня, а именно «the disruption of syntax, narrative and the foregrounding of language's generative properties through its slippages, puns and word play serve to create a poetry of intense linguistic opacity. For language writing the rupturing of politics and poetics the text and divergence of poetic language from public discourse had a political agency» [6, p. 72–73] / «нарушение синтаксиса, хода повествования, в упорядоченных грамматических конструкциях появляются разрывы, каламбуры и игра слов, что служит эффекту интенсивной языковой «непрозрачности». Такие разрывы в тексте и расхождение поэтического языка и общественного дискурса носят политическую подоплеку» (перевод мой – Л.Г.). Важно отметить, что Бахтинское понимание гетероглоссии в романе как тексте, «загрязненном» множеством дискурсов, помогает объяснить, как поэзия может выступать в качестве политической критики, не обязывая поэта выражать собственную политическую риторику. «The world of poetry, no matter how many contradictions and insoluble conflicts the poet develops within it, is always illumined by one unitary and indisputable discourse» [1, p. 286] / «В поэзии мир, независимо от того, сколько противоречий и неразрешимых конфликтов развивается в нем, всегда соотнесен с единственным дискурсом, не подлежащим сомнениям» (перевод мой – Л.Г.).

В отличие от английских окопных поэтов начала XX века, современные поэты, отзывающиеся на события прошлого, часто не представляют собой доподлинных свидетелей и являются лишь «проводниками» безголосых участников и

жертв трагедий. Их миновала участь ушедших на войну Кита Дугласа и Эдварда Томаса. Как и большинство из нас, они переживают войну – где бы она ни бушевала – через электронные письма от друзей или коллег в зонах военных действий, посредством СМИ, теле- и радиокommunikаций, в сети Интернет – через блоги, твиты или интервью.

Поэтами-свидетелями становятся поэты-журналисты, как Джеймс Фентон, последний иностранный корреспондент, покинувший вьетнамский Сайгон в 1975 году, антивоенные поэты-исполнители, как Эдриан Митчелл, или поэты, имеющие ярко выраженную гражданскую поэзию и свой «вес» в обществе, как, например, К.Э. Даффи.

«Проводником» безголосых солдат по именами *Freddie, Franz, Friedrich, Frank...* [5] (из стихотворения «Рождественское перемирие»), объединенным аллитерационным созвучием в их последнем земном пути, становится К.Э. Даффи в стихотворениях «Военный фотограф» (англ. *War Photographer*, 1985), «Последняя почта» (англ. *Last Post*, 2009), «Рождественское перемирие» (англ. *The Christmas Truce*, 2011), «Невидимка» (англ. *An Unseen*, 2013), ответ на Оуэновские «Проводы» (1921), «Рана во времени» (англ. *The Wound in Time*, 2018) и другие.

На примере стихотворения «Рана во времени» рассмотрим особенности «поэзии свидетельства» в творчестве К. Э. Даффи. В сонетной форме автор оплакивает «рану во времени», оставленную Первой мировой войной. Стихотворение было написано специально для режиссера и продюсера Дэнни Бойла в рамках проекта «Страницы моря», приуроченного ко Дню перемирия 11 ноября 2018 года, в ходе которого тысячи людей собирались на пляжах в Великобритании и Ирландии во время отлива, чтобы увековечить память погибших в Первой мировой войне. Приведем текст стихотворения, избранного для анализа.

The Wound in Time

«It is the wound in Time. The century's tides,
chanting their bitter psalms, cannot heal it.
Not the war to end all wars; death's birthing place;
the earth nursing its ticking metal eggs, hatching
new carnage. But how could you know, brave
as belief as you boarded the boats, singing?
The end of God in the poisonous, shrapneled air.
Poetry gargling its own blood. We sense it was love
you gave your world for; the town squares silent,
awaiting their cenotaphs. What happened next?
War. And after that? War. And now? War. War.
History might as well be water, chastising this shore;
for we learn nothing from your endless sacrifice.
Your faces drowning in the pages of the sea.» [2].

Анализ данного стихотворения позволил выделить следующие особенности «поэзии свидетельства» в творчестве К.Э. Даффи:

1) наличие библейских аллегорий и аллюзий, например, *chanting their bitter psalms, The end of God, cenotaphs*; аллегорический образ Земли, по-матерински «нянчащейся» с боеприпасами (гранаты эвфемистически описанны как *ticking metal eggs*) и «высиживающей» новые бойни. Такое обращение к аллегориям и аллюзиям подчинено библейской заповеди «Не убивай»;

2) обилие риторических вопросов (*But how could you know...? And after that? And now?*), повторов (повторяется слово *War*), ассонансов. Как на лексическом, так и на фонетическом уровнях передана динамичность военного действия (например, в сравнении *brave as belief as you boarded the boats* повторяется именно взрывной *b*, как если бы повторялись взрывы в пылу битвы);

3) на смену концепции «страха» окопных поэтов в стихотворении осмысливается их послевоенное поименование «потерянное поколение», при этом оно расширяется до границ XX-XXI веков, когда и современного читателя охватывает чувство безысходности, *for we learn nothing from your endless sacrifice*.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: в стихотворении «Рана во времени» как образце «поэзии свидетельства» утверждается гибель гуманизма и респектабельности: человечество не оценило уроков «прошлого», в том числе уроков Первой мировой войны. Такая обреченность на уровне художественной формы находит отражение, например, в кольцевой композиции, в первом катрене и в последнем двустишии речь идет о Ла-Манше (*The century's tides – the pages of the sea*), в чьих водах нашли последнее пристанище тысячи британских солдат, или центральном оксюморе – *death's birthing place*, – отражающем жестокий парадокс войны. Трансформация военной темы в творчестве современного автора приобретает осознанно обреченный характер и в развитии классического военного пафоса, присущего военной поэзии, становится третьей вехой: концепция патриотизма и героизма – концепция страха и потери окопных поэтов – концепция безысходности «поэзии свидетельства».

Список использованных источников

1. Bakhtin M. *The Dialogic Imagination: Four Essays* / M. Bakhtin; ed. M. Holquist, trans. C. Emerson, M. Holquist. – Austin and London: University of Texas Press, 1981. 446 p.
2. Flood A. Poet laureate writes sonnet for Danny Boyle's Armistice Day centenary events / *The Guardian*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/books/2018/oct/22/poet-laureate-sonnet-danny-boyle-armistice-day-centenary-carol-ann-duffy-the-wound-in-time> (дата обращения: 20.01.2020).
3. Robb G. *British Culture and the First World War* / G. Robb. – L., 2002.
4. Roshwald A. *European Culture in the Great War: The Arts, Entertainment and Propaganda, 1914–1918* / A. Roshwald, R. Stites. – Cambridge, 2002.
5. *The Christmas Truce. A poem for Armistice Day* / *The Guardian*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/books/2011/nov/11/christmas-truce-poem-carol-ann-duffy> (дата обращения: 20.01.2020).
6. Williams N. *Contemporary Poetry* / N. Williams. – Edinburgh University Press Ltd., 2011. 264 p.

УДК 82- 0

МИФ ОБ АМАЗОНКАХ КАК ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРВОПРИЧИНА РЕЧЕВЫХ ОШИБОК

Зекаг Мавахед,

*аспирантка кафедры турецкого и русского языков факультета арабского
и восточных языков, Университет Алжир 2 им. Абу Эль Касем Саад Аллах
Алжир, Алжир*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотрения одной из возможных причин возникновения речевых ошибок как результата столкновения в подсознании противоречивых интерпретаций на примере сопоставления двух античных мифов: мифа об амазонках и мифа о похищении Европы.

Ключевые слова: речевая ошибка, ошибочное действие, материнское право, мифология, сознание, подсознание, тоталитаризм.

Summary. The article attempts to consider one of the possible causes of speech errors as a result of conflicting interpretations colliding in the subconscious by comparing

two ancient myths: the myth of the Amazons and the myth of the abduction of Europe.

Key words: speech error, erroneous action, maternal law, mythology, consciousness, subconscious, totalitarianism.

Речевые ошибки, представляющие проблему не в ситуации непосредственного общения, где они легко исправляются самой ситуацией рассказывания – дискурсом, – а в речи публичных людей, в том числе и дикторов ведущих информационных каналов (где максимально сужено пространство диалога) не есть обыкновенно результат недостаточной языковой компетенции, а обусловлены причинами более глубокими. Речевые ошибки, прежде всего, оговорки – результат столкновения интерпретаций, изначальной двойственности (множественности) человеческого сознания. В результате получаются обороты, построенные по типу “ВЫ ЗНАЕТЕ, Я даже НЕ ЗНАЮ [как объявить следующего исполнителя]”. По свидетельству Стефана Цвейга, замысел Фрейда представлял собой изначальную методологию «изучения ошибочных действий (описки, оговорки и иные «мелочи жизни»)» [7, с. 4]. Но, как известно, в конечном итоге учение психоанализа в значительной части свелось к интерпретации в подсознании современного человека древних мифов. В определении степени историчности (исторической достоверности) мифа возможно и зреет возможность преодоления психологического раздвоения сознания и выработки единого непротиворечивого способа массовой коммуникации, начиная с языка СМИ.

Обратимся к мифу, во многом объясняющему современное состояние разделенности нашего сознания на мейнстрим и андеграунд, мужское и женское, европейское и периферийное. Древнейший миф об амазонках не просто красивая и страшная, излюбленная феминистками сказка о господстве женского начала в далёкой древности, о случайности и даже ненужности мужчин, но в чём-то идиллическая и идеалистическая концепция свободного и единого мира, возможно, первая завершённая концепция свободы в политической истории человечества.

Научным сообществом принято, что первая логически непротиворечивая концепция истории древнего мира предложена в 1861 году швейцарским учёным Иоганном Якобом Бахофеном в его работе «Материнское право», и антропологические основания верности интенции Бахофена подтверждены американцем Льюисом Гёнри Морганом, создавшим не опровергнутую до сих пор периодизацию древнейшей истории (дикость – варварство – цивилизация). Но не вызывает сомнения, что всеобщий интерес к этой истории, по крайней мере в англоязычном мире, вызван 12-томным трудом Джэймса Джорджа Фрэзера «Золотая ветвь». И представляется совсем не случайным, что самого Фрэзера поразила легенда озера Неми – легенда о храме едва ли не единственного божества амазонок – Артемиды (здесь уместно толкование корня *ἀρτεμής* (*artemēs*) как «безопасный, невредимый; чистый; девичий») [5, с. 141] и необычном способе передачи права служения этой богине, места верховного жреца, который должен был быть беглым рабом, убившим своего предшественника и обречённым с мечом в руках ожидать дни и ночи следующего беглеца, который, в свою очередь, убьёт и его, чтобы занять это незавидное, на первый взгляд, место. Нет сомнения, что это не просто поздняя ремиссия обычая амазонок принесения в жертву мужчин, как ненужных им в повседневной жизни субъектов хозяйствования и даже не кровавого таврического культа принесения в жертву в храме Артемиды (а здесь уместнее *ἄρταμος* (*ártamos*) – «медвежья богиня», «владычица», «убийца») [5, с. 4] всех чужеземцев, а концепция смысла существования человека в земном мире с чёткой гендерной дифференциацией предназначения женщины и цели существования мужчины. Смысл существования женщины, как собственно человека, человеческого рода (построим этимологическую цепочку от праслав. *žena, от которого:

русск. Жена и словенское žéna, к др.-прусск. *genno* зв. п. «женщина!», др.-инд. *jāniṣ* «жена, женщина», *gnā* «богиня», авест. *gəpā-*, *uəpā*, *unā* «женщина, жена», готск. (*qīnō*) «жена, супруга», (*qēns*) – то же, греч. *γυνή*, беот. *βανά* «жена», ирл. *ben*, тохар. А *śān*, В *śana* «женщина» – и объединяются в одно понятие и биологический ген, и религиозная богиня, и просто женщина, жена и даже индуистская сансара (*saṃsāra* – «блуждание, странствование») – бесконечный круговорот перерождений, останавливаемый в мужском начале – будде) не ясен и недоступен пониманию смертных, смысл же существования мужчины определяется предельно ясно – с оружием в руках защищать не конкретную даже женщину, а саму идею женственного, к чему, собственно, и пришёл Гете в центральном, пожалуй, произведении европейской культуры, своеобразной библии европоцентризма – трагедии «Фауст»: *das Ewig-Weibliche* (вечно женственное) — *das Unzulängliche*, *das Unbeschreibliche* (невыразимое, неизъяснимое), но составляющее *Ereignis* (и цель и смыслы). Существуют и сегодня племена (например, туареги), у которых грамоте и письму (то есть способам передачи, возможно, и тайного знания – письменность тифинаг («знаки») у тех же туарегов) учат преимущественно девочек, а виртуозному владению оружием мальчиков, причём грамотность для последних совсем необязательна [3, с. 11]. А, по Гёте, «вечная женственность управляет миром мужчин (вечно мужественным) с помощью скрытой в ней проявляющей себя в любви силы притяжения» [4, с. 112].

Миф об амазонках можно истолковать именно как исторически реальное подтверждение этой философски туманной даже у Гёте концепции.

Интересен, во-первых, необычайно широкий ареал обитания этих древних воительниц. Известны сказания об амазонках от Эвбеи и Беотии до Танаиса и Каспия, об амазонках ливийских. И. Е. Суриков выдвигает важную для нашей темы гипотезу об «удаляющихся амазонках», обитающих всё дальше и дальше от центра эллинского мира по мере его расширения, а М. В. Скржинская предлагает рассмотреть эволюцию самого образа амазонки – от греческого короткого хитона до расшитого костюма со скифским оружием [6, с. 160]. Но неизменный атрибут, если его можно так назвать, их существования – лошадь; самую знаменитую Царицу амазонок зовут Ипполитой (и в близком соотношении с легендой озера Неми она убита собственной дочерью или сестрой Пентесилеей («оплакиваемой людьми» от греч. **penthos+laôs**), а к самой древней – Мирине — приложен эпитет «быстроногая», что также указывает на лошадь. «Золотая ветвь» Фрэзера и начинается с расшифровки имени и образа спутника Артемиды Вирбия, как «реинкарнации» Ипполита, история которого есть история гибели поклонявшегося только Артемиде юноши из-за не очень-то и хорошей, но служительницы и жертвы Афродиты Федры.

И достоин внимания здесь тот факт, что гибель Ипполита спровоцирована огромным, посланным Зевсом из моря быком.

Мы вполне можем рассматривать это сказание как историю смены цивилизации пастушеской, скотоводческой (лошадь) цивилизацией земледельческой (бык). Цивилизация земледельческая и есть Европа, именно в облике быка похитил Зевс широкоглазую финикийскую царевну, а царство амазонок окончательно перемещается на периферию Вечерних стран, в степи причерноморья, предгорья Кавказа, север Африки, и земли кельтов, откуда собственно родом мать Аполлона и Артемиды Лето.

Нет сомнения, что освоение земледелия было прогрессом и необходимостью в истории современного мира, но быт и обычаи народов кочевых, от амазонок произошедших, представляется более справедливым, и не только женщинам, но, скорее даже, мужчинам, хотя, на первый взгляд, женщина в современном мире за-

нимает подчиненное положение. Но это взгляд европейский. Возможно, женщина в этом периферийном европейском мире, не подчинена и даже не изолирована, а ограждена ради исполнения миссии неведомой, но, пожалуй, каждой женщиной в силу физиологии ощущаемой, а мужчинам предоставлено право защищать этот неведомый и недоступный им мир.

Не исключено, что именно по этой причине европейских и именно, как принято теперь говорить, «продвинутых» (что можно уже считать термином социальной психологии) девушек влечёт этот неведомый, меняющийся и динамичный мир, на самом деле крайне тоталитарный. Но принадлежность к нему снимает (иногда и навсегда) раздвоенность сознания в результате того, что требование менее жёсткое вытесняется более жёстким. «Стоит на минуту задуматься о системе воспитания..., в которой ребенка *всюду видят*, но никогда *не слышат*, и мы легко поймем особую притягательность [любого] режима для ... юношества. Почти в любом обществе дети страдают от принудительного воздействия взрослых. Тоталитарная система делает юношей и девушек свободными, убеждая их высказываться во весь голос, следить за родителями и сообщать, если они не повинуются законам системы», – говорит американский психоаналитик Бруно Беттельгейм [1, с. 16]. А далее он пишет как будто о первопричинах возникновения мифа (а может, и общества) амазонок: «Не забудем, что тоталитарные системы обычно возникали в обществах с жесткой иерархической организацией – если и не собственно феодальных, то по крайней мере *патерналистских*. Глава государства, органы исполнительной власти ..., армия, учителя выступали мощной заменой родительского образа или, точнее, суррогатом сверх-Я. Суррогатами сверх-Я служили представители власти, которые психологически отождествлялись с родителями и повеления которых воспринимались поэтому как усвоенные родительские приказы» [1, с. 16].

Именно в таком положении, положении абсолютной подчинённости некому сверх-Я, находятся дикторы федеральных каналов, как правило люди молодые и как правило женщины (во всяком случае их оговорки привлекают наибольшее внимание). К тому же люди молодые, если и не более эмоциональны, то сдерживать эмоции им значительно труднее, они могут даже и громко рассмеяться прямо в эфире, как сделала это недавно ведущая камчатского филиала ВГТРК, заметив оговорку (*международный* транспорт вместо *междугородний*) [8]. Не стоит также сбрасывать со счетов тот факт, что молодые люди уже практически не могут существовать вне социальных сетей, в которые зачастую попадает информация, не предназначенная для публикации.

Возник ли миф об амазонках до или после формирования патриархального общества – вопрос, не подлежащий рассмотрению в данной работе, имеет значение именно идея, что парадоксальным образом система принуждения вызывает стремления не к освобождению, а, наоборот, потребность в принуждении ещё большем, что и можно увидеть в отсутствии права выбора не только партнёра, но даже врага: «*Царица, я не скрою от тебя, Что ты своею нечестивой речью Безумный день достойно завершила. Как! Ты не только выбрала себе Врага в бою сама, презрев обычай*» [2, с. 36] Полная свобода, таким образом, – отсутствие выбора. Однако это и абсолютная власть как над собой, так и над словом.

Сопоставляя два этих мифа, миф об амазонках (в античности сводимый к мифу об Ипполите – юноше, предпочёвшем Артемиду (богиню свободной охоты) Афродите (рабству любовного желания)) и миф о похищении Европы (началу фиванского цикла) мы получаем в сущности две разных картины мира, которые, сосуществуя в сознании человека, предоставляют нам по крайней мере две возможности интерпретации, которые в конкретной нам жизненной практике приводят к недопониманию, выражающемуся лингвистически конкретно в речевых ошибках.

Список использованных источников

1. Беттельгейм Бруно. О психологической привлекательности тоталитаризма // «Знание-сила» №8, 1997. https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/Bett_Total.php (дата обращения 07.03.2020)
2. Генрих фон Клейст. Пентесилея = Penthesilea. — Всемирная литература. — Петербург — М С М XX III — Москва. — Т. II.
3. Лот А. Туареги Ахаггара. Пер. с франц. В. А. Никитина. Послесл. Ю. М. Кобищанова и А. Ю. Милитарева. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. — 265 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).
4. Махов А. Е. Вечная женственность // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — 2001. С. 119-12.
5. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Микенский период. Л., 1986. С.141
6. Скржинская М. В. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. // Вестник Удмуртского ун-та. с. 160.
7. Цвейг Стефан. Врачевание и психика: Месмер, Бекер-Эдди, Фрейд. М. Политиздат. 1992 г. 334 с.
8. <https://vz.ru/news/2020/2/11/1023026.html> (дата обращения 08.03.2020)

УДК 821.112.2

ОТНОШЕНИЕ ЭЛИАСА КАНЕТТИ К КАРЛУ КРАУСУ: ОТ ВОСХИЩЕНИЯ ДО ОТРЕЧЕНИЯ

Н. Ф. Зиганшина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
и перевода, Нижнекамский филиал*

*Казанского инновационного университета им. Тимирязова,
Нижнекамск*

Аннотация. Цель данной статьи состоит в изучении влияния Карла Крауса, австрийского сатирика и журналиста, на писателя Элиаса Канетти. На протяжении жизни Э. Канетти испытывал двойственное отношение к своему «учителю»: от поклонения до полного отречения. В статье рассматриваются политические события, повлиявшие на молодого писателя. Также затрагивается «языковой вопрос» в творчестве обоих писателей.

Ключевые слова: писатель Элиас Канетти, сатирик Карл Краус, австрийская литература, «Школа сопротивления», «Факел», учение о языке.

Summary. The purpose of this article is to study the influence of Karl Kraus, an Austrian satirist and journalist, on the writer Elias Canetti. Throughout his life, E. Canetti had a dual relationship with his “master”: from admiration to full renunciation. The article discusses the political events that affected the young writer. The «language issue» in the works of both writers is given.

Key words: writer Elias Canetti, satirist Karl Kraus, Austrian literature, «School of resistance», «Torch», the doctrine of the language.

Австрийский писатель Элиас Канетти, лауреат Нобелевской премии, хорошо известен российскому читателю благодаря переводам его романа «Ослепление», автобиографической трилогии, социологического исследования «Масса и власть», многочисленных эссе и заметок. Австрийский сатирик Карл Краус в основном представляет интерес для узких специалистов, однако трудно переоценить его влияние на европейских писателей первой половины XX века. Э.

Канетти, говоря о своих учителях в литературе, признавался: «Важно иметь образец, обладающий богатым кипучим миром, миром, который он сам для себя вынюхал, высмотрел, сам услышал, учуял и выдумал... Но чем богаче был мир того, кто держал его в подчинении, тем богаче должен стать его собственный мир, отталкивающий от себя тот, чужой. Стало быть, полезно желать себе сильных образцов» [8, с. 43]. Таким образом для двадцатидвухлетнего Элиаса Канетти стал издателем журнала «Факел» Карл Краус.

Э. Канетти упоминает Крауса в нескольких сборниках заметок («Тайное сердце часов», «Мушинные мухи», «Дополнения из Хампстеда», «Заметки 1973-1984», «Заметки 1992-1993»), в автобиографической трилогии «Спасенный язык», «Факел в ухе», «Перемигивание» и посвящает ему эссе «Карл Краус, школа сопротивления» [8].

По мнению российского исследователя Е.М. Шастиной, автобиографическая трилогия Канетти состоит из нескольких пластов: автобиографический (люди, факты, события), художественный (автор подключает воображение) и теоретический (мысли писателя на разные темы) [9, с. 209]. Как следствие, остается открытым вопрос о том, насколько мы можем доверять фактам, представленным в биографии писателя. Однако воспоминания Канетти о первом посещении лекции К. Крауса 17 апреля 1924 года даже спустя много лет остались такими же яркими [8, с. 35].

Кульминация поклонения Краусу, как и окончательный разрыв с ним связаны с политическими событиями в Австрии. Первое событие произошло в июле 1927 года. В статье «Первая книга —

„Ослепление»» Канетти вспоминает, как на следующее утро после пожара в Дворце правосудия и расстрела демонстрации 1927 года, в минуту глубокой душевной подавленности он увидел расклеенные по городу плакаты, требовавшие, чтобы полицейский-президент Вены, давший приказ о расстреле рабочих, подал в отставку. Плакат был подписан единственным человеком — Краусом» [6, с. 122-123]. Для Канетти вся справедливость мира в тот день сосредоточилась в буквах имени Карла Крауса.

Второе политическое событие, которое привело к разочарованию Канетти в своем «идоле» — это февральское восстание 1934 года в Вене. Карл Краус осуждал восстание социал-демократов. Он считал, что правые и левые должны объединиться перед угрозой захвата Австрии Гитлером. Опасаясь преследования своих читателей в Германии, Краус не выпустил очередной номер журнала «Факел», поэтому статья «Третья Вальпургиева ночь» увидела свет только в 1952 году. Канетти резко осудил позицию Крауса, он признавался позднее, что это было величайшее разочарование за 30 лет его жизни [1, с. 269].

В этой ситуации удивляет молчание Канетти, он не призывает своего кумира к диспуту, не пытается понять моральные и правовые причины такого поведения Крауса. Вместо этого он называет своё юношеское восхищение «диктатурой». В заметке 1942 года Канетти характеризует Крауса как «человека, такого же замкнутого и упрямого, такого же ограниченного и почти такого же необразованного, как Гитлер» [3, с. 5].

Геральд Штиг отмечает следующий парадокс: с одной стороны, Краус «открыл уши» Канетти, с другой стороны, наложил запрет на слушание и чтение многих писателей. [5, с. 268]. Канетти считал, что Краус сделал из своих слушателей «рабов» и спрятал их за «китайской стеной» своего «бронированного языка» [2, с. 387].

По мнению Йозефа Квака, Канетти в своей автобиографии несколько «стилизованно» представляет своё отношение к Краусу: он точно помнил дату первого посещения лекции Крауса, а вот дату смерти бывшего кумира ему пришлось поискать [4, с. 132]. Интересен также тот факт, что спустя ровно 11 лет после встречи с Краусом, Канетти отметил свой первый писательский триумф. 17 апреля 1935 года он выступил с отрывками из романа «Ослепление» и пьесы «Комедия тщес-

лавия» перед писателями Музилом, Зонне и другими. В эти же дни он получил сообщение о том, что его роман принят к публикации. Получив наконец признание как писатель и чтец, он сумел полностью освободиться от «диктатуры» Крауса.

Одна из основных тем Карла Крауса, которую, по мнению Й. Квака, Канетти настойчиво игнорирует в своих воспоминаниях, это так называемый языковой вопрос [4, с. 132]. Для Крауса характерно эстетически-этичное восприятие языка. Предложение для него является синонимом произведению искусства, а язык художественной литературы – это высшая и совершеннейшая форма существования языка. Источником многих несчастий человечества, в том числе событий Первой мировой войны, Краус считал пренебрежительное, легкомысленное, бездушное и даже лживое использование языка журналистами в своих фельетонах. Журнал «Факел», редактором и зачастую единственным автором которого он был, Краус превратил в «бастион» правильного и ответственного употребления языковых средств, куда не могла проникнуть ни одна ошибка или стилистическая небрежность. Однако Краус не сосредотачивается на лингвистических и философских размышлениях о языке, ему важнее критика неправильного использования языка.

Немецкий язык стал вторым для Канетти. Он выучил его в возрасте восьми лет под настойчивым руководством матери. Но именно немецкий стал языком его творчества, причем оставался им даже в период вынужденной эмиграции в Англию. Не подвергается сомнению тот факт, что именно благодаря лекциям Крауса, язык стал одной из «постоянных» тем в творчестве Канетти. Однако в отличие от своего учителя, Канетти ограничивается следующими вопросами: немецкий как язык творчества, язык как система символов (связь предмета и его названия), власть слова и архаичная стадия существования языка. Для Канетти способность слова призывать, была важнее функции аргументации: «Как писатель я еще живу в дописьменную эпоху, в эпоху крика» [3, с. 104]. Писатель критиковал лингвистов и философов за чрезмерно нормализованный язык. Канетти воспринимал язык как неуловимую мифическую сущность, в основе которой лежит превращение: «Экзотичность слова «Атем», будто оно из другого языка. В нем есть нечто египетское и нечто индийское, но еще сильнее в нем отзвук некоего праязыка. Найти в немецком слова с отголосками праязыка. Первое: атем» [7, с. 357].

Отношения Канетти к своему «учителю» прошли долгий путь от поклонения до полного отторжения: «Когда я листаю в «Факеле» годы моего рабства, меня охватывает ужас. Возможно, такие чувства испытывает каждый освободившийся из плена» [2, с. 92]. Однако исследователей творчества Элиса Канетти заставляет задуматься тот факт, что именно период нахождения под влиянием Крауса, стал одним из самых плодотворных в творчестве Канетти [4, с. 141].

Список использованных источников

1. Canetti, Elias «Das Augenspiel. Lebensgeschichte 1931-1937», Frankfurt am Main, 1993.
2. Canetti, Elias «Das Geheimherz der Uhr. Aufzeichnungen 1973-1985», Frankfurt am Main, 1993.
3. Canetti, Elias «Die Provinz des Menschen. Aufzeichnungen 1942-1972», Frankfurt am Main, 1984.
4. Quak, Joseph «Über Ellas Canettis Verhältnis zu Karl Kraus. Ein kritischer Vergleich» // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur (IASL), 23(2). S. 118-141.
5. Stieg, Gerald «Die Fackel und die Sonne. Karl Kraus in Elias Canettis Autobiographie» // «Ein Dichter braucht Ahnen»: Elias Canetti und die europäische Tradition»; Akten des Pariser Symposiums, 16.-18.11.1995 / hrsg. von Gerald Stieg und Jean-Marie Valentin. – Bern; Berlin; Frankfurt am Main; New York; Paris; Wien: Lang, 1997. S. 268.

6. Канетти Э. «Первая книга – Ослепление» // Элиас Канетти. Человек нашего столетия. – М. «Прогресс», 1990. С. 119-130.

7. Канетти Э. «Тайное сердце часов. Заметки 1973-1985» // Элиас Канетти. Человек нашего столетия. – М. «Прогресс», 1990. С. 310-360.

8. Канетти Э. «Карл Краус, школа сопротивления» // Элиас Канетти. Человек нашего столетия. – М. «Прогресс», 1990. С. 34-44.

9. Шастина Е.М. «Творчество Элиаса Канетти : проблемы поэтики» Монография. – Казань Изд-во «ФЭН», 2004. С. 209.

УДК 821.112.2

**БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ.
ДОКТОРА И ПАЦИЕНТЫ В ПЬЕСАХ ЛУКАСА БЕРФУСА**

Д. А. Кириченко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики,
Филиал Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, Севастополь*

Аннотация. Статья посвящена изучению модели «доктор-пациент» в пьесах «Путешествие Алисы в Швейцарию» и «Сексуальные неврозы наших родителей» швейцарского драматурга Лукаса Берфуса, занимающегося исследованием современного человека и проблем, рождённых нашим временем. Актуальность статьи обусловлена низким уровнем изученности драматургического творчества автора.

Ключевые слова: новая немецкая драма, Лукас Берфус, швейцарская драматургия, новая драма, ролевая модель

Summary. The article is devoted to the study of the “doctor-patient” model in the plays “Alice’s Trip to Switzerland” and “The Sexual Neuroses of Our Parents” by contemporary Swiss playwright Lucas Berfuss. The topicality of the article is characterized by insufficient research of the author’s dramatic work.

Key words: new German drama, Lukas Bärfuss, Swiss drama, new writing, role model.

Имя современного швейцарского драматурга Лукаса Берфуса (Lukas Bärfuss), к сожалению, известно не так широко в нашей стране. К пьесам представителя новой немецкой драматургии, по понятным причинам, с большой настороженностью относятся и потенциальные режиссёры: найти фамилию Берфуса в репертуаре российских театров в десятки раз труднее, чем обнаружить очередного зарубежного автора незамысловатой комедии положений. В своих произведениях драматург поднимает темы, которые по сей день кажутся неудобными для обсуждения в обществе. В частности, в пьесе «Путешествие Алисы в Швейцарию» (Alices Reise in die Schweiz) он одним из первых говорит о проблеме эвтаназии. В качестве подзаголовка даётся указание, что перед нами «сцены из жизни врача, практикующего эвтаназию, Густава Штрома». Возможно, это уточнение позволяет перед знакомством с пьесой, решить, каким путём мы пойдём: исследовать один из частных случаев пациентки, решившей по собственной воле уйти из жизни, или взглянуть на всё глазами «доктора Смерти».

Ролевую модель «доктор-пациент» можно проследить во взаимоотношениях Густава Штрома и Алисы Галло или Густава Штрома и Джона из Бирмингема. А также Доры и её врача в пьесе «Сексуальные неврозы наших родителей» (Die sexuellen Neurosen unserer Eltern). Однако от сцены к сцене становится очевидным, что полный стакан рохипнола и пластиковый пакет на голове – путь, которым Алисе предстоит избавиться не столько от смертельной болезни, сколько от не-

понимания со стороны собственной матери. Последним словом, которое девушка произносит дважды перед смертью, становится слово «мама».

Из первого диалога Лотты с Алисой, очевидно, что мать стала для девушки подобием бесплатной сиделки, в обязанности которой входит всяческая забота: стирка, глажка, приготовление пищи, поиск альтернативных вариантов времяпрепровождения для дочери, уставшей от ничегонеделания. Да и к разговорам о предстоящем суициде, мать относится с долей иронии: «Замечательно. Отличная идея. Только выбери время. По средам я обычно хожу петь. Мне бы не хотелось пропустить занятия» [1, с. 57]. Добровольное решение умереть – единственное самостоятельное решение в жизни Алисы.

Чем же является эвтаназия для самого Густава Штрома? На момент публикации пьесы в 2005 году, в некоторых странах мира была разрешена лишь пассивная эвтаназия, подразумевающая намеренное прекращение медиками поддерживающей терапии. Доктор из текста Берфуса – сторонник активной непрямой эвтаназии, оказывающей пациенту помощь при самоубийстве путём «введения или предоставления больному по его просьбе лекарств, которые приводят к быстрой смерти» [3]. Но и для самих швейцарцев фигура Штрома была бы неоднозначна. Он не пытается облегчить страдания, а лишь предлагает альтернативный, безболезненный метод, позволяющий предотвратить иной сценарий развития событий: «Вы будете звать – Алиса, Алиса, – вам никто не ответит. И вы найдёте её в ванной – всю белую в кроваво-красной воде, в петле в чулане, внизу во дворе, с разможжённой головой. Я просто хочу уберечь вас от этого» [1, с. 67].

Доктор становится для Алисы человеком, благодаря которому она заново может взглянуть мир. Зная о том, что финал близок, ей хочется уловить и зафиксировать каждый аромат, вкус, образ: бутерброд с рыбой и луком кажется по-особенному вкусным, встреча на причале японцев и супертанкера становятся настоящим событием. С течением времени, отношения Алисы и Густава напоминают отношения двух друзей или даже партнёров. На встречу с доктором, пациентка приходит в новом платье, а затем склоняет его к решению провести небольшой отпуск на побережье Балтийского моря, рисуя романтические картины морского прибоя и чаек, похожих на орлов. Уже на отдыхе, желая предотвратить неожиданные последствия общения, доктор Штром возвращает свою пациентку к реальности: «Я твой врач. Ты моя пациентка. Ты хочешь умереть. А я тебе помогаю» [1, с. 77].

Доктор Густав Штром и его ассистентка Ева избавляют своих пациентов чаще не от физических страданий, а от душевных. Лотта Галло, сразу же после смерти Алисы, решает прибегнуть к услугам того же самого врача, дарящего вечный покой. Её подталкивают к этому схожие с дочерью причины: отсутствие целей и задач, одиночество, неспособность получать удовольствие от путешествий и встреч с друзьями.

На страницах «Путешествия Алисы в Швейцарию» мы знакомимся с ещё одним пациентом доктора Штрома, Джоном из Бирмингема. Для Джона каждый из трёх визитов в Цюрих – большое испытание. Из последних сил он приезжает в другую страну, чтобы принять смертельную дозу лекарства, но каждый раз сомневается в собственном решении и возвращается домой. Ему важно быть понятым и услышанным. Неспешно рассказать о дикой яблоне в саду, об уродливой белой немой кошке. То, ради чего Джон преодолевает сотни километров, на самом деле пугает его больше всего. Напоследок именно в этом пациент решается признаться доктору: «Я боюсь умереть» [1, с. 81].

В пьесе Лукаса Берфуса врач эвтаназии – последний человек, которого пациент видит в своей жизни. Альтернативой переходящему из века в век таинству исповеди и причащения перед вечной Жизнью становится один-единственный

укол или стакан с увеличенной дозой снотворного от доктора Смерти. По мнению Густава Штрома, «человеческая жизнь обретает достоинство лишь благодаря возможности свободно определять время своей кончины» [1, с. 55-56].

За несколько лет до публикации «Путешествия Алисы в Швейцарию», Берфус презентует произведение «Сексуальные неврозы наших родителей». Первая сцена пьесы происходит в кабинете лечащего врача, который во время очередного обследования Доры – девушки-подростка с особенностями развития, по требованию её матери, отменяет медикаменты, прописанные ранее предыдущим врачом. Именно это решение является исходным событием, которое возвращает девушку к реальной жизни. Мать Доры, привыкшая читать ей перед сном сказки, наконец-то узнаёт, что никакие сказки дочь не любит и считает их глупостью. Не любит дочь и брюки, которые всё это время мать только и покупала ей. Дора не только начинает смело заявлять о том, что ей не по вкусу, но и стремится постигнуть все радости взрослой жизни. Это не может не радовать родителей, которые принимают все решения дочери с нескрываемым восторгом: «Добро пожаловать, Дора, в наш мир!» [2, с. 2].

Знакомство Доры с окружающим миром в результате сводится к удовлетворению низших человеческих потребностей. Свою собственную терапию девушке предлагает «Утончённый Господин», именно так Берфус обозначает в пьесе персонаж незнакомца. Под его влиянием Дора впадает уже не в медикаментозную, а в сексуальную зависимость. Доктор, отменивший лекарства, теперь консультирует её по вопросам общественной морали и общепринятых табу, среди которых кардинально противоположные рекомендации: следовать собственным инстинктам и желаниям, но при этом никогда не позволять себе заниматься сексом в публичных местах; быть свободной при выборе партнёров, но не забывать о запрете на интимную близость с несовершеннолетними; менять любовников не чаще раза в неделю или месяц, но не связываться с женатыми мужчинами. Стремительное взросление и постижение прелестей жизни приводит к незапланированной беременности, срочному аборту и непреодолимому желанию всё чаще и чаще встречаться с Утончённым господином. Главное сожаление, которое Дора испытывает после аборта, связано лишь с необходимостью десятидневного воздержания.

Мать и отец девушки, неспособные повлиять на поведение девушки, прибегают к помощи того же самого доктора, отменившего медикаменты. Чтобы избавиться в дальнейшем от очередных неожиданных «сюрпризов», ничего не понимающей Доре доктор проводит операцию по удалению матки.

Берфус решает закольцевать основные события пьесы. Всё начинается с очередного визита к доктору и заканчивается уже вынужденным врачебным вмешательством.

Таким образом, мы видим, что в пьесах «Путешествие Алисы в Швейцарию» и «Сексуальные неврозы наших родителей» взаимоотношения «доктор-пациент» выходят за рамки, типичные для данной ролевой модели. В обоих текстах пациентам важно не столько получить необходимую врачебную помощь, сколько быть услышанными, понятыми и принятыми. На докторов возложена функция сделать то, что обычно под силу лишь друзьям или ближайшим родственникам.

Список использованных источников

1. Берфус Л. Путешествие Алисы в Швейцарию // ШАГ 4. Новая немецкоязычная драматургия. – 2011. С. 49-88.

2. Берфус Л. Сексуальные неврозы наших родителей [Электронный ресурс] // ЛитМир. Электронная библиотека – <https://www.litmir.me/br/?b=579348> (дата обращения 4.01.2020).

3. Все включено [Электронный ресурс] // Лента.ру – <https://lenta.ru/articles/2014/08/27/suicidetour/> (дата обращения 7.01.2020).

**ФУНКЦИИ МОТИВА ЗАГОРОДНОГО ДОМА
В РОМАНЕ САРЫ УОТЕРС «FINGERSMITH»****О. Н. Кохан,***преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт
иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение образа загородного дома в неовикторианском романе Сары Уотерс «Fingersmith» с точки зрения жанра сенсационного романа. В основе методологии исследования лежат культурно-исторический и типологический подходы. В стилизуемой под сенсационный роман форме особенно выделяются мотивы незаконного рождения, семейной тайны, а также скрываемых от респектабельного викторианского общества сторон жизни представителей высшего класса. Образы загородного пространства, хранящего в себе тайны и запреты, характеризуют произведение Уотерс также как усадебный роман, с позиций которого пересматриваются представления о границах морали.

Ключевые слова: сенсационный роман, усадебный роман, Сара Уотерс, английская литература.

Summary. The purpose of the article is to describe the country estate of Sarah Waters' neo-Victorian novel "Fingersmith" from the point of view of a sensational novel. The methods of the study include the cultural-historical and typological approaches. The sensational novel "Fingersmith" exposes the motives of illegitimate birth, family secret and hidden from respectable Victorian society life aspects of upper class representatives. The images of the suburban space containing lots of secrets and prohibitions characterize the work also as an estate novel. The ideas about the boundaries of morality are reviewed in Waters' novel from the positions of an estate novel.

Key words: sensational novel, estate novel, Sarah Waters, British literature.

Английский сенсационный роман, имевший оглушительный успех у широкого читателя викторианской эпохи, эксплуатировал темы преступности, безумия, насилия и запретной страсти. Отличительной чертой сенсационных романов является наличие тайны, обычно связанной с преступлениями и скандалами, нарушающими кажущиеся незыблемыми устои респектабельной жизни высшего класса. Большинство персонажей сенсационной прозы, будь то злодеи или благородные герои, испытывают физические или психологические страдания, которые возникли в результате преступлений, разоблачения тайн или связаны с положением жертвы [6, с. 6]. Немалое значение имели также мотивы безумия и запретной страсти (сексуальной трансгрессии), будоражащие общественное сознание викторианцев.

Исследователи сенсационных романов (Д. Винн, Д. А. Миллер, Л. Пикетт и др.) справедливо указывают на то, что шокирующие сенсационные сюжеты не являются лишь формой развлекательного чтения, поскольку обращены к важным проблемам общества, таким как классовое, правовое и гендерное неравенство, финансовая нестабильность, а также табуируемым вопросам сексуальности, социального положения одиноких женщин, психического здоровья, насилия в семье. Однако именно в современных неовикторианских романах («историографической метапрозе» в термине Л. Хатcheon) в стилизациях под сенсационные сюжеты возникает сознательная ревизия викторианского статуса-кво в отношении моральных, гендерных и сексуальных норм.

Роман «Fingersmith» («Тонкая работа», 2002) – третий неовикторианский роман Сары Уотерс. Его действие развивается в викторианскую эпоху. Роман описывает

истории жизни двух главных героинь, Сью Триндер и Мод Лилли, которых с детства связывает тайна их происхождения. Их жизнь не лишена «сенсаций» с самого рождения, поскольку одна из них воспитывалась в воровском притоне, а другая родилась в сумасшедшем доме, а со временем переехала в мрачное поместье Терновник, принадлежащее ее дяде. Поместье Терновник является одним из ключевых пространств романа, хранящим секреты. Оно также становится местом знакомства двух героинь, которых в будущем свяжет «сенсационная» любовная линия.

Как отмечает Д. Винн, пространствами сенсационного жанра обычно становятся загородные усадьбы, отдаленные участки парковой зоны, приморские курорты, городские улицы, провинциальные поместья, а также удаленные деревни. Авторы сенсационных романов намеренно превращают обычные пространства в фон для непредсказуемых событий, разрушающих представления о безопасности, которую якобы сулит викторианская мораль и респектабельность [6, с. 8].

Пространство загородного поместья Терновник кажется бесконечно мрачным, в нем царит темная гнетущая атмосфера. Место, в котором воспитывалась и выросла Мод Лилли, является воплощением рутины и строгих правил. Любопытно, что таинственные тишина и тьма описываются как результат порядка, который учредил мистер Лилли, дядя Мод: «Закрывает за нами дверь, и тьма становится беспросветной. Я вдруг словно оглохла – так бывает, когда вода заливает в уши. Это тишина – тишина, которую мой дядя бережно взрастил в своем доме, как другие возвращают виноградные лозы и зеленые выюнки» [2, с. 219].

Пространство Терновника является еще более опасным для Мод, чем сумасшедший дом, в котором она жила с ранних лет. Дядя Мод, мистер Лилли, был намерен воспитать из девочки кроткую и покорную леди, и методы осуществления плана оказались крайне жестокими: «Посмотрите под ноги, мисс, на пол. Под ноги! Дальше! Видите руку рядом с вашим ботинком? Ее по моему приказанию положили – я специально проконсультировался с окулистом, это глазной врач. Здесь не обычные книги, Мод, не для посторонних глаз. И если только я увижу, что вы переступили через этот указательный палец, я поступлю с вами так же, как и с любым из слуг этого дома, сделай он такое, – я буду хлестать вас по глазам, до крови! Эта рука указывает границу невинности» [2, с. 224]. Читателю, как и Мод, до поры не известна причина запрета на пресечение некой границы. Однако характерный для сенсационной литературы мотив разоблачения добропорядочного джентльмена, стилизованный Уотерс в романе, позволяет проблематизировать общественные нравы эпохи. Поместье Терновник является также пространством жестокого насилия в отношении детей и женщин, проявляемого мужчиной под маской респектабельного джентльмена, за которой скрываются садистские в своей основе гендерные отношения в викторианском обществе. А образ мистера Лилли отражает извращенные сексуальные привычки некоторых джентльменов викторианской эпохи, практикуемые в обществе, поощряющем двойные стандарты морали.

Мистер Лилли отнюдь не поборник морали, его усилиями в Терновнике собрана богатейшая коллекция порнографической литературы. Как отмечает С. Онега, поступки мистера Лилли в романе Уотерс отражают его мизогинные, гомосексуальные и садомазохистские пристрастия [5, с. 4]. Говоря о культурном значении порнографии викторианской эпохи сквозь призму современных подходов, исследователи отмечают отчетливо различимые гендерные и моральные границы, жестко предписывающие роли мужчин и женщин в структуре власти, господства и подчинения [5, с. 2]. В этом отношении интересно, что первое знакомство Мод с литературой из коллекции дяди сначала повергло ее в шок, но в будущем потребовало смирения, так как чтение запретных книг, к которому ее принуждали, превратилось в ежедневное занятие: «Книги на первых порах приводят

меня в ужас: это ведь правда страшно, что дети, когда превращаются в мужчин и женщин, начинают делать такое, что там описано: возжелеть, думать о тайных местах тела – отростках и пещерках, биться в лихорадке, желая лишь одного – бесконечного слияния пылающей плоти» [2, с. 238–239].

На первый взгляд Терновник кажется воплощением мужской власти, которая представлена мистером Лилли: пространство Терновника темное, ограничивающее свободу, и, как его хозяин, обманчиво тихое. Такие условия сформировали характер Мод, а также провоцировали ее «безумное» поведение. Однако Терновник может стать и воплощением женского «Я». С ним связана история Марьяны, матери Мод (в действительности, матери Сью, поскольку девушек поменяли при рождении) [3, с. 49]. Тело Марьяны похоронено на территории Терновника, а комната, некогда принадлежавшая ей, становится комнатой Мод и является сердцем этого дома. Несмотря на грубую мужскую власть, Сью и Мод удается найти в пространстве Терновника место для искренней любви. Как утверждает Холл, в своем неовикторианском романе Уотерс нарушает традиционные представления о пространстве поместья, показывая, что оно может быть не только местом патриархальной власти, но и местом счастливой жизни женщин. Так, подлинно сенсационным началом романа, его тайной, или «скелетом в шкафу», в романе Уотерс предстают не романтизированные любовные отношения Сью и Мод, а деструктивный мистер Лилли и его коллекция порнографической литературы. Впоследствии, уничтожая книги мистера Лилли, Мод, прежде всего, уничтожала демонстрируемое в них отношение к женскому телу. В финале романа Терновник становится пространством, в котором патриархальная власть сменяется новой, ведущей женщин к раскрепощенной и счастливой жизни [4, с. 68].

«Fingersmith» можно назвать не только сенсационным романом, но также и усадебным романом. Само понятие «усадебный роман» включает себя некоторую двойственность: с одной стороны, этот текст репрезентирует покой, устойчивость, спокойствие и неизменность существования, с другой стороны – в нем быт и бытие, иначе говоря, привычные рамки существования и исторические задачи, оказываются переходящими друг в друга [1, с. 86]. Так и тихое и спокойное поместье Терновник, в котором царит атмосфера порядка и строгости, является местом жестокости и психологического насилия, царящего в обществе. Прежде всего, это связано с воспитанием Мод и превращением ее в викторианскую леди: «За это меня, конечно, наказывают, и каждый раз суровее прежнего. Мне скручивают руки и завязывают платком рот. Запирают в пустой комнате или заталкивают в чулан» [2, с. 228].

Кроме того, необходимо отметить, что такие атрибуты усадебного пространства как ворота, ограда и сад оказываются жанровыми, а не декоративными, декорация оказывается частью жанра экфрасиса или драмы, переходящей в роман [1, с. 85]. Так, пространственные детали и окружающая среда поместья Терновник характеризовали царящую там атмосферу: «Далее, если пройти по тропинке вдоль стены, вы упирались в калитку. У Мод был ключ от нее. Выйдя за калитку, вы оказывались на берегу реки. Из дома реки не было видно. Здесь, у старой полусгнившей пристани, лежала вверх дном плоскодонка, на ней можно было посидеть... Я присела рядом с ней. День был безветренный, но холодный, и такая стояла тишина – ушам больно. Воздух был чист и прозрачен» [2, с. 102].

Территория поместья Терновник является пространством тишины и пустоты, местом всепоглощающего молчания: «Далее за ледником начиналась тропинка, которая вела к запертой красной часовне, стоявшей в окружении тисовых деревьев. Это было самое странное, самое тихое место на свете. Другого такого я не встречала. Здесь даже птицы не осмеливались петь» [2, с. 100–101]. Кладбище также при-

существует в романе «Fingersmith», являясь одним из ключевых локусов Терновника. Могила Марьяны является символом семейной тайны, обе девушки навещают ее и не догадываются, чья мать на самом деле похоронена там: «Мне не очень-то нравилось туда ходить, но Мод часто меня туда водила. Потому что рядом с часовней были могилы – там лежали все упокоившиеся ныне члены семьи Лилли, и здесь, отмеченная простой каменной плитой, была могила ее матери» [2, с. 101].

После смерти мистера Лилли Мод не бросает казалось бы ненавистное ей поместье, а меняет его. Теперь Мод занимается написанием откровенной литературы, смело внося описания своих желаний в повествование, меняя традиционный мужской жанр. В конце романа героини находят место, где они могут жить, как захотят. Они признаются друг другу в своих чувствах и начинают строить отношения в ранее ограниченном пространстве мужской власти, которое когда-то способствовало их безумному поведению. В финале, поместье Терновник, которое, согласно ханжеским викторианским моральным представлениям, могло бы показаться местом болезненной женской трансгрессии и запретной страсти (мотивы сенсационного романа викторианской эпохи), в романе Уотерс становится счастливой обителью подлинной и раскрепощенной женской любви (историографическая стилизация под сенсационный роман в современной неовикторианской литературе).

Список использованных источников

1. Марков А.В. Предыстория понятия «усадебный текст» в отечественной науке 1920-1930-х гг. / А.В. Марков // Артикульт. 2018. 31(3). С. 85-91.
2. Уотерс С. Тонкая работа: роман / Сара Уотерс; пер. с англ. Н. Усовой. – М. : Иностранка, Азбука Аттикус, 2018. 640 с. (Большой роман).
3. Gardiner-Scott T. “Androgynous Architecture: Fantasies of Gender Bending in the British Gothic Novel.” // Trajectories of the Fantastic: Selected Essays from the Fourteenth International Conference on the Fantastic in the Arts. Ed. Michael A. Morrison. Connecticut: Greenwood, 1993. P. 47-54.
4. Hall D.M. Space and Sexuality in the Post-Victorian Fiction of Sarah Waters // School of English, Journalism and European Languages, the University of Tasmania, Tasmania, 2006. P. 88.
5. Onega S. Pornography and the Crossing of Class, Gender and Moral Boundaries in Sarah Waters’ Fingersmith // Études britanniques contemporaines, 2015. P.11.
6. Wynne D. The Sensation Novel and the Victorian Family Magazine // Palgrave MacMillan, 2001. P. 202.

УДК 821.14: 821.161.1

«НОМЕР 31328» И. ВЕНЕЗИСА И «КОНАРМИЯ» И. БАБЕЛЯ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Б. С. Куккоев,

*магистр филологии, выпускник кафедры зарубежной литературы и
сравнительного культуроведения,
Кубанский государственный университет, Краснодар*

Г. В. Редько,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры новогреческой филологии,
Кубанский государственный университет, Краснодар*

Аннотация. В статье рассматривается поэтика двух знаковых произведений межвоенной литературы – романа «Номер 31328» И. Венезиса и цикла «Конармия» И. Бабеля. Анализируются сходства и различия эстетических и этических

принципов писателей на примере художественной реализации темы насилия в обоих текстах. Идеиные различия поэтики Венезиса и Бабеля выводятся из разницы идеологических установок и религиозного менталитета писателей. Также рассматриваются особенности функционирования библейских мотивов в «Номере 31328» и «Конармии».

Ключевые слова: И. Венезис, И. Бабель, межвоенная литература, геноцид, поэтика шока, религиозный менталитет, идеологические установки, библейские мотивы.

Summary. The article discusses the poetics of two iconic works of interwar literature – the novel “Number 31328” by E. Venesis and the “Konarmia” cycle by I. Babel. The similarities and differences of the aesthetic and ethical principles of writers are analyzed on the example of the artistic realization of the theme of violence in both texts. The ideological differences between the poetics of Venesis and Babel are derived from the difference in the ideological attitudes and religious mentality of writers. Also considered are the features of the functioning of biblical motifs in “Number 31328” and “Konarmia”.

Key words: E. Venesis, I. Babel, interwar literature, genocide, shock poetics, religious mentality, ideological attitudes, biblical motives/

Роман И. Венезиса «Номер 31328» (1924 г.) и цикл И. Бабеля «Конармия» (1923–1924 гг.) были созданы почти одновременно. Оба текста отразили трагизм эпохи тотальной девальвации человечности, ставшей закономерным итогом жестокости войн и революций. Роман Венезиса описывает геноцид греков Понта и Анатолии во время второй греко-турецкой войны 1919–1922 гг., цикл Бабеля – польский поход Первой Конной Армии в 1920 г. и сопровождающие его этнические конфликты. Общность тематики определила сходство поэтики обоих текстов. В нашу задачу не входит полное сопоставление «Номера 31328» и «Конармии», так как эта тема требует более широкого рассмотрения, поэтому мы ограничимся только анализом таких элементов эстетики писателей, как изображение насилия и библейские мотивы.

Первым и наиболее очевидным сходством обоих текстов является изображение жестокости. Венезис изображает военные преступления турецких войск, Бабель – польских карателей и бойцов конармии. При описании насилия Венезис и Бабель прибегают к экспрессивным приемам, поэтике шока. В этом плане характерны два сходных эпизода обоих текстов, описывающие тела безвинно убитых мирных жителей. При описании тел повешенных греческих пленных Венезис употребляет шокирующие изобразительные элементы, которые были сочтены натуралистическими первыми критиками романа [7, σελ. 70–71]. «Τα τρία πτώματα κουνιούνταν κρεμασμένα το καθένα από ένα κλαδί του πλατάνου, στη μέση του Κίρκαγας. Έβρεχε. Το νερό τους έκανε μούσκεμα. Έσταζε απ' τα γυμνά ποδάρια τους. Το στόμα της Μαϊμούν ήταν μισανοιγμένο• η γλώσσα του πετιόταν όξω, μελαψή, σαν ένα κομμάτι σπλήνα. Πότε πότε καμιά στάλα βροχή έλεφτε πάνου της• ύστερα έσταζε κάτω. Τότες το σκοτεινό αυτό στόμα ήταν σαν ένα μάτι που δακρύζει» [5, σελ. 123]. «Трое повешенных раскачивались, каждый висел на отдельной ветке платана в центре Киркаца. Шел дождь. Вода намочила трупы. Стекала с их босых ног. Рот Маимуна был полуоткрыт. . . из него вывалился язык, черный, как кусочек селезенки. Время от времени на него падала капля дождя, стекая затем вниз. . . В этот миг этот темный рот казался слезящимся глазом» (Здесь и далее перевод наш). Сходные выразительные средства употребляет и Бабель – вспомним концовку первого эпизода цикла, новеллы «Переход через Збруч». Протагонист цикла Лютов просыпается в доме местных еврейских поселенцев и замечает, что провел ночь в комнате, в которой находился мертвец – замученный польскими солдатами старик. «Она поднимает с полу худые свои ноги и круглый живот и снимает одеяло с заснувшего человека. Мертвый старик лежит там, закинувшись навзничь. Глотка

его вырвана, лицо разрублено пополам, синяя кровь лежит в его бороде, как кусок свинца» [1, с. 95]. И Венезис, и Бабель прибегают к сходным стилистическим приемам – они показывают тела убитых в грозной статике окончившейся агонии. Описания мертвых сделаны на грани натурализма – особенно выразительными мы считаем употребления цветообозначений темного спектра для описания тел. Венезис и Бабель показывают, что порождение смерти находится в самой основе войны, поэтому их описания приобретают пацифистский пафос, близкий к поэтике «Потерянного поколения». (При этом отметим, что эстетика обоих текстов все же имеет ряд существенных различий – проза Бабеля нарочито стилистически диффузна и фрагментарна [3, с. 128], а для прозы Венезиса характерны стилистическая и композиционная строгость). От частного – описания смерти отдельных личностей, Венезис и Бабель идут к общему – осуждению геноцида и лежащего в его основе национального эгоизма. Венезис и Бабель раскрывают пагубность эгоистического безразличия к мукам тех, кто является «чужим» для наблюдателя акта насилия. Мы видим определенное сходство в эпизодах «Номера 31328» и «Конармии», описывающих реакцию апологетов геноцида. И у Венезиса, и у Бабеля шокирующим элементом эпизодов оказывается то, что фигурой защитника насилия оказывается мирный житель – юноша-подмастерье или патриархального вида крестьянин.

«Μια μέρα, περνώντας απ' το ντερέ στο άλλο αμπέλι, σηκώθηκα και κοίταξα πάνω απ' τους βάτους μέσα σ' ένα χέρσο χωράφι, ίσαμε τέσσερα στρέμματα τόπο. Ήταν παστωμένα, χωρίς λογαριασμό, κουβάρες κόκαλα ανθρώπινα, κεφάλια, ποδάρια, χέρια – μικρά, γυναικεία, μεγάλα. Τέτοια ώρα δε λογαριάζει κανείς, μα θα ήταν πάνου από πεντακόσοι σκελετοί. Κατέβηκα γρήγορα με τεζαρισμένα μάτια απ' τον τρόπο. Ο μυξάρης ο παραγιός γελούσε δυνατά:

–Τι είναι βρε;

Φώναξα να φύγουμε:

–Ελάτε!

–Τους είδες; έλεγε ο μυξάρης. Παλιόσκυλα! Τους ξεμπερδέψαμε τότες που κάψαν τη Μαγνησιά. Γουρούνια!

Τα δόντια μας χτυπούσαν.

–Να, έτσι θα πάτε κ' εσείς! συμπέρανε το Τουρκί με χαρά, κ' έτριβε τα χέρια του» [5, σελ. 145].

«Однажды, идя от ручья к винограднику, я поднял голову и увидел за зарослями ежевики, среди бесплодной земли, участок примерно в стреммы четыре размером. Это были посыпанные солью человеческие кости, без счета – черепа, ноги, руки – детские, женские, мужские. Никто не смог бы сосчитать их точно, но там было не меньше, чем полтысячи скелетов. От ужаса я быстро опустил свой напряженный взор.

Сопляк-подмастерье громко рассмеялся.

–Видал?

Я закричал:

–Пойдем отсюда!

–Ты их видал? – сказал он. – Шелудивые псы! Мы избавились от них сразу же после того, как ваши спалили Магнису! Свиньи!

Наши зубы застучали.

–Да, и вам туда дорога! – радостно подытожил турок, потирая руки»

В сходной тональности выдержан и эпизод Бабеля. Хотя внешне миролюбивый крестьянин, «с любовью» смотрящий на героя полон некоего обаяния, он является носителем идеи оправдания насилия (здесь звучит отсутствующий у Венезиса мотив нравственной относительности). Данный образ является декон-

струкцией знаковых образов крестьян в русской классической литературе, от тургеневских Хоря и Калиныча до Мужика Марая Достоевского и толстовского Платона Каратаева. Наблюдая расправу польских легионеров над еврейским населением Замостья, мужик остается спокойным и предрекает геноцид всего еврейского народа:

«И в тишине я услышал отдаленное дуновение стога. Дым потаенного убийства бродил вокруг нас.

– Бьют кого-то, сказал я. – Кого это бьют?..

– Поляк, тревожится, – ответил мне мужик, – поляк жидов режет... <...>

Мужик заставил меня прикурить от его огонька.

– Жид всякому виноват, – сказал он, – и нашему и вашему. Их после войны самое малое количество останется. Сколько в свете жидов считается?

– Десяток миллионов, – ответил я и стал взнуздывать коня.

– Их двести тысяч останется, – вскричал мужик и тронул меня за руку, боясь, что я уйду. Но я взобрался на седло и поскакал к тому месту, где был штаб» [1, с. 162].

И Венезис, и Бабель показывают гибельность идеи реванша – каждый акт мести только порождает следующий виток насилия, из этой дурной бесконечности жестокости нет выхода. В этом плане показательны эпизод бойни в Пергаме в «Номере 31328» и новеллы «Прищепка» и «Письмо» цикла «Конармия». Вместе с тем, отметим, что отношение писателей к насилию отнюдь не было идентичным. Венезис не находит никакого рационального объяснения насилию, а Бабель пытается найти в жестокости некую диалектику, амбивалентность [2, с. 13]. Жестокость конармейцев не отменяет для рассказчика их героизма (новелла «Эскадронный Трунов»). Лютов интуитивно тянется к бойцам красной армии, и те поначалу принимают его за своего, но позднее отвергают его за то, что тот не может решиться применить насилие («Смерть Долгушова») [4, с. 151]. Этическую амбивалентность прозы Бабея можно объяснить неоднозначным отношением к насилию в традициях иудаизма – архаический пласт иудаистических представлений о необходимости насилия спорит с поздним пророческим пафосом всеобщего примирения. В прозе Бабея причудливо сочетаются мотивы библейской апокалиптики и коммунистической идеи интернационала, ради которой можно принести определенные жертвы [2, с. 13]. Венезису чужд подобный нравственный релятивизм, он не стремится оправдать насилие – от библейских образов у него остается только мотивы несправедливо пережитого страдания. Интернационалу проводников насилия он противопоставляет своеобразный интернационал безвинно убиенных – причем в него входят не только бесчисленные замученные греки, но и армянин-пианист Жак и даже повешенный кемалистами турецкий дезертир. Позиция Венезиса ближе к классическому гуманизму [6], чем противоречивые построения Бабея – причиной этого мы считаем разницу религиозного менталитета писателей, воспитанных в разных традициях веры – православного христианства и иудаизма. Данная разница определила и нюансы функционирования библейских мотивов в текстах обоих писателей. Каждая глава «Номера 31328» предваряется эпиграфом из Псалтири. Библейские цитаты подчеркивают универсализм постигшей человечество катастрофы, позволяют писателю сделать переход от частного к общему – от картин страдания отдельных личностей к всеобщей мировой скорби. Данная особенность не в меньшей мере присуща и тексту Бабея – «Конармия» насыщена библейскими аллюзиями – от Ветхого Завета до Апокалипсиса. Бабель, в отличие от Венезиса, склонен к религиозному экспериментаторству и пытается создать некий Третий Завет из элементов Ветхого и Нового Заветов [3, с. 123–126]. Библейские мотивы обоих писателей выполняют функцию обобщения и структурирования шокирующего материала, который

с трудом поддается рациональному анализу. При этом мы видим кардинальное различие между библейской поэтикой обоих писателей – воспитанному в духе греческого христианства Венезису чужды хилиастические мотивы победы коммунистического интернационала, под влияние которых отчасти попал Бабель, постоянно находящийся перед проблемой совмещения идеалов светлого будущего с их жестокой реализацией.

Подводя итоги, мы можем сказать, что Венезис и Бабель создали во многом схожую картину катастрофы XX в., но их тексты разделяет авторское отношение к этике. Обращаясь к одним и тем же мотивам, используя во многом сходные выразительные средства, Венезис и Бабель пришли к разным выводам – если Венезису чужды идеи нравственной относительности, то Бабель отдает им определенную роль в своей поэтике. Мы полагаем, что данные противоречия поэтики обоих писателей лежат в сфере религиозного менталитета, а также в различных идеологических установках. Но, несмотря на данные различия, Венезис и Бабель едины в одном – они с максимальной силой художественного выражения осудили жестокость эпохи тотальных войн и геноцида.

Список использованных источников

1. Бабель И. Э. Пробуждение. Очерки. Рассказы. Киноповесть. Пьеса. Тбилиси: Мерани, 1989. 432 с.
2. Ли Су Ен. Поэтика циклов И. Э. Бабеля «Конармия» и «Одесские рассказы»: автореферат дисс. ... кандидата филол. наук. СПб, 2005. 24 с.
3. Подобрий А. В. Еврейский мир и маркеры еврейской культуры в «Конармии» И. Бабеля. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 71. С. 122–129.
4. Сухих И. Н. Русский канон: Книги XX века. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 768 с.
5. Βενέζης Η. Το Νοῦμερο 31328. Αθήνα: Βιβλιοπωλείον της «Εστίας» Ι. Δ. Κολλάρου & Σίας Α. Ε., 2004. 200 σελ.
6. Ζαχαροπούλου Κ. Ζητήματα ταυτότητας κι ετερότητας στο «Νοῦμερο 31328» του Ηλία Βενέζη [Электронный ресурс] URL: <https://www.fractalart.gr/zitimata-taftotitas-ki-eterotitas-sto-poumero-31328-tou-ilia-venezis/>. (дата обращения 12.01.2020).
7. Καρανίκα Δ. Βιβλιογραφία των αυτοτελών εκδόσεων Ηλία Βενέζη (1928–2010). Διπλωματική εργασία, Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2014. 185 σελ.

УДК 821.161.1.09 “18”

ЛАТИНСКИЙ ТЕКСТ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»¹

Е. П. Литинская,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии,
русской литературы и журналистики, Институт филологии, Петрозаводский
государственный университет, Петрозаводск*

Аннотация. В статье рассматриваются оригинальные латинские слова и выражения, присутствующие в структуре романа Ф. М. Достоевского «Подросток», с точки зрения их художественной функции. Делается вывод о том, что смена языкового кода используется для трансляции имплицитной информации. Наиболее значимой художественной функцией латинских фраз называется возможность расширения границ понимания авторского замысла. Употребление латинских выражений не ограничено исключительно стилистической маркированностью. Пол-

ные цитаты фокусируют внимание на центральных темах романа: ответственности за деяния, греха, вины, покаяния, отсылают к античной и христианской традициям, создают широкий культурный, философский контекст произведения.

Ключевые слова: Достоевский, латинский язык, языковой код, античность, христианство

Summary. The article discusses the original Latin words and expressions that are present in the structure of the F. M. Dostoevsky's novel «The Teenager», in terms of their poetic function. It is concluded that the change of the language code is used to broadcast implicit information. The most significant poetic function of Latin phrases is the possibility of expanding the boundaries of author's intention understanding. The use of Latin expressions is not limited exclusively to stylistic markings. Full quotes focus on the central themes of the novel: responsibility for deeds, sin, guilt, repentance, refer to the ancient and Christian traditions, create a wide cultural, philosophical context of the work.

Key words: Dostoevsky, Latin, language code, antiquity, Christianity

Архитектонику романа Ф.М. Достоевского «Подросток» составляют четыре языковых кода: русский как родной, французский, латинский и итальянский как иностранные. Наиболее обширно представлен французский текст, единична цитата на итальянском языке и восемь латинских единиц различного уровня: от предложения до частицы.

В статье предпринимается попытка выявить и прокомментировать отсылки к латинскому тексту в романе Ф.М. Достоевского «Подросток».

Знакомство Ф. М. Достоевского с древним языком начинается с домашних уроков, которые давал братьям Михаилу и Федору отец, пользуясь грамматикой Бантышева². Писатель получил классическое гуманитарное образование в пансионах Н. И. Драшусова (Сушара) и Л. И. Чермака, позднее в Инженерном училище, где изучал античную историю и литературу. Библиотека писателя содержала «Историю» Тацита в английском и французском переложениях, английские переводы Цезаря, Вергилия, «Историю Рима» О. Йегера, а также «Латинскую грамматику» Кюнера [1].

Приведем список латинских слов и выражений для последующего анализа: «*Quae medicamenta non sanant – ferrum sanat, quae ferrum non sanat – ignis sanat*»; *sine qua*, NB; *a priori*; *sic*; *minimum*; «*Dies irae, dies illa*»; *In vino veritas*.

Языковые клише *sine qua* (непременное условие) и NB у Аркадия Долгорукого, *a priori* у Тихомирова, *sic* у Версилова, *minimum* у князя Сергея Сокольского – прямые заимствования, свойственные официально-деловому и публицистическому стилям. Их художественная функция – охарактеризовать персонажей с точки зрения происхождения, уровня образованности, комментировать эмоциональное состояние. Отметим, что исповедальная манера рассказа Подростка с обилием ремарок NB (6 раз) обусловлена стремлением героя беспристрастно и предельно честно себя судить.

Особый интерес представляют распространенные цитаты.

При входе в квартиру Дергачева, руководителя народнического кружка, Подросток слышит изречение: «*Quae medicamenta non sanant – ferrum sanat, quae ferrum non sanat – ignis sanat*» (XIII, 43)³ – «Чего не исцеляют лекарств – исцеляет железо, чего не исцеляет железо – исцеляет огонь!» Звучит афоризм Гиппократ, у которого есть продолжение: «...*Quae vero ignis non sanat, insanabilia reputari oportet*» – «... А чего огонь не излечивает, то должно считать неизлечимым». Выражение, как известно, имеет буквальное медицинское значение. Однако уже в Древнем Риме оно было переосмыслено применительно к военному искусству. Так, у римских поэтов I в. до н. э. (Овидий, Проперций и др.) читаем выражения «*ferro ignique vastare*» и «*ferro ignique*

deleere», букв. «уничтожать огнем и мечом», т.е. беспощадно расправляться с противником. Меч и огонь как символы Божественного Правосудия и наказания грешников встречается неоднократно в ветхозаветном тексте. Так, в Книге Пророка Исаии: «Ибо Господь с огнем и мечом Своим произведет суд над всякою плотью, и много будет пораженных Господом» (Ис. 66:16).

Латинское выражение является вторым эпитафием к драме Шиллера «Разбойники» (первый: «На тиранов»), указывает на радикальное средство борьбы с тиранией. Шиллеровский мотив разбойничества (исправление мира путем насилия) актуализируется в образе Дергачева, прототипом которого был революционер-народник А. В. Долгушин, приговоренный впоследствии к каторжным работам. На стенах его дачи, согласно протоколу судебного заседания процесса (Голос. 1874 17 июля. № 196), латинская фраза упоминается наряду с русским, английским, французским и итальянским текстом: «в углу, на полке, деревянный неокрашенный крест, на котором вверху надпись: “Во имя Христа”, а на перекладине креста: “Свобода, равенство и братство”. <...> На английском: “О бог, о душа, о слава свободы, и днем, и ночью их молния и свет. Мы гребем, как рабы. Но если твой перст коснется нас, то они бегут. Какой человек остановит нас и какой бог поразит нас?” По-итальянски: “Иди твоим путем, и пусть люди говорят, что хотят”. На французском: “Служи только ему <очевидно, народу>, ибо его дело есть дело священное. Он страдает, и всякий человек вблизи народа – есть посланник бога”» [2, с. 90].

Отметим, что цитата присутствует уже в черновых вариантах (роман начат в феврале 1874 года): «Разговор нигилистов (в восторге): “Quae medicamenta non sanant” и т.д., а потому пустить петуха повсеместно по городам, с того и начать. Вот как я понимаю (говорит это шпион, ему возражают)» (XVI, 80). Как видим, высказывание в подобном контексте имеет противоположное значение. Достоевского, безусловно, привлекала бескомпромиссность долгушинцев в идее служения своему идеалу, за процессом которых он внимательно следил (лето 1874 года), изначально отводя кружку Дергачева более значительную роль. Прокламации долгушинцев пронизаны тезисами об искренней и глубокой любви к человечеству, размышлениями о равенстве (Голос. 1874. 10 июля. № 189), что сближало их идеи с христианским учением. Но писатель не разделял насильственный метод достижения благих целей. Диалог Аркадия и революционеров, конфликт двух мировоззренческих позиций – ядро романа. Характерно, что вектор в романе с революционного меняется на семейственный, личный. Роман – история воспитания, духовного становления Подростка на идеале «благообразия».

Обращает на себя деталь в комнате Дергачева: «На стене висел литографический портрет, но очень дешевый, а в углу образ без ризы, но с горевшей лампадкой» (XIII, 43). Свет лампы как христианский символ веры соседствует с неоспариваемым призывом народников к насилию «огнем и мечом».

Благодаря тому, что латинская цитата имеет глубинный античный, христианский и литературный контекст, тема революционных деяний приобретает философское значение: ради чего они свершаются и поднимается вопрос неминуемого наказания.

Тришатов, подручный Ламберта, сблизившись с Подростком, в своем оперном замысле цитирует ему начальные строки гимна из сцены в соборе «Фауста» Гете: «Dies irae, dies illa!» (День гнева, день оный!). Главной героиней эпизода является Маргарита, с образом которой возникает одна из ключевых тем творчества Достоевского. Грех Маргариты – убийство ребенка. В данном случае проявляется авторская позиция углубления размышлений о грехе.

Латинская фраза в свою очередь является зачином средневекового като-

лического песнопения, исполняемого во время заупокойной мессы. Истоками гимна является библейское пророчество о Судном дне (Соф. 1: 14–18). В черновом варианте строка приводится в полном объеме: «Dies irae dies illa solvet saeculum in favilla» (День гнева, день оный, который обратит мир во прах). Гетевская цитата семантически перекликается с шиллеровской: неизбежна кара господня за грехи.

Тришатов – один из «униженных и оскорбленных героев», сознает «свою греховность, творчески воплощает идею возможности перерождения и покаяния при любых обстоятельствах» [4, с. 16], о чем свидетельствуют его поступки. Ведь именно он сообщает Аркадию о сговоре Ламберта и Версилова шантажировать Катерину Николаевну Ахмакову. И он же спасает Версилова от самоубийства.

Латинская цитата, имеющая широкий христианский и литературный фон, дополняет психологический портрет Тришатова.

Сцена с Тришатовым сигнализирует о переходном состоянии и Аркадия Долгорукого, который «мыслит свою жизнь в категориях вина/покаяние» [4, с. 16] и раскрывает глубокую религиозность героя. После встречи с «подлецом» Ламбертом, убеждавшем героя в любви Екатерины Николаевны, Подросток судит себя предельно честно: «Вино же не оправдывало. In vino veritas». В латинском выражении заключена грустная самоирония. Цитата сигнализирует о том, что герой начинает взрослеть, осознавая свою личную ответственность за поступки, за близких, не оправдывает себя. Знаменательно, что эпизод соседствует с известием о смерти Макара Ивановича Долгорукого, духовного отца Подростка. «Опьянение же совершенно исчезло во мне, до последней капли, а вместе с ним и все неблагородные мысли» (XIII, 261), и герой перестает метаться, утверждает на христианском идеале.

Смена языкового кода используется Достоевским как способ трансляции имплицитной информации. Наиболее значимой художественной функцией латинских фраз является возможность расширения границ понимания авторского замысла. Употребление латинских выражений в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» не ограничено исключительно стилистической маркированностью. Полные цитаты фокусируют внимание на центральных темах романа: ответственности за деяния, греха, вины, покаяния, отсылают к античной и христианской традициям, создают широкий культурный, философский контекст произведения.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90037.

² О знании Ф.М. Достоевским классических языков см. [3].

³ Здесь и далее текст Ф. М. Достоевского приводится по: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л. : Наука, 1972–1990. В круглых скобках указывается номер тома – римской цифрой и номер страницы – арабской.

Список использованных источников

1. Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
2. Долинин А. С. Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М. – Л.: Советский писатель, 1963. 343 с.
3. Нилова А. Ю. Латинский язык в творчестве Достоевского // Фортунатовские чтения в Карелии. Ч. 2. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 36–38.
4. Педько М. В. Наследие Гете в творчестве Ф. М. Достоевского: структура и динамика персонажа: автореф. дис. ... кандидата филол. наук. Санкт-Петербург, 2006. 21 с.

**РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНО
ДЕФОРМИРОВАННОГО ПЕРСОНАЖА
(на материале романа Д. Лоджа «Хорошая работа»)**

Е. Н. Мазина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии (СИ), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу своеобразия речевого портретирования профессионально деформированных личностей в художественной литературе. Цель исследования – определить основные особенности речи персонажей, обусловленные спецификой профессии и проявляющиеся в непрофессиональной сфере. В результате анализа выявлены языковые, личностные, речеповеденческие параметры речевого портрета, свидетельствующие о деформации литературного героя.

Ключевые слова: речевой портрет, профессиональная деформация, персонаж, языковая личность

Summary. This article is devoted to the analysis of the speech portrayal of professionally deformed personalities in fiction. The aim of the research is to determine the characters' speech peculiarities which are due to their profession and manifest themselves in the non-professional sphere. As a result, some parameters of the speech portrait are revealed, namely the characteristics of language, personality, speech behavior, indicating the characters' deformation.

Key words: speech portrait, professional deformation, character, linguistic personality.

В начале XXI века в отечественной науке наблюдается тенденция к широкому освещению речевых характеристик профессиональной языковой личности в различных сферах ее деятельности. Различные аспекты данной проблемы становятся объектом исследования целого ряда докторских и кандидатских диссертаций. Так, О.И. Асташова изучает динамику языковой личности современного российского политика [1]; М.А. Куроедова характеризует речевой портрет публициста [10]; А.С. Гафарова анализирует специфику речевого поведения военнослужащих срочной службы [3]; М.С. Гринева исследует речевой портрет практического психолога [5]; М.А. Силантьева освещает «феномен элитарной языковой личности филолога – 1) ученого, специалиста в области классической филологии, 2) преподавателя латинского языка и основ терминологии в фармацевтических и медицинских вузах» [11]; Е.Б. Цветкова выявляет особенности экспликации речевых стратегий и тактик в протокольно-этикетных речах политических деятелей Германии [13].

В большинстве работ анализируется специфика языковой реализации человека в условиях профессиональной коммуникации. Все внимание уделяется речи личности, «осознающей себя и свое место в мире, свою роль в практической деятельности и языковом общении, свое отношение к принятым принципам и конвенциям ведения дискурса, творчески использующей их в своих предметных и речевых поступках» [12, с. 10].

При этом не освещается весьма распространенная в обществе тенденция перенесения профессионального речевого поведения в сферу семейного и дружеского общения. Эта актуальная для современного человека проблема широко представлена в художественной литературе, изображающей трансформацию личности в связи с восприятием окружающего мира сквозь призму трудовых знаний

и навыков под влиянием профессиональной роли. Р.М. Грановская отмечает, что «ежедневное, на протяжении многих лет, решение типовых задач совершенствует не только профессиональные знания, но формирует и профессиональные привычки, определенный склад мышления и стиль общения» [4, с. 404]. Очевидно, что оказываемое профессией и рабочей средой воздействие может быть не только позитивным, т.е. способствующим развитию необходимых навыков и умений, но и негативным. Давление внутренних и внешних аспектов профессиональной деятельности на человека приводит к когнитивному искажению личности – профессиональной деформации.

Вслед за Е. П. Ильиным, под профдеформацией мы понимаем «приобретение человеком в результате работы в данной профессии некоторых специфических особенностей взгляда на мир и поведения (стереотипа, привычек), которые могут проявляться не только в профессиональной деятельности, но и вне ее» [7, с. 135]. К данному определению необходимо, на наш взгляд, добавить еще одну существенную черту рассматриваемого феномена – распространение типовых моделей речевого профессионального общения на непрофессиональные сферы. Учет речевого аспекта тем более важен, что наибольшее деформирующее воздействие на личность, по мнению психологов, оказывают профессии, связанные с людьми (учитель, врач, психолог, социальный работник и др.) [2; 9], а значит, предполагающие эффективное речевое взаимодействие. Проявления деформации обычно носят устойчивый характер и зависят от: а) конкретного типа профессии; б) характера ситуации: «в поведении (при вхождении в процесс профессиональной деятельности и при выходе из него), в самой деятельности, а также в профессиональном и внепрофессиональном общении» [6, с. 56]; в) особенностей личности и других факторов.

Создание и анализ речевого портрета профессионально деформированного человека на материале художественной литературы предполагает комплексную характеристику языковой личности персонажа, включающую выявление:

- а) профессиональных маркеров в речи; фонетических, лексических, грамматических, синтаксических языковых особенностей;
- б) профессиональной тематики речи;
- в) специфики речевого поведения и речевой культуры;
- г) описание ситуации коммуникации, позволяющей судить о наличии деформации;
- д) личностных качеств (индивидуальных и типологических), включая сформировавшиеся под влиянием профессии, а также когнитивных искажений.

Значимость создания такого речевого портрета состоит в том, что он дает возможность расширить представления как о самой профессиональной языковой личности, так и о приемах ее описания в художественной литературе.

В качестве предмета данного исследования выбран речевой портрет главной героини романа Дэвида Лоджа «Отличная работа» – Робин Пенроуз. Созданный автором яркий образ филолога, увлеченного университетского преподавателя – ироничное отражение специфически-профессионального типа личности, сложившегося под непосредственным воздействием рода занятий. Имея восьмилетний стаж преподавательской деятельности, Робин находится на начальной стадии процесса профессиональной деформации, на которой, по определению специалистов, еще не наблюдаются явные признаки «выгорания», но уже обращает на себя внимание психологическая дезориентация личности в социуме, перенесение принципов профессиональной коммуникации на общение за пределами места работы. Д. Лодж не случайно выстраивает сюжет таким образом, что в рамках социального проекта, направленного на сближение образования с индустрией, Робин Пенроуз оказывается в сфере производства и следует «тенью» за исполнитель-

ным директором завода. Акцент на профессиональной стороне личности персонажа способствует не только моделированию ее портрета, но и развитию сюжета, осмыслению широкого круга проблем и приданию комизма повествованию.

Основные сферы научных интересов главной героини – литературоведение, лингвистика, семиотика и философия – определяют специфику ее восприятия и отражения окружающего мира. Как во внутренней, так и во внешней (в том числе непрофессиональной) речи она оперирует понятийно-категориальным аппаратом вышеперечисленных наук, определяя, например, выбор одежды как «семиотическую проблему» [14, с. 96], романтическую любовь как «конструирующий дискурс» [14, с. 293], а Бога как «основное плавающее означающее» (*the ultimate floating signifier*) [14, с. 243].

Отличительной чертой идиолекта Робин Пенроуз является значительная концентрация терминологической лексики (*metaphor, metonymy, onomatopoeia, connotation, signifier, signified, episteme, phallogocentric*), частое и неуместное употребление которой в повседневном общении делает ее речь малопонятной собеседнику. Последнее отнюдь не расценивается героиней как собственная коммуникативная неудача; недоступность дискурса непосвященному воспринимается как атрибут элитарной речевой культуры [14, с. 241]. «DEALERS DO IT BACK TO BACK <...> ‘Oh, I see, it’s a metaphor.’ ‘What?’ ‘Never mind,’ said Robin» [14, с. 186]. По мнению психологов, такое возведение своей работы на пьедестал и при этом обесценивание знаний других людей в иных областях также является признаком профессиональной деформации.

Личные беседы Робин настолько часто ведутся в литературном и официальном речевых регистрах, что стилю ее общения даются следующие эксплицитные характеристики: *Cambridgey, high-flown, elitist* и т.п. Изредка наблюдается переход на сниженный регистр речи как маркер сокращения дистанции общения. Примечательно, что единичные эксплицитивы, усвоенные героиней на заводе, чаще используются ею в речи не с целью экспрессивизации высказывания, а в попытке рефлексии над языком в терминах Р. Якобсона.

Речь Робин четко структурирована, причем не только, когда она выступает перед аудиторией, но и в личном общении: «‘Well, **A**, he’s not in a position to give it to me, and **B**, I wouldn’t stoop to that sort of thing.’» [14, с. 94].

Обращает на себя внимание употребление в неформальной речи сложных предложений с многочисленными придаточными: «‘But doesn’t it bother you at all?’ Robyn said. ‘That the things we care so passionately about – for instance, whether Derrida’s critique of metaphysics lets idealism in by the back door, or whether Lacan’s psychoanalytic theory is phallogocentric, or whether Foucault’s theory of the episteme is reconcilable with dialectical materialism – things like that, which we argue about and read about and write about endlessly – doesn’t it worry you that ninety-nine point nine per cent of the population couldn’t give a monkey’s?’» [14, с. 217]. Автор придает личной беседе героини характер научной лекции, утрированно воспроизводя профессиональную манеру речи преподавателя. Очевидно, что комический модус повествования реализуется в данном контексте посредством стилевой игры.

В ироническом ключе представлено также свойственное преподавателям стремление соблюдать литературные нормы языка, речевой этикет даже во внешне возникающих критических ситуациях, таких, как, например, описанный в романе разговор с наркоторговцем: «‘No, thank you. <...> ‘No, really, it’s very kind, but –’ <...> ‘Sorry – I can’t stop’» [14, с. 100].

Ярким проявлением профессиональной деформации героини, на наш взгляд, можно также считать несоответствие выбранной ею тематики речи коммуникативной ситуации и компетентности собеседника. Например, стремление за ужи-

ном в ресторане детально объяснить исполнительному директору завода различия между метафорой и метонимией. Изложенная узкоспециальная и лишенная прагматической ценности информация (определения, коннотации, обозначающие, обозначаемые) вызывает у адресата недоумение: «‘Well, take one of your moulds. <...> “drag” is a metonymy and cope is a metaphor’. Vic grunted. ‘What difference does it make?’» [14, с. 223].

Являясь, по мнению автора и других персонажей, «прирожденным учителем» («a born teacher» [14, с. 246], «ever the teacher» [14, с. 292]), Робин демонстрирует стереотипные преподавательские особенности речевого поведения:

а) поясняет очевидные вещи, чтобы лучше донести суть: «‘Where are the chimneys?’ she asked. ‘What chimneys?’ ‘Well, you know. Great tall things, with smoke coming out of them.’» [14, с. 103];

б) контролирует понимание сказанного: «*Understand?*» [14, с. 147];

в) корректирует поведение окружающих, указывая на недостатки посредством категоричных суждений: «‘I did tell him I thought he was oppressing his wife.’» [14, с. 246];

г) отстаивает принципы нравственности: «‘It’s a management matter, in which you have no competence,’ said Wilcox. ‘It’s not a management matter, it’s a moral issue’» [14, с. 124];

д) командует другими людьми, как своими учениками;

е) негодует по поводу пробелов в области общих знаний: «There must be <..> millions of literate, intelligent people like Victor Wilcox walking about England who had never read Jane Eyre or Wuthering Heights, though it was difficult to imagine such a state of cultural deprivation» [14, с. 202].

Таким образом, в романе Д. Лоджа «Хорошая работа» речевой портрет является важнейшим средством характеристики персонажа, в структуре личности которого доминирует профессиональная идентичность. Выбор специфических для преподавательской деятельности языковых средств и речевых стратегий в условиях непрофессиональной коммуникации, потребность в саморепрезентации, беспепелляционность суждений, назидательность, директивность – все эти избыточные проявления характеристик профессии в повседневной жизни представлены в романе достоверно и с мягкой иронией. Очевидно, что Д. Лоджу хорошо знакома специфика измененной под влиянием специальности языковой личности университетского преподавателя.

Список использованных источников

1. Асташова О. И. Речевой портрет политика как динамический феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. И. Асташова; Урал. федер. ун-т им. Б. Н. Ельцина. Екатеринбург: [б. и.], 2013. 23 с.

2. Безносков С.П. Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004. 140 с.

3. Гафарова А. С. Речевой портрет: социолингвистические характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2006. 19 с.

4. Грановская Р.М. Элементы практической психологии. Л.: ЛГУ, 1984. 564 с.

5. Гринева М. С. Содержательные характеристики речевых действий практического психолога в терапевтическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2018. 21 с.

6. Дружилов С. А. Профессиональные деформации и деструкции как следствие искажения психологических моделей профессии и деятельности // Журнал прикладной психологии. – 2004. – №2. С. 56–62.

7. Ильин Е.П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб.: Питер, 2001. 464 с.

8. Кочеткова, Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Саратов. гос. ун-т. Саратов, 1999. 54 с.

9. Куприна О. А., Корецкая И. А. Деформация в профессиональной деятельности // Ученые записки Орловского гос. ун-та. – 2013. – № 4. С. 45–51.

10. Куроедова М. А. Речевой портрет публициста: на примере очерков В. М. Пескова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 СПб., 2001. 18 с.

11. Силантьева М. С. Элитарная языковая личность в профессиональном дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Перм. гос. нац.-иссл. ун-т. Пермь, 2012. 24 с.

12. Сусов И. П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения: межвуз. сб. науч. тр. Калинин: КГУ, 1989. 150 с.

13. Цветкова Е. Б. Речевой портрет современных немецких политиков в аспекте прагмалингвистики (на материале текстов протоколно-этикетных речей): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / ФГАОУ ВО Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Архангельск, 2016. 20 с.

14. Lodge D. Nice Work. L.: Penguin Books, 1988. 384 p.

УДК 81'27 / 811.111

ОСОБЕННОСТИ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В РОМАНЕ Д. МИТЧЕЛЛА «ГОЛОДНЫЙ ДОМ»

Е. Н. Мазина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Г. П. Чернега,

*обучающаяся 4-го курса, Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу характерных черт феномена «магический реализм» в творчестве английского писателя Д. Митчелла. Целью данной работы является определение особенностей реализации этого художественного метода в романе «Голодный дом» на различных уровнях текста. В результате анализа выявлены новаторские способы изображения волшебной действительности, художественного времени и пространства, определена специфика магических образов героев, описаны языковые средства выражения семантики чуда в произведении.

Ключевые слова: магический реализм, символ, двоемирие, сюжетная линия, художественное время и пространство.

Summary. This article is devoted to the analysis of the most specific features of “magic realism” in D. Mitchell’s fiction. The aim of the study is to find out some peculiarities of the artistic method implementation on different text levels in the novel “Slade House”. The analysis reveals some innovative ways of describing fairy reality, literary time and space, determines the particularity of magic images and indicates language means of expressing the semantics of miracle in the novel.

Key words: “magic realism”, symbol, duality, plot structure, literary time and space.

С начала XX века в мировой литературе образуется целый пласт произведений, в текстовом пространстве которых искусно обыгрываются элементы действительности и фантазии, присутствуют символы, уходящие корнями в древность. Для обозначения феномена волшебной художественной игры в теоретико-литературном дискурсе вводят термин «магический реализм». В ос-

нову дефиниции этого понятия ложатся новые тенденции осмысления роли магического в жизни человека.

Отечественные литературоведы (А. А. Гугнин, К. Н. Кислицин, Д. С. Циренова) определяют магический реализм как художественный метод, соединяющий в себе особенности изображения реального и магического миров, как идейно и структурно новый мультикультурный метод, получивший широкое распространение по всему миру. А. А. Гугнин о феномене магического реализма писал: «В основе всех разновидностей магического реализма отрицание плодотворности рационального мышления и поиски более продуктивных жизненных основ» [4, с. 491]. Осмысливая природу феномена «магический реализм», исследователи приходят к мнению, что метод представляет собой «сплав действительного и вымышленного, обыденного и сказочного, очевидного и чудесного» [5, с. 135].

В творчестве знаменитого английского писателя Дэвида Митчелла магический реализм проявляется на различных уровнях текстовой структуры произведений, формируя у читателя тонкое восприятие «поэтики» фантастического мира.

В романе «Голодный дом», написанном методом магического реализма, элементы сверхъестественного фигурируют как основополагающие в сюжетной линии и сопутствуют в контексте взаимодействия разных планов действительности на протяжении всего повествования. Роман «Голодный дом» состоит из пяти глав, и в каждой из них фигурируют новые герои. Однако все истории, рассказчиками которых являются непосредственные участники событий, связаны с необычными явлениями, происходящими в Голодном доме. Этот дом не подвластен течению времени, не отображается ни на одной карте, но при этом кажется вполне реальным всем действующим лицам повествования. В загадочном особняке живут брат и сестра Грейер, которые, обладая сверхъестественными способностями, создают в нем иллюзорную реальность. Нора и Иона Грейер привлекают внимание «одарённых», заманивают их к себе под разными предлогами и поглощают их души. Так жертвами таинственных близнецов становятся юный Нейтан Бишоп, полицейский Гордон Эдмонс и сестры Тиммс, каждый из которых пытается узнать больше о магическом мире особняка и о его владельцах. В последней главе романа Маринус-Фенби, обладающая сверхспособностями, высвобождает все души, заключённые в Голодном доме, вступив в противостояние с семьёй Грейер. Иона Грейер погибает, не в силах выдержать борьбу магических сил, а Нора, собрав все свою волю и решимость, надеется на спасение. Д. Митчелл прибегает к приёму открытого финала, предоставляя Норе Грейер шанс на спасение.

Таким образом, сверхъестественное вторгается в повседневную жизнь героев, нарушая привычный порядок вещей, но при этом отнюдь не происходит «тотальная подмена реальности миром, в котором нет ничего, кроме чудес» [4, с. 110–111].

Постижение поэтики чудесной реальности в романе Дэвида Митчелла реализуется также через *хронотоп*, представленный в различных формах. Каждая глава произведения начинается либо на дороге, либо на пороге в Голодный дом, который становится воплощением магического пространства. Использование этого художественного приёма в начале повествования способствует раскрытию семантики чудесного. Писатель показывает тонкую грань между сверхъестественным и реальным мирами, неизбежно взаимодействующими друг с другом.

Единство времени и места и, наоборот, нехронологическое повествование, «отставание» или «замедление» времени расширяет представления читателя о волшебном пространстве, куда попадают герои. Более того, противоположность двух миров зачастую показывается Д. Митчеллом наглядно через изменение окружения персонажей, нарушается логическая цепочка ранее происходящих событий. Так, наряду с трансформацией места действия и даже погодных условий

при переходах героев из фантастического в реальный мир, изменяется и ощущение течения времени действующими лицами. За счёт умышленного нарушения хронологической последовательности событий в отдельных главах романа выстраивается противопоставление не только двух реальностей, но и настоящего – прошлому. Д. Митчелл прибегает к приёму открытого финала, который приобретает символический смысл, подчёркивая цикличность истории. Такие особенности хронотопа романа, написанного в традициях магического реализма, являются значимыми как для развития сюжета, который строится вокруг истории загадочного особняка, так и для создания магических образов персонажей.

Говоря о *героях* романа «Голодный дом», следует отметить их разноплановость и в то же время особую взаимосвязь. Каждый из действующих лиц, будучи индивидуальным и целостным персонажем, становится частью целого мира, выстраиваемого на страницах произведения в мистической традиции магического реализма. Описывая «рационально-логический и фантастический» [1, с. 274] миры, Д. Митчелл раскрывает природу волшебного непосредственно через героев, «создающих» магическое вокруг себя.

Дэвид Митчелл, отказываясь от концепции «типический персонаж в типических обстоятельствах», характерной для реалистов, помещает разнообразных по своим возрастным, социальным, психоэмоциональным характеристикам героев в необычные условия. Такой выбор действующих лиц в произведении призван в лучших традициях магического реализма подчеркнуть «простоту» и «доступность» волшебного каждому человеку.

Следуя предложенной А. А. Гугниным [3] классификации героев, фигурирующих в произведениях писателей магических реалистов, в романе «Голодный дом» можно выделить:

- персонажей, обладающих мифическим сознанием;
- персонажей с прагматическим типом сознания.

Особый интерес для данного исследования представляют персонажи из первой группы. Герои романа, которые попадают в Голодный дом, обладают паранормальными способностями, но не догадываются об этом, пока не встречаются с близнецами Грейер. На протяжении всего повествования Дэвид Митчелл называет действующих лиц одарёнными, описывая их не иначе, как: «A psychic, or a potential psychic. And like Tinker Bell, sort of; but a Tinker Bell who'll live inside your mind without your consent, for years if it wants, hack into your brain, control your actions and play funny buggers with your memories. Or kill you» [7, p. 211].

Важно отметить, что все герои «Голодного дома» в той или иной степени верят в магическое. Так, Салли Тиммс, задумываясь о событиях, произошедших с ней в загадочном Голодном доме, анализирует свои действия и сравнивает себя с Орфеем, героем древнегреческих мифов: «Was that a fatal mistake, like Orpheus looking back? <...> But legends and stories are as full of dirty tricks as life is, and however much time has gone by, nothing has changed...» [7, p. 136].

Создавая необычные образы героев, писатель раскрывает закулисный волшебный мир, подробно объясняет законы и особенности подобной реальности, предоставляет читателю возможность исследовать этот мир вместе с действующими лицами.

Ещё одной характерной чертой магического реализма в романе Д. Митчелла «Голодный дом» является язык произведения, реализующий магическую функцию слова. По Х. Л. Борхесу, писатель в своём произведении с помощью магии слова способен «разом заглушить все сомнения, добившись эффекта поэтической веры» [2, с. 46], а наиболее яркого «волшебного» эффекта слова можно добиться только в тех произведениях, что отличаются обширным пространством для его

развертывания. Именно с помощью особой, стилистически насыщенной формы повествования и оказывается влияние на читателя, ведь «в основе и магии и поэзии лежат <...> разного вида переносные употребления слов – собственно метафора, метонимия, сравнение, олицетворение, гипербола, символ и т. п.» [2, с. 47].

Язык в романе «Голодный дом» выступает как целостная система, с помощью которой Д. Митчелл более точно и детально изображает невероятное взаимодействие сверхъестественного и обыденного. Так, при описании Голодного дома и его атмосферы писатель использует:

- сравнение: «*It's black, nothing-black, like the gaps between stars*» [7, p. 3], «*Shrubs tremble blurrily like they're being sketched in as we watch*» [7, p. 15];
- лексический повтор, эллипсис: «*Reds are glossier, blues glassier, greens steamier and whites see-through like one layer of a two-ply tissue*» [7, p.15];
- метафору: «*The damp sky's colour of old hankies*» [7, с. 3], «*The bright afternoon sways a bit*», «*In the fireplace the flames snap*», «*This version of Slade House is a shadow play, evoked into being*» [7, с. 23].

Описывая ощущения и переживания героев, попавших во власть Голодного дома, Дэвид Митчелл создаёт яркую и правдоподобную картину мира, окружающего действующих лиц с помощью эпитетов, персонификаций, метафор: «*Black fireworks zigzagged over marbled skies; the zigzags plucked harpsichords and I floated on the Dead Sea, and could've stayed there forever, but a wave of pain lifted me up, high as spires, then hurled me down hard onto the pebbles at the foot of Slade House*» [7, p. 130], «*Slade House by night's shimmering fat and thin, reflected or refracted*» [7, p. 130]. Зачастую писатель прибегает к приёму повторений, параллельных и рамочных конструкций: «... *a starless, bodiless, painless, timeless blackness. <...> to keep me company and to keep me sane in the starless, bodiless, painless, timeless blackness*» [7, p. 137].

Невероятное множество фигур речи, формирующих у читателя яркое представление о волшебном мире, где оказываются персонажи романа, становится средством передачи не только эстетики мистического мира, но и особенностей поэтики «чудесной реальности» романа.

Итак, в романе современного английского писателя Д. Митчелла «Голодный дом» находит отражение стихийное, непоследовательное сверхъестественное; в реальность вплетаются фантастические элементы, противоречащие незыблемым законам обыденности, и этот процесс зачастую воспринимается самими персонажами как норма. Проанализировав роман на различных уровнях структуры текста, можно сделать вывод, что фантастическое реализуется в мистической традиции магического реализма. Единство хронотопа, включающего в себя замедленное время нехронологического повествования, волшебное пространство, постоянные «переходы» из одного мира в другой; реалистически обрисованные персонажи, наделённые мифическим сознанием, образный язык, отражающий магические реалии, – всё это даёт представление о «чудесной реальности» в романе Д. Митчелла «Голодный дом».

Список использованных источников

1. Биякаева, К. Н. О Значении истины для природы двойственности художественной реальности в магическом реализме. Омск: Государственный университет путей сообщения, 2015. 337с.
2. Борхес, Х. Л. Сокровенное чудо. СПб.: Азбука-классика, 2004. 576с
3. Гугнин, А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. 117с.
4. Гугнин, А. А. Магический реализм. М.: Литературная энциклопедия терминов и понятий, Т. 1, 2003. 492с.

5. Кайуа, Р. В глубь фантастического. Отражённые камни. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. 280с.
6. Потебня, А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 623с.
7. Mitchell, David. Slade House. London : Sceptre, 2015. 233 p.

УДК 81'27 / 811.111

ИРОНИЯ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В РОМАНЕ В. ОРЛОВА «АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ»

В. Ю. Новикова,

кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского и иностранных языков и литературы,

Краснодарский государственный институт культуры, Краснодар

Аннотация. Статья посвящена изучению особенности смеховой составляющей речевой характеристики романа В. Орлова «Альтист Данилов». Используя метод контекстного анализа, автор статьи рассматривает случаи языковой игры в романе, основанной на иронии как одном из уровней комического и характеризует коммуникативные цели и способы образования подобных конструкторов. Подчеркивается, что речевые особенности романа отражают ситуацию «двоемирия» в сознании советского человека в 70-е десятилетия XX века.

Ключевые слова: роман «Альтист Данилов», ирония, речевая характеристика.

Summary. The article deals with the study comic component of the speech characteristics peculiarities of V. Orlov's novel «Danilov, the Violinist». Using the method of contextual analysis, the author of the article considers some cases of a language play in the novel based on irony as one of the levels of the comic and characterizes the communicative goals and ways of forming such constructs. It is emphasized that the speech features of the novel reflect the situation of the «double world» in the minds of Soviet people in the 70's of the twentieth century.

Key words: «Danilov, the Violinist» novel, irony, speech characteristics.

Роман Владимира Орлова «Альтист Данилов», впервые изданный в 1980 году, вызвал в свое время значительные споры критиков. Автору и его произведению вменяли в вину и нестойкое идейное содержание, и преобладание «фантастической условности» над целями реалистического искусства [3], увлеченность автора постмодернистскими интертекстуальными играми с читателем (по мнению некоторых исследователей – на грани фола) [4], изыскивая источники «цитат» в творчестве самых разных авторов – от Гёте, Лермонтова и Гоголя до Булгакова и Томаса Манна. Нередко критика называла среди «грехов» автора и смутное представление о границах разрабатываемого жанра: роман можно назвать и сказкой, и городской фэнтези, и сатирическим, и квазиреалистическим, и, в каком-то смысле, производственным, хотя, возможно, роману еще больше подошло бы более комплексное жанровое определение. «Альтист Данилов» – это, скорее, современная мениппея (подробнее см. работу М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского»), причем, не менее, если даже не более, чем роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», сочетающая в себе пародийно-смеховое начало с серьезным социально-философским содержанием.

Однако смешанная техника в индивидуальном стиле В. Орлова прослеживается не только на жанровом уровне романа. Особенно характерно она проявляет себя в языке, причем, как в авторской речи, так и в речевых характеристиках персонажей. Особенно обращает на себя внимание широкая стилистическая вариативность дискурса романа: при всем высоком образно-философском содержании

произведения автор регулярно использует сочетание низовых коммуникативных моделей, (характерных для разговорной речи), научной лексики и типично «советских» официально-деловых штампов. Мы полагаем, что для В. Орлова употребление подобных сочетаний, в грамотной литературной речи режущих слух, принципиально необходимо по нескольким причинам.

Во-первых, вводя в текст романа подобные конструкции, автор воссоздает язык современной ему советской эпохи, язык часто алогичный, сочетающий формальные, клишированные речевые модели и высокую образность сюжетных элементов, характеризующихся этими моделями. Например: «Данилов *тихонько* *развязал тесемки на затылке, сложил повязку аккуратно и торжественно, словно японские офицеры в присутствии императора флаг на закрытии зимних игр в Саппоро*, и убрал ее в чемодан. И все домовые поснимали повязки. Один Велизарий Аркадьевич, стесняясь, сказал, что *хотел бы поносить матерью* еще неделю» [2, с. 10–11]. В данной фразе первый выделенный речевой конструкт призван подчеркнуть серьезность момента и подчеркнутую официальность и ритуализированность поведения Данилова в этой ситуации, второй же сочетает глагол «*поносить*» как разговорную форму и метонимическое образование «*материя*» (вместо «*маска*»), воспринимаемое как речевая ошибка – деловой штамп в сочетании с разговорным словом.

Или, например: «Он начал чихать, *температура* в Георгии Николаевиче *подскочила до предельной черты, брожение* *сделалось в крови и во всякой прочей жизненной жидкости, газообразные вещества* стали оседать в нем голубыми кристаллами, а из носа потекло» [2, с. 10]. В данном случае речевые модели, характерные для устаревших форм русского синтаксиса («брожение *сделалось*») автор сочетает с научными терминологическими образованиями («жидкость», «газообразные вещества») и разговорной речевой моделью («из носа потекло»).

Во-вторых, В. Орлов часто использует подобные сочетания разностилевых моделей для создания комического эффекта. В романе о Данилове можно встретить все уровни комического, характерные для художественного текста. Юмор используется в ситуациях, когда автор беззлобно шутит над своими персонажами или их жизненными неурядицами. Сатирические дискурсивные конструкты появляются в романе в ситуациях, откровенно высмеивающие разные стороны советского образа жизни; типичный пример – описание визита Данилова к хлопобудам – это сочетание пародии на советскую очередь с пародией на родившуюся в эпоху «застоя» традицию «доставать» редкие или ценные своим статусом вещи – будь то импортные джинсы или дипломы об образовании. Гротеск в «Альгисте Данилове» практически неизменно сопровождает те моменты истории героя, которые связаны с Девятью Слоями и ценностями демонической цивилизации. Характерный пример использования автором гротеска в романе – сцена в Колодце Ожидания, где перед глазами Данилова фантастически переплетаются самые несочетаемые вещи, создавая кадавров, противных человеческому взгляду, но приятных душе любого приличного демона.

Но чаще всего, по нашим наблюдениям, автор предпочитает использовать сочетание несочетаемых стилистических элементов, создавая дискурсивные конструкты на основе иронии. Скрытая насмешка, свойственная иронии, как нельзя лучше подходит для тех форм языковой игры, с помощью которых создается «многослойность восприятия авторского замысла» [1, с. 63]. Задача языковой игры, созданной с помощью иронии, – привлечь внимание читателя своим подтекстом, в котором контекстный переносный смысл высказывания реализуется через его соотнесение с прямым значением слова или речевой конструкции.

Подобные речевые конструкции очень часто встречаются в романе В. Орлова. Например: «Даже собака Салют с меньшим усердием *грызла теперь монографию*,

собака и впрямь была ученая, первой в доме Муравлевых знакомилась с книгами» [2, с. 296]. В данном случае прямое значение (т.е., «быть ученым – значит работать с научными текстами») иронически обыгрывается, так как речь идет о собаке, грызущей книги.

Другой пример: «Дверь в комнату Клавдии была заперта, на ней висела бумажка со словами: “Тише! Идет совещание!” Данилов постоял, постоял и все же решился постучать в дверь. Выглянувшая в коридор строгая дама сразу спросила: «Вы от Клавы?» – и впустила Данилова в комнату. *Совещались по поводу пеньюара и еще каких-то вещей, близких к телу*» [2, с. 117]. В этом предложении контекстный смысл глагола «совещаться» обретает ироническое звучание, так как описывается типовая для многих советских учреждений ситуация, когда привезенные из-за границы и статусные для советских людей вещи часто приносили для перепродажи прямо на работу.

И еще один пример: «Данилов сообщил, что задержался с отправкой шуток оттого, что земные шутки, оказывается, следует с терпением *отмачивать в специальном растворе*, тогда они становятся особенно хороши, – это открытие Данилов сделал недавно. Данилов и действительно начал *отмачивать шутки с анекдотами в ванне* и вскоре получил из управления теплое письмо, в нем Данилова хвалили, сообщали ему, что отмоченные им шутки имеют большой успех, просто шумная мода на них!» [2, с. 36] В. Орлов и в этом случае использует игру прямого и переносного значения при разрушении фразеологизма «отмочить шутку» для создания иронической атмосферы демонического мира, в котором отмоченные в прямом смысле слова (в романе – еще и с использованием горчицы и специального аппарата!) человеческие шутки воспринимаются демонами практически так же, как людьми – бразильские пеньюары, привезенные из-за рубежа и тайно перепродаваемые прямо на работе.

Таким образом, можно сделать вывод, что независимо от разновидности жанрового определения произведения Владимира Орлова смеховое начало играет в нем значимую роль, особенно при воссоздании атмосферы 70–х годов XX века в Советском Союзе, а ирония как одна из разновидностей комического отражает характерное для эпохи «застоя» двоемирие, при котором реальное и фантастическое, выраженное в речи и невысказанное вслух, соотносятся так же как прямое и переносное значение в высказывании, содержащем иронию.

Список использованных источников

1. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте: монография. Урал. гос. пед. ун–т. Екатеринбург. 2008. 165 с.
2. Орлов В. В. Альтист Данилов: Роман. М.: Издательство «АСТ», 2008. 510 с.
3. Сафрон Е. А. Жанровое своеобразие романа В. В. Орлова «Альтист Данилов» [Текст] // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – № 1. С. 57–62.
4. Суханова И. А. Лексико-семантический анализ интертекста (на материале романа В. Орлова «Альтист Данилов») [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2001. – № 2 (27).

УДК 82.091

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ВИТЫ СЭКВИЛЛ-УЭСТ НА ТВОРЧЕСТВО ВИРДЖИНИИ ВУЛФ (ОБЗОР РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

Т. В. Языкова,

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье проводится анализ русскоязычной критики на произведения Вирджинии Вулф с целью выявить, насколько часто исследователи соотносят личную жизнь писательницы (её роман с Витой Сэвилл-Уэст) с её творчеством (роман «Орландо») и проводят параллели между реальными личностями из жизни писательницы с персонажами её книг. Использованные методы: компаративный метод и сопоставительный литературоведческий анализ. В результате, автор статьи приходит к выводу, что отечественные учёные, в отличие от зарубежных, упоминают о Вите мельком как о прототипе Орландо и близкой подруге Вирджинии Вулф, не вдаваясь в детали этой до сих пор отчасти табуированной темы.

Ключевые слова: транссексуальность, бисексуальность, феминизм, модернизм, постмодернизм.

Summary. To the issue of Vita Sackville-West's influence on the works of Virginia Woolf (a review of Russian critical works). In the article the analysis of Russian critical works dealing with the works of Virginia Woolf is being carried out. The aim of the research is to find out how often critics correlate personal life of Virginia Woolf (her romance with Vita Sackville-West, in particular) with her literary works (novel «Orlando») and whether or not they compare real-life individuals from Virginia Woolf's life with the characters from her books. Used methodology: comparison and comparative literary analysis. At the end of the article the author comes to the conclusion that Russian researchers (contrary to the English-speaking scientists) mention Vita briefly, describing her as a prototype for Orlando and a close friend of Virginia only, not going in particulars with this partially taboo topic.

Key words: transsexuality, bisexuality, feminism, modernism, postmodernism.

Творчество Вирджинии Вулф всегда представляло интерес для литературоведов и читателей. Её литературное наследие тщательно изучалось с позиций модернизма, феминизма и даже постмодернизма. Однако, вплоть до недавнего времени влияние событий её личной жизни на творчество практически игнорировалось, особенно влияние тех неоднозначных событий, которые связаны с её бисексуальностью.

Данная статья посвящена изучению влияния Виты Сэвилл-Уэст на творчество Вирджинии Вулф с учетом опыта исследований отечественных литературоведов.

Познакомившись в 1922 году, Вита Сэвилл-Уэст и Вирджиния Вулф быстро нашли общий язык и почувствовали взаимное притяжение, которое переросло в недолгий роман. Однако близкими людьми они остались друг для друга на всю жизнь. Личность Виты Сэвилл-Уэст оказалась чрезвычайно притягательной для Вирджинии Вулф и натолкнула писательницу на размышления о человеческой природе и табуированных для того времени темах транссексуальности и бисексуальности, которые, пусть и в завуалированной форме, присутствуют в романе «Орландо».

Для англоязычных исследователей не подлежит сомнению тот факт, что перипетии личной жизни Виты и Вирджинии оказали существенное влияние на Вирджинию Вулф и нашли отражение в «Орландо» [13, 15, 12, 16, 14]. Вита явилась не только прототипом Орландо, но ее образ также дал почву для сложных и продуктивных размышлений Вулф о проблемах бисексуальности и транссексуальности [14], гендерной принадлежности [12], проблеме угнетённых [16], которые замаскированы в тексте произведения, но могут быть легко расшифрованы.

Что касается русскоязычной критики, то лишь немногие исследователи уделяют пристальное внимание отношениям Виты и Вирджинии, оказавшим влияние на их творчество, ограничиваясь лишь упоминанием о том, что Вита явилась прототипом главного героя «Орландо» и что роман посвящён ей.

А. А. Аствацатуров тщательно исследует приёмы биографической и импрессионистической прозы, одновременно применяемые и препарируемые Вирджинией Вулф в «Орландо», потому что в данном романе автор, согласно исследователю,

рассказывает о тонкостях биографического романа. Вывод, к которому приходит литературовед: «Неизменным в романе остается лишь человек. Ни время, ни даже смена пола не делают его иным. Орlando вынужден смотреть на мир сквозь стереотипы каждой эпохи, но внутренне он остается прежним. И блистательная литературная игра, затеянная Вирджинией Вулф в «Орlando», ставит своей целью защитить идею внутренней свободы человека, ибо лишь ему дана возможность создавать и изменять мир» [1]. О Вите упоминается вскользь, не говоря о её влиянии на Вирджинию Вулф.

Морженкова Н. В. анализирует жанровое своеобразие романа и приходит к выводу, что «Орlando» принадлежит скорее к поэтике постмодернизма, чем модернизма: «Интуитивно автор подходит к переосмыслению и разрушению модернистской модели в литературе, являясь одновременно одним из ее создателей. Сама история рецепции романа иллюстрирует постмодернистское положение о тексте, обретающем собственную судьбу, независимую от его создателя» [7]. Исследователь настаивает на том, что «установка на плюрализм при анализе этого произведения вытекает из поливалентной постмодернистской поэтики этого произведения с её ориентацией на эклектичность и мозаичность» [7]. О Вите Сэквилл-Уэст мы находим лишь мимолётное упоминание.

Лукинова М. Ю. исследует общие принципы литературной группы «Блумсбери», эстетические и литературные взгляды её представителей. О Вите Сэквилл-Уэст упоминается как о подруге Вирджинии Вулф, аристократке из скандального семейства. Однако, заслуживает внимания тот факт, что роман сына Виты Найджела Николсона «Семейный портрет» исследователь относит к произведениям «в рамках творчества группы «Блумсбери» [6].

На страницах книги Ливерганта А. Я. «Вирджиния Вулф: моменты бытия» [5] мы находим множественные упоминания о Вите Сэквилл-Уэст как о близкой подруге Вирджинии Вулф. Интересен рассказ автора об их знакомстве (обе писательницы отразили впечатления от первой встречи в дневниках и письмах) и развитии отношений [5, с. 223–229]. Однако, пристального внимания заслуживает история создания «Орlando»: мысли и чувства Вирджинии, её рассуждения о жанровой природе романа, реакция Виты на роман [5, с. 316–324]. Для нас наибольший интерес представляет описание исследователем главного героя «Орlando» (ведь он списан с Виты Сэквилл-Уэст): «Потомок высокородных пэров Англии, «утеха закатных дней» королевы-девственницы, юный Орlando, уединившись в родовом замке, сочиняет трагедию в пяти актах «Этельберт» (за два года подобных трагедий наберётся у него два десятка), где вместо живых людей действуют, как в средневековых моралите, абстракции – Порок, Преступность, Нужда. Сам же Орlando пороку не предаётся, нужды не терпит и, как и все склонные к уединению пииты, втайне жаждет славы и воспеваает природу, глядя на лавровый куст у себя за окном. Нарекает лирических героинь своих поэм античными именами – Хлоринда, Фавия, Ефросиния» [5, с. 322]. Так как монография посвящена исследованию творчества Вирджинии Вулф, мы не находим в ней упоминания о творчестве самой Виты. Но, безусловно, детальный разбор истории создания «Орlando» чрезвычайно любопытен.

Тот же исследователь (Ливергант А. Я.) в интервью интернет-магазину «Лабиринт» опровергает предположение о том, что в годы связи с Витой Вирджиния Вулф написала лучшие свои вещи [3]. Он склонен считать, что «Орlando» – это, по большому счёту, развлекательное чтение.

Половинкина О. И. [8] в предисловии к изданию романов «Миссис Дэллоуэй», «На маяк», «Орlando» и «Флаш» повествует о биографии Вирджинии Вулф и анализирует её романы. Об «Орlando» исследователь говорит, что в нём выражается

«зачарованность личностью писательницы Виты Сэквилл-Уэст» [8, с. 26]. Приводятся множественные подробности, перекликающиеся с жизнью Виты: «Имя главного героя книги исследователи связывают с гобеленами, висевшими в одной из спален Ноула, на которых фламандским художником изображены сцены из «Неистового Орландо» [8, с. 26]. Исследователь обращает внимание читателей на то, что в романе есть упоминание о танцовщице Пепите и её неподтверждённом браке с английским вельможей, а это прямой пересказ истории, имевшей место в роду Виты. Влияние самой Вирджинии на творчество Виты исследователь обходит стороной.

Красавченко Т. Н., написавшая обзор британского и американского литературоведения по творчеству В. Вулф, особенно выделяет видение французского литературного критика Вивиан Форрестер, книга которой вышла в Нью-Йорке в английском переводе, и потому может быть причислена к американскому литературоведению [4]: «В. Форрестер связывает разочарование Вулф в эротических отношениях в браке с её увлечением в 1926 г. поэтессой, аристократкой Витой Сэквилл-Уэст, послужившей прототипом андрогинного героя в романе «Орландо» (1928). Сэквилл-Уэст отвергла Вирджинию, как и Л. Вулф, – из-за опасности психического сдвига. По мнению В. Форрестер, Вулф была отвергнута дважды, что разрушительно воздействовало на нее» [4]. Исследователь упоминает Г. Ли, которая «осторожнее толкует отношения Вирджинии и Виты как отношения двух писательниц, которые не «обрели друг друга» в личном плане, но «помогли друг другу» – в профессиональном. Когда к концу 1927 г. стало ясно, что Вита утратила интерес к ней, Вирджиния сконцентрировалась на работе и создала «Орландо» [4]. Здесь мы уже наблюдаем анализ соотношения личной жизни и творчества.

Протопопова Д. А. [9] рассматривает различные подходы к изучению творчества В. Вулф: биографический, исторический, нарратологический, анализ в контексте модернизма, психоаналитический, феминистский, библиографический, постмодернистский и постструктуралистский, лесбийский, постколониальный и, наконец, изучение восприятия творчества Вулф в Европе. Лесбийские прочтения текстов Вулф, замечает исследователь, не появились бы без свидетельств интимных отношений между В. Вулф и Витой Сэквилл-Уэст. Конечно, автор понимает, как и цитируемые ей исследователи, что провести четкие границы между различными подходами невозможно: они пересекаются друг с другом в исследованиях наследия В. Вулф. Но само включение лесбийского подхода в ряд других подходов к исследованию творчества В. Вулф говорит о постепенном преодолении табуированной темы неоднозначной личной жизни писательницы.

Гениева Е. Ю. пространно рассуждает о творческом методе В. Вулф, о её романе «К маяку», где «выводится новый тип женщины, идущей на смену таким, как миссис Рэмзи. Она приносит с собой в искусство целый новый мир женского видения, женского лиризма. Английскую литературу XX века нельзя представить без целой армии женщин-романисток, поэтесс, эссеисток...» [2]. Продолжая рассуждения исследователя, можно предположить, что и образ Орландо, навеянный Витой Сэквилл-Уэст, это воплощение нового типа женщины, способной меняться и менять привычные отношения.

Рейнгольд Н. И. [10, 11] в своих фундаментальных исследованиях классифицирует, структурирует и систематизирует литературный модернизм, охватывая большое количество писателей. О связи же Вирджинии Вулф с Витой Сэквилл-Уэст умалчивает, видимо, не считая эту тему важной и поэтикообразующей.

Итак, рассмотрев англоязычные трактовки «Орландо» и отечественные исследования, мы пришли к выводу, что современные зарубежные исследователи обращают большее внимание на особенности личной жизни двух писательниц, которые не могли не отразить свои чувства в литературных произведениях. От-

еественные же учёные, если и упоминают о Вите, то мельком как о прототипе Орландо и близкой подруге Вирджинии Вулф, не вдаваясь в детали.

Список использованных источников

1. Аствацатуров, А. А. Литературная игра в романе Вирджинии Вулф «Орландо» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.e-reading-lib.org/chapter.php/75964/10/Vulf_-_Orlando.html (дата обращения 13.01.2020).
2. Гениева Е. Ю. Два «я» Вирджинии Вулф // Вестник Европы. – 2005. – № 13–14.
3. Интервью с Александром Ливергантом. «Вирджинию Вулф надо читать очень медленно» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.labirint.ru/pow/momentu-bytiya/> (дата обращения 14.01.2020)
4. Красавченко Т. Н. Вирджиния Вулф в современном британском и американском литературоведении (обзор) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/2018-01-029-virdzhiniya-vulf-v-sovremennom-britanskom-i-amerikanskom-literaturovedenii-obzor/viewer> (дата обращения 17.01.2020)
5. Ливергант А. Я. Вирджиния Вулф: «моменты бытия» / Александр Ливергант. – Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. – 445 с. – (Литературные биографии).
6. Лукинова М. Ю. Группа Блумсбери: к постановке проблемы // Вопросы русской литературы. Межвузовский научный сборник. Симферополь: «Крымский архив», 2011. – Вып. 20 (77). – С. 87–89.
7. Морженкова Н. В. Романы В. Вулф 20-х гг. («Комната Джекоба», «К маяку», «Орландо». Проблемы поэтики) [Электронный ресурс]: Дис. канд. филол. наук: 10.01.03 М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки) // Режим доступа: <https://diss.rsl.ru> (дата обращения 15.12.2019)
8. Половинкина О. И. «Великолепная искренность»: Вирджиния Вулф и её романы // Вирджиния Вулф. «Миссис Дэллоуэй», «На маяк», «Орландо»: романы [пер. с англ. Е. А. Суриц]. – Москва: Издательство «Э», 2018. 640 с.
9. Протопопова Д. А. Современная англоязычная критика о Вирджинии Вулф (обзор). – 2009 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/2009-04-036-sovremennaya-angloyazychnaya-kritika-o-virdzhinii-vulf-obzor/viewer> (дата обращения 17.01.2020)
10. Рейнгольд Н. И. Английская литература модернизма. История. Проблематика. Поэтика [Текст]: учебник для обучающихся по направлению подготовки 45.03.01 – Филология / Н. И. Рейнгольд; [Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»]. – Москва: РГГУ, 2017. 778, [1] с.
11. Рейнгольд Н. И. Мосты через Ла-Манш. Британская литература 1900-2000-х. – М.: РГГУ. – 2012.
12. Adam, Alja. Metamorphosis of Space of Desire in Virginia Woolf's Orlando. [Electronic Resource] // Mode of access: URL: https://www.academia.edu/7296907/Metamorphosis_of_Space_of_Desire_in_Virginia_Woolfs_Orlando (дата обращения 05.12.2019)
13. Beebe, Jeanette. A Wild-Goose Chase: Humouring the Narrator in Virginia Woolf's Orlando: a Biography. [Electronic Resource] // Mode of access: URL: https://www.academia.edu/27052558/A_Wild-Goose_Chase_Humoring_the_Narrator_in_Virginia_Woolfs_Orlando_A_Biography (дата обращения 06.12.2019)
14. Celis, Andrea Martinez. Orlando: «the longest and most charming love-letter in literature». Study of bisexuality in and out of fiction, in past and present. [Electronic Resource] // Mode of access: URL: https://www.academia.edu/24182519/Orlando_the_longest_and_most_charming_love-letter_in_literature_Study_Of_Bisexuality_In

And_Out_Of_Fiction_In_Past_And_Present (дата обращения 07.12.2019)

15. Lowe, Gill. Penning and pinning: Vita, Virginia and Orlando. [Electronic Resource] // Mode of access: URL: https://www.academia.edu/36268513/Penning_and_Pinning_Virginia_Vita_and_Orlando_For_Selected_Papers_Reading_Final (дата обращения 07.12.2019)

16. Suriyaporn, Ploy. Virginia Woolf as the Subaltern Muse: Tracing the Subaltern in Orlando: a Biography. [Electronic Resource] // Mode of access: URL: https://www.academia.edu/3017834/Virginia_Woolf_as_the_Subaltern_Muse_Tracing_the_Subaltern_in_Orlando_A_Biography (дата обращения 08.12.2019)

17. Woolf, Virginia. Orlando: A Biography. – Wordsworth Classics, 2003.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-23

К ПРОБЛЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ ПРЕСТИЖА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Г. В. Галавова,

*кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранного языка и языкознания
Поволжская государственная академия физической культуры,
спорта и туризма, Казань*

А. Н. Гарипова,

*кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранного языка и языкознания,
Поволжская государственная академия физической культуры,
спорта и туризма, Казань*

Аннотация. В статье рассматривается языковая ситуация в Республике Татарстан, выявляются причины снижения престижа татарского языка и качества владения им, а кроме того, исследуются перспективы сохранения национального языка за счет возрождения этнического самосознания молодого населения Татарстана.

Ключевые слова: татарский язык, глобализация, культура народов, национальная культура, языковая среда.

Summary. The article deals with the language situation in the Republic of Tatarstan, reveals the reasons why the prestige of the Tatar language is declining, and the language is being inadequately used. Besides, the article observes the prospects of the national language preservation through the revival of ethnic awareness of Tatarstan's young population.

Key words: Tatar language, globalization, language, culture of people, national culture, language environment.

В современном мире происходят процессы интеграции и смешивания культур разных стран и народов. Для каждой нации важно хранить и ценить свою самобытную культуру, неотъемлемой частью которой, её основным средством выражения – является национальный язык. Благодаря языку осуществляется связь поколений, передача знаний, традиций, опыта [3, с. 88].

К сожалению, в настоящее время заметно снизился престиж ряда национальных (народных) языков. К числу таких языков можно отнести и татарский.

В процессе исторического развития татарский язык претерпел множество изменений, обусловленных переменами в жизни общества, влиянием других языков, развитием информационных технологий и средств коммуникации.

На языковую ситуацию в Татарстане в настоящее время в значительной мере влияют процессы формирования прочных взаимоотношений с другими странами и, соответственно, возрастание роли языков международного общения.

Большинство жителей республики в возрасте до 30 лет отмечают важность изучения иностранных языков. Многие молодые люди в возрасте до 23 лет считают, что знание иностранного языка необходимо для будущего профессионального развития и карьерного роста.

Одной из главных причин, почему татарскому языку уделяется всё меньше внимания, является заимствование зарубежных слов, которые «вытесняют» национальный язык. Активизация интернационализмов связана с процессом ускорения научно-технического прогресса, совершенствованием отношений между

разноязычными народами Земли [4, с. 431]. Помимо этого, освоение и активизация слов других языков в татарском осуществляется посредством сочетания языковых единиц национального и иностранного языков в одном контексте.

Ярким примером такой интеграции является полное название татарского ресторана быстрого питания (некого аналога мировых ресторанов Macdonald's, Burger King, KFC) «Кыстыбый», которое звучит как «Кыстыбый – tatar-food», где «tatar food» демонстрирует вкрапление элементов английского языка в татарский контекст. Во многом, замещение татарского языка в названии национального кафе Татарстана связано с повышенным интересом иностранных граждан к Казани и Татарии, в целом, со стремлением жителей республики привлечь зарубежных гостей, а также за счет использования английского языка создать для них благоприятную среду. Кроме того, в современных условиях интеграции использование в национальном татарском языке слов международного лексического фонда, облегчает процесс машинного перевода с одного языка на другой, тем самым способствуя эффективной коммуникации.

Второй причиной снижения значимости татарского языка, а также качества владения им является появление интернета, доступность любой информации на иностранных языках. Если раньше язык еще в большей степени объединял народ, проживающий на одной территории, передавался следующему поколению в процессе коммуникации и путем обучения, то в настоящее время на освоение языка опосредованно влияет и международная компьютерная сеть, предоставляющая возможность свободного общения и самовыражения любыми языковыми ресурсами. Сложно не заметить, что интернет оставляет свой отпечаток на устную и письменную речь татарского языка, – а татарская лексика употребляется вместе со словами русского, английского языков не корректно, порой утрачивая свой первичный смысл. Также отклонения от языковых норм пагубно влияют на культуру общения.

Очевидно, что и повседневная коммуникация в интернете в результате все большего сближения языка и речи – это естественная тенденция в эпоху развития всемирной сети, имеющая свои положительные и отрицательные стороны.

Нет ничего плохого в том, что пользователи сети внедряют в обиход новую терминологию слов. Проблема: заключается в том, что люди перенося языковые ресурсы из виртуального мира в реальный наполняют речь на татарском языке потоком сокращений, русских слов, иностранной лексики. В последнее время интернет-сленг перестает быть таковым все больше укореняясь в культуре. Обращает на себя внимание засилье интернет-сленга, что на наш взгляд ведет к снижению грамотности и культуры речи подрастающего поколения.

В условиях глобализации современного мира очень важно сохранить чистоту национального языка, его лексику. Для того чтобы татарский язык не терял своей значимости правительство Татарстана старается поддерживать функционирование языка, а также фиксирует его использование [2, с. 31]. В последние годы в республике наблюдается интенсивный поиск путей увеличения престижа татарского языка: большое внимание уделяется вопросам формирования национальной культуры. Движущей силой этих процессов является современная татарская молодежь, которая перед собой ставит цель избавиться от клейма «татарская культура – сельская культура». Владение татарским языком постепенно начинает восприниматься как показатель высокого культурного уровня, этнической образованности, возрастает его роль как средства межличностного общения в Татарстане и других тюркоговорящих республиках России (Башкортостан, Казахстан, Чувашия и другие).

В интернете, в частности в различных соц. сетях, создаются татарские интернет-сообщества и группы.

Для того, чтобы понять необходимость в таких этнических сообществах, в сохранении и продвижении татарского языка в республике, следует проанализировать интернет-страницы. В качестве изучаемого объекта целесообразно взять социальную сеть «ВКонтакте», которая является одной из наиболее крупных социальных сетей на территории Российской Федерации. Также этот выбор обусловлен тем, что именно данная социальная сеть содержит около 6 000 сообществ, непосредственно ориентированных на татароговорящих.

Так называемые сообщества этнической направленности выступают в качестве средств реализации межличностных связей, которые обеспечивают взаимодействие между татароговорящими, внутриэтническую поддержку, обмен информацией, а также чувства принадлежности к данному этническому сообществу. Главной чертой этих сообществ является использование национального татарского языка, а также позиционирование этнической идентичности. Сообщества можно поделить по функционалу:

- группы;
- публичные страницы;
- мероприятия.

Проведем анализ наиболее крупных социальных страниц, таких как:

- «Татары и татарочки» (117 432 участников сообщества);
- «Казань | Казань. Куда пойти? | Афиша» (476 802 участников сообщества);
- «Учим татарский язык!» (63 156 участников сообщества);
- «Миндә татар каны • во мне татарская кровь» (25 956 участников сообщества);
- «Типичный татарин» (77 157 участников сообщества) и другие.

Развитие динамичных этнонациональных процессов, приводит к ежегодному увеличению количества участников сообществ, которые склонны к демонстрации общетатарской идентичности. Так, например, в 2007 году одна из самых популярных групп насчитывала 2 000 человек, в 2012 – 33 100, а в 2018 году – уже более 120 003. Данный показатель говорит о том, что за прошедшие годы аудитория увеличилась более чем в 50 раз, и при это она продолжает расти.

Анализ возрастного состава большинства групп показал, что более 60% участников данных сообществ – это молодые люди, возраст которых варьируется от 17 до 35 лет. Причем, важно отметить тот факт, что члены групп живут не только в Казани или Татарстане, но и во многих городах Башкортостана и других частей Российской федерации (Москве, Йошкар-Оле, Ижевске, а также в ряде зарубежных стран (Узбекистане Казахстане, Таджикистане).

Многие записи в данных группах представлены как на татарском, так и на русском языках, то есть, дублируются. При этом, большинство групп этнической направленности сохраняют свою приверженность к татарскому языку.

Молодое поколение татароговорящих сейчас проводит значительную часть своего времени именно в социальных сетях, а это предполагает увеличение доли общения на национальном языке интернет-пространства. Возросшее количество таких групп и их участников указывает на то, что современные татары склонны к демонстрации этнических чувств, являющихся важной составляющей их самосознания.

Значительную значимость в поддержании также проектировании народной идентичности молодого поколения татар играют администраторы сообществ. Они формируют информативный медиа-контент публика, выступают в роли модераторов в дискуссиях, устанавливают правила общения в сообществе, а также определяют его многофункциональные характерные черты.

Помимо этого, стоит также отметить офлайн-пространство, которое сформировалось на основе имеющихся татарских сообществ в Интернете. Молодое население Татарстана принимает участие в таких движениях и акциях, как «Мин

татарча сөйләшәм!» («Я говорю по-татарски»), «Печән базары» («Сенной базар»), а также квест-игры «Татар-дозор». Такие способы продвижения татарского языка направлены на привлечение молодых людей к изучению и сохранению родного языка. Активисты и организаторы данных акций при помощи Молодёжного крыла Всемирного Конгресса татар применяют наиболее популярные среди молодых граждан формы этнической интеграции. Татарская молодежь активно участвующая в этнокультурных проектах и движениях Республики Татарстан, демонстрирует приверженность традиционным ценностям своего народа.

Таким образом, в настоящее время остро стоит вопрос о повышении престижа этнических языков, в том числе татарского, вытесняемых языками международного общения на периферию коммуникативного пространства. Снижение значимости татарского языка для населения республики во многом обусловлено развитием информационных технологий и средств коммуникации, процессами глобализации.

Возможность повышения престижа видится не только в реализации государственных программ развития родного языка, но и в формировании национальной идентичности. Одной из современных форм осуществления такой деятельности является создание молодежных татароязычных он-лайн и офф-лайн сообществ. Анализ этих сообществ показал высокий уровень этнического самосознания их участников, стремление сохранить исконно татарские традиции, интерес к родному языку.

Список использованных источников

1. Галавова Г.В., Шафикова А.В. Язык как средство трансляции культуры в процессе межкультурной коммуникации / Г.В. Галавова, А.В. Шафикова // Казанская наука. 2019. № 3. С. 79-81.

2. Михальченко В. Ю. Национальные языки в эпоху глобализации: языки России и Монголии // Вопросы филологии. 2010. № 2. С. 7-34.

3. Юсупова П.Д. Проблемы национальных языков в условиях глобализации и интенсивного развития научно-технического прогресса / П.Д. Юсупова // Избранные труды. -М., 2009. С.177-178.

4. Хайруллин М.Б. К вопросу развития национальных языков в условиях глобализации / М.Б.Хайруллин // Ученые записки казанского филиала «Российского государственного университета правосудия», Казанский филиал РГУП, 2017 г. С. 430-435.

УДК 81-23

ЯЗЫК И КОММУНИКАЦИЯ В СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Г. В. Галавова,

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры иностранного языка и языкознания

*Поволжская государственная академия физической культуры,
спорта и туризма, Казань*

Л. Р. Закирова,

старший преподаватель кафедры иностранного языка и языкознания,

*Поволжская государственная академия физической культуры,
спорта и туризма, Казань*

Аннотация. Статья рассматривает важность межкультурного диалога как части социальной и культурной коммуникации, которая дает возможность рассматривать область спорта в качестве составного компонента межкультурного взаимодействия, воплощенного в процессах спорта. Обществу нужны специалисты,

не только профессионально владеющие несколькими языками, но и способные гарантировать эффективность межкультурных и международных контактов во всех областях жизнедеятельности человека и общества в целом – экономической, политической, культурной и информационной. Специалист обязан быть хорошо оснащен не только лишь теориями, относящимися к области межкультурных отличий, должен обладать не только знаниями основ коммуникации между представителями различных культур, но и уметь вести информационную деятельность в различных отраслях, в том числе и в спорте.

Ключевые слова: язык, коммуникация, межкультурный диалог, социальная и культурная коммуникация, культура, спорт, поликультурное образовательное пространство.

Summary. The article considers the importance of intercultural dialogue as a part of social and cultural communication that gives an opportunity to consider sport as an integral component of intercultural cooperation embodied in sports processes. The society needs specialists who both speak several languages professionally and are able to ensure the effectiveness of intercultural and international contacts in all vital functions of people and society, generally in economical, political, cultural and informational fields. The specialist has to be fitted with not only theories related to intercultural differences and to have knowledges in communicational ground between representatives of different cultures but also to be competent in informational activity in various sectors including sport.

Key words: language, communication, intercultural dialogue, social and cultural communication, culture, sport, multicultural educational space.

В XXI веке делается все наиболее очевидным, что человечество формируется по пути расширения взаимозависимости и взаимосвязи различных стран, народов и их культур. Данный процесс охватил разные области общественной жизни всех стран мира. В ходе своей жизнедеятельности физическая культура вынуждена постоянно обращаться или к собственному прошлому, или к опыту других стран. Данное обращение к другим культурам приобрело название «взаимодействие культур». В данном взаимодействии неоспоримым фактом представляется общение культур на разных «языках», что содействует наиболее быстрому увеличению уровня в физической культуре [3, с. 38].

Цель и задачи: определить роль спорта как средство межкультурной коммуникации и изучение языков в спортивных ВУЗах. Обществу нужны специалисты, не только профессионально владеющие несколькими языками, но и способные гарантировать эффективность межкультурных и международных контактов во всех областях жизнедеятельности человека и общества в целом – экономической, политической, культурной и информационной. Специалист обязан быть хорошо оснащен не только лишь теориями, относящимися к области межкультурных отличий, должен обладать не только знаниями основ коммуникации между представителями различных культур, но и уметь вести информационную деятельность в различных отраслях, в том числе и в спорте [3, с. 39].

Спорт был, есть и будет одним из важнейших составляющих нашей культуры. Он занимает одно место рядом с нравственным развитием, государство отводит важную роль физическому воспитанию как одному из важных элементов развития личности, продвижения здорового образа жизни. Одной из отраслей экономики является спорт. Без преувеличения вес спорта велик в деле формирования имиджа страны, что делает его одним из важнейших средств межкультурных коммуникаций. Ежедневно тренерский состав сборных по различным видам спорта с самими спортсменами встречаются с такими же профессионалами из других стран. Проводятся соревнования между странами, обсуждаются контракты, проводятся встречи со спонсорами и т.д. Во всех этих мероприятиях без межъязыковой коммуникации просто не решить задачи [4].

Выезд на соревнования и сборы за рубеж, прием иностранных спортивных делегаций, личные контакты с представителями зарубежа могут сопровождаться так называемым культурным шоком. А ведь языковой барьер может повернуть ситуацию в плачевную сторону [5 с. 79].

Профессионально ориентированное обучение связано с определенными условиями, изучение иностранной спортивной терминологии, а также терминов из целого ряда дисциплин, без которых никак нельзя в этой отрасли жизнедеятельности. В настоящее время по различным составляющим уделяется ограниченное внимание.

Существует много определений понятия межкультурной коммуникации, но большинство из них далеки от того, чтобы допускать рассмотрение спорта в качестве средства развития межкультурной коммуникации. Зачастую «весь процесс межкультурной коммуникации сводят главным образом к языковому общению, что само по себе значительно уменьшает действительное поле межкультурной коммуникации... В самом общем виде межкультурной коммуникацией именуется взаимодействие индивидов, организаций или групп, которые принадлежат к разным культурам» [1].

Спортивные же мероприятия в значительной степени расширяют возможности межкультурной коммуникации. В качестве основного примера спорта как средства межкультурной коммуникации можно рассматривать историю Олимпийских игр. Если же применить олимпийскую схему к межкультурной коммуникации, получим следующее: представители разных стран встречаются между собой в определенном месте, им необходимо обменяться некой информацией или наладить общение, им необходимы некие средства (язык) для осуществления общения.

Межкультурное взаимодействие в спортивной области – это общение самих участников спортивно-физкультурных мероприятий (учащихся, спортсменов), а также представителей области спорта (тренеров, педагогов и др.). Развитие готовности к межкультурному взаимодействию в данном случае может рассматриваться как один из элементов компетентности, которая содержит обусловленный запас знаний, навыков и умений общения и межличностного взаимодействия с представителями других культур, а также нужные качества для их успешной реализации [2, с. 171].

Обучение фонетике, лексике и грамматике иностранного языка следует осуществлять, применяя коммуникативный подход. Профессионально-ориентированное обучение предполагает освоение специальной терминологии (спортивной). Здесь речь идет не только об истории спорта, хотя в практическом плане – это будет необходимо. Цели межкультурного общения бывают абсолютно различными. Спортсменам надлежит обратить внимание на обсуждение результатов выступления на состязаниях, методов спортивной подготовки. Основными направлениями формирования межкультурной коммуникации в сфере физической культуры выступают следующие:

1. Формирование поликультурного образовательного пространства в области спорта, в которой учащийся и педагог нацелены на диалогичность и толерантность в коммуникации межкультурной направленности;
2. Разработка и осуществление методического обеспечения формирования межкультурной компетентности обучающихся, развитие у них глубоких теоретических знаний в сфере коммуникации межкультурного характера;
3. Диагностика отношения учащихся к межкультурной коммуникации на ценностном уровне.

Таким образом, в современных условиях социально-экономического формирования общества стратегически значительное место занимает формирование и усовершенствование международного сотрудничества в области спорта и фи-

зической культуры. Важность межкультурного диалога как части социальной и культурной коммуникации дает возможность рассматривать область спорта в качестве составного компонента межкультурного взаимодействия, воплощенного в процессах спортизации. Поиск путей формирования и улучшения межкультурного диалога в данной области будет содействовать внедрению в Российской Федерации передовых зарубежных инновационных технологий и опыта, а также совершенствованию физкультурного движения в нашей стране и других странах.

Список использованных источников

1. Борисевич А.Н. Спорт как средство межкультурной коммуникации и изучение иностранного языка с спортивным УВО / А.Н. Борисевич. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.sportedu.by/bitstream/handle/123456789/350/мат.%20конф.Ч.2.%20с.134-136.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения 25.05.2019)

2. Бочарова С. Иностраный язык в спортивном вузе: профессиональный и личностный аспекты / С. Бочарова // Здоровье для всех. – 2015. С. 170-173

3. Гейдарова З.И., Унда С.И. Теория и практика межкультурной коммуникации в спорте / З.И. Гейдарова, С.И. Унда // Молодой ученый. – 2015. – №10.5. С. 38-38.

4. Латыпов, И. А. Спорт как средство межкультурной коммуникации: философский аспект / И. А. Латыпов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/17835> (дата обращения 25.05.2019)

5. Яворская А. А. О межкультурном взаимодействии в сфере физической культуры в Калининградской области / А.А. Яворская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2015. – Вып. 5. С.79-83.

УДК 811.111.8

COMPARATIVE TERMINOLOGY IN SPORTS (ON THE EXAMPLE OF BASKETBALL TERMS IN ENGLISH, RUSSIAN AND CHECHEN)

A. A. Dasovkhadzhieva,

Senior Lecturer, Department of Theory and Methods of Teaching English, Institute of Philology, History and Law, Chechen State Pedagogical University, Grozny

Summary. The article deals with basketball terms in English, Russian and Chechen, gives a comparative analysis of loan words. There are given examples of borrowed terms from the material of the republican newspapers. The relevance of studying the problem is determined by the fact that the language of sport is constantly evolving, and borrowing has a certain role in this process. In this article, a comparative method was used, which made it possible to compare the studied units in sports articles and the continuous sampling method.

Keywords: sports terminology, borrowing, anglicisms, basketball terms, language of sport, English.

Аннотация. В статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ баскетбольных терминов в английском, русском и чеченском языках. На материале республиканских газет приведены примеры заимствованных терминов. Актуальность изучения проблемы определяется тем, что язык спорта постоянно развивается, и в этом процессе определенная роль принадлежит заимствованиям. В данной статье использовался сравнительно-сопоставительный метод, который позволил сравнить исследуемые единицы в спортивных статьях и метод сплошной выборки, с помощью которого были отобраны лексические единицы в спортивных статьях.

Ключевые слова: спортивная терминология, заимствования, англицизмы, термины баскетбола, язык спорта, английский язык.

The lexical system of the Russian and Chechen languages is enriched by borrowing. The vocabulary of both languages includes many borrowed words from English. The process of borrowing English sports terminology by the Chechen language is indirect. At the same time, talking about the excessive “pollution” of the languages is, at least, incorrect, since each language has a certain protection system, and it does not allow the language to get lost and completely dissolve in another language. This idea is all the more important when we talk about those areas of life where priorities are in other culture, and therefore the primary nomination belongs to the language that is part of the country culture.

Sports terms of English origin are so integral to the modern Russian and Chechen language that their origin is not always felt (for example, тайм, старт, финиш, etc.).

It is known that terminology is a combination of terms of a certain branch of knowledge or production, as well as the doctrine of the formation, composition and functioning of terms.

As stated in Ozhegov’s explanatory dictionary, a term is a unit of a particular natural or artificial language (word, phrase, abbreviation, symbol, word combination), which, as a result of a spontaneously formed or special conscious collective agreement, has a special terminological meaning that can be expressed either in verbal form, or in one or another formalized form and accurately and fully reflects the main signs that are significant at a given level of development of science and technology, essential at this level of development of science and technology signs of the corresponding concept. Terms are special words, limited by their special meaning, expressing exact concepts [7, p. 795].

The main requirement for a term is its uniqueness. Terms exist not just in a language, but as a part of a certain terminology. Unlike ordinary words, the uniqueness of which in verbal communication is provided by a situation or a linguistic context, the term does not need a context.

At the end of the twentieth century, when it meant the socio-political and definite significance of the cultural superiority of the United States, the language became fixed in various degrees of use very quickly.

Another, no less important factor affecting the process of entering foreign language into the Russian language is, as L.P. Krysin notes, «... the tendency to establish a correspondence between the undivided nature of the object and the singleton of its name, that is, in other words, the tendency to replacing phrases with single-word names» [5]. It is for this reason that sports terminology is easily supplemented with new borrowings from the English language.

We are interested in the issue of English borrowing of sports terminology in Russian and Chechen languages on the example of basketball. Using the terms of basketball as an example, we prove that the rules characteristic of borrowing work here, since basketball is the most harmoniously developing sport today.

It is natural to assume that the terminology of this sport was originally English. Basketball has become extremely popular all over the world, the terms of this sport logically passed into other languages, significantly enriching them. Some of the main dynamic processes that characterize the development of the sports terminology of the modern Russian and Chechen languages include borrowing, intensive adaptation, activation and dearchization of English vocabulary, its derivation and expansion of functional and stylistic capabilities. Borrowing plays a leading role here.

Analysis of sports terms using basketball as an example allowed us to make an observation, the essence of which is language transformations, when a suffix, prefix, ending or other word is added to the original English basis of the word. Sometimes the English word is replaced by Russian slang:

Eng. center, Russian – *центральной*, Chechen – *юккьера ловзархо*

Eng. dead time, Russian – *мертвое время*, Chechen – *эран йоьду хан*

Eng. dead ball, Russian – *мертвый мяч*, Chechen – *схъалацалур йоцу буюрка*

Eng. fake throw, Russian – *ложный бросок*, Chechen – *тилкхаза кхоссар*

Eng. Olympic Basketball Tournament, Russian – *Олимпийский турнир по баскетболу*, Chechen – *баскетболан олимпийски турнир*

Eng. personal foul, Russian – *персональный фол*, Chechen – *шалерина фол*

Eng. tomahawk (top throw with a straight hand), Russian – *томагавк*, Chechen – *лакхахъахула кхоссар*. [1]

There are also many other names for various combinations, technical elements and game episodes:

crossover (an attack technique that involves moving one way from the defender, dragging him along, and quickly changing directions to the other side); *Russian* – *кроссовер*; *dribbling* (dribbling as in handball with the right to change hands), *Russian* – *дриблинг*; *foul* (violation of the rules), *Russian* – *фол*, *Chechen* – *фол, ловзаран бакъо талхор, глалат*;

lay up (a two-point shot in basketball, made from under the ring), *Russian* – *лейап*, *бросок в баскетболе, совершаемый из-под кольца*; *Chechen* – *лакхахъахула кхоссар*;

out (an indication of the location of the player or the ball outside the basketball court); *Russian* – *аут*, *Chechen* – *аут, дозанап арахе*;

slam dunk (a kind of basketball shot in which a player jumps up and throws the ball with one or two hands through the ring from top to bottom); *Russian* – *бросок сверху*, *Chechen* – *кхоссалуш кхоссар*.

Anglicisms *out, dribbling, dribbler, match, pass, referee, time, feint, foul, forward* and some others are borrowed in terms common to sports games, during the formation of Russian sports terminology and others have rooted in the Russian and Chechen languages and it is difficult to distinguish them from the original terms.

Analysis of materials of republican newspapers and match reportage gives many examples of borrowed vocabulary, for example:

«Спорткомитет столичной мэрии провел первенство по баскетболу, в финальном этапе которого соревновались четыре команды, занявшие первые места в своих районах» [4].

«Больницехь теннисан, волейболан, баскетболан майданаиш йина евла ала мегар долуш ю» [3].

«В матче с тбилисским «Динамо» его пытался прессинговать грузинский игрок Абашидзе» [2].

«...он продемонстрировал умение владеть мячом, прекрасную игру головой, координацию обманных движений, великолепные финты» [6].

English sports vocabulary is borrowed by Russian, and through it by the Chechen language. Sports anglicisms have become part of the languages, they are understandable to sportsmen, do not cause difficulties in pronunciation. Many of them got used to it that it is difficult to replace them with combinations of words from their native language. These terms can be recognized by their signs, as they pass phonetic and morphological lexical development.

The fact that basketball terms borrowed from English are widely used reflect the current trend towards harmonization of the Russian and Chechen basketball term systems, which is stimulated by the intensification of communicative contacts between players, specialists, journalists and NBA professionals.

REFERENCES

1. Aslakhonov S. A. M. Russian - Chechen dictionary of sports terms and phrases / Aslakhonov S. A. Makhachkala: ALEF (IP Ovchinnikov M.A.). 336 p.

2. Avturinsky V. The Giant of Basketball // Newspaper Daimokhk [Electronic resource] – Mode of access: URL: <http://vesti95.ru/2016/08/velikan-basketbola> (accessed 07.01.2020).

3. Bakhtayeva Kh. «Svetlyachok» lagerekh' beriyn chlogla samuk»adolu // Newspaper Daymohk // [Electronic resource] – Mode of access: URL: <http://daymohk-gazet.ru/archives/19153> (accessed 08.01.2020)

4. Bazurkayeva Z. Champions in basketball // Newspaper Vesti Respubliki [Electronic resource] – Mode of access: URL: <http://vesti95.ru/2017/04/chempiony-v-basketbole> (accessed 07.01.2020).

5. Krysin L.P. Explanatory dictionary of foreign words [Electronic resource] – Mode of access: URL: <https://slovari.yandex.ru/> (accessed 07.01.2020).

6. Lorsanukayev U. How it all began. The history of republican football // Newspaper Vesti Respubliki [Electronic resource] – Mode of access: URL: <http://vesti95.ru/2016/08/kak-vse-nachinalos-istoriya-respublik/> (accessed 08.01.2020)

7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. –M.: Azbukovnik, 1999. 944 p.

УДК 811.111.373.4

ТИПОЛОГИЯ ПРЕДМЕТНЫХ БЫТОВИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «ПОЛОТЕНЦЕ»)

Н. В. Дронякина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания, Институт филологии, истории и искусств, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте, Ялта

Аннотация. Статья направлена изучение лексико-семантических особенностей предметных бытовизмов английского языка. В работе номинативный процесс рассматривается в связи с понятием «картина мира». Определены принципы номинации предметных бытовизмов английского языка, разработана их классификация. Описание внутренней формы лексических единиц, номинирующих полотенце, позволило вычленить принципы, по которым предметы быта получили свои наименования. Выявленные принципы номинации полотенца в английском языке, внутренняя форма предметных бытовизмов позволила реконструировать фрагмент языковой картины мира англоязычного народа, раскрыть особенности восприятия им окружающего мира.

Ключевые слова: картина мира, принцип номинации, лексическая единица, лексема, наименование.

Summary. The article is aimed at studying the lexical and semantic features of English names of household items. In this paper the nominative process is considered in connection with the concept «picture of the world». The principles of the nomination of English names of household items are defined, and their classification is developed. The description of the inner form of lexical units denoting towels enabled to identify the principles by which household items received their names. The revealed principles of nomination of towels in the English language, the inner form of the names denoting household items enabled to reconstruct a fragment of the language picture of the world of the English-speaking people, to reveal the specific features of their perception of the world.

Key words: world picture, principles of nomination, lexical unit, lexeme, name.

Актуальность исследования обусловлена общей направленностью лингвистических работ, нацеленных на выявление принципов и способов номинации предметов и явлений в языке (А. В. Берестнева, В. К. Сквиря, С. С. Шумбасова [1; 4; 5] и др.).

Объектом исследования являются наименования полотенец в английском языке, а предметом – принципы номинации полотенец в английском языке. Цель исследования – выявить принципы номинирования полотенец в английском языке. Задачи исследования: 1) охарактеризовать понятия «картина мира», «языковая картина мира»; 2) выявить особенности номинирования полотенец в английском языке, отображающих специфику восприятия мира народа. Методы исследования: тезаурусный анализ, этимологический анализ, лексико-семантический анализ.

Язык народа характеризуется своим способом членения мира – его концептуализации. Поэтому любой язык отражает уникальную картину мира, влияющую на структурирование содержания высказывания языковой личности. Именно в языке зафиксировано особое восприятие мира отдельного народа.

Познание и отражение объективного мира в сознании человека происходит в значительной степени посредством языка. Те или иные наименования предметов отражают отношение человека к явлению, к этому самому предмету, его значимости в жизни, и тем самым определяя место данного явления в общей «картине мира».

Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность таких знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется то как «языковой промежуточный мир», то как «языковая репрезентация мира», то как «языковая модель мира», то как «языковая картина мира».

Понятие «картины мира» (языковой, в частности) строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке [3, с. 64–66]. Таким образом, представители когнитивной лингвистики справедливо утверждают, что наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним.

Между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения [2, с. 271]. На ее формирование влияют язык, традиции, природа и ландшафт, воспитание, обучение и другие социальные факторы. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка.

Уникальность восприятия мира отчетливо видна на лексическом уровне при рассмотрении особенностей номинации предметов. Наше исследование посвящено изучению специфики фрагмента языковой картины мира на примере лексических единиц английского языка, обозначающих предмет гигиены («полотенце»).

В английском языке понятие «простое изделие, обычно предназначенное для высушивания или вытирания чего-либо» выражено несколькими лексическими единицами *towel*, *wiper*, *jack-towel*, которые образуют синонимический ряд, где лексема *towel* выступает синонимической доминантой со значением «полотенце, гигиенический женский пакет». Лексема *wiper* (*wipe* букв. «вытирать» + субстантивный суффикс со значением предмета *-er*) имеет более узкое значение: 1) техн. (авт.) «стеклоочиститель», «дворник»; 2) «приспособление для чистки»; 3) «полотенце». Лексема *jack-towel* служит для обозначения полотенца общего пользования, закрепленного на ролике. Отметим, что рассматриваемая лексема-ком-

позит имеет немотивированное значение, обусловленное морфемой *jack*, которая выступает нарицательным существительным, что свидетельствует об антропонимическом принципе номинации предмета гигиены. Путем применения этимологического анализа морфемы *jack* мы приходим к некоторым заключениям касательно его исходного значения. Существительное *jack-towel* с современным его значением впервые фиксируется в письменных источниках в 1795 г. [8]. Морфема *jack* происходит от мужского антропонима *Jack*, который в конце XIV в. перешел в разряд имени нарицательного со значениями 1) «механическое устройство»; 2) фамильярное обращение к любому человеку (особенно низкого социального класса). Исходя из приведенных выше этимологического значения морфемы *jack*, заключим, что лексема *jack-towel* отражает следующее культурное представление народа о предмете гигиены – полотенце на механическом устройстве, предназначенное для любого человека.

Тезаурусный и семантический анализ 31 английского словосочетания со значением «полотенце» позволил нам выделить 9 принципов их номинации.

I. Антропоморфные номинации (4 ед.):

1. Номинации, содержащие компонент «часть тела человека», указывающие, для какой части тела предназначен предмет быта: *face towel* (*face* – «лицо», *towel* – «полотенце») / *face-cloth* (*face* – «лицо», *cloth* – «материя») – личное полотенце; *hand towel* (*hand* – «рука») – полотенце для рук.

2. Номинации, связанные с деятельностью человека: *trick towel* (возможно от *trick* сущ. «ремесло проститутки», «клиент проститутки» или *trick* прилаг. «используемый для показа фокусов или выполнения трюков») – полотенце для подтирания после совокупления.

II. Предметные номинации (6 ед.):

1. Номинации, содержащие наименование кухонной утвари: *dish cloth* (*dish* – «посуда», *cloth* – «материя») – столовое полотенце, кухонное полотенце; *dish-cloth* / *dish clout* (*dish* – «посуда», *clout* – арх. «лоскут», «тряпка», «заплата») – тряпка для мытья посуды, кухонное полотенце; *dish towel* – кухонное полотенце; *knife cloth* (*knife* – «нож») – полотенце для обтирки ножей;

2. Номинации, содержащие название предмета обихода: *bath-towel* (*bath* – «ванна», *towel* – «полотенце») – купальное полотенце, большое махровое полотенце.

III. Геометрические номинации (2 ед.), отражающие форму предмета: *round towel* (*round* – «круглый») – полотенце на ролике; *roller towel* (*roller* – «роллер», «роликовый») – полотенце общего пользования, бумажное полотенце в рулоне.

IV. Номинации, содержащие семантические компоненты «материал изготовления», «техника изготовления» (11 ед.): *linen towel* (*linen* – «льняное полотно», «холст», «белье») – льняное полотенце; *glass-cloth* (*glass* – «стекло», *cloth* – «полотно», «ткань») – ткань из стеклянной пряжи, стеклянная бумага, чайное полотенце; *paper towel* (*paper* – «бумага») – бумажное полотенце; *flannel towel* (*flannel* – «фланель», «фланелевый») – фланелевое полотенце; *toilet linen* (*toilet* – «туалетный», *linen* – «льняное полотно», «холст», «белье») – льняной полотенецный холст, льняное полотенце; *terry cloth* (AmE) / *terry towel* (BrE) (*terry* – «вытяжной ворс», «плюшевое переплетение») – махровое полотенце; *huckaback towel* (*huckaback* – «льняное или бумажное полотно») – суровое полотенце; *dobby-woven towel* – полотенце, изготовленное на кареточном ткацком станке; *double-loop towel* (*double-loop* – «двойная петля») – полотенце махровое с двойными петлями, двустороннее махровое полотенце; *single-loop towel* (*single-loop* – «одна петля») – махровое полотенце с простыми петлями, одностороннее махровое полотенце.

V. Номинации, отражающие восприятие на ощупь (1 ед.): *harsh towel* (*harsh* – «суровый», «жесткий») – грубое /суровое/ полотенце.

VI. Гастрономическая номинация (1 ед.): waffle towel – вафельное полотенце.

VII. Топонимическая номинация (1 ед.): Turkish towel (Turkish – «турецкий») – махровое, мохнатое полотенце

VIII. Номинации, выражающие качество, состояние, срок службы предмета (3 ед.): clean towel – чистое полотенце; used towel – использованное полотенце; disposable paper towel (disposable – «одноразового употребления», paper – «бумага») – бумажное полотенце одноразового пользования

IX. Номинации, отражающие декор предмета (2 ед.): fancy towel (fancy – «орнаментальный», «украшенный») – рисунчатое полотенце; huck towel (huck – «рядиться») – полотенце с мелкоузорчатым переплетением, мелкоузорчатое полотенце.

Таким образом, спецификой типологического характера в наименованиях полотенец является разнообразие принципов номинации и ярко выраженный их «модельный» ряд. Для модельного ряда рассмотренных примеров характерен контаминированный способ (слова-композиции) и словосочетания (двух, реже трехкомпонентного состава). В результате исследования определены продуктивные мотивированные признаки, лежащие в основе номинации предмета быта (полотенца). К числу таких относим признаки «материал изготовления», «техника изготовления», «наименование кухонной утвари».

Список использованных источников

1. Берестнева А. В. Языковые тенденции в выборе мотивирующих признаков в процессе номинации экзотических растений (на материале фитонимов русского и английского языков) / А. В. Берестнева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – № 40. С. 357–359.

2. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. 356 с.

3. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. 208 с.

4. Сквиря В. К. Понятие, виды и способы номинации политической лексики в английском языке / В. К. Сквиря // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 4 (295). – Вып. 75. С. 97–101.

5. Шумбасова С. С. Английские флоронимы: способы номинации и классификации / С. С. Шумбасова // Rhema = Рема. – 2011. – № 3. С. 104 – 114.

6. Англо-русский словарь WoordHunt [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://woordhunt.ru/dic/content/en_ru (дата обращения: 04.12.2019).

7. Англо-русские словари [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.languages-study.com/english-russian.html> (дата обращения: 04.12.2019).

8. Online Etymology Dictionary [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 03.12.2019).

УДК 81'246.2'276.6'373.46/611

ОСОБЕННОСТИ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕРМИНОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ПОЧВЕННОЙ МИКРОБИОЛОГИИ В АНГЛИЙСКОМ, УКРАИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ПРИЗНАКОВАЯ ЗОНА

М. В. Кислухина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №2,

Институт иностранной филологии (СП),

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье представлены результаты анализа ономазиологической структуры английских, украинских и русских терминов сельскохозяйственной и

почвенной микробиологии и, в частности, признаковой зоны. В ходе исследования были установлены и описаны наиболее релевантные признаки данного подъязыка, такие как обобщенные признаки, признаки внешнего вида, локативные признаки и т.д. Основные результаты были получены путем применения методов сплошной выборки, количественного анализа, а также ономаσιологического анализа терминов.

Ключевые слова: ономаσιология, ономаσιологическая модель, ономаσιологический признак, термин, терминосистема.

Summary. The article is devoted to the investigation of onomasiological structure of agricultural and soil microbiology terminology on the base of the English, Ukrainian and Russian languages and onomasiological features, in particular. In our paper we have marked and described onomasiological features such as location, estimation, outward appearance, etc. We used such methods as the method of entire selection, the method of quantitative analysis and onomasiological analysis.

Key words: onomasiology, onomasiological model, onomasiological feature, term, terminological system.

В современном языкознании теория номинации является одной из наиболее важных и интересных областей исследования, в рамках которой существует круг вопросов, связанных с анализом наименований в сфере специальной лексики. Необходимо подчеркнуть, что специальные единицы образуются на основе общеупотребительного языка, и, следовательно, в соответствии с едиными, общезыковыми принципами номинации. В силу того, что специальные единицы образуются с определенной целью для отдельной, узкой сферы употребления и обусловлены ограниченным набором отображаемых понятий, номинацию этих единиц следует рассматривать как разновидность общезыковой номинации, которая отличается своими специфическими, отдельными характеристиками.

Цель данной статьи: исследовать ономаσιологические признаки терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии в английском, украинском и русском языках.

Поставленная цель обусловила конкретные **задачи:**

- выявить ономаσιологические признаки в ономаσιологической модели терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии в английском, украинском и русском языках;

- описать признаки терминов в исследуемом подъязыке науки в английском, украинском и русском языках, определить наиболее характерные признаки.

Для достижения поставленной цели использовались следующие методы: метод сплошной выборки и метод количественного анализа для получения количественных характеристик терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии и отбора их для исследования, а также ономаσιологический анализ терминов, который непосредственно связывает языковую единицу с миром действительности.

Многие исследователи зарубежной и отечественной лингвистики рассматривают проблемы номинации в терминологии. К таким работам можно отнести исследования следующих авторов: Е.В. Кузнецовой [5], Т.М. Курушкиной [6], М. Михалевиц [7], Н.И. Панасенко [9], В.И. Теркулова [11], Т.А. Трафименковой [12], А.Г. Садыковой, Р.Р. Мингазовой [10], D. Lančarič [13] и др.

Термины сельскохозяйственной и почвенной микробиологии образуют отдельную лексико-семантическую группу и могут быть проанализированы с разных точек зрения. Мы провели словообразовательный, семантический, ономаσιологический и когнитивный анализ терминов на материале английского, украинского и русского языков. В данной статье мы останавливаемся более под-

робно на ономаσιологическом анализе специальной лексики на основе тернарной модели Е.С. Кубряковой, которая включает ономаσιологический базис, ономаσιологический признак и предикат-связку [4, с. 136].

В современной лингвистической литературе существуют несколько классификаций признаков. Например, Ю.И. Евтушевский предлагает следующую классификацию: обозначение формы, размера, физического свойства, материала, цвета, психофизиологического качества (слепой, больной), обобщенных признаков (обыкновенный, свободный), пространственного расположения, оценки и ряд других признаков [2, с. 115].

Н.И. Панасенко, исследовав фитонимическую лексику, выделила признаки внешнего вида, локативные, темпоральные, оценочные, посессивные, эмоционально-экспрессивные, также была выделена группа признаков, которая включает предупреждение об опасных свойствах растений, отрицательных и положительных последствиях их применения [9, с. 75].

Мы выделяем следующие признаки: внешнего вида, признаки, обозначающие место возникновения, произрастания или распространения (например, бактерий, микроорганизмов, растений), оценочные, эмоционально-экспрессивные, признаки, предупреждающие об опасных свойствах микроорганизмов, растений, а также признаки, характеризующие принадлежность к предмету, входящие в разнообразные группы. Необходимо отметить, что признаковая зона терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии может быть охарактеризована как структурно, так и содержательно. С точки зрения структуры мы выделили разное построение обозначения признаков в разных моделях терминов исследуемого подъязыка (например, двух- и трёхкомпонентных). Подчеркнём, что особого внимания заслуживают производные термины, поскольку в них прослеживаются специфические правила соединения означаемого и означающего [9, с. 73].

Мы считаем, что наиболее интересны несколькословные номинации. В двухкомпонентной модели, которая состоит из одного базиса и одного признака, признак может образоваться за счёт простых атрибутивных слов, например, прилагательного, причастия, также может образовываться и за счёт отношения к другим объектам [3, с. 60].

Говоря о структуре, отмечаем, что признаком может быть прилагательное (простое – англ. *young roots*; укр. *рожеві бульбочки*; русск. *строгие анаэробы*), производным (англ. *adhering soil*; укр. *вірулентний штам*; русск. *глубинное культивирование*), сложным (англ. *beef-extract agar*, *salt-tolerant bacterium*; укр. *спороутворювальні бактерії*; русск. *эколого-трофические группы*); существительное (англ. *been dwarf*, *cell envelope*; укр. *бактеризація розсади*; русск. *бляшки вирусов*); глагол (англ. *gain productivity*; укр. *пригнічувати бульбочкоутворення*); причастие (англ. *infertilized plot*; русск. *свободноживущие анаэробы*).

Также необходимо отметить, что ономаσιологический признак представлен разным количеством элементов (отмечено от 1 до 4) и отличается особой разнородностью: англ. *nitrifying bacterium* (П+Б); укр. *картопляний агар* (П+Б); русск. *лучистые грибки (актиномицеты)* (П+Б), укр. *темно-сірий опідзолений легкосуглинковий ґрунт* (П+П+П+Б); русск. *активный искусственный иммунитет* (П+П+Б).

Многие исследователи зарубежной и отечественной лингвистики рассматривают проблемы номинации в терминологии. К таким работам можно отнести исследования следующих авторов: Е.В. Кузнецовой [5], Т.М. Курушкиной [6], М. Михалевич [7], Н.И. Панасенко [9], В.И. Теркулова [11], Т.А. Трофименковой [12], А.Г. Садыковой, Р.Р. Мингазовой [10], D. Lancaric [13] и др.

Термины сельскохозяйственной и почвенной микробиологии образуют отдельную лексико-семантическую группу и могут быть проанализированы с раз-

ных точек зрения. Мы провели словообразовательный, семантический, ономастический и когнитивный анализ терминов на материале английского, украинского и русского языков. В данной статье мы останавливаемся более подробно на ономастиологическом анализе специальной лексики на основе тернарной модели Е.С. Кубряковой, которая включает ономастиологический базис, ономастиологический признак и предикат-связку [4, с. 136].

В современной лингвистической литературе существуют несколько классификаций признаков. Например, Ю.И. Евтушевский предлагает следующую классификацию: обозначение формы, размера, физического свойства, материала, цвета, психофизиологического качества (слепой, больной), обобщенных признаков (обыкновенный, свободный), пространственного расположения, оценки и ряд других признаков [2, с. 115].

Н.И. Панасенко, исследовав фитонимическую лексику, выделила признаки внешнего вида, локативные, темпоральные, оценочные, поссессивные, эмоционально-экспрессивные, также была выделена группа признаков, которая включает предупреждение об опасных свойствах растений, отрицательных и положительных последствиях их применения [9, с. 75].

Мы выделяем следующие признаки: внешнего вида, признаки, обозначающие место возникновения, произростания (например, бактерий, микроорганизмов, растений), оценочные, эмоционально-экспрессивные, признаки, предупреждающие об опасных свойствах микроорганизмов, растений, а также признаки, характеризующие принадлежность к предмету, входящие в разнообразные группы. Необходимо отметить, что признаковая зона терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии может быть охарактеризована как структурно. так и содержательно. С точки зрения структуры мы выделили разное построение обозначения признаков в разных моделях терминов исследуемого подъязыка (например, двух- и трехкомпонентных). Подчеркнем, что особого внимания заслуживают производные термины, поскольку в них прослеживаются специфические правила соединения означаемого и означающего [9, с. 73].

Мы считаем, что наиболее интересны несколькословные номинации. В двухкомпонентной модели, которая состоит из одного базиса и одного признака, признак может образоваться за счет простых атрибутивных слов, например, прилагательного, причастия, также может образовываться и за счет отношения к другим объектам [3, с. 60].

Говоря о структуре, отмечаем, что признаком может быть прилагательное (простое-англ. young roots; укр. рожеві бульбочки; строгие анаэробы), производным (англ. adhering soil; укр. вірулентний штамп; русск. глубинное культивирование), сложным (англ. beef-extract agar, salt-tolerant bacterium; укр. споруотворювальні бактерії; русск. эколого-трофические группы); существительное (англ. been dwarf, cell envelope; укр. бактеризація розсади; русск. бляшки вирусов); глагол (англ. gain productivity; укр. пригнічувати бульбочкоутворення); причастие (англ. infertilized plot; русск. свободноживущие анаэробы).

Также необходимо отметить, что ономастиологический признак представлен разным количеством элементов (отмечено от 1 до 4) и отличается особой разнообразностью: англ. nitrifying bacterium (П+Б); укр. картопляний агар (П+Б); русск. лучистые грибки (актиномиценты) (П+Б), укр. темно-сірий опідзолений легкосуглинковий ґрунт (П+П+П+Б); русск. активный искусственный иммунитет (П+П+Б).

Итак, принимая во внимание известные нам классификации признаков и результаты ономастиологического исследования терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии, мы выделяем следующие группы признаков: обобщенные признаки; признаки внешнего вида, которые включают признаки, опре-

деляющие собственно внешний вид, размер, признак цвета; признаки оценки; локативные признаки; признаки принадлежности, психофизиологического свойства, темпоральные признаки, признаки предупреждения об опасных свойствах микроорганизма, насекомого, смешанные признаки.

Рассмотрим выделенные признаки более подробно. Обобщенные признаки не являются частотными, но они также отмечены в терминологии сельскохозяйственной и почвенной микробиологии, например, англ. *free water, bound water, potable water* (питьевая вода); русск. *свободноживущие diaзотрофы, нормальная микрофлора*.

Признаки внешнего вида подразделяются на признаки, определяющие собственно внешний вид, размер, признак цвета.

Начнем с признаков, определяющих собственно внешний вид: англ. *bean bush*; укр. *квасоля кущова*; русск. *фасоль кустовая*; англ. *bean climbing*; укр. *квасоля в'юнка*; русск. *фасоль вьющаяся*; англ. *bean dwarf*; укр. *квасоля карликова*; русск. *фасоль карликовая*.

Признаки, определяющие размер, выделены как в английском, так и в украинском и русском языках. В основном исследуемая лексика представляет собой сложные термины, образованные с помощью греческих и латинских терминологических элементов. Например, англ. *macrofauna, macromolecules, macroscopic, microbiology, microbiota, micromycetes, microorganism, tubercle* (мелкий клубенёк на корнях бобовых); укр. *мікроскопічний аналіз (коренів), миша-крихітка, мікробіолог, мікроскопія*; русск. *микробиолог, микрофлора*.

Признаки, характеризующие цвет. Этот признак наряду с другими признаками входит в основные семантические категории, которые очень важны для человека в его когнитивной деятельности. Для наглядности приводим следующие примеры: англ. *greenhouse gas* (диоксид углерода, вызывающий парниковый эффект; газ, который повышает температуру атмосферы земли), *purple sulphur-oxidizing bacteria* (пурпурные серо-кислые бактерии). Этот признак также представлен в украинском и русском языках. Например, укр. *білок, білі бульбочки, рожеві бульбочки, жовтяниця, зелена маса, зелений пігмент, світло-коричневі колонії, темно-коричневі колонії, червоні блискучі колонії, червона конюшина, люпин жовтий, метелик білий, полівка сіра, чорнозем*; русск. *синезеленые водоросли, золотистый стафилокок*.

Необходимо отметить, что оценочные признаки образуют особое функционально-семантическое поле. По мнению Е. М. Вольф, оценка «является универсальной категорией: вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление о понятии «хорошо/ плохо» [1, с. 9].

Вслед за Н. И. Панасенко мы выделяем обще- и частнооценочные признаки [9, с. 100]. Например, к первой группе мы относим термины, содержащие признаки положительной и отрицательной оценки: русск. *строгие аэробы, негативные колонии*.

Частнооценочные признаки наиболее характерны для данного подъязыка, поскольку значительное количество терминов обозначает вещество и процесс, а также физические и химические свойства, полезные свойства, сходство с другим объектом, изменение состояния вещества, функциональное предназначение. Например, признаки физического, химического свойства: англ. *adhering soil, fatty acid, acid medium, beef-extract agar, etc.*; укр. *молекулярний азот, біодобриво, біотехнологічне виробництво, витяжка біогумусу, гетеротрофні аеробні бактерії* и т.д.; русск. *агаропектин, автотрофные микроорганизмы, автохтонные микроорганизмы* и т.д. Такие примеры, как англ. *carnivorous plant* (укр. *плотоядний*, русск. *плотоядный*); укр. *листогризуча гусениця, цукровий буряк* отражают признак функционального предназначения.

Локативные признаки обозначают место произрастания растения или обитания микроорганизмов. Приводим следующие примеры: англ. *above ground plant*

parts, boreal forest, grassland, groundwater, laimosphere, standing vegetation; укр. *вищестоячі гени, торф'яник, торф'яне болото, козлятник східний* и т.д.; русск. *вышестоящие гены, торфяник, торфяное болото*.

Далее мы остановимся на темпоральных признаках. Они низкочастотны и делятся на два подраздела: темпоральность, то есть, например, время года и второй аспектуальность, например, фазы развития растения, микроорганизма. Например, англ. *spring wheat, winter wheat*; укр. *озимий ячмінь, озима пшениця, озиме жито*; русск. *озимая пшеница, первичный мутант*.

Посессивные признаки также отмечены в исследуемом подязыке. Эти признаки связаны с лицом реальным или мифическим и существом реальным или мифическим. Для обозначения отношения посессивности в английском языке используется конструкция N + N. В нашем материале эта конструкция встречается в нескольких словных номинациях. Например, англ. *Petry dish*; укр. *воронка Бюхнера*. Отторжимые признаки в данных примерах принадлежат лицу, базисы – артефакты. Мы приведем больше примеров: англ. *horse bean, daughter cell, mother cell*; укр. *козья рута*; русск. *бляшки вирусов, русские бобы*. Как мы видим, отторжимые признаки могут принадлежать и животным: англ. *horse bean* (конский боб); укр. *козья рута*, базисы – растения. Если части тела входят естественно в эту категорию, то это означает, что данные признаки могут рассматриваться как неотторжимые. Например, англ. *daughter cell, mother cell*: базис – живой организм, признак – лицо.

Что касается признаков психофизиологического характера, то они обозначают заболевание, состояние, которое приводит к заболеванию человека, животного, растения. Это следующие термины: англ. *sick soil, soil sickness*; укр. *злякісна пухлина, інфекційна хвороба*; русск. *инфекционный процесс, воспалительный процесс*, и т.д. Присутствуют во всех исследованных языках.

Признаки предупреждения об опасных свойствах микроорганизмов, насекомых тесно связаны с признаками оценки. Н. И. Панасенко отмечает, что «оценочные категории влекут за собой появление категорий эмотивных или эмоционально-экспрессивных, в основе которых лежит сопоставление двух растений или предметов на основе разнообразных отношений, существующих между ними, в которых выражаются чувства, мысли человека, его субъективное отношение к данному объекту» [9, с. 114]. На примере терминологии сельскохозяйственной и почвенной микробиологии такая специфическая оценка заключается в отделении нормы от аномалии, полезных микроорганизмов, растений, веществ, процессов от тех, которые наносят вред человеку, урожаю, другим микроорганизмам, растениям, почве и т. д. Например, англ. *putrefactive anaerob* (анаэроб гнилостный), *antagonism, antagonist, parasite, pathogenic bacterium, baneful bacteroid*; укр. *згубний, шкідливий*; русск. *зубительный, вредный, патогенные микробы-комменсалы*.

Необходимо подчеркнуть, что смешанные признаки представляют более детально характеристику термина. Например, англ. *alluvial grassland* (*alluvial* – отложения постоянных и временных водных потоков (рек, ручьев), состоящие из обломочного материала различной степени окатанности и сортировки (галечник, гравий, песок, суглинок, глина) (материал + локатив), *monoclonal antibody* (количество + физические свойства), *biological soil activity* (физические свойства + локатив + оценка); укр. *польова азотфіксуєча активність* (грунту) (локатив + физические свойства), *агресивні місцеві бактерії* (признак предупреждение об опасных свойствах + локатив); русск. *восьмипольный севооборот* (количество + обобщенные свойства), *почвоутомление* (локатив + психофизиологические свойства), *острое инфекционное заболевание* (форма + предупреждение об опасных свойствах + психофизиологическое свойство), *экологически чистый связанный азот* (вещество + физические свойства + оценка + обобщенные свойства).

Выводы.

Характеризуя признаки в тернарной модели терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии, мы выделяем наиболее релевантные для всех трех отобранных языков: обобщенные признаки, признаки внешнего вида, которые включают признаки, определяющие собственно внешний вид, признаки размера, цвета, оценки и частнооценочные признаки, локативные признаки, темпоральные признаки, признаки принадлежности, признаки психофизиологического характера, опасные свойства, смешанные признаки.

Выделенные и описанные типы признаков в ономаσιологической модели терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии приведут в дальнейшем к когнитивному анализу данного подъязыка в английском, украинском и русском языках.

Список использованных источников

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 180 с.

2. Евтушевский Ю. И. Номинативные свойства сложных образований со структурами AN и NN в современном английском языке (опыт сопоставительного описания систем вторичной номинации): дис. канд. филол. наук. Пятигорск, 1985. 207 с.

3. Кислухина М. В. Ономаσιологическая структура терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии (на материале английского, украинского и русского языков) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Симферополь. – Т. 27 (66). – N 2. – 2014. С. 57–63.

4. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 160 с.

5. Кузнецова Е. В. Международные наименования цветковых растений в аспекте номенклатурной номинации : автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Саратов, 2004 [Электронный ресурс] – <http://docplayer.ru/59656224-Kuznecova-elena-valerevna-mezhdunarodnye-naimenovaniya-cvetkovyh-rasteniy-v-aspekte-nomenklaturnoy-nominacii.html> (дата обращения 19.12. 2019).

6. Курушкіна Т. Особливості ономасіологічної структури англійських кулінарнімів // Наукові записки. – Випуск 13. – Серія: Філологічна. – Острог, 2010. С. 372–377.

7. Михалевич М. Нумеральный ономаσιологический признак в структуре английских и русских композитных предметных наименований [Электронный ресурс] – <http://elib.bspu.by/bitstream/doc/2648/1/Михалевич%20М.М.НУМЕРАЛЬНЫЙ%20ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ%20ПРИЗНАК%20В%20СТРУКТУРЕ%20АНГЛИЙСКИХ%20И%20РУССКИХ%20КОМПОЗИТНЫХ%20ПРЕДМЕТНЫХ%20НАИМЕНОВАНИЙ.pdf> (дата обращения 19.12.2019)

8. Олещенко Ю. Р. Основные когнитивно-ономаσιологические модели суффиксальных терминов материаловедения [Электронный ресурс] – <http://movoznavstvo.com.ua/download/pdf/2008/40.pdf> (дата обращения 25.01.2019).

9. Панасенко Н. И. Фитонимическая лексика в системе романских, германских и славянских языков (опыт ономаσιологического и когнитивного анализа). – Черкасы : Брама – Украина, 2010. 451 с.

10. Садыкова А. Г., Мингазова Р. Р. Ономаσιологические модели композитных фитонимов во французском, английском и татарском языках [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 3-2. – С. 436–439. – <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33655> (дата обращения 20.12.2019).

11. Теркулов В. И. Ономаσιологические модели композитов-обозначений объединений людей в русском языке [Электронный ресурс] – <http://litmisto.org>.

ua/?p=8247 (дата обращения 20.01.2019).

12. Трафименкова Т. А. Терминология болезней как объект ономаσιологического, семантико-парадигматического и лексикографического исследования : автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Орел, 2008 [Электронный ресурс] – <http://textarchive.ru/c-2319917-pall.html> (дата обращения 19.12.2019)

13. Lančarič D. Essentials of Linguistics. – 1. vyd. – Bratislava : Z-F LINGUA, 2012. 120 s.

УДК 81'37

ХАРАКТЕР СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ СЛОЖНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Н. А. Князева,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

А. В. Рейнова,

*обучающаяся 2 курса, Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В центре исследования находится проблема семантической трактовки словообразовательных моделей английских сложносоставных прилагательных через раскрытие закономерностей формирования их словообразовательного значения.

Ключевые слова: прилагательное, сложносоставное, словообразование, модель, значение.

Summary. The research is focused on the problem of semantic analysis of word-forming models of English compound adjectives. The objective is to reveal factors motivating development of word-forming meaning embedded in their structure.

Key words: adjective, compound, word-formation, model, meaning.

Функциональная предназначенность английского прилагательного заключается в выражении признаковой конкретизации предметного значения, что проявляется в разнообразии его словообразовательных моделей. Интерес представляют сложносоставные прилагательные, выражающие различные оттенки признака предметного качества: must-haveing thing, soul-stirring music, rip-off price, sweet-scented flower, the-better-than-anticipated results, horror-stricken crowd, squeaky-clean looks, gun-related crime, decision-making responsibility, out-of-the town visitors, on-budget expenditure. Следует отметить наличие оценочных и экспрессивных моделей с ярко выраженной эмоциональной оценочностью: puffed-up conviction, nerve-racking challenge, icy cold face, spine-spilling film, top-class views, high-powered image, ever-changing needs, debt-ridden mothers, glassy-eyed intensity, medical-looking marble.

Актуальность темы исследования обусловлена неоднозначностью семантической трактовки словообразовательных моделей английских сложносоставных прилагательных, что требует более детального рассмотрения факторов, влияющих на выразительность словесной структуры, состоящей из нескольких корневых основ. Спорным является вопрос о статусе семантических новообразований,

т.е. приводят ли семантические изменения к образованию самостоятельных слов или их следует рассматривать как носители новых значений уже существующих словесных единиц. **Цель** исследования – раскрытие закономерностей формирования словообразовательного значения сложносоставного прилагательного. Поставленные в этом контексте **проблемы** ориентированы на выявление семантических связей между конституирующими элементами с возможными семантическими сдвигами, принимая во внимание лексико-семантический разряд самого прилагательного и сочетаемого существительного на фразовом уровне, а также степень стилевой закрепленности. **Объектом** исследования послужили сложносоставные прилагательные, отбор которых производился из двуязычных словарей, а также текстовых фрагментов из академических курсов английского языка издания Oxford University Press, Macmillan, Longman, Express Publishing. **Предметом** исследования является специфика словообразовательного значения английских сложносоставных прилагательных, а также факторы, влияющие на природу их мотивированности для выражения инвариантного значения признака предметности в определенном контексте.

Сложносоставные прилагательные, по терминологии Е. С. Кубряковой, рассматриваются как «производные слова, вторичные единицы разных способов образования и разной структурной сложности, ассоциативно связанных с исходными единицами и создаваемых на их основе по определенным моделям» [6, с. 87]. Словообразовательная модель представляет собой «типовую структуру, обладающую обобщенным лексико-категориальным содержанием и способную наполняться разным лексическим материалом при наличии определенных закономерностей сочетаемости ее элементов друг с другом» [5, с.10]. Состав по определенной схеме выделяется на основе реализации таких признаков, как действие аналогии и ассоциативные процессы. Сложение внутри сложносоставного прилагательного, как показывает языковой материал, представлено в рамках исследования следующим образом: **корневая морфема + корневая морфема:** наречие/причастие прошедшее: specially-built, much-liked, fast-paced, well-known, highly-paid; прилагательное/причастие прошедшее: quick-frozen, deep-drawn, clean-shaven, open-minded, high-powered; прилагательное/причастие настоящее: easy-operating, long-suffering, hard-wearing, sweet-smelling, best-selling; существительное/причастие настоящее: labour-consuming, attention-getting, school-leaving, electricity-generating, mouth-watering; существительное/причастие прошедшее: job-oriented, computer-aided, purpose-built, snow-capped, palm-fringed; существительное/прилагательное: cost-effective, cast-iron, sugar-free, worldwide, white-water; **усеченная корневая морфема + полная корневая морфема:** multi-, over-, self-, eco-, all-, above-, on-, out-, in-: overdesigned, on-board, self-employed, self-contained, all-absorbing, all-expenses, above-ground, multi-objective, outdoor; **фразеологизированная корневая морфема** на основе свободносвязанного словосочетания/устойчивого словосочетания: ill-fitting, skin-to-skin, leading-edge, out-of-town, built-in, time-wasting, the-better-than-anticipated.

Каждая из морфем в порядке следования создает определенную контекстуальную микросферу, что оказывает влияние на их преобразование в словообразовательной модели и что приводит к пониманию степени мотивированности внутренней формы прилагательного с учетом ее связанности с лексическим значением. Выявление семантического наполнения анализируемых словесных единиц строится на их понимании как продукта номинативной деятельности, проявляемой во вторичной номинации через переосмысление логико-семантического аспекта референции, прямо связанного с типами отношений между объектами понятий [1, с. 8]. Принцип компонентного анализа элементов смысла состава прилагательных позволяет определить объем содержания понятий, отображающих

класс предметов с их признаковыми характеристиками. Иначе говоря, объем понятия предстает как совокупность объектов, обладающих признаками, зафиксированными в его содержании. В ходе анализа семантических преобразований в структуре сложносоставных прилагательных была установлена возможность как обобщения, так и ограничения понятий. В первом случае наблюдается понятие с более широким объемом, но менее конкретным значением, т.е. элементы значения заключены в содержании одного понятия. Обратимся к примерам: *well-received gift, award-winning restaurant, worldwide survey, manmade disasters*. Во втором случае, при конкретизации, объем понятия более ограничен, но содержание более сложное, конкретное, сокращается количество элементов содержания. Например, *business-related present, Michelin star restaurant, middle-aged workers' survey, overflowing rubbish dumps*.

Таким образом, объем и содержание понятия оказываются в прямо противоположной зависимости: чем шире объем понятия, тем более обобщенным и размытым оказывается его содержание и наоборот. Далее отметим значимость описываемых процедур через род и видовое отличие, что является важным для составления словообразовательных рядов (гипероним/гипоним). Имеется в виду логическое определение как процесс, в ходе которого сначала осуществляется операция определения понятия, а потом его ограничение путем добавления дифференцирующих признаков, в результате чего создается некая цепочка понятий, объединенных отношением подчинения. Например: *high-risk sport – free-fall parachuting, white-water rafting, hot-air ballooning, horseback ride; star-studded cast – big-name star, self-centered actor; offshore wind farm – electricity-generating wind turbines; newly-born turtle – loggerhead sea turtle; high-tech equipment – handheld device, flat-screen television; brand new building – self-contained cottage, beachfront cottage, underground home, semi-detached house, family-sized house, low-priced house, overpriced house, two-bedroomed house, fully-furnished house, well-maintained house*.

Традиционные лексико-грамматические группы относительных (*flower-filled, off-highways, one-sided*) и качественных прилагательных (*spine-spilling, ice cold, hard-pressed*) приобретают в этой системе свой особый экспрессивный характер. Остановимся на этом положении подробнее. Номинативная функция отражается в предметно-вещественном (онтологическом) отображении объектов действительности, тогда как гносеологическая (познавательная) ценность в данном случае проявляется в его связи с окружающей действительностью и в его способности отражать ее напрямую. Поэтому одним из основных компонентов значения относительных прилагательных является компонент понятийный, или сигнификативный. Они достаточно точно определяют предметно-вещественную (денотативную) направленность слова, т.е. связанную с конкретным представлением о предметах и явлениях, обозначенных этим понятием. Коннотативная функция данных слов является лишь факультативной, потенциальной. В данном случае предметная ситуация является стереотипной, выраженной иерархической структурой знаний о конкретном факте, явлении, действии; то есть существует фрейм (структурированное знание о типичных предметных ситуациях и формах его описания) [2, с. 408]. Например: *fully-time job, modern fitted kitchen, beachfront cottage, offshore wind farm, star-chef cooking, bare-footed girl*.

Следует отметить тот факт, что процесс образования относительных сложносоставных прилагательных позволяет ликвидировать некую “номинативную лакуну” – отсутствие в лексическом составе языка специальной единицы, обозначающей тот или иной объект действительности (денотат), т.е. единичная предметная ситуация представлена на денотативном уровне; возникает новое производное номинативное значение, стимулом для возникновения которого и развития в

языке послужила необходимость назвать какой-то признак, например: half-time show, pre-rehearsed speech, palm-tree-lined driveway, handwritten notices, Eastern-style decor, four-poster beds, first-class cruises, gold-plated plate. Относительные прилагательные, таким образом, реализуют свое необычное значение, выполняя прежде всего информативную функцию: multi-channel 24 hour TV, long-tailed parrot, fat-free lean meat. Если происходит передача только денотативного значения какого-либо явления действительности, его стилистическое значение остается невозпроизведенным, и можно говорить о стилистической нейтрализации: well-known, out-of-town, fat-free, self-employed, new-brand. Однако они очень часто составляют основу для образования переносного значения при наличии определенного оттенка качества, который может проявляться в определенном контексте, обусловленном семантикой имени существительного как мотивирующей основы: long-tailed track, multi-channel directions, computer-intensive workload, view-factoring ideas, dead-end job.

Качественные сложносоставные прилагательные демонстрируют одновременную семантическую актуализацию нескольких значений слова, что ведет к целостному образному переосмыслению словесного комплекса. Словесные единицы, называя признаки содержания понятия, составляющие ядро их значений, выражают “измененную” предметную ситуацию через эмоционально-оценочное коннотативное значение. Выразительность и экспрессивная яркость переносного переосмысления качественных прилагательных усиливается тропами, такими как: метонимия: high-level, fur-bounded, sugar-free, good-looking, colour-blind; метафора: high-flown, short-spoken, well-adjusted, fully-fledged; гиперболо: overwhelmed, mind-blowing, eye-popping; олицетворение: close-fisted, hard-nosed, lovey-dovey, breakneck, bloodcurdling; сравнение: tongue-tied, clean-cut, stone-faced, childlike. Наблюдения над подобными сложносоставными прилагательными поднимает вопрос о мере передаваемого качества и о том, как оно взаимодействует с различными экспрессивными оттенками субъективной оценки. Очевидно то, что в создании образной коннотации важная роль отводится образным средствам, причем именно средствам вторичной образности, с совмещением вторичной номинативной функции.

Особенностью сложносоставных прилагательных, качественных и относительных (но в разной степени), является то, что называние признака предмета экспрессивно наполняется за счет коннотативной функции, что выделяет их из ряда слов, лишенных этого качества. Способность к реализации категорий эмоциональности и оценочности приводит к парадигматической системе, содержащей нейтральные прилагательные с прямым номинативным значением (metal-rimmed, eco-friendly), экспрессивно-стилистические словесные единицы с прямым номинативно-коннотативным значением (когда признак предмета обозначается с определенной устойчивой негативной позитивной оценкой: self-confident, self-assured) и прилагательные с переносным вторичным значением с коннотацией вторичной образности. В последних случаях коннотативный компонент характеризуется образной мотивированностью, зависящей от эмоционально-оценочных возможностей слова с разной степенью экспрессивности в результате семантической трансформации первичного значения через метафоризацию, расширение, сужение, олицетворение, гиперболизацию, сравнение: long-range, short-spoken, sure-fire, hard-hitting, cheese-paring.

Анализ языкового материала показал, что переносное коннотативное значение определяется степенью широты лексико-семантической валентности слова, выступающего в этом значении. Первая группа характеризуется широкой лексико-семантической валентностью слов, переносным свободным значением: badly-

written – speech, report, composition, test; wide-spread – trend, idea, fashion, policy; long-awaited – visit, decision, concert, event; well-chosen – staff, word, clothes. Специфика второй группы (более узкой) проявляется в возможности сочетаться только со словами одной или двух лексико-семантических групп, это переносное лексически связанное значение: award-winning interior, low-key affair, ill-fitting suit, washed-out stretches of road, daredevil feats. Здесь же следует отнести устойчивое (фразеологизированное) сочетание, в составе которого один из компонентов сохраняет свое прямое номинативное значение, а другой выступает в переносном фразеологически связанном значении (seen-it-all expert, know-it-all smile, drip-dry fabric, happy-go-lucky person, rip-off price). Общая черта слов, входящих в третий подтип – резкое ограничение лексико-семантической валентности вследствие такого внутриязыкового фактора, как образное переосмысление исходных прямых номинативных значений: sure-fire solution, low-key affair. В некоторых случаях подобное явление может быть окказиональным: new state-of-the-art e-book readers, slightly-too-bumpy flight, tic-tac men, showy-off conversation, higgledy-piggledy sound, arty-crafty idea.

Таким образом, при анализе словообразовательного значения учитывается функционально-стилевые и экспрессивно-стилистические возможности корневых морфем. Очевидным является восприятие гибкости и разносторонней изобразительной выразительности анализируемых прилагательных как источника речевой экспрессии. Далее, пользуясь установкой Е.А. Земской выделяем функции производных словесных единиц, которые уместно адаптировать относительно анализируемых прилагательных для определения специфики их функциональной направленности:

а) номинативная, чтобы дать имя предметному явлению действительности через словообразовательную модель;

б) конструктивная, с целью упростить синтаксическое построение речи для экономии речевых усилий при передаче достаточно емкого денотативно-коннотативного содержания;

в) экспрессивная, отражающая тенденцию к эмоциональному эффективному способу выражения [4, с. 74-80].

Трактовка представленных языковых фактов показывает, что словообразовательный потенциал составных прилагательных складывается из ряда специфических признаков, определяющих их морфемную, словообразовательную и мотивационную структуру. Среди них выделяем следующие:

- способы образования слов, имеющих определенную речевую предназначенность;

- степень членимости, что связано со статусом конституирующих единиц, реализующих прямое или переносное значение, что влияет на переосмысление составляющих морфем;

- характер модификации значения производящей основы, тесно связанный с мотивированностью, под чем подразумевается взаимосвязь производящего и производного через осмысление соответствующего значения, словообразовательного концепта;

- наличие экспрессивно-оценочного компонента, нацеленного на передачу субъективной эмоционально-экспрессивной оценки, положительной или отрицательной.

Список использованных источников

1. Араева Л.А. Истоки и современное осмысление основных проблем русского словообразования // Лингвистика как форма жизни. – Кемерово: Кузбасвузиздат, 2002. С.4-24.

2. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
3. Гальперин И.Р. Большой англо-русский словарь в двух томах/ И.Р. Гальперин, Э.М. Медникова. – М.: Русский язык, 1988.
4. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.
5. Ильина А.Н. Словообразование в современном английском языке: Учебное пособие/ А.Н. Ильина, С.Г. Кибасова. – СПб.: СПбГУЭФ, 2012. 90 с.
6. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. 119с.
7. Петрухина Е. В. Актуальные вопросы системного словообразования // Славистика: синхрония и диахрония. Сборник статей к 70-летию И.С. Улуханова. – М.: Азбуковник Москва, 2007. С. 142–154.
8. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. – М.: ИЦ “Азбуковник”, 2005. 314 с.
9. Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 8th Edition. – Oxford University Press, 2010. 1952 p.
10. Evans V. Upstream Intermediate/ V. Evans, J. Dooley. – Express Publishing, 2008. 222 p.
11. Viney P. Handshake. Student’s book / P. Viney // Oxford University Press, 2005. 175 p.
12. Wallwork A. International Express. Upperintermediate / A. Wallwork. – Oxford University Press, 2008. P. 178.

УДК 81'1

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ ШУТКИ

А. Н. Манцаева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, факультет иностранных языков, Чеченский государственный университет, Грозный

Х. А. Газимаева,

преподаватель колледжа, Медицинский государственный институт, Чеченский государственный университет, Грозный

Аннотация. Цель данной статьи состоит в том, чтобы сосредоточиться на трудностях лингвистического и культурного конструирования юмористического взаимодействия, обнаруженного в шутках. Это непростое явление, требующее внимания рассказчика к следующим компонентам: аудитория, ситуация, интонация и т.д. Именно от этого зависит то, воспримет ли слушатель шутку, или не поймет ее смысла вовсе. В написании работы использованы следующие *методы*: дискриптивный, сопоставительный.

Выводы: шутка – это явление, способствующее не только разрядке обстановки, но и ее напряжению. Поскольку, от того, для какой аудитории мы ее произносим, в какой ситуации это происходит, и с какой интонацией ее рассказывают, может зависеть восприятие данной шутки.

Ключевые слова: язык, культура, юмор, ситуация, аудитория, перевод, интонация, переводчик, шутка, рассказ.

Summary. The purpose of this article is to focus on the difficulties of linguistic and cultural construction of the humorous interaction found in jokes. This is a difficult phenomenon that requires the attention of the speaker to the following components: audience, situation, intonation, etc. It depends on this whether the listener will perceive the joke, or not understand its meaning at all.

The following methods were used: descriptive, comparative.

Conclusion: a joke is an obvious phenomenon contributing not only to the discharge of the situation, but also to its tension. The perception of the joke depends on who it is told, when it happens and what intonation it is used with.

Keywords: language, culture, humor, situation, audience, translation, intonation, translator, joke, narration.

Язык – это ресурс знаний, который фокусируется на всей информации, необходимой для вербализации текста. В данном случае перефразирование является важным, так как любое предложение может быть переписано в другой формулировке, любая шутка может быть сформулирована несколькими способами без изменения семантики [1].

Юмор очевиден в каждой культуре, его функции и значение трудно определить из-за его обширности. Шутка может быть произведена с помощью языка, звуков или жестов. Юмор можно найти во многих средствах коммуникации, а те, которые содержат наиболее юмористический контент, представлены в комедийном скетче, комедийных программах и комедийных шоу.

Задача, которую каждый переводчик стремится преодолеть – это когда он сталкивается с культурными аспектами языка перевода. Каждая культура содержит свою уникальную форму юмора. Следовательно, понимание юмора в культуре и всех ее культурных элементах необходимо для хорошего перевода. В последние годы все больше внимания уделяется переводу шуток, поскольку сложность понимания может сделать ее однозначно непере译имой.

Устный юмор для переводчика считается очень сложной задачей. Юмор может быть произведен исключительно путем манипулирования языком или путем сочетания словесных и визуальных элементов для создания юмористического эффекта [2].

При переводе шутки цель для переводчика состоит не только в том, чтобы решить, понимает ли целевая аудитория юмор, но и в том, чтобы переводчик смог вызвать такой же юмористический эффект.

Согласно мнению исследователей, шутка пересекает географические границы и должна:

«... Примириться с лингвистическими и культурными элементами, которые часто являются типичными для исходной культуры, из которой она была произведена, теряя тем самым свою способность адаптироваться на новом месте» [3].

Изначально не было никакой теории перевода, которая фокусировалась бы на классификации и интерпретации шуток, однако, чтобы преодолеть эти препятствия, которые ставит юмор для переводчика, Аттардо С. создал общую теорию словесного юмора, выделяющую на несколько параметров шутки:

- противопоставление сценария – это теория, которая фокусируется на двух концепциях: сценарий и противоположность, что означает невозможность взаимодействия двух этих явлений, поскольку шутка – своего рода спонтанное действие, которое производит эффект вне сценария;

- логический механизм – предполагает и воплощает искаженную, игривую логику, которая не обязательно сохраняется за гранью шутки [4]. Например:

“Where have you been?”

“Out riding”

“Horseback?”

“Oh, yes. He got back half an hour before I did.”

“Где ты был?”

«На улице, катался на лошади»

«Верхом?»

«О, да. Он вернулся на полчаса раньше, чем я.»

На самом-то деле шутка здесь получается благодаря слову “back”. Здесь мы обыгрываем два его значения: “Horseback” – “*верхом на лошади*”. Однако собеседник воспринял этот вопрос как “Horse back?” – «*вернулась ли лошадь назад*»? А произошло это потому, что слово “back” в английском мы часто используем для того, чтобы рассказать о нашем возвращении куда-либо: *be back, come back*.

- ситуация фокусируется на «редактировании» шутки: предметах. Если ситуация в языке перевода либо отсутствует, либо недоступна для юмора, хорошим решением для переводчика является замена компонента шутки.

- нарративная стратегия (простой рассказ, диалог, загадка и т.д.). Повествовательная стратегия связана с целевым параметром, поскольку она может оказаться проблематичной для переводчика. Другими словами, стратегия повествования может быть уникальной для культуры страны, в которой возникают проблемы с пониманием определенной шутки. Например, шутка «тук-тук». Данный тип шуток имеет эффект при переводе на русский язык, поскольку мы используем ее в повседневной жизни:

«Тук-Тук»

«Кто там?»

«Это я, почтальон Печкин».

Однако в английском языке данная шутка используется в немного иных ситуациях, так, например, рассмотрим эту шутку как игру, основанную на переключении слова или значения слова:

- “Knock, knock!”

- “Who’s there?”

- “Orange.”

- “Orange who?”

- “Orange you glad to see me?”

- Тук-тук!

- Кто там?

- Апельсин.

- Апельсин, кто?

- Апельсин, ты рад меня видеть?

Это игра слов, потому что “orange”, когда его произносят быстро, звучит похоже на “aren’t you”.

Известно, что каждый любит хороший юмор, независимо от языка и культуры. На самом деле, ученые сходятся во мнении, что смех – отличный способ изучить иностранный язык, а также культуру его носителей.

Но когда дело доходит до перевода шутки, трудно понять, что смешно, а что может быть оскорбительным. Поскольку, то, что смешно для одних, может ранить чувства других.

Перевод шутки требует от вас понимания юмора как языка, в целом. Чтобы понять шутки на незнакомом нам языке, нужно изменить свое мышление о них [5].

Еще одной сложностью является то, что, как и с любым другим языком, рассказ шуток требует практики. Рассказ или интерпретация шутки имеет следующие особенности:

- время является наиболее важным фактором в шутке. Иногда небольшая пауза может изменить восприятие или затруднить понимание слушателей.

- понимание культурных различий. Есть определенные типы шуток, которые не переводятся для межкультурной аудитории. Например, в Соединенных Штатах те же шутки типа «тук-тук» являются одной из самых популярных форм шуток вокруг. Однако некоторые культуры просто не знакомы с конкретными типами шуток и юмора [6].

Таким образом, можно прийти к выводу, что шутка – это явление, способствующее не только разрядке обстановки, но и ее напряжению. Поскольку, от того, для какой аудитории мы ее произносим, в какой ситуации это происходит, и с какой интонацией ее рассказывают, может зависеть восприятие данной шутки.

Список использованных источников

1. Агтардо С. «Эссе о смехе и нелепой композиции», 3-е изд., Лондон, 2015.
2. Бергсон Н. Смех: очерк о значении шутки, Лондон, 2018, 113 с.
3. Бойд Б. «Смех и литература: игровая теория юмора», Философия и литература, 2014.
4. Брэсслер И. «Влияние юмора на желательность». Эволюция и поведение человека, 2017.
5. Кларк М. «Юмор и несоответствие». «Философия смеха и юмора», 2017.
6. Моррелл Д. «Шутка и ее значение в языке», Государственный университет Нью-Йорк Пресс, С. 139–155, 2019.

1. Attardo S. «Esse o smekhe i nelepyou kompozitsii», v 3- ye izd., London, 2015.
2. Bergson N. Smekh: ocherk o znachenii shutki, London, 2018. s.113
3. Boyd B. «Smekh i literatura: igrovaya teoriya yumora», Filosofiya i literatura, 28: 1–23, 2014.
4. Bressler I. «Vliyaniye yumora na zhelatelnost». Evolyutsiya i povedeniye cheloveka, 27: 29–39, 2017.
5. Klark M. «Yumor i nesootvetstviye». «Filosofiya smekha i yumora», 2017.
6. Morrell D. «Shutka i yee znacheniyе v yazyke», gosudarstvenny universitet Nyu-York Press, S. 139–55, 2019.

УДК 811.111'367.625.5:821.111 – 343

УПОТРЕБЛЕНИЕ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ CAN, MAY И MUST В СБОРНИКЕ СКАЗОК Р. КИПЛИНГА «КНИГА ДЖУНГЛЕЙ»

А. О. Пирожкова,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранной филологии
и методики преподавания, Институт филологии, истории и искусств,
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал),
ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского»
в г. Ялте, Ялта*

Аннотация. В статье рассматривается категория модальности в английском языке на примере модальных глаголов can, may и must. Цель работы – проанализировать употребление данных глаголов в тексте произведения Р. Киплинга «Книга джунглей». Приводятся авторы, занимавшиеся вопросами категории модальности, делается вывод о видах модальности. Раскрыты основные значения, в которых могут употребляться глаголы can, may и must. Обращается внимание на то, что значение, в котором употреблён модальный глагол наиболее точно можно понять через контекст. Делается вывод о большой насыщенности текста модальными глаголами с преобладанием глагола can по сравнению с двумя другими.

Ключевые слова: иностранные языки, категория модальности, литература Великобритании, значение глагола, контекст.

Summary. The article deals with the category of modality in English using the example of the modal verbs can, may, and must. The purpose of the work is to analyze the use of these verbs in the text of R. Kipling's work «The Jungle Book». The author deal with the category of modality are given, and the conclusion about the types of

modality is made. The main meanings in which the verbs *can*, *may*, and *must* can be used are revealed. Attention is drawn to the fact that the meaning in which the modal verb is used can be most accurately understood through the context. It is concluded that the text is saturated with modal verbs with the predominance of the verb *can* in comparison with the other two.

Key words: foreign languages, the category of modality, literature of Great Britain, verb, context.

В английском языке есть группа глаголов, имеющих название «модальные». Глаголы этой группы выражают не действие, а отношение говорящего к этому действию или состоянию. Данный тип глаголов называют «недостаточными», т.к. у них не представлены все формы.

Целью исследования является наблюдение и анализ использования модальных глаголов в художественном произведении.

Гипотезой, предваряющей исследование, было предположение о том, что, в связи с тем, что произведение Р. Киплинга «Книга джунглей» – это своеобразный свод правил поведения, основанный на законах природы, ожидаемо превалирование глагола долженствования *must*.

Проблему классификации модальных глаголов английского языка рассматривали А. Караманов, А. Матвеев, Р. Мильруд, Т. Митрошкина и др. Суммируя точки зрения различных авторов [1; 2] на проблему категории модальности и анализируя распределение средств выражения по разным видам модальности, можно выделить два вида модальности: субъективная модальность и объективная модальность.

Поскольку нами рассмотрено лишь употребление Р. Киплингом модальных глаголов *can*, *may* и *must*, приведем их значение. Глагол *can* имеет следующие основные значения:

1. Соответствует русскому «могу» в смысле «имею физическую возможность».
2. Соотносится с русским «могу» в смысле «умею».
3. Форма разрешения.
4. Наличие возможности по не зависящим от субъекта причинам.
5. Выражение сомнения, неверия (только вопросительные и отрицательные предложения, но с разными формами инфинитива).

Глагол *may* имеет такие значения:

1. Предположение с оттенком сомнения, неуверенности.
2. С *Continuous Infinitive* выражает предположение, что действие происходит в момент вещания, с *Indefinite Infinitive* используется, если глагол не используется в *Continuous*.
3. С *Perfect Infinitive* указывает на то, что предположение относится только к прошедшему времени.
4. Употребляется для выражения возможности выполнить действие, которое зависит от определенных обстоятельств (только в утвердительных предложениях с неопределенным инфинитивом).

5. Глагол *may* с инфинитивом употребляется для выражения разрешения.

Модальный глагол *must* употребляется в следующих значениях:

1. Долженствование, относящееся к настоящему.
2. *Must* может относиться к прошедшему времени в придаточных предложениях, если глагол-сказуемое главного предложения стоит в прошедшем времени.
3. Выражает обязанность, необходимость в утвердительных предложениях с инфинитивом.
4. Передаёт обязанность, необходимость в вопросительных предложениях с инфинитивом.
5. Употребляется для выражения приказа и совета в утвердительных и отри-

цательных предложениях с инфинитивом.

6. Употребляется для выражения предположения, граничащего с уверенностью. Соединение *must* с Continuous Infinitive выражает предположение, что действие происходит в момент вещания или на протяжении настоящего периода времени. Если глагол не употребляется в формах Continuous, то предположение относительно настоящего времени выражается соединением *must* с неопределенным инфинитивом. Соединение *must* с Perfect Infinitive выражает предположение, что действие произошло в прошлом.

Таким образом, все тонкости перевода того или иного модального глагола возможно понять лишь через контекст, а использование модальных глаголов в художественной литературе является интересным объектом исследования.

Идея использования литературных произведений англоязычных авторов для изучения грамматических категорий возникла не впервые. Так, например, С. Попова [3] предлагает программу учебного курса для учащихся 10-11 классов, направленный на развитие речевых умений (устная речь и чтение), расширение знаний в рамках культурной для сферы литературы на базе изучения литературных произведений английских и американских авторов на языке оригинала. Программа интересна тем, что вместе с указанием автора и его произведения для изучения, С. Попова указывает на ту грамматическую или синтаксическую особенность, которую считает наиболее выраженной в произведении данного автора. Что касается модальных глаголов, их в данной программе предлагается изучать на основе стихотворений Дж. Байрона, тогда как стихи и сказки Р. Киплинга, по мнению автора программы, способствуют изучению герундиальных конструкций.

На наш взгляд, изучение модальных глаголов на базе произведений Р. Киплинга наиболее интересно, поскольку в их использовании автором приводится ряд присущих только данным произведениям особенностей. Так, использование глаголов *must* и *may* в некоторых случаях связано с Книгой Джунглей – главным законом, по которому живут животные. Закон либо позволяет, либо обязывает животных жить по неписанным правилам, которых придерживаются жители джунглей веками. Однако нами выявлено, что чаще всего в произведении Р. Киплинга использован глагол *can* в утвердительной форме в настоящем времени (85 раз), тогда как глагол *must* – 76, *may* – 44 раза. Хотя и использовано большое количество модальных глаголов, не все значения при переводе на русский язык можно встретить. Также наличие определенных значений обусловлено предметом исследования. Так, например, значение глагола *can* для выражения сомнения, неверия (только в вопросительных и отрицательных предложениях, но с разными формами инфинитива) нами не были учтены, поскольку мы не рассматривали отрицательные и вопросительные формы. Значение модального глагола *may*, касающегося прошлого времени в дополнительных придаточных предложениях, если глагол-сказуемое главного предложения стоит в прошедшем времени, мы не встретили в этом произведении. Отсутствие данного значения можно объяснить преобладанием прямой речи в тексте, что является еще одной особенностью произведений Г. Киплинга.

Можно сделать вывод, что категория модальности – актуальная тема исследования, интерес к которой не пропадает длительное время. Проанализированные значения модальных глаголов *can*, *may* и *must* демонстрируют их разнообразие. Анализ материала исследования показал, что данные глаголы употребляются достаточно часто, а разнообразие их значений отражается в процессе перевода с учётом контекста.

Список использованных источников

1. Горбунова Е. В. Лексико-грамматические средства выражения вероятности в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2003. 150 с.

2. Долинская Л. Д. Лексико-синтаксический способ выражения модальности в связи с функциональной перспективой и риторической организацией текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1975.15 с.

3. Попова В. В. Английский язык в диалоге культур [Электронный ресурс] – <http://festival.1september.ru/articles/563155/> (дата обращения 12.01.2020).

УДК 811. 111'37(045)

О ВЛИЯНИИ BREXIT НА СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Н. Н. Трунченкова,

*преподаватель кафедры № 4, Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

И. В. Татарникова,

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры № 2,
Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью данной статьи является анализ изменений в словарном составе английского языка, вызванных планируемым выходом Великобритании из Евросоюза. Для осуществления поставленной цели были использованы следующие методы: тезаурусный метод и описательный метод (наблюдение, интерпретация и обобщение). Материалом исследования послужили 100 лексических единиц, зафиксированных в Oxford English Dictionary, Collins Dictionary и печатных средствах массовой информации. В ходе исследования выяснилось, что Brexit оказывает существенное влияние на лексический строй английского языка, поскольку язык не может не отражать тенденции развития общества и картины мира его носителей.

Ключевые слова: выход, Евросоюз, словарный состав, словарь, лексическая единица, лексикограф.

Summary. The main purpose of this research is analysis of changes in the English vocabulary caused by Brexit. To achieve the aims, the following methods were employed: the thesaurus method and the descriptive method (observation, interpretation and generalization). The findings of the research show that the possible withdrawal of the United Kingdom from the European Union has a powerful influence on the word-stock of the English language as any language reflects tendencies in the development of the society and world view of its speakers.

Key words: Brexit, European Union, vocabulary, dictionary, lexical unit, lexicographer.

Язык, с помощью которого описывается Brexit, получил название Brexicon. Он стремительно развивается: появляются новые слова, уже зафиксированные лексические единицы приобретают новые значения, политические термины прочно входят в лексикон граждан, далеких от политики. Лексикографы ведущих словарей английского языка пристально наблюдают за этими процессами и вносят соответствующие поправки. Целью данной статьи является анализ изменений в словарном составе английского языка, вызванных выходом Великобритании из Евросоюза. Для осуществления поставленной цели были использованы следующие методы: тезаурусный метод и описательный метод (наблюдение, интерпретация и обобщение). Материалом исследования послужили более 100 лексических

единиц, зафиксированных в Oxford English Dictionary, Collins Dictionary и печатных средств массовой информации.

Рассмотрим недавние изменения в Oxford English Dictionary. Само существительное *Brexit* вошло в состав данного словаря в 2016 году наряду со многими, ассоциируемыми с референдумом. В связи с последними политическими событиями значения некоторых слов и словосочетаний были переосмыслены. В качестве примера можно привести *red line* как аллюзию на красные солдатские мундиры, символ мужества и отваги, первоначально относящийся к Британской армии. Сейчас это выражение употребляется в значении «*граница, допустимый предел*».

Пословица *you can't have your cake and eat it*, значение которой «*пытаться совместить несовместимое; усидеть на двух стульях*», дала слово года 2018 *cakeism*. Это доктрина, связанная с именем Бориса Джонсона, который однажды заявил: «*My policy on cake is pro having it and pro eating it*» [1].

Идиома *to kick the can down the road* (*затягивать время, тянуть, откладывать в долгий ящик*) все чаще и чаще стала употребляться в связи с выходом из Евросоюза. Статья в газете *The Economist* от 19 октября 2019 года так и называется: «*MPs kick the Brexit can down the road. Again.*» [2].

Словосочетание *cliff-edge* (*на краю пропасти, обрыва*) пока зафиксировано в словаре только в буквальном значении, но сейчас критики *Brexit* активно используют его для описания перспективы выхода Великобритании из Европейского Союза без соглашения о выходе.

Поскольку Oxford English Dictionary позиционирует себя как исторический словарь, его лексикографы не спешат регистрировать такие лексические единицы как *Bregret, Brexodus, Brino, maxfac, remaniac, flextension* и новые значения *back-stop, gammon, unicorn*, ожидая проверки временем.

В то же время лексикографы Collins Dictionary опубликовали свой список, состоящий из 10 слов, “brought to prominence by Brexit” [3], причем сама лексическая единица *Brexit* названа словом 2016 года по версии данного словаря. Среди них *Brexiteer* (*сторонник выхода Великобритании из Евросоюза*), противоположное по значению *remainer* и уничижительное *remoaner*. Кроме того, в список вошли *Brexiety* (*a state of heightened anxiety triggered by concerns about the imminent withdrawal of Britain from the European Union*), *flextension* (*an informal agreement to extend the time allowed for payment of a debt or completion of a contract, setting a new date that can be altered depending on future events no-deal denoting a situation in which two parties fail to reach an agreement about how to proceed*). Здесь следует отметить, что существительное *flextension* предпочтительнее *Brextension*, поскольку некоторые носители языка усматривают в данном слове основы *Brexit* и *tension*, а не *Brexit* и *extension*. Страхи британцев понятны: люди боятся экономического и социально-политического кризиса в результате изменения статус-кво. Отсюда *project-fear* – *a name given to any political campaign that seeks to arouse public alarm about proposed changes to the status quo*. Причем некоторые из них начинают запасаться продуктами (*to stockpile*), опасаясь *no-deal Brexit*, который может привести к нехватке продовольствия и медикаментов. Глагол *to prorogue* (*to discontinue the meetings of a legislative body without dissolving it*) и соответствующее существительное *prorogation* используется с XV века, но всплеск интереса к значению данных лексических единиц в поисковике был зафиксирован в сентябре 2019 года, когда Верховный суд признал перерыв в работе парламента по указу главы государства незаконным.

Газета *The Guardian* считает список слов, предложенных лексикографами Collins Dictionary, неполным и добавляет еще шесть лексических единиц [4]. Среди них акронимы *BRINO* (*Brexit in name only*), *FBPE* (*FollowBackProEU* – этот

хэштег был впервые употреблен в Twitter голландцем Хенриком Клаасенсом в октябре 2018, который предпринял попытку создать группу проевропейски настроенных пользователей). По мнению журналистов, акроним **BOB** (*bored of Brexit*) иллюстрирует настроение и британцев, и европейцев. Кроме того, в список вошли телескопическое производное **Brexodus** (от *Brexit* и *exodus* – опасения политических аналитиков, что после выхода из ЕС Британию покинут крупные компании и начнется волна эмиграции), **Yellowhammer** (кодовое название безрезультативного Brexit). Британцы шутят по этому поводу: *yellowhammer* – птица овсянка обыкновенная, щебетание которой на слух воспринимается как «A little bit of bread and no cheese» и делают вывод о том, что надо запастись продовольствием. Завершает список **releaver** – человек, проголосовавший за то, чтобы Великобритания оставалась в ЕС, и вынужденный смириться с Brexit.

Газета *The Independent* расширила список до 68 единиц в первую очередь за счет телескопических производных: **brexiety** (*a state of anxiety about Brexit experienced by Brexit opponents*), **brexchosis** (*a feeling of despair among those who voted to stay in the EU*), **Regrexit** (*regretting the decision to vote for Brexit*). Интересно отметить прилагательные, используемые для описания Brexit. Самыми употребительными являются **hard** (*in which the United Kingdom stops being a member of the European single market and gets full control of its own law-making and immigration*) и **soft** (*a scenario where the UK stays either within the EU's single market by becoming a member of the European Economic Area, or in the European Customs Union, or both*). Сторонники выхода из ЕС вместо **hard** предпочитают эвфемизм **clean**. Более того, Brexit «окрашен» в разные цвета: **white** (при котором Соединенное Королевство остается членом Европейского таможенного союза и/или общего рынка), **green** (в выходе из ЕС министр по охране окружающей среды Майкл Гоув рассматривает возможность реформировать сельское хозяйство и рыболовство). Бывший премьер-министр Великобритании Тереза Мэй ассоциирует с брекситом цвета британского флага: **red**, **white** и **blue**.

Информационное агентство Рейтерс опубликовало «Reuters lexicon of Brexit», подчеркивая, что он неисчерпывающий. Для удобства пользователей лексика была разбита на тематические ряды: Brexit 1.01, Relationship Politics, Who You Gonna be?, Cutting the Cake, Number Crunching, What They Said [5]. Стоит обратить внимание, что образные выражения, описывающие раздел пирога, прочно ассоциируются с выходом из Евросоюза. Это не только вышеупомянутое **cakeism**, вошедшее в шорт-лист слов 2018 года по версии Oxford English Dictionary, но и **picking cherries** (*selecting the best or the most desirable*) и **a piece of cake** (*something easily achieved*).

Таким образом, проанализировав лексемы, вошедшие в состав OED, Collins Dictionary, и неологизмы, активно употребляемые в прессе, пришли к выводу, что Brexit оказывает огромное влияние на лексический строй английского языка, поскольку язык не может не отражать тенденции развития общества и картины мира его носителей. Как справедливо отметила консультант Collins Dictionary Хэлен Ньюстед: «Brexit has been quite generous in its gifts to the English language» [6].

Список использованных источников

1. Wordsworth D. Word of the week: cakeism [Электронный ресурс] // The Spectator. 2018. 24 November. URL: <https://www.spectator.co.uk/2018/11/word-of-the-week-cakeism/> (дата обращения 12. 01.2020).

2. Not so super Saturday. MPs kick the Brexit can over the road. Again. [Электронный ресурс] // The Economist. 2019. 19 October. URL: <https://www.economist.com/britain/2019/10/19/mps-kick-the-brexit-can-down-the-road-again> (дата обращения 12. 01.2020).

3. Prichard J. Collins Dictionary reveals the 10 words brought to prominence by Brexit including “milkshaking” and “cakeism” [Электронный ресурс] // The Yorkshire Post. 2019. 7 November. URL: <https://www.yorkshirepost.co.uk/news/politics/collins-dictionary-reveals-the-10-words-brought-to-prominence-by-brexit-including-milkshaking-and-cakeism-1-10088987> (дата обращения: 12. 01.2020).

4. Shariatmadari D. The Brexicon: six words the dictionary has missed – from Brino to releaver [Электронный ресурс] // The Guardian. 2019. 7 November. URL: <https://www.theguardian.com/politics/shortcuts/2019/nov/07/the-brexicon-how-well-do-you-know-your-brexit-jargon#maincontent> (дата обращения: 12. 01.2020).

5. Faulconbridge G., Macdonald A. Factbox: Paleuz-vous Brexit? A Brexicon of UK-EU break-up [Электронный ресурс] // Reuters. 2018. 16 January. URL: https://in.reuters.com/article/britain-eu-brexicon/factbox-parlez-vous-brexit-a-brexicon-of-the-uk-eu-break-up-idINKBN1FL50X?utm_medium=Social&utm_source=Twitter. (дата обращения 12. 01.2020).

6. Rouse A. From cakeism to milkshake: dictionary publishers draw up list of ten phrases brought to prominence by Brexit and name it Brexicon [Электронный ресурс] // Mail Online. 2019. 7 November. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-7658383/Dictionary-publishers-draw-list-phrases-brought-prominence-Brexit-Brexicon.html> (дата обращения 12.01.2020)

УДК 8; 81-2

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РОМАНА Н. КАЗАНДЗАКИСА
«ГРЕК ЗОРБА»)**

З. А. Фарамазян,

*преподаватель кафедры новогреческой филологии,
факультет романо-германской филологии,
Кубанский государственный университет, Краснодар*

Аннотация. Так как языковая личность является комплексной системой, то целью данного исследования был анализ главного героя романа Н. Казандзакиса «Грек Зорба» Алексиса Зорбы на всех трех уровнях: вербально-семантическом, лингво-когнитивном и мотивационно-прагматическом. Методом сплошной выборки были отобраны лексические единицы не только из персонажной субъектной речевой сферы литературного героя, но также фрагменты неперсонажной сферы, репрезентирующие физический и духовный облик Зорбы, его поведение. Полученные результаты позволяют сделать вывод не только об особенностях речевого поведения персонажа, но также и о базовом концепте его картины мира («жизнелюбие») и мотивационных установках, обуславливающих его поведение (стремление к свободе). Исследованная языковая модель может явиться основой разработки лингвотипажа «гедонист».

Ключевые слова: языковая личность, лексикон, тезаурус, прагматикон, литературный персонаж.

Summary. Since a linguistic personality is a complex system, the purpose of this study was to analyze the main character of the novel «Zorba the Greek» by N. Kazantzakis Alexis Zorba at all three levels: verbal-semantic, linguistic-cognitive and motivational-pragmatic. The method of continuous sampling was used to select lexical units not only from the character's personal speech, but also fragments of the non-character sphere

representing physical and spiritual appearance of Zorba and his behavior. The results obtained allow us to conclude not only about the features of the character's speech behavior, but also about the basic concept of his picture of the world ("love of life") and the motivational attitudes that determine his behavior (desire for freedom). This language model may be the basis for researching the linguistic type «hedonist».

Key words: linguistic personality, literary character, lexicon, linguistic thesaurus, pragmation.

При изучении художественного текста вполне правомерно использовать термин «языковая личность», так как автора художественного произведения характеризует свой неповторимый идиостиль, обусловленный особым мировосприятием и ценностными установками.

Ю.Н. Караулов, изучая ЯЛ, наполнил эту категорию особым теоретическим содержанием и впервые свёл вопросы теории ЯЛ в систему в своем исследовании «Русский язык и языковая личность» (1987 г.). Он определил ЯЛ как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [2, с. 21].

Определяя структуру языковой личности, Ю.Н. Караулов выделил три уровня, которые совпадают с уровнями владения языком:

1) вербально-семантический уровень (лексикон), отражающий лексико-грамматические знания человека. Элементы этого уровня – слова, структуры и модели словосочетаний и предложений.

2) когнитивный уровень (тезаурус), в котором находят отражение духовные ценности человека, его понятийная картина мира, а также разного рода знания – бытовые, знание культуры, науки, искусства и т.д. Единицами данного уровня выступают концепты и идеи.

3) мотивационно-прагматический уровень (прагматикон), включающий устойчивые коммуникативные потребности и черты личности, порождаемые целями и мотивами. Этот глубинный уровень подразумевает субъективное отношение человека к миру, отраженное в языке [2, с. 21–23].

Названные уровни находятся в отношениях иерархии. Зная только лексикон личности, нельзя сделать вывод о языковой модели её мира, так как на базе только лексикона персонажа писатель не может «создать полноценный речевой портрет, а значит, и художественный образ в целом» [4]. Только комплексный анализ всех уровней ЯЛ даёт полноценное представление о ней, так как еще М. М. Бахтин говорил: «Говорящий человек в романе – всегда в той или иной степени идеолог, а его слово – всегда идеологема, связанная с особой точкой зрения на мир» [1, с. 145–146], а Ю.М. Лотман высказал мысль о том, что персонаж как выраженная в тексте «точка зрения» является потенциальным носителем такой сферы, как сознание, которая может быть воссоздана по языковым принципам [3].

Данная статья посвящена анализу ЯЛ художественного произведения. Для моделирования этой личности персонажа нами был выбран главный герой романа Н. Казандзакиса «Грек Зорба» Алексис Зорба. В произведении доминирует динамичный диалог, что позволяет языковой личности наиболее ярко проявлять себя.

Предметом анализа в нашем исследовании являются лексические средства объективации лексикона, тезауруса и прагматикона, отобранные как из персонажной речевой сферы, так и неперсонажной (выраженной в оценках других героев и самого автора).

Рассмотрим каждый уровень языковой личности главного героя романа «Грек Зорба» Алексиса Зорбаса:

1) Вербально-семантический уровень.

Алексис Зорба – выходец из низших социальных слоёв, имеющий низкий уро-

вень образования и культуры. Происхождение и образ жизни героя находят отражение в его речи. В целом, он пользуется только обиходно-бытовым, разговорным стилем общения. Например: «Από της μωλωνούς τον πισινό ζητάς ορθογραφία. Ο πισινός της μωλωνούς είναι ο νους του ανθρώπου». «Ты знаешь историю про мельничиху? Вот и скажи, разбирается ли её зад в орфографии? Зад мельничихи – это и есть человеческий разум» [6, с. 24].

Речь Зорбы изобилует жаргонными и ненормативными словами, а экспрессия достигается за счет использования сниженной лексики. Например: βρωμοκαρακάξες – старые сороки; γέρο-ξεκουτιάρης – старый осёл; ξενομπασιάρης – прилипала; τα ξερά – лапы; φοράδα – кобылица (в отношении женщины); τα σάστισα – обалдел; ψωριάρηδες – вшивая банда; ψοφώ – сдохнуть; γεροκολασμένος – старый негодяй, σκρόφα – стерва.

Критское происхождение Зорбы находит отражение в использовании критских диалектных слов на всех уровнях языка: на фонетическом: ακλουθώ (=ακολουθώ); θερίο (=θηρίο), είχαμε ‘ποφάει (=άποφ-), δηγούμαι (=δηγούμαι), βλοημένη (=εύλογ-), ο ‘γούμενος (=ηγ-), θα γενώ (=θα γίνω), на лексическом: χοχλάδι – галька; χαροκοπώ – развлекаться, устраивать пирушку; χαμπέρι – новость; σκιανός – тень; σεβντάς – страстная любовь; ξενομπάτης – прохожий, проезжий; κουζουλάδα – сумасшествие, бессмыслица, чушь; καμωμένα – сделанное, сотворенное; на идиоматическом: ταυραμπάδες (уничижительно) – тучные священники; σκανταλόχορτα – трава скандалов (το χωράφι το σπαρμένο σκανταλόχορτα – поле, усеянное травой скандалов); η χιλιαντρούσα – женщина, у которой было много мужчин («χίλιοι άντρες»).

В речи Алексиса Зорбы встречается много паремиологических единиц (142 единицы). Мы выделили следующие основные лексико-тематические группы паремий, использованные этим персонажем: брак (Ελεσα κι εγώ με τα μούτρα στο λάκκο), хорошая, комфортная жизнь (Ζωή και κότα); еда и выпивка (Πέσαμε με τα μούτρα στο φαγοπότι); умственные способности (Μη θαρρείς πως έφαγα κουτόχορτο (досл. «съел травы дураков»)); человеколюбие (Όλους τους λυπάμαι, και ας καμώνουμαι πως δε μου καίγεται καρφί); человеческая глупость и общественное мнение (Να μην μας πάρουν για παλαβούς, να μη μας πετούν λεμονόκουπες), свобода (Είδες ποτέ σου λαό να ζουρλαίνεται όλος μαζί, γιατί είδε την λευτεριά του; Ε, αφεντικό, στραβός γεννήθηκες, στραβός θα πεθάνεις), смерть (Σφάξε με, αγά μου, ν’αγιάσω).

Тот факт, что Н. Казандзакис вложил в уста персонажа Алексиса Зорбы столько паремий, доказывает не только народную идентичность героя-критянина, но и глубокое понимание самим автором народного мышления.

2) Лингво-когнитивный уровень языковой личности

Рассмотрим главный концепт в картине мира Алексиса Зорбы – жизнелюбие. Данный концепт имеет следующую структуру: понятие «жизнелюбие» является ядром концепта, а его периферию формируют следующие смысловые поля и наполняющие эти поля языковые средства: смысловое поле «умение посмеяться над собой» формируют прозвища: Τηλέγραφο / Телеграфный столб, Τσακατσούκα / Пустозвон; смысловое поле «легкое отношение к жизни» - να κάμει κάτι και χωρίς γιατί / делать без особой на то причины, έτσι, για το κέφι / так, для удовольствия; καλά κέρδητα / заработать нам кучу денег, να πέφτεις με τα μούτρα στη δουλειά / быть первым в работе, στο κρασί / в выпивке, στον έρωτα / в любви, να μη φοβάσαι το Θεό, μήτε το διάολο / не бояться ни Бога ни дьявола; смысловое поле «любовь к женщинам» - τη νύχτα εκείνη μιά γυναίκα με περίμενε στο στρώμα / ночью одна женщина ожидала меня в своей спальне, το θηλυκό γένος / женский пол, καλές κοπέλες να μας κλέψουνε / пусть нас похитят прекрасные девушки; смысловое поле «наслаждение жизнью» - μυρωδάτη каμαρούλα / ароматная комнатка, μοσκόσάπουνα / ароматное мыло, ο χορός / танец, η Παράδεισος του / свой рай; к данному смысло-

вому полю относятся также наименования алкогольных напитков - βαρέλια κρασί / бочки с вином, ούζο / узо, κονιάκ / коньяк; наименования еды - αρνάκι / ягненок, κρέας / мясо, ψωμί / хлеб, σουπες / супы, κάστανο / каштан.

3) Мотивационный уровень языковой личности.

Исследуемая языковая личность – Алексис Зорба, персонаж колоритный, самобытный, страстный, эксцентричный. Он – свободное «дитя природы», пожилой бродяга, жизнелюб. Всеми его поступками движет любовь к свободе. Став свидетелем революции на Крите в 1896 г. и участником македонской войны, он смог от национального фанатизма прийти к общечеловеческой идеологии свободного человека. Зорба говорит: «Γλύτωσα από την πατρίδα, γλύτωσα από τους παπάδες, γλύτωσα από τα λεφτά. Λευτερώνομαι, γίνομαι άνθρωπος. – Я освободился от родины, от священников, от денег. Я освобождаюсь, становлюсь человеком» [6, с. 267]. Он совершил много преступлений во время македонской войны: убивал, грабил и поджигал деревни, бесчестил женщин, и именно осознание совершённого заставило его освободиться от слепого национального фанатизма: «Η πατρίδα, μου λες... Εμένα ν' ακούς όσο θα υπάρχει πατρίδα, ο άνθρωπος θα απομένει θειό, θειό ανήμερο... Μα δόξα σοι ο θεός, γλύτωσα, γλύτωσα, πάει! – Родина, говоришь...Послушай, пока есть у человека родина, он будет самым страшным зверем» [6, с. 270].

Свобода занимает главное место в системе ценностей Алексиса Зорбы. Он определяет человека как «αυτός που θέλει να'ναι λεύτερος» («тот, кто хочет быть свободным»). Он осуждает христианство за то, что ортодоксальная идеология подавляет свободное волеизъявление личности. Как и древние греки, Зорба верит во всемогущество и независимость человека. Поэтому он считает своим долгом нарушать все 10 заповедей. Он говорит хозяину: «Καθώς καταλαβαίνω, η ευγενεία σου δεν πείνασες, δε σκότωσες, δεν έκλεψες, δε μοίχεψες – τι μπορείς λοιπόν να ξέρεις από κόσμο; – Насколько я понимаю, твоя светлость никогда не испытывала голода, не убивала, не крада, не спала с чужой женой. Что ты можешь в таком случае знать о мире?» [6, с. 37]

Зорбе на момент повествования 65 лет. Обычно к этому возрасту у человека уже имеется профессия, жилье, семья, дети, внуки. Для Зорбы это рабство, он стремится к абсолютной свободе. Так, например, рассуждая о том, что в жизни важно, он говорит хозяину: «Του λόγου σου η Παράδεισο θά 'ναι γεμάτη βιβλία και μεγάλες νταμιτζάνες μελάνι' η δικιά μου εμένα Παράδεισο είναι ετούτη: μια μικρή μυρωδάτη καμαρούλα με παρδαλά φουστάνια και μοσκοσάπουνα κι ένα διπλόφαρδο κρεβάτι με σουστες, και δίπλα μου το θηλυκό γένος. – Твой рай будет набит книгами и бутылками чернил. Мой рай здесь: маленькая надушенная комнатка с пёстрыми платьями, туалетное мыло, достаточно широкая кровать с пружинами и создание женского пола рядом со мной» [6, с. 185].

Зорба – воплощение дионисийского духа. Он одинаково эмоционально переживает и радость, и грусть, одинаково страстно работает и развлекается. Он считает, что «... οι μισές δουλειές ..., οι μισές κουβέντες, οι μισές αμαρτίες, οι μισές καλοσύνες έφεραν τον κόσμο στα σημερινά χάλια ... Πιο πολύ σιχαίνεται ο Θεός το μισοδιάλο παρά τον αρχιδιάλο» – Из-за того, что люди делают свою работу наполовину: мыслят наполовину, грешат или добродетельствуют тоже наполовину, мир находится в таком плачевном состоянии. Поэтому иди до конца, замахивайся сильнее, забудь о страхе, и ты победишь. Господь Бог больше ненавидит полудьявола, чем архидьявола!» [6, с. 273]

С одной стороны он считает человека божеством, а с другой – «большой скотиной» («Ο άνθρωπος είναι ... μεγάλο χτήνος»), потому что человек легко подчиняется разным идеям и идеологиям: «Κι αυτό δεν είναι σκλαβιά; Να θυσιάζεις για μια ιδέα, για τη ράτσα σου, για το Θεό;» - Разве это не рабство? Приносить себя в

жертву ради идеи, народа или Бога?» [6, с. 40]. Он уверен, что ни одна идея в мире не стоит того, чтобы проливать за нее кровь. Как же человеку избавиться от этих идей? По мнению Зорбы есть один единственный путь – свой собственный опыт, а не чтение романтических поэм и утопических романов. Он считает, что сам таким образом спасся.

Проанализировав все три уровня языковой личности главного героя романа Н. Казандзакиса «Грек Зорба», можно сделать вывод, что на вербально-семантическом уровне проявляется лишь происхождение, народная идентичность и необразованность персонажа (разговорный стиль общения, нецензурная лексика и диалектизмы, обращение к пословицам и поговоркам), что позволяет составить лишь речевой портрет персонажа. На лингво-когнитивном уровне концепт, который наиболее ярко репрезентирует картину мира Зорбы, – жизнелюбие. Мы по праву можем назвать данный концепт не только индивидуально-авторским для Казандзакиса, но и этноспецифическим для греческой лингвокультуры. Что же касается мотивов и ценностей, то Зорба является воплощением свободы, понимая её как полную независимость от стереотипов, общественного мнения, авторитетов и статусов.

Список использованных источников

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970. 384 с.
4. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др.: В 2 т. М., 2002. - <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php> (дата обращения 27.12.2019)
5. Казандзакис Н. Грек Зорба / Перев. Е. Мирошниченко. София: Гелиос, 2003. 464 с.
6. Καζαντζάκης Ν. Ο βίος και η πολιτεία του Αλέξη Ζορμπά. Αθήνα, 1968.

УДК 811.161.1243

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ И ОНИМЫ В НЕМ КАК СРЕДСТВО ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ПОЗНАНИЯ РОССИИ ИНОСТРАНЦАМИ

Л. А. Батурина,

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка,
Факультет подготовки иностранных специалистов,
Волгоградский государственный технический университет, Волгоград*

Н. В. Харламова,

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка,
Факультет подготовки иностранных специалистов,
Волгоградский государственный технический университет, Волгоград*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы имплицирования аутентичного текста в рамках преподавания русского языка как иностранного. Цель статьи – продемонстрировать возможность формирования лингвострановедческой компетенции иностранного учащегося через аутентичный текст, вариативностью которого является текст масс-медиа. В частности, способность онимов в текстах масс-медиа быть связующим, конструктивным элементом содержательно-смыслового пространства рассматривается авторами статьи как одно из эффективных средств лингвокогнитивного познания России. Методом анализа и сравнения текстов масс-медиа авторы статьи приходят к выводу о том, что знание и употребление имен собственных не только способствует повышению лингвострановедческой компетенции иностранцев, но и помогает им быстро социализироваться в иноязычном пространстве.

Ключевые слова: аутентичный текст, лингвострановедческая компетенция, тексты масс-медиа, русский язык как иностранный.

Summary. The article deals with the implication of an authentic text in the framework of teaching Russian as a foreign language. The purpose of the article is to demonstrate the possibility of forming the linguistic and cultural competence of a foreign student through an authentic text, the variability of which is the text of the mass media. In particular, the ability of onyms in mass media texts to be a connecting, constructive element of the content-semantic space is considered by the authors of the article as one of the effective means of linguocognitive cognition of Russia. By analyzing and comparing the texts of mass media, the authors of the article come to the conclusion that the knowledge and use of proper names not only improves the linguistic and cultural competence of foreigners, but also helps them to quickly socialize in a foreign language space.

Key words: the authentic text, the linguistic and regional geographic competence, texts mass-media, Russian as foreign.

Проблема формирования лингвострановедческой компетенции в процессе обучения русскому языку как иностранному является крайне важной. В этой связи аутентичные тексты представляются нам ценным материалом, поскольку отражают актуальные проблемы материальной и духовной жизни российского общества. Подобные тексты понимаются нами как результат процесса использования иностранного языка представителями соответствующего общества, и могут быть использованы в качестве основного средства создания аутентичной учебной ситуации при обучении языку.

Наиболее ярко аутентичность проявляется в текстах масс-медиа. Радио, телевидение, пресса (язык газеты), Интернет, реклама превращают любой текст, любого жанра в особого рода текст, сохраняющий свои лингвострановедческие элементы и приобретающие новые, характерные для текстов масс-медиа, которые и вызывают огромный интерес в иноязычной аудитории.

Таким образом, важна не только лингвострановедческая информативность всего текста в целом, но и отдельных языковых единиц (структурных элементов текста). Одним из таких элементов являются имена собственные. Именно они, на наш взгляд, служат наиболее эффективным средством привлечения внимания к тексту публикации, отражая и национальную семантику языка, и те изменения, которые происходят в культурной жизни общества.

По специфике функционирования онима в публицистическом тексте можно судить об отношении автора к описываемым событиям, о позиции редакции.

В рамках структуры текста каждый элемент публицистической речи выполняет текстообразующую функцию. Имена собственные наряду с номинативной (дифференциальной, идентификационной) функцией выполняют текстообразующую (онимы являются важным средством текстообразования).

Под текстообразующей функцией имен собственных мы понимаем способность онимов быть связующим, конструктивным элементом содержательно-смыслового пространства и формальной организации публицистического текста. В нем имена собственные вступают с другими единицами в синтагматические и парадигматические отношения. А синтагматика и парадигматика являются текстовой осью, основой системно-структурной организации текста.

В связи с этим можно говорить о способности имен собственных структурировать публицистический текст.

Главная особенность структуры масс-медиальной речи заключается в том, что позиция производителя речи совпадает с авторским «я» в открытости, подлинности, субъективности и одноплановости публицистической речи. И очень часто эта позиция подчинена задаче характеристики субъекта.

Официальное русское именование триедино: его составляют имя, отчество и фамилия. Как уже отмечалось выше, одной из основных особенностей языка газеты является социальная оценочность. Автор публицистического текста, как правило, выражает мнение той или иной группы, коллектива. И это мнение, а точнее сказать отношение выражается уже через антропонимическую форму (т.е. в тексте преобладает фамилия субъекта или же его имя и отчество и т.д.).

В этом плане интересен антропоним Путин Владимир Владимирович.

Согласно данным последних соцопросов, рейтинг В. Путина (точнее, процент доверяющих президенту) зашкалил за 70%. Большинство людей испытывают симпатии к этому человеку. Естественно, что это отразилось и в языке газеты. Отметим преобладание антропонимной формулы имени, включающей отчество:

Владимир Владимирович собирает друзей [Комсомольская правда, февраль 2019 г.];

Надо ли говорить, что полномочный представитель Владимира Владимировича никогда не стал бы в тайне от него «ставить» на кого-то из кандидатов [Комсомольская правда, 11 января 2018 г.];

Впрочем, Владимир Владимирович Путин, как известно, чувств своих не афиширует – сказывается школа разведки [АиФ, март 2017 г.];

«Человек Владимира Владимировича» четко понимает, что деревня, райцентр, регион – все это составная часть большой России [Жизнь, 16 марта 2019 г.];

Владимир Владимирович ни разу публично не заявил о «большой и чистой президентской любви» к определенному кандидату [Московский комсомолец, 21 января 2017 г.].

Именование по имени и отчеству показывает вежливое отношение к именуемому лицу, включает желание подчеркнуть уважение к нему.

В публицистических текстах есть также и парадигматические замены имени собственного Путин Владимир Владимирович:

1) апеллятивные (апеллятив социального статуса):

Президент средних русских [АиФ, февраль 2017 г.];

Весь путь от Томска до Омска железнодорожники трепетно ждали: вдруг глава российского государства посетит электровоз. Был же президент на истребителе и подводной лодке! [Комсомольская правда, 20 февраля 2017 г.];

Вчера верховный главнокомандующий вооруженными силами РФ посетил так называемых фейерверкеров (449-й отдельный салютный дивизион) [Московский комсомолец, 1 мая 2018 г.].

2) прономинальные (замена либо местоимением-существительным в именительном падеже, либо местоимением-существительным в косвенном падеже):

Он – свой. Напористый мужчина средних лет, не высокий – не низкий, не проstack, но и не гений [АиФ, февраль 2018 г.];

Его ориентиром, скорее всего, будут пожелания тех самых средних русских, которые его выбрали [там же];

Конечно, говоря о президенте, существует большой соблазн сделать вывод о том, что этот арест выгоден прежде всего ему [АиФ, январь 2017 г.].

Возникновение собственных имен (в частности антропонимов) может быть связано с переходом онимов из одного разряда имен в другой. Так, известную американскую звезду Голливуда Джулию Робертс стали называть «Красоткой» после того, как она снялась в одноименном фильме:

«Красотка» озверела от ревности? [там же].

Экспрессивность, выразительность аутентичных, масс-медиаальных текстов достигается и через семантико-стилистические особенности имен собственных. Так, в публицистическом тексте распространен прием преднамеренной двусмысленности (диалогия):

Интригующий Роман [АиФ, февраль 2018 г.].

1) «интригующий роман» – «возбуждающий интерес, любопытство чем-нибудь загадочным, неясным»;

2) Роман – имя (антропоним),

(Автор статьи пытается выяснить что за человек Роман Абрамович...).

Таким образом, в каждую эпоху определенная территория характеризуется своими антропонимиконимом. Публицистический текст – это своеобразный исторический документ эпохи, поэтому в нем присутствуют реально существующие «герои» того или иного времени: Б. Ельцин (1991-1999 гг.), В.В. Путин (2000-2001 гг.)... Поэтому так важно, используя аутентичные, в частности, газетные тексты, делать необходимые пояснения в иностранной аудитории, в том числе и на примере имён собственных, как неотъемлемых компонентов данных текстов. Ведь знание и употребление онимов не только способствует повышению лингвострановедческой компетенции, но и помогает быстро социализироваться в иноязычном пространстве, а также практически пользоваться реальным, живым языком.

Список использованных источников

1. Батурина Л. А. Сдаём экзамен по РКИ (говорение) / Научное и образовательное пространство: перспективы развития: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф.– Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 92-93.

2. Воробьева Г.В., Батурина Л.А. Изучение русского языка и внеаудиторная работа с иностранцами в контексте мультикультурного диалога // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе. 2014. Т.11. №14 (141). С. 23-25.

3. Воробьева Г. В., Батурина Л. А. Язык кино в обучении иностранцев русской речи. // Высшее образование в России. – 2012. – №6. 3с.

4. Демьянова Ж.В. Формирование лингвострановедческой компетенции студентов неязыковых факультетов педагогического вуза: дис. ... канд. пед. наук / Ж.В. Демьянова. – Шадринск, 2010. 232 с.

5. Емельянова Я.Б. Лингвострановедческая компетенция переводчика: теория и практика: Монография/Я.Б. Емельянова. – 2-е изд., испр. и доп. – Нижний Новгород: ООО «Стимул-СТ», 2010. 201 с.

КОММУНИКАТИВИСТИКА И ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

УДК 811.12

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИКА

Т. Б. Колышкина,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль

И. В. Шустина,

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории коммуникации и рекламы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль

Аннотация. Статья посвящена анализу языковых средств создания образа регионального политика. Цель статьи – выявление лексических и грамматических средств, влияющих на формирования образа политика, способствующих или не способствующих созданию положительного имиджа губернатора. Для исследования было проведено семантическое описание 14 материалов, опубликованных в официальных электронных ресурсах. В ходе исследования были сделаны выводы о средствах, способствующих созданию положительного образа регионального политика.

Ключевые слова: политическая коммуникация, образ политика, языковые средства создания образа.

Summary. The article is devoted to the analysis of linguistic means of creating the image of a regional politician. The purpose of the article is to identify lexical and grammatical means that affect the formation of the image of a politician, whether or not contributing to the creation of a positive image of the governor. For the study, a semantic description of 14 materials published in official electronic resources was carried out. In the course of the study, conclusions were drawn about the means that contribute to creating a positive image of regional politicians.

Key words: political communication, image of a politician, language means of creating an image.

Современная политическая ситуация складывается таким образом, что политики не только верхнего эшелона, но и регионального уровня вынуждены формировать лояльность общественности разнообразными способами и средствами. Образ политика часто формируется средствами паблисити и политической рекламы, особенно если речь идет о политиках федерального уровня [2]. Одним из основных способов формирования образа регионального политика является информирование общественности о тех событиях, в которых он принимает участие. Информация о таких событиях, как правило, размещается на официальных электронных ресурсах органов власти. В статье мы провели анализ языковых средств, создающих образ губернатора Ярославской области Д. Ю. Миронова. Данный политик интересен тем, что он, не будучи жителем Ярославской области, был назначен на пост и.о. губернатора 27 июля 2016 года, а в сентябре 2017 года был избран губернатором Ярославской области. Жители региона с интересом следили за тем, как новый человек будет руководить областью. В связи с этим средства создания образа нового политика в официальных публикациях представляют особый интерес. Мы обратились к опубликованным на портале Ярегион в течение 2019 года 14 материалам на разные темы.

Во всех проанализированных материалах одним из языковых средств, используемых для создания положительного образа губернатора, является лексика, имеющая семантику с положительной оценочной коннотацией. Так, в рассмотренных текстах частотными можно считать следующие группы лексем:

- слова с общей семой «развитие»: *потенциал, перспектива, расширение, возобновление, процветание, благо, развитие, продвижение, создание, поддержка, укрепление, углубление, продолжение; дополнить, расширять, распространять, содействовать, целеустремленный;*

- слова с общей семой «вместе»: *сотрудничество, взаимодействие, содействие, поддержка, партнер, кооперация, связи, контакты, дружба, соглашение, взаимоотношения, взаимовыгодный, совместный, совместно;*

- слова с семой «успешное решение задачи»: *наладить, выдающиеся, награда, наградить, успех, успешный, добившийся, реализация, добиться, победа, победитель, призер, справляться.*

Поскольку в текстах речь идет о событиях, которые прямо или косвенно влияют на будущее региона, введение в материал лексики с семой «развитие» представляется вполне закономерным. Надо отметить, что лексика данной группы активно используется в публикациях на разные темы (*у Ярославской области есть потенциал для расширения сотрудничества с Японией; вы давно и плодотворно трудитесь во имя процветания Ярославского края; они обсудили темы развития театрального искусства, продвижения массового спорта; проведен глубокий анализ проблематики развития инфраструктуры отрасли и др.*). Преобладание в текстах лексики с семой «развитие» создает образ губернатора, который думает о будущем области, стратегически выстраивает ее перспективы.

Лексика с семой «вместе» включена в публикации, посвященные реализации международных проектов (*у Ярославской области есть потенциал для расширения сотрудничества с Японией; перспективы взаимодействия России и Японии; наша задача – расширять межрегиональные контакты России и Китая; визит послужит укреплению российско-китайских региональных связей; обсуждали перспективы сотрудничества в будущем; обсуждали перспективы сотрудничества в будущем; у Ярославской области и республики Армения есть перспективы для будущего развития взаимоотношений и др.*). Эта же группа слов встречается в публикациях, посвященных событиям внутри Ярославской области: вручению наград жителям области, встречам губернатора с руководителями ведомств, реализации новых локальных проектов (*Дмитрий Миронов и новый начальник УФ-СИН обсудили вопросы взаимодействия; Центр создан в рамках соглашения о сотрудничестве между Правительством Ярославской области и ПАО «Славнефть-ЯНОС»; совместными усилиями мы сможем закрепить уже достигнутые результаты и решать приоритетные задачи, направленные на защиту интересов детей и др.*). Использование лексики с семой «вместе» позволяет создать образ губернатора, готового выстраивать отношения с внешними и внутренними партнерами на основе сотрудничества, согласия и взаимопонимания. Включение подобной лексики в публикации о внутриобластных событиях подчеркивает стремление политика вести диалог со своими избирателями, прислушиваться к их мнению и делать то, что необходимо жителям области.

Слова с семой «успешное решение задачи» – это еще одна частотная лексическая группа, которая встречается в официальных публикациях о деятельности губернатора (*Дмитрий Миронов вручил государственные и региональные награды жителям области, добившимся особых успехов в разных сферах деятельности; успешная реализация любых планов во многом зависит от энтузиазма и творческого отношения к делу конкретных людей; Дмитрий Миронов в «Арене»*

наградили лучших выпускников Ярославской области; ученики являются победителями и призерами Российской психолого-педагогической олимпиады; девять выпускников добились победы на заключительном этапе Всероссийской олимпиады школьников – главного интеллектуального состязания страны и др.). Данная лексика способствует созданию образа губернатора, который так руководит регионом, что все запланированное исполняется, люди имеют возможность максимально реализовывать себя и достигать успехов в разных областях деятельности.

Наряду с лексикой, имеющей семантику с положительной оценочной коннотацией, в цитатах Д. Ю. Миронова целесообразно рассмотреть лексику, выражающую оценку, поскольку она является мощным средством манипуляции общественным сознанием [1]. При анализе оценочной лексики следует обратить внимание на то, что и как оценивает политик. Во-первых, губернатор дает положительную оценку тем целям и задачам, которые стоят перед правительством области: *стоят большие и интересные задачи; нужна целеустремленная и образованная молодежь. очень важно создавать новые инструменты; мы уделяем особое внимание вопросам безопасной транспортировки детей в образовательные организации.* Как видим из примеров, оценка выражена опосредованно за счет лексики, содержащей качественную характеристику предмета или действия. Во-вторых, губернатор положительно оценивает деятельность как отдельных жителей области, так и предприятий: *плодотворно трудитесь; закрепите уже достигнутые результаты; быть родителями – огромный труд и большая ответственность; вы с честью справляетесь с этой задачей, растите достойное поколение; хочу отметить большую работу ПАО «Славнефть-ЯНОС».* В этой группе оценка в первую очередь дается действиям и результатам этих действий, причем предпочтение отдается непрямым оценочным суждениям, в которых обращается внимание не столько на саму оценку, сколько на качественную характеристику объектов оценивания, например, на объем выполненной работы (*большая работа, огромный труд, большая ответственность*). Третьим объектом оценивания становятся события в жизни жителей области: *день завершает важный и ответственный период вашей жизни; перспективы, которые открываются перед вами, безграничны; медаль «За верность родительскому долгу», которую мы традиционно вручаем в Международный день семьи, на мой взгляд, одна из самых важных наград Ярославской области.* Лексемы, используемые в данной группе для выражения оценки, тоже носят не прямой оценочный характер, сопутствующий основной качественной характеристике объекта. Как видим из примеров, в этой группе преобладает слово *важный*, создающее эффект сопричастности говорящего к событиям в жизни читателей. Последнюю группу оценочных суждений составляют описания личного отношения губернатора к тем или иным явлениям и событиям: *мне очень приятно лично поздравить вас; дорогие ребята, я буду особенно рад, если вы решите связать свою жизнь с Ярославским краем; мама – самый дорогой и любимый человек в моей жизни, медаль «За верность родительскому долгу», на мой взгляд, одна из самых важных наград Ярославской области.* Оценка событий, людей, ситуаций, опосредованно переданная через описание личных эмоций, позволяет создать очень человечный образ губернатора, которому близко и значимо то, что дорого многим людям, которому небезразлична судьба области.

Оценочные суждения, выявленные в цитатах губернатора, позволяют создать образ человека, умеющего по достоинству оценить достижения людей, способствующих развитию региона, и порадоваться их успехам. Более того, в данных суждениях выражается намерение губернатора работать на этом посту длительное время, что очень важно, поскольку многие жители области до сих пор воспринимают его как временного руководителя.

Анализ языковых единиц, создающий образ губернатора, нельзя ограничивать только лексикой, поскольку лексемы прямо вербализуют те или иные намерения адресанта. Обращение к грамматическим единицам позволяет обнаружить скрытые, подтекстовые, характеристики, которые пишущий, возможно, дал ненамеренно. Для рассмотрения грамматических единиц мы решили остановиться на видо-временных формах глагола, так как именно они выражают отношение действия к моменту речи, характеризуют завершенность, результативность или протяженность, процессуальность действия.

Исследование текстов показало, что в цитатах губернатора достаточно частотны глаголы несовершенного вида, имеющие видовую пару, то есть действие может быть как доведено до внутреннего предела, так и не доведено до внутреннего предела. Говорящий выбирает неопределенное действие, если ведет речь о настоящем моменте, когда важен процесс протекания действия (*сегодняшний день завершает важный и ответственный период вашей жизни...перспективы, которые открываются перед вами, безграничны*), когда необходимо подчеркнуть длительность и постоянство протекания действия (*поскольку вы закладываете основы нравственного воспитания своих детей. Спасибо вам за то, что вы с честью справляетесь с этой задачей, растите достойное; наша задача – расширять межрегиональные контакты двух стран, содействовать углублению взаимного понимания; очень важно создавать новые инструменты, помогающие развитию межрегионального сотрудничества России и Китая*), когда нужно указать на повторяемость действия (*ежегодно выделяются средства..., проводятся круглогодичные рейды...; добрая традиция встречаться накануне Международного женского дня; традиционно вручаем в Международный день семьи; Всегда хочется возвращаться к маме*). Такого рода грамматические единицы подчеркивают стабильность протекающих в жизни области процессов, их постоянный и размеренный характер. Это выражает грамматическая форма: данные глаголы используются в форме настоящего времени со значением «настоящего расширенного», «настоящего постоянного», «повторяющегося действия».

Особого внимания заслуживают глаголы совершенного вида, поскольку именно они свидетельствуют о завершенности и результативности тех или иных действий, а от губернатора жители области ожидают конкретных решений проблем. Глаголы совершенного вида прошедшего времени с перфектным значением встретились только в тех текстах, где описываются действия жителей и предприятий области (*определились; год назад в лицее №86 был открыт инженерный ЯНОС-класс; сегодня политика предприятия получила продолжение*), реже совместные действия правительства с жителями области (*У нас с вами сложилась добрая традиция*). Описывая действия правительства и совместные действия правительства и жителей, губернатор чаще обращается к формам будущего времени (*пять новых машин заменят*) или конструкциям, указывающим на ирреальность действий (*мы сможем закрепить уже достигнутые результаты; должны быть реализованы; мы могли бы обсудить вопрос потенциальных совместных инвестиционных проектов Ярославской области и провинции Хэйлуницзян, а также сформировать...*). Использование данных глагольных форм рисует образ губернатора, не имеющего влияния на ситуацию, не уверенного в осуществлении планов.

Анализ глагольных единиц, представленных в речи авторов публикаций показал, что при описании деятельности правительства Ярославской области и губернатора Д.Ю. Миронова преобладают глаголы совершенного вида в прошедшем времени (*перспективы взаимодействия России и Японии обсудили 13 мая в Москве на заседании совета губернаторов обеих стран. В мероприятии приняли участие; большинство субъектов Российской Федерации наладили прочные связи с японски-*

ми партнерами, Дмитрий Миронов **вручил** награды; Дмитрий Миронов **встретился** с федеральным омбудсменом, 8 июля в правительстве области **состоялась** рабочая встреча; они **обсудили** вопросы в сфере защиты семьи и детства). Наиболее частотными являются глаголы, констатирующие факт действия, не имеющего конкретного практического результата: *обсудить, встретиться, сказать, отметить, пообщаться, поздравить, поделиться* и др. Встретились только три материала, где глаголы совершенного вида обозначают конкретное действие с перфектным значением (Дмитрий Миронов **вручил** жителям региона медали «За верность родительскому долгу»; *этом году награду получили жители...районов; уже сейчас построена* конструкция котельной, *осуществлена* промывка артезианской скважины, *смонтирована* тепловая трасса и дымовая труба, *заменен* насос. Пять ПАЗов, на 22 посадочных места каждый; **приобретены** на средства областного бюджета. На эти цели **было выделено** более 9 с половиной миллионов рублей).

Глаголы совершенного вида, обозначающие конкретное действия и имеющие перфектное значение, встречаются в цитатах жителей области (*Очень хороший проект был реализован в прошлом году в Данилове, где дошкольные учреждения поставили* своими силами настоящие спектакли, со всеми атрибутами: афишами, звонками, гостями. **Получился** праздник детства и красоты. ...**Надо использовать** этот опыт, **дополнить** его и **распространить** на весь регион). Как видно из примера, в публикации речь идет о реальном полезном для общества деле, которое может иметь продолжение. Такого же типа глаголы встречаются в текстах автора публикации, когда говорится о конкретных достижениях ярославцев (*73 выпускника выполнили работы на 100 баллов. Девять выпускников добились* победы на заключительном этапе Всероссийской олимпиады школьников).

Анализ грамматических форм глагольной лексики показал следующую закономерность: употребление глаголов несовершенного вида способствует созданию образа губернатора, планирующего длительное время непрерывно заботиться о благополучии жителей области, однако глаголы совершенного вида свидетельствуют о том, что конкретной результативной деятельности правительства области жители не заметят.

Таким образом, в ходе исследования были сделаны следующие выводы: официальные материалы о деятельности губернатора Ярославской области в целом создают положительный образ губернатора, заботящегося о развитии региона, высоко ценящего достижения людей, живущих в Ярославской области, стремящегося к конструктивному диалогу с партнерами и жителями области, думающего о благополучии своих избирателей. Однако пиар-специалисты, формируя средствами паблисити позитивный образ первого лица региона, должны обращать серьезное внимание на грамматические единицы [3], которые при неправильном употреблении могут разрушить этот положительный образ.

Список использованных источников

1. Шустина И.В. Оценка как манипулятивный прием в политической коммуникации // *Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX-XXI веков. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящённой педагогической и научной деятельности проф. Галины Васильевны Звёздовой и приуроченной к её юбилею.* 2017. С. 281-285.

2. Шустина И.В. Речевые средства манипуляции общественным мнением в современной политической рекламе // *«Человек в информационном пространстве».* Сборник научных трудов. 2016. С.421-426.

3. Кольшклина Т.Б, Шустина И.В. Типичные ошибки в организации текстов массовой коммуникации // *Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтение Ушинского»* / под ред. М.Ю. Егорова – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 334-343.

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ
ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ (на материале TED-Talks)**

Т. В. Мельниченко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Я. А. Викторова,

*обучающаяся 4 курса, Институт иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В данной статье ставится цель выявить и проанализировать коммуникативные стратегии и тактики, которые используются в публичных выступлениях на конференции TED. При проведении исследования применялись описательный метод, коммуникативно-прагматический метод (включающий методики анализа текста и дискурса), метод контекстуального анализа. В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что преобладающими коммуникативными стратегиями, используемыми в публичных выступлениях TED-Talks, являются стратегии аргументации, кооперации, информирования и организационно-процедурные, что соответствует прагматической установке выступлений данного формата.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, тактики, публичное выступление, конференция, TED-Talks.

Summary. The article is focused on the analysis of the communicative strategies and tactics used in public speeches at TED conference. The methodology of the research was based on the following methods: the descriptive method, the communicative-pragmatic method (including text analysis and discourse analysis), and the method of contextual analysis. It was concluded that predominating communicative strategies of public speeches at TED conferences are argumentative, cooperative, informing and procedure-organizing, which is in full compliance with the pragmatic aim of the conference.

Key words: communicative strategy, tactics, public speech, conference, TED-Talks.

Смена парадигмы, которая произошла в последние десятилетия в гуманитарных науках в целом, и в лингвистике, в частности, заключается, по мнению ряда современных исследователей (Ю. А. Левицкий, Ю. Е. Прохоров, Н. И. Формановская), в переключении внимания с описания внутрисистемных отношений в языке на осмысление речевых процессов. В лингвистике активно развивается направление, связанное с исследованием коммуникативных свойств языка в целом и ораторской речи в частности. Интерес к особенностям публичных выступлений объясняется тесной связью ораторского искусства с практической деятельностью человека в определенных общественных сферах. Коммуникативные стратегии и тактики исследуются в работах Д. А. Бокмельдер, К.Е. Калининой, Т.Е. Янко, R. Smyth и др. Представления о структурировании речи в соответствии с целевой установкой говорящего легли в основу многочисленных исследований на материале как диалогической речи (Н.А. Баранов, Г.Е. Крейдлин, И. Н. Борисова и др.), так и монологических выступлений (В.И. Карасик, В.В. Красных, К.Е. Калинин, R. Fowler и др.). В данных работах рассматриваются прагматические цели речевого общения и разрабатываются классификации коммуникативных стратегий и тактик.

Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием должного внимания к особенностям реализации коммуникативных стратегий и тактик на приме-

ре публичных выступлений научной направленности. В настоящее время, благодаря СМИ, мы наблюдаем широкомасштабную популяризацию результатов научных исследований в самых разных сферах. Все большую популярность приобретают открытые лекции ведущих ученых, которые транслируются он-лайн, международные конференции с участием представителей самых разных отраслей науки. Одной из наиболее известных конференций такого формата является конференция TED (*technology, entertainment, design*), проводимая ежегодно, в качестве спикеров на которой выступают известные ученые, политики, общественные деятели. Среди докладчиков TED в разное время были Ник Вуйчич, Сэр Ричард Брэнсон, Билл Гейтс, Илон Маск, Билл Клинтон, Нобелевский лауреат Джеймс Уотсон, а также основатель Википедии Джимми Уэйлс. Миссия конференции – распространять «ценные идеи» (*ideas worth spreading*). Выступления докладчиков представляют собой блестящие образцы ораторской речи и вызывают интерес с точки зрения изучения коммуникативных стратегий и тактик. **Целью** данного исследования является выявление и анализ стратегий и тактик, используемых в англоязычных публичных выступлениях на конференции TED. Для проведения данного исследования были отобраны 10 выступлений, объединенных темой «Technology».

Методологические принципы исследования базируются на определении дискурса как «вербализованной речемыслительной деятельности, взятой во всей совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов и закрепленной в форме текстов (устных и письменных)» [8, с. 128]. Под публичным дискурсом в нашей работе понимается «совокупность ситуативных условий, которые вызывают порождение новой речи в присутствии рядом с ее автором / говорящим одного и более лиц» [7, с. 332]. Коммуникативная стратегия определяется нами, вслед за И.Н. Борисовой, как «способ реализации замысла», предполагающий отбор фактов и их подачу в определенном контексте для воздействия на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата [2]. Соответственно, коммуникативные тактики представляют собой «операции выбора и комбинирования, тематического оформления и языкового или иного кодирования коммуникативного действия под контролем ... стратегической цели» [3, с. 20].

Анализ материала позволил выделить следующие коммуникативные стратегии и тактики. **Организационно-процедурные стратегии**, которые используются в начале и концовке выступления. В первом случае данная стратегия представлена тактиками приветствия, представления, объяснения темы выступления; во втором – тактиками благодарности и прощания. В языке они реализуются с помощью вежливых клишированных фраз. Тактика представления человека и темы может иметь стилистически нейтральную окраску: «*So what I'm going to talk about here is, this is a power station*» [15], но чаще содержит элементы юмора и направлена на установление более тесного, неформального контакта с аудиторией, на то, чтобы расслабить и расположить к себе слушателей: «*I'm in the business of safeguarding secrets, and this includes your secrets*» [14].

В основной части выступления используются стратегии, позволяющие оратору четко озвучить свою позицию, донести главную мысль. К данным стратегиям относится, например, **стратегия аргументации**, в основе которой лежит разумное рассуждение и приведение доказательств в защиту своей точки зрения. Данная стратегия реализуется при помощи следующих тактик: 1) тактика иллюстрирования, включающая апелляцию к фактам и приведение примеров: «*This story begins in 1985, when at age 22, I became the World Chess Champion after beating Anatoly Karpov*» [17]; 2) тактика контрастивного анализа: «*So, if we are to compare the relative volume of ocean water to that of the river water that's on our planet, and let's say we are able to put the ocean water into an Olympic-size swimming pool, then*

our planet's river water would fit in a one-gallon jug» [10]; 3) тактика обоснованных оценок путем установления причинно-следственных связей между частями аргументативного текста: «*Moderator: The reason why I speak to you is because the world should know that we are here. There is somebody who is checking the social media. We are doing our best to make this platform safe for all of them. Delete. Ignore»* [11]; 4) тактика «отсылка к авторитету или традиции»: «*I was really inspired by Stanford researcher Fei-Fei Li, who said, «if we want to teach machines how to think, we need to first teach them how to see.»»* [12]; 5) тактика несогласия, которая зачастую используется совместно с дополнительными тактиками: «*This was scientific management on steroids, standardizing and allocating work. It was super-efficient. Well, not quite, because the task allocator didn't know when a customer was going to drop a box of eggs, couldn't predict when some crazy kid was going to knock over a display...»* [16].

Следующей популярной стратегией является **стратегия информирования**, целью которой является предоставление максимально достоверной информации о деятельности компаний и организаций или привлечение внимания к отдельным аспектам их деятельности. Например: «*Membranes have been around for a number of years, and they're based on polymeric materials that separate based on size, or they can separate based on charge»* [10].

Полемика не является ведущей целью выступлений TED-Talks, напротив, цель выступающего – поделиться идеями и сделать слушателей своими единомышленниками. Для этого используется **стратегия кооперации**, представленная следующими тактиками: 1) тактика прямого обращения к собеседникам: «*Now, if that doesn't make complete sense to you, don't stress. You're in good company»* [14]; 2) тактика «обращения к юмору» как прием создания «психологического комфорта» [5, с. 66]; 3) тактика согласия, направленная на устранение конфронтации и недопонимания, вызванных конфликтом с представителями других точек зрения. В некоторых случаях данная тактика комбинируется с тактикой несогласия по отдельно взятым принципам. Например: «*Here's the mistake: it's right to think that technological progress makes the lump of work to be done bigger. <...> But it's wrong to think that necessarily, human beings will be best placed to perform those tasks»* [18]. 4) тактика присоединения, включающая обращение к аудитории с целью демонстрации единства мнений, убеждений: «*But do we treat it like a precious resource? Or rather, do we treat it like that old rug that you put in your front doorway and wipe your feet off on it?»* [10]. В данном случае оратор использует «we» для объединения с аудиторией, вовлечения ее в постановку и решение проблемного вопроса.

Стратегия личностных уловок также используется в публичных выступлениях и реализуется посредством следующих тактик: 1) тактика подстраивания; 2) тактика апелляции к личному опыту: «*Doing this work has taught me a few things. It's taught me how embracing imperfection can actually teach us something about ourselves»*. [12].

Стратегия формирования положительной реакции аудитории реализуется при помощи следующих тактик: 1) тактика обращения к эмоциям адресата – основывается на попытке воздействовать на чувственный, эмоциональный фон реципиента. Данная тактика может выступать как основная при реализации стратегий убеждения и как вспомогательная: «*The day after my 50th birthday, I climbed aboard a Russian capsule, in Russia, and launched into space. Launching is the most dangerous thing that we do, and it's also the most thrilling. Three, two, one ... liftoff! <...> And the mission and the magic begin»* [13]; 2) тактика похвалы, которая зачастую используется для создания положительного образа, либо для воздействия на чувства и эмоционально-когнитивное состояние адресата. Например: «*But that's OK, because we have so much imagination – if we use it. We have deep talents of*

inventiveness and exploration – if we apply them. We are brave enough to invent things we've never seen before. Lose those skills, and we are adrift» [16].

Статистический анализ коммуникативных стратегий и тактик, используемых в выступлениях TED-Talks, можно представить в виде таблицы (см. Таблицу 1), где за 100% принято общее количество проанализированных примеров использования коммуникативных стратегий (177).

Таблица 1

Статистический анализ коммуникативных стратегий, используемых в выступлениях TED-Talks

№	Вид стратегии	Количество примеров	% от выборки
1.	Организационно-процедурные стратегии	38	21
2.	Стратегии аргументации	52	29
3.	Стратегия информирования	22	13
5.	Стратегия кооперации	47	27
6.	Стратегия личностных уловок	5	3
7.	Стратегия формирования положительной реакции аудитории	13	7
	Всего	177	100

Анализ прагматической направленности выступлений TED-Talks свидетельствует о том, что ведущими коммуникативными стратегиями спикеров являются стратегии, направленные на установление неконфронтационного контакта с аудиторией, максимально полное, четкое и аргументированное изложение своей позиции, информирование аудитории о положении дел в той или иной области и приглашение к размышлению о поставленной проблеме. Это вполне согласуется с общей философией данного проекта – «делиться ценными идеями». В перспективе расширить и дополнить данное исследование авторы предлагают за счет проведения исследования по выявлению и систематизации языковых средств реализации коммуникативных стратегий и тактик.

Список использованных источников

1. Ван Дейк, Т. К определению дискурса [Электронный ресурс] URL :<http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения 10.12.2019).
2. Борисова И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа. Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1999. 623 с.
3. Голоднов А. В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе: автореферат дисс...доктора филол. наук. – Санкт-Петербург, 2011. 42 с.
4. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе: дисс. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 230 с.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: URSS / УРСС; ЛКИ, 2008. 288 с.
6. Карасик В. И. О типах дискурса. Волгоградский государственный университет [Электронный ресурс] URL: <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/>. (дата обращения 14.11.2019).
7. Ключев Ю. В. Уровни, модели, элементы публичного дискурса: коммуникативный подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9, 2008. Выпуск 4. Часть 2. С. 331–338. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/urovni-modeli-elementy-publichnogo-diskursa-kommunikativnyu-podhod>. (дата обращения 04.01.2020).
8. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? // Человек. Сознание. Коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

9. Сухих С. А. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. – Краснодар. : Кубанский государственный университет, 1998. 159 с.

10. Arrowood T. A Circular Economy for Salt that Keeps Rivers Clean [Electronic Resource]. – – Mode of access: URL: https://www.ted.com/talks/tina_arrowood_a_circular_economy_for_salt_that_keeps_rivers_clean. (дата обращения 22.01.2020).

11. Block H. Riesewieck M. The Price of a «Clean» Internet. [Electronic Resource]. – – Mode of access: URL: https://www.ted.com/talks/hans_block_and_moritz_riesewieck_the_price_of_a_clean_internet. (дата обращения: 22.01.2020).

12. Chung S. Why I Draw with Robots [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://www.ted.com/talks/sougwen_chung_why_i_draw_with_robots. (дата обращения 22.01.2020).

13. Coleman C. What it's Like to Live on the International Space Station [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://www.ted.com/talks/cady_coleman_what_it_s_like_to_live_on_the_international_space_station. (дата обращения 22.01.2020).

14. Costello C. In the War for Information, Will Quantum Computers Defeat Cryptographers? [Electronic Resource]. – – Mode of access: URL: https://www.ted.com/talks/craig_costello_in_the_war_for_information_will_quantum_computers_defeat_cryptographers. – (дата обращения 22.01.2020).

15. Hanson D. Robots that «Show Emotion» [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://www.ted.com/talks/david_hanson_robots_that_show_emotion?referrer=playlist-how_to_live_with_robots. – (дата обращения: 22.01.2020).

16. Heffernan M. The Human Skills We Need in an Unpredictable World [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://www.ted.com/talks/margaret_heffernan_the_human_skills_we_need_in_an_unpredictable_world/transcript#t-679782. – (дата обращения 22.01.2020).

17. Kasparov G. Don't Fear Intelligent Machines. Work with Them [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://www.ted.com/talks/garry_kasparov_don_t_fear_intelligent_machines_work_with_them?referrer=playlist-how_to_live_with_robots#t-15980. – (дата обращения: 22.01.2020).

18. Susskind D. 3 Myths about the Future of Work (and Why They're Not True) [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://www.ted.com/talks/daniel_susskind_3_myths_about_the_future_of_work_and_why_they_re_not_true. – (дата обращения 22.01.2020).

УДК 811.111'42

АВТОРСКОЕ «МЫ» В АННОТАЦИЯХ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО ЭКОНОМИКЕ

М. В. Миколайчик,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3,
Институт иностранной филологии (СИ), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье представлены результаты корпусного исследования использования авторского «мы» в англо-американских и российских аннотациях научных статей по экономике, написанных без соавторов. Для определения статистической достоверности различий между корпусами использовался тест отношения правдоподобия Т. Даннинга. Исследование показало, что в российских аннотациях на английском языке авторское «мы», в целом, встречается достоверно чаще, чем в англо-американских аннотациях и в русскоязычных версиях российских аннотаций. При этом в российских аннотациях преобладает «мы»

экслюзивное, исключаящее читателя, в аннотациях носителей английского языка — инклюзивное авторское «мы», объединяющее автора с читателем.

Ключевые слова: авторское «мы», английский язык, корпус, местоимения, научный дискурс, частотность, экономика.

Summary. The paper highlights the results of the corpus-based study of the authorial “we” in single-authored economics research article abstracts written by native English and native Russian researchers. The log-likelihood test used in the study shows that the authorial “we” is used significantly more frequently in Russian abstracts written in English than in native English or native Russian abstracts. Russian researchers use mostly the exclusive authorial “we”, excluding the reader, whereas native English ones prefer the inclusive authorial “we”, referring to both the author and the reader.

Key words: academic discourse, authorial “we”, corpora, economics, English, frequency, pronouns.

При написании научных статей и аннотаций на английском языке перед многими исследователями встает вопрос о корректности использования в англоязычном тексте такого достаточно типичного для отечественного научного дискурса [6, с. 472], однако в последнее время вызывающего все больше споров [7, с. 89] явления, как авторское «мы».

Под авторским «мы» понимается присущее научному и публицистическому стилям употребление местоимения мы вместо я или ты для «объединения адресанта и адресата» либо «направления внимания адресата на предмет речи, тему исследования» [2, с. 22].

Преподавателю английского языка для профессиональных и академических целей важно дать обучающимся представление о тенденциях употребления такого неоднозначного явления в современном англоязычном научном дискурсе. Более надежной, чем простые наблюдения, основой для этой работы являются данные сравнительных лингвостатистических исследований, которые позволяют выявить различия в распространенности рассматриваемого явления в научных текстах, создаваемых носителями английского и русского языков.

Вопрос об использовании авторского «мы» в аннотациях научных статей по экономике был отчасти рассмотрен в проведенном ранее исследовании средств самоупоминания, к числу которых относятся, среди прочего, местоимения первого лица множественного числа в экслюзивных значениях [3]. Однако, поскольку в понятие авторского «мы», как следует из приведенного выше определения [2, с. 22] и других источников [8, с. 40], входит не только «мы» экслюзивное, исключаящее адресата из коллективного первого лица, но и «мы» инклюзивное, включающее адресата [5], для получения статистических данных об относительной распространенности в англоязычном научном экономическом дискурсе авторского «мы» как самостоятельного явления возникает необходимость в дополнительном исследовании.

Данная работа, проведенная на материале 250 англо-американских и 250 двуязычных российских аннотаций статей, написанных единолично и опубликованных в период с 2014 по 2017 годы в ведущих англо-американских и отечественных научных экономических журналах, уточняет и дополняет результаты вышеупомянутого исследования за счет 1) включения в его предметное поле всех местоимений первого лица (как в экслюзивных, так и в инклюзивных значениях), а также 2) применения методов математической статистики для установления достоверности различий между англо-американским и российским корпусами.

Поскольку к авторскому «мы», помимо личного местоимения мы, относят притяжательное местоимение наш [8, с. 38] и, как следует из определения, приведенного в одном из словарей лингвистических терминов [1, с. 236], употребление и других форм множественного числа в соответствующих целях, в рамках данного исследования производился поиск всех возможных словоформ авторского «мы», а именно: *we, us, our, ours, ourselves*, а также соответствующих им русско-

язычных словоформ, включая глагольные формы первого лица множественного числа. Из возможных словоформ авторского «мы» в исследуемых корпусах были обнаружены только *we, us, our* и их русскоязычные эквиваленты *мы, нас, нами, наш, наша, наше, нашего, нашему, нашем, нашей, нашим, наших*.

Авторское «мы», представленное одной или несколькими из вышеперечисленных словоформ, было выявлено в 10% аннотаций носителей английского языка (в 7 аннотациях в эксклюзивных значениях, в 17 — в инклюзивных, в 1 — и в тех, и в других), в 22% англоязычных российских аннотаций (в 42 аннотациях в эксклюзивных значениях, в 8 — в инклюзивных, в 5 — и в тех, и в других) и в 6,4% российских аннотаций на русском языке (в 10 аннотациях в эксклюзивных значениях, в 4 — в инклюзивных, в 2 — и в тех, и в других).

Сведения о «сырой» частотности (количестве случаев встречаемости) словоформ авторского «мы» в каждом из корпусов, а также нормированной частотности (количестве словоупотреблений в пересчете на 1000 слов с учетом объемов корпусов – 27855, 33567 и 27318 словоупотреблений соответственно) приведены в Таблице 1.

Таблица 1. Сырая/нормированная частотность авторского «мы» в аннотациях научных статей, написанных без соавторов

Словоформы	Англо-американские аннотации	Российские аннотации на английском языке	Российские аннотации на русском языке
В эксклюзивных значениях:	15/0,54	103/3,07	28/1,02
- <i>we/мы</i>	14/0,50	88/2,62	14/0,51
- <i>us/нас/нами</i>	0	3/0,09	4/0,15
- <i>our/наш/наша и др.</i>	1/0,04	12/0,36	10/0,36
В инклюзивных значениях:	25/0,90	14/0,42	7/0,26
- <i>we/мы</i>	14/0,50	5/0,15	1/0,04
- <i>us/нас/нами</i>	5/0,18	3/0,09	0
- <i>our/наш/наша и др.</i>	6/0,22	6/0,18	6/0,22
Всего	40/1,44	117/3,49	35/1,28

Для определения статистической достоверности выявленных различий между корпусами использовался получивший широкое распространение в зарубежной корпусной лингвистике тест отношения правдоподобия G^2 Т. Даннинга [10]. Результаты статистического анализа приведены в Таблице 2, где G^2_1 и p_1 — коэффициент и уровень достоверности различий между англо-американским и российским англоязычным корпусами, G^2_2 и p_2 — коэффициент и уровень достоверности различий между англо-американскими и российскими русскоязычными аннотациями, G^2_3 и p_3 — коэффициент и уровень достоверности различий между российскими аннотациями на английском и русском языках. Различия между корпусами считаются статистически достоверными при значениях $G^2 \geq 3,84$ и $p < 0,05$.

Таблица 2. Статистическая достоверность различий в частотности авторского «мы» в англо-американских и российских аннотациях на английском и русском языках

Авторское «мы»	G^2_1	p_1	G^2_2	p_2	G^2_3	p_3
В эксклюзивных значениях	58,21	< 0,0001	4,25	< 0,05	31,54	< 0,0001
В инклюзивных значениях	5,53	< 0,05	10,39	< 0,01	1,16	> 0,05
Всего	26,38	< 0,0001	0,24	> 0,05	31,33	< 0,0001

Как видно из Таблиц 1 и 2, в российских аннотациях на английском языке авторское «мы», в целом, встречается достоверно чаще (3,49 словоупотребления

на 1000 слов), чем в англо-американских аннотациях (1,44) и в российских аннотациях, написанных на русском языке (1,28). Сравнительный анализ русскоязычных аннотаций и их англоязычных версий показывает, что при переводе на английский язык российские авторы во многих случаях заменяют типичные для русскоязычного научного дискурса пассивно-безличные конструкции предложениями в активном залоге с использованием местоимения *we*. Например, фрагмент «показано, что мэрия всегда может разбить город на заданное число областей...» [4, с. 28] преобразуется в англоязычной версии аннотации в «*we show that the government can subdivide the city into a prescribed number of districts...*» [4, с. 41], «построены оценки инвестиционных функций с использованием годовых панельных данных...» [9, с. 337] — в «*we estimate investment functions using annual panel data...*» [9, с. 363] и т. п. Именно такого рода преобразованиями в основном обусловлено отраженное в Таблице 1 резкое увеличение частотности местоимения *we* в англоязычных версиях российских аннотаций по сравнению с оригинальными русскоязычными версиями.

Дополнительные выводы позволяют сделать сравнительный анализ частотностей авторского «мы» отдельно в эксклюзивных и инклюзивных значениях. Как видно из Таблицы 1, большая часть случаев встречаемости авторского «мы» в российских аннотациях приходится на эксклюзивное «мы», исключающее читателя (примеры такого авторского «мы» приведены выше). В аннотациях носителей английского языка, напротив, преобладает инклюзивное «мы», в котором автор объединяет себя с читателем. Интересно, что в англо-американских аннотациях «мы» эксклюзивное нередко сочетается с авторским «я», которое, как было показано в предыдущем исследовании, является для англо-американского научного экономического дискурса достаточно распространенным явлением, встречающимся в более чем половине аннотаций [3, с. 93]. Вот один из примеров сочетания в одной аннотации инклюзивного авторского «мы» и авторского «я»: «Commitment is a problematic prediction, since *we* see so little of it. *I* quantitatively explore the reasons for the “missing” commitment» [11].

Статистический анализ выявленных различий между корпусами с использованием теста отношения правдоподобия Т. Даннинга (Таблица 2) показывает, что эксклюзивное авторское «мы» употребляется носителями английского языка достоверно реже (0,54 словоупотребления на 1000 слов), чем российскими авторами, причем в российских аннотациях на английском языке оно встречается значимо чаще (3,07), чем в русскоязычных версиях (1,02). «Мы» инклюзивное, напротив, достоверно чаще используется носителями английского языка (0,90 словоупотребления на 1000 слов), чем российскими авторами. Различия в частоте использования «мы» инклюзивного в англоязычных (0,42) и русскоязычных (0,26) версиях российских аннотаций не являются статистически значимыми.

Итак, исследование показало, что при составлении англоязычных версий аннотаций научных статей по экономике российские авторы склонны злоупотреблять авторским «мы». При этом в большинстве случаев они используют его для обозначения себя, не имея в виду читателя. Это отличает российский англоязычный дискурс как от оригинального русскоязычного, так и от дискурса носителей английского языка. Последние прибегают к авторскому «мы» значительно реже и преимущественно для объединения себя с читателем.

Результаты и выводы исследования могут быть полезны при составлении аннотаций научных статей по экономике, а также при разработке курсов английского языка для профессиональных и академических целей для русскоязычной аудитории.

Список использованных источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов: словарь. М.: КомКни-

га, 2005. 576 с.

2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.

3. Миколайчик М. В. Местоимения первого лица и другие средства самоупоминания в англоязычном научном экономическом дискурсе: корпусное исследование на материале англо-американских и российских аннотаций // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2018. — № 5 (86). С. 90–99.

4. Панов П. А. Равновесные расположения центров благ по городу // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2017. — № 1 (33). С. 28–42.

5. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.

6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2011. 696 с.

7. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова Книга, 2009. 272 с.

8. Теренин А. В. Авторское «мы» в выпускной работе студентов // Теоретическое и методическое обеспечение современного филологического образования в свете требований профессиональных стандартов. Набережные Челны: Набережночелнинский государственный педагогический университет, 2018. С. 36–41.

9. Шоломицкая Е. В. Корпоративный долговой навес и инвестиции в российской экономике // Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2016. — Т. 20. — № 2. С. 337–365.

10. Dunning T. Accurate methods for the statistics of surprise and coincidence // Computational Linguistics. — 1993. — Vol. 19. — No. 1. P. 61–74.

11. Laibson D. Why don't present-biased agents make commitments? [Electronic resource] // American Economic Review. — 2015. — Vol. 105. — No. 5. — P. 267–272. — Mode of access: URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.p20151084> (дата обращения 5.01.2020).

УДК 81(082)

ОПЫТ ПРАГМАСИНТАКСИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ДЛЯ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

М. В. Оберюхтина,

*аспирант кафедры английского языкознания, филологический факультет,
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва*

Аннотация. В данной статье рассматривается обучение чтению на материале прагмалингвистически моделируемых текстов. Особенное внимание уделяется синтаксическому анализу текста, который важен для студентов технических специальностей. На материале одного художественного текста проводится анализ и попытка моделирования текста-образца для чтения. Сделаны предварительные выводы о том, что возможно применение прагмалингвистического метода для анализа и синтеза текстов-целей для чтения.

Ключевые слова: обучение, прагмалингвистический, литература, чтение, методический.

Summary. This article looks at how to teach reading according to the pragmalinguistic approach. This research focuses especially on syntactical analysis that is important for students specializing in spheres other than linguistics. A target text that can be modelled as a result of the pragmalinguistic analysis is based upon an extract from a literary work.

There are some preliminary remarks about the possibility of applying pragmalinguistic modelling to compiling target texts.

Key words: teaching, pragmalinguistic, literature, reading, didactic.

Прагмалингвистика, по определению Ю. С. Степанова, это «наука, которая занимается выбором наиболее оптимальных из имеющихся в языке средств для наиболее успешного воздействия на слушающего или читающего, для эффективного достижения намеченной цели в конкретных обстоятельствах речевого общения» [3, с. 325 –326]. В теории и методике преподавания английского языка данное направление филологических исследований основывается на прагмалингвистическом методе, который разрабатывался на кафедре английского языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова с 1970-х гг.[1]. У истоков его среди московских лингвистов стояли Ольга Сергеевна Ахманова и Ирина Марковна Магидова, заслуженный профессор Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова. По определению И. М. Магидовой в ее статье «Speech modelling as the subject of functional stylistics», метод этот состоит в «highlighting those intrinsic peculiarities of English speech that are absolutely and specifically indispensable to communication... to build-up a text ...meeting the basic requirements of the pragmalinguistic register concerning the plot, the collocational-colligational aspect and the stylistic acceptability» [4]. Таким образом, основная функция данного стиля речи состоит в выявлении и показе тех или иных свойств и особенностей данной языковой системы, необходимых для усвоения изучающим английский язык, в произведениях устной и письменной речи, в раскрытии природы того или иного языкового явления и показе особенностей его речевого функционирования. Отметим, что прагмалингвистика изначально позиционировалась и воспринималась как одновременно фундаментальная и прикладная наука. Недаром в работе И. М. Магидовой выделяется прагмалингвистический функциональный стиль (по-английски называющийся pragmalinguistic register), к которому, по ее замыслу, должен относиться художественный или публицистический текст, определенным образом обработанный и адаптированный и используемый с целью развить навыки грамотной коммуникации [4]. Таким образом, метод прагмалингвистического моделирования имеет прямое отношение к обучению коммуникации на иностранном языке: как и другие подходы к преподаванию английского языка, он имеет дело с отбором учебного материала и его изменением в соответствии с учебными целями.

Как и наука о языке в принципе, прагмалингвистическое моделирование подразделяется на различные аспекты или разделы, среди которых – прагмафонетика, прагмастилистика, прагмасинтаксис. О последнем и пойдет речь в данной работе. В результате данного исследования проверке на примере анализа конкретного отрывка текста подвергнутся следующие предположения: 1) Аналитическое чтение и изучение текстов требует комплексного прагмалингвистического подхода к восприятию и разбору текста – не только синтаксического, но и фонетического, и стилистического – даже для обучающихся неязыковых вузов – так как в любом случае конечной целью чтения является как выработка навыков чтения различных видов, так и выход на активные навыки, в первую очередь, говорение; 2) развитие так называемых soft skills тоже может, вероятно, достигаться посредством постановки задач для исследования текста для чтения. Как утверждает С. В. Дечева в разделе «Discussion» к статье «Speech modelling as the subject of functional stylistics»: «nowadays, with cognitive methodology being taken up practically all over the world, different language processes are to be viewed with respect to the speaker/hearer as the situated agents involved in communicative activities of various kinds. This means that while introducing this or that video material at our practical classes, what we are after is teaching our students to try and see things for

themselves, analyzing them critically and arriving at certain conclusions» [4]. Необходимо изменение выбираемого текста не только в соответствии с учебными целями, но и согласно уровню языковой подготовки обучающихся и их учебным целям, в связи с чем в процессе прагмалингвистического моделирования текста должны участвовать как преподаватели, так и студенты.

В качестве текста-цели может быть предложен следующий отрывок из романа Дж. Лондона «Smoke Bellew» (для разграничения текста статьи и анализируемого текста последний будет выделен курсивом и менее крупным шрифтом):

«-*Your fault and my dear – er – mother's. How **was I to know** the hard? I was only a child. What was there left but etchings and pictures and fans? Was it my fault that I never **had to sweat?***»

...»*Well, I'm going to take another one of those what-you-call masculine vacations. Suppose I asked you to come along?*»

«*Rather belated, **I must say**. Where is it?*»

«*Hal and Robert are going in to Klondike, and I'm going to see them across the Pass and down to the Lakes, then return –*»

He got no further, for the young man had sprung forward and gripped his hand...

«*You don't mean it,*» he said.

«*When do we start?*»

«*It will be a hard trip. You'll be in the way... Each man **has to take a year's supplies** in with him. There'll be such a jam the Indian packers **won't be able to handle** it. Hal and Robert **will have to pack** their outfits across themselves... It you come you'll **have to do** the same.»*

«*Watch me.*»

«*You **can't pack,***» was the objection.

«*When do we start?*»

«*To-morrow.*»

«*You needn't take it to yourself that your lecture on the hard has done it,*» Kit said, at parting. «*I just **had to get away**, somewhere, anywhere, from O'Hara.*»

«*Who is O'Hara? A Jap?*»

«*No; he's an Irishman, and a slave-driver, and my best friend. He's the editor and proprietor and all-around big squeeze of the Billow. What he says goes. He **can make** ghosts walk.»*

That night Kit Bellew wrote a note to O'Hara.

«*It's only a several weeks' vacation,*» he explained. «*You'll **have to get** some gink to **dope out instalments** for that serial» [5].*

Текст был выбран по следующим критериям: 1) он представляет собой отрывок из произведения, являющегося частью классической американской прозы, и, следовательно, приемлемым с точки зрения языка; 2) автор довольно популярен среди русскоязычной аудитории; 3) изначально заметен большой удельный вес модальных глаголов в данном отрывке произведения.

Итак, как должен быть преобразован текст в учебной аудитории в связи с прагмалингвистическим анализом и моделированием? Здесь уместно упомянуть о той диалектике анализа и синтеза учебного текста, которую описывает Т. Б. Назарова в своем труде «Словарный состав современного английского языка на продвинутом этапе обучения / Vocabulary Acquisition as Ongoing Improvement»: для прагмалингвистического моделирования должны проводиться как анализ, так и своеобразный синтез текста-цели попеременно, по мере выявления необходимых для усвоения особенностей текста, присущих типичному англоязычному дискурсу [2]. Соответственно, в фазе анализа могут быть выделены такие этапы, как 1) выделение преподавателем самостоятельно /вместе со студентами/ студентами самостоятельно тех

синтаксических конструкций, отработка которых планируется на материале данного текста (модальные глаголы с различными значениями – в тексте-образце выделены полужирным шрифтом в составе глагольных сказуемых);

2) классификация и концептуализация выделяемых языковых единиц, то есть, разделение на группы с общими семантическими компонентами, семами, коннотациями; 3) анализ связи синтаксиса отрывка текста с особенностями его языка на других языковых уровнях – с точки зрения лексикологии, фонетики и супрафонетики, стилистики, графического оформления, в первую очередь, пунктуации в ее связи с синтаксисом; 4) выполнение подстановочных упражнений. Следует отметить, что данные шаги должны выполняться обучающимися по большей части под контролем преподавателя.

В фазе синтеза, соответственно, необходимо разделить работу с текстом на следующие части: 1) прослушивание аудиоверсии текста, выявление и анализ языковых особенностей аудиоматериала; 2) выполнение имитационных, трансформационных упражнений по тексту, по возможности с отметкой о том, в каких предложениях текста могли бы применяться анализируемые синтаксические конструкции; 2) выполнение, а также создание репродуктивных упражнений путем составления коротких и расширенных контекстов с сохранением выделяемых синтаксических моделей (и связанных с ними интонационных моделей и стилистических особенностей текста), на которые направлено исследование. Эта часть работы выполняется преимущественно обучающимися. Обратимся к конкретным примерам из текста, процитированного нами ранее. Например, при анализе таких предложений из текста, как «*Hal and Robert **will have to pack their outfits across themselves***». /«*There'll be such a jam the Indian packers **won't be able to handle it***» в учебной аудитории необходимо а) рассмотреть механизм формирования грамматических форм, проанализировать видовременные формы глаголов, грамматическую семантику модальных конструкций *will have to* и *won't be able to* в данных случаях; б) обсудить значение смысловых глаголов *handle* и *pack* в данных глагольных сказуемых, отметив случаи возможной полисемии; в) проделать необходимые упражнения для закрепления знаний о грамматических формах модальных глаголов; г) прослушав релевантную часть аудиозаписи, сделать выводы об интонационных моделях, ударении и произношении *contractions* в данных отрывках текста; д) составить короткие контексты, сохраняя синтаксические модели данных предложений, составить расширенные контексты на другую тему, по возможности инсценировать получившиеся диалоги, обращая внимание на супрафонетические особенности текста – ведь именно они связаны с развитием синтаксической структуры предложения. Вполне логично было бы, учитывая, что данные рекомендации и стратегии разрабатываются для студентов технических вузов и специальностей, в тренировочных упражнениях задействовать как можно больше релевантной для их специальностей лексики, а также составлять ситуативно обусловленные контексты. При составлении собственных контекстов учащимся важно объяснить, что изменяться должна только лексическая составляющая предложений согласно прагматической цели высказывания, все же синтаксические и морфологические модели должны сохраняться в целях анализа и понимания тех или иных конкретных языковых явлений. Далее вы можете видеть образец предлагаемой модели из шага д: короткий контекст: «*There'll be such a riot we won't be able to handle the crowds of passengers*»; расширенный контекст: «*There'll be such a riot we won't be able to handle the crowds of passengers ourselves. We will have to call the police...*» и т. д.).

Итак, можно сделать следующие выводы по результатам нашего исследования. Действительно, трудно представить себе отработку синтаксических моделей

в иностранном языке без должного внимания к другим аспектам текста, как-то фонетическому и супрафонетическому, стилистическому, и, конечно, прагматическому. При обращении к анализу одного из уровней языка, как правило, должны учитываться и особенности других уровней языка. Именно поэтому даже просто при синтаксическом анализе текстов для чтения все аспекты прагмалингвистического анализа текстов важны в изучении иностранного языка даже для студентов неязыковых вузов. Однако, несомненно, при составлении рекомендаций по чтению для них необходимо учитывать приоритетные направления их обучения. Соответственно, нужно не заострять внимание на некоторых аспектах языка (возможно, сегментной фонетике), а уделять больше внимания, например, лексической составляющей текста и адаптировать учебные материалы согласно уровню лингвистической компетенции конкретных групп учащихся – и сами студенты должны принимать активное участие в анализе и синтезе текста, тем самым развивая вырабатывая навыки обработки и выбора информации.

Важную роль в анализе текста для чтения и последующем его воспроизведении играет мультимедийный подход, в нашем случае – использование видео и аудиоматериалов для анализа текста и отработки чтения, для раскрытия потенциала текста со всеми его сегментными и суперсегментными фонетическими особенностями, которые соотносятся с исследованием текста на разных языковых уровнях.

Список использованных источников

1. Ахманова О. С., Магидова И. М. Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика // Вопросы языкознания. – 1978. – № 3. С. 43–48.
2. Назарова Т. Б. «Словарный состав современного английского языка на продвинутом этапе обучения / Vocabulary Acquisition as Ongoing Improvement». М.: Издательство «Астрель», 2006. 350 с.
3. Степанов Ю.С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 40, 1981, №4.
4. Maguidova I. M. Speech modelling as the subject of functional stylistics [Электронный ресурс]// Folia Anglistica. — 1997. — Vol. 1. —http://moscowuniversity.narod.ru/Folio_1_97_new.htm (дата обращения —31.12.2019)
5. The Project Gutenberg EBook of Smoke Bellew, by Jack London [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <https://www.gutenberg.org/files/5737/5737-h/5737-h.htm> (дата обращения — 5.01.2020)

УДК 811.111:81'42=111

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРАЗА СОВРЕМЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА): ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД

М. Д. Рыжикова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. На материале англоязычных читательских рецензий выделяются специфические черты лингвокультурного типажа «читатель». Актуальность исследования обуславливается интересом лингвистов к способности языковой личности отражать ценности изменяющегося общества. С помощью когнитивно-дискурсивного и коммуникативно-прагматического методов устанавливаются

этнокультурологические особенности изучаемого образа. В результате выделены два ключевых концепта – насыщенный сюжет и небольшой объем книги. К дополнительным аспектам относится стиль и манера повествования, подлинность описанных фактов и читательский отклик, который формируется образовательным и эмоциональным компонентами сюжетной линии. Языковыми средствами реализации лингвокультурного типажа являются: морфологические (превосходная степень сравнения имени прилагательного, стилистическое употребление вспомогательного глагола), лексические (эпитет, метафора, сравнение), синтаксические (риторический вопрос, противопоставление, эллипс, полисиндетон, восклицательные предложения) и графические (капитализация).

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, дискурс, концептуальная характеристика, читатель, языковые средства.

Summary. On the data of English readers' book reviews specific features of the linguacultural character «reader» are pointed out with the help of the cognitive, communicative, pragmatic methods and discourse analysis. The examination shows two key conceptual characteristics, which are overarching the plot and a small size of the book. Secondary aspects involve the author's style and manner of narration, truthfulness of the facts and the readers' feedback, which is formed by educational and emotional components of the story. The following linguistic means contribute to realization of the given linguacultural identity: morphological (the superlative degree of adjectives, stylistic usage of auxiliary verbs), lexical (epithet, metaphor, simile), syntactic (ellipsis, rhetorical questions, antithesis, polysyndeton, exclamatory sentences), and graphic (capitalization).

Key words: linguacultural character, discourse, conceptual characteristics, reader, linguistic means.

В условиях трансформации картины мира изменению подлежат как языковые, так и культурные составляющие. Актуальность исследования лингвокультурных типажей определяет необходимость выявления типологических характеристик, совокупность которых отличает одно сообщество от другого, что особенно важно в период глобализации.

Языковые личности изучаются с точки зрения разных аспектов и на примере разных языков, в частности: дискурсивного (Н. А. Гулевец 2018, М. А. Князева 2018, Е. Э. Кусаева, Т. Ю. Тамерьян 2018, Н. Н. Трошина 2018, Л. А. Бушуева 2019), лингвокультурного (О. А. Глущенко 2018, Е. Н. Граждан 2018, В. В. Ощепкова 2019, Е. С. Криницына 2020), лексического и стилистического (А. В. Щетинина 2018, И. А. Мурзинова 2019), коммуникативного (Ю. П. Болотина 2018), когнитивного (А. В. Кокова 2019, Е. Э. Кусаева, 2018), деонтологического (И. В. Щеглова 2018), невербального (О. М. Винникова 2018), семантического (Ю. Н. Кучерявых 2018), аксиологического (Т. В. Ицкович, Н. А. Купина 2018), сравнительно-сопоставительного (О. А. Дмитриева, И. А. Королева 2019) и многих других. Очевидно, что объект настоящего научного труда представляет повышенный интерес у дискурсологов и лингвокультурологов.

Цель данной работы – установить основные лингвокультурные, в особенности ценностные, характеристики англоязычного читателя художественной литературы.

Материалом послужили отобранные методом сплошной выборки тексты читательских отзывов на книги художественной литературы, являющиеся лидерами продаж за 2019 год, представленные на сайте www.amazon.com.

Достижению цели способствовали, кроме общелингвистических приемов, анализ словарных дефиниций, когнитивно-дискурсивный метод (для выявления ценностей [3, с. 541]) и коммуникативно-прагматический прием (для характеристики этнокультурологических аспектов коммуникации [3, с. 541]).

Лингвокультурный типаж трактуется, вслед за В. И. Карасиком, как совокупность личностных характеристик с учетом ценностной, этнической, социальной

специфики культурного общества [2]. При этом под культурно значимой составляющей понимается ценностная сторона [1, с. 97-98].

Словарные дефиниции слова «читатель» (англ. *reader*) обозначают человека и техническое устройство. По отношению к первому, понятие определяется как «тот, кто читает газеты, журналы и т.п.», а также «тот, кто советует издательству по поводу публикации того или иного материала» [4]. Корпус данных свидетельствует о том, что наиболее частыми определениями являются: анонимный, среднестатистический, ярый/ заядлый, внимательный, современный, заинтересованный, он-лайн, обычный, квалифицированный, молодой, случайный, неискушенный, опытный, неохотный, ненасытный.

Образ читателя представляется характеристиками, которые он / она выделяет как важные при выборе той или иной книги. Анализ практического материала, проведенный по модели выявления понятийных и ценностных характеристик, предложенной О. А. Дмитриевой [1], позволил выявить ключевой и вспомогательный концепт, посредством которого реализуется лингвокультурный типаж «читатель».

Ключевым концептом выступает сюжет книги. Согласно данного исследования, текст художественного произведения должен быть написан на насущную тематику, что подтверждает использование многочисленных эпитетов, например: «*life-changing*», «*overaching*», «*deep*», «*moving*», «*thought-provoking*», «*insightful*», «*inspiring*», «*inspirational*» и др.

Второй по значимости специфической чертой является объем книги. Можно предположить, что она (черта) обусловлена развитием электронных технологий и процессами глобализации и дигитализации современного сообщества. Так, читателями предъявляется требование детального изложения при небольшом объеме. При этом не уточняется его точная формулировка. Очевидно, подразумевается, что чтение не должно вызывать чувство скуки и утомления. Это можно подтвердить цитатой из одной рецензии, в котором автор высказывается негативно о «затянувшемся» повествовании, например: «*This book could have been two-thirds as long and been the better for it. ... By the final third, it was all hippy-dippy, tinfoil hat, stream of conscious waste of the trees it took to write the book. Sometimes, you just have to STOP*».

Остальная выявленная специфика определяется как дополнительная. К ней относится, в частности, стиль / манера повествования. Мастерство автора описывается как превосходное, блистательное, например: «*exciting*», «*glorious*», «*vivid*», «*compelling*», «*startling*», «*elegant*». Следует отметить, что профессионализм писателя нередко сравнивается с классиками, с теми, кто уже получил всемирную известность и признание, например: «*When looking for a literary analogue, The Overstory is almost something of a Dostoevskian novel*», «*Taken as a whole, The Overstory (whilst a collection of shorter stories) has the feel of a John Irving novel*», «*Sadly, the author lacks the power, passion and poetry of Frederick Douglass*».

Еще одним неосновным аспектом является степень правдивости фактов, раскрытых писателем в книге. Здесь следует отметить некоторую парадоксальность: актуальность темы позиционируется как ключевая черта, тогда как достоверность уходит на второй план.

Отклик читателя на книгу можно подразделить на две составляющие. С одной стороны, сюжет должен нести образовательный характер, например: «*In addition to educating me on aspects of US racial history that I did not know the author presents a sympathetic yet critical portrait of a tragic figure in US history*». С другой стороны, важной остается эмоциональная реакция – задуматься о главном (например, «*Really thought-provoking and bound to be borrowed by many interested readers*»), вообразить описанные события (например, «*The entire book is a masterful economy of explanatory prose, and details that rise upon the understanding like geospheric Sunlight*,

warming and inviting, leaving the reader lost only to the outside world, substituted for the world of the book, feeling every breathtaking step together with Locke himself»), заставить сопереживать героям (например, «*But what really elevated this book for me was how emotionally involving it was. ...There were moments where my chest started aching for the characters, and that's when I know I'm reading something truly great*»).

Установленные характеристики вербализуются, помимо упомянутого выше эпитета, с помощью следующих лингвистических средств:

1. Морфологические: превосходная степень сравнения имен прилагательных (например: «*Powers takes on the single most important topic of our time*») и стилистическое использование вспомогательных глаголов (например, «*Powers is not interested in discussing God or the basis of morality—but one does get the sense in reading the Overstory that the plot, characters and various literary devices are all at the service of the author's philosophical vision*»).

2. Лексические:

- метафора, например: «*Similarly, his ability to create characters that may stretch the bounds of believability but still generate passionate sympathetic feelings in the reader is also beyond doubt*», «*So, if you are willing to endure a literary punch to the stomach and put on apocalyptic glasses then you will thoroughly enjoy *The Overstory**»;

- сравнение, например: «*Second, is the thematic arc: running as it does - like a river overflowing its banks - with new knowledge; things unknown, known and yet to be known*».

3. Синтаксические:

- эллипс, например: «*Broad in scope and rich in detail*»;

- полисиндетон, например: «*Inspirational, too, in the depth of caring and scholarship and sensitive and literate interpretation and narration which David Blight has brought to this work, which as he writes in the Acknowledgement, in many ways represents the product of his «entire professional career»*»;

- противопоставление, например: «*The opening short stories are great, but the book soon devolves into a boring repetition of its underlying mantra*», «*The details are fascinating, but just too much in many places*», «*The book is long but it is definitive and well written*»;

- восклицательные предложения, например: «*Fascinating!*»;

- риторические вопросы, например: «*How have I lived and read this long and not known of Richard Powers?*».

4. Графические: капитализация (например, «*SO GOOD!!*», «*INSPIRATIONAL*»).

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что изучение лингвокультурных типажей способствует исследованию жизненных ценностей, а также отражению меняющегося мира и его восприятия разными общественными структурами. Несомненный вклад вносит анализ используемых языковых средств, в частности, морфологических, лексических, синтаксических и графических, реализующих языковую личность.

Направлениями дальнейших исследований может быть изучение лингвокультурного типажа «читатель» в аспекте сравнения различных лингвокультур, а также в срезе жанровых разновидностей.

Список использованных источников

1. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажии России и Франции XIX века. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. 307 с.

2. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажии: Сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5-25.

3. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.

Список использованных словарей

4. <https://dictionary.cambridge.org/us/collocation/english/reader>

УДК 81'42

СПОСОБЫ ПРЕДИКАЦИИ В ПЕРСОНАЛЬНОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ БЫТИЙНОМ ДИСКУРСЕ

С. В. Сдобнова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и
социолингвистики, Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Исследование посвящено идентификации лингвистических способов предикации в художественном дискурсе. В статье изучаются понятие литературного дискурса и способы применения социальных технологий в нем, анализируется дискурсивная стратегия социологизированной прозы. В ходе исследования были применены такие методы, как метод контент-анализа, метод нарративной семиотики и исторический дискурс-метод. Стратегии предикации демонстрируют социальные и культурные процессы на лингвистическом уровне.

Ключевые слова: аргументация, литературный дискурс, предикация, социальные технологии, триангуляция, хронотопная изотопия.

Summary. This research is devoted to the identification of linguistic methods of predication in literary discourse. The article studies the concept of literary discourse and the ways of applying social technologies in it, analyzes the discursive strategy of sociologized prose. In this work there were applied such methods as content analysis, narrative semiotics, and historical discourse-method. Predication strategies demonstrate social and cultural processes at the linguistic level.

Key words: argumentation, literary discourse, predication, social technologies, triangulation, chronotopic isotopy.

Социальные факторы, оказывающие влияние на литературный дискурс, порождают междисциплинарный подход в исследовании текста, что представляет значительный научный интерес как в отечественной, так и в зарубежной филологии. Актуальные проблемы дискурсологии изучаются отечественными и зарубежными филологами, такими как: М. Фуко, М. Йоргенсен, Л. Филлипс, С. Тичер, М. Майер, Р. Водак, Е. Феттер, К. Р. Поппер, Дж. Роуз, Н. Д. Арутюнова, Е. О. Нечаева, И. Т. Касавин, Ю. А. Голубицкий, Г. Г. Почепцов, Н. Д. Кенжегараев. Новизна работы заключается в исследовании социального контекста литературного дискурса и способов предикации в персональном немецкоязычном опосредованном бытийном дискурсе Бернхарда Шлинк на материале романа «Чтец» («Der Vorleser», 1995) [7].

Целью исследования является выявление и анализ стратегии предикации в персональном немецкоязычном бытийном художественном дискурсе. В соответствии с целью исследования необходимо решить следующие задачи: рассмотреть категорию литературного дискурса, определить идеи и мотивы художественного текста, идентифицировать стратегии предикации, определить способы лингвистической реализации.

В работе использованы такие методы исследования, как метод контент-анализа, метод нарративной семиотики и исторический дискурс-метод.

Поскольку дискурс не может существовать без социальных значений, необходимо акцентировать междисциплинарную природу исследования. В соответствии

с методами исследования, в ходе анализа уделяется внимание как социальному и историческому контексту, так и психологическому, в частности психологической детерминации опыта и общепринятых норм поведения.

С. Тичер и Р. Водак утверждают, что контекст представляет собой не только «лингвистические средства, с помощью которых высказывание помещают в конкретную ситуацию» [3, с. 334], но и «невербальные ресурсы (жесты, мимика)» [3, с. 334], а также «все экстралингвистические особенности коммуникативной ситуации (возраст, пол, профессия, уровень образования и др.)» [3, с. 334]. Дискурс рассматривается как тип социальной практики идеологии. М. Фуко представляет дискурс как «совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства» [4, с. 118].

Понятие дискурс используется для «обозначения всего процесса социального взаимодействия, частью которого является текст» [3, с. 202]. Понятие «литературный дискурс» следует рассматривать как логически выстроенный текст, включающий в себя экстралингвистические, социокультурные, прагматические и психологические аспекты выражения мировоззрения автора-коммуниканта.

Социологизированный художественный дискурс является идеологическим и трансформирует общество и культуру, включая отношения власти. Для выявления «завуалированных идеологических эффектов использования языка» [3, с. 203], необходимо проанализировать интерпретацию, восприятие и социальное влияние текста. Кроме того, для повышения валидности исследования следует придерживаться принципа триангуляции Арона Сикурела [6], в основе которого лежит «внутри-текстовый контекст, интертекстуальность, экстралингвистический “контекст ситуации” (т.е. формальности, место, время, событие, группы, роли участников, воспоминания, аллюзии, реминисценции и т.п.)» [3, с. 216–217], а также социально-политический и исторический контекст.

К. Р. Поппер [2] полагает, что социальные технологии – это инструмент, созданный с целью социальных изменений. Следовательно, автор-коммуникант обращается к социальным технологиям, чтобы оказать воздействие на мировоззрение читателя как реципиента. Автор может использовать различные способы лингвистической реализации манипуляции, одним из которых является предикация.

Предикация представляет собой «процесс приписывания или отрицания характеристик или способов поведения. Исторический дискурс-метод изучает предикацию – такую как утверждение – как эксплицитированное приписывание характеристик и способов поведения относительно категорий и типизации групп» [3, с. 337]. Предикат является оценочным утверждением о субъекте в форме сказуемого.

В процессе субъективной выборки автор излагает только часть правды, умалчивая о невыгодных лично ему социально-исторических фактах. Субъективную выборку социально-исторических данных можно наблюдать, например, в романе Б. Шлинка «Чтец» («Der Vorleser») [7]. Идея социологизированного романа заключается в переосмыслении национальной идентичности при помощи ключевых морально-этических понятий, как вина, преступление и ответственность за фашистское прошлое Германии. Мотивом произведения является оправдание фашизма через предполагаемую безграмотность населения и снятие ответственности за произошедшую трагедию.

Действие романа происходит в период с 1958 по 1990 годы в городе Хайдельберг. Главной героиней романа является 36-летняя немка Ханна Шмиц, которая в военные годы была участницей немецкого нацистского режима, в послевоенное время работала кондуктором трамвая. А также главным героем является 15-летний школьник из интеллигентной семьи – Михаэль Берг, который влюбился в Ханну. Роман между Ханной и Михаэлем длится несколько месяцев, затем Хан-

на исчезает. Только через 8 лет Михаэль, являясь студентом юридического факультета, попадает на показательный судебный процесс, где разбирают дело о надсмотрщицах концлагеря Освенцим, среди которых была Ханна.

В исследуемом тексте наблюдаем осознанное умалчивание об уровне образования главной героини. Отсутствие ключевого экстралингвистического компонента контекста указывает на «субъективную выборку социально-исторических данных» [1, с. 211] автором и способствует искажению интерпретации. Отсутствие информации об образовании Ханны способствует эксплицированному приписыванию преступнице характеристик и способов поведения жертвы. Ссылаясь на мнимую малообразованность, автор индуктивно снимает вину не только с Ханны, но и с таких как она, оправдывая действия приверженцев фашистского режима.

В социологизированном романе Б. Шлинка «Чтец» выявляется «хронотопная изотопия», которая выражается в применении избыточных семантических категорий времени и пространства. Хронотопная изотопия является основой для авторской социально-исторической гипотезы. Исторические события Германии во время Второй мировой войны и в послевоенное время подтверждаются многочисленным использованием историзмов, реалий, топонимов и общественно-политической лексики.

«Когда я расспрашивал Ханну о её прошлом, а она отвечала на мои вопросы, мне всегда казалось, будто ей приходится рыться в каком то пыльном сундуке. Она выросла в Трансильвании, в семнадцать лет приехала в Берлин, работала на заводах Сименса, в двадцать один год попала в армию. После окончания войны зарабатывала на жизнь самыми разными занятиями. Теперешняя работа трамвайным кондуктором ей нравилась тем, что ей давали форму, день проходил в движении ... <...> Больше ничего ей в работе не нравилось. Семьи у нее не было. Ей исполнилось тридцать шесть лет. <...> Когда меня интересовали подробности, она часто не знала, что ответить, и не понимала, зачем мне знать, что стало с ее родителями, были ли у нее братья или сестры, как ей жилось в Берлине и что она делала в армии» [5, с. 14]. В данном отрывке выявляются не только хронотопные изотопии (Берлин, Трансильвания, заводы Сименс, семнадцать лет, двадцать один год, тридцать шесть лет) и метафорические лексемы о прошлом (пыльный сундук, разные занятия), но и предикация позиции простого обывателя.

«Признавал ошибки, которых не совершал, раскаивался в намерениях, которых никогда не имел. Когда она проявляла суровость, холодность, я начинал умолять ее все простить и снова любить меня. Иногда мне чудилось, что она сама страдает от собственной холодности и суровости» [5, с. 18]. «В руках у нее был узкий ремешок, которым она подпоясывала платье; она сделала шаг назад, размахнулась и ударила меня ремешком по лицу» [5, с. 19-20]. Психологическая детерминация поведения Ханны по отношению к Михаэлю указывает, в данном случае, на отклонения от нормы. В предикации жестокости и суровости Ханны можно выявить авторскую идеологию жертвы, что Ханна сама является жертвой прошлого, а не соучастницей трагедии.

Использование общественно-политической лексики:

«Наши родители играли в нацистской Германии самые разные роли. У кого-то отцы воевали – среди них были, например, два-три офицера вермахта и один войск СС, – у кого-то они сделали карьеру в юстиции и административном деле...» [5, 125]. Б. Шлинка снова использует хронотопные изотопии в создании предикации достоверности исторических событий, но применяя иронично фразеологизм, что «родители играли в нацистской Германии самые разные роли», автор нивелирует серьезность трагедии Второй мировой войны и представляет фашистский режим в виде игры. Утверждая, что бывшие офицеры вермахта и войск СС, «сделали карьеру в юстиции и административном деле», саркастически осуществляется позитивная предикация успешности некоторых приверженцев

фашистского режима в послевоенное время при помощи фразеологизма.

Сама Ханна стыдится своей безграмотности. «Все дело было в чтении. На следующий день после нашего разговора Ханна поинтересовалась, что мы сейчас проходим в школе. Я рассказал ей об эпосах Гомера, о речах Цицерона и о Хемингуэе ...<...> Она захотела послушать, как звучат греческий и латынь, я прочитал ей кое-что из “Одиссеи”» [5, с. 15]. Предикацию невиновности Ханны в виду ее безграмотности автор пытается осуществить, используя интертекстуальность и контраст с образованным последующим поколением в лице Михаэля.

«И всё же мне хотелось понять Ханну, ибо своим непониманием я бы снова предал её» [5, с. 189]. Авторская предикация о необходимости понять приверженцев фашизма приводит к предикации прощения. «Но, с другой стороны, нацистское прошлое было темой и для детей, которые ни в чем не могли или не желали упрекнуть своих родителей» [5, с. 189]. В данном случае предикация запрета осуждения родителей основывается на библейских мотивах. «Стало быть, мы должны цепенеть в стыде, сознании вины и немоте? До каких пор?» [5, с. 189]. В итоге автор употребляет предикацию снятия вины, используя риторические вопросы. «Иногда мне кажется, что критический подход к нацистскому прошлому был не причиной, а только выражением конфликта поколений» [5, с. 221]. В данном предположении автор аргументирует критический подход к нацистскому прошлому исключительно конфликтом поколений, что является предикацией искажения и снятия вины.

При интерпретации текста проявляются латентные значения фундаментальных ценностей, обозначенные автором. В романе Б. Шлинка «Чтец» нивелируется значение социально-исторической справедливости и концептуализируется оправдание и жалость к виновникам трагедий Второй мировой войны. Художественный текст носит манипулятивный характер с наличием опосредованных предикаций в виде хромотопных изотопий, риторических вопросов, фразеологизмов и метафорических лексем. Стратегии прямой предикации формируют оценочные утверждения снятия вины, запрета осуждения родителей, жертвенности, прощения и искажения истории, демонстрируют социальные и культурные процессы на лингвистическом уровне.

Список использованных источников

1. Голубицкий Ю.А. Социология и литературный процесс. М.: Вече, 2010. 272 с.
2. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. С. 54.
3. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и
4. Фуко М. Археология знания. Киев: «Ника-Центр», 1996. 208 с.
5. Шлинка Б. Чтец. Санкт Петербург: Азбука Аткикус, 2015. 256с.
6. Cicourel A. Cognitive Sociology: Language and Meaning in Social Interaction. New York: Free Press, 1974. 189 p.
7. Schlink B. Der Vorleser. Zürich: Diogenes, 2019. 208 S.

УДК 81: 572+659.1+379.851

ТУРИСТИЧЕСКИЕ СТОППЕРЫ В РЕКЛАМНОМ ОБЪЯВЛЕНИИ

Н. Ф. Старыгина,

*старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
социально-экономический факультет, Уральский государственный
лесотехнический университет, Екатеринбург*

Аннотация. В статье рассматриваются туристические стопперы в рекламных текстах с позиции манипулятивно-регулятивного воздействия на потреби-

тельную аудиторию. Презентация туристических стопперов опирается, с одной стороны, на структурно-содержательные характеристики (слоган, эхо-фраза/кода, основной рекламный текст), с другой, – актуализирует важнейшие дискурсивные средства рекламной агитации: утвердительные высказывания и тропеический арсенал художественно-выразительных и стилистических фигур.

Цель работы: проанализировать стопперы, формирующие прагмалингвистическое, коммуникативное пространство в туристическом рекламном объявлении.

Методы работы: в качестве основных – методы научного описания, обобщения, систематизации и классификации результатов исследования; в качестве специальных – метод сплошной выборки туристических рекламных объявлений; на этапе анализа материала – контекстологический и компонентный, а также метод статистической обработки данных.

Основные результаты и выводы. Анализ содержания туристических рекламных объявлений позволяет предположить, что в его прагмалингвистическом, коммуникативном пространстве целесообразно выделять акцессорные константы: эхофразу/код и слоган. Последний наиболее активен, так как включает облигаторные атрибутивы-стопперы, формирующие регулятивное отношение адресата (потребителя) к адресанту (турфирме) и турпродукту (туруслуге).

Ключевые слова: стопперы, дискурсивные средства, туристическое рекламное объявление, турпродукт, адресат.

Summary. The article discusses tourist stoppers in advertising texts from the position of manipulative and regulatory impact on the consumer audience. The presentation of tourist stoppers is based, on the one hand, on structurally meaningful characteristics (slogan, echo phrase / code, main advertising text), and, on the other, it updates the most important discursive means of advertising agitation: affirmative statements and a tropic arsenal of artistic expressive and stylistic figures.

Key words: stoppers, discursive means, tourist advertisement, tourist product, addressee.

Туризм, активный отдых, использование рекреационных ресурсов и формирование здорового образа жизни сегодня уже просто невозможно представить без рекламы. Именно реклама, прежде всего, несет в себе необходимый объем информации в сжатой, образной, художественной форме, информацию, эмоционально окрашенную и доводящую до внимания потенциальных потребителей наиболее важные сведения о туристских продуктах и самом туристском предприятии.

Современная модель туристической рекламы представляет собой специфическую полифункциональную организацию, характеризующуюся особым соотношением когнитивного и прагматического аспектов. Последнее значительно расширяет потенциал создания эффективных в коммуникативном плане моделей текстов сферы туризма.

Анализ рекламного материала предметной области «туризм», представленного в печатных периодических изданиях «Вояж и отдых»,

«Туризм и отдых», «7 дней», «Телесемь», «Турбизнес» (в том числе в региональных – «Наш дом», «Выбирай») позволяет обратиться к поиску лингвистических и коммуникативно-прагматических средств воздействия, обнаруживаемых в рекламном объявлении, которые вслед за С. А. Гориним и Л. Г. Копревой мы обозначаем термином *стопперы*.

Представляется, что каждый из элементов структуры туристического рекламного текста (в дальнейшем – ТРТ), являющийся основой рекламного объявления, может содержать *стопперы* («дискурсивные средства рекламного воздействия»), главной целью которых является усиление «запоминаемости» рекламных сообщений и «вовлечения» получателя (адресата) в процесс коммуникации» [1; 3, с. 7–8].

Как показал анализ ТРТ, наиболее эффективными стопперами являются такие вербальные манипуляторы-регуляторы, как использование всевозможные средств выразительности в качестве утвердительных высказываний в слоганах («Для хорошего отдыха нужна хорошая компания. Компания «Инна тур», «Хватит мечтать – пора отдыхать! ITS тур», «Алатан – маэстро путешествий» и др.), а также в эхо-фразе/коде («Ваше путешествие с нашей компанией», «Все страны юго-восточной Азии», «От Туниса до Багам приглашает Алатан» и пр.).

Кроме этого, устойчивыми маркерами рекламного воздействия в исследуемых контекстах является актуализация тропеического арсенала, в частности, использование тропеических фигур (в слоганах и основном рекламном тексте). Именно слоган и центральный информационный блок заключают основной смысл ТРТ, моделируют образ турпродукта и становятся его ядерной составляющей. Для удобства анализа рассмотрим каждый указанный компонент по отдельности.

Художественно-выразительные средства в слоганах представлены следующим образом: «Россия. Лучшее – рядом», «Отдых круглый год», «Куба – возможно все», «Жизнь складывается из впечатлений», «Отдых в Турции самый беззаботный», «Время отдыхать в России», «Воплощая мечту», «Турция – море удовольствий», «Хватит мечтать – пора отдыхать», «К новой мечте...», «Там, где Греция прекраснее всего», «Все дороги ведут в Рим», «Фейерверк незабываемых впечатлений», «Отдых на лучших курортах», «Сказочный мир путешествий», «Лучшая поездка в Италию может быть только следующая поездка в Италию...», «Откройте для себя Эмираты», «Почувствуйте очарование Франции», «Солнечный мир путешествий», «Германия... у каждого она своя...», «Просто лето какое-то...», «Карелия – лучший выбор туров», «Ренессанс – отдых в удовольствие», «Словения. Отдых со вкусом», «Кипр. Край, похожий на рай», «Вена – далеко, Вильнюс, Рига – рядом», «Европа стала ближе», «Мальта. Мечты сбываются... и не забываются».

Как показали наблюдения, активный стилистический фонд слогана при описании турпродукта составляют эпитеты (незабываемый, прекраснее, беззаботный, лучших), антитеза (рядом – далеко), метафора (отдых со вкусом, фейерверк впечатлений, море удовольствий), каламбур (край – рай, сбываются и не забываются), гиперболы (возможно все), повторы (лучшая поездка может быть только следующая поездка) и т.п.

Упомянутые средства выразительности, используемые в слогане, характеризуют, с одной стороны, – конкретную туристическую реалию, географический объект (макротопонимы: Россия, Словения, Турция, Германия и пр., микротопонимы: Вена, Рига, Вильнюс и др.), с другой – позволяют определить преимущества туруслуги в целом, способствуют быстрому запоминанию, а, следовательно, при последующем использовании выполняют не только информирующую функцию, но и напоминающую.

В основном информационном блоке ТРТ используется наиболее обширный арсенал стилистических фигур. Так, при описании турпродукта зафиксированы тропеические художественно-выразительные средства, в частности, эпитеты (удивительный, эксклюзивный, эффективный, изысканный, элитные, гарантированные, великолепные, приключенческие, необычайный, лучший, персональный, легендарный, грандиозный), гиперболы (поездки по всей стране, море впечатлений, туры любой сложности от северного полюса до южной Африки, мегакарнавал, сверхпопулярный, наипрекраснейший), метафоры (горящие туры, бархатный сезон, отдых со вкусом), оксюморон (новый год на пляжах, из зимы – в лето, четыре моря в одной поездке), каламбур (сезон загара всегда в разгаре, выбиРАЙ РАЙ на островах), окказиональная лексика (экотуры, шоу-румы, гардероб-туры),

сочетание латиницы и кириллицы (*Корсика NEW, поездки Fly & Drive*) и т.д.

Кроме этого, в ТРТ обнаружены художественно-изобразительные средства, которые интегрируют сразу несколько тропеических фигур: эпитеты, гиперболу, метафору и др. Например: *«Индонезия. Бали. Это райский уголок, который располагает всем необходимым: нетронутая природа, вулканические озера, пляжи с мелким песком и коралловыми лагунами, отели, утопающие в зелени и ароматах»; «Тенерифе. Мягкий климат, уникальная природа, пьянящий воздух, вулканический песок, европейский сервис, изысканная кухня, испанское гостеприимство и множество развлечений: аквапарки, парк попугаев, вулкан Тейде, зажигательное фламенко...».*

Рекламируя туристический объект, в данном случае острова Бали и Тенерифе, художественно-изобразительные средства подчёркивают их уникальные особенности, а именно, что Бали «райский», «с нетронутой природой», с отелями, «утопающими в зелени и ароматах»; Тенерифе «с мягким климатом», «пьянящим воздухом», «европейским сервисом», «изысканной кухней» и т.п.

К средствам экспрессивной выразительности турпродукта в контекстах также относятся глагольные формы (отдыхать, купаться, загорать, наслаждаться, любоваться). Субстантивированные инфинитивные конструкции в данном случае содержательны и динамичны, выражают значение возможности, желания, предложения рекламируемой туристской услуги. Количественный анализ стилистических средств выразительности в ТРТ, представлен в таблице 1.

Таблица 1.

Характеристика художественно-выразительных средств

Эпитет	Метафора	Другие
275 ТРТ/28,9%	400 ТРТ/42,2%	275 ТРТ/28,9%

В ходе систематизации ТРТ, мы пришли к выводу, что из всех перечисленных средств выразительности, репрезентирующих стоппер-акцию, наиболее важной является метафора. Метафора признается универсальным механизмом популяризации туристской услуги и эмоционального воздействия на потребительскую аудиторию.

Будучи полифункциональным художественно-изобразительным средством, метафора выполняет в ТРТ ряд функций, одна из которых –аттрактивная, как правило, доминирует и формирует прагматический, воздействующий эффект на адресата. Такая полифункциональная апелляция, на наш взгляд, открывает широкие возможности для описания и объяснения специфики разновидности метафоризации в ТРТ, в частности, прецедентных феноменов. Например, *«Увидеть Грецию глазами богов!»*, *«Мальта. Сокровищницы мальтийских рыцарей»*, *«Бенилюкс. День рождения Королевы»*, *«Италия. Тур «Дольче Вита»*, *«Римские каникулы»*, *«Франция. Астерикс»*, *«Франция и Монпарнас»*, *«Румыния. В гостях у графа Дракулы»*, *«Германия. Вся эклектика XIX века: романтика традиций, моды, прогресса»*, *«Индия. Золотой треугольник. Храмы любви»*.

Как показал анализ ТРТ, прецедентные феномены представлены в контекстах именами литературно-художественных и исторических персонажей, названиями произведений, которые широко известны читателю и выполняют функции «активизации ассоциативного мышления», «разрежения» интеллектуальной насыщенности текстового пространства и актуализации «единиц хранения» из «культурного архива» адресанта» [2, с. 42-45].

Таким образом, участвуя в образовании прагмалингвистического, коммуникативного пространства, прецедентные феномены в ТРТ становятся ядром-стоппером, привлекая тем самым внимание потенциальных потребителей к турфирме, к ее имиджформирующим константам.

Список использованных источников

1. Горин С. А. Нэплер в свободном полете. Канск, 1997. 195 с.
2. Баженова Е. А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте. [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология – 2011. – Выпуск 5. <http://www.rfp.psu.ru/archive/5.2009/bazhenova.pdf> (дата обращения 15.12.2019).
3. Копрева Л. Г. Функции лингвистических стопперов в пресс-рекламном тексте (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 162 с.
4. Пирогова Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации [Электронный ресурс] // Труды международного семинара «Диалог 2001». – 2001. – <http://www.dialog.21.ru/materials/archive.asp?id=6778&y=2001&vol=6077> (дата обращения 28.12.2019).

УДК 81'27

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ КООПЕРАЦИИ В БИЗНЕС-ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО КИНОФИЛЬМА «THE BIG SHORT»)

А. О. Столярова,

*аспирант III года обучения МГУ имени М.В. Ломоносова,
факультет иностранных языков и регионоведения,
кафедра лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, Москва*

Аннотация. Цель настоящей статьи – с помощью методов анализа визуального материала, сплошной выборки и дискурс-анализа выделить максимы Грайса, реализуемые в коммуникативной ситуации в рамках бизнес-дискурса. В качестве материала для анализа используется сцена деловых переговоров из американского оscarоносного фильма «The Big Short», снятого режиссёром А. Маккеем в 2015 г. В результате исследования было отмечено, каким образом в речевой ситуации делового общения реализованы постулаты количества, качества, релевантности и ясности.

Ключевые слова: прагматика, максимы Грайса, бизнес-дискурс, речевой акт, речевая ситуация, принцип кооперации.

Summary. The following article is aimed at singling out Grice's maxims in the communicative situation within the framework of business discourse. The methods applied include: continuous sampling method, method of visual analysis, method of discourse analysis. As a source of material for the research the 2015 American Oscar-winning movie «The Big Short» directed by A. Maccay is used, and namely, the scene of business negotiations. As a result, it has been shown how maxims of quantity, quality, relation and manner work in business communication.

Key words: pragmatics, Grice's maxims, business discourse, speech act, speech situation, cooperative principle.

Изучая область бизнес-дискурса, невозможно обойти стороной прагматический аспект теории и практики деловой коммуникации. Прагматика как область научного поиска впервые была отделена в 30-х гг. Ч. Моррисом. Были выделены три аспекта у языкового знака: синтактика (изучает формальные отношения знаков друг к другу), семантика (изучает отношения знаков к объектам) и прагматика (изучает отношения знаков к их интерпретаторам – непосредственным участникам коммуникации) [2, с. 42]. Идея Морриса была впоследствии модифицирована Бар-Хиллелом, заявившим, что прагматика занимается изучением индексных выражений [4] – слов или предложений, значение которых становится понятным только при

анализе ситуации их употребления. В своих исследованиях вопросам прагматики уделяли внимание: Т.А. ван Дейк, Дж. Лич, Х. Грайс, С. Левинсон, Дж. Морган, С. Ульман, Р. Сталнейкер, А.Е. Кибрик, Дж. Мак Коли, Л. Картунен, Е.В. Падучева, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, Т.В. Булыгина, Г.В. Колшанский и др.

В 60-х гг. XX века возникло понятие речевых актов, которые принято разделять на локутивные, иллокутивные и перлокутивные. Теория речевых актов послужила основой для развития прагматики, а понятие «перлокутивный» акт было сопоставлено с понятием «прагматический эффект», где различие заключается в воздействии: в случае перлокутивного акта значение имеет процесс передачи информации, в случае же прагматического эффекта в центре внимания находится анализ результатов языковой коммуникации. По словам Дж. Лича, прагматика изучает значение слов и предложений относительно речевой ситуации, адресата и адресанта [5]. Иначе говоря, прагматика изучает те смыслы слов и высказываний, которые раскрываются в определённой речевой ситуации, под воздействием конкретных целей адресанта и экстралингвистических факторов общения. Аспекты прагматики крайне важны при рассмотрении вопросов о дискурсе, который включает понятие когнитивной деятельности. Именно поэтому для анализа дискурса нередко применяется прагматико-когнитивный подход, заключающийся в том, чтобы уделить внимание как непосредственно языковым и экстралингвистическим средствам передачи сообщения, так и когнитивным установкам коммуникантов, обуславливающим выбор речевых стратегий.

Неоценимый вклад в изучение прагматики общения внёс Г.П. Грайс, который описал принцип коммуникативной интеракции, отражённый в ряде постулатов, названных им максимами. Изучая диалог как первостепенную форму общения, Грайс писал следующее: «в нормальной ситуации диалог представляет собой, в той или иной степени, особого рода совместную деятельность участников» [1, с. 221], где каждый из коммуникантов обязан тщательно следить за тем, какой коммуникативный вклад он вносит в беседу, т.к. от этого зависит достижение совместно принятой цели диалога. Итак, принцип кооперации выражен посредством четырёх максим (количества, качества, релевантности и ясности) – правил, следование которым способствует успешному протеканию коммуникации и достижению коммуникативных целей. Попробуем выделить максимы Грайса в ситуации деловых переговоров как комплексного жанра коммуникации в рамках бизнес-дискурса – т.е. сферы профессиональной коммуникации представителей коммерческих организаций. Проще говоря, бизнес-дискурс повествует о том, как общаются сотрудники фирм, компаний и других коммерческих организаций, чтобы выполнить свою работу [3, с. 3]. В качестве источника примеров выступает ситуация деловых переговоров из оscarоносного фильма «The Big Short» режиссёра Адама Маккея (2015 г.). Кинокартины мы рассматриваем в качестве достоверного источника исследовательского материала, т.к. даже несмотря на присущую жанру кинематографа долю драматизации и метафоризации, кинофильмы воспроизводя черты реальной речи. Итак, фильм рассказывает историю нескольких проницательных бизнесменов, заработавших состояние, сыграв на понижение курса ипотечных облигаций накануне финансового краха 2008 г. В качестве участников переговоров выступают: управляющий хедж-фонда Майкл Бьюрри, с одной стороны, и сотрудники инвестиционного банка Goldman Sachs – с другой. Бьюрри желает застраховать чуть меньше миллиарда долларов своих клиентов через кредитный дефолтный своп, предсказывая крах финансового рынка:

Michael Burry: «I wanna buy swaps on mortgage bonds credit default swap that will pay off if the underlying bond fails».

Goldman Sachs staff: «You want to bet against the housing market? Those bonds only fail if millions of Americans don't pay their mortgages. That's never happened in

history. *If you'll excuse me Dr. Burry, that seems like a foolish investment based on prevailing sentiment of the market and banks, and popular culture».*

Michael Burry: «Yes, it's a foolish investment. But eh... everyone's wrong. That's a good one».

Goldman Sachs staff: «This is Wall-Street Dr. Burry, if you offer us free money, we're going to take it».

Michael Burry: «When the bonds fail I want to be certain of payment, in case of solvency issues with the bank».

Goldman Sachs staff: «I'm sorry, are you for real? You want to bet against the housing market, and you're worried we won't pay you? »

Michael Burry: «Yes. That's correct».

Goldman Sachs staff: «Listen, I don't think this will work. The market on housing is never gonna crash, this is all rock-solid by now, it wouldn't even if we wanted it to. Dr Burry, we could work out a pay-as-we-go structure that would payout if the bonds fail. It would also apply to your payments if the value of the mortgage-fund goes up, you'd have to pay us monthly premiums. Is that acceptable Dr. Burry?»

Michael Burry: «Yes. It is, yes. Em.. I have prospectuses on, six mortgage-backed securities I want to show you».

Goldman Sachs staff: «Dr Burry, these should be fine! We're prepared to sell you 5 million in credit default swaps on these mortgage bonds».

Michael Burry: «Can we make it a hundred million? »

Goldman Sachs staff: «Absolutely! We can make it one-hundred million. We'll be in touch, send some paperwork over» [The Big Short, 2015].

Остановимся подробнее на особенностях реализации максим кооперации на примере представленного кинофрагмента:

1) Максима качества: высказывание должно быть правдивым, основательным и не должно вводить собеседника в заблуждение. Обе стороны переговоров обязаны открыто изложить друг другу все условия потенциального сотрудничества и ожидания от этого соглашения, ничего не утаив и не представив в ложном свете. Именно качество поданной информации поможет сторонам принять решение и, при положительном исходе, достичь кооперации. В начале переговоров Майкл Бьюрри чётко и лаконично выражает цель своего обращения в банк. Противоположная сторона, при этом, считает своей необходимостью откровенно (не избегая, однако, формул вежливости) выразить сомнения в целесообразности решения клиента (*If you'll excuse me Dr. burry, that seems like a foolish investment. Based on prevailing sentiment of the market and banks, and popular culture*). Своё финальное решение банк также излагает ясно, имея для этого достаточные основания (*Dr Burry, we could work out a pay-as-we-go structure that would payout if the bonds fail. It would also apply to your payments if the value of the mortgage-fund goes up, you'd have to pay us monthly premiums. We're prepared to sell you 5 million in credit default swaps on these mortgage bonds*).

2) Максима количества: высказывание должно содержать именно тот объём информации, который необходим для достижения поставленной цели диалога, не больше и не меньше. Стороны обязаны упомянуть и/или изложить в письменном виде все возможные условия потенциального договора. В анализируемом примере Майклу Бьюрри приходится ответить на ряд уточняющих вопросов, т.к. изложенной им информации оказалось недостаточно для полного понимания сотрудниками банка просьбы. При этом, информации для понимания всей сути задачи всё же недостаточно: Бьюрри не даёт подробных комментариев к вопросу о причине сделать по всем привычным параметрам неразумное вложение (*Yes, it's a foolish investment. But eh... everyone's wrong. That's a good one*). В данном случае отсутствие детальных разъяснений не мешает положительному исходу дела, т.к. противоположная сторона для принятия решения не нуждается в большем количестве информации.

3) Максима релевантности (отношения): высказывание должно быть «к месту». В центре переговорного процесса должен находиться сам предмет переговоров – основная тема, ради обсуждения которой стороны встретились. Отклонение от темы допустимо на этапе *small talk*. Обе стороны переговоров ни разу не ушли в сторону от обсуждения основного предмета беседы – покупки ссуд. В первой части беседы инициатор переговоров объявляет тему (*I wanna buy swaps on mortgage bonds credit default swap*), основная же часть отводится для обсуждения целесообразности и логичности потенциальной инвестиции, в финальной части проходит обсуждение деталей её оформления.

4) Максима ясности (способа): высказывание должно быть понятным, логичным, систематичным, последовательным и не должно содержать двусмысленные идеи. Глубокое и всестороннее понимание предмета переговоров, плюсов и минусов потенциального соглашения и сопутствующих обстоятельств способствует достижению цели переговоров – заключению договора. Для внесения ясности сотрудники банка задают ряд уточняющих вопросов (*You want to bet against the housing market? I'm sorry, are you for real? You want to bet against the housing market, and you're worried we won't pay you? Is that acceptable Dr. Burry?*). Стиль переговоров – официально-деловой, в беседе можно обнаружить лишь ограниченное количество стилистических приёмов, что снижает двусмысленность (гиперболы: *millions of Americans, everyone's wrong*; метафоры: *swaps pay off, bonds fail, the value of the mortgage-fund goes up, market on housing is never gonna crash, free money*).

Процесс переговоров ставит своей первостепенной целью достижение консенсуса с помощью реализации принципов кооперации. Придерживаясь максим Грайса, т.е. «играя по правилам» и высказываясь с оглядкой на постулаты количества, качества, релевантности и ясности, участники переговоров получают возможность достичь поставленных профессиональных целей.

Список использованных источников

1. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 216-234.
2. Моррис Ч. Основание теории знаков // Семиотика. Сборник переводов / Под. ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. 627 с.
3. Bargiela-Chiappini F., Nickerson C., Planken B. Business Discourse. Palgrave Macmillan, 2007.
4. Bar-Hillel Y. Indexical Expressions. // Mind, 1954.
5. Leech G. Principles of Pragmatics. Lnd., N.Y.: Longman, 1985.
6. «The big short» [Электронный ресурс], реж. Адам Маккей, 2015. Транскрипт фильма: https://www.springfieldspringfield.co.uk/movie_script.php?movie=the-big-short

УДК 81'27

БИЛИНГВИЗМ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т. Г. Чернышова,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4,

Институт иностранной филологии (СП),

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», Симферополь

Э. С. Шамиева,

обучающаяся 1-го курса магистратуры, кафедра теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии (СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «билингвизм», «межкультурная коммуникация». Целью данного исследования является рассмотрение подходов к изучению проблемы билингвизма и межкультурной коммуникации, а также, анализ различных точек зрения по проблематике исследования, критерии, которые должны учитываться во время коммуникативного процесса. В ходе исследования были использованы такие методы как сравнительно-сопоставительный анализ, описательный метод, метод интроспекции. Были рассмотрены трудности, которые возникают в процессе коммуникации, даны рекомендации преподавателям, способствующие повышению эффективности и успешной деятельности.

Ключевые слова: билингвизм, интерференция, межкультурная коммуникация, факторы, языковая картина мира, восприятие, языковая политика.

Summary. The article deals with approaches of studying the phenomenon of bilingualism and intercultural communication. The purpose of this article is to investigate the approaches of studying the problem of bilingualism and intercultural problems, as well as the analysis of these points of view on the research issue. During this analysis the comparative analysis, the interdisciplinary approach, the descriptive method, the introspection method were used. Within the research we investigated the difficulties that emerge in the process of communication. This made possible to create recommendations for teachers, which help to improve educational process and make it more effective.

Key words: bilingualism, interference, intercultural communication, factors, linguistic picture of the world, perception, language policy.

Современные направления в межкультурном общении ведут международное сообщество к пониманию, что человечеству необходимо уметь коммуницировать более чем на одном языке. Адекватное владение как минимум двумя языками является важным навыком для успешного общения и налаживания контактов. Языковая среда может влиять также и на языковую картину мира носителя. Статистика утверждает, что процент билинговов преобладает над монолингвами. Около семидесяти процентов населения земного шара в определенной степени владеют двумя или более языками. Это связано с рядом причин, к которым можно отнести миграцию, проживание некоренного населения в другой языковой среде, глобализацию, переезд, связанный с образованием, работой. Внимание лингвистов к проблематике билингвизма в разных проявлениях наблюдается в трудах таких российских авторов, как А. А. Залевская, В. Ю. Розенцвейг, И. Л. Медведева. Зарубежные ученые также не обходят стороной данную тему. Исследования в области межкультурной коммуникационной компетенции вызывают большой интерес в последние несколько десятилетий благодаря актуальности навыков общения в современном многокультурном мире. Фактически повсеместная востребованность эффективного и надлежащего взаимодействия с культурным разнообразием стимулировало исследования межкультурной или культурной компетентности в различных дисциплинах. Хотя некоторые ученые ставят под сомнение эффективность исследований данного феномена, бесспорно, можно наблюдать успешное налаживание контактов между людьми из разных культур.

У. Вайнрайх проводил исследования в данной области. Ценность культурологического подхода в исследовании межэтнических проблем заключается в выявлении и всестороннем изучении надэтнических значений, символизирующих положительный опыт интеграционных процессов в сфере культуры. Именно поэтому проблемы билингвизма и межкультурной коммуникации актуальны и являются предметами изучения многих других наук. Уриэль Вайнрайх, американский лингвист, входящий в число основателей социолингвистики, определяет билингвизм как «практику попеременного пользования двумя языками. Лица, осуществляющие эту практику, называются двуязычными или билингвами» [3,

с. 22]. Изучение проблемы билингвизма требует комплексного подхода, т. к. по мнению Уриэля Вайнрайха «сравнительная степень владения двумя языками вообще не может быть точно сформулирована в чисто лингвистических терминах. Это один из тех многочисленных аспектов двуязычия, для исследования которых лингвистике необходимо сотрудничество с психологией и общественными науками. Билингвизм как лингвистический феномен подразумевает владение двумя лингвокультурными кодами и умение использовать освоенные системы знаков в межкультурной коммуникации» [4, с. 27]. «Термин «лингвокультурный код» подчеркивает тесную взаимосвязь и одинаковую значимость языка и культуры для успешного общения людей. Использование общего языкового кода, как известно, еще не гарантирует взаимопонимание коммуникантов» [1, с. 50].

Различают следующие виды билингвизма:

1. «Естественный билингвизм, который появляется в результате усвоения второго языка преимущественно в естественной среде параллельно с родным языком;
- 2) «Искусственный билингвизм, который является возможным продуктом изучения одного иностранного языка в организованной форме в определенном учебном заведении» [5, с. 38].

«Естественный билингвизм предполагает наличие естественной языковой среды, в которой формируется речевое поведение двуязычного индивида» [10, с. 63]. Естественная среда может включать в себя телевидение, радио, интернет, детский сад при речевой практике. Процесс восприятия не является осознанным. Таким образом, естественный билингвизм является результатом социализации, а искусственный билингвизм возникает, когда индивид ставит использование иностранного языка для личной и профессиональной самореализации своей целью.

Исторически, двуязычное образование было определено различными объективными социально-политическими факторами и повлияло на восприятие фонетической составляющей, грамматических конструкций второго языка, прямое понимание других культур индивидом. «Главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках» [6, с. 48]. Таким образом, попадая в культурную среду и становясь частью глобальной межкультурной коммуникации, билингв может столкнуться с рядом трудностей. Например, у франкофонов можно услышать такие ошибочные предложения как «*I lived in Paris since 2010; I can't go with you, I prepare for my exam*». Во французском отсутствует аналог английского вспомогательного глагола «do». У обучающихся возникают проблемы в формулировании вопросов. Например, они могут произнести утвердительное предложение с вопросительной интонацией, как сделали бы во французском: «*She is dyslexic?*». Наблюдается изменение порядка слов: «*How long been there you?*». В глобальной среде, даже когда оба коммуниканта говорят на одном и том же языке, в связи с этническими и культурными различиями могут возникнуть недоразумения. «Попадая в другую языковую среду, важно учитывать культурные и языковые особенности определенного этноса. Невежество или неадекватное использование (имитация) словесных и невербальных стандартов могут создать сложности в общении и стать причиной различных проблем в межкультурной коммуникации» [13, с. 4]. Для того, чтобы наладить связь между культурой и общением, раскрыть культурные паттерны, характерные для разных народов и избежать неудач в позитивных намерениях участников коммуникативного процесса, был введен термин «межкультурная коммуникация». Существует множество примеров, доказывающих, что неправильное понимание и недостаток

навыков общения приводят к плохой организации работы и низкой эффективности. В первую очередь, понимание влияния глобализации на межкультурное общение необходимо организациям, стремящимся создать конкурентное преимущество и занять свою нишу на рынке. Межкультурная коммуникация учитывает специфические особенности, как и носителя национального языка и культуры, так и билингва. Успех или неудача в управлении разнообразной или многокультурной рабочей силой во многом зависят от способности менеджеров на всех уровнях эффективно общаться с людьми из разных слоев общества и национальностей и проявлять уважение к культурным различиям. При изучении иностранного языка нужно изучать слова не по отдельности, а в контексте, в естественных сочетаниях присущих языку. Лексическая сочетаемость слов может вызвать трудности перевода, например, «I'll take a leaf out of your book — я последую твоему примеру». Также, учитывается конфликт между культурными представлениями разных народов о реалиях и предметах, которые обозначены «эквивалентными», если таковые имеются. К примеру, значение зеленого цвета, на первый взгляд, являющееся общим для большинства народов, может иметь различия в плане его абсолютного лексического соответствия. В русском языке эпитет «зеленые глаза» звучит поэтично, романтично, имеет культурный подтекст и отсылку к колдовским или русалочьим глазам. В английском языке словосочетание «green eyes» имеет обратное значение – зависть, вину. Шекспир в своей трагедии «Отелло» называет ревность «green-eyes monster».

В последнее время все больше усиливается интерес к вопросу «языковой политики» не только со стороны ученых, но и широкой общественности. Особенно ярко можно наблюдать это в США. Коренное население, призывает абсолютно всех использовать лишь английский язык в обществе, но американская конституция декларирует право на равноправное использование и функционирование национальных языков различных групп населения на территории страны. Коренное население считает, что мигранты оказывают негативное влияние на их родной язык, поэтому повышаются требования к владению нормативной английской речью при приеме на работу, что создало множество институтов в США, которые занимаются исправлением акцента в речи билингов. Одним из условий является овладение официальным английским языком для получения перспективной должности в американском обществе. Глобализация сделала межкультурное общение неизбежным. Общение с другими культурами характеризует современный бизнес, класс и сообщество. Технологии, особенно, интернет, повысили вероятность того, что все сказанное, будет прочитано или услышано кем-то из представителей другой культуры. Межкультурное общение имеет весомое значение в любой сфере, особенно в карьере, поэтому умение общаться с представителями различных культур является одним из главных критериев на пути к успеху. В результате можно наблюдать появление некоторых различий в вербальных и невербальных моделях общения между двумя культурами. Полученные данные дают представление о том, как межкультурная коммуникация по-разному развивается в разных культурах, а также о том, как когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты межкультурного общения взаимосвязаны и подвержены влиянию специфических для культуры аспектов.

Следует сделать вывод, что образовательный процесс студентов-билингвов включает в себя не только обучение и вовлечение в культурную среду, но также профессиональную подготовку самих преподавателей, их правильное понимание отличий культур двух языков, создание и применение новых двуязычных практик, например, дистанционное обучение, поиск и внедрение новых видов методик пре-

подавания. В ходе исследования были определены факторы, навыки или умения, которые следует приобрести для успешного межкультурного общения. К ним относят: навык адекватно воспринимать и использовать языковые единицы, навыки письма, умение воспринимать и интерпретировать языковой код. К навыкам межличностного общения можно отнести: навыки общения с людьми, сотрудничество, понимание культурных и языковых особенностей, ценностей и предрасположений.

Список использованных источников

1. Аврорин В. А. Двуязычие и школа. Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 2002. С. 49-62.
2. Белл, Р. Т. Социоллингвистика: цели, методы и проблемы / Р. Т. Белл. М.: Международные отношения, 1980. С. 186.
3. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике, Москва, 1992. С. 134.
4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Языковые контакты. Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972. С. 25–60.
5. Вятютнев М.Н. Традиции и инновации в современной методике преподавания русского языка // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на 6 Конгрессе МА-ПРЯЛ. М., 1986. С. 80.
6. Ивицкая Н. Д. О наиболее типичных ошибках при изучении английского языка и некоторых путях их преодоления // Иностранные языки в школе. 1995. № 3. С. 46-53.
7. Любимова, Н. А. Фонетическая интерференция / Н. А. Любимова. – Л.: ЛГУ, 1985. С. 18.
8. Паскарь Л. М. Грамматическая интерференция в русской речи... С. 15.
9. Хауген, Э. Билингвизм / Э. Хауген // Проблемы билингвизма. – М., 1972. С. 75.
10. Черничкина Е. К. К вопросу искусственного билингвизма [Текст] / Е.К. Черничкина // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2006. – Т. 1. №.5. С. 60-67.
11. Шаповалов, А. И. Семантическая интерференция в условиях искусственного билингвизма / А. И. Шаповалов. – Саратов, 1989. С. 8.
12. Эйнар Хауген. Языковой контакт // Новое в лингвистике, Москва, 1992, вып.6, С.67.
13. Batevych F. S. The atmosphere of dialogue: attempt psycholinguistic research. Linguistics, 2002. P. 4-5.
14. Muller, N. Transfer in bilingual first language acquisition / N. Muller // Bilingualism : Language and cognition. – Cambridge, 1998. – Vol. 1, № 3. P. 151–171.

УДК 616.1:81

ОСОБЕННОСТИ БИЛИНГВАЛЬНОЙ АФАЗИИ

Л. В. Ягенич,

кандидат педагогических наук, доцент,

заведующая кафедрой иностранных языков №4,

Институт иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

А. В. Геращенко,

аспирант кафедры патологической анатомии с секционным курсом,

Медицинская академия имени С.И. Георгиевского (СП),

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Билингвизм является характерной чертой глобализации, а количество людей, владеющих двумя языками, постоянно растет. Учитывая высокую распространенность двуязычия, представляется важным изучение афазий у билингвов, как наиболее частой речевой патологии. Однако, большинство научных публикаций, посвященных билингвальной афазии, представляют собой описание одиночных или групповых случаев, что не позволяет провести комплексный анализ проблемы. Цель статьи состоит в рассмотрении лингвистических особенностей течения афатических расстройств у пациентов, владеющих двумя языками. В ходе проведенного исследования автор приходит к выводу, существует ряд дискуссионных вопросов, связанных с особенностями патогенеза, классификации и диагностики двуязычных афазий. При этом афатические расстройства у билингвов представляют сложную междисциплинарную проблему, требующую дальнейшего изучения.

Ключевые слова: афазия, афатические расстройства, лингвистика, билингвизм.

Summary. Bilingualism is a feature of globalization. The number of people who speak two languages is constantly growing. Given the high prevalence of bilingualism, it seems important to study aphasia in bilinguals as the most common speech pathology. However, most scientific publications devoted to bilingual aphasia are descriptions of single or group cases. The article deals with linguistic features of aphatic disorders in bilingual patients. In the course of the study, the author concludes that there are a number of debatable issues related to the characteristics of the pathogenesis, classification and diagnosis of bilingual aphasia. At the same time, aphatic disorders in bilinguals present a complex interdisciplinary problem requiring further investigation.

Key words: aphasia, aphatic disorders, linguistics, bilingualism.

Количество людей, владеющих двумя языками, постоянно растет [3, с. 2], и составляет более 50% населения [9, с. 180]. Здесь уместно дать определение явлению билингвизма, который согласно У. Вайнрайху, представляет собой «владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от условий речевого общения» [1, с. 22]. При этом, как полагает Ф. Грожан, «неправильно рассматривать билингва в качестве двух моноязычных личностей в одном теле» [7, с. 4]. Следуя данному мнению, считаем, что нарушения речи у двуязычных имеют ряд особенностей.

Представляется важным изучение афазий, как наиболее частого нарушения относящегося к речевой патологии (81,5% случаев) [9, с. 181]. Так, афазии представляют собой нарушение устной речи, возникающее в результате органического поражения головного мозга. При этом наиболее частой причиной развития афатических расстройств является инсульт, о чем свидетельствуют данные статистики: до 35% пациентов, перенесших острое нарушение мозгового кровообращения, страдают афазией [9, с. 181; 5, с. 393; 8, с. 2].

Учитывая возрастающую значимость билингвизма, который «является отличительной чертой глобализации» [3, с. 2], становится очевидной высокая распространенность двуязычной афазии. Однако, большинство научных публикаций, посвященных билингвальной афазии, представляют собой описание одиночных или групповых случаев [9, с. 181], что не позволяет провести комплексный анализ проблемы. В свете вышесказанного очевидна актуальность изучения афатических расстройств у билингвов.

Таким образом, **цель статьи** состоит в рассмотрении лингвистических особенностей течения афатических расстройств у пациентов, владеющих двумя языками.

Говоря о билингвизме, надо обозначить, что чаще всего человек владеет лучше первым приобретенным языком (*language-1 (L1)*), чем вторым (*language-2 (L2)*) [9, с. 181]. Однако Д. Бирдсонг указывает, что данная закономерность может нарушаться в условиях эмиграции [4, с. 14-15].

Известно, что «общие закономерности возникновения речевых нарушений, возникающих в результате инсульта, предсказуемы, так как связаны с конкретными паттернами поражения» [8, с. 2]. Ф. Фаббро предполагает, что «симптомы двуязычной афазии при механизмах их развития не отличаются от таковых у одноязычных» [6, с. 13]. Однако данный вопрос окончательно не решен, в связи с чем, существует две теории, описывающие лексический доступ при владении двумя языками.

Согласно гипотезе неселективного лексического доступа (интегративная модель), синтаксические структуры обоих языков являются общими и представлены в одних и тех же анатомических областях головного мозга [12, с. 436]. Сторонники декларативной (процедурной) модели, напротив, утверждают, что существует зависимость между возрастом приобретения, уровнем владения и локализацией речевых функций [9, с. 185]. Так, исследование Р. Моретти и соавторов показало, что в некоторых случаях локализация очага поражения в головном мозге определяет выбор сохраняемого языка: *L1* или *L2*. К примеру, согласно полученным данным, поражение подкорковых структур чаще приводит к нарушению *L1* [11, с. 808-809]. Нужно отметить, что имеются технические трудности в сопоставлении указанных теорий, поскольку первая из них больше базируется на результатах клинических данных, тогда как вторая – на результатах нейровизуализации здоровых добровольцев [14, с. 554-555].

Не менее важной проблемой представляется классификация двуязычной афазии. Отметим тот факт, что общепринятая и наиболее часто используемая классификация (*Boston Aphasia Classification*) не дифференцирует моно- и билингвальные расстройства речи [9, с. 181]. В связи с чем, в литературе выделяют следующие формы билингвальных афазий: параллельная; селективная; дифференциальная [9, с. 186].

Подавляющее большинство пациентов демонстрируют нарушения обоих языков (параллельная афазия) [6, с. 214]. Однако М. Парадиз сообщает о нескольких случаях селективной афазии, когда больные сохраняли полностью языковые навыки одного из языков [12, с. 428-429]. А. Р. Силверберг описывает двух пациентов с дифференциальной формой расстройства, у которых наблюдалась разная степень нарушения владения *L1* или *L2* [15, с. 53].

Что касается клинической симптоматики, начальное обследование пациентов с билингвальной афазией состоит в наблюдении и изучении общих симптомов, характерных для всех видов афазий [9, с. 184]. П. Робертс акцентирует внимание на том, что «двуязычные пациенты не могут отвечать на классические опросники, такие как *Aachen Aphasia Test (AAT)*, *Boston Diagnostic Aphasia Examination*, так же, как одноязычные» [13, с. 636]. В связи с чем, оправдано применение специфических опросников и методов исследования, среди которых:

1. *Bilingual Aphasia Test (BAT, Paradis & Libben, 1987)*.
2. *The Multilingual Aphasia Examination (MAE)* [12, с. 430-431].

Стоит отметить, что данные лингвистические тесты дают достоверную оценку у двуязычных пациентов [12, с. 437], а их применение позволяет выявить ряд специфических симптомов, характерных для билингвальной афазии:

1. патологическое смешение [6, с. 213];
2. использование обоих языков во время одного высказывания;
3. патологическое переключение;
4. смена языка от одного высказывания к другому;
5. нарушения перевода [9, с. 186].

Современные исследователи сходятся во мнении, что существует ряд факторов, влияющих на особенности течения афазии у пациентов, владеющих двумя языками [3, с. 4; 4, с. 3-4; 14, с. 560]. В этом контексте представляется убедительным мнение Е. Хачатрян, которая полагает, что «факторы, оказывающие влияние

на языковую обработку у здоровых билингвов, также играют важную роль в клинических проявлениях билингвальной афазии, развитии нарушений и моделей выздоровления» [9, с. 190]. Так, Ж. Пайлозян отмечает, что характер афазии у билингвов определяется взаимодействием двух групп факторов:

- 1) факторы, определяющие афатическое расстройство;
- 2) факторы, обусловленные особенностями речевого и языкового опыта [2, с. 8-9].

Рассмотрим подробнее компоненты второй группы. Считается, что они определяют доминирование *L1* или *L2* в степени сохранности и динамике восстановления при возникновении афазии [3, с. 6-7]. Традиционно к ним относят:

- а) уровень преморбидного владения языком;
- б) возраст и способ овладения;
- в) одновременное или последовательное изучение различных языков;
- г) степень употребления того или иного языка, использования чтения и письма;
- д) характер личности в целом [2, с. 9].

Кроме этого, важными факторами являются языковые характеристики, такие как типология языка и орфографическое и фонологическое расстояние между двумя языками [9, с. 190]. Подтверждение этому находим в работах С. Кирана К. Лебеля [10, с. 290]. При этом указывается «избирательность» речевого восстановления пациентов, когда изучаемые билингвы в ходе лечения «предпочитали» язык с более регулярной структурой, следовательно, морфологически более «фиксированный» [10, с. 295-296].

Привлекает внимание также исследование С. Занини, изучавшего первичную прогрессирующую афазию у билингвов, в нем делается акцент на том, что в литературе описано всего три случая данного заболевания у людей, владеющих двумя языками [14, с. 553]. Действительно, хотя имеется множество научных публикаций, посвященных «двуязычному мозгу», фокус исследования, как правило, сосредоточен на изучении постиктальной афазии, которая встречается чаще других [14, с. 562].

Таким образом, теоретический анализ проблемы показывает, что вопросы билингвальной афазии рассматриваются в литературе достаточно широко. В то же время, существует ряд дискуссионных вопросов, связанных с особенностями патогенеза, классификации и диагностики двуязычных афазий. Практически отсутствуют исследования первичной прогрессирующей афазии у билингвов. Таким образом, в результате проведенного анализа приходим к выводу, что афатические расстройства у людей, владеющих двумя языками, представляют сложную междисциплинарную проблему, требующую дальнейшего изучения.

Список использованных источников

1. Вайнрайх У. Языковые контакты/Перевод с англ. и комментарии Ю.А. Жлуктенко; вступит. ст. В.Н. Ярцевой [Электронный ресурс]. К: Вища школа, 1979. 264 с. Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/vainraih/text.pdf> (дата обращения 27.11.2019).

2. Пайлозян, Жанна Арутюновна. Восстановление речи при афазии у билингвов [Электронный ресурс]: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.03. Ереван, 1996. 22 с.: ил. Режим доступа: <http://nauka-pedagogika.com/viewer/529258/a?#?page=1> (дата обращения 27.11.2019).

3. Ansaldo A.I., Saidi L.G. Aphasia Therapy in the Age of Globalization: Cross-Linguistic Therapy Effects in Bilingual Aphasia [Electronic resource]. Behav Neurol. 2014;2014: 603085, 10 pages. Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4006602/> (дата обращения 28.11.2019). doi: 10.1155/2014/603085

4. Birdsong D. Dominance and age in bilingualism [Electronic resource]. Applied Linguistics. 2014;1–20. Mode of access: http://sites.la.utexas.edu/bilingual/files/2012/01/DominanceandAge_DBird.pdf (дата обращения 28.11.2019). doi:10.1093/applin/amu031.

5. Croquelois A, Bogousslavsky J: Stroke aphasia: 1,500 consecutive cases [Electronic resource]. *Cerebrovasc Dis.* 2011;31:392–399. Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/21346340> (дата обращения 27.11.2019). doi: 10.1159/000323217
6. Fabbro F. The bilingual brain: cerebral representation of languages [Electronic resource]. *Brain Lang.* 2001;79:211–222. Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/11712845> (дата обращения 28.11.2019). doi: 10.1006/brln.2001.2481
7. Grosjean F. Neurolinguists, beware! The bilingual is not two monolinguals in one person [Electronic resource]. *Brain Lang.* 1989;36(1):3–15. Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/2465057> (дата обращения 27.11.2019). doi: 10.1016/0093-934x(89)90048-5
8. Julius Fridriksson, Dirk-Bart den Ouden, Argye E. Hillis, Gregory Hickok, Chris Rorden, Alexandra Basilakos, Grigori Yourganov, Leonardo Bonilha. Anatomy of aphasia revisited [Electronic resource]. *Brain.* 2018;141(3):848–862. Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5837461/> (дата обращения 27.11.2019). doi:10.1093/brain/awx363
9. Khachatryan E, Vanhoof G, Beyens H, Goeleven A, Thijs V, Van Hulle MM. Language processing in bilingual aphasia: a new insight into the problem [Electronic resource]. *Wiley Interdiscip Rev Cogn Sci.* 2016;7(3):180–96. Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/26990465> (дата обращения 25.11.2019). doi: 10.1002/wcs.1384
10. Kiran S, Lebel KR. Crosslinguistic semantic and translation priming in normal bilingual individuals and bilingual aphasia [Electronic resource]. *Clin Linguist Phon* 2007;21:277–303. Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/17453869> (дата обращения 28.11.2019). doi: 10.1080/02699200701243873
11. Moretti R et al. Bilingual aphasia and subcorticalcortical lesions [Electronic resource]. *Percept Mot Skills* 2001;92(3 Pt 1):803-14. Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/11453208> 10.2466/pms.2001.92.3.803 (дата обращения 28.11.2019). doi: 10.2466/pms.2001.92.3.803
12. Paradis M. Principles underlying the Bilingual Aphasia Test (BAT) and its uses [Electronic resource]. *Clin Linguist Phon.* 2011;25:427–443. Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/21675824> (дата обращения 28.11.2019). doi: 10.3109/02699206.2011.560326
13. Patricia M. Roberts, Linda J. Garcia, Alain Desrochers & Denise Hernandez. English performance of proficient bilingual adults on the Boston Naming Test [Electronic resource]. *Aphasiology.* 2002;16:635-64. Mode of access: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02687030244000220> (дата обращения 27.11.2019). doi: 10.1080/02687030244000220
14. Zanini S, Angeli V, Tavano A. Primary progressive aphasia in a bilingual speaker: a single-case study [Electronic resource]. *Clin Linguist Phon.* 2011;25(6-7):553–64. Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/21631307> (дата обращения 30.11.2019). doi: 10.3109/02699206.2011.566464
15. Silverberg R, Gordon HW. Differential aphasia in tow bilingual individuals [Electronic resource]. *Neurology.* 1979;29:51–55. Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/570678> (дата обращения 30.11.2019). doi: 10.1212/wnl.29.1.51

ЛИНГВОДИДАКТИКА

УДК 811.12

РОЛЬ ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ И СОДЕРЖАНИИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Т. И. Борисенко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры международной коммуникации, факультет мировой политики, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

Г. И. Сыроватская,

кандидат филологических наук, доцент кафедры международной коммуникации, факультет мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Высшая школа всегда была нацелена на подготовку эрудированного специалиста средствами иностранного языка. При этом в процессе обучения иностранный язык для специальных и академических целей выступает не только как самостоятельная дисциплина, но и как предмет, подчиненный профилирующим дисциплинам, и является своего рода медиумом профессиональных знаний. Перед преподавателями иностранных языков стоит задача отбирать, систематизировать и преподавать актуальный учебный материал, как предметно-понятийный, так и языковой, на основе тематики по специальности.

Ключевые слова: язык для специальных целей, речевая компетенция, общенаучная лексика, терминологические понятия, интерференция родного языка, речевая культура

Summary. Teaching and learning LSP is aimed at training qualified specialists able to communicate in foreign languages for specific and academic purposes. The main challenge that LSP teachers face is selecting teaching material and choosing instructional methods to develop verbal and cogitative faculty of students. While teaching / learning a foreign language one should take into consideration the interference of the native language and the necessity to improve language and speech competence.

Key words: LSP, speech competence, general scientific vocabulary, terms, native language interference, language knowledge, speech culture

«Современная стадия информационного развития мирового сообщества предлагает новые ценности, которые наслаиваются на старые ценности, модифицируют и развивают классические пути достижения знания»[4, с.10]. Вот почему возникает необходимость в поиске новых подходов для повышения культуры речи, как на родном, так и на иностранном языках в качестве инструмента труда специалистов гуманитарного профиля. Методология знания зависит от инструмента, или от речевых умений для воплощения мысли языковыми средствами. Правила действий со словом заключаются в том, что речевые программы читающего, слушающего и говорящего включают действия, совершаемые во внутренней речи, которая и определяет отношение к внешней речи, а та, в свою очередь, оформляется и регулируется определенными нормами. Постепенное осознание отношений мысли и слова последовательно приводит слушающего и читающего к пониманию, а говорящего к возможностям репликации речи, «отражающей скрытый от внешнего наблюдения, глубинный процесс рефлексирования в сознании человека» [1, с.4].

В образовании основной методологической задачей является безошибочность речи и действия, а учебный процесс нацелен на развитие речи-мысли в отношении содержания и формы, который состоит из двух ступеней. На первой – изучается правильная устно-письменная речь в качестве образца. На второй – основное внимание уделяется риторике, то есть правильному использованию системы языка в речи, т.е. в соответствии формы содержанию. Таким образом, система языка переходит в систему речи и поддерживается системой образцовых текстов [4, с.18].

Иначе говоря именно возрастающий объем семантической информации требует подготовки такого специалиста, который способен легко адаптироваться к современным условиям международной интеграции. Отсюда следует, что роль преподавателей иностранных языков в высшей школе приобретает значительную важность, поскольку основной целью обучения является наработка и развитие навыков эффективного поиска необходимой информации, с минимальными затратами усилий и времени, для того чтобы иметь возможность эффективно использовать семантическую информацию в самостоятельных речевых действиях, как на родном языке, так и на иностранном языке в соответствии с профессиональными обязанностями.

Чтобы полнее удовлетворить социальный заказ общества и личные потребности, необходимо максимально интенсифицировать и оптимизировать прагматически-ориентированный процесс преподавания иностранного языка, используя такие методики, которые в полной мере удовлетворили бы запросы каждого человека и общества в целом. В этом случае требуется овладение иностранным языком а, желательно, – двумя, без которых невозможен карьерный и профессиональный рост. Развитие и совершенствование речевой иноязычной компетенции должно стать приоритетной методологической задачей, потому что «информативное обеспечение личности, информативное разнообразие в сфере общения, стиль и культура обеспечивают защищенность каждого» [3, с.1].

Практический опыт в течение нескольких лет показал, что методика использования родного языка в качестве посредника в преподавании иностранного языка доказала свою лингводидактическую эффективность и способствовала формированию и развитию языковых навыков и умений, аккумулированию и активизации общенаучной лексики и терминологических понятий.

Исходя из научно-социальной значимости гуманитарных наук, можно сделать вывод, что с методической точки зрения филологические знания родного языка и постепенно накапливающиеся знания, наряду с формирующимися умениями в изучаемом иностранном языке, способны дополнять друг друга, образуя при этом двухкомпонентную систему знания, которая, безусловно, трудно постигаема, но так востребована и необходима в настоящее время.

Именно «положительная» интерференция родного языка может стать основой для создания речи на иностранном. Такая методика наложения и сопоставления семиотической информации на двух языках помогает выявить тождества и различия с опорой на воспринимаемый речевой контекст и способствует пониманию и осознанию содержательной стороны научной информации, что представляет особую сложность при изучении научного гуманитарного текста, в основе которого лежит философский, «выраженных термилируемыми понятиями научной абстракции, в отличие от термилированного названия вещей и действий», характерных для естественно-научной дисциплины [3, с. 220].

Поскольку «общественными функциями языка являются коммуникативная, которая обеспечивает общение в текущий момент и кумулятивная, суть которой состоит в накоплении языковых средств научной, культурно-значимой лингвистической информации» [2, с.101], то бесспорно, такая сопоставительно-сравни-

тельная методика оправдана и эффективна. Примером могут служить пособия, разработанные сотрудниками нашей кафедры [5], [6], [7].

Однако нельзя не отметить, что не все вчерашние школьники хорошо подготовлены к восприятию и осознанию научной информации гуманитарного профиля в высшей школе, во-первых, из-за отсутствия умений в филологическом нормировании содержания языковой формы гуманитарных текстов на родном языке, не говоря уже об иностранном и, во-вторых, из-за отсутствия фоновых знаний в выбранной специализации. Этот факт, безусловно, тормозит и затрудняет преподавание английского языка для специальных целей, снижая уровень качества и потенциал компетенций в научных речевых действиях и отношениях в условиях научного, межкультурного общения.

Во многом, иноязычное речевое действие определяется уровнем культуры речи на родном языке, который в процессе накопления филологического опыта и специализированного знания, формирует лингвистические навыки и умения, необходимые для формирования иноязычной компетентности в коммуникативной функции в процессе обучения иностранному языку. Таким образом, нацеленность, в первую очередь, на оформление научного знания на русском языке, который, выступая в роли посредника в единстве сознательного и бессознательного, способствует установлению ассоциативных связей и понятий с одновременным формированием и усвоением языковых средств, придавая динамику процессу выработки устойчивых компетенций в речевых действиях и речевом поведении в условиях иноязычной коммуникации.

Отсюда следует, что методика соположения семиотической информации на двух языках помогает выявить тождества и различия, которые обеспечивают более глубокое проникновение через разные семиотические системы в содержание научного текста уже в процессе чтения, его правильного истолкования посредством интерпретации на родном языке.

После отработки лингвистической компоненты на фонетическом, лексическом и стилистическом уровнях языка можно перейти к анализу содержательной стороны научного текста и извлечения научной информации, при этом делая постепенный переход от синтагмы ко всему тексту.

С самых первых занятий необходимо соблюдать принцип взаимоотношения и взаимодополнения коммуникативных и некоммуникативных действий, заученного и творческого. Процесс формирования фонетических, грамматических и лексических навыков должен непременно сопутствовать решению задач по развитию умений спонтанной перестройки индивидуальной программы по ходу общения в результате построения различных комбинаций с привлечением родного языка. Осознание студентами необходимости тщательной подготовки и анализу любого речевого акта является основным условием предлагаемых дидактических заданий.

Но при этом не следует забывать о когнитивном планировании содержания и композиционно-логического структурирования иноязычной речи посредством родного языка для достижения «полноты, системности и простоты» [3, с. 217].

Описанная методика оправдывает свою эффективность на практике, поскольку, основана на аналитической деятельности мозга, где процессы сравнения, обобщения и абстракции происходят через родной язык.

В заключение можно сказать, что научная речь как носитель и выразитель семантической информации требует особых методик и подчиняется опосредованным правилам восприятия, как в устной, так и в письменной формах, наряду с опосредованными способами её создания. В противном случае, без соположения двух семиотических систем, язык науки с точки зрения общей филологии будет пополняться калькированными с английского языка словами и словосочетаниями.

ми, которые в огромном количестве проникают в русский язык, способствуя распространению тенденции псевдонаучного стиля научной речи.

Список использованных источников

1. Архипова М.В. Репликация как средство экстерииоризации внутренней речи в художественном дискурсе. [Электронный ресурс] // Автореферат диссертации по филологии. Челябинск, 2003.

<http://cheloveknauka.com/replikatsiya-kak-sredstvo-eksteriorizatsii-vnutrenney-rechi-v-hudozhestvennom-diskurse#ixzz5r9reX8n8> (дата обращения 15.06.19).

2. Борисенко Т.И., Данилина В.В., Салиева Л.К. Формирование коммуникативной компетентности студентов управленческих специальностей в свете теории речевых коммуникаций. // Журнал Alma Mater. Вестник Высшей школы, издательство РУДН (М.), № 11, с. 99-104.

3. Рождественский Ю.В. Общая филология. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. 326 с.

4. Рождественский Ю.В. Философия языка и учебный предмет. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2017. 386 с.

5. Global World – Global English. International Organizations: Pros and Cons. Москва.: «КДУ», 2013. 328 с.

6. Introduction to English for Academic Purposes. Введение в английский для академических целей: Учебное пособие / Под общей редакцией Т.И. Борисенко - М. : «КДУ», «Университетская книга», 2016. 176 с.

7. Minaeva L.V. Practical Guide to International Communication. Курс Москва, 2019. 256 с.

УДК 37.091.313:811.111:338.48.

ВНЕАУДИТОРНАЯ РАБОТА КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ «ТУРИЗМ», КФУ ИМ. В. И. ВЕРНАДСКОГО)

О. А. Васильева,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №3,
Институт иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

И. А. Гулакова,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков №3, Институт
иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

И. А. Борзова,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков №3, Институт
иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются методы повышения мотивации к изучению английского языка у обучающихся неязыковых специальностей. Для закрепления и повышения качества знаний и умений, а также для контроля изучения иностранного языка наряду с аудиторной работой используется внеаудиторная работа по учебной дисциплине, как компонент системы подготовки специалиста в высшей школе. Цель статьи — изучить виды внеаудиторной работы, активизирующие познавательные и творческие навыки обучающихся. Особую ценность

представляют методы активного погружения обучающихся в организуемую деятельность. Актуальность исследования обусловлена тем, что используя педагогические и психологические механизмы мотивации, преподаватели получают возможность эффективно управлять процессом обучения, повышая интерес обучающихся к изучению английского.

Ключевые слова: мотивация, конкурентноспособный, внеаудиторные мероприятия, языковые навыки, коммуникативная компетенция.

Summary. The article deals with methods of increasing motivation for learning English among students of non-linguistic specialties. To consolidate and improve the quality of knowledge and skills, as well as to control the study of a foreign language, along with classroom work, extracurricular work in an academic discipline is used as a component of the specialist training system in higher education. The purpose of the article is to study the types of extracurricular work that activate students' cognitive and creative skills. Of particular value are the methods of active immersion of students in organized activities. The relevance of the study is due to the fact that using pedagogical and psychological mechanisms of motivation, teachers are able to manage the learning process effectively, increasing the interest of students in learning English.

Key words: motivation, competitive, extracurricular activities, language skills, communicative competence.

В условиях динамичного развития экономики нашей страны, расширения и укрепления политических, деловых, социальных и культурных связей с другими странами возникает острая необходимость в подготовке высококвалифицированных специалистов, владеющих английским языком. Для того, чтобы будущий специалист был конкурентоспособен на рынке труда и имел возможность активно использовать иностранный язык в своей профессиональной деятельности, он должен обучаться не только повседневному, но и профессионально-ориентированному иностранному языку. Индустрия туризма и гостеприимства является прибыльной и интенсивно развивается в России, необходимость в специалистах этой сферы растёт.

Однако опыт работы показывает, что исходный уровень знаний английского языка обучающихся является недостаточным. Это очень осложняет обучение профессионально-ориентированному иностранному языку. Требуется более качественная подготовка школьников средних общеобразовательных учреждений.

Обучающиеся с низким, а, зачастую, и с нулевым уровнем знаний английского языка склонны пропускать занятия, не веря в возможность достижения результатов и повышения уровня владения языком. Поэтому они уделяют максимум внимания профильным предметам и не желают «тратить» время на подготовку домашнего задания по английскому языку. Обучающиеся неязыковых специальностей демонстрируют нейтральное или негативное отношение к дисциплине, полагая, что она никак не связана с дальнейшими жизненными планами и её изучение является нецелесообразным. В этих реалиях вопрос о формировании мотивации к изучению иностранного языка у студентов неязыковых специальностей является актуальным.

Важность формирования мотивации к изучению иностранного языка отмечается многими учёными, в частности: А.А. Алхазидзе, Н.И. Гез, П.Б. Гурвичем, И.А. Зимней, А. А. Леонтьевым, В.Л. Скалкиной, Е. И. Пассовым, Э.П. Шубиной и др.

Согласно Л. И. Божович, «мотив — это то, ради чего осуществляется деятельность, в качестве мотива могут выступать предметы внешнего мира, представления, идеи, чувства и переживания. Словом, всё то, в чём нашла своё воплощение потребность» [1, с. 27]. Мотивация побуждает, направляет и организует обучающегося, придавая учебному процессу личностный смысл и значимость, вызывает интерес.

Отечественные психологи отмечают, что интересы человека воспитываются, а их истоки лежат в общественной жизни людей, в окружающей действительности. Интерес является сложным качеством личности, которое оказывает положительное влияние на эмоции и чувства, психомоторные и интеллектуальные процессы, волю; в то же время интерес не сводится ни к одному из них. В связи с этим можно определить интерес как устойчивую избирательную направленность личности на определенные предметы или деятельность с целью их изучения (познания) и практического овладения ими [4, с. 78].

Разделяя точку зрения исследователей данной проблемы, мы согласны с Е.А. Буренок, что «количество учебных часов, отданных аудиторным занятиям для изучения иностранного языка в неязыковых вузах, недостаточно, поэтому актуальна проблема формирования условий внеаудиторной работы студентов» [2] и С. Е. Зайцевой, утверждающей, что «при всех неоспоримых преимуществах и важности английского языка, студенты неязыковых специальностей в большинстве своем, не рассматривают его как необходимый к изучению предмет, руководствуясь мнением, что английский язык не понадобится им в профессиональной деятельности, что он им не нравится своей сложностью и т. д.» [3].

Вовлечение студентов во внеаудиторную деятельность повышает эффективность обучения, развивает коммуникативную составляющую, придаёт уверенность, дает обучающимся ощущение достижения результата; успех и привлечение внимания ассоциируются с английским языком, что способствует росту мотивации. Особенно заметен такой рост в случае групповой работы обучающихся при подготовке докладов, презентаций, при участии в различных обсуждениях, семинарах, выполнении проектных работ.

Результатом такого участия неизменно является рост мотивации у обучающихся, вне зависимости от их уровня владения языком.

На основе разработанной нами анкеты было проведено измерение мотивационной сферы обучающихся направления подготовки 43.03.02 – Туризм. В ходе проведенного исследования мы пришли к выводу, что у обучающихся низкий уровень мотивации к изучению английского языка. Они считают иностранный язык вспомогательной дисциплиной и её изучение менее важным, относительно других дисциплин. Однако на современном рынке труда требуются специалисты в своей профессиональной сфере, владеющие иностранным языком не ниже уровня *intermediate*. Специалист также должен обладать навыками делового общения, знать профессиональную лексику, проводить переговоры с зарубежными партнёрами.

Так, с целью повышения мотивации к изучению английского языка на кафедре иностранных языков №3 Института иностранной филологии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского проводятся внеаудиторные мероприятия. Культурно-воспитательное мероприятие, посвященное Международному Дню Туризма, для обучающихся направления подготовки «Туризм» стало ежегодным. Обучающиеся рассказывают о своём профессиональном празднике, показывают презентации и видеоролики на английском языке, связанные с историей туризма. Будущие специалисты представляют сценки и скетчи, демонстрируя свои знания английского языка в профессиональной сфере. Особый интерес вызывает викторина, направленная на оценку уровня общей эрудиции обучающихся и их знаний в сферах туризма и географии.

Также была проведена лингвострановедческая викторина «History of the United States of America», в которой приняли участие студенты 1 курса факультета географии, геоэкологии и туризма направления подготовки «Туризм». Цель викторины – определить лучших студентов-знатоков истории и современности Соединённых Штатов Америки. Викторина прошла в три тура. Первый тур пред-

ставлял собой блиц-опрос, по результатам лучших ответов были определены 10 участников, которые в составе двух команд вышли во второй тур. В ходе второго тура интеллектуального командного соревнования в финальный третий тур вышли 5 участников. Им были предложены интересные творческие задания на английском языке, с которыми ребята успешно справились.

Ещё одним внеаудиторным мероприятием, направленным на повышение мотивации обучающихся, стал стихотворный марафон поэтических произведений на английском языке, посвященных матери. В честь празднования Международного дня матери преподаватели кафедры и обучающиеся 1 и 2 курсов специальностей «Туризм» и «Гостиничное дело» провели стихотворный марафон поэтических произведений на английском языке, посвященных матери. Обучающиеся декламировали как детские стихотворения о маме, так и серьезные поэмы прославленных и малоизвестных американских, британских, австралийских и индийских поэтов о любви к матери. В ходе поэтического марафона прозвучали также стихотворные произведения собственного сочинения обучающихся.

Прошёл конкурс студенческих работ «Лучшие тезисы на английском языке» в рамках секций «Английский язык в сфере туризма» внутри университетского семинара «Профессиональная деятельность в сфере экономики и туризма сквозь призму иностранного языка». Обучающиеся 3 и 4 курсов бакалавриата и 1 курса магистратуры направления подготовки «Туризм» представили доклады на английском языке по теме «Английский язык в сфере туризма». Презентации научных работ в сфере профессиональной деятельности помогли обучающимся ознакомиться с современными тенденциями в материале, представленном на английском языке. Возможность представить свои научные идеи на английском языке позволила обучающимся сравнить свои навыки в профессиональной деятельности на родном и изучаемом языках. Обучающиеся задавали вопросы выступающим, делились своей информацией по излагаемым темам, обсуждали современные проблемы туризма в России и в Крыму. Среди лучших работ был проведен дополнительно конкурс «Лучшие тезисы на английском языке», победители которого были награждены грамотами. Мероприятие вызвало живой интерес обучающихся, способствуя повышению мотивации изучения английского языка в вузе.

Основной задачей современного вуза является стимулирование интересов к обучению таким образом, чтобы целью обучающихся стало получение диплома, как документа о высшем образовании, подкреплённого прочными и стабильными знаниями. Мотивация обучения – средство побуждения обучающегося к продуктивной познавательной деятельности, активному освоению содержания изучаемого предмета. Мотивация к учебной деятельности – это направленная деятельность, побуждающая получать новые знания [5].

Важную роль играет еще один фактор, специфичный для процесса изучения иностранных языков, это факт того, что этот процесс обязательно должен быть непрерывным, – студенты должны тренировать навыки, связанные с иностранным языком, ежедневно. Это значит, что они должны делать домашнее задание, причем не для своего преподавателя, а для самих себя [6].

Роль такого вида учебной деятельности, как внеаудиторная работа с обучающимися особенно возрастает в настоящее время, когда учебные заведения переходят на стандарты нового поколения, в рамках которых реализуется компетентностный подход, когда появилась необходимость выработать у обучающихся навыки и способности к самостоятельной учебной деятельности.

Внеаудиторная работа имеет большой резерв в создании условий для развития личности обучающегося и его управленческих начал. Цели, задачи, содержание и формы внеаудиторных занятий позволяют широко использовать различные виды са-

мостоятельных работ. Обучающийся развивает интерес к познанию, взаимодействуя с преподавателем, обретает навык освоения языкового и культурного наследия, что в целом стимулирует у него интерес к процессу изучения иностранного языка.

Значимость интеграции аудиторных и внеаудиторных занятий определяется не только учебными целями, но созданием развивающего пространства, обеспечивающего успешную профессионализацию, социализацию и самореализацию личности обучающегося.

Список использованных источников

1. Божович Л. И. Изучение мотивации поведения детей и подростков / под ред. Божович Л. И. и Благоннадежной Л. В. М.: Педагогика, 1972. 352 с.

2. Буренок Е. А. Внеаудиторная деятельность как средство интенсификации профессионального обучения английскому языку студентов туристского вуза. Автореф. на соискание степ. кандид. пед. наук, Сходня, 2004. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/vneauditornaya-deyatelnost-kak-sredstvo-intensifikatsii-professionalnogo-obucheniya-angliisk> (дата обращения 21.03.2020).

3. Зайцева С. Е. Формирование мотивации изучения иностранного языка у студентов неязыковых специальностей. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://na-journal.ru/2-2013-gumanitarnye-nauki/283-formirovanie-motivacii-izuchenija-inostrannogo-jazyka-u-studentov-nejazykovyh-specialnostej> (дата обращения 22.03.2020).

4. Мельников В. Е. Мотивация к обучению студентов в Вузе как психолого-педагогическая проблема/ ВЕСТНИК НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 5 (96) 2016. с. 61-64.

5. Прядехо А. Н. Развитие технических интересов и способностей подростков. М., 1990. 218 с.

6. Догнал Й. Мотивация университетских студентов (эссе, основанное на опыте обучения иностранным языкам) [Электронный ресурс] / Метеор-Сити: научно-популярный журнал, 2017. № 2. Спец. выпуск по материалам заочной международной интернет-конференции «Проблемы филологических исследований» (8.02–8.03.2017, ЮУрГГПУ, г. Челябинск). С. 35–43. URL: <http://www.meteor-city.top/motivacia-studentov-i-ee-baryery> (дата обращения 22.03.2020).

УДК 372.881.111.1

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЛАТФОРМЫ MOODLE ПРИ ОБУЧЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТОРОНЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ

О. В. Исаева,

*старший преподаватель кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Н. С. Стрембицкая,

*ведущий специалист учебно-организационного отдела,
Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В данной статье описываются принципы работы модуля Moodle Глоссарий, а также его преимущества по сравнению с традиционными способами изучения лексических единиц. Целью данной работы является анализ результа-

тов исследований, проведенных в фокус-группах. Выбор методов исследования (обзор проблематики, описание и сопоставительный анализ) обусловлен целью работы. В результате даются рекомендации для более эффективного использования данного инструмента в изучении иностранных языков.

Ключевые слова: виртуальная образовательная платформа Moodle, Глоссарий Moodle, учебный курс, лексические единицы, термин.

Summary. The article presents such Moodle application as the Moodle glossary, the way it works and its advantages compared with traditional methods of learning lexical units. The purpose of the research is to analyze the results of researches and surveys in focus groups. The choice of the research methods (review of issues, description and comparative analysis) is due to the purpose of the article. Recommendations for more effective usage of the tool while learning foreign languages are given.

Key words: virtual educational platform Moodle, the Moodle glossary, training course, lexical units, a term.

It's always good to learn new vocabulary because knowing what you know already isn't enough – it's not going to take you through the later stages and you're going to reach a wall.
(Student C)

Изучение новой лексики всегда полезно, потому что знаний всегда недостаточно для того, чтобы перейти на более высокий уровень, в итоге можно упереться в стену. (Студент С)

Moodle (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment – модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда) – на сегодняшний день одна из самых используемых систем управления обучением (СУО) по всему миру, обеспечивающая доступ преподавателей к гибкой открытой технологии. Опыт использования платформы Moodle, а также данные эмпирических исследований демонстрируют ее безоговорочные преимущества, в частности, в изучении иностранных языков, которые в результате приводят к положительным результатам у обучающихся, стимулируя их позитивное отношение к процессу обучения [1; 2].

В данной работе мы более подробно остановимся на таком виде деятельности, как изучение лексических единиц с помощью модуля Moodle Глоссарий.

Изучение словарного состава языка является очень важной и неотъемлемой частью овладения иностранным языком. Опыт показывает, что обучающиеся зачастую пренебрегают этим аспектом, что, в результате, приводит к дальнейшим проблемам в таких видах языковой деятельности, как аудирование, разговорная практика, чтение и навыки письменной речи.

Традиционно глоссарий, в нашем понимании, – это статичный список важных терминов и понятий (концептов). Обычно глоссарий отбирается преподавателем, и обучающиеся получают его для ознакомления и использования в качестве справочного материала или для заучивания с целью дальнейшего использования в речевой ситуации.

Глоссарий Moodle относится к активным элементам – это значит, что обучающиеся могут создавать в Глоссарии словарные статьи (записи), дополнять и комментировать свои записи и записи других пользователей. Данный элемент представляет собой аналог словаря. В учебном курсе может быть один глоссарий, можно настроить глоссарий к каждой теме, а к отдельному уроку, он добавляется в систему в виде модуля. Глоссарий – удобный способ презентации дефиниций, которые могут быть связаны со всем контентом курса.

Принцип работы Глоссария в том, что включенное в него слово будет отображаться гиперссылкой при каждом появлении данного термина в учебном курсе. Пользователь может щелкнуть на слово или словосочетание и увидеть его опре-

деление. Автосвязывание может работать во всех модулях курса, в том числе и в тестах, и в проверочных работах. Глоссарий размещается в выбранной секции, из которой пользователи смогут его открывать как самостоятельный словарь заданных преподавателем терминов.

Глоссарий Moodle – это интерактивный ресурс, который стимулирует вовлеченность обучающегося в процесс обучения. Словарная статья включает в себя 2 базовых компонента – концепт и его определение. Настройки помогают представлять их различными способами, такими как простой словарный стиль подачи, энциклопедический стиль, в формате FAQ (Frequently Asked Questions – Популярные вопросы) и в виде списка.

Словарные статьи могут включать в себя иллюстрации, аудио и видео файлы, их можно искать и просматривать в различных форматах и добавлять такие настройки, как «комментарий» и/или «рейтинг (оценка)». Блок случайного выбора может быть настроен таким образом, что будет показывать одну, случайным образом выбранную словарную статью, каждый раз при перезагрузке или посещении части курса. Это поможет обучающемуся отработать (закрепить) тот термин или понятие, которое, возможно, было не доучено ранее. Работа обучающегося, таким образом, может быть видна остальной группе, что будет способствовать более тщательному отбору лексических единиц, если пользователь будет знать о том, что результаты его работы отображаются на стартовой странице курса.

Таким образом, Глоссарий в Moodle представляется достаточно динамичным средством, обеспечивающим положительный и активный образовательный опыт, и возможности совместной работы. Однако, существуют и другие мнения.

Роб Хиршель, преподаватель английского языка из Университета Сохо (Япония), провел ряд опросов по результатам использования данного инструмента в фокус-группах [5]. Ответы и комментарии обучающихся показали, что изучение глоссария с помощью модуля Moodle не пользовалось популярностью и получило достаточное количество критических отзывов. Несмотря на то, что респонденты признавали пользу данного элемента при изучении словарного состава благодаря его доступности, при этом они отмечали наличие других, более предпочтительных методов освоения вокабуляра. Среди аргументов обучающиеся выдвигали тот факт, что изучение глоссария с помощью родного языка проще и эффективнее, так как объяснение лексической единицы через иностранный язык не всегда может быть правильно истолковано пользователем, и в результате привести к неточному или абсолютно неверному пониманию и дальнейшему использованию термина. Поэтому многие обучающиеся предпочитают изучать слова и словосочетания с опорой на перевод на родной язык.

Функция гиперссылки, похоже, тоже не всегда впечатляет обучающихся, которые полагают, что гиперссылки могут даже помешать усвоению лексики, так как определение легко найти, но также легко и забыть. Подобные высказывания совпадают с мнением Изабель ДеРиддер из Антверпенского университета [3], которая также считает, что использование гиперссылок не способствует увеличению количества усваиваемых лексических единиц.

На самом деле, поиск значения слова – только первый шаг на пути к успешному овладению лексикой. Необходим дополнительный, более глубокий уровень обработки и повторения единицы, о которой обучающиеся получают представление. Опрос дал возможность получить представление о том, каким пользователи хотят видеть данный модуль: они прямо заявляют о том, что необходимы упражнения и дополнительные виды деятельности, которые бы способствовали запоминанию, осмыслению, а также более длительному сохранению в памяти. Глоссарий лишь знакомит их со словами посредством чтения, а не помогает качественно их усвоить.

Особого внимания требует и вопрос отбора лексических единиц для работы с Глоссарием: хотя изначально преподаватели поддержали идею самостоятельного отбора обучающимися слов и словосочетаний для изучения, последние не всегда удачно справлялись с этой задачей. В результате, были необходимы дополнительные занятия по овладению навыками определения наименее и наиболее частотных лексических единиц, наилучшему способу их отбора для изучения. Но в случае недостаточного уровня владения иностранным языком, ограниченности во времени, недостаточно тщательного подхода к отбору лексических единиц, а зачастую, при наличии нескольких факторов вместе, подобный тренинг может также оказаться неэффективным [5].

Онлайн формат Глоссария также представляет отдельную проблему: отсутствие возможности постоянного доступа к платформе Moodle, а также недостаточно удобный интерфейс, требующий значительного количества времени и усилий для повторения и редактирования словарных статей [5].

Опираясь на результаты проведенных исследований [4], принимая во внимание отзывы, пожелания и рекомендации обучающихся [5], а также проанализировав принципы работы Глоссария Moodle, можно сделать некоторые выводы о том, на что стоит обратить внимание при работе с данным ресурсом и какие дополнительные опции могут быть включены:

- библиографические данные – отличный способ контрольной проверки материала или использования для дальнейших ссылок;

- обзоры книг – статья с фотографией обложки книги и/или обзор полезных источников;

- знакомство с группой – в качестве альтернативы форуму, обучающиеся могут добавлять статьи с информацией о себе с фотографиями. Опция случайного выбора каждый раз будет знакомить участников с одним из обучающихся при каждом посещении страницы ресурса;

- создание совместного контента – добавление учащимися новых определений в глоссарий, вовлечение в процесс комментирования и оценки;

- создание раздела FAQs (Frequently Asked Questions – ЧаВо (Часто задаваемые вопросы) на базе часто встречающихся вопросов на курсе и формирование полезного ресурса «самопомощи»;

- возможность определения и перевода слова или словосочетания на родной язык;

- обеспечение контентом – создание словарной статьи с контентом (текстовый документ, видео или аудиофайл) с использованием автоматической ссылки для того, чтобы продемонстрировать смысл альтернативным способом;

- заблаговременное размещение вопросов для зачета или экзамена с обязательной ссылкой на соответствующий раздел, что даст обучающимся возможность и время на осмысление материала и подготовку качественных ответов;

- с целью экономии времени для практической работы можно предложить обучающимся самостоятельное создание нескольких словарных статей для проверочной работы, таким образом, собрав информацию для дальнейшего использования в тестах и проверочных работах, составив представление о том, какие области представляют наибольшую сложности для обучающихся;

- самостоятельное создание обучающимися словарной статьи после лекции или практического занятия для контроля степени понимания материала;

- совместное использование ресурсов или статей, т.е. создание обучающимся записи о книге, веб-сайте или статье, использованном во время подготовки самостоятельной работы, включающей информацию о том, каким образом этот ресурс был полезен.

В целом, элемент Глоссарий Moodle представляется достаточно эффективным инструментом для пополнения и усвоения словарного запаса пользователей. Но, с

целью определения его эффективности в изучении лексики, степени мотивации обучающихся и их желания пользоваться данной методикой, необходимо проводить различные исследования и опросы, анализируя результаты по 3 основным аспектам:

- 1) степень использования обучающимися новой технологии;
- 2) степень влияния модуля Глоссарий на расширение словарного запаса обучающихся;
- 3) степень вовлеченности обучающихся в активный и независимый процесс изучения материала с использованием данных опций.

Список использованных источников

1. Исаев Э. Ш., Исаева О. В., Стрембицкая Н. С. К вопросу об использовании платформы Moodle в преподавании иностранных языков (на примере английского языка) // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации: материалы II Международной научно-практической Интернет-конференции. Орел, 2017. С. 172-177.

2. Худoley Н. В. Использование LMS Moodle при обучении иностранному языку в вузе (опыт ФГБОУ ВО «Красноярский ГАУ») [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2018. №4, Т. 15. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-lms-moodle-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku-v-vuze-opyt-fgbou-vo-krasnoyarskiy-gau/viewer> (дата обращения 29.01.2020).

3. Ridder de I. Visible or invisible links: Does the highlighting of hyperlinks affect incidental vocabulary learning, text comprehension, and the reading process? [Electronic Resource] // Language Learning & Technology, 2002, Vol. 6, Num. 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://scholarspace.manoa.hawaii.edu/bitstream/10125/25146/1/06_01_deridder.pdf (дата обращения 13.01.2020).

4. Gibbison T. Have you experimented with the Moodle Glossary activity? [Electronic Resource] // ElearningWorld.org. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.elearningworld.org/have-you-experimented-with-the-glossary/> (дата обращения 18.12.2019).

5. Hirschel R. Moodle: Students' perspectives on forums, glossaries and quizzes [Electronic Resource] // the jaltcalljournal, 2012, Vol. 8, No.2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/277558858_Moodle_Students'_perspectives_on_forums_glossaries_and_quizzes (дата обращения 18.12.2019).

УДК 81:37.016

ДИДАКТИКА ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

А. В. Карпенко,

кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков № 3,

Институт иностранной филологии (СП),

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье речь идет о генезисе концепта межкультурности, как категории дидактики языка и культуры. Рассматриваются процессы зарождения, становления и развития концепта межкультурности в сравнительно-историческом разрезе. Анализируются различные подходы, через которые в историческом контексте прошла дидактика языков и культур, и которые развивались в зависимости от цели общения. Утверждается, что уже на самых ранних этапах становления и

развития дидактики языков и культур преподаватели понимали роль культуры в изучении языка и, подбирая различные виды обучающих средств, выбирая те, что знакомили обучающихся с социокультурными знаниями, осознавали их важность, хотя, еще не пришли к формированию концепта межкультурной коммуникации и ее составляющих. Сегодня изучение межкультурности стало важным направлением языкового образования, которое отражает понимание неразделимости и взаимозависимости языка и культуры.

Ключевые слова: межкультурность, дидактика языка и культуры, концепт, межкультурное обучение, лингвистическое контрастивное исследование, культурное контрастивное изучение, межкультурная коммуникация.

Summary. The article deals with the genesis of the concept of interculturality as a category of didactics of languages and cultures. The processes of the origin, formation and development of the concept of interculturalism in a comparatively historical context are being considered. Various methods and techniques through which linguodidactics has passed in a historical context, and which have developed depending on the purpose of communication are being analyzed. It is stated that already at the very early stages of the formation and development of linguodidactics teachers understood the role of culture in the language learning and, choosing various types of teaching aids, selected those that introduced students to sociocultural knowledge, recognizing their importance, although not yet coming to the formation of the concept of intercultural communication and its components. Today, the study of interculturality has become an important area of language education, which reflects the understanding of the inseparability and interdependence of language and culture.

Key words: interculturalism, language and culture didactics, concept, intercultural learning, linguistic contrastive research, cultural contrastive study, intercultural communication.

Необходимость оптимизировать общение между людьми в глобальном масштабе напрямую связана с современным языковым образованием. В современном мире это – утилитарная задача, характеризующаяся глобализацией экономических и языковых обменов. Сегодня межкультурность рассматривается как один из параметров в обучении иностранным языкам, горизонтом которого является обучение межкультурному общению, о чем свидетельствуют тенденции теоретизации в дидактике языков и культур, которые разрабатываются в течение более полувека в мировой лингводидактике [1, 2].

Хотя понятие «межкультурный» развивалось в дидактике современных языков в 70-х и 80-х годах, тем не менее, реальность, которую оно охватывает, существовала всегда, и столкновение с инаковостью сопровождает любое перемещение из знакомых и известных границ. Изучение иностранного языка предусматривает погружение в целевую культуру страны, открытие, которое привлекает, дестабилизирует, иногда изменяет саму личность обучаемого [3, 10, p. 15-24].

Межкультурность находится в центре внимания дидактиков, поскольку язык как культурный инструмент всегда являлся частью социальной и культурной жизни, без которой он не будет передан и воспринят. Именно это взаимодействие делает язык инструментом для установления идентичности личности. В результате ученые и лингводидактики подвергли тщательному изучению способы выражения и учебные ресурсы, в которых культура существовала в течение многих веков. Наконец, изучая актантов, т.е. преподавателей и обучающихся и их роль в преподавании / изучении языков, мы подходим к вопросу о том, в чем же состоит образовательная функция, приписываемая межкультурности. Результаты научных исследований говорят о том, что научиться общаться на иностранном языке означает научиться выражать себя на языке другого через межкультурные знания, т.е. научиться взаимодействовать культурно. Межкультурное обучение / изучение

иностранных языков было признано обязательным после появления работ [7; 8; 14, pp. 32-35]. Среди межкультурных навыков особенно изучены те, что делают межкультурными посредниками тех, кто преподает и тех, кто изучает целевой язык, т.е. преподавателя и обучающегося [8, p. 8-30]. На протяжении веков цели общения на иностранных языках менялись: профессиональная необходимость для торговли, дипломатии или практическая польза для путешественников. Обучение всегда было направлено на приобретение компетенции говорения на языке в действии [13, p. 55-58], т.е., познать и понять культуру языкового контекста, чтобы, по словам Макла Бирам, «знать», «уметь» и «принять» [7, pp. 37-50]. Этот культурный элемент является более или менее важным в зависимости от окружения и потребностей обучающегося. Например, французский как иностранный в Европе с шестнадцатого века был языком международной торговли, а в семнадцатом, восемнадцатом и девятнадцатом веках он являлся привилегированным языком, языком обучения и образования благородного человека, языком наднационального объединения учёных, не говоря уже о его роли в качестве языка дипломатии. Богатые семьи выбирали для своих детей «естественный» метод обучения – образование, полученное при помощи наставников и гувернанток, являвшихся промежуточным звеном между поколениями и культурами.

Культурные и межкультурные аспекты, которые сегодня лежат в основе обучения иностранному языку, считаются незаменимыми в контексте международного общения, осмысливаются в контексте социальных и политических вопросов, а также в представлении о понятии идентичности. На протяжении веков они проявлялись в методах обучения не дидактически установленным способом, а в утверждении, что знание целевого языка идет рука об руку с осознанием самого себя. Лингвистические, грамматические и межкультурные знания приобретают смысл, когда обучающиеся осваивают, например, историю, географию, литературу, обычаи страны изучаемого языка. Все это влияет не только на лексическое обогащение обучающегося, но также расширяет кругозор, способствует формированию его идентичности.

Прежде чем стать предметом изучения и объектом исследования дидактиков, межкультурность, присутствовала в преподавании языков гораздо раньше на протяжении веков и в различных типах носителей информации. Об этом говорят многочисленные исследования и публикации документов, проводится анализ, подчеркивается трудность понимания культурного содержания педагогических пособий, где культура в различных формах пронизывает самый простой документ [5, 6]. Так как ранее не существовало никаких образцов, в преподавательской работе использовались письменные тексты, религиозные или светские, литературные или знакомые басни, сказки, рассказы, письма, интервью, анекдоты и пословицы, наконец, все учебники и пособия для выполнения письменных упражнений и текстов для чтения, которые в прошлом обеспечивали доступ к культуре изучаемого языка. Связь между целевой культурой и литературой, хотя, явно, еще не описана в методиках, появляется очень рано. Секуляризация общества понизила религиозные ценности в пользу гражданских, и тогда культурные компоненты общения нашли свое место в области дидактики иностранного языка. Появились хрестоматии и сборники отдельных текстов, которые фактически представляют собой зарождение учебников литературы и культуры для преподавания иностранных языков. Именно с появлением этих хрестоматий через литературные и культурные тексты в лингводидактике зарождается направление, которое спустя столетия привело к возникновению межкультурного подхода. Среди письменных текстов, пригодных для изучения иностранного языка, особое внимание, было уделено диалогам, независимо от их названия: коллоквиумы, беседы, разговоры,

интервью. Именно эти диалоги, использовавшиеся с 14-го века в преподавании иностранных языков, сыграли значительную роль в распространении межкультурных знаний. Представленные в сборниках или являясь частью последующих методик, опубликованных в дальнейшем, они содержат бесценные уроки цивилизации [9]. Они интересны ученым своей большой гибкостью, которая позволяла наиболее естественным образом подходить к широкому кругу тем, так как каждый диалог имел свою тему. Сегодня они позволяют исследователям идентифицировать те знания, которые были важны в рассматриваемое время (знания, умения, опыт). Знание словарного запаса шло рука об руку с чтением, а культура долгое время преподавалась через вокабуляр, составленный в соответствии с тематической классификацией. Изучение культурных различий также является мощным мотиватором. Это осознали авторы некоторых методик. Они решили строить свои методики на представлении межкультурных контрастов. Интерес к культурным различиям также появился очень давно. Например, в сборнике, опубликованном в 1829 году в Барселоне, были предложены 28 диалогов и тем для бесед, состоящих из 5 тематических групп, с наиболее примечательными различиями между Францией и Испанией [11, р. 102-150]. Исследователи определили, что этот сборник давал возможность перейти от лингвистического сопоставительного исследования к культурному контрастивному изучению. Заметим, что сегодня лингводидактики пришли к выводу о том, что тематический подход имеет существенный недостаток, он разрушает культурное содержание и не предлагает комплексный подход [7, р. 21-34]. Существует традиция преподавания культуры посредством литературы. Многие учебники французской культуры, используемые в 60-х годах двадцатого века, предлагали в качестве литературы почти исключительно литературные тексты. Их использование всегда вызывало методологические вопросы об уровне образования, на котором их следовало бы использовать; степень их сложности и достоверности представления о целевой культуре [9]. Начиная с 60-х годов 20 века, научные исследования в области французского как иностранного привели к отказу от литературного текста путем введения других опор для изучения культурных фактов и обращения к новым справочным дисциплинам, таким как социология, семиология или антропология [4, р. 44-65].

Таким образом, в 14-19 веках межкультурное содержание языкового образования еще не рассматривалось как предмет дидактики. Тем не менее, оно подспудно присутствовало в форме норм и обязательных моральных ценностей, а также в дидактическом материале всего предшествующего периода до середины 20 века. Учение о цивилизации / культуре начало формироваться в дидактике языков и культур как таковое с того момента, когда оно освободилось от власти морали и религии. С течением времени, язык и культура продолжали развиваться и диверсифицироваться и стали важным элементом дидактической рефлексии. Гражданские ценности, культурные компоненты общения смогли найти свое место в преподавании иностранных языков. Это развитие напрямую связано с появлением межкультурной составляющей, как важного компонента и элемента дидактики языков и культур. Межкультурный подход может удовлетворить потребность в глобальном подходе к преподаванию / изучению культурных фактов. Влияние, которое может оказать изучение иностранного языка, на формирование личности обучающегося, появилось в современных терминах как дидактика межкультурного общения. Этот термин широко использовался в двадцатом веке, а сегодня заменен на дидактику языков и культур.

Список использованных источников

1. Вульфсон Б.Л. Актуальные проблемы воспитания в условиях глобализации и встречи культур. / Вульфсон Б.Л. М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2009. 80 с.

2. Ласера Ж. Реалии французской культуры на уроках французского языка // Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам / Ред. Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров. М., 1974.
3. Abdallah-Preteuille M., L'education interculturelle // Que sais-je? P.: PUF, 1999. 126 p.
4. Argaud E., La civilisation et ses représentations: étude d'une revue, Le Français dans le Monde (1961-1976). Peter Lang. Berne, 2006. 271 p.
5. Blanchet Ph., Éléments de sociolinguistique générale, Limoges, Lambert- Lucas, 2018. 296 p.
6. Blanchet Ph., Chardenet P., Guide pour la recherche en didactique des langues et des cultures : approches contextualisées. Montréal: Éditions des archives contemporaines, 2011. 524 p.
7. Byram M., Grundy P., Context and Culture in Language Teaching and Learning. Multilingual Matters, 2003. 105 p.
8. Byram M., Blamont-Newman K., Culture et education en langue étrangère. P.: Didier - Hatier, Saint-Cloud: Credif, 1992. 220 p.
9. Mauger G., Bruézière M., Le Français accéléré [Texte imprimé]: méthode intensive de français parlé pour adultes / Gaston Mauger, M.Bruézière; avec la collab. de Georges Gougenheim, / Paris: Hachette, DL 1973. 186 p.
10. Puren Ch., Histoire des méthodologies de l'enseignement des langues. Paris: CLÉ International, 1988. 448 p.
11. Puren Ch., La didactique de l'espagnol en France: évolution historique, situation actuelle et nouvelles perspectives, Thèse pour le doctorat de 3e cycle, Univ. de Toulouse II, 2 t., 1984. 767 p.
12. Puren Ch. Schéma de l'évolution historique de la didactique scolaire des langues vivantes étrangères », pp. 20-25 in : « Les mécanismes de circulation dans l'évolution historique de la didactique des langues vivantes étrangères », Les Langues Modernes, (1), 1988. P. 19-37.
13. Sercu L. La formation de l'acteur/locuteur: Enseignement comme aide ou entrave, in Précis du plurilinguisme et du pluriculturalisme. Paris, Edition des archives contemporaines. 2008. P. 55-58.
14. Zarate G., Lévy D. et Kramersch C. Précis du plurilinguisme et du pluriculturalisme. Paris. Éditions des Archives contemporaines. 2008. P. 32-35.

УДК 372.881.111.1

TEACHING PROSODY OF PUBLIC SPEAKING TO NON-MAJORS.

Е. В. Крюкова,

тьютор, Департамент иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Аннотация. Статья посвящена обучению произношению студентов неязыковых специальностей, планирующих научную карьеру и публичные выступления. Принимая во внимание важность просодических характеристик для разборчивой речи и тот факт, что при обучении студентов неязыковых специальностей просодия практически никогда не изучается, целью работы является знакомство обучающихся с суперсегментными единицами языка и уменьшение беспокойства, связанного с акцентом в речи. Для оценивания устной речи мы используем пирамиду просодии (Gilbert, 2008), являющуюся визуальной репрезентацией системы суперсегментных единиц языка, где каждый уровень означает более мелкую единицу. Это дает нам возможность создать целостную систему оценки, позволяющую

шую студентам самостоятельно анализировать и улучшать свое произношение. В результате большее внимание уделяется эффективности донесения информации, а не просто стремлению звучать как носители языка, что может повысить самооценку обучающихся и способствовать успешной научной карьере.

Ключевые слова: произношение, просодия, публичная речь, английский как иностранный, английский для специальных целей

Summary. The article focuses on teaching pronunciation to students with no linguistic background willing to pursue academic career. Taking into account the importance of prosodic features for intelligibility and comprehensibility, and disregard of prosodic elements as part of pronunciation training for non-majors, we seek to reduce their anxiety over accentedness and raise awareness of relevant suprasegmental features. To evaluate the speakers' performances we are going to use the prosody pyramid (Gilbert, 2008). The prosody pyramid is a visual representation of the English prosodic system, where each level stands for a smaller unit: thought group, focus word, stress and peak. The use of this system helps us create comprehensive assessment criteria, which enables students to evaluate and improve their performance. As the focus is shifted from trying to sound as native-like as possible to sounding intelligible and conveying the message effectively, it can lead to improved self-esteem and confidence, and benefit their academic career.

Key words: pronunciation, prosody, public speech, EFL, ESP

Giving conference talks and presentations, communicating with colleagues are very important parts of academic lifestyle. It is not uncommon that students process texts in English on a daily basis, yet they are still not confident when they have to face an audience and present their findings in a non-native language. Sometimes they fear that their speech is accented, and it can affect intelligibility and overall impression. Linguistics students receive profound pronunciation training, though non-majors normally get no knowledge of phonology. Due to the lack of pronunciation training they tend to underestimate the communicative value of pronunciation, especially suprasegmental features: rhythm, pausing, stress and tone. Accented speech and disregard of prosodic features can greatly affect overall performance and sometimes even interfere with clarity of the message.

The aims of the pronunciation training are to raise awareness of segmental and suprasegmental phonological features, to implement knowledge into practice, to increase motivation for self-study and further training and provide with materials and tools for self-study. The projected outcomes are that their public speech is less accented and more intelligible, L1 interference is reduced, and as a result self-esteem is improved.

An effective presentation requires a number of competences. Apart from knowing the material, a good public speaker should possess linguistics (vocabulary, grammar, cohesion and coherence), pragmatic competences (context sensitivity, attention to audience) and the ability to create impact with the help of body language and visual support. Phonological competence (a part of linguistic competence) is particularly important, because it affects intelligibility and fluency.

Teaching pronunciation has traditionally been associated with drilling sounds (for example, minimal pairs), and it can be really discouraging for students, so teachers do not usually see pronunciation training as an essential part of a language class. In many cases a pronunciation training session for non-majors focuses mainly on segmental units, though studies have proven that suprasegmental units affect intelligibility to a greater extent. In 2003 Derwig and Rossiter conducted a study on the effects of different types of English pronunciation instruction. One group of students was instructed in segmentals (individual sounds), while the other group was primarily taught the prosodic features of English (rhythm and melody). Their findings suggest that 'if the goal of pronunciation teaching is to help students become more understandable, ... then ...it should include a stronger emphasis on prosody' [2, p.14].

Another challenge that teachers face in a classroom is the psychological barrier that many students have, because they realize their speech is accented. It is crucial to shift their goal from sounding native-like to mastering the core features that can make them easily understood by others. This leads us to another challenge – choosing what to teach. As students in Russia use English to communicate mostly with non-native speakers, the idea of applying ELF (English as a Lingua Franca) phonemic core (Jenkins, 2000) [4], seems appealing and logic. Among other features, the only prosodic feature ELF core included was sentence stress, while word stress was excluded from the list. This work was rather controversial, and years later Jennifer Jenkins herself rejected this theory of ELF core. Thus, unfortunately, one single principle of choosing phonemic content does not exist, so we should tailor it to our students' individual needs. We are going to use the Prosody Pyramid, introduced by Gilbert J.B. (2008) [3].

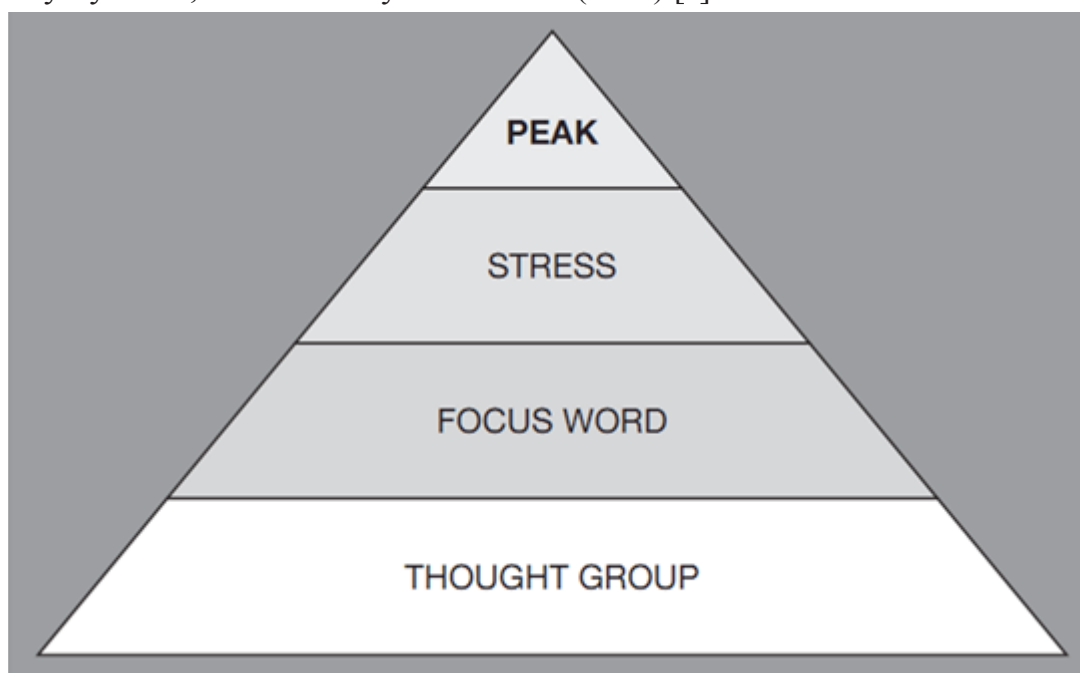

Fig. 1. The Prosody Pyramid.

In order to achieve the goals, we propose a number of activities based on the prosody pyramid. The purpose of the first task is to make students reflect on the elements of a good public speech. They watch videos of public talks on their subject, and reflect not only on the content, but also on the pronunciation. General assessment of speech includes clarity, fluency and impact. In order to evaluate the performance, they are given an evaluation sheet (see figure 2).

Spoken Discourse	1 (very ineffective)	2	3	4	5 (very effective)
Clarity	1 (unintelligible)	2	3	4	5 (very intelligible)
Fluency	1 (not fluent)	2	3	4	5 (very fluent)
Visual aids	1 (ineffective)	2	3	4	5 (effective)

Fig.2. General assessment of speech

The second task is aimed at raising awareness of prosody and suprasegmental features. Detailed assessment of speech includes evaluation of thought group marking, peak syllable stress, word stress and rhythm. This is done to identify and to become fully aware of the relevant prosodic features.

Thought group marking	1 (very weak)	2	3	4	5 (very strong)
Peak syllable stress	1	2	3	4	5
Word Stress	1	2	3	4	5
Rhythm	1	2	3	4	5

The next activity includes marking thought groups, focus words, stresses and peaks in given texts and reading them out loud. It can give students practice of stressing the important information with the means of prosody and prepare for further speaking.

Pronunciation training involves a number of challenges. Prosody is one of the most disregarded aspects of language instruction for non-majors, though it is a promising topic for future work. The set of activities can help them realize the communicative value of suprasegmental elements and pay greater attention to rhythm, pausing, stress and tone. As a result, the students will be able to perform and communicate with peers with greater confidence. They will become aware of how to assess their performance, improve it, and to maintain the result. The final outcome is to make their speech less accented and to improve overall performance, as well as to increment self-esteem.

References

1. Beth E. Sheppard, Nancy C. Elliott, Melissa M. Baese-Berk (2017) Comprehensibility and intelligibility of international student speech: Comparing perceptions of university EAP instructors and content faculty. *Journal of English for Academic Purposes*, Volume 26, March 2017. P. 42-51.

2. Derwing, T. M., & Rossiter, M. (2003). The effects of pronunciation instruction on the accuracy, fluency, and complexity of L2 accented speech. *Applied Language Learning*, 13. P. 1–17.

3. Gilbert, J.B. (2008) *Teaching Pronunciation. Using the Prosody Pyramid*. Cambridge: CUP.

4. Jenkins, J. (2000) *The Phonology of English as an International Language*. Oxford: OUP.

5. Kissling, Elizabeth M., «Teaching Pronunciation: Is Explicit Phonetics Instruction Beneficial for FL Learners?» (2013). *Latin American, Latino and Iberian Studies Faculty Publications*. 8.

УДК 378.147

КАК ТЕХНОЛОГИИ ИЗМЕНЯЮТ ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

И. А. Семёнкина,

*кандидат психологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки»,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь*

Аннотация. На основе наблюдения, сравнения и анализа тенденций развития технологий в сфере преподавания иностранных языков, в статье рассмотрены изменения в подходах в преподавании, потенциал новых разработок, вызовы, возникающие в работе преподавателей. Отмечены огромный потенциал прорывных технологий в преподавании иностранных языков, изменение роли и компетенций преподавателя.

Ключевые слова: преподавание ИЯ; изучение языка с помощью компьютера; информационно-коммуникационные технологии; ИИ, ВР, ДР в преподавании иностранных языков.

Summary. On the basis of observation, comparison and analysis of technology development trends in the field of teaching foreign languages, the author has considered

changes in teaching approaches, the potential of new developments, and the challenges, which the teachers are facing today. The huge potential of breakthrough technologies in teaching foreign languages, a change in the role and competencies of the teacher have been studied.

Key words: teaching foreign languages; computer-assisted language learning; information and communication technologies; AI, VR, AR in teaching foreign languages.

Технологии стали неотъемлемой частью жизни современного человека во всех сферах. Они постоянно развиваются, совершенствуются, и, несомненно, это отражается на сфере образования – в частности, на подходах к преподаванию иностранных языков (ИЯ). Технологии поражают, восхищают и вдохновляют. Нам кажется, что нет ничего невозможного. Есть даже предположения, что со временем благодаря умным технологиям, отпадет необходимость изучать иностранные языки – специальные устройства будут решать любые задачи коммуникации. Уже сегодня на рынке широко представлены продукты (устройства), которые достаточно эффективно осуществляют перевод в реальном времени с/на самые распространенные языки (например, Google's news wireless headphones, сервисы Google Translate, Trados, Across и т.д.)

Однако, в эпоху доступности огромного количества информации, перед человеком постоянно возникает проблема верификации информации – мы чаще, чем когда-либо получаем недостоверную информацию. Потребность в высоком уровне владения иностранным языком, понимании культуры в самом широком смысле, коннотаций, нюансов значений, остается актуальной.

Понимание аутентичного социального контекста, реализация личностно-значимой коммуникации невозможны без человеческого взаимодействия. Технологии не являются волшебным средством, мгновенно и без каких-либо усилий, обучающих иностранному языку, но имеют огромный потенциал для расширения возможностей взаимодействия на изучаемом языке.

Технологическая революция в преподавании ИЯ началась с появления CALL (Computer Assisted Language Learning) – изучения языка с помощью компьютера – еще в 1960 х годах в США. М. Леви предложил следующее определение CALL (перевод мой): «поиск возможностей применения компьютера в преподавании и изучении языка» [4, с.1].

Ф. Хаббард рассматривал термин CALL в более широком смысле и включал в него все действия, направленные на изучение и преподавание ИЯ, в процессе которых используются компьютеры и связанными с ними технологии всех типов – настольные компьютеры, ноутбуки, планшеты, смартфоны, mp3-плееры, интерактивные доски и т. д [3].

Помимо термина CALL возникло еще множество других названий, предлагаемых группами разработчиков, исследователей для отражения особенностей своего подхода:

- CELL - Computer-enhanced language learning
- TELL - Technology-enhanced language learning
- TALL - Technology-assisted language learning: variant of CALL and TELL
- CALI - Computer-assisted language instruction:
- CBLT - Computer-based language training
- IT and ICT - Information Technology/Information and Communication Technologies for LT (Language Teaching)
- NBLT - Network-Based Language Teaching:
- DLL - Digital Language Learning:

Эволюцию CALL разделяют на три этапа: бихевиористский CALL (1960s-1970s), коммуникативный CALL (1970s-1980s), и интегративный CALL (1990s-). В настоящее время актуальность сохраняет интегративный CALL – опирающийся в основном на использовании интернета.

Первые проекты CALL были разработаны в университетах и предоставляли некоторую альтернативу для изучения ИЯ за пределами университетских аудиторий (учебные материалы на основе тренировочных упражнений).

В начале 1980-х годов, с расширением использования микрокомпьютеров в образовательной среде, традиционные лингвистические лаборатории стали вытеснять компьютерные лаборатории.

В начале 1990-х персональные компьютеры стали доступными для широких кругов населения, преподаватели стали активно предлагать инновационные методы использования электронной почты, программного обеспечения для редактирования текстов в изучении ИЯ.

В середине 1990-х значительно возросло количество коммерческих мультимедийных продуктов для изучения ИЯ, дисководы для чтения компакт-дисков стали стандартными для ПК. В это же время активно происходило развитие интернета, он становился все более доступным. Постепенно происходила интеграция CALL в изучение ИЯ как в аудитории, так и за ее пределами.

В конце 90-х компьютер перестал быть роскошью и стал неотъемлемой частью процесса преподавания ИЯ [2].

В 21 веке появление потоковых видео сервисов (e.g. Youtube) стало еще одним важнейшим событием в сфере изучения ИЯ – миллионы изучающих иностранные языки получили доступ к неограниченному количеству аутентичных разговорных и социокультурных материалов на ИЯ.

Постепенно понятие CALL стало гораздо шире, чем только компьютер, и стало охватывать любую ситуацию изучения ИЯ с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Автономность процесса обучения стала особенно важна, и новые перспективы освоения языков возникли в связи с развитием изучения ИЯ с помощью мобильных устройств – Mobile-assisted Language Learning (MALL) [5].

Изучение языка с помощью мобильных устройств (MALL) рассматривается как разновидность мобильного обучения и обучения ИЯ с помощью компьютера. MALL предполагает изучение языка с помощью портативных мобильных устройств, таких как: мобильные телефоны и смартфоны (включая iPhone или iPad), проигрыватели MP3 или MP4 (например, iPod), персональные цифровые помощники (PDA) (например, Palm Pilot, Blackberry и т. д.).

MALL отличается от CALL тем, что изучающий язык использует свое персональное портативное устройство. Обучение может носить как спонтанный, так и системный характер и происходить в любом режиме/контексте.

Среди преимуществ CALL можно выделить следующие:

- автономия учащегося
- обучение в любом месте и в любое время
- более высокая мотивация для цифровых аборигенов
- индивидуальное обучение, самостоятельное обучение
- немедленная обратная связь и исправление ошибок
- неограниченные учебные ресурсы (электронные книги, подкасты, видео, веб-сайты и т. д.)
- управляемая и повторяющаяся практика
- письменное (в основном) и устное общение с носителями языка (например, социальные сети, Skype).

Недостатки и сложности применения CALL включают следующие:

- необходимость доступа к компьютерам и интернету
- недостаточный уровень IT компетенций преподавателей
- отвлекающие элементы

- не всегда адекватная обратная связь
- ощущение искусственности, неестественности.

Искусственный интеллект (AI) в преподавании ИЯ использовался, начиная с 1980-х годов с появления ITS (intelligent tutoring system) – систем обучения с элементами искусственного интеллекта.

Такие платформы MOOC как Khan Academy, EdX, Coursera, and Udacity с высокой степенью эффективности применяют (AI) в предлагаемых курсах ИЯ с 2000-х годов.

Искусственный интеллект задействован практически во всех программных продуктах, приложениях с функциями распознавания речи и машинного перевода (Duolingo, Memrise, Busuu).

В 2016 году по инициативе Европейской комиссии стартовал научно-исследовательский проект L2TOR, в котором для обучения детей второму языку используется робот [6].

Поведение робота основано на имитации поведения воспитателей с детьми. Он использует как вербальное, так и невербальное общение, такое как жесты и другие формы языка тела. В некоторых ситуациях робот также может адаптивно реагировать на действия детей и вовлекать их в учебные занятия.

В рамках проекта были предложены основные принципы, которые могут быть использованы в разработке будущих обучающих роботов для коммерческого использования.

Технологии дополненной, виртуальной и смешанной реальности (AR, VR, mixed or extended reality) не являются новыми в сфере обучения. Уже не первое десятилетие используются симуляторы для обучения летчиков, космонавтов, спасателей. Однако в преподавании ИЯ эти технологии еще не получили массового применения.

В. В. Борщёва предлагает следующее определение виртуальной реальности в языковом образовании: «созданное компьютерной программой виртуальное пространство, воспроизводящее социокультурную реальность стран изучаемого языка, позволяющее учащемуся стать участником языковой, культурной, социокультурной или коммуникативной ситуации» [1].

Надеваемые AR-устройства становятся все более популярными и доступными. Такие компании, как Aryzon (<https://www.aryzon.com/>) и Myra (<https://www.mirareality.com/>) специализируются на создании устройств, работающих от смартфонов, стоимостью менее 100 долларов США, по техническим характеристикам сравнимых с более дорогостоящими вариантами, такими как Microsoft HoloLens (<https://www.microsoft.com/en-us/hololens>), которые продаются по стоимости около 3000 долларов США.

В области VR технологий компании-производители также переходят от производства дорогостоящих специальных шлемов, требующих мощных ПК или смартфонов, к производству устройств, которые не требуют дополнительного оборудования, таких как Oculus Go (<https://www.oculus.com/go/>) и Lenovo Mirage Solo (<https://www3.lenovo.com/us/en/arvr/>).

Также необходимо отметить вклад компании Google в повышении доступности VR устройств. В 2014 году компания представила Google Cardboard – простое VR устройство, состоящее из картонного шлема, оптических линз, магнита, которое поддерживает большинство смартфонов со специально установленным приложением.

В виртуальной реальности взаимодействие с объектом изучения заменяется на погружение, симбиоз с ним. Высокий уровень иммерсивности, аутентичности, вовлеченности создает эффект присутствия. Благодаря такому эффекту, значительно расширяются возможности понимания сложных или абстрактных концепций, понятий, ситуаций, которые в реальном мире являются недоступными, опасными, дорогостоящими и т.д.

Несомненно, лучшим способом изучения ИЯ является погружение в языковую среду. Виртуальная реальность – это лучшая возможная альтернатива. Она позволяет

изучающему язык «телепортироваться» в языковую среду – общаться с виртуальными моделями носителей языка, приобретать опыт взаимодействия в ситуациях, максимально приближенных к реальной жизни, познавать социокультурные реалии.

Потенциал VR технологии в обучении ИЯ представляется огромным и, с повышением доступности и качества устройств, можно ожидать широкого ее распространения.

Развитие технологий создает новые условия, возможности, но в тоже время и новые вызовы в сфере преподавания ИЯ. Меняется роль преподавателя, его портфель компетенций становится более динамичным – он должен постоянно обновляться, с учетом появления новых технологий. Необходим мониторинг глобальных трендов, разработка прогноза научно-технологического развития и постоянное повышение квалификации преподавателей на основе этих данных.

Список использованных источников

1. Борщева В.В. Виртуальная реальность в языковом образовании: потенциал технологии//Педагогика и психология образования. 2018 № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-realnost-v-yazykovom-obrazovanii-potentsial-tehnologii> (дата обращения 15.01.20)

2. Egbert, J., Paulus, T. M., & Nakamichi, Y. The impact of CALL instruction on classroom computer use: A foundation for rethinking technology in teacher education. 2002. Language Learning & Technology. – Mode of access: URL: https://scholarspace.manoa.hawaii.edu/bitstream/10125/25179/1/06_03_egbert.pdf

3. Foundations of Computer-Assisted Language Learning. – Mode of access: URL: <https://web.stanford.edu/~efs/callcourse2/CALL1.htm> (дата обращения 10.01.20)

4. Levy M. Computer-Assisted Language Learning: Context and Conceptualization. Oxford University Press, 1997. 298 P.

5. Mehta, N. K. Mobile phone technology in English teaching: Causes & concerns. The Modern Journal of Applied Linguistics, 2(4):82-92 . – Mode of access :URL:[http://www.mjal.org/removedprofiles/2013/Mobile %20Phone%20Technology.pdf](http://www.mjal.org/removedprofiles/2013/Mobile%20Phone%20Technology.pdf). (дата обращения 05.01.20)

6. The L2TOR project. – Mode of access :URL: <http://www.l2tor.eu/> (дата обращения 10.01.20)

УДК 81-139

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ВТОРОГО УРОВНЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Т. А. Цебровская,

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры
иностраных языков № 1, Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

А. И. Малаховская,

*обучающаяся 1 курса магистратуры, направление подготовки
«Градостроительство», Академия строительства и архитектуры (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В работе рассматриваются современные тенденции методики обучения английскому языку студентов второй ступени высшего образования, которые проходят обучение по неязыковым специальностям. В настоящее время

глобализация и интеграция ускорили процесс роста международного общения во всех сферах жизни. Несмотря на это, поиск подходящей методики обучения английскому языку остается актуальным. Целью данной работы является обзор современных тенденций методики обучения английскому языку, применяемой в высшем образовании. Решение поставленных задач исследования осуществлялось при помощи методов теоретического и эмпирического характера, а именно, анализа научных источников, интерпретационного поиска, метода научного наблюдения и метода описания.

Ключевые слова: методика, обучение, английский язык, тенденции, неязыковые специальности, высшее образование, магистратура.

Summary. The paper considers modern tendencies of techniques while teaching English, particularly master's degree students of nonlinguistic specialities. At present, globalization and integration have accelerated the growth of international communication in all spheres of life. However, search of appropriate techniques of teaching English has remained relevant. The objective of the given work is to review current tendencies in the English language teaching methods which have been applied in higher education. Accomplishment of research tasks has been carried out with the help of theoretical and empirical methods, namely, analysis of scientific and sources, interpretive search, method of scientific observation as well as a descriptive method.

Key words: methodology, training, English, trends, nonlinguistic speciality, higher education, master's degree.

Глобализация и интеграция придали импульс росту международного общения, происходящего во всех сферах жизни. В настоящее время увеличивается число ситуаций межкультурного общения, поводом для которого становятся учеба, работа и отдых. Именно поэтому владение английским языком – языком международного общения – одно из условий успешной адаптации в социуме.

Успешное обучение английскому, как и любому другому иностранному языку, на втором уровне высшего образования неязыковых специальностей, а именно, в магистратуре, сложно представить без тщательно выстроенной системы методики обучения английскому языку, способствующей эффективному решению поставленных задач, среди которых: приобретение навыков чтения, аудирования, умения свободно изъясняться и писать [2].

Современная лингвистика определяет методику обучения иностранным языкам как науку. Еще в 1930 году Е.М. Рыт называл методику преподавания иностранных языков практическим приложением сравнительного языкознания. Определение методики в качестве прикладной лингвистики, объясняется тем, что в методике 30-х годов XX столетия особенности иностранного языка как учебного предмета определились не в полной мере, а система методов исследования не была еще разработана [4].

Следует отметить, что еще недавно основу обучения определяла классическая методика, основное время которой выделялось для теории иностранного языка и перевода. Она базировалась на грамматико-переводном методе. План занятий для учащихся выстраивался таким образом, что практически все время тратилось на изучение новой лексики, синтаксических конструкций, обсуждение правил, чтение и перевод текстов, выполнение письменных заданий, прослушивание аудио-записей. Уделялось недостаточно времени развитию разговорных навыков. Широкое распространение грамматико-переводного метода во многом «обусловлено тем, что значительная часть преподавателей сами обучались при помощи такого метода» [1, с. 91]. По этой причине учащиеся магистратуры отлично понимали английские тексты по специальности и знали грамматические правила, однако не обладали разговорной практикой. Это стало основной причиной принятия решения по изменению подхода к обучению английскому языку.

Современный набор лингводидактических принципов дополнен принципами индивидуализации обучения, вариативности и открытости образования [8, с. 127]. В конечном счете, фундаментальную классику обучения английскому языку дополнили следующие методики:

- коммуникативная;
- проектная;
- тренинговая;
- интенсивная.

1. Суть коммуникативного принципа состоит в применении лексических единиц и грамматических конструкций, которые изучаются на занятиях, в устной и письменной речи. Как отмечает Ж.А. Хашегульгова, коммуникативный метод гармонично сочетает в себе ряд способов обучения иностранному языку, располагаясь «на вершине эволюционной пирамиды различных образовательных методик» [7]. Коммуникативная методика обучения предусматривает проведение всех занятий на английском языке, с крайне редким включением родного языка. При использовании этой методики преподаватель лишь направляет учащихся, задавая им вопросы и выстраивая коммуникативную ситуацию, а учащиеся большую часть занятия говорят. В настоящее время коммуникативная методика обучения получила широкое распространение в высших учебных заведениях благодаря высокой эффективности.

2. Суть проектной методики обучения английскому языку составляет практическое использование изученного материала. Эта методика зарекомендовала себя положительным образом при применении на завершающем этапе модуля, когда проводится оценивание степени усвоения учебного материала. Следуя проектной методике обучения английскому языку, преподаватель предлагает учащимся представить проекты на заданные темы.

3. Основой тренингового подхода является самостоятельное изучение студентами магистратуры проработанного преподавателем структурированного материала, который наглядно им разъяснен. Этот метод обучения позволяет учащимся получить теоретический материал, запомнить правила и использовать их на практике, например, в реальных коммуникативных ситуациях.

4. Интенсивная методика обучения английскому языку позволяет весьма быстро развить разговорные навыки в языке. В силу того, что английский язык богат устойчивыми выражениями, их усвоение помогает максимально быстро помочь преодолеть языковой барьер и освоить разговорный английский язык.

Р.Ж. Рысбекова подчеркивает, что правильно подобранные методы обучения способствуют последовательности и настойчивости при изучении иностранного языка [6]. Отдельную группу методов обучения английскому языку составляют такие активные методы, как:

- круглый стол;
- мозговой штурм;
- деловая игра;
- игровая методика изучения английского языка для детей.

1. Организация круглого стола позволяет преподавателю определить проблему, оформить продуктивную дискуссию, обмен мнениями и в результате обсуждения сформулировать полученный результат при активном участии всех студентов. Формы обучения, предполагающие обсуждение и выражение личного мнения студента по тому или иному спорному вопросу, имеют своей целью пробудить интерес к общению на английском языке и успешно решают коммуникативную задачу.

2. Метод мозгового штурма, как и метод круглого стола, направлен на рассмотрение и решение той или иной проблемы в форме дискуссии, однако, он прово-

дится несколько иначе. Группы участников делятся на тех, кто предлагает идеи, и тех, кто эти идеи оценивает.

3. Суть метода деловой игры состоит в том, что учащиеся исполняют роли в игре, предложенной преподавателем. Тему и правила игры определяет сам преподаватель. Метод, моделируя реальные жизненные ситуации, например, поездку в поезде, экскурсию по достопримечательностям, беседу с коллегами по проблеме, касающейся будущей специальности, позволяет участникам усвоить информацию, получить определенный опыт и развить навыки коммуникации.

4. Отличие игровой методики изучения английского языка от других состоит в возможности обучения без принуждения и большом интересе от участия в его процессе со стороны студента. К этому методу относится проведение с обучающимися разнообразных игр, в которых используются изучаемые лексика и грамматические конструкции. Студенты учатся не только их произносить, но применять в собственной речи.

При рассмотрении общих тенденций в современной методике обучения следует выделить основные, а именно:

1) индивидуальный подход к обучающимся (метод подстраивается под ученика, а не наоборот – “need analysis”);

2) более активная роль учащихся (student-centered lessons);

3) использование онлайн-ресурсов в обучении (учебные видеоролики, веб-упражнения и тесты, обучающие приложения, онлайн-платформы для обучения, в том числе, дистанционного);

4) частое применение игровых заданий (edutainment);

5) глобализация и возможность использовать нетворкинг для практики устной и письменной речи (социальные сети, платформы для общения, языковой обмен онлайн);

6) внедрение творческих заданий с использованием технологий (веб-коллажи, проекты, веб-квесты, запись аудио- и видео-монологов);

7) выбор в пользу аутентичных материалов для обсуждения, прочтения и просмотра [5].

Приходим к выводу о том, что современные методики позволяют всем желающим освоить английский язык [3], вне зависимости от будущей специальности студентов второй ступени высшего образования. Моделирование процесса общения во время обучения способствует расширению активного вокабуляра и упрощению процесса коммуникации после окончания магистратуры. Выбор подходящей, отвечающей требованиям обучения конкретного учащегося или группы учащихся методики – это быстрый и эффективный способ изучения английского языка.

Список использованных источников

1. Кузнецова Н. Э. Современные методики преподавания английского языка в высших учебных заведениях // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы XXXIII международной научно-практической конференции. 2014. № 33. Часть I. С. 89-92.

2. Методики обучения английскому языку [Электронный ресурс] // Lim English. URL: <https://lim-english.com/posts/metodiki-obycheniya-angliiskomy-yazyky/> (дата обращения: 31.12.19).

3. Современные методики изучения английского языка [Электронный ресурс] // Инфоурок. URL: <https://infourok.ru/sovremennie-metodiki-izucheniya-angliiskogo-yazika-3104658.html> (дата обращения: 31.12.19).

4. Современные методики преподавания английского языка: коммуникативная, проектная, интенсивная, деятельностная, дистанционная методика. Методические принципы современных методик обучения английскому языку. Сравнительная характеристика [Электронный ресурс] // Webkursovik. URL: <https://www.webkursovik.ru/kartgotrab.asp?id=15809> (дата обращения: 31.12.19).

5. Современные тенденции в методике преподавания английского языка [Электронный ресурс] // Skyteach. URL: <https://skyteach.ru/2017/07/18/sovremennye-tendencii-v-metodike-pre/> (дата обращения: 31.12.19).

6. Рысбекова Р. Ж. Методики обучения английскому языку [Электронный ресурс] // International scientific review. 2016. №4 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodiki-obucheniya-angliyskomu-yazyku> (дата обращения: 14.01.2020).

7. Хашегульгова Ж. А., Сагова М. Б. Сущность коммуникативной методики обучения английскому языку студентов [Электронный ресурс] // МНКО. 2018. №6 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-kommunikativnoy-metodiki-obucheniya-angliyskomu-yazyku-studentov> (дата обращения: 14.01.2020).

8. Чередилина М. Ю. Событийность как категория в теории образования // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. №1 (22). Волгоград, 2013. С 127-130.

УДК 378.016

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

И. Е. Шкабара,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, факультет филологии и массовых коммуникаций, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал), Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург

Аннотация. Статья посвящена проблеме профессиональной подготовки учителя иностранного языка в соответствии с современной образовательной парадигмой. Показан педагогический и методический потенциал лингводидактического подхода к определению содержания профессиональной подготовки учителя иностранного языка.

Ключевые слова: лингводидактический подход, компетентностный подход, современная образовательная парадигма, содержание образования.

Summary. The article is devoted to the problem of professional training of a foreign language teacher in accordance with the modern educational paradigm. The article shows the pedagogical and methodological potential of the linguodidactic approach to determining the content of professional training of a foreign language teacher.

Key words: linguo-didactic approach, competence approach, the new educational paradigm, the content of education.

Профессионализм личности, наряду с ее успешной социализацией и идентификацией признаются сегодня целью высшего профессионального образования. Достижение данной цели возможно на основе соответствующих этой цели условий, которые наряду с формами и методами обучения, обеспеченностью соответствующей материально-технической базой и квалифицированным педагогическими кадрами, включают содержание образования. Последнее условие выступает исключительно важным в определении сущности профессиональной подготовки бакалавров и магистров, обучающихся по направлению «Педагогическое образование», так как современная образовательная парадигма, нашедшая отражение в законе об образовании [8], федеральных государственных образовательных стандартах [9, 10, 11], Профессиональном стандарте педагога [7], ставит во главу угла такое содержание образования, которое нацеливает на развитие личности студента, умение решать нестандартные задачи, применять свои знания

на практике, владеть системой «метапредметности», т.е. универсальными знаниями и способами деятельности. Именно поэтому проблема профессиональной подготовки, предполагающей синтез знания и развития личностных качеств человека, представляется чрезвычайно актуальной.

Все вышесказанное значимо для подготовки педагогические кадров всех специальностей. Особенно это важно для подготовки учителя иностранного языка, так как представители этой педагогической профессии должны не только в совершенстве знать иностранный язык и владеть эффективными технологиями обучения этому предмету, но и быть активными участниками деятельностной стороны процесса обучения иностранному языку, представленной категорией взаимодействия, в процессе которого осуществляется усвоение и воспроизведение иноязычного, когнитивного и социокультурного опыта [5, с. 3; с. 48].

Рассматривая, в свете вышесказанного, современные подходы к профессиональной подготовке будущего учителя иностранного языка, наше внимание привлечет лингводидактический подход, сущность которого как раз и заключается в обосновании содержательных компонентов обучения иностранному языку. Данное определение опирается на понимание лингводидактики, как отрасли методической науки, которая, по мнению И. И. Халеевой, «обосновывает содержательные компоненты образования, обучения, научения в их неразрывной связи с природой языка и природой общения как социального феномена» [12, с. 199]. В отличие, например, от *задачного подхода* к профессиональному обучению, суть которого состоит в том, что деятельность субъектов образовательного процесса описывается и проектируется через систему процессов решения разнообразных задач, включающую выделение задач каждого этапа профессиональной деятельности и способы решения этих задач с указанием качественных и количественных характеристик этого процесса [2, с. 8]; *контекстного подхода*, в котором «на языке наук посредством новых и традиционных педагогических технологий последовательно моделируется предметное и социальное (социально-культурное) содержание предстоящей студенту профессиональной деятельности», и где «усвоение теоретических знаний наложено на канву этой деятельности» [3, с. 4]; *диалогического подхода*, опирающегося на культурные смыслы диалога (работы М. М. Бахтина, В. С. Библера, М. С. Кагана, Ю. М. Лотмана) и призванного обеспечивать интеграцию лингвистических знаний и практических умений в процессе решения профессиональных задач в области иноязычного образования [6, с. 15], *лингводидактический подход* базируется на понимании иноязычного общения, как «социального феномена, детерминирующего деятельностную сущность речевых произведений, в основе которых лежат механизмы социального взаимодействия индивидов» [12, с. 199].

Последний факт особенно важен в профессиональной подготовке учителя иностранного языка, как участника сложного процесса субъект-субъектных взаимодействий с учениками в процессе обучения, направленного на достижение главной цели иноязычного образования – формирования иноязычной коммуникативной компетенции, понимаемой как способность решать средствами иностранного языка актуальные для учащихся задачи общения в различных сферах жизни; умение учащегося пользоваться фактами языка и речи для реализации целей своего общения [1, с. 98].

Акцентируя внимание на содержательной стороне профессиональной подготовки, лингводидактический подход дает, таким образом, возможность определить вклад каждого отдельного высшего образовательного учреждения, занимающегося подготовкой бакалавров и магистров педагогического образования профиля «иностранному языку», в ту часть содержания программы профессиональной подготов-

ки, которую вуз, в соответствии с требованиями ФГОС планирует самостоятельно. Наряду с этим, в силу того, что лингводидактика выступает, по определению Н. Д. Гальсковой, методологическим аспектом теории обучения и «призвана разрабатывать основы методологии обучения иностранному языку применительно к различным искомым результатам данного процесса» [4, с. 50], лингводидактический подход к профессиональной подготовке будущего учителя иностранного языка непосредственно связан с компетентностным подходом, положенным в основу высшего профессионально-педагогического образования, и позволяет уточнить формулировки профессиональных компетенций, систему оценивания уровня их сформированности и, как следствие этого, результатов обучения каждому из предметов (модулей), которые вуз разрабатывает самостоятельно.

Покажем пример реализации лингводидактического подхода к подготовке бакалавров направления 44.03.05 «Педагогическое образование» с двумя профилями подготовки (английский язык и немецкий язык), осуществляемой на факультете филологии и массовых коммуникаций Нижнетагильского государственного социально-педагогического университета (филиала) Российского государственного профессионально-педагогического университета. Рабочий учебный план по программе этого профиля наряду с дисциплинами (модулями) обязательной части программы, включающей социально-гуманитарный, информационно-коммуникационный, здоровьесберегающий, психологи-педагогический и методический модули, содержит часть, формируемую участниками образовательных отношений. В этот раздел учебного плана наряду с обязательными дисциплинами (модулями) входят дисциплины (модули) по выбору. Каждая из дисциплин, входящих в эти части программы, содержит перечень компетенций, позволяющих не только определить цель, задачи и результаты освоения дисциплины, но и создать фонд оценочных средств для объективной комплексной оценки сформированных компетенций. Так, например, дисциплина «Обучение грамматическому аспекту иностранного языка (английский язык)», которая изучается студентами факультета на протяжении 1–2 семестров, входит в модуль «Английский язык» «Дисциплины (модули) по выбору 3» и относится к части, формируемой участниками образовательных отношений. Дисциплина направлена на формирование следующих профессиональных компетенций (ПК):

ПК-1. Способен осуществлять обучение учебному предмету на основе использования предметных методик и современных образовательных технологий.

ПК-2. Способен осуществлять педагогическую поддержку и сопровождение обучающихся в процессе достижения метапредметных, предметных и личностных результатов.

ПК-6. Способен использовать языковые средства для достижения коммуникативных целей и выстраивать иноязычное общение в соответствии с социо- и лингвокультурными особенностями изучаемого языка.

В результате освоения дисциплины обучающийся должен знать основы грамматического строя английского языка; проблемы варьирования грамматических форм в грамматическом контексте и в зависимости от устной и письменной формы речевой деятельности; особенности исторического развития отдельных грамматических форм, влияющие на их современное употребление. В раздел умений по результатам обучения этой дисциплине входят умение строить грамматически нормативное (письменное и устное) высказывание на английском языке, соответствующее его коммуникативной цели; нахождение и исправление ошибок в тексте и в чужой иноязычной речи; использование общих понятий лингвистики для осмысления конкретных грамматических явлений; выбор и использование грамматических правил в соответствующих ситуациях для решения коммуника-

тивных задач. Изучение дисциплины предполагает владение навыками грамматического анализа предложения на английском языке. Кроме того, как сказано в программе, дисциплина «Обучение грамматическому аспекту иностранного языка (английский язык)» в сочетании с другими практическими и теоретическими курсами, предусмотренными учебным планом, должна обеспечить всестороннюю подготовку бакалавра педагогического образования, способного средствами своего учебного предмета обучать и воспитывать подрастающее поколение, а также заложить основу для дальнейшего профессионально-ориентированного совершенствования владения этим языком. Познавательная деятельность студента по освоению данной дисциплины реализуется через такие традиционные и интерактивные образовательные технологии как дифференцированный подход; обучение в сотрудничестве на основе работы в малых группах; ролевые игры; драматизация; создание проблемных речевых ситуаций; проектная работа; компьютерные технологии (обращение к поисковым системам для нахождения дополнительных материалов при работе над проектами и подготовка мультимедийных презентаций по программным темам).

Данный пример показывает, что реализация лингводидактического подхода к профессиональной подготовке будущего учителя иностранного языка включает как лингвистические, так и экстралингвистические компоненты, к которым относятся элементы социального, познавательного и творческого опыта. Одно из главных понятий лингводидактики – «языковая личность» («вторичная языковая личность», если идет речь об овладении неродным языком) применительно к студенту означает закрепление его позиции как субъекта межкультурной коммуникации. Все это свидетельствует о большом педагогическом и методическом потенциале лингводидактического подхода, о важности практической реализации накопленного методической наукой знания в реальной практике подготовки будущего учителя иностранных языков.

Список использованных источников

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Балл Г. А. Теория учебных задач: Психолого-педагогический аспект. М.: Педагогика, 1990. 184 с.
3. Вербицкий А. А. Контекстный подход к иноязычной подготовке студентов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. № 10. С. 3–8.
4. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам: Пособие для учителя. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АРКТИ, 2004. 192 с.
5. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учеб. Пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 336 с.
6. Мосина М. А. Целостность лингвометодической подготовки учителя иностранного языка на основе диалогического подхода: дис. ... доктора педагогических наук: 13.00.02. Нижний Новгород, 2014. 409 с.
7. Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации № 544н от 18.10. 2013 г. № 544н, с изменениями, внесенными Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации от 25.12. 2014 г. № 1115н и от 5.8. 2016 г. № 422н. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155553 (дата обращения 20. 12. 2019).
8. Закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» Федеральный закон

от 29.12.2012 N 273-ФЗ. П.9.Ст. 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/7995> (дата обращения 10.01.2020).

9. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.04.01 «Педагогическое образование» (уровень магистратуры), утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 21.11.2014 г. № 1505. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/440401.pdf> (29. 11. 2019).

10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» (уровень бакалавриата), утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 4.12.2015 № 1426. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/news/8/1583> (29.11. 2019).

11. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.52 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» (уровень бакалавриата), утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22.02.2018 № 926. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/94> (29. 11. 2019)

12. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика). М.: высшая школа, 1989. 238 с.

УДК 378.016

**ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
НА ПРОФИЛЬНОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ВУЗА
(ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ПЕДАГОГИКА И
ОБРАЗОВАНИЕ СТРАНЫ ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА»)**

Е. В. Южанинова,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков,
теории и методики обучения, Нижнетагильский государственный
социально-педагогический институт (филиал), ФГАОУ ВО «Российский
государственный профессионально-педагогический университет»,
Нижний Тагил*

Аннотация. В статье проанализирован опыт преподавания дисциплины «Педагогика и образование страны изучаемого языка», разработанной в рамках социокультурного подхода к изучению иностранного языка. Изложена основная цель изучения дисциплины – сформировать целостное представление об особенностях образовательной системы ФРГ, основных тенденциях развития образования и имеющихся проблемах, о наиболее важных периодах развития педагогики Германии, а также совершенствовать умения и навыки практического владения немецким языком. Отмечено значение отдельных интерактивных образовательных технологий, используемых при обучении. Представлено авторское учебно-методическое издание, призванное комплексно обеспечить информационно-методическое сопровождение вузовской дисциплины.

Ключевые слова: социокультурная компетенция, дисциплина, система образования Германии, учебно-методическое пособие.

Summary. The article analyzes the experience of teaching the discipline “Pedagogy and education of the country of the studied language”. This discipline is developed in the framework of the socio-cultural approach to the study of a foreign language. The main purpose of studying the discipline is to form a holistic view of the features of

the educational system of Germany, its main trends and problems, the most important periods of history of pedagogy in Germany. Another purpose of the course is to improve the skills of practical knowledge of the German language. The author stresses the importance of some interactive educational technologies used in teaching and presents the textbook, designed to provide comprehensive information and methodological support for the University discipline.

Key words: socio-cultural competence, discipline, education system in Germany, educational and methodical manual, textbook.

Как известно, социокультурный подход – один из самых серьезных и всеобъемлющих подходов к изучению иностранного языка. Он включает такие компоненты, как социальная и культурная среда, и предполагает тесное взаимодействие языка и культуры его носителей. Его особенность заключается в том, что коммуникативно-ориентированное обучение иностранному языку как средству межкультурного общения тесно взаимосвязано с интенсивным использованием иностранного языка как инструмента познания:

- мировой культуры, национальных культур и социальных субкультур народов стран изучаемых языков и их отражения в образе и стиле жизни людей;
- духовного наследия стран и народов;
- их историко-культурной памяти;
- способа достижения межкультурного взаимопонимания [2, с. 13].

Данный подход направлен на формирование социокультурной компетенции, предполагающей использование языка в условиях определенного культурного контекста на основе диалога культур. Социокультурная компетенция подразумевает знание обучающимися национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка: их обычаев, этикета, социальных стереотипов, истории и культуры, а также способов пользования этими знаниями в процессе общения. Формирование такой компетенции на занятиях по иностранному языку проводится в контексте диалога культур с учетом различий в социокультурном восприятии мира и, в конечном счете, способствует достижению межкультурного понимания между людьми и становлению «вторичной языковой личности» [3, с. 140].

Согласимся с Е. И. Пассовым в том, что при обучении иностранному языку необходимо многоаспектное социокультурное образование (общекультурное, страноведческое, лингвострановедческое, социолингвистическое), которое является обязательным компонентом языковой подготовки молодежи в XXI веке, когда условия общепланетарного бытия позволяют значительно расширить круг людей, выступающих в функции субъектов диалога культур. Оно должно быть направлено на развитие самосознания обучаемого как культурно-исторического субъекта, носителя коллективных и индивидуальных социокультурных характеристик и его роли как субъекта диалога культур, интегративных общекультурных и коммуникативных умений использовать иностранный язык как средство межкультурного общения, развитие многоязычия и многокультурности как характерных черт современного мира [1, с. 37].

Учитывая вышеуказанные положения, Ученый совет факультета иностранных языков Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии в 2010 году принял решение включить в учебный план ООП подготовки специалиста по специальности 050303 «Иностранный язык» дисциплину по выбору «Педагогика и образование страны изучаемого языка». В сочетании с другими теоретическими и практическими дисциплинами, предусмотренными учебным планом, этот курс должен был обеспечить всестороннюю подготовку учителя иностранного языка и заложить основу для дальнейшего профессионально-ори-

ентированного совершенствования владения иностранным языком. Своеобразной базой данного курса выступала интеграция специальной (лингвистической) и общепедагогической подготовки студентов на факультете иностранных языков. Данный курс по выбору предоставляет студентам возможность обобщения и практического применения теоретического материала, изученного на предыдущих этапах обучения.

В настоящее время учебная дисциплина «Педагогика и образование страны изучаемого языка» входит в модуль «Дисциплины профильной подготовки» вариативной части блока «Дисциплины (модули)» образовательной программы подготовки бакалавра по направлению 44.03.01 Педагогическое образование, профиль «Иностранный язык».

При изучении немецкого языка указанная дисциплина направлена на освоение педагогического наследия Германии и читается на немецком языке. Основной целью изучения дисциплины является формирование у студентов целостного представления об особенностях образовательной системы ФРГ, основных тенденциях развития образования и имеющихся проблемах. Обучающиеся получают возможность углубить знания о наиболее важных периодах развития педагогики Германии (классической и реформаторской), познакомиться с творчеством выдающихся педагогов, а также совершенствовать умения и навыки практического владения немецким языком, обогатить словарный запас языковыми реалиями. При этом формируются навыки критического анализа педагогических систем и концепций воспитания на основе универсальных принципов обучения и воспитания, а также накопленного международного опыта в данной сфере.

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование и развитие профессиональных и специальных компетенций, две из которых в полной мере соответствуют социокультурной компетенции, описанной выше: – умеет выстраивать стратегию устного и письменного общения в соответствии с социо- и лингвокультурными особенностями изучаемого иностранного языка (СК-3);

– владеет знаниями об основных особенностях социокультурного развития страны изучаемого иностранного языка (СК-6).

В процессе обучения используются как традиционные, так и интерактивные образовательные технологии: лекция-презентация, учебная дискуссия, обучение в малых группах, создание проблемных учебных ситуаций, разработка проектов, реферирование актуальных материалов СМИ, компьютерные технологии.

Наибольшим интересом студентов пользуются занятия с применением мультимедийных технических средств обучения: Power-Point-презентации, просмотр и комментирование фрагментов учебных фильмов, прослушивание аудиоматериалов. Так, при знакомстве с системой профессионального образования в Германии весьма полезным оказался учебный видеосюжет, в котором буквально пошагово и на доступном языковом уровне представлена дуальная система профессионального образования, что помогло понять ее качественное отличие от российской системы, сопоставить эти две системы, определить плюсы и минусы. А с системой школьного образования наглядно знакомимся в видеосерии «Schule» vom Deutschland-Labor», изготовленной Культурным центром имени Гете (Goethe-Institut). Интерес представляет видеосюжет, предлагающий сопоставительный анализ школьной системы трех немецкоговорящих стран: ФРГ, Австрии, Швейцарии. Для аудирования используется целая подборка хороших аудиотекстов к теме «Типы вузов в Германии» из учебника «DaF kompakt A1-B1» [5, с. 188-191].

При подготовке к учебной дискуссии широко привлекаются актуальные материалы СМИ и Интернета. Среди прочих, предлагаются такие темы:

– Преимущество и недостатки двухуровневой системы образования;

- Профессия учителя в Германии и в России;
- Проблемы современного школьного и вузовского образования;
- Современные стратегии обучения.

Неизменно популярна среди студентов проектная работа. Так, в рамках проекта «Обучение в ФРГ» предлагаем для исследования несколько направлений: типы вузов в Германии, государственные и частные вузы, варианты проживания студентов, финансовое обеспечение и некоторые возможности трудовой деятельности обучающихся, условия для обучения иностранцев. Представляется важным, что участники проекта могут исследовать иные аспекты общей темы, которые им более близки, могут использовать дополнительные источники информации, могут презентовать результаты исследования в разных вариантах.

Кроме того, в рамках данной дисциплины проводим системный парадигмальный анализ теории и практической деятельности выдающихся немецкоговорящих педагогов через критерии ценностей, целей и содержания, методов и средств образования, взаимоотношений учителя и ученика. Студенты знакомятся с педагогическими идеями И. Г. Песталоцци, Ф. Фребеля, И. Ф. Гербарта, Г. Кершенштайнера, Р. Штайнера, М. Монтессори, С. Френе и других.

Накопленный опыт преподавания дисциплины побудил к созданию авторского учебно-методического издания «Образование и педагогика в Германии. *Bildung und Pädagogik in Deutschland*» [4], которое призвано комплексно обеспечить информационно-методическое сопровождение изучаемой вузовской дисциплины.

В пособии предпринята попытка объединить художественный, справочный, научный и методический материал. Работа состоит из восьми разделов и приложения. Первые два раздела вводят в разговорную тему «Школа и вуз», знакомят с соответствующей лексикой и грамматическими структурами. В последующих разделах освещается система образования современной ФРГ и структура научных исследований. Два раздела посвящены истории немецкой педагогики, ее наиболее значимым периодам – классической педагогике конца XVIII – начала XIX веков и реформаторской педагогике рубежа XIX и XX веков. Кроме того, в отдельном разделе представлена терминология сфер «Педагогика» и «Образование» с целью сформировать базовый понятийный языковой аппарат, необходимый для осмысления данных категорий, а также обогатить словарный запас студентов языковыми реалиями. В приложении приводятся материалы периодической печати ФРГ по изучаемым темам, а также предлагаются тщательно разработанные задания к проекту по теме «Обучение в Германии».

Каждый раздел включает в себя основной текст, комментарии к нему, иллюстративный материал по теме раздела, вопросы и задания, в том числе, для перевода, аудирования, реферирования. Проблемные и творческие задания к текстам предусматривают обсуждение актуальной проблематики, аргументирование собственной точки зрения, комментирование и организацию дискуссии. Учебно-методическое пособие составлено в соответствии с программой дисциплины, в которой более половины часов трудоемкости отводится на самостоятельную работу, поскольку данный курс изначально подразумевает большую долю самостоятельности студентов в учебном процессе и предполагает самостоятельное освоение иноязычных источников. В связи с этим пособие может быть использовано как в аудиторной работе преподавателя и студентов, так и при рациональной организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов.

Подчеркнем практическую значимость учебного пособия. В нем использованы аутентичные материалы учебных и научных изданий, периодической печати и других источников ФРГ, а также Интернета. Материалы пособия насыщены культурными и общественно-политическими реалиями, которые позволяют

значительно расширить языковой кругозор изучающих немецкий язык и повысить уровень владения ими немецким языком. Предлагаемый материал может по усмотрению преподавателя заменяться более актуальным материалом.

Учебно-методическое пособие является универсальным учебным и информационным изданием, отличающимся логичностью изложения, продуманностью в методическом отношении, что позволяет успешно использовать его в процессе преподавания дисциплины «Педагогика и образование страны изучаемого языка».

Список использованных источников

1. Пассов Е. И. Современные направления в методике обучения иностранным языкам. Воронеж: Интерлингва, 2002. 176 с.

2. Сафонова В. В., Сысоев П. В. Элективный курс по культуроведению США в системе профильного обучения английскому языку // ИЯШ. 2005. – №2. С. 13-16.

3. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика. М.: Филоматис : Издательство «Омега-Л». 2010. 480 с.

4. Южанинова Е. В. Образование и педагогика в Германии = Bildung und Pädagogik in Deutschland. Нижний Тагил: НТГСПИ (филиал) ФГАОУ ВО «РГП-ПУ». 2019. 114 с.

5. DaF kompakt A1-B1. Deutsch als Fremdsprache für Erwachsene. Kursbuch. Ernst Klett Sprachen GmbH, Stuttgart, 2011. 255 S.

БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

УДК 021.13:004

РАЗВИТИЕ БИБЛИОТЕКИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

И. Ф. Павлова,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры вычислительных систем и информационных технологий, Удмуртский государственный университет, Ижевск

Аннотация. Статья раскрывает развитие библиотек на современном этапе. Анализ нормативных документов и нацпроектов, принятых в Российской Федерации, показал стратегию развития цифровой экономики в обществе. Нацпроект «Культура» выдвинул основные направления развития отечественных библиотек, критерии, индикаторы их деятельности. Модернизация затронула библиотеки всех уровней. Они становятся современными комфортными центрами, оборудованными новейшими информационными технологиями и предоставляющими доступ к Интернету, к современным информационным ресурсам. Проанализировано изменение деятельности библиотек Удмуртской Республики: создание модельных библиотек, разработка и пополнение НЭБ и разнообразных информационных ресурсов. Все это позволит сделать библиотечную работу разнообразнее и привлекательнее для современного пользователя.

Ключевые слова: библиотечная деятельность, цифровая экономика, национальный проект «Культура», модельные библиотеки, библиотеки Удмуртской Республики, Национальная электронная библиотека, краеведческие информационные ресурсы.

Summary. The article reveals the development of libraries at the present stage. The analysis of regulatory documents and national projects adopted in the Russian Federation showed the strategy for the development of the digital economy in the society. The national project «Culture» put forward the main directions of development of domestic libraries, criteria, indicators of their activities. Modernization has affected libraries at all levels. Libraries are becoming modern comfortable centers equipped with the latest information technologies and with access to the Internet, to modern information resources. The changes in the activities of the libraries of the Udmurt Republic are analyzed: creation of model libraries, development of the National Electronic Library and various information resources. This will make library work more diverse and attractive for the modern user.

Key words: library activities, digital economy, national project «Culture», model libraries, libraries of the Udmurt Republic, National Electronic Library, local history information resources.

В настоящее время перед библиотеками выстроены новые парадигмы развития с учетом цифровизации экономики. Данные концепции реализуются с целью обеспечения ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере в соответствии с реализацией Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [9], национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной Советом при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 [3].

Для изучения траектории развития отечественных библиотек рассмотрим понятие «цифровая экономика». Согласно п. р. ст. 4 Указа Президента Российской

Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» под цифровой экономикой понимается «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [8]. Таким образом, цифровизация касается всех сфер экономики, общественной жизни, культуры, в частности библиотечного дела.

Развитие библиотечной отрасли проходит в рамках национального проекта «Культура», реализуемого с 1 января 2019 г. [6], разработанного с целью реализации Указа Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г.. Главными целевыми индикаторами нацпроекта в развитии библиотек является достижение к 2024 г. следующих показателей: во-первых, увеличение посещений общедоступных библиотек, в том числе культурно-массовых мероприятий, проводимых в библиотеках на 15%; во-вторых, увеличение количества обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры в 5 раз [6, с. 32].

Для повышения качества библиотечного обслуживания национальный проект «Культура» предусматривает создание 660 модельных библиотек (180 межрайонных и 480 поселенческих). Библиотеки преобразуются в «интеллектуальные центры, оснащенные скоростным Интернетом, доступом к современным отечественным информационным ресурсам научного и художественного содержания, к оцифрованным ресурсам периодической печати. Стандарт предусматривает создание точек доступа к Национальной электронной библиотеке (НЭБ) и электронной библиотеке диссертаций, комплектование мультимедийными ресурсами, а также организацию современного комфортного библиотечного пространства. В составе библиотечных фондов будут предусмотрены носители информации, изготовленные в форматах, доступных для инвалидов по зрению» [6, с. 32].

В Удмуртской Республике также происходит модернизация региональных и муниципальных библиотек. Главным событием 2019 г. стало начало реконструкции здания Национальной библиотеки Удмуртской Республики, которое находилось в аварийном состоянии и было закрыто для посетителей около 10 лет. В настоящее время на средства федерального и регионального бюджетов активно ведется строительство нового современного здания. Библиотека будет современной, технологичной и соответствовать тенденциям времени, в ней появятся помещения с новыми функциями, которых не было ранее: коворкинг, комфортные площадки для проведения мероприятий и клубов, детская игровая. Окончание строительства намечено на 2021 г.

Модернизация коснулась и муниципальных библиотек. В Удмуртской Республике за 10 лет статус модельных получили 11 библиотек [4]. С целью реализации нацпроекта «Культура» Министерством культуры РФ были утверждены «Концепция модернизации муниципальных библиотек Российской Федерации на основе модельного стандарта деятельности общедоступной библиотеки» [2] и «Методические рекомендации по модернизации муниципальных библиотек на основе модельного стандарта деятельности общедоступной библиотеки» [3], которые предусматривают следующие требования:

- современное библиотечное пространство, включающее функциональное зонирование пространства и возможность его трансформации, исходя из потребностей местного сообщества;

- открытый доступ к фонду внутри библиотеки и организация удаленного доступа к ресурсам библиотеки;

- централизованный доступ к электронным и цифровым ресурсам научного и художественного содержания, в том числе к НЭБ;

- пространство свободного общения – площадки получения новых знаний, самообучения, обучения; площадки проведения культурно-просветительских и социально-значимых мероприятий; площадка и канал получения государственных и других социально-значимых услуг или информации по получению государственных и иных услуг; консультационный пункт и место для получения социально-значимой информации и услуг [3].

Обновление муниципальных библиотек и их услуг позволит повысить эффективность их работы и посещаемость не менее, чем в 2 раза [6, с. 32]. Многие библиотеки республики и г. Ижевска изменяют свою деятельность, используют инновационные формы работы по привлечению пользователей. В 2019 году в рамках национального проекта «Культура» на базе библиотеки-филиала им. И. А. Наговицына ЦБС г. Ижевска создана модельная библиотека, оснащенная современным оборудованием: шлемы виртуальной реальности, проекторы, аудиосистема, ноутбуки и wi-fi. К услугам посетителей доступны обновленные книжные фонды, уютное дружелюбное пространство [4].

Библиотека позиционирует себя как современный молодежный культурный центр, наполненный яркими событиями, полезными знаниями, как альтернативный ресурсный центр, где собираются, сортируются и передаются в пользование ресурсы, знания, проекты, идеи и методики – Библиотека Идей; площадка знакомства жителей города и республики с интересными, талантливыми людьми – Библиотека Людей. С целью вовлечения жителей г. Ижевска в процесс развития городской среды, становления человека, как личности и поднятие социальной значимости библиотеки [1], библиотека реализует проекты «ФотоСезоны», SharingEconomy (проект совместного пользования), Библиостарап, «Библио-продленка для вашего ребенка», проводятся бесплатные курсы «Виртуальная бабушка», корейского языка, квесты и многое другое. Данные мероприятия привлекают большое количество пользователей. Также интересна деятельность других библиотек г. Ижевска, но рамки статьи не позволяют раскрыть их опыт.

Важным направлением развития информационных ресурсов библиотек в современных условиях является сохранение и предоставления доступа к уникальному культурному наследию страны, которое планируется обеспечить посредством оцифровки 48 тысяч книжных памятников [6, с. 32], представляющих наибольшую культурную и историческую ценность, и включению их в фонд НЭБ.

Национальная библиотека Удмуртской Республики является координационным, техническим и методическим центром проекта «Национальная электронная библиотека Удмуртской Республики» (НЭБ УР). Проект решает задачи предоставления пользователям доступа к интеллектуальному документальному наследию Удмуртии в цифровой форме. На сегодняшний день НЭБ УР – это регулярно пополняющийся электронный полнотекстовый ресурс по удмуртскому фольклору, языкознанию, литературоведению и искусству, истории, археологии и этнографии удмуртов. НЭБ УР отличается современным удобным интерфейсом, открытым доступом к документам, возможность полнотекстового поиска по документу, а также многоаспектного поиска одновременно по нескольким параметрам. Коллекции НЭБ УР постоянно пополняются новыми книгами, газетами и другими видами документов. К примеру, в 2016 г. коллекции увеличились на 3891 документов [7], 2017 г. – на 6230 документов [8], 2018 г. – на 4 600 документов [9], 2019 г. – более 5000 документов. Всего же на январь 2020 г. в НЭБ УР содержится более 41 700 документов.

Большой интерес представляют также краеведческие информационные ресурсы, создаваемые библиотеками Удмуртии. Национальной библиотекой УР созданы

интегрированные ресурсы «Край удмуртский», «Народы Удмуртии», «Воршуд», электронные библиографические пособия: «Удмуртская книга. 1775–1940 гг.», «М. Т. Калашников – Гражданин Мира: к 100-летию со дня рождения конструктора», «Ижевско-Воткинское восстание (август–ноябрь 1918 года)», «Спортсмены Удмуртии. Зимние виды спорта», «Пётр Ильич Чайковский и Удмуртия», «Современные удмуртские писатели», «Герои Советского Союза. Полные кавалеры ордена Славы» и др. Приведем примеры краеведческих ресурсов муниципальных библиотек Удмуртии: «Знаменательные даты города Ижевск» и «Краеведческая азбука» подготовлены Центральной муниципальной библиотекой им. Н. А. Некрасова г. Ижевска; «Страницы краеведа» – Можгинской центральной районной библиотекой; библиографические пособия «Писатели и поэты Игринского района» и «Храмы Игринского района», интегрируемые ресурсы «Литературная карта Игринского района», «Уникальные природные объекты Игринского района» – Игринской районной библиотекой. Таких примеров можно привести множество.

Таким образом, в эпоху цифровизации библиотеки активно развиваются, используя различные формы и методы работы: информационные, интерактивные, коммуникативные, проектные. Занимая активную позицию, библиотека сегодня становится третьим местом в жизни человека. Задачами библиотеки в современных условиях стали оптимизация библиотечных процессов на основе применения цифровых технологий; оцифровка печатных изданий и создания НЭБ; зонирование и изменение библиотечного пространства; внедрение интернет-технологий в деятельность библиотек. Применение цифровых технологий позволяет повысить эффективность деятельности библиотеки и сделать ее привлекательной для современных пользователей.

Список использованных источников

1. Библиотека имени И. А. Наговицына, г. Ижевск: группа ВКонтакте. [Электронный ресурс] – URL: <https://vk.com/lib.nagovicina> (дата обращения: 10.01.2020).
2. Концепция модернизации муниципальных библиотек Российской Федерации на основе модельного стандарта деятельности общедоступной библиотеки / утв. Министерством культуры РФ от 13.03.2019 г. [Электронный ресурс] // Министерство культуры РФ. - URL: <https://www.mkrf.ru/documents/kontseptsiya-modernizatsii-munitsipalnykh-bibliotek-rossiyskoy-federatsii-na-osnove-modelnogo-standa/> (дата обращения: 10.01.2020).
3. Методические рекомендации по модернизации муниципальных библиотек на основе модельного стандарта деятельности общедоступной библиотеки [в рамках реализации Национального проекта «Культура»] [Электронный ресурс] // Министерство культуры РФ. - URL: <https://www.mkrf.ru/documents/metodicheskie-rekomendatsii-po-modernizatsii-munitsipalnykh-bibliotek-na-osnove-modelnogo-standarta-/> (дата обращения: 10.01.2020).
4. Модельные библиотеки [Электронный ресурс] // Портал библиотек Удмуртии. – URL: <https://udmlib.ru/models-lib> (дата обращения: 10.01.2020).
5. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» / утв. Советом при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 10.01.2020).
6. Национальный проект «Культура» / утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 года № 16 [Электронный ресурс] // Правительство России. – URL: <http://static.government.ru/media/files/KwygvgPq1PWAajAmsABFTSPUvVtEjHrO.pdf> (дата обращения: 10.01.2020).

7. Публичный отчёт 2016 [Электронный ресурс] // Национальная библиотека Удмуртской Республики. – URL: <https://unatlib.ru/images/publishing-library/public-reports-digests-advertising-publications/oldreports/otchet16/gdata/009.html> (дата обращения: 10.01.2020).

8. Публичный отчёт 2017 [Электронный ресурс] // Национальная библиотека Удмуртской Республики. – URL: <https://unatlib.ru/images/publishing-library/public-reports-digests-advertising-publications/oldreports/otchet17/gdata/003.html> (дата обращения: 10.01.2020).

9. Публичный отчет 2018 г. [Электронный ресурс] // Национальная библиотека Удмуртской Республики. – URL: <https://unatlib.ru/images/publishing-library/public-reports-digests-advertising-publications/oldreports/otchet18/gdata/005.html> (дата обращения: 10.01.2020).

10. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс] // Президент России. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (Дата обращения: 9.01.2020).

11. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] // Гарант.РУ. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (дата обращения: 10.01.2020).

УДК 021.13

СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРОЕКТЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ КРЫМА

О. В. Сиротюк,

*заведующая отделом «Универсальный читальный зал» Государственного
бюджетного учреждения культуры Республики Крым
«Крымская республиканская универсальная научная библиотека
им. И. Я. Франко», Симферополь*

Аннотация. Рассматриваются особенности и ключевые направления проектной деятельности Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Крым «Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко».

Ключевые слова: чтение, проект, библиотека, мероприятие, культура, волонтер, книга, история.

Summary. The article deals with the features and key directions of the project activity of the State budget institution of culture of the Republic of Crimea «Crimean Republican universal scientific library named after I. Y. Franco».

Key words: reading, project, library, event, culture, volunteer, book, history.

Библиотеки Крыма сегодня активно занимаются разработкой проектов и программ, принимают участие в конкурсах, форумах, акциях и др. Благодаря этой деятельности появилась возможность позиционировать ведущую роль библиотек в культурном пространстве местных сообществ, повысить качество предоставляемых услуг, укрепить имидж библиотеки и реализовать новые перспективные идеи.

Работа с проектами помогает целенаправленно охватить различные тематические направления деятельности библиотеки во взаимодействии со многими заинтересованными лицами и организациями-партнёрами.

Результат эффективной проектной деятельности в библиотеках – это актуализация внимания к ключевым проблемам современности, адресное обращение к

потребностям различных групп населения, создание благоприятных условий для развития культурной среды.

За последние годы в Центральной библиотеке Крыма реализовано ряд проектов как федерального, так и регионального значения.

Остановимся на наиболее значимых.

Престижным стало подписание соглашения о сотрудничестве с Президентской библиотекой от 10 декабря 2015 года. На основании его в Крыму был создан Региональный центр Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина, который базируется в Крымской республиканской универсальной научной библиотеке им. И. Я. Франко.

Благодаря открытию Регионального центра, крымчане получили доступ к уникальным фондам Президентской библиотеки, что позволяет проводить глубокие исследования учёным, аспирантам и студентам.

Через систему «Виртуальный читальный зал» можно получить бесплатный доступ к крупнейшим научным электронным библиотекам страны – фондам Президентской библиотеки, Национальной электронной библиотеки, Электронной Библиотеки Диссертаций Российской государственной библиотеки, справочно-правовым системам «КонсультантПлюс» и «Гарант», а также к сетевым удалённым лицензионным электронным фондам учебной, художественной литературы и периодических изданий.

В зале организовано 14 читательских компьютеризированных рабочих мест, подключенных к высокоскоростному интернет-каналу. Посетители библиотеки имеют возможность работать на персональных компьютерах с личными документами и съёмными носителями информации, медиафайлами, электронными ресурсами библиотеки, а также пользоваться социальными сетями и почтовыми сервисами.

Главное достижение Регионального центра – рост популярности среди жителей города и, как следствие, увеличивающееся количество пользователей. За истекший год, Центром проведено 30 массовых мероприятий, в том числе 8 мероприятий в режиме видеоконференцсвязи. Среди них – веб-конференция «День памяти А. С. Пушкина», «День космонавтики в Президентской библиотеке», «Крым – Россия: история и современность» и другие, в которых приняли участие около 900 человек (из них около 200 человек – в совместных мероприятиях с Президентской библиотекой).

Кроме того, Крымский региональный центр стал организатором двух значимых межрегиональных веб-конференций: «Крым – Россия: история и современность» и «Вклад Н. Я. Данилевского в развитие научной мысли России».

Межрегиональная веб-конференция «Крым – Россия: история и современность» состоялась 14 марта 2019 года в рамках празднования пятилетия воссоединения Крыма с Россией при поддержке Министерства культуры Республики Крым и Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина. Конференция прошла в режиме прямой трансляции и объединила участников на площадках региональных центров Президентской библиотеки в Тамбове, Кемерово, Волгограде, Рязани, Ростове-на-Дону и Южно-Сахалинске. Участники вспомнили события Крымской весны, с большим интересом обсудили результаты нахождения Крыма в составе России, поделились своими позитивными эмоциями. Мероприятие смотрели во всех уголках Российской Федерации – 30 городов России, более 70 организаций культуры, около 3 тыс. просмотров в официальной группе «ВКонтакте» Президентской библиотеки.

Межрегиональная веб-конференция «Вклад Н. Я. Данилевского в развитие научной мысли России» объединила представителей Института русско-славянских исследований имени Н. Я. Данилевского (г. Москва, г. Курск) и специалистов ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина» (г. Санкт-Петербург). В Центральной библиотеке Крыма собрались депутаты Государственного Совета РК, представители Министерства культуры РК, историки, краеведы, студенты

Крымского инженерно-педагогического университета им. Февзи Якубова, Таврической академии КФУ им. В. И. Вернадского, гости и читатели библиотеки. Докладчики раскрыли основные научные идеи мыслителя, рассказали о творческом пути и увековечении памяти учёного в Крыму.

Особо хочется обратить внимание на открытие в 2015 году *Регионального центра по работе с книжными памятниками (РЦКП)*.

РЦКП является опорным пунктом для оказания планомерной методической помощи по учёту и описанию книжных памятников различным фондодержателям редких и ценных изданий Республики Крым. Данный проект направлен на создание Электронного регионального свода книжных памятников республики, который позволит дать целостное представление о книжных памятниках, хранящихся в республике, информировать о наличии фондов редких и ценных изданий, а также будет способствовать их сохранению и использованию.

Своей целью проект видит проведение планомерной и целенаправленной работы по выявлению, идентификации и описанию книжных памятников, находящихся в Республике Крым, функционирует на базе отдела редкой книги. Уникальный фонд включает более 33 тыс. редких и ценных документов по всем отраслям знаний на многих языках мира, среди которых рукописные и печатные издания XVI – начала XX вв., издания по истории, этнографии, культуре Таврической губернии, путеводители по Крыму, прижизненные издания поэтов, писателей и выдающихся деятелей науки, культуры, искусства.

В рамках научно-исследовательской и библиографической деятельности осуществлялась работа по подготовке печатного «Каталога старопечатных изданий ГБУК РК «КРУНБ им. И. Я. Франко»»

Региональный проект по продвижению чтения и развитию читательской культуры «Читающий Крым», который работает уже 4-й год, способствует возрождению престижа, формированию культуры чтения, приобщению молодого поколения к чтению лучших образцов классической и современной литературы на традиционных носителях, в сети Интернет и на электронных носителях; также стимулированию инициатив и творчества читателей, использования культурного наследия и потенциала региона; возрождению и сохранению традиций семейного чтения.

В рамках проекта проводятся литературные вечера, поэтические видеомосты, киновечера и встречи с писателями. Читатели принимают участие в конкурсах чтецов, библиосалонах и читательских конференциях, а крымские литераторы участвуют в заседаниях литературного клуба и в создании электронной библиотеки «Крым литературный». В течение года читатели и гости библиотеки могут принять участие в Днях писателя, видеокруизах «Путешествие в мир прекрасного» и Празднике книги.

Всего состоялось более 250 мероприятий, которые посетили более 7 тыс. читателей. Ежегодно проходит Международный Гумилёвский поэтический фестиваль «Коктебельская весна», литературный фестиваль «КрымБукФест», Праздник русской книги «Книга собирает друзей», ежегодная образовательная акция «Тотальный и Этнографический диктант», заседания клуба «Литературные встречи», Толстовские и Данилевские чтения.

Совместно с Киномедиацентром проводился цикл видеокруизов «Путешествие в мир прекрасного», позволяющий раскрыть для читателей богатства Русского музея.

Особый интерес вызвали впервые организованные Крымской республиканской универсальной научной библиотекой им. И. Я. Франко и поддержанные Министерством культуры РК литературные круизы «Родное слово». Со своими творческими программами перед читателями библиотек в Евпатории, Алуште, Ялте, Белогорске, Феодосии, Бахчисарае, Раздольном, Гвардейском, Кореизе выступили заслуженный

артист АР Крым, лауреат Государственной премии АР Крым, член Союза писателей России, поэт, композитор, сценарист, актёр Константин Фролов и заслуженный артист АР Крым Аркадий Вакуленко, лауреат фестивалей патриотической песни в России и странах СНГ Игорь Сивак, председатель правления Общественной организации «Союз писателей Республики Крым», поэт, издатель, прозаик, переводчик, журналист Валерий Басыров и член Литературного общества им А. И. Домбровского поэт, прозаик, психолог, музыковед и ароматерапевт Ирина Обухова.

Социокультурный проект «Живая библиотека. Язык, ты – мир!» предлагает в роли «живых книг» выступать волонтерам, студентам-иностранцам из 14 стран мира, обучающимся в Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского. Люди различных религий, национальностей, социальных слоев и увлечений готовы рассказать на своём родном языке «читателю» о себе, своей стране, её традициях, культуре и быте, ответить на самые разнообразные и порой неожиданные вопросы. Формат мероприятий изменяется, но ключевая основа остается прежней [1, с. 15]. Интерактивная площадка «Не суди о книге по обложке» была посвящена празднованию Европейского дня языков. В роли читателей выступили будущие и уже практикующие преподаватели иностранных языков общеобразовательных учреждений города, а в качестве «живых книг» – студенты-медики из Индии, Новой Зеландии, Непала, Шри-Ланки. К Международному дню родного языка была приурочена интерактивная площадка «Язык – живая душа народа». Читателями «Живой библиотеки» стали учащиеся 10–11 классов шести специализированных школ города Симферополя, а «книгами» – студенты из Индии, Нигерии, Ливии, Палестины и Новой Зеландии.

В новом году специалисты Центральной библиотеки Крыма не останавливаются на достигнутом и продолжают тесное сотрудничество с волонтерами, которое уже стало доброй традицией.

Помимо этого, в 2019 году библиотекой был взят курс на пропаганду здорового образа жизни посредством социально значимых мероприятий, воспитание и формирование ответственного отношения к сохранению здоровья, как наиважнейшей ценности человека. Проект осветил ряд наиболее ключевых на сегодня проблем: наркоманию, алкоголизм, компьютерную зависимость, курение и неправильное питание. Проведение мероприятий в формате устных журналов, часов информации, акций, воркшопов способствовало трансформации проекта. Реализуя социальный проект «Экология и здоровье: вектор гармонии», специалисты библиотеки самое пристальное внимание обращают на проблемы экологии, а также сохранения и укрепления здоровья.

В современном обществе отношение к здоровью стало меняться: модно не курить, не злоупотреблять спиртным, не принимать наркотики, заниматься спортом. Люди понимают, что только здоровье даст им возможность реализовать социальные планы, создать семью и иметь здоровых и желанных детей. Здоровье имеет непреходящую ценность в любом возрасте для каждого человека, а потому так важно заботиться об окружающей среде. Ведь в настоящее время огромный интерес к изучению экологических процессов, вызванный резким ухудшением состояния окружающей среды, побуждает пересмотреть взгляды на взаимоотношения Человека и Природы.

Привитие навыков экологического этикета, здорового образа жизни и содействие успешной профилактике негативных проявлений в молодежной среде проходит в формате как традиционных форм библиотечной работы (выпуск рекомендательного списка литературы, экологический форум в рамках недели экологии, экологические чтения, устные журналы, акции) так и интерактивных (Экологическая игра, Хэппенинг).

Все мы помним, что в 2020 году исполнится 75 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, память о которой – это не только хроники, летописи и дневники, это и её исторические уроки, вобравшие в себя опыт прошлого и устремление в настоящее и будущее.

Сегодня возникла необходимость сохранения исторической памяти о самом важном и трагичном событии нашей Родины и всего мира в XX веке, ведь ветераны войны, живые свидетели и участники тех событий, к сожалению, уходят из жизни.

А историческая память – один из значимых источников патриотического и нравственного воспитания личности. Сохранить этот источник поможет библиотека, которая на примерах лучших образцов художественной литературы, культуры, используя современные информационные ресурсы и каналы связи, имеет возможность вести достоверный рассказ о героико-патриотических традициях нашей Родины, который будет формировать у подрастающего поколения чувство гордости за величие страны и чувство уважения к старшему поколению.

В этой связи Центральной библиотекой Крыма реализуется историко-литературный проект «Стратегия Победы».

Идея Проекта – создание условий по повышению интереса к историческому прошлому Родины при помощи лучших образцов художественной литературы и культуры, с использованием современных информационных ресурсов и каналов связи. Проект рассчитан на два года и в ходе его реализации планируется проведение социокультурных мероприятий, направленных на формирование чувства гордости за героическое прошлое нашего народа, своих близких; разработка рекомендательного списка литературы; издание библиографического указателя «Страницы, опаленные войной...», включающего издания военных лет, имеющиеся в фондах библиотеки; подготовка и издание сборника читательских рекомендаций «О войне рассказывают книги».

На сегодня можно с уверенностью сказать, что проект пользуется популярностью у подрастающего поколения.

Таким образом, осуществляя проектную работу, библиотеки призваны обеспечить информационное обслуживание широкого круга пользователей, привлечь новых читателей, особенно молодёжь, организовать комплекс мероприятий для социально незащищённых групп, предоставить доступ к ресурсам людям с ограниченными возможностями.

Развитие проектной деятельности создаёт платформу для появления авторских проектов, что способствует оптимизации инновационных творческих процессов в библиотечной среде. Проектирование позволяет библиотекам анализировать ситуацию и свои возможности для развития новых форм работы; привлечения альтернативных источников финансирования; создания привлекательного образа библиотеки, поскольку проект сопровождается форсированной рекламой.

Список использованных источников

1. Проект в формате библиотеки: от идеи к воплощению: методические рекомендации / Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко»; составитель О. В. Сиротюк. – Симферополь, 2017. 52 с.

УДК 024.2

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Е. В. Суханова,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры вычислительных систем
и информационных технологий, Удмуртский государственный университет, Ижевск*

Аннотация. В статье представлен обзор возможных форм и методов взаимодействия с пользователями библиотек. Среди них – социальное чтение, сторителлинг, читательские продолжения историй. Каждая из этих форм может стать оригинальным проектом и новым стимулом для возвращения интереса к библиотеке. Использован метод анализа и синтеза массива данных по теме статьи.

Ключевые слова: библиотечно-информационное обслуживание, социальное чтение, сторителлинг, социальные сети, сетература, марафон чтения.

Summary. The article provides an overview of possible forms and methods of interaction with library users. Among them are social reading, storytelling, and storytelling by readers. Each of these forms can become an original project and a new incentive to return interest in the library. The method of analysis and synthesis of an array of data on the topic of the article is used.

Key words: library and information services, social reading, storytelling, social networks, setterature, reading marathon.

Для того, чтобы говорить о новых формах работы, нужно осознать, каким общество хочет видеть современную библиотеку. На рисунке 1 представлена ролевая модель современной библиотеки, она основана на позиции мирового библиотечного сообщества. Чем она отличается от предыдущей модели, когда библиотека позиционировала себя исключительно как информационный центр? Исключительно тем, что информация сегодня подается «под другим соусом», другими средствами, акценты смещены на интерактив, на взаимодействие с местным сообществом.

Рисунок 1. Ролевая модель современной библиотеки

В 2017 году в Москву в РГБМ приезжала Ханнелора Фогг, директор городской публичной библиотеки (г. Кёльн, Германия), член ИФЛА. Она озвучила основные тренды медиасферы [1]. Они представлены на рисунке 2. Рассмотрим их подробнее.

Что такое **социальное чтение**? Это новый методический термин, обозначающий чтение как общение между людьми. На рисунке 3 представлена «вольная» трактовка термина [2]. Термин еще нигде не зафиксирован, кроме как в ряде статей.

В целом же, термин для нас не новый. Социальное чтение, это ни что иное, как семейное чтение и последующее обсуждение прочитанного с родными и друзьями. Только сегодня площадкой для обсуждения все чаще стает не семья или класс, а социальные сети и другие паблики.

Тренды медиасферы

- Социальное чтение (напр. Goodreads, Lovelybooks)
- Самопубликация (z.B. Buch-Apps, E-Book-Herstellung)
- Читательские продолжения историй
- Цифровой сторителлинг
- Дополненная реальность – в книгах и приложениях (Pokemon go)

Рисунок 2. Основные тренды медиасферы (слайд из презентации Х. Фогг)

* Социальное чтение

* совместное (или параллельное во времени) чтение и последующее **обсуждение** текста двумя или более людьми, в том числе с использованием сети

* Термин предложен Олесей Сененко, к.ф.н. ведущим научным сотрудником МГПУ,

Рисунок 3. Трактовка термина «социальное чтение»

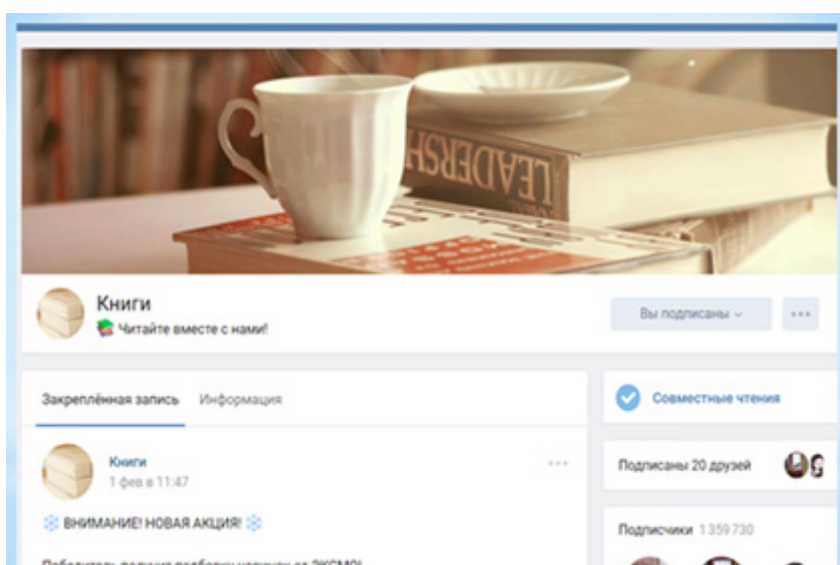

Рисунок 4. Пример площадки для реализации социального чтения

На рисунке 4 представлена группа ВКонтакте «Книги». Это пример такого явления, как социальное чтение. Слоган «Читайте вместе с нами!», четкий, понят-

ный, призывной. Количество подписчиков почти 1,5 миллиона. Что их привлекает к обычной группе, каких сотни ВКонтакте? Привлекает возможность пообщаться, поделиться мнением о прочитанных книгах через опросы, ознакомиться с рейтингами или «топами» книг, поучаствовать в конкурсах «за репост». Это и есть социальное чтение.

Еще один вариант социального чтения – сетевые читательские марафоны (см. рисунок 5). Пользователь принимает вызов, например, прочитать 50 книг за год. Он ведет читательский дневник, пишет рецензии на прочитанные книги, делает фото, выкладывает их в сеть, получает одобрение. Завязывается диалог.

Как могут библиотеки использовать подобный формат? Например, организовать свой библиотечный марафон в любом формате. Привлечь администрацию, школы, жителей. Привлечь подписчиков группы ВКонтакте, Инстаграмм. Можно и в коллективе устроить подобный марафон. В одной из библиотек устроили «четверг чтения» в санитарный день. Месяц коллектив читает одну книгу, потом обсуждает. Вариантов много.

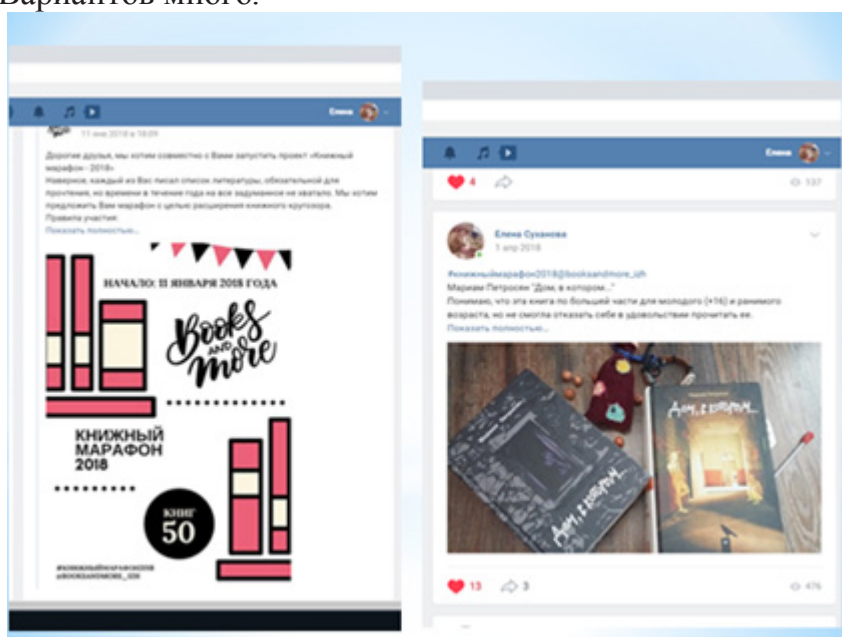

Рисунок 5. Сетевой марафон книжного магазина «Books and More» г. Ижевска

Следующее явление – это сторителлинг. На рисунке 6 представлен «вольный» термин этого понятия. Понятие пришло из сферы бизнеса, маркетинга. Помните сюжет по телевидению про тигра Амура и козла Тимура? Это и есть сторителлинг. Сегодня очень популярно вести он-лайн трансляции из зоопарков (например, наблюдать за пандами) или из приютов для животных. Стало очень много сюжетной рекламы, каждый ролик – отдельная история. Мы досматриваем такие ролики до конца, потому что нам интересно знать, чем все закончится. Почему бы не рассказывать истории о библиотеке, о ее событиях посредством фото и видео. Возможен и любой другой формат.

Люди любят героев, неожиданные повороты, сюрпризы и счастливые концы. Причем, запоминают до 65-75% информации через истории и только до 5-10% данных, полученных в формате сухой статистики. Почему бы библиотеке тоже не использовать этот прием? Свой герой и истории о нем. Очень хорошо такие истории накладываются на социальные сети. Например, в Мельбурнской университетской библиотеке есть свой герой, библиотечный Кен (см. рисунок 7). Все видео- и фотоотчеты по мероприятиям и выставкам в социальных сетях и на сайте сопровождаются этим персонажем.

Рисунок 6. Трактовка термина «сторителлинг»

Рисунок 7. Библиотечный Кен – герой библиотеки Мельбурнского университета

Выбрать вместе с пользователями своего героя и придумывать о нем истории. Любую историю можно превратить в видео или мультимедийный формат, это уже цифровой сторителлинг. Бесконечные истории можно рассказывать и по любому художественному произведению. Например, Г. Остер «Вредные советы». По этой книге можно поставить спектакль, можно писать свои вредные советы, можно рисовать их, можно устроить квест и так до бесконечности.

И здесь же рядом стоят **читательские продолжения историй**. Современные формы рассказов для молодежи...фанфики, книги. Вот пример группы ВК (см. рисунок 8), где авторы выкладывают свои тексты и читают чужие. И это только одна из сотен групп. Уже живет термин – сетература. Как бы мы к такой литературе не относились, игнорировать это нельзя, так как более 100 тысяч наших потенциальных пользователей сидят только на одной из сотен подобных страниц. Как пример, издательство «АСТ» запустило в печать серию «Он-лайн-бестселлер», что изначально было именно сетевыми текстами.

Рисунок 8. Одна из групп ВК, где сетераторы выкладывают свои тексты

Wattpad – онлайн-сообщество для писателей и читателей (см. рисунок 9). Именно здесь, или на подобных площадках, рождается новый жанр – сетература. Здесь можно пробовать перо, участвовать в конкурсах.

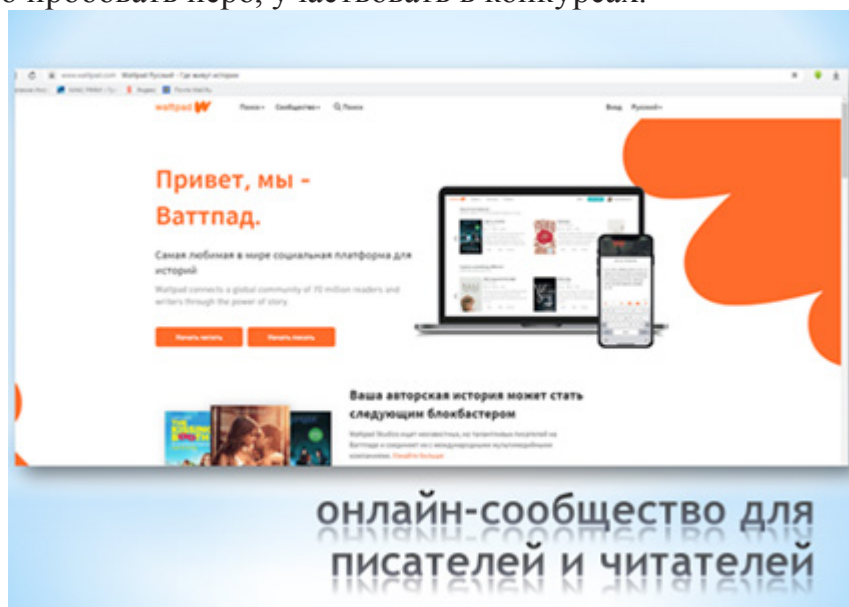

Рисунок 9. Онлайн сообщество для сетераторов

Как библиотека может это использовать в библиотечно-информационном обслуживании? Как минимум, быть информированной о таком явлении. А еще она может организовывать свои продолжения историй. Ведь не обязательно это должен быть сетевой роман. Можно писать, рисовать, лепить, вырезать продолжение смешариков, кота Матроскина, Флавии де люкс и так далее. А можно писать свои сетевые рассказы, читать их, устраивать конкурсы, издавать книги. Библиотека может стать модератором данного направления.

В данной статье представлен лишь небольшой обзор современных форм библиотечно-информационного обслуживания. Каждая из них заслуживает внимания библиотечного специалиста, так как является частью жизни современного реального и потенциального пользователя любой библиотеки. Сегодня непозволительно оставаться в стороне от изменений и делать вид, что нас это не касается. Это касается нас всех.

Список использованных источников

1. Российская государственная библиотека для молодежи. Официальный сайт. Встреча с директором Городской библиотеки Кёльна Ханнелорой Фогт. – URL: <http://www.rgub.ru/schedule> (дата обращения 12.12.2019).
2. Сененко О.В. Социальное чтение и школьная библиотека / Олеся Владимировна Сененко // Школьная библиотека сегодня и завтра. – 2016. № 12. С. 11–13.

УДК 021.4:81'243

ЖИВОЕ ОБЩЕНИЕ: КЛУБНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ В БИБЛИОТЕКЕ

С. А. Шевченко,

заведующая отделом иностранной литературы Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Крым «Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена практике создания разговорных клубов при библиотеках с целью изучения иностранных языков в интерактивном формате.

Участие пользователей в работе языковых клубов способствует превращению теоретической базы знаний в навыки уверенного общения в иноязычной среде.

Описывается опыт работы отдела иностранной литературы Крымской республиканской универсальной научной библиотеки им. И. Я. Франко по работе с клубными формированиями.

Ключевые слова: изучение языка, иностранные языки, разговорные клубы, любительские объединения, обучение, методика преподавания, коммуникация, английский язык, французский язык, турецкий язык, чешский язык.

Summary. The article is dedicated to the formation of the speaking clubs in the libraries with the aim of studying foreign languages in the interactive format. The participation of the members in the work of the language clubs facilitates the conversion of the theoretical knowledge base into the skills of confident communication in the foreign language environment.

It describes the experience of the department of the foreign languages in the Crimean Republican Universal Scientific Library named after I.Ya. Franco in the sphere of working with the clubs and associations.

Key words: language learning, foreign languages, speaking clubs, clubs and associations, studying, teaching methods, communication, the English language, the French language, the Turkish language, the Czech language.

*Человек, не знающий ни одного иностранного языка,
не знает и своего.*

И. Гёте

Уверенное владение иностранным языком в современном обществе является одним из составляющих успеха. Для изучения иностранного языка или поддержания его на должном уровне, крайне важна постоянная практика разговорной речи. Как ни странно, сегодня достаточно сложно человеку, желающему заниматься изучением языка, найти собеседника для общения.

Когда последний раз вы задумывались о перспективах и возможностях, которые открываются перед вами при знании хотя бы одного-двух иностранных языков? Любой из них – английский, немецкий, французский или турецкий – это средство обмена информацией. Подобные знания дарят новые знакомства и возможность путешествовать [8].

Большинство людей ограничивается знаниями родного языка и одного иностранного со словарём. Многим кажется, что знание языков совершенно бесполезно. И в то же время, в жизни любого человека может возникнуть необходимость поездки за границу. Попадая в такую ситуацию, мы начинаем с усердием искать информацию в интернете, в библиотеках, перелистывать всевозможные разговорники и путеводители, посещать разговорные клубы любителей иностранных языков, пытаясь в кратчайший срок заговорить на нужном иностранном языке.

С течением времени доказано, что язык – важнейшее средство общения, без которого невозможно существование и развитие человеческого общества. Являясь значимым элементом культуры народа – носителя данного языка – и средством передачи её другим, иностранный язык способствует у обучающихся формированию целостной картины мира. Основное его назначение состоит в развитии коммуникативной компетенции, то есть способности и готовности осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка. А если к этому добавить ещё интерактив с игровыми элементами, то успех гарантирован [8].

Используя всевозможные инструменты, сотрудники отдела иностранной литературы Крымской республиканской универсальной научной библиотеки им. И. Я. Франко осуществляют активную деятельность по привлечению молодёжи к работе с книгой, воспитанию нравственной и духовной основы личности, разви-

тию интереса и любви к изучению иностранных языков.

Наращивание библиотечных информационных технологий, появление новых услуг и новых возможностей для пользователей побудило специалистов вышеуказанного отдела рассматривать существующее библиотечное пространство как социально значимое. Кроме того, важным подспорьем стало изучение запросов пользователей, их меняющихся интересов. Поскольку старые подходы уже не позволяли решать новые проблемы, возникла необходимость кардинально изменить традиционную работу с читателями. Не обмануть ожиданий пользователя, удовлетворить его информационные потребности, сделать доступной для него информацию – этим библиотечные специалисты руководствуются в своей практике.

Идея создания клубов любителей иностранных языков давно рассматривалась специалистами отдела. Особая роль клубов заключается в организации интеллектуального общения, предоставлении возможности эмоционального расслабления, психологической разгрузки. Они способствуют организации досуга и являются важной частью массовой работы, позволяют библиотеке руководить чтением, учитывая групповые и индивидуальные запросы пользователей.

Клубы представляют объединение пользователей библиотеки для лингвострановедческого общения и удовлетворения их информационных, культурных, творческих потребностей, связанных с иностранным языком, совершенствование умений и навыков владения разговорным иностранным языком, преодоления языкового барьера, развития понимания речи собеседника, усовершенствования произношения. Заседания клубов направлены на привлечение к иностранному языку и культуре учащейся молодежи, оказание методической помощи, знакомство с культурой, бытом и традициями зарубежных стран.

При библиотеке имени И. Я. Франко функционируют пять разговорных клубов: клуб английского языка «English speaking club», Клуб любителей чешского языка, Клуб любителей китайского языка, Клуб любителей испанского языка «Castellano» и Клуб любителей французского языка «Atelier de français».

Библиотека – это не только территория чтения и центр информации, но и культурная площадка для досуга и общения. Это одно из немногих мест, где можно провести время в обществе близких по духу людей, соответственно своим интересам, привычкам, вкусам, где можно отдохнуть с пользой как одному человеку, так и всей семьей. И что немаловажно – бесплатно. Досуговая деятельность библиотеки – альтернатива дорогостоящему отдыху. Организация досуга – это именно тот сегмент на рынке услуг, где библиотека может смело конкурировать с другими учреждениями.

Деятельность клубов особенно интересна тем, кто увлекается иностранными языками, часто ездит за рубеж или просто желает применить полученные знания на практике.

В Клубе можно обсудить любые интересующие темы – от астрологии до сверхсовременных технологий, от кулинарии до политики, посмотреть фильмы, завоевавшие мировую известность, и просто пообщаться с интересными людьми на свободные темы.

Пользователи библиотеки замечательно проводят время, общаясь с интересными людьми, участвуя в ролевых играх, конкурсах, дебатах. Посещая разговорные клубы, можно научиться выражать и аргументировать свои мысли, высказывать своё мнение, обсуждать вопросы, как более сложные, так и связанные с простыми жизненными ситуациями.

Обучаясь в интерактивном формате, участники клубов смогут быстрее ориентироваться в ситуациях повседневного общения на иностранных языках. Клубы также дают прекрасную возможность научиться грамотно использовать современный сленг. Участники Клуба сами имеют возможность выбирать темы и

посещать только те занятия, которые им интересны.

В 2018 году сотрудниками отдела иностранной литературы с целью оказания профессиональной помощи специалистам общедоступных муниципальных библиотек были опубликованы методические рекомендации «Общайтесь с удовольствием!», в которых был представлен практический опыт Крымской республиканской универсальной научной библиотеки им. И. Я. Франко по организации и функционированию языковых клубов в библиотеках. С полным текстом рекомендаций можно ознакомиться, придя в библиотеку.

Подводя итог, можно отметить, что наличие в библиотеке одного или нескольких клубов положительно сказывается на удержании и увеличении читательской аудитории. В числе первостепенных задач сегодня – активная интеграция клубов в информационное пространство, которая может способствовать созданию в социальных сетях групп, посвящённых деятельности клубов, а также размещению оперативной информации на сайтах библиотеки и в социальных сетях. Популярность и жизнеспособность клубов зависит от многих факторов и прежде всего от инициативности и увлеченности участников, поэтому крайне важно максимально полно реализовывать заложенный в данном направлении работы образовательный и воспитательный потенциал на практике [7].

Список использованных источников

1. Асеева Г. Как мы открываем кружки и студии / Г. Асеева. – Текст : непосредственный // Независимый библиотечный адвокат. – 2018. – № 2. С. 32–35.

2. Английский разговорный клуб/Общество с ограниченной ответственностью «СТАРТОК». – [Электронный ресурс] // STARTALK.ru: школа иностранных языков: [сайт]. – URL: http://www.start2talk.ru/razgovornyj_klub/anglijskij_klub.htm (дата обращения: 20.01.2020).

3. Двуреченская Т. Библиотечный клуб как центр неформального общения / Т. Двуреченская. // Библиотечное дело. – 2013. – № 11. С. 38–42.

4. Для чего нужно изучать иностранные языки. – [Электронный ресурс] // Linguis.ru : – Изучение языков как хобби: [сайт]. URL: <http://linguis.net/reasons-language-study/> (дата обращения: 20.01.2020).

5. Зачем нужно изучать иностранные языки в современном обществе? – [Электронный ресурс] // ЛИНК Р. ru : учебный центр: [сайт] . – URL : <http://ram-link.ru/zachem> (дата обращения: 20.01.2020).

6. Как не ошибиться в выборе разговорного клуба – [Электронный ресурс] // Enguide.ru: [сайт] – URL : <https://enguide.ua/magazine/kak-ne-oshibitsya-v-vybore-razgovornogo-kluba> (дата обращения: 20.01.2020).

7. Матлина С. Г. И снова о так называемой «массовой работе»: Про-должаем дискуссию / С. Г. Матлина // Библиотечное дело. – 2006. – № 11 (47). С. 23.

8. Общайтесь с удовольствием! (из опыта работы отдела иностранной литературы) / Мин-во культуры Респ. Крым, Гос. бюджет. учреждение культуры Респ. Крым «Крым. респ. универс. науч. б-ка им. И. Я. Франко», Отд. иностр. лит. ; [составитель С. А. Шевченко; редактор Е. А. Рыбаченко; научный редактор : Е. В. Ясинова, Ю. В. Гнедова]. – Симферополь, 2018. 24 с.

УДК 811.12

МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ СТУДЕНТОВ АВСТРИИ

А. А. Абросимова,

*обучающаяся кафедры теории языка, литературы и социолингвистики,
Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Чернышова М. В., к. пед. н., доцент

Аннотация. В статье представлены основные подходы к определению понятия «сленг», сформулированы особенности молодежного сленга в социальных диалектах, а также представлен анализ особенностей молодежного сленга студентов Австрии.

Ключевые слова: студенты, сленг, молодежь, Австрия, жаргон, лексика.

Summary. The article presents the main approaches to the definition “slang”, formulates the features of the youth slang in social dialects. It also presents an analysis of the characteristics of the youth slang of students in Austria.

Key words: students, slang, youth, Austria, jargon, vocabulary.

Интенсивные изменения, происходящие в мире во всех сферах жизни благодаря техническому прогрессу, развитию Интернета и процессам глобализации, отражаются в языке. При этом языковая система, в частности ее лексический пласт, постоянно меняются и обновляются, приспосабливаясь к новым реалиям жизни и создавая условия для освещения новых актуальных тем.

Молодежь наиболее активно адаптируется к любым социальным изменениям, в том числе и к языковым. Поэтому неудивительно, что словарный состав молодого поколения значительно отличается от словарного состава представителей следующих и предыдущих поколений. Лексический уровень языка пополняется различными путями, в том числе за счет сленгизмов – новых слов, которые создаются и используются молодежью для обозначения уже существующих понятий. Некоторые слова, которыми активно пользуются в молодежной среде, со временем теряют свой сленговый статус и переходят в разряд общеупотребительных.

Высокая степень изученности проблематики молодежного сленга в современной лингвистике подтверждается многочисленными работами, которые исследуют различные аспекты молодежной речи.

Многие авторы обращают внимание на семантические особенности молодежного сленга (Л. В. Аминова, Г. В. Боднар, Т. Н. Бурда, Н. А. Джеус, С. А. Мартос, Н. Д. Матарикина, И. А. Морозова, Б. Х. Псеунова, А. В. Цибизова, А. С. Христенко и другие).

В данном случае понятие «жаргон» имеет достаточно широкое значение, потому что оно указывает на принадлежность определенной социальной группе и охватывает особую лексику, включая не только профессиональные, но и молодежные, студенческие и блатные жаргоны.

В узком смысле аргю – «это язык низов общества, деклассированных групп и уголовного мира» [4, с. 36]. В то же самое время «молодежное аргю» определяется как синоним терминов «жаргон» и «сленг». Молодежная речь имеет следующую

особую черту: она заключается в том, что «молодежный сленг употребляется, как с целью скрыть предмет коммуникации, так и как средство отделения от остального общества» [4, с. 14; с. 47].

Молодежный сленг не может быть отождествленным с арго, он не имеет функции посвящения. Что касается термина «жаргон», он не разграничивает возрастные характеристики сленгизмов, которые являются важными в описании лексического пласта молодежного языка, но с прилагательным «молодежный» это понятие может считаться синонимом слова «сленг». В то же время термин «сленг» более ассоциируется и используется для обозначения именно молодежной речи. Поэтому, ключевым понятием данного исследования является «сленг», потому что оно, на наш взгляд, является более корректным и точным.

В современной лингвистике существует несколько вариантов этимологии слова «сленг» (от англ. Slang). Одним из первых определить происхождение этого слова пытался Джонатан Би во вступлении к своему *Sportsman's Dictionary* (1825 г.). Он утверждал, что слово «сленг» происходит от «оков, которые носили заключенные, и которые получили свое имя от манеры, как их носили, поскольку необходима была цепочка, которая бы удерживала их от того, чтобы они не тянулись по земле» [6, с. 23].

В то же время другие исследователи в своих работах отмечали, что термин «сленг» имеет совсем другую этимологию. Так, Джеймс Крэбб в своей работе *Gypsies Advocate* говорит, что слово «сленг» впервые стали употреблять именно цыгане для обозначения своего языка, который был изобретен, по их мнению, их предками для каких-то тайных целей [5, с. 16].

Пытаясь проследить историю возникновения и становления слова «сленг», Джон Кэмден Хоттен отмечает, что сначала он использовался ворами и нищетой, потому что они часто пересекались и имели дело с цыганами и часто слышали от них слово «сленг». Это слово было заимствовано из цыганского языка.

Понятие «сленг» означало «обвесить», «редкое шоу», «бежать через заднюю дверь», «цепочка от часов», а также «тайный язык» [7, с. 39].

Энциклопедия «Британника» дает следующее определение, согласно которому сленг – это нетрадиционные слова или фразы, выражающие или что-то новое, или что-то старое по-новому.

Молодежному языку свойственна легкомысленность, неточность, поскольку сленг может быть неприличным. Его красочные метафоры служат проявлением остроумия, именно это и дает сленгу свой характерный аромат.

По определению российских исследователей сленг – это:

– достаточно синкретическое языковое образование, включающее общий массив разговорной эмоционально-экспрессивной лексики, не отражаемой в современной лексикографической практике [1, с. 33];

– практически открытая языковая подсистема ненормативных, стилистически сниженных лексико-фразеологических единиц [3, с. 42]. Бытование молодежного сленга ограничено не только возрастными рамками, но и социальными, психологическими, временными и пространственными условиями существования [1, с. 191];

– литературная дополнительная лексическая система, которая представляет параллельную экспрессивно-оценочную, чаще всего стилистически сниженную синонимию обозначений общеизвестных понятий и положений определенной социальной субкультуры.

Пласт сленговой молодежной лексики во многом составляют неологизмы, которые формируются и изменяются вместе с изменениями в обществе, поскольку каждое молодое поколение хочет отличаться и от предыдущего, и от более старших молодых людей, оно вводит в свой лексикон собственное кодирование общеизвестных понятий.

Анализ дефиниций понятия «сленг», предложенных известными исследователями, показывает, что в последние годы лингвисты стали уделять сленгу больше внимание, изменилось также и отношение к нему от порой полного неприятия и осуждения к признанию того, что сленг занимает важное место в языковой подсистеме. Ученые стали отмечать и положительные стороны употребления сленга. Таким образом, можно выделить следующие основные характеристики молодежного сленга:

1. Молодежный сленг – разновидность социолекта, отличного от арго или жаргона, ибо служит для общения людей примерно одного возраста. При этом сленговые слова используются как синонимы к литературным словам, отличаясь от них эмоциональной окраской.

2. Это слова, которые в большей степени касаются реалий мира молодых людей.

3. Наблюдается быстрая изменчивость молодежного сленга, основанная на постоянной смене поколений.

4. Молодежному сленгу присущи гиперболизация и вульгаризация вследствие экспрессивной оценки и наличия стилистически сниженных синонимов-дублетов общеизвестных понятий.

В современных реалиях различают большое количество словарей, фиксирующих сленг немецкой молодежи. Это и лексиконы Г. Эмана «Vollkonkret» (2001), «Endgeil» (2005), и ставшие периодическими многоязычные словари молодежного языка издательства PONS (2001-2007), а также выпущенный издательством Langenscheid словарь «Hä?? Jugendsprache unplugged» (2008). Однако, целесообразно отметить, что у австрийской молодежи есть собственный сленг, который длительное время не рассматривался лингвистами отдельно. Конечно, австрийский молодежный сленг – это субстандарт того же немецкого языка, но, как и нормативный австрийский язык, он имеет свои отличительные черты, свою специфическую лексику.

Поэтому появление словаря австрийского молодежного сленга Роберта Седлачека (R. Sedlaczek. leet&leiwand. Das Lexikon der Jugendsprache. Wien, echomedia, 2006) является достойным внимания событием в истории лексикографии молодежного жаргона. Большое значение для изучения австрийского молодежного жаргона имеет, на наш взгляд, изданный в 2006 году в Вене словарь Роберта Седлачека.

Изучение лексики, представленной в этом словаре и сопоставление ее с лексикой молодежи Германии, показывает, что ее значительная часть совпадает в своем значении. Здесь можно назвать такие жаргонизмы, как *Fascho* «Faschist», *alken* «saufen», *abchillen* «sich entspannen», *Proggi* «Computerprogramm», *poppen* «Sex haben», *korrekt* «sehr gut», *geil* «großartig, schön», *fett* «sehr gut» и др. Встречаются также одни и те же англицизмы, заимствованные как в немецком, так и в австрийском варианте молодежного языка.

Это, например, такие жаргонизмы, как *checken* «begreifen», *chillen* «sich entspannen», *chillig* «entspannend, gemütlich», *Trash* «Mist, verlorenes Zeug», *lollen* «laut lachen», *lollig* «witzig» и др. Но есть, по мнению автора, и такие слова и выражения, которые являются «чисто австрийскими». К ним относятся, например, жаргонизм *einflecken* «einen Fünfer bekommen» (лексема *Fleck* употребляется в Австрии для обозначения неудовлетворительной оценки, от нее и был образован этот глагол); *Schwarzkappler* «Kontrollor» (так называют в Австрии контролеров в общественном транспорте). Австрийским регионализмом является также сокращение *DIF* «Donauinselfest» (ежегодно проводимый в Вене праздник).

Сравнительный анализ упомянутых выше словарей свидетельствует о том, что часто молодые люди из разных стран немецкоязычного пространства для обозначения одних и тех же понятий употребляют разные жаргонизмы, например, «gauchen»

в Австрии – это *suchteln*, а в Германии *quarzen*, *Lungenkrebsfüttern*; в Австрии «stehlen» – *flötzen*, а в Германии *eintüten*, *einklaufen*, *abrippen*; в Австрии «Bier» – *Edelstoff*, а в Германии *Blechbrötchen*, *Knallwasser*.

Встречаются и обратные явления, когда одна и та же жаргонная лексема употребляется для обозначения различных понятий, например, *Kürbis* в Германии «Kopf», а в Австрии – «КТМ-Motorrad»; *Grufti* в Австрии – «Mitglied der schwarzen Szene», а в Германии – «alter Mann».

Проведя сравнение лексикона Р. Седлачека сравнивается со словарями немецкого молодежного языка и на материале анализируемых лексикографических источников можно выявить отличительные черты и общие тенденции в австрийском и немецком молодежном сленге.

Исходя из вышеизложенного можем отметить, что в немецком языке Австрии и Германии естественно присутствуют определенные различия, которые сохраняются не только в нормативных языковых вариантах (австрийском), но и в молодежном жаргоне, что свидетельствует о языковом плюрицентризме немецкоязычного пространства как отражении многообразия культур.

Список использованных источников

1. Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 2017. 160 с.
2. Кармин А. С. Культурология / А. С. Кармин. [2-е изд., перераб. и доп.] – СПб.: Издательство «Лань», 2013. 928 с.
3. Олейник О. В. Немецкие сленгизмы в свете неологической теории: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / О. В. Олейник. Самара, 2007. 22 с.
4. Розен Е. В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке / Е. В. Розен. М.: Просвещение, 2011. 192 с.
5. Crabbe M. J. C. The Gipsies' Advocate or Observations on the Origin, Character, Manners / M. James C. Crabbe. – [3rd ed]. – London: Nisbet, 2012. 124 p.
6. Ehmann H. Endgeil. Das vollkorrekte Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 2005. 180 S.
7. Hotten J. C. The Slang Dictionary; or, The Vulgar Words, Street Phrases, and «fast» Expressions of High and Low Society / J. C. Hotten. – L.: J. C. Hotten, 2010. 305 p.
8. Sedlaczek R. Das Lexikon der Jugendsprache / R. Sedlaczek. – Wien: echo Media, 2006. 190 S.

УДК 81.246.2

БИЛИНГВИЗМ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

А. К. Алимова,

обучающаяся магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Исаев Э. Ш., к. филол. н., доцент

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема исследования билингвизма. Проанализированы характерные особенности билингвизма как явления. Цель работы заключается в раскрытии понятия билингвизм, анализе существующих подходов к его классификации и рассмотрении раннего и позднего билингвизма, а также определении места билингвизма в современной системе высшего образования. В ходе анализа были использованы описательный, сравнительный и

структурный методы. Основными результатами исследования были определения концепции «билингвизм» и описание обобщенной классификации типов билингвизма с учетом его важнейших аспектов. Результаты работы расширяют знания о билингвизме и вносят определенный вклад в оптимизацию терминологического аппарата теории билингвизма.

Ключевые слова: билингвизм, двуязычие, ранний билингвизм, поздний билингвизм, билингв.

Summary. This article deals with the problem of the research of bilingualism. The characteristic features of bilingualism as a phenomenon were analyzed. The article aims at revealing the concept of bilingualism, analyzes the existing approaches to its classification and consideration of early and late bilingualism, as well as determine the place of bilingualism in the modern system of higher education. During the analysis, the descriptive, comparative and structural methods were used. The key findings of the study were to give the definition of the concept of «bilingualism» and a description of the generalized classification of types of bilingualism, taking into account its most important aspects. The results of the work expand knowledge about bilingualism and make the contribution to the optimization of the terminological apparatus of the theory of bilingualism.

Key words: bilingualism, early bilingualism, late bilingualism, bilingual.

Язык является источником передачи информации и наиболее важным инструментом коммуникации, который соединяет вербальные и невербальные элементы. Язык имеет достаточно важное значение для развития личности, государства и всего человечества в целом. Таким образом, сам язык также является социальным и культурным элементом. Из лингвистической практики младограмматиков можно заключить, что язык есть законченное целое, подверженное внешним воздействиям, но при этом фонетическая и морфологическая основы языка оставались чуждыми по отношению к внешним влияниям. С позицией младограмматиков по этому вопросу совпала в дальнейшем и позиция структуралистов, рассматривавших фонетический и морфологический уровни языка как закрытые системы [7].

Иностранный язык является не только объектом изучения, но и средством для получения знаний. Интеграционные процессы в социально-экономической и политической сферах жизни современного общества создали благоприятные условия для изучения иностранных языков и наполнили процесс обучения новым содержанием. Именно поэтому основной задачей университетов и институтов является подготовка студентов к взаимодействию с многоязычным и мультикультурным миром. Таким образом, студенты должны овладеть иностранными языками, потому что их будущая профессиональная карьера обязательно будет зависеть от их знаний. Отсюда следует, что проблема билингвизма и многоязычия становится все более актуальной в современной системе образования.

Впервые понятие «билингвизм» было введено в 1938 году В. А. Аврориным, который определяет его как «одинаково свободное владение двумя языками. Иначе говоря, двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого» [1, с. 51].

Проблема билингвизма на протяжении многих лет изучалась многими учеными по всему миру. Билингвизм, который также иногда называется двуязычием, представляет собой исключительный интерес не только с точки зрения лингвистики, но и психологии, этнопсихологии, социологии и методологии. Двуязычие – это хорошее владение двумя иностранными языками одновременно [1, с. 7].

Американский лингвист и один из основателей социолингвистики Уриэль Вайнрайх утверждает, что двуязычие – это знание двух языков и поочередное их использование в зависимости от условий речевого общения [3, с. 22]. В сво-

ей книге «Языковые контакты» У. Вайнрайх пишет: «Практику попеременного пользования двумя языками мы будем называть двуязычием, а лиц, ее осуществляющих, – двуязычными» [4, с. 22].

Уровень владения языками здесь не упомянут. Имеется в виду лишь то, что практика попеременного использования языков предполагает возможность их использования для общения. С точки зрения психолингвистов, билингвизм – это способность использовать две языковые системы для общения [9, с. 19].

Многосторонность двуязычия сформировала достаточно большое количество теорий и подходов к определению данного феномена. Большинство ученых допускают возможность достаточно широкой интерпретации понятия билингвизма. Как правило, допускается, что двуязычие имеет место всякий раз, когда человек переключается с одного языкового кода на другой в конкретных условиях речевого общения, независимо от того, идет ли речь о переходе от одного национального языка к другому, от национального языка к диалекту или же языку межплеменного (межнационального, международного) общения и т. п. [8, с. 10].

Терминологическая неупорядоченность в описании двуязычия иногда приводит к противоречиям при интерпретации одних и тех же понятий. Классификация типов двуязычия до сих пор остается одним из спорных вопросов в теории билингвизма. Это связано с различиями в подходах к изучаемому феномену, а также с выявлением его новых сторон. Очевидна необходимость разработки четкой концепции «билингвизма» и создание обобщенной классификация типов билингвизма с учетом его важнейших аспектов.

Разные классификации тесно связаны с различными взглядами на природу двуязычия. Л. В. Щерба выделял два типа билингвизма: чистый и смешанный. Чистый билингвизм – это говорение на одном языке в конкретной среде, например, в семье, и говорение на другом языке на публике. Смешанный билингвизм – это постоянное переключение с одного языка на другой. В этом случае люди даже не осознают, на каком языке они сейчас говорят.

Е. М. Верещагин предложил выделить три уровня двуязычия: рецептивный, репродуктивный и продуктивный [5, с. 134]. Если иметь в виду студентов, то рецептивный билингвизм – это когда студент может осмыслить содержание текста только на иностранном языке; репродуктивный билингвизм – это когда студент может не только осмыслить, но и воспроизвести услышанную или прочитанную информацию; а продуктивный билингвизм – это когда студент может не только прочесть, понять и воспроизвести услышанную или прочитанную информацию, но также способен и производить ее сам.

По статистике около половины всего населения в мире составляют люди, говорящие на двух языках. К ним относятся мигранты и их родственники, дети от смешанных браков, граждане стран, где два языка являются официальными и др. Двуязычие – это возможность использовать две языковые системы без путаницы в грамматике, фонетике и словарном запасе при переходе с одного языка на другой [6, с. 176]

Вследствие активных миграционных процессов билингвы могут появиться в любой точке мира. Существует очень много типов билингвизма, но при рассмотрении билингвизма с точки зрения возрастной периодизации принято выделять два типа: ранний и поздний билингвизм. Ранний билингвизм проявляется, когда ребенок с рождения учится говорить и понимать на двух языках одновременно. Поздний билингвизм же отличается тем, что человек уже знает один, зачастую это родной язык, и в позднем возрасте начинает изучать второй язык в силу каких-либо обстоятельств оказавшись в другом окружении, где доминирующим языком является язык, отличный от его родного языка. Зачастую это происходит вследствие переезда за границу или же заключения межнациональных браков.

Билингвы преобладают в латиноамериканском сообществе в США, где люди говорят как на испанском, так и на английском языках; в Канаде – с двумя официальными языками: французским и английским; в Африке, где на некоторых территориях люди говорят как на французском, так и на родном языке или на английском и на родном языке.

Во многих странах Европы люди склонны к билингвизму. Многие газеты и журналы издаются на английском языке и большинство голливудских фильмов не дублируются на их родном языке, так что у них нет выбора, кроме как учить английский язык.

Свободное владение вторым языком требует навыков понимания на слух, говорения, чтения и письма, хотя на практике некоторые из этих навыков часто значительно менее развиты, чем другие. Немногие билингвы одинаково хорошо владеют обоими языками. Тем не менее, даже когда один язык доминирует, производительность на другом языке может быть выше в определенных ситуациях. Носителей двух языков иногда еще называют равноязычными, если они владеют обоими языками одинаково. Некоторые билингвы – это люди, воспитанные родителями, каждый из которых говорит на своем языке или на языке, отличном от того, который используется в школе. В некоторых странах, особенно в странах с двумя или более официальными языками, школы поощряют билингвизм, требуя интенсивного изучения второго языка. Билингвы иногда демонстрируют переключение кода или переключение с одного языка на другой в середине разговора или даже в одном и том же предложении. Такой феномен может быть вызван использованием слова, которое является сходным в обоих языках.

Подводя итог, рассмотрев все вышеизложенные факты, мы можем сделать вывод, что билингвизмом является овладением двумя или более языковыми системами на таком уровне, который можно считать достаточным для точного формулирования своей мысли и идеи в какой-либо определенной ситуации и эти оба языка достаточно часто реализуются в коммуникации. Данное определение считается либеральным, но в то же время оно не перечит тем взглядам, которые приводили здесь ученые. Феномен билингвизма становится центром внимания ученых со всего мира. Но несмотря на то, что многие ученые занимаются исследованием этого явления, оно еще не до конца исследовано, но все же динамично формируется в соответствии со стремительным развитием в условиях глобализации.

Список использованных источников

1. Аврорин В. А. Двужычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. 62 с.
2. Алексеев М. П. Многоязычие и литературное творчество. Л.: Наука, 1981. 337 с.
3. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие; [Зарубежная лингвистика: Пер. с англ. / ред.-сост.: В. Д. Мазо]. – М.: Прогресс, Т.3: «Новое в лингвистике». «Новое в зарубежной лингвистике», 1999. 42 с.
4. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования; [пер. с англ. и коммент.: Ю. А. Жлуктенко; Вступ. статья В. Н. Ярцевой. - Киев: Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те], 1979. 263 с.
5. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). Москва: Директ-Медиа, 2014. 162 с.
6. Демидова И. В. Билингвизм в современном обществе // Актуальные вопросы иберо-романского языкознания. Материалы российской конференции с международным участием. Научный редактор Плеухова Е.А.; Составители: Колабинова Т.И., Газизова Л.Г. Казань: Казанский федеральный университет, 2015. 183 с.
7. Петренко А. Д., Поповская А. Я. Языковой контакт и проблема языковых изменений // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вер-

надского. Симферополь, 2015. – Том 1 (67), № 2. С. 143-150.

8. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 80 с.

9. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность, Сборник работ / Ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич; АН СССР. Отд-ние литературы и языка. Комис. по истории филол. наук. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 427 с.

УДК 372.881.1

ТЕАТРАЛЬНАЯ ИГРА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Э. Н. Асанова,

*обучающаяся 2 курса магистратуры, кафедра теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии (СИ),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Данная статья посвящена театральной игре и её применению в обучении иностранным языкам. В ней обоснована целесообразность внедрения данного метода в изучение иностранных языков. Цель данной работы – исследовать такой предмет как театральная игра и его применение в современном образовательном процессе. Для этого были поставлены следующие задачи: изучить современный подход к преподаванию иностранных языков, исследовать научную литературу по данной теме, рассмотреть применение театральной игры в процессе обучения на практике. В связи с этим в статье приведены примеры эффективных упражнений и заданий, которые предлагает рассматриваемая методика. Был использован метод анализа, а также методы наблюдения и эксперимента.

Ключевые слова: методика преподавания, театр, театральная игра, иностранный язык, образование.

Summary. This article is devoted to the theatrical play and its application in teaching foreign languages. It substantiates the feasibility of introducing this method into the study of foreign languages. The purpose of this work is to research such a subject as a theatrical play and its application in the modern educational process. For this, the following tasks were set: to study the modern approach to teaching foreign languages, to research the scientific literature on this topic, to consider the use of theatrical play in the learning process in practice. In this regard, the article gives examples of effective exercises and tasks that the methodology offers. The analysis method was used, as well as the methods of observation and experiment.

Key words: teaching methodology, theatre, theatrical game, foreign language, education.

Драма в обучении иностранному языку – это творческая деятельность. Как и любая творческая деятельность, это также средство, с помощью которого человек может выражать свой внутренний мир, свои идеи, свой взгляд на события. Имея возможность их выражения, он учится давать им оценку. Благодаря этой функции жизнь и окружающая среда становятся более понятными и ясными. Благодаря этим впечатлениям человек может лучше понять себя и свои чувства, преодолеть страх, лень или языковой барьер. Благодаря творческому выражению стимулируется воображение, и мир становится более реальным [6, с. 22].

Групповая игра на занятии по иностранному языку и её участники представляют собой небольшую социальную группу в действии. Благодаря демократичной организационной структуре и правилам, которые соблюдают все участники действия, создаётся атмосфера солидарности, дружбы, дружеского общения и

социальной активности. У учащегося есть возможность получить ценный опыт, развить свои языковые и социальные навыки. По мнению специалистов, игра позволяет человеку удовлетворить свои биологические потребности в движении и деятельности. Игра в команде делает лучше и его, и его времяпровождение [4, с. 17].

Каждое событие нашей жизни, каждую эмоцию, каждую фантазию мы можем сделать театром. Учащиеся играют, чтобы показать это другим людям, и играют, чтобы общаться с другими людьми. С того момента, когда учащийся с удовольствием выражает себя движениями и словами, начинается театральная игра.

В игре нет заранее определенных действий, как в театре. В игре можно проявить себя творчески, рассказать свои мысли, придумать историю, а также обсудить проблематику по теме занятия, дать свои варианты видения. Театральная игра в таком ключе даёт неисчерпаемый материал для неподдельной, «живой» коммуникации, которая, в свою очередь, максимально активизирует языковые ресурсы учащихся. У театральной игры нет ограничений, и в этом заключается существенная разница между ней и академическим театром. В театре режиссер распределяет роли между актерами в спектакле. В игре же на месте режиссера находится преподаватель и участники учебной группы. Театр устраивает представления в специально отведенных местах, а театральная игра может происходить где угодно. Театральную игру не репетируют. Роли формируются в процессе игры. Учащийся может быть самим собой или кем-то другим.

Театральная игра – захватывающая работа. Однако, существуют некоторые нюансы, которые необходимо учитывать и применять для достижения положительных результатов.

Прежде всего, преподаватель должен верить в ту деятельность, которую он осуществляет вместе с учащимися. Он передает ученикам свой оптимизм, свой энтузиазм и свой опыт. Учащиеся, особенно дети, не станут сразу же настроенными, отзывчивыми и смелыми. Терпение и настойчивость – вот чем должен запастись преподаватель. В игре все участники должны верить, что они проделывают очень серьезную работу; преподаватель должен быть максимально воодушевленным, потому что часто люди, и особенно дети, сопротивляются, когда им что-либо навязывают. Не нужно ожидать мгновенных результатов, они будут появляться постепенно [4, с. 20].

Начиная игру, преподаватель не должен забывать о потенциале учащихся, об их уровне владения языком, об их возрасте, опыте и особенностях.

Следующая важная вещь состоит в том, чтобы усилить ученический интерес к любой теме занятия, которая предложена или формируется в театральной постановке. Это работа, которая производится перед занятием. Не следует забывать о том, что нужно принимать во внимание мнение учащихся, оно очень ценно, вне зависимости от возраста учебной группы. Ученики будут внимательно слушать учителя, если учитель внимательно слушает их. Также нужно стараться не повышать голос—это накаляет атмосферу. Низкий тон голоса является наиболее эффективным. Можно сказать несколько громких слов, чтобы привлечь внимание учащихся, но затем постепенно понизить свой голос, пока он не станет спокойным и приятным. Тогда преподавателю нужно будет повышать голос лишь в редких случаях, когда учащиеся привыкнут к низкому тону его голоса.

Независимо от того, сколько вымышленного используется в театральной игре, она не теряет связь с реальностью, поэтому преподаватель должен выбрать ситуации, которые являются правдивыми для учащихся, ситуации, которые они могли наблюдать или сталкиваться с таковыми. По мнению Катерины Вутсина, 10-12 детей – оптимальное количество участников учебной группы. С большим

количеством людей добиться желаемого успеха не представляется возможным [4, с. 21].

Театральный процесс требует полного участия нашего тела, чувств и мышления. В результате это даёт самосознание и самореализацию, которые являются важной частью развития и формирования личности [6, с. 17]. Чтобы избежать неразберихи и шума во время игры, необходимо начать с нескольких упражнений на расслабление.

Первое, что нужно сделать – образовать круг. То есть, преподавателю и всем учащимся сесть или встать в круг. Ученикам важно понимать, что им не нужно сидеть друг за другом, потому что таким образом блокируются каналы связи между ними. Такая блокировка имеет место быть на уроках по другим предметам, где каждый ученик должен самостоятельно обрабатывать информацию, но не на уроках иностранного языка, где одним из важнейших элементов является коммуникация.

Сформировать пространство необходимо в каждой игре, это подготовит детей психологически. Нельзя играть за партами или стоя друг за другом. Преподаватель начинает с того, что помогает детям привыкнуть к группе, создавая атмосферу общения и доверия. Один из способов начать занятие – это поиграть с именами. Даже если люди в группе знают друг друга. Теперь это другая группа, театральная группа.

По очереди, начиная с преподавателя, все друг за другом произносят свои имена. Когда все имена произнесены, действие повторяется. Таким образом, учащиеся должны произнести свои имена ещё три раза: громко – тихо – шёпотом. Данное (как и любое другое) упражнение может иметь бесчисленное количество модификаций: с мячом, с невидимым предметом, с заданной эмоцией, с заданным действием, с обменом мыслями, с ассоциациями и т. п.

Следующий пример игры для взрослых учеников приводит Катерина Вутси-на в своей книге «Театральная игра», где нужно поделиться историей, связанной с именем, не называя его:

«Ταξιδεύοντας κάποτε από τη Θεσσαλονίκη στην Αθήνα το τρένο σταματήσε για λίγο σε μια πόλη που μου ήταν γνωστή από ένα τραγούδι [...]. Καθώς κοιτούσα από το παράθυρο του τρένου είδα γραμμένο στο σταθμό τό όνομα της πόλης• δεν ξέρω γιατί, αλλά αμέσως η σκέψη μου πήγε στην μεγάλη τσαρίνα της Ρωσίας, που 'χε αυτό το όνομα. Φαντάζομαι να βρήκατε τό όνομά μου. Από την πόλη που 'χει τό όνομα Κατερίνη, από τη μεγάλη Αικατερίνη της Ρωσίας. Το όνομά μου είναι ΚΑΤΕΡΙΝΑ.»

«Как-то раз, когда я ехала из Салоник в Афины, поезд ненадолго остановился в одном городе, который был мне известен из одной песни [...]. Как только я выглянула из окна поезда, я увидела название города, написанное на станции; не знаю, почему, но мои мысли тут же направились к великой российской царице, которая носила это имя. Думаю, вы догадались, какое у меня имя. По городу, который называется Катерина, по Великой Екатерине российской. Моё имя - Катерина.» [4, с. 31]

Далее могут последовать различные упражнения на фантазию. Например:

1. Преподаватель достаёт какой-либо предмет и даёт его одному из учащихся. Тот, в свою очередь, должен придумать и показать (без слов) определённую личность, которой мог бы понадобиться этот предмет. Задача остальных членов группы – угадать, кто этот человек. Предмет передаётся по очереди каждому ученику. В конце упражнения можно попросить учебную группу догадаться, какова тема занятия, если этот предмет с ней связан.

2. У преподавателя в руках имеется коробка с различными предметами. С этой коробкой он подходит к учащимся и просит их взять один предмет. Далее

каждому учащемуся нужно придумать себе образ, реальный или вымышленный, и рассказать, кто он такой и зачем ему нужна вещь, которую он держит в руках.

3. Используется всё та же коробка с разнообразными предметами. Каждому ученику предлагается выбрать из неё 1-2 предмета и разыграть с ним(-и) небольшую сценку. Аплодисменты после каждого выступления обязательны.

Выбор предметов для игр рекомендуется варьировать в зависимости от темы занятия.

С помощью игр, где ученики используют органы восприятия – смотрят, слушают, пробуют на вкус, прикасаются, обоняют – можно привлечь их внимание.

Следующая игра поможет это осуществить. В ней учащиеся должны играть, не используя зрение, чтобы распознать предметы. В сумке или коробке лежит как можно больше предметов с различным весом, формой, текстурой, из разных материалов (камень, шерсть, кожа, ткань, бумага, стекло, дерево, металл и всё, что можно придумать). Одному ученику надевают маску, прикрывающую глаза, а человеку, сидящему перед ним, в руки даётся та самая сумка с вещами. Он выбирает предмет, показывает его всей группе и передаёт ученику с закрытыми глазами. Задача состоит не только в том, чтобы назвать предмет, но описать его и рассказать, какие чувства и ассоциации он вызывает. Когда отведённое для одной вещи время истекает, учащийся снимает маску, передаёт её следующему игроку, а сам берёт в руки сумку.

Театральная игра в преподавании – это не просто развлечение, это неотъемлемая часть педагогической практики и средство вовлечения ребенка, раскрытие его воображения, влияние на его психомоторное выражение, его знакомство с театральным действием и с театром как с искусством – сложным, образовательным и социальным [3, с. 24].

Метод театральной игры в обучении иностранному языку показывает себя очень эффективным на практике. Учащиеся часто выражают интерес, вовлекаются в учебный процесс и проявляют инициативу, а самое главное, значительно повышают уровень коммуникативных навыков.

Список использованных источников

1. Современные теории и методики обучения иностранным языкам. Сборник. Экзамен, 2004. 320 с.
2. Αυδή Άβρα, Μελίνα Χατζηγεωργίου Η τέχνη του δράματος στην εκπαίδευση. Αθήνα: ΜΕΤΑΙΧΜΙΟ, 2007. 400σ.
3. Beauchamp Helene Τα Παιδιά Και Το Δραματικό Παιχνίδι: Εξοικείωση Με Το Θεατρο. Αθήνα: ΤΥΠΩΘΗΤΩ/ΔΑΡΔΑΝΟΣ, 1998. 240σ.
4. Βουτσινά Κατερίνα Το θεατρικό παιχνίδι: θέματα ασκήσεις παιχνίδια. Αθήνα: Δίπτυχο, 1991. 74σ.
5. Κοντογιάννη Αλκηστίς Η Δραματοποίηση Για Παιδιά: Για Γονείς – Νηπιαγωγούς – Δασκάλους. Αθήνα: Αλκηστίς, 1999. 104σ.
6. Σέρρη Λενίας Δραματική Έκφραση Και Αγωγή Του Παιδιού. Αθήνα: GUTENBERG, 1991. 96σ.

УДК 811.111:81'42=111

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ КАК ВИД ЭЛЕКТРОННОЙ КОММУНИКАЦИИ: СТРУКТУРНЫЙ И ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОДЫ

Ю. М. Бурда,

*обучающаяся 1 курса магистратуры, кафедра теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья отражает результаты исследования структурных особенностей англоязычных книжных рецензий в дискурсивном аспекте. Достижению цели способствует применение описательного метода, дискурс-анализа и метода прагматической интерпретации. Рецензия на книгу рассматривается как жанр электронной коммуникации. Автор устанавливает, что структура отзыва является фиксированной, отражающей данные об авторе, краткий пересказ сюжета, собственное и мнения известных личностей о рецензируемой книге. Иллюстрации считаются способом погружения в сюжетное пространство. Коммуникативные стратегии и тактики реализуются лексическими, морфологическими, синтаксическими и риторическими приемами. Рецензии можно классифицировать по экстралингвистическим признакам, в частности, гендерному. Жанр формирует целостное представление о предмете и способствует его продвижению.

Ключевые слова: рецензия на книгу, коммуникация, жанр электронной коммуникации, дискурс, структурный подход.

Summary. The article reveals structural peculiarities of English book reviews in terms of discourse analysis. Other employed methods include the descriptive one and the technique of pragmatic interpretation. A book review is viewed as a genre of electronic communication. The author states that the structure of the review is strictly determined and involves data about the writer, short summary of the story, personal opinion and some credible references about the book. Illustrations are presented as a way to plunge into the plot. Communicative strategies and tactics are realized by lexical, morphological, syntactic and rhetoric means.

Key words: book review, communication, genre of electronic communication, discourse, structural approach.

Электронное речевое общение возникло в тот период развития социальных коммуникаций, когда информация, возникающая в устной (физиологической) и письменной (виртуальной) формах, начала переводится в электронную. Исследователи определяют его как перспективное направление и считают, что данный вид коммуникации находится в состоянии развития.

Актуальность изучения электронной коммуникации обусловлена различными факторами, в частности, ее активным становлением (формированием) и непостоянством. Так, отмечается появление новых особенных жанров (например, флейм, флуд, виртуальная ролевая игра и др.), отсутствие строгой структуры и границ, расширение возможностей накопления и обработки информации.

А. Н. Гайфуллина утверждает, что термин «электронная коммуникация», или «электронный дискурс», характеризует особенности речевой деятельности и функционирования языка в электронной среде; это «любая коммуникация, опосредованная электронным каналом передачи информации» [1, с. 7].

Материалом для данного исследования послужили тексты, которые относятся к рецензиям на книги, отобранные методом сплошной выборки с Интернет сайта www.amazon.com за 2019 год.

Цель работы заключается в характеристике структурной и дискурсивной специфики рецензий на книги как жанра электронной коммуникации.

Для решения поставленной цели применялись следующие приемы исследования: метод сплошной выборки (отбор текстов рецензий на книги); описательный метод; анализ дискурса и метод прагматической интерпретации текста (для изучения структурных, коммуникативных и лингвистических особенностей конкретного жанра электронной коммуникации).

Структура рецензии на книгу представляет собой четкую, фиксированную последовательность описания элементов произведения:

- 1) данные об авторе (настоящее имя и/ или псевдоним; годы жизни; годы творчества; ключевые, наиболее известные работы);
- 2) краткий сюжет книги (описание главных героев и основных сюжетных линий);
- 3) цитаты, которые характеризуют проблематику книги и идеи автора;
- 4) собственное мнение рецензента о книге.

Рецензия адресована посетителям сайта и читателям, которые хотят ознакомиться с произведением до того, как его прочтут. Кроме того, адресаты могут ознакомиться с мнением других людей о работе уже после прочтения. Рецензии на книгу носят ознакомительный повествовательный характер, раскрывающий взгляд адресанта или заказчика отзыва (к примеру, если это отклик издателя).

Настоящее исследование установило, что в структурном аспекте рецензии можно разделить по гендерному признаку, а именно на те, которые написаны мужчинами (т.н. мужские), и те, авторы которых – женщины (т.н. женские). Очевидно, что данный фактор оказывает влияние на степень экспрессивности текста отзыва. Так, известно, что по-своему психотипу женщины являются более эмоциональными и чувствительными к различным явлениям и окружающим факторам, чем мужчины. Следовательно, можно предположить, что женские рецензии являются более эмоционально окрашенными.

В ходе анализа было выявлено незначительное количество комментариев касательно использования иллюстраций в книгах. Последние отмечаются как своеобразный способ отвлечения, а также полного погружения в художественный текст, вероятно, для того, чтобы прочувствовать атмосферу и настроение, которое автор хотел передать.

В ходе проведенного анализа можно отметить, что рецензенты толерантны и не используют грубые выражения, оскорбления и проявления личной неприязни при написании отзыва в отношении автора, даже если их отзыв имеет отрицательный характер.

Коммуникативные стратегии реализуются лексическими (экспрессивно окрашенными глаголами), морфологическими (инфинитивными конструкциями, степенями сравнения имен прилагательных, настоящим и будущим неопределенным временами глаголов вместе с наречиями частоты, сравнительными конструкциями), синтаксическими (восклицательными и побудительными предложениями, обособлением и перечислением) и риторическими (противопоставлением, сравнением, эпитетом, перифразом и преувеличением) приемами [3; 4]. Например, эпитеты и перечисления являются постоянным приемом в рецензиях на книги: «*This is one of the most moving, caring, emotional novels I have ever read*».

В следующем предложении адресант высказывается о становлении женского персонажа как личности к концу произведения, о ее модификации с помощью сравнительной степени имени прилагательного, инфинитивного оборота, интенсифицирующего наречия: «*She becomes more independent, learns to care less about appearances and opinions, and discovers what is truly important for her*».

Посредством приема перечисления делается акцент на насыщенности сюжета и смене сюжетных линий, эмоций и событий, происходящих с персонажем: «*As I haven't read any of her previous novels, I cannot make comparisons, but I had a great time reading this novel, which combines an easy and fluid writing style (with some wonderful descriptions of the Kentucky mountains), strong and compelling characters, especially the librarians, with a plot full of adventures, sad and joyful events, romance, and even a possible murder. This is a tale of sisterhood, of women fighting against all odds (society's prejudices, difficult conditions, nature, illness, domestic violence, evil...), of the power of books, and of a time and a place that are far from us and yet familiar (unfortunately, some things haven't changed that*

much)». Прием градации, использованный в последнем предложении, передает интригу и нарастающее напряжение.

Таким образом, рецензия на книгу является способом электронной коммуникации и передает информацию в одностороннем порядке (не предполагающим прямой обратный отклик реципиента) и носит ознакомительный характер. Использование разнообразных риторических приемов способствует точности выражения мыслей, мнения и эмоций рецензента, что позволит адресату получить полное представление о рецензируемом труде, а не только «сухой» текст, наполненный статистическими и анкетными сведениями. Такой подход, безусловно, способствует продвижению и продаже книжной продукции.

Список использованных источников

1. Гайфуллина А. Н. Гендерные особенности вербализации концепта «мужчина» в интернет-дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. 24 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
3. Рыжикова М. Д. Лингвокультурные особенности похвальной рецензии на книгу как жанра лаудативного дискурса (на материале английского языка) / М. Д. Рыжикова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сборник научных трудов. Вып. 31. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. 305 с. С. 295-302.
4. Рыжикова М. Д. Языковые средства выражения лаудации в англоязычных рецензиях на книги [Электронный ресурс] / М. Д. Рыжикова // Тезисы 44 Международной филологической научной конференции, Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, 10-15 марта 2015 г. Санкт-Петербург, 2015. С. 256-258. Режим доступа: http://conference-spbu.ru/files/local/CMS_File/h0000/1710/1710.pdf?1425733117 (дата обращения 15.03.2015 г.).

УДК 811.11-112

АКТУАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ

А. И. Выдря,

*обучающаяся 1 курса магистратуры, Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Исаев Э. Ш., к. филол. н., доцент

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности языковых средств, представленных в немецкоязычной рекламе. Автор описывает особенности рекламного дискурса, проводит анализ лингвистических средств, используемых для создания речевых портретов современных женщин и мужчин, определяет гендерные характеристики проанализированных рекламных текстов. Особое внимание уделено вопросам формирования коммуникативной компетенции под влиянием гендерного фактора.

Ключевые слова: рекламный дискурс, пол, гендер, реклама для женщин, реклама для мужчин.

Summary. This article discusses the features of linguistic means presented in German advertisement. The author describes the features of advertising discourse, analyzes the linguistic tools used to create speech portraits of modern women and men,

and determines the gender characteristics of the analyzed advertising texts. Particular attention is paid to the formation of communicative competence influenced by gender.

Key words: advertising discourse, sex, gender, advertisement for women, advertisement for men.

Актуальность работы обусловлена повышением интереса к различным коммуникативным стратегиям, которые презентуют гендерно-маркированные категории «маскулинности» и «фемининности».

Цель данного этапа работы заключается в рассмотрении коммуникативных и языковых особенностей немецкого рекламного текста гендерно-ориентированного характера.

К задачам относится описание различий между понятиями «пол» и «гендер», а также исследование процессов формирования женских и мужских образов в немецкоязычной рекламе при помощи методов сплошной выборки и контекстуального анализа. Материалом для данного исследования послужили немецкие рекламные тексты, находящиеся в свободном доступе в сети Интернет.

Исследование проводилось на материале рекламных текстов в визуальном и письменном исполнении в объеме 100 единиц за 2017 – 2019 годы. Источником для исследуемого материала послужили такие сайты сети Интернет, как google.de, youtube.com, twitter.com, pinterest.de, также электронные версии журналов «Spiegel», «Men's Health», «Jetzt».

В современном мировом сообществе реклама все чаще становится объектом разнообразных исследований. Ученые различных областей продолжают обращать внимание на развитие рекламной индустрии и объясняют это тем, что она обладает возможностью влиять на жизнь человека.

Реклама стремится отразить действительность, создавая при этом искаженное восприятие мира, она «активно воздействует на социальные институты и оказывает значительное влияние на социальное поведение живущих в обществе людей» [1, с. 172]. Так, согласно Н. Н. Трошиной, можно утверждать, что, с одной стороны, реклама прочно вошла в повседневную жизнь человека, а, с другой стороны, стала средством сильнейшего воздействия на общественное и индивидуальное сознание [6, с. 7]. Данный феномен можно объяснить формированием символических взаимоотношений между повседневным миром и миром товаров и услуг.

Рекламный дискурс – особый тип дискурса, его целью является достижение коммуникативного успеха, а также осуществление влияния на сознание потребителя и навязывание позитивного образа предлагаемого продукта или услуги [2, с. 121]. Как известно, рекламный дискурс рассматривается в различных аспектах гуманитарного знания, например, в социологическом, экономическом, психологическом, с точки зрения лингвистики и т.д. В центре каждого исследования находятся определенные особенности. Так, во время лингвистического анализа рекламного дискурса на первый план выходят языковые особенности [4, с. 114]. Стоит отметить, что хотя рекламный дискурс интенсивно изучался на протяжении нескольких последних десятилетий, в современной отечественной лингвистике существуют некоторые области, неизученные в полной мере и вызывающие на сегодняшний день научный интерес. В настоящем исследовании мы рассмотрим один из таких аспектов: гендерный аспект рекламного дискурса.

Реклама, являясь неотъемлемой частью массовой культуры, оказывает значительное влияние на средства массовой коммуникации. Таким образом, рекламный дискурс не только воздействует на языковое создание мужчин и женщин, но и участвует в его формировании. Опираясь на рекламный текст с учетом гендерного аспекта, специалисты по рекламе опираются на определенные принципы передачи, восприятия и интерпретации информации.

Последние десятилетия XX века ознаменованы сменой научной парадигмы в гуманитарных науках, а также развитием постмодернистской философии. Это способствовало становлению и формированию гендерных исследований в науке. На современном этапе наблюдаются различные подходы в методологии к изучению гендера, что связано с разнообразием понимания его сущности. Современная социальная наука различает понятия «пол» (sex) и «гендер» (gender). Определение «пол», то есть биологические особенности, традиционно используется «для обозначения анатомо-физиологических особенностей людей, на основе которых человеческие существа определяются как мужчины или женщины» [1, с. 183]. Понятие «гендер» было впервые использовано Джон Мани в 1955 году для объяснения кросскультурной вариативности и обозначает следующее: «совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола» [8]. Гендер указывает на социально-психологический статус человека с точки зрения маскулинности или фемининности. Таким образом, именно социокультурные нормы определяют психологические качества личности, а также виды деятельности или профессий, присущие женщине или мужчине и, соответственно, их модель речевого поведения. Как отмечают А. Д. Петренко, Э. Ш. Исаев и Д. А. Петренко, «понимание того, что фактор пола необходимо рассматривать не только с биологической, но и с социальной точки зрения, привело к появлению научных исследований, результаты которых будут играть заметную роль в общественной дискуссии касательно проблем равноправия мужчин и женщин» [5, с. 65-66].

Основопологающим фактором, который влияет на выбор языковых единиц, а также на способ презентации информации является гендер. Формирование коммуникативной компетенции, которая приобретает в процессе социализации, происходит под влиянием гендерного фактора. Несмотря на то, что его сложно выделить в какой-либо отдельный структурный уровень, не учитывать его недопустимо.

Анализируя текст рекламного сообщения с точки зрения гендерного аспекта, важно обращать внимание на лингвистические и экстралингвистические факторы. Они являются важной составляющей рекламного дискурса и обуславливают различия между рекламой для мужчин и для женщин на тематическом уровне. Одним из первых на особенности представления мужчин и женщин в рекламе обратил внимание американский социолог Ирвинг Гофман в 1976 году. Ученый ввел понятие «гендерный дисплей», которое отражает различные проявления принадлежности к определенному гендеру, проявляющиеся в межличностной коммуникации и социальном взаимодействии [9, с. 60]. Американский социолог впервые указал на то, что реклама создает идеальные образы мужчин и женщин [9, с. 60]. На примере визуальной рекламы ученый показывает, как гендерные представления отражаются в рекламных сообщениях, которые имитируют сцены из повседневной жизни человека. Специалисты по рекламе выбирают признанные положительные социальные типы, на основе которых адресат видит, как себя ведет человек и, что он говорит.

Для достижения поставленной цели рекламодатели уделяют большое внимание коммуникативным стратегиям при создании мужских и женских образов в гендерной рекламе. Далее мы приведем примеры речевых портретов современных женщин и мужчин в немецком языке, определяемые гендерными характеристиками, на основе проанализированных рекламных текстов.

Речевые портреты мужчин, которые представляет немецкая реклама, являются следующими:

Преимущественно в немецкой рекламе представляется образ сильного мужчины, который не показывает свои чувства:

- «Männer zeigen keine Gefühle. Sie schlucken sie runter». – «Мужчины не показывают чувства. Они их проглатывают».

- «Auch Männer haben Gefühle: Durst». – «У мужчин также есть чувства: жажда».

Следующий образ мужчины в рекламе – это образ уверенного молодого человека, который знает, что хочет:

- «Was Mann will». – «Что хочет мужчина».

- «Männer, die mehr wollen». – «Мужчины, которые хотят большего»,

Также необходимо выделить образ мужчины в качестве заботливого отца и мужа:

- «Kind haben, Kerl bleiben». – «Иметь детей, оставаться мужчиной».

- «Men's Health Dad – das Magazin für coole Väter». – «Men's Health Dad – журнал для классных отцов».

Речевые портреты современных женщин, которые мы выделили в немецкой рекламе, являются следующими:

В первую очередь стоит отметить в немецкой рекламе образ самодостаточной и уверенной женщины:

- «Selbstbewusst kann nur wahre Schönheit sein». – «Только истинная красота может быть уверенной».

- «Meine Freiheit, mein Alter, meine Schönheit, mein Stil». – «Моя свобода, мой возраст, моя красота, мой стиль».

В немецкой рекламе также часто можно встретить образ женщины, которая высказывается против насилия по отношению к девушкам в обществе:

- «Verliebt. Verlobt. Verbrannt. Gewalt gegen Frauen ist Alltag. Helfen Sie uns, das zu ändern». – «Влюблена. Помолвлена. Сожжена. Насилие в отношении женщин является частью повседневной жизни. Помогите нам изменить это».

- «Wir machen Frauen stark». – «Мы делаем женщин сильными».

Много немецкой рекламы, направленной на женское население, затрагивает тему семьи и быта:

- «Aus Liebe zur Wäsche». – «Из любви к стирке».

- «Liebe durch den Ofen». – «Любовь, передаваемая через выпечку».

На основе представленных примеров из немецкой рекламы можно сделать следующие выводы. Мужчина в рекламе все также имеет образ уверенного и сильного человека. Хотя за последние двадцать лет классические, традиционные атрибуты мужественности, такие как сила, выносливость, настойчивость и карьерные устремления имели тенденцию к снижению, тем не менее, они все еще являются основой рекламных сообщений, ориентированных на мужское население. Роль женщин сегодня существенно отличается от того, что было раньше. Еще несколько десятков лет назад женщина в рекламе представлялась в образе жены, матери и домохозяйки. Сейчас же женщина борется за свои права и меняет свою роль в социуме.

Реклама всегда была и остается зеркалом общества, а характеры, представленные в ней, являются образцами для подражания. Согласно статистическим данным, публикуемым в Германии, более 60 процентов женщин по-прежнему говорят, что они несут ответственность за приготовление пищи, и более 70 процентов – за домашнюю стирку [10]. Даже если равенство и декларируется в обществе, и все больше и больше мужчин также выступают за модель равной жизни, это еще не означает, что такую формулу можно считать общепринятой. Тем не менее, Мирко Дерпманн из управления Scholz & Friends утверждает: «So wie gerade in der Gesellschaft klassische Rollenverteilungen diskutiert werden, wird es auch Veränderungen in der Werbung geben» [11] (Так же, как в обществе обсуждается классическое разделение ролей, так же это будет привносить изменения и в рекламу). Отличие рекламы для женщин от рекламы для мужчин заключается

преимущественно в выборе лексических единиц, определяющих мир адресата и его гендерные характеристики.

Список использованных источников

1. Грошев И. В. Рекламные технологии гендера // *Общественные науки и современность*. М., 2000. № 4. С. 172-187.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 390 с.
3. Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования // *Отечественные записки*. М., 2005. № 2. С. 112-132.
4. Лузина Л. Г. Реклама: Аспекты и направления исследований // *Язык средств массовой информации: сб. обзоров*. М., 2007. С. 113-122.
5. Петренко О. Д., Исаев Е. Ш., Петренко Д. О. Мова чоловіків і жінок як одиниця соціолінгвістичного дослідження // *Мовознавство*. 1999. №1. С. 64-70.
6. Трошина Н. Н. О языке средств массовой информации: к постановке вопроса // *Язык средств массовой информации: сб. обзоров*. М., 2007. С. 5-13.
7. Goffman E. *Gender advertisements*. N. Y. – London, 1979. 84 P.
8. Goffman E. *Geschlecht und Werbung*. Frankfurt a. M., 1981. 91 S.
9. Money John and Patricia Tucker. *Sexual Signatures on Being a Man or a Woman*, 1975.
10. Andreas Bätzgen. *Das Männerbild in der Werbung wandelt sich*. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.swr.de/swr2/wissen/das-maennerbild-in-der-werbung-wandelt-sich,article-sw-17990.html> (дата обращения 15.01.2020).
11. Friederike König. *So hat sich das Frauenbild in der Werbung verändert*. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bild.de/lifestyle/2013/werbung/frauen-in-der-werbung-damals-heute-hausfrau-karriere-sexsymbol-31278670.bild.html> (дата обращения 15.01.2020).

УДК 821.111

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕНТРАЛЬНОГО ОБРАЗА ЖИВОТНОГО В РОМАНЕ Д. Г. ЛОУРЕНСА *THE KANGAROO*

А. Ю. Иваниченко,

*обучающаяся 4-го курса, Институт иностранной филологии (СП)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Научный руководитель: Полховская Е. В., к. филол. н., доцент

Аннотация. В данной статье рассматривается центральный образ-символ животного, а также его влияние на идейную составляющую политического романа Д.Г. Лоуренса *The Kangaroo*.

Ключевые слова: символ, Д.Г. Лоуренс, образ животного, «Кенгуру».

Summary. This article considers the central symbolic image of the animal presented in the political novel *The Kangaroo* by D.H. Lawrence. Moreover, there has been considered how this image affects the content and its ideological component.

Key words: symbol, D.H. Lawrence, animal image, *The Kangaroo*.

Художественные символы весьма важны для понимания основного смысла художественного текста, ведь символы по своей природе дают возможность сконцентрировать в образе широкий круг жизненных явлений, позволяют максимально «сгущать» и гиперболизировать изображаемое, тем самым, насыщая художественные тексты яркими красками и наполняя их более глубоким смыслом. Работы английского писателя Дэвида Герберта Лоуренса отличаются особым ко-

лоритом, поскольку многие его произведения до краёв наполнены разнообразными символическими образами, которые заставляют играть художественный текст автора совершенно новыми красками. Ярким примером таких работ является его политический роман *The Kangaroo* («Кенгуру») [1].

Основной **целью** данного исследования является определение роли художественного символа в творчестве Д.Г. Лоуренса, а также выявление особенностей его функционирования на базе проведенного анализа романа «Кенгуру». Актуальность исследования очевидна, поскольку верное определение роли и функции символа в художественном тексте способствует правильной интерпретации текста, а также определению основной идеи романа. Достижение поставленной цели предполагает решение нижеизложенных **задач**:

- 1) рассмотрение понятия «символ» и определение его роли в художественном тексте;
- 2) определение основных функций художественного символа в политическом романе Д.Г. Лоуренса *The Kangaroo*;
- 3) выявление и анализ центрального символического образа в романе.

Методика данного исследования базируется на комплексном подходе к художественному тексту, который включает стилистический и вербальный анализ, а также метод символической интерпретации. В качестве методологической базы исследования послужили работы учёных в сфере изучения творчества Дэвида Герберта Лоуренса.

Политический роман «Кенгуру» был написан Д.Г. Лоуренсом во время его странствий по миру в 1923 году в одном из мест Австралии. Д.Г. Лоуренс, разочарованный Англией и её обществом, которое не приняло в полной мере его творчество, решил покинуть свою родину и посетил страну, которая оставила в его памяти глубокий след, – Австралию.

Данный роман является, вероятнее всего, автобиографическим, поскольку судьбы главных героев произведения и Д.Г. Лоуренса и его жены перекликаются на определенных отрезках их жизни. Сам роман начинается в Австралии. Произведение написано от лица всезнающего нарратора, и только несколько глав – от первого лица, которым является Ричард Ловат Сомерс. Сомерс источает крайнюю усталость, граничащую с тоской. Он считает, что профессия писателя по своей природе статична. Эта карьера, как предрекает главный герой, предопределяет жизнь, полную бездействия, и обрекает человека на элитарное уединение. Чувствуется, что устами Сомерса говорит сам писатель.

Композиционной доминантой романа является его контрастное построение, которое состоит в чередовании эпизодов, отражающих тематику войны и мира, а также описывающих семейные, общечеловеческие и даже политические проблемы. Эти эпизоды, как правило, подкрепляются сопутствующими описаниями природы и быта Австралии. Автор в своём произведении анализирует всё усиливающуюся разобщенность людей, что в последствии приводит к конфликтам мирового масштаба (примером этому может служить Первая мировая война, которую автор не обошёл стороной в своём романе, – в одной из глав произведения, “The Nightmare”, он описывает ужасы войны, а также ретроспективно излагает то, что сам пережил в это время). «A sudden presence of murder in the air, because of something which the modern psyche had excluded, some old and vital thing which Christianity has cut out. An old spirit, waiting for vengeance. But in England, during the later years of the war, a true and deadly fear of the criminal LIVING spirit which arose in all the stay-at-home bullies who governed the country during those years. Then Somers had known what it was to live in a perpetual state of semi-fear: the fear of the criminal public and the criminal government. The torture was steadily applied, during those years after Asquith fell, to break the independent soul in any man who would not

hunt with the criminal mob. A man must identify himself with the criminal mob, sink his sense of truth, of justice, and of human honour, and bay like some horrible unclean hound, bay with a loud sound, from slavering, unclean jaws» [1, с. 76].

В словах, приведённых выше, можно легко заметить, что автор во многом отождествляет себя с главным героем. Сложно обозначить, где на самом деле мысли Ричарда Сомерса, а где – Д.Г. Лоуренса. Создаётся такое впечатление, словно это один и тот же человек.

Далее, по роману, Сомерс вовлечён в деятельность тайной политической организации под названием «The Diggers». Члены организации – в основном, вернувшиеся солдаты; и Джек Каллкотт знакомит главного героя с их лидером – Беном Кули. Сомерс скрывает от жены своё тесное общение с Джеком и Беном Кули, но своими импульсивными и иррациональными отговорками он выдаёт себя, и Харриет обо всём догадывается. Она прекрасно осведомлена о его неподдельном отворачивании к политике и, следовательно, чувствует, что интерес её мужа вскоре угаснет.

Тем не менее, не стоит забывать о названии данного романа – *The Kangaroo*. Д.Г. Лоуренс дал этому произведению такое название неспроста. Поэтому для более глубокого понимания романа, необходимо выяснить, что символизирует данное животное в культурном сознании австралийцев. По некоторым источникам, именно в Австралии впервые было засвидетельствовано упоминание слова «кенгуру». Согласно лингвистическим исследованиям, слово «кенгуру» (или «ганга-ру») берёт свои истоки из языка австралийского племени гуугу-йимитхирр. Данное племя обитало в районе Ботанического залива Тасманова моря, омывавшего восточный берег Австралии. Намного позже, в 1912 году, король Георг V издал указ, в котором говорилось о том, что на гербе Австралии должны быть изображены два животных, одним из которых являлся кенгуру (до этого, в 1908 году, король Эдуард VII даровал стране герб с изображением двух животных). Герб 1912 года сохранился в Австралии и по сей день.

Символ этого животного вполне прост и предсказуем, поскольку в основном опирается на физиологические особенности кенгуру. Дело в том, что есть общепринятое убеждение, что кенгуру не может свободно и легко передвигаться в обратном направлении, поэтому это животное очень редко двигается назад (тоже самое касается и второго животного на гербе – эму). Благодаря форме тела и длинному массивному хвосту кенгуру очень легко передвигаться вперёд на небольшие расстояния с помощью прыжков, но тяжело пятиться назад. В результате того, что они почти никогда не двигаются назад, австралийцы выбрали кенгуру одним из своих знаков-символов. Так, считается, что кенгуру символизирует достоинство австралийской нации, которая ни при каких условиях не отступает и движется только вперёд.

В романе Д.Г. Лоуренса образ кенгуру неоднозначен. Безусловно, данное животное символизирует саму Австралию, но важно отметить то, что автор дал своему произведению название «Кенгуру», а не «Австралия». Возможно, само название выступает как метафора, чтобы придать книге некий национальный колорит и загадочность. Кенгуру символизирует свободу и жизненную энергию, что подчеркивается автором при помощи лексических повторов: «He rooked me. But there you are, in a free country, it's the man who makes you pay who is free – free to charge you what he likes, and you're forced to pay it. That's what freedom amounts to. They're free to charge, and you are forced to pay» [3, с. 4]. Тем не менее, такая свобода больше принижает человека, нежели возвышает его, ведь это, скорее, иллюзия свободы, нежели реальное её воплощение: человек свободен, но в то же время есть люди, которые своими поступками демонстрируют обратное, принуждая человека делать то, что им выгодно. Таким образом, мы с первых страниц про-

изведения ощущаем некую конфронтацию, причём даже в отношении самого автора к этой стране наблюдается определенное неприятие. Так, если полагаться на мысли, высказанные им в произведении, то можно заметить, что сначала для него Австралия – страна нового мира, в которой всё отличается от Запада со старыми устоями. Но Д.Г. Лоуренс также пишет о том, что свобода, которая переполняет власть и самих людей, демократия и равенство могут привести к анархии, самоликвидации. В этом, отчасти, и проявляются смешанные чувства главного героя и самого автора по отношению к Австралии. Двойственность отношения автора к стране обусловила то, что символ животного, который является центральным образом в романе, весьма противоречив в произведении. Более того, стоит отметить, что глава подпольной организации Бен Кули в своих кругах назывался Кенгуру, поскольку очень сильно походил на него. Хотя внешне автор и не изобразил его привлекательным мужчиной, но он преобразил его «внутри»: «The man had a beautiful voice, when he was really talking. It was like a flute, a wood-instrument. And his face, with that odd look of a sheep or a kangaroo, took on an extraordinary beauty of its own, a glow as if it were suffused with light. And the eyes shone with a queer, holy light, behind the eyeglasses. And yet it was still the kangaroo face» [3, с. 111].

Сам Бен Кули работал адвокатом и по национальности был евреем. Особое внимание стоит уделить тому, что изначально читатель полагает, что его прозвали Кенгуру лишь потому, что он похож на этого животного. Однако, это далеко не всё. По мере развития романа, становится очевидным, что Бен Кули был прозван Кенгуру потому, что он схож с Кенгуру-матерью, которая с особым трепетом и энтузиазмом возвращает своего младенца. Так, «маленькая Австралия» – это младенец-кенгуру, которого Бен Кули хочет взрастить определённым образом, придерживаясь выбранных им идеалов и принципов.

Д.Г. Лоуренсу удаётся показать физическое сходство Бена Кули и кенгуру с пугающей точностью. Скрупулёзный способ описания Кули схож с изображением внутреннего мира Генри – одного из главных героев новеллы Лоуренса «Лис». Так, благодаря тщательному описанию персонажа, автор выявляет в Генри лиса. Стоит также добавить, что в романе «Кенгуру» само животное никак не фигурирует в реальном описании. Присутствие кенгуру ощущается читателем лишь только в том случае, когда на страницах романа появляется Бен Кули. Само животное ассоциируется у автора с молодой Австралией, и поэтому он проводит параллель именно с детёнышем кенгуру, сравнивая его с ещё не определившейся в политическом плане страной.

Таким образом, проведённый анализ романа «Кенгуру» позволил прийти к заключению, что именно понимание образа-символа центрального животного – кенгуру – позволило глубже интерпретировать произведение, написанное английским писателем, выявить замысел автора. Образ австралийского животного используется с целью раскрытия проблематики произведения, поскольку в романе проводится параллель между детёнышем кенгуру и молодой страной, Австралией. Эта параллель показывает отношение автора к стране и её политическим устоям, из-за которых он через какое-то время и сам покинул Австралию. Д.Г. Лоуренс сумел вместить во всего лишь один образ животного скрытый подтекст, чтобы произведение обрело более глубокий смысл. Это позволяет прийти к выводу, что одной из ключевых особенностей идиостиля Д.Г. Лоуренса является использование образов-символов. Художественный символ способствует раскрытию идеи через имитации подтекстовой сути и усилению образности передаваемой автором мысли.

Подводя итоги, стоит отметить, что основная идея романа, заложенная автором в произведении, сложна для декодирования. Тем не менее, если провести анализ центрального образа животного – кенгуру, то основной смысл выходит на

поверхность. Так, можно прийти к выводу, что образ кенгуру используется автором для раскрытия основного замысла романа.

Список использованных источников

1. Lawrence, D. H. *The Kangaroo*. – New York : Fredonia Books, 2003. 428 p.
2. Карипжанова, Г. Т. Значения символов в художественном тексте. – Тамбов: Грамота, 2012. 125 с.

УДК 821.111(73)

ПОЛИТИЧЕСКИ КОРРЕКТНЫЕ СКАЗКИ НА НОЧЬ» ДЖ. Ф. ГАРНЕРА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА УСТОЯВШИЕСЯ ПРИНЦИПЫ

Ш. З. Мамутова,

*обучающаяся 4-го курса, Институт иностранной филологии (СП)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Научный руководитель: Банах Л. С., к. филол. н., доцент

Аннотация. В статье при помощи культурно-исторического, описательного методов и герменевтического подхода исследуется идейно-тематическое содержание «Политически корректных сказок на ночь» Дж. Ф. Гарнера. Целью статьи является раскрытие особенностей видения американским писателем фундаментальных принципов политической корректности в сказках «Красная Шапочка», «Золушка», «Белоснежка» и «Рапунцель». Гарнер саркастически осмысливает основные постулаты политической корректности, касающиеся гендерной и возрастной дискриминации, социального неравенства, защиты окружающей среды и животного мира, а также дискриминации по внешности и состоянию здоровья.

Ключевые слова: политическая корректность, Джеймс Гарнер, сатирическая сказка, эвфемизм.

Summary. The article focuses on studying the ideological and thematic content of *Politically Correct Bedtime Stories* by J. F. Garner with the help of cultural-historical and descriptive methods as well as the hermeneutic approach. The aim of the research is to reveal the peculiarities of the author's perception of the fundamental principles of political correctness (PC) in *Little Red Riding Hood*, *Cinderella*, *Snow White* and *Rapunzel*. Garner sarcastically interprets the main principles of PC connected with social inequality, protection of the environment and animal world, as well as discrimination based on gender, age, appearance and health.

Key words: political correctness, James Finn Garner, politically correct fairy tale, euphemism.

Политическая корректность получила наибольшее распространение в англоязычных странах, будучи направленной на предотвращение социальных обострений и конфликтов в обществе. Политкорректность обязала людей тщательнее следить за своими поступками, речью и высказываниями, чтобы не задеть чьи-либо чувства и не вызвать агрессию. Однако, в связи с неоправданными обвинениями в оскорбительных высказываниях и нетерпимости, американское общество начало борьбу с изъянами политической корректности. В настоящее время данное социокультурное явление носит остро полемический характер, разделяя общество на противников ПК и её сторонников.

Ярким примером литературной сатиры на основные положения политической корректности стали три книги американского писателя и сатирика Джейм-

са Финна Гарнера (родился в 1961 г.): «Политически корректные сказки на ночь: Современные сказки на новый лад» («Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales For Our Life and Times», 1994), «Давным-давно в более просвещённое время: Сказки на новый лад» («Once Upon a More Enlightened Time: More Politically Correct Bedtime Stories», 1995), «Политически корректные праздничные сказки: Святочные сказки» («Politically Correct Holiday Stories: For an Enlightened Yuletide Season», 1995). Эти книги получили широкий резонанс, как в самой Америке, так и за её пределами: сборники были переведены более чем на двадцать языков мира, и более 2,5 миллионов экземпляров были проданы в США. Исследование особенностей видения американским писателем феномена политической корректности представляется **актуальным**, поскольку помогает понять взгляд «изнутри» на проблему искажения понимания самой идеи политкорректности в американском обществе.

Американские литературные критики Л. М. Гринг-Пембл и М. С. Вотсон отмечают острую сатирическую направленность «Политически корректных сказок на ночь» Гарнера и считают, что его произведения способствуют тому, чтобы читатели посмотрели на политическую корректность как на ненастоящую в своей основе систему ценностей [7]. Отечественная исследовательница Э. П. Гончаренко поднимает проблему перевода политкорректного эвфемизма в сказках Гарнера и предлагает авторский перевод сказки «Красная Шапочка» на украинский язык и сказки «Золушка» – на русский [2]. Греф Е. Б. говорит о ПК как о предмете сатиры в сказках Дж. Ф. Гарнера [3]. Однако отдельного исследования, посвящённого анализу сатиризации устоявшихся принципов политкорректности в книгах Гарнера, проведено не было, что позволяет говорить о **новизне** данной работы.

Целью исследования является раскрытие особенностей видения Джеймсом Ф. Гарнером фундаментальных принципов политической корректности в «Политически корректных сказках на ночь». Для достижения данной цели предполагается решить следующие задачи: 1) определить причины обращения Гарнера к жанру сказки с целью сатиризации принципов ПК; 2) рассмотреть основные постулаты ПК в сказках «Красная Шапочка», «Золушка», «Белоснежка» и «Рапунцель»; 3) выделить способы языкового выражения ПК в сказках Гарнера.

В словаре Oxford Guide to British and American Culture представлено следующее определение политической корректности: «Political correctness, often called simply PC, is concerned with avoiding certain attitudes, actions and, above all, forms of expression which suggest prejudice and are likely to cause offence. This may be against men or women, against older people, or against people with a particular skin colour, racial background or physical disability» [5, с. 367]. Тер-Минасова С. Г. даёт определение политической корректности как языкового феномена: «Политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [4, с. 216].

Дж. Ли подчёркивает влияние ПК на жизнь американцев, указывая, что на протяжении последних двадцати лет термин «политкорректность» использовался для обозначения недозволенного вторжения в статус-кво профессиональной деятельности жителей страны: «Rarely has a week gone by in the past twenty years when the term was not used to describe an unwarranted intrusion into the status quo of everyday professional life» [8, с. 2]. В отечественной лингвистике прозвучало мнение Л. Виссон о том, что «превращение отрицательных качеств в положительные и, следовательно, оправдание людей сомнительных и с моральной, и с политиче-

ской точки зрения стало результатом доведения до абсурда любимой американской идеи о том, что все люди равны и поэтому имеют равные права» [1, с. 40].

«Политически корректные сказки на ночь: Современные сказки на новый лад» Дж. Ф. Гарнера содержат интерпретацию тринадцати сказок с точки зрения принципов политкорректности, где писатель доводит проявления политкорректности до абсурда и указывает, что данный социокультурный феномен утрачивает своё первоначальное предназначение, приводя к искажению смыслов. Обращение Гарнера к жанру сказки связано, скорее всего, с наличием в ней морально-нравственного императива, закладывающего определённую модель поведения, а также с возможностью включения в повествование фантастического элемента. Жанр сказки позволил автору представить незыблемые устои общества в гипертрофированной форме, создать у читателей диссонанс с их сложившимися представлениями, взглядами, системой ценностей и заставить, таким образом, задуматься об обоснованности чрезмерного следования принципам ПК.

Наиболее остро в сказках «Красная Шапочка», «Золушка», «Белоснежка» и «Рапунцель» иллюстрируются принципы политкорректности, касающиеся гендерного вопроса о роли женщины в обществе, её прав и обязанностей и процессов феминизации, происходящих в современном обществе. Так, в сказке «Красная Шапочка» писатель указывает, что девочка идёт навестить бабушку не потому, что ухаживать за кем-либо – это удел женщины, а лишь в связи с тем, что данное действие порождает чувство общности и единения семьи. Встретив Красную Шапочку, волк делает сексистское замечание о чрезмерной свободе маленькой девочки, которой опасно ходить одной в лесу, на что она выражает крайнее недовольство, но вместе с тем прощает волка, принимая его мнение. Также гендерная тема находит отражение в поведении волка, который, непредубежденный стереотипами о маскулинном и фемининном, надевает на себя ночную рубашку бабушки. В данном случае подчёркивается укоренившееся мнение об узконаправленном западном мышлении и о желаемом политически корректном отношении к гендерным вопросам.

В сказках «Золушка» и «Белоснежка» вопрос неравенства полов заключается в угнетённой роли женщины, её подчинённости воле мужчины. Золушка стремится оказаться в центре мужского внимания на балу, не понимая, что таким образом унижает своё достоинство и становится безвольным объектом желания мужчин: «*Barbie-doll ideas of feminine desirability*» и «*male concept of beauty*» [6, с. 39]. Принц и гномы в «Белоснежке» рассматривают главную героиню как бесправное существо, которое можно использовать в своих целях, и постоянно говорят о её незащищённости: «*My fellow giants want to get rid of your corrupting feminine presence, and I might not be able to stop them, understand?*» [6, с. 57]. Как Золушка, так и Белоснежка приходят к выводу о своей состоятельности без мужского внимания и начинают борьбу за свои права. В сказке «Рапунцель» Дж. Ф. Гарнер опровергает гендерный стереотип о зависимости характера человека, его ценностей и моральных установок от пола. Рапунцель понимает, что крайняя жадность ведьмы не связана с гендерными различиями, и принц не уступает ей в алчности и корысти: «*So, rapaciousness does not depend solely on gender, she realized with a sigh*» [6, с. 36]. Ведьма и принц использовали волосы и голос главной героини в своих целях, не принимая во внимание взгляды и желания девушки. В завершении сказки Рапунцель сумела освободиться от своего рабского положения, покинув башню и начав заниматься своим любимым делом – музыкой.

Примечательно, что в сказках Гарнера протагонисты и антагонисты меняются местами. Так, в сказке «Белоснежка» мачеха изображается положительной героиней, феминисткой, отстаивающей права женщин, в то время как принц и семеро гномов показаны грубыми, беспринципными шовинистами.

В сказках выделяется значительное количество случаев, указывающих на социальное неравенство. Описывая неблагоприятное материальное положение, Дж. Ф. Гарнер нарочито подчёркивает политически корректную идею о доброжелательном отношении к малоимущим и оказании им помощи. Например, Белоснежка жертвует своими принципами и покупает яблоко у старушки: «...she had a personal rule against buying food from middlepersons. But her heart went out to the economically marginalized woman, so she said yes» [6, с. 62]. Говоря о неблагоприятном социальном положении семьи Рапунцель, писатель указывает, что оно никак не связано с профессией отца девочки, который был ремесленником. Автор акцентирует внимание читателя на отсутствии стереотипизации по принципу престижности профессии и связи последней с социальным положением в обществе.

В вопросах дискриминации по внешнему виду Дж. Ф. Гарнер саркастически подчёркивает политически корректную мысль о том, что необходимо не только не оскорблять чьи-либо недостатки во внешности, но и принимать собственный облик. Однако в контексте интерпретации писателя данные положительные идеи приобретают преломлённую форму, так как описанные действия представляют утопию, и читатель уже не верит в возможность существования подобного идеального общества. В сказке «Красная Шапочка» волк счастлив быть собой и ничего не хочет менять: «I am happy with *who* I am and *what* I am» [6, с. 8]. Золушка и Белоснежка осознают, что красота и роскошь не являются приоритетом в жизни девушки в то время, как гармония с собой, сестринство и женская солидарность должны быть превыше всего: «Kill me now if you want, sisters, but at least I'll die in comfort», «And Snow White and the queen became good friends and earned world-wide fame for their contributions to sisterhood» [6, с. 43, 67].

Автор делает акцент на здоровом образе жизни его героев, подчёркивая правильное питание и физические нагрузки, которым следуют персонажи: a basket of fresh fruit and mineral water, healthful snacks, fat-free, sodium-free snacks, meditate, work out in step aerobics, hatha yoga meditation. В теме возрастной дискриминации основная идея заключается в том, что человек в любом возрасте способен позаботиться о себе: «Furthermore, her grandmother was not sick, but rather was in full physical and mental health and was fully capable of taking care of herself as a mature adult» [6, с. 5].

Гарнер показывает искажения в понимании идеи о пагубном воздействии человека на природу и животных. Так, Красная Шапочка возмущена действиями дровосека, который готов убить волка, спасая её. В «Золушке» показано, что люди не думают о состоянии окружающей среды и животного мира, заботясь о собственном комфорте: «no one had ever thought of carpooling», «of silk stolen from unsuspecting silk-worms», «pearls plundered from hard-working, defenseless oysters» [6, с. 40]. В сказке «Белоснежка» семеро гномов беспокоятся о том, как избавиться от главной героини, ведь если они выбросят её в реку, это негативно отразится на экологии. Скормить Белоснежку медведю кажется им более правильным, так как в данном случае она станет частью естественной цепи питания в дикой природе. В сказке «Рапунцель» Дж. Ф. Гарнер осуждает сад ведьмы, называя это отвратительной попыткой навязать человеческое понимание порядка на природу: «... the witch's meticulously kept garden, a nauseating attempt to impose human notions of order onto Nature» [6, с. 29].

Гарнер указывает на абсурдность описываемого политически корректного поведения на лексическом уровне, используя различные эвфемизмы и перифразы. Как отмечает Е. Б. Греф: «...эвфемизмы в «Политически корректных сказках» являются средством выражения иронии» [3, с. 281]. Гендерная тема наиболее ярко проявляется в замене указывающего на пол компонента «man» на слово «person»: woodsperson, woodchopper-person. В слове «woman» составная часть «man» под-

вергается орфографическим изменениям: *womyn*, *wommon*. Также писатель-сатирик вводит в сказку «Золушка» неожиданного персонажа *faïry godperson*, вместо *faïry godmother*, снимая с него, таким образом, гендерные отличия. Гарнер прибегает к перифразу, называя фею *individual deity* гроху с целью устранения неpolitкорректного отношения к обоим полам. Примечательно изменение последовательности частей внутри слова для создания новой лексической единицы: *mother-of-step*, *sisters-of-step*, *daughter-of-step*. Гарнер широко использует эвфемизмы для того, чтобы звучать политически корректно, указывая на неблагоприятное материальное положение. Автор заменяет лексическую единицу «slave», имеющую негативную коннотацию, на *personal unpaid laborer*, описывая положение Золушки. Вместо политически некорректных слов «poor» и «impoverished» писатель характеризует крестьян как *dispossessed and marginalized peasantry*. В «Белоснежке» нестабильное материальное положение передаётся посредством следующих эвфемизмов: *unfettered by the confines of regular employment*, *a woman of unreliable income*, *economically marginalized woman*, *an economically disadvantaged tinker and his wife*, *his lack of material accomplishment*. Гарнер имплицитно характеризует как красивую, так и не очень привлекательную внешность с помощью перефразирования. Вместо слова «beautiful» в «Белоснежке» представлена следующая замена: *was not at all unpleasant to look at*. Описание несимпатичной внешности достигается посредством таких перифразов, как *differently visaged enough to stop a clock* и *certainly attractive in its own way*. Интересно то, что Гарнер называет гномов великанами, чем усиливает нелепость подбирания политически корректных высказываний, так как некоторые эвфемизмы искажают суть самих понятий и явлений. При языковом выражении возраста политически некорректное слово «old» заменяется выражением *chronologically gifted woman* и *mature adult*, а слово «grandmother» – на *role of a wise and nurturing matriarch*.

Таким образом, целью сатиризации классических сказок было высмеивание крайностей в следовании принципам политкорректности, приводящих к необоснованным обвинениям и чрезмерному контролю языка. Наиболее отчётливо в сказках «Красная Шапочка», «Золушка», «Белоснежка» и «Рапунцель» Гарнером раскрыты принципы политкорректности, касающиеся гендерной и возрастной дискриминации, социального неравенства, защиты окружающей среды и животного мира, а также дискриминации по внешности и состоянию здоровья. Языковое выражение политической корректности в рассматриваемых сказках наиболее ярко реализуется посредством эвфемизмов и перефразирования.

Список использованных источников

1. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. М.: Р. Валент, 2005. 192 с.
2. Гончаренко Э. П. Политкорректность и политкорректный эвфемизм: проблемы перевода (на материале сказок Джеймса Финна Гарнера) // Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство, Т. 21, Вип. 19 (2). 2013. С. 42–52.
3. Греф Е. Б. Политическая корректность как объект сатиры (на материале книги «Политически корректные сказки на сон грядущий» Дж. Ф. Гарнера) // Мир без границ: русский язык как иностранный в международном образовательном пространстве. Материалы Международной научно-практической конференции 13–14 декабря 2018 г. Псков: Псковский государственный университет, 2019. С. 275–282.
4. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. М.: Слово / Slovo, 2000. 264 с.
5. Crowther J., Kavanagh K. Oxford Guide to British and American Culture: For Learners of English. Oxford: Oxford University Press, 2005. 542 p.

6. Garner J.F. Politically Correct Bedtime Stories. Modern Tales for Our Life and Times. [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://bbs.pku.edu.cn/attach/85/31/8531ff112a962431/politically%20correct%20bedtime%20stories.pdf>. (дата обращения 16.01.2020).

7. Gring-Pemble L., Watson M. S. The Rhetorical Limits of Satire: An Analysis of James Finn Garner's Politically Correct Bedtime Stories. Quarterly Journal of Speech 89, no. 2. New York: Routledge, 2003. P. 132–153.

8. Lea J. Political Correctness and Higher Education: British and American Perspectives. New York: Routledge, 2010. 279 p.

УДК: 811.112.2'28-81'272

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ ЭЛЬЗАС-ЛОТАРИНГИЯ

М. А. Марценюк,

*обучающаяся I курса магистратуры, Институт иностранной филологии (СИ)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Научный руководитель: Исаев Э. Ш., к. филол. н., доцент

Аннотация. В данной статье идёт речь об особенностях употребления французского и немецкого языков, а также эльзасского диалекта в регионе Эльзас-Лотарингия во Франции. Целью данного этапа исследования является определение современной языковой ситуации в регионе Эльзас-Лотарингия. В работе рассмотрены социокультурная ситуация и распространение вышеупомянутых языковых кодов на исследуемой территории.

Ключевые слова: Эльзас-Лотарингия, эльзасский диалект, французский язык, немецкий язык, языковая политика.

Summary. The article is devoted to the features of usage of the French and German languages and the Alsace dialect in the region Alsace-Lorraine in France. The goal at this point of the research is to define the modern language situation in the region Alsace-Lorraine. The author examines sociocultural situation and the spread of the above-mentioned language codes on the territories under the study.

Key words: Alsace-Lorraine, Alsace dialect, French language, German language, language policy.

Вопрос распределения территорий и этносов являлся острым для многих народностей и правителей. Он остаётся актуальным и в наши дни. На землях Эльзаса и Лотарингии происходило множество событий, существенно влиявших на жизнь населяющих их людей. Целенаправленное воздействие государств, занимавших данные территории, неизбежно отражалось на их экономике, социальном статусе, а также на языке местного населения. Языковая политика как неотъемлемая часть закрепления земель за новым государством утверждала свою власть над иноязычным народом.

Одно из важнейших последствий языковой политики – явление двуязычия и многоязычия на территории Эльзаса и Лотарингии. Расположение на стыке мировых держав Германии и Франции определило постоянные колебания жителей Эльзаса и Лотарингии между противоречивым германским прошлым и неизбежным французским настоящим. Вопрос о том, насколько серьезными оказались потери в собственной культуре регионов, остается открытым для ученых по сей день.

Таким образом, актуальность данной темы обусловлена повышенным интересом к проблеме последствий оккупаций и аннексий в Западной Европе. Целью данного исследования является определение современной языковой ситуации в регионе Эльзас-Лотарингия, поскольку именно эти территории являлись зоной интересов Германии и Франции на протяжении многих столетий. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: подробно ознакомиться с геополитической ситуацией данного региона, определить распространение немецкого и французского языков, определить место эльзасского и франкского диалектов в сложившейся языковой среде на данной территории, а также выявить основные перспективы исследования. Данный этап исследования осуществлялся при помощи описательного и сопоставительного методов.

Проблема языковой ситуации в регионах Франции давно является предметом исследования отечественных и зарубежных лингвистов. Такие ученые, как Ф. Гартвег, М. А. Бородин, В. Г. Гак, В. Т. Клоков, Д. М. Храбкова анализировали особенности функционирования французского языка на разных территориях. Регион Гранд-Эст, в частности Эльзас и Лотарингия, находящиеся на непосредственной границе с Германией, представляют особый интерес и для ученых германистов, поскольку именно эти земли являлись спорными между Восточной Германской империей и Францией с XVII века.

Для того чтобы говорить о языковой ситуации в регионе Эльзас-Лотарингия, следует упомянуть о его геополитическом месторасположении, а также степени распространения французского и немецкого языков и эльзасского диалекта.

До образования Восточной Германской империи на востоке Франции в Эльзасе и Лотарингии существовал франкский диалект, который позже был романизирован Галлией. Это явление также произошло в некоторых частях Люксембурга, Бельгии, Германии на границе с Нидерландами и Франции – на севере Эльзаса и в немецкой части Лотарингии. На большей же территории Эльзаса распространён алеманнский диалект, родственному варианту в Швейцарии [3, с. 59–62]. Поскольку алеманнский и франкский диалекты тесно связаны между собой на исследуемой территории, в лингвистической литературе часто для обозначения используют общее название «эльзасский диалект».

С образованием Восточной Германской империи на землях Эльзаса и Лотарингии были распространены германские формы речи. С 1648 года местные власти распространяли среди аристократов и буржуа престижный французский язык. В этих же кругах, а также в делах судопроизводства и административно-письменного общения был распространён немецкий литературный язык, в то время как средние и низшие слои населения продолжали использовать алеманнский и франкский диалекты. К 1766 году оба региона перешли во власть Французского королевства, однако французский язык по-прежнему знали только высшие слои населения. После Французской революции языковая политика в стране принуждала жителей регионов к изучению французского языка и предусматривала запрет на использование любых других языков и диалектов.

После поражения Франции во Франко-прусской войне Эльзас и Лотарингия были заняты Пруссией с 1871 по 1918 года. В регионах языком административных дел и школьного обучения был объявлен немецкий литературный язык. Интеллигентная франкоговорящая часть населения покидала регионы, а на их места приезжали немецкоговорящие германцы. В быту, особенно среди сельского населения, снова появился франкский диалект.

В период оккупации 1940–1945 годов режим германизации был восстановлен, но на этот раз немецкий язык вытеснил и французский язык, и эльзасский диалект. После освобождения Франции немецкий язык в Эльзасе и Лотарингии был

упразднён, а в быту местные жители отказывались от использования эльзасского диалекта [5, с. 39].

В 1986 году В. Г. Гак следующим образом описывает употребление эльзасского диалекта: «Диалект не имеет статуса средства публичного общения, он остаётся основным средством бытового общения, причём всё чаще используется на телевидении, в театре, на радио. В Страсбурге имеется Центр изучения эльзасского диалекта» [1, с. 118]. Франкский диалект в Лотарингии не был кодифицирован, местный фольклор носит исключительно устный характер. Фактор культуры в этом регионе является основой для поддержания и дальнейшего существования франкского диалекта.

На сегодняшний день количество эльзасцев, употребляющих эльзасский диалект, значительно сократилось, однако он не прекращает функционировать. Об этом свидетельствуют результаты опроса OLCA / EDInstitut в 2012 году, проведенного среди жителей региона Эльзас. Выяснилось, что из 800 человек 43%, по мнению самих опрошенных, говорят на эльзасском диалекте, 33% владеют базовыми знаниями («немного говорят по-эльзасски или немного понимают»), 25% оказались без знания эльзасского диалекта [8].

На данном этапе среди эльзасцев происходит характерное для них переключение кодов. Опрос жителей региона показал, что говорение на эльзасском диалекте не считается старомодным. Данное утверждение отвергается 91% респондентов. Идентификация эльзасцев с эльзасским диалектом очень сильна, так как 90% из них считают исчезновение регионального языка полной потерей идентичности региона. Эльзасский язык рассматривается как преимущество для изучения других языков (84%), а также как преимущество для профессиональных возможностей (79%) [8].

По мнению А. Д. Петренко и Д. М. Храбсковой, культура в Эльзасе-Лотарингии является ни чем другим, как результатом смешения французского и немецкого влияния и собственного наследия: «Эльзасцы представляют собой этническую общность, корнями восходящую к кельтам и в процессе многовекового соседства с немцами и французами консолидировавшую особенности этнического самосознания всех трех этносов, что привело на начальном этапе к возникновению новой смешанной культуры. А далее, в процессе трансформации, к переходу из одного этнического состояния в другое» [4, с. 33]. В свою очередь, использование французского и немецкого кодов делают жителей региона франко-германскими билингвами, что является причиной частого переключения кодов [7].

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что языковая ситуация в регионе Эльзас-Лотарингия менялась по мере распределения данной территории между Францией и Германией. Основные исторические закономерности развития региона стали решающим фактором для развития франко-германского билингвизма. Несмотря на снижение уровня употребления эльзасского диалекта, жители этих регионов сохраняют собственные культурные и языковые традиции, тем самым поддерживая эльзасский диалект. Говоря о перспективах исследования, можно выделить такое актуальное направление работы, как социолингвистический анализ функционирования эльзасского диалекта в регионе Эльзас-Лотарингия на разных уровнях языка.

Список использованных источников

1. Гак В. Г. Введение во французскую филологию. М.: 1986. С. 118.
2. Клоков В. Т. Развитие языковой ситуации в регионах Франции: учебное пособие к курсу «История французского языка». Саратов: Изд-во СГУ, 2013.
3. Клоков В. Т. Французский язык в Швейцарии. Саратов, 2009. Саратов. С. 59–62.

4. Петренко А. Д., Храбскова Д. М. Особенности кодовой матрицы общения в условиях межэтнической интерференции (на примере анализа языковой ситуации в Эльзасе) // Культура народов Причерноморья: научный журнал. Симферополь, 2003. № 42. С. 32–35.

5. Hartweg F. L'Alsacien. Un dialecte allemand tabu. Vingt-cinq communautés linguistiques de la France. Paris: L'Harmattan, 1989. P. 33-86.

6. Elsass-Lothringen.de. [Electronic Resource] – Mode of access: <http://www.elsass-lothringen.de/> (Дата обращения: 15.01.2020).

7. L'alsacien, deuxième langue régionale de France. [Electronic Resource] – Mode of access: <http://www.epsilon.insee.fr/jspui/handle/1/2294> (Дата обращения: 15.01.2020).

8. Le dialecte en chiffres // Office pour la Langue et la Culture d'Alsace. [Electronic Resource] – Mode of access : <http://www.olcalsace.org/fr/observer-et-veiller/le-dialecte-en-chiffres> (дата обращения: 15.01.2020).

УДК 821.14'06–221.09''19''

АРХЕТИП МЕДЕИ В ТВОРЧЕСТВЕ БОСТА

М. О. Тамбулова,

*обучающаяся 2 курса магистратуры, Институт иностранной филологии (СИ)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. В статье Тамбуловой М. О. «Архетип Медеи в творчестве Боста» пьеса «Медея» («Μήδεια», 1993) известного греческого драматурга XX века Боста (Μέντης Μποσταντζόγλου ή Μποστ, Mentis Bostantzoglou, 1918–1995) рассматривается в контексте развития теории архетипа в европейской и греческой литературе Нового времени, в частности, обнаруживаются параллели и различия с трагедией Еврипида. Целью данной статьи является изучение женских образов в творчестве Боста. Были использованы такие методы, как культурно-исторический (исторический, морфологический и антропологический) и социологический.

Ключевые слова: греческая драматургия XX века, трагикомедия, Еврипид, Бост «Медея».

Summary. In the article by Tambulova M. O. «The archetype of Medea in in Bost's works», the play “Medea” (Μήδεια, 1993) by the famous Greek playwright of the twentieth century Bost (Μέντης Μποσταντζόγλου ή Μποστ, Mentis Bostantzoglou) are considered in the context of the development of the theory of archetype in the European and Greek literature of the New Age, in particular, there are revealed some parallels and differences with the tragedy by Euripides. The purpose of this article is to study the images of women in the works of Bost. The following methods were used: cultural-historical (historical, morphological and anthropological) and sociological.

Key words: twentieth-century Greek dramaturgy, tragicomedy, Euripides, Bost (Μέντης Μποσταντζόγλου ή Μποστ, Mentis Bostantzoglou, 1918–1995), «Medea» («Μήδεια», 1993).

Юнг говорил, что архетип – это простые и функциональные образы, существующие в коллективном бессознательном. Он вывел это понятие из многократно повторяющихся наблюдений по поводу того, что мировую литературу определяют те мифы и сказки, которые содержат в себе мотивы, вновь и вновь появляющиеся повсюду.

«Архетип – это первосмысл, который незримо организует и направляет жизнь нашей души [2, с. 199]. Самой древней, исходной формой психического опыта оказывается миф, поэтому все архетипы так или иначе связаны с мифологическими образами и переживаниями.

«Архетипические образы – это фундаментальные и глубокие образы, возникающие под воздействием архетипов на накапливаемый опыт индивидуальной психики. Архетипические образы сохраняют свою значимость у большого числа людей на огромном временном отрезке» [2, с. 200].

Согласно теории Карла Юнга, архетип Анимы подразделяется на четыре структурных элемента, каждый из которых имеет две противоположные содержательные стороны, которые вполне могут быть применены к архетипу Медеи в трактовке Боста:

1. (светлая сторона): «Принцесса» – (темная сторона) «Дрянная девчонка»;
2. (светлая сторона) «Муза» или «Жрица» – (темная сторона) «Ведьма»;
3. (светлая сторона) «Охотница» – (темная сторона) «Амазонка»;
4. (светлая сторона) «Хозяйка» или «Мать» – (темная сторона) «Ужасная мать».

Пьеса «Медея» («Μήδεια», 1993) современного греческого драматурга и художника Боста (Μέντης Μποσταντζόγλου ή Μποστ, Mentis Bostantzoglou, 1918–1995) была написана в 1993 году как пародия на трагедию Еврипида, стала одной из самых популярных комичных музыкальных представлений репертуара современного греческого театра. Современный драматург превращает трагическую героиню Еврипида в персонаж трагикомический и в то же время, при помощи почти аристофановских метафор и каламбуров, создает текст, критикующий и осуждающий современную греческую действительность.

В современной Греции гордая колхидская царевна теперь живет в провинциальном греческом городишке Волосе с изменяющим ей мужем, из-за скандалов с которым ее мучает постоянная головная боль, разговаривает как мешанска-домохозяйка 80-х годов, принимает в гостиную странных гостей: монахиню, знаменитого писателя, монаха, обедневшего царя, пока ее ждут домашние дела, а ей мешает суэта вокруг ее детей, созданная современной антифеминистической нянькой – Кормильцем, мучается ностальгией, вспоминая мифическую родную Колхиду, плачет и рыдает от одиночества в сумраке дома.

«Как и у Еврипида, в его пьесе Медея одинока, ее мужа постоянно нет дома. Но у бостовского Ясона нет намерения бросить жену ради иного, выгодного брака. Он живет в свое удовольствие, постоянно пропадает в разных дальних краях и странах в поисках развлечений. Дети и жена его мало интересуют. В пьесе упоминается, что у него есть любовница. Однако терять Медею герой Боста не хочет. Супруга устраивает его в качестве хранительницы очага и воспитательницы детей» [1, с. 27].

О причинах измены Ясона Бост ничего не сообщает. И, если амбициозному античному герою было необходимо жениться на царской дочери, чтобы самому стать царем, современный Ясон – жуир и бездельник, прожигающий жизнь, гонящийся за всеми юбками. Он чем-то зарабатывает на жизнь, но об этом напоминает только его морской китель.

И этот его образ жизни никого не удивляет, и даже у Медеи не вызывает резкого отторжения: «Таковы мужчины, к сожалению. У нас меньше прав и / можем мы только злиться» («Έτσι είν' οι άντρες δυστυχώς. Εμείς μειονεκτούμε/κι' αναγκασμένοι είμαστε μόνο να αγανακτούμε») [3, с. 11].

Современная Медея, как и ее муж, полностью разделяет патриархальный миф о гендерных ролях супругов в семье. Даже когда она с серьезным видом рассказывает введенному в пьесу Бостом Еврипиду историю своей жизни с Ясоном, она не высказывает никаких жалоб на его поведение, более того, она не мстит Ясону, убивая его новую жену и ее отца. Из демонической колдуньи античности, обуреваемой жаждой мести, она превращается в обычную не слишком счастливую женщину, равнодушную к происходящим вокруг нее событиям.

Кажется, что от античной пьесы Еврипида, Бост оставляет только убийство героиней сыновей, что вполне укладывается в создаваемый Бостом архетип Медеи – «ужасной матери», переплетающийся с архетипом «ревнивой жены». Хотя, в трагикомическом фарсе Боста ревность не становится главным мотивом убийства.

Сыновья в обеих трагедиях – жертвы. В «Медее» Еврипида они выступают в роли инструмента наказания отца, приносятся в жертву ради исчезновения рода Ясона, а в пьесе Боста они оказываются жертвой несоответствия представлений Медеи об идеальном поведении детей и несостоятельности ее собственной роли матери. «На примере поведения главной героини видно, что в наши дни детям уделяется совсем не много материнского внимания и времени. Медея весьма поверхностно интересуется их успехами и бедами, ее больше занимают собственные проблемы. С мальчиками она почти не общается. Даже тот факт, что, совершая детоубийство, в темноте она смогла перепутать своих и чужих детей, подтверждает мысль о том, что мать с ними фактически не знакома. Медея, подобно многим современным родителям в Греции, доверяет воспитание своих детей чужим людям (в данном случае – весьма сомнительным личностям – развратным Монахине и Монаху)» [1, с. 29].

В разговоре с Кормильцем Медея предстает обычной гречанкой, которую совершенно формально беспокоит будущее ее детей, ее больше волнует проблема соответствия их поведения ее собственным представлениям о хороших детях из приличной семьи. Их нежелание соответствовать ее стандартам и хорошо учиться приводит ее в ярость: «Пусть они читают; хочу чтобы они стали людьми и я смогла ими гордиться и прикажи им читать или я их убью» («Τα βάζεις να διαβάζουν; Θέλω να γίνουν άνθρωποι για να τα καμαρώσω και πέστους να διαβάζουνε, αλλιώς θα τα σκοτώσω») [3, с.12], – заявляет она.

У Боста Еврипид утверждает, что это трагедия о женщине, имеющей десять детей, которых она убивает, но Медея говорит: «Десять – много. Напишите, что двоих убивает» («Θαρρώ τα δέκα είν' πολλά. Βάλτε την δυό να σφάξει») [3, с. 24]. Для него и причины убийства детей матерью не столь трагичны, как в античной трагедии: «Отсутствуют конфликты / поэтому появляется завистливая мать» («Μα λείπουν οι συγκρούσεις/και βγαίνει έτσι μιας μητρός ζηλόφθονης πενθούσης») [3, с. 24]. Бост продолжает «играть» с литературным мифом о Медее, вводя в него почти орестовский архетип: «Ммм, тогда пусть дети убивают мать» («Ε, τότε βάλτε τα παιδιά να σφάζουν την μητέρα») [3, с. 24], – заявляет Медея.

Постмодернистская игра Боста с архетипом Медеи в конце концов начинает принимать форму черного юмора – не узнав в полумраке дома собственных детей, Медея по ошибке убивает соседских ребятишек, зашедших в гости к ее сыновьям.

Уникальность стиля написания Боста представляет трагическую героиню Еврипида как трагикомическую фигуру. Всех героев известной греческой трагедии Бост переносит в современную новогреческую действительность прекрасным и аристофановским стилем письма.

Список использованных источников

1. Александрова О. Н. Еврипидовский миф о Медее в драматургии Боста // Літературознавчі студії. – 2014. – Вип. 42(1). – С. 26–36.
2. Голенок Г. В. Комплексы и архетипы // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 195–200.
3. Chikovani A. Η μορφή της Μήδειας στη σύγχρονη ελληνική και γεωργιανή λογοτεχνία. Τυπολογικοί παραλληλισμοί, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eens.org/EENS_congresses/2014/chikovani_ana.pdf (дата обращения 07.04.2017)
4. ΜΠΟΣΤ. Μήδεια // Αθήνα, Θέτρο Στοά, 1993.

5. Η πρόσκληση της Μήδειας του Ευριπίδη στη νεοελληνική δραματουργία, Χρυσανθόπουλος Φώτιος, πανεπιστήμιο πατρων σχολή ανθρωπιστικών & κοινωνικών επιστημών τμήμα θεατρικών σπουδών [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nemertes.lis.upatras.gr/jspui/bitstream/10889/2824/3/Nimertis_Chrysanthopoulos%28the%29.pdf (дата обращения 07.04.2017).

УДК 811.111:81'42=111

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АМЕРИКАНСКОГО ТИПАЖА «BUYER»: ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД

А. Ю. Ткаченко,

обучающаяся 1 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии (СИ), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Рыжикова М. Д., к. филол. н., доцент

Аннотация. Исследование выполнено в русле антропоцентрического направления лингвистики, концентрирующегося на изучении языка, культуры и личности в тесной связи. Описываются специфические черты лингвокультурного типажа «buyer» на материале американского варианта английского языка. С помощью анализа словарных дефиниций предлагается трактовка понятию. Когнитивно-дискурсивный метод и коммуникативно-прагматический прием использованы для выявления этнокультурологических характеристик данной языковой личности. В результате установлено, что типаж «buyer» способствует продвижению товаров и услуг на рынке. Анализируемый языковой образ реализуется преимущественно лексическими и морфологическими средствами. Первая группа включает экспрессивные имена прилагательные, глаголы, интенсифицирующие наречия, эпитеты. Ко второй относятся превосходная степень сравнения имен прилагательных, будущее неопределенное время глаголов.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, закупщик, анализ дискурса, лингвистические средства, лингвокультурология.

Summary. The article contributes to anthropological linguistics researching interrelation of the language, culture and identity. It offers specific features of the linguacultural character «buyer» on the data of American English. A description of the notion is suggested based on the analysis of dictionary definitions. The cognitive, discourse, communicative and pragmatic methods are applied to determine its ethnic and cultural peculiarities. The character under research facilitates promotion of goods and services at the market. It is realized through lexical and morphological devices. The first group includes expressive adjectives, verbs, intensifying adverbs, and epithets. The second one embraces comparative degree of adjectives and the Future Simple Tense.

Key words: linguacultural character, buyer, discourse analysis, linguistic means, linguacultural studies.

Антропоцентрический подход современного языкознания фокусируется на изучении языка и личности, а также языка и культуры в тесной связи, что позволяет исследовать языковое сознание и коммуникативное поведение как отдельной личности, так и общества в целом. Таким образом, сфера лингвокультурологии, в частности лингвоперсонологии, является одной из актуальных направлений лингвистики в конце XX-начале XXI века [2].

Лингвокультурный типаж является предметом множественных теоретических и практических разработок. Так, описаны образы: «мигрант» (А. Ю. Абрю-

тина 2017), «принцесса Диснея» (А. В. Валяйбоб 2017), «нативный билингв» (И. В. Щеглова 2018), «блогер» (Е. Н. Граждан 2018), «частный детектив» (Е. Э. Кусаева, Т. Ю. Тамерьян 2018), «американский турист» (М. Д. Рыжикова 2018), «обаятельный мошенник» (И. А. Мурзинова 2019), «плут» (Л. А. Бушуева 2019), «руководитель компании» (Н. А. Гулевец 2019), «писатель» (Е. С. Криницына 2020) и многие другие. Актуальность анализа типажа «buyer» обуславливается отсутствием трудов в данной области.

Материалом для данного исследования послужили тексты резюме и объявлений о работе, отобранные методом сплошной выборки с Интернет сайта www.dayjob.com за 2019-2020 годы.

Цель работы заключается в изучении дискурсивной специфики языковой личности «buyer» в американской лингвокультуре.

Достижению цели способствовали анализ словарных дефиниций, когнитивно-дискурсивный метод и коммуникативно-прагматический прием, позволяющие установить этнокультурологические характеристики [1, с. 541]).

Словарные дефиниции [3-6] определяют слово *buyer* (англ.) как человека, который совершает какую-либо покупку, как правило, ценную – например, дом или машину, или который решает, что приобретается компанией. В настоящем исследовании внимание уделяется именно последнему значению. В тезаурусе не приводится ни одного синонима в данном случае. Исключение составляет лексема «*purchasing agent*», которая обозначает профессию, выделяемую в американской лингвокультуре. На сайтах трудоустройств и сервисах, предлагающих оказание помощи в составлении резюме [7; 8], можно найти такие варианты ее названий, как «*buyer*», «*senior buyer*», «*buyer (with SAP proficiency)*», «*buyer (part-time)*», «*procurement specialist*», «*purchasing coordinator*». На русский язык слово переводится как «закупщик», «агент по закупкам», «координатор по закупкам», «специалист по закупкам».

Рабочие обязанности заключаются в проведении анализа рынка товаров или брендов, сравнении цен, просмотре каталогов и офф-лайн магазинов, изучении специфики продажи больших партий потребителям, учете разных факторов, в частности ценовой политики. В том числе необходимо оценивать продукт, тестировать его, отслеживать заказы и составлять отчеты. Агенты отвечают за планирование, выбор и закупку товаров для розничных организаций. Данные координаторы должны иметь опыт работы, начиная с процедуры обработки заказов и заканчивая оформлением всей сопроводительной документации. Успешный кандидат имеет знания всей цепочки производства: «*The Buyer will be responsible for creating purchase order tracking systems, alerting management when orders have been filled and invoices from vendors have been issued, answering vendor questions and providing them with additional order documentation as needed. The successful candidate for this position has experience in the manufacturing industry and a strong understanding of supply chain management concepts*».

Как правило, наиболее часто предъявляемое требование – навыки ведения переговоров (в частности, в вопросах цены, например, «*Strong negotiating skills*»). Высококвалифицированный специалист хорошо разбирается в качестве и рыночных трендах, а также знаком с промышленными особенностями и способен делать маркетинговые прогнозы. Преимущество отдается внимательным (например, «*Impeccable attention to detail*»), стрессоустойчивым (например, «*Able to thrive in a high-stress and fast-paced environment*») и способным работать в команде людям (например, «*Ability to work well with a team*»). Второстепенное внимание уделяется академической квалификации.

В качестве подтверждения своим навыкам и опыту кандидаты используют разные лингвистические средства. Так, описанию умений служат эпитеты, на-

пример, «*talented (buyer)*», «*extensive (experience)*», «*vast (experience)*», «*proactive (buyer)*», «*sensible (planning)*». Для усиления эффекта употребляются интенсифицирующие наречия, такие как: «*true (professional)*», «*fully (conversant)*», «*successfully (purchasing)*».

Свой возможный вклад представляется с позиций эффективности и дальнейшего улучшения: «*Responsible for improving existing buying processes*». Кандидат намерен разнообразить товарный ряд («*diversify product range*»), способствовать формированию ценности бренда («*building brand value*»), установить крепкие деловые отношения с продавцами, например: «*Building strong relationships with vendors*». В эту пользу свидетельствуют:

- глаголы с семантикой «обеспечения» и «поддержания» («*ensure*», «*maintain*», «*procure*», «*enhance*»), например: «*Ensuring orders are quickly placed*»;

- имена прилагательные, указывающие на положительную динамику развития («*efficient*», «*on-time*», «*cost-effective*»), например: «*Consolidating the purchase of goods to achieve maximum economic benefits*»;

- превосходная степень сравнения имен прилагательных, например: «*Ensuring that the highest supplier performance standards are consistently met*».

Что касается синтаксических структур, то зачастую подобная информация излагается эллиптическими предложениями, что объясняется структурой резюме, однако были выявлены случаи использования будущего неопределенного времени глаголов для выражения обещания, например: «... *she will always negotiate the best buying terms and ensure that materials are bought at best price*».

Таким образом, типаж «*buyer*» способствует маркетинговому продвижению товарной продукции в целях увеличения ее реализации. Данная языковая личность реализуется преимущественно лексическими (экспрессивные имена прилагательные, глаголы, интенсифицирующие наречия, эпитеты) и морфологическими (превосходная степень сравнения имен прилагательных, будущее неопределенное время глаголов) средствами.

Список использованных источников

1. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.
2. Лутовинова О. В. Лингвокультурный типаж «хакер» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyyu-tipazh-haker> (дата доступа 12.04.2020).

Список использованных словарей

3. <https://dic.academic.ru/>
4. <https://dictionary.cambridge.org/>
5. <https://www.oxforddictionaries.com/>
6. <https://www.merriam-webster.com/>

Список иллюстративного материала

7. <https://www.dayjob.com/free-buyer-cv-template-1/>
8. <https://www.qwickresume.com>

УДК 82-8

ОБРАЗ СПОРТСМЕНА В ЯПОНСКОМ КОМИКСЕ (МАНГЕ): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

М. Д. Фокин, А. И. Опарин,

*студенты Высшей школы социально-гуманитарных наук и
международной коммуникации САФУ, Архангельск*

Аннотация. Цель работы: на примере двух манг провести сопоставительный анализ образа спортсмена. В статье рассматривается история возникновения и развития японских комиксов манга. Определяются ключевые этапы развития комиксов. Выделяются и характеризуются жанры манги. Методы: анализ и синтез, сравнение, индукция. Результат работы: проведен сопоставительный анализ образа спортсмена и выявлено, что он не обладает отличительными типизированными чертами.

Ключевые слова: японские комиксы, манга, спорт, баскетбол, образ спортсмена.

Summary. The article discusses the history of the emergence and development of the Japanese manga comics. The historical stages of the development of comics are determined. Manga genres stand out and are designated. A comparative analysis of the athlete's image is carried out. The purpose of the work: on the example of two manga to conduct a comparative analysis of the image of a sportsman. Methods: analysis and synthesis, comparison, induction. Result: an analysis of the athlete's image is carried out and it is revealed that it does not have distinctive typical features/

Key words: Japanese comics, manga, sport, basketball, athlete image

Манга – это японский комикс. Очень часто именно такое определение можно услышать в ответ на вопрос «что такое манга?» Однако манга – это не просто графический литературный жанр, предназначенный для развлечения людей, а важная особенность японской повседневной жизни.

Когда мы говорим о поп-культурных феноменах, которые изменили мировую литературную панораму, мы должны отдельно выделить японскую мангу. Манга является неотъемлемой частью японского стиля жизни, и ее роль не ограничивается исключительно индустрией развлечений. Влияние манги распространяется на многие другие области, например, такие как маркетинг (спонсорство таких продуктов, как смартфоны или реклама для туристических компаний).

Манга буквально означает «странные (или весёлые) картинки» на японском языке. Рисуются она в основном в черно-белом цвете – это позволяет художнику не тратить время на раскрашивание. Читается манга справа налево и сверху вниз, как столбцы иероглифов, которые записывались и читались подобным образом с древнейших времен.

Существуют две теории происхождения манги. Первая теория предполагает, что зарождение манги начинается с XII века, когда буддистский монах Тоба Сёдзо создал первые карикатурные живописные свитки «Тёдзюгига» («Весёлые картинки из жизни животных»). На них были изображены животные, которые занимаются человеческой деятельностью. В отличие от других картинных свитков того времени, «Тёдзюгига» не содержит текста, только визуальные изображения.

Связь ранних художественных стилей с более поздними, в том числе и с мангой, очевидна. Японский режиссёр анимации Исао Такахата считает неоспоримым факт влияния свитков «Тёдзюгига» на укиё-э (гравюры на дереве) и на то, что в дальнейшем будут называть мангой [1, с. 32].

Подтверждает существование этой связи и историк японского искусства Нобуо Цудзи, который говорит, что, «определённые качества, воспитанные в ранних японских изобразительных искусствах, возвращаются в более поздних эпохах» [2, с. 53-82].

Другая теория развития манги основана на том, что современная манга насчитывает менее чем 100-летнюю историю. Пол Граветт, автор книги «Шестьдесят лет японских комиксов», отмечает, что история того, что мы называем мангой, должна была начаться после 1945 года [3, с. 176].

После Второй мировой войны Япония оказалась под оккупацией США. Большое влияние оказали культурные ценности Соединённых Штатов – американские комиксы, которые были привезены в Японию военными.

«К началу семидесятых годов прошлого века активно развивающийся рынок манга приобрел те черты, которые он в целом сохраняет и по сей день, то есть разделение на пять видов манга по читающей аудитории, издание журналов с периодичностью в неделю, две или месяц, контент журналов состоит исключительно из манга и рекламы» [4, с. 180].

В послевоенный период появились две самые популярные серии в новом японском стиле: знаменитый «Могучий Атом» Осаму Тэдзука и «Садзаэ-сан» Матико Хасегава. Аудитория манги все больше увеличивалась, что привело к появлению двух разных жанров, которые сегодня известны как сёдзё и сёнэн. Первый ориентирован на женскую аудиторию, а второй на мужскую.

Фундаментальной характеристикой сёдзё манги является её романтичность. Как сказал эксперт Дразен Патрик, «в современном романе сёдзё-манге любовь - это главная тема эмоционально насыщенных повествований о самореализации»[4].

В отличие от сёдзё-манги, которая была средством мощной гендерной революции, сёнэн-манга была более консервативна в отношении значимости женщин. В ранней сёнэн-манге мужчины играли все самые важные роли в рассказах, в то время как женщины находились в стороне и просто служили для вспомогательной цели.

Одной из популярных тем в сёнэн-манге является спорт. В историях на эту тему выходят на первый план личностные качества главного героя. Благодаря им, он преодолевает свои отрицательные черты характера, барьеры на пути к достижению успеха. Тема спорта затрагивается во многих мангах.

На примере манг разной тематики попытаемся выделить характерные черты спортсменов. Сопоставим мангу жанров «споко́н» и «стимпанк». Для примера первого жанра возьмем мангу «Баскетбол Куроко», для второго – «Стальной алхимик». Две взятые манги не имеют общих сюжетообразующих элементов. Для анализа возьмем двух главных героев, существующих в различных сюжетных условиях.

Анализировать мы будем по нескольким критериям:

1. Внешний облик персонажа (волосы, глаза, одежда и т.д.).
2. Межличностные отношения. Здесь рассмотрим связи главного героя с различными героями манги (с друзьями/родственниками, врагами/соперниками и т.д.). Особое внимание обратим на то, как герой способен понимать и принимать окружающих с помощью вербальных и невербальных средств.

3. Целеполагание как механизм понимания характера персонажа и изменение сюжетной линии. Рассмотрим, появляется ли герой сразу с определенной целью, или же она рождается в процессе развития сюжетных действий манги. Также посмотрим, достигает ли герой намеченной цели и, если да, то какими способами он это делает.

В сюжете манги «Баскетбол Куроко» отображена одна из главных черт жанра «споко́н» – спортивные достижения, совершенные благодаря стремлению к победе. В центре повествования мальчик по имени Куроко, некогда входивший в команду гениев, прозванных «Поколение чудес». После окончания средней школы команда распадается, Куроко переходит в старшую школу, в которой вступает в баскетбольную команду. С новой командой Куроко начинает принимать участие в разных состязаниях, чтобы взять титул чемпионов.

Для анализа возьмем главного персонажа – Тэцуя Куроко. Для начала обратимся к внешнему виду героя. Куроко невысокого роста, что позволяет ему оставаться незамеченным во время игры. Он часто пользуется своей особенностью, чтобы перехватывать мячи и делать непредсказуемые для соперника передачи напарнику по команде. У Куроко голубого цвета волосы, спадающие на лоб. В классификации Ю. А. Магера данный тип волос присущ персонажам уравновешенным и погруженным в себя. Также он имеет бледную кожу, подтверждающую его хладнокровность и невозмутимость.

Во время игр Куроко одет в бело-красно-чёрную форму школы Сейрин с номером 11, кроссовки белого цвета с синей полосой, на руках у него напульсники. В целом, спортивная униформа Куроко не отличается от формы типичного игрока в баскетбол. В повседневной жизни Куроко носит типичную для японского школьника форму – гакуран. В плане внешнего вида Куроко выглядит, как традиционный японский школьник, играющий в баскетбол. В связи с этим можно сделать вывод, что Куроко не обладает отличительными чертами из-за своего занятия спортом.

Куроко по натуре невозмутимый и прямолинейный человек. Он очень трудолюбивый, что показано на протяжении всей манги. Интересы команды для него всегда выше собственных. Также он проявляет большое уважение по отношению к игрокам. Например, в 24 главе, участвуя в словесной стычке с одним из игроков, он говорит: «Точно так же, как у семпаев есть гордость, у кохаев есть уважение. Я поддерживаю семпаев, а также уважаю их» [5, с. 3]. Из этой реплики можно заметить, что Куроко уважительно относится к своим семпаям, стоящими выше в неформальной иерархии межличностных отношений. Куроко уважает людей независимо от их положения. Особые отношения сложились у Куроко с нападающим команды – Тайга Кагами. При знакомстве Кагами не воспринимает всерьёз Куроко, считая его неприспособленным к игре в баскетбол из-за его физических данных. У них происходит товарищеский матч, в котором Куроко показывает невероятно низкий любительский уровень игры. После игры Кагами советует Куроко прекратить играть в баскетбол. Последний на это отвечает фразой, ставшей центральной в данной манге: «Я тень» [5, с. 31]. В конце главы Куроко произносит: «Я актёр второго плана, тень... Но чем ярче свет, тем темнее тень, и тем самым она еще больше выделяет свет. Как тень главного актера, я сделаю твой свет сильнейшим в Японии». Этой фразой Куроко показал свои дружеские намерения в отношении Кагами.

Во фразе, сказанной во 2 главе, кроется целеполагание. Куроко, обращаясь к Тайге произносит: «Сейчас главная причина, по которой я играю в баскетбол в том, что я хочу сделать тебя и эту команду лучшей в Японии». Из этой реплики становится понятно, что Куроко обрел свою цель не сразу. Она сформировалась в процессе знакомства с командой, которое протекало на протяжении первой главы. К концу второй главы он полностью уверен в том, что является его целью. В конце манги команда побеждает в национальном чемпионате. Это стало возможным благодаря целеустремленности, трудолюбию команды.

Рассмотрим также главного героя манги «Стальной алхимик» – Эдварда Элрика.

Лейтмотивом всего сюжетного течения становится достижение цели, поставленной перед собой героем. Нарушив с младшим братом Альфонсом один из основных законов алхимии – запрет на воскрешение мертвых, они были наказаны высшими силами тем, что потеряли тела: руку и ногу (Эдвард) и полностью всё тело (Альфонс). Поэтому основной целью Эдварда становится возвращение брату и себе прежних тел. Для её достижения главный герой поступает в государственные алхимики и начинает поиски философского камня. Данные события начинают влиять на его отношения с окружающими. Поскольку обычные люди недолюбливают государственных алхимиков, социальный статус Эдварда может быть перенесён ими автоматически на всю его личность. Так, шахтёры городка Юсвелл были поначалу рады принять у себя братьев, но узнав, что Эдвард служит армии, тут же прогоняют его: шахтёры думают, что Эдвард «продал душу военному государству в обмен на привилегии» [6, с. 4-25]. И признают его только тогда, когда он проявляет личностные, но не социально ожидаемые качества, помогая им справиться с нечестным военным чиновником. Персонаж носит серебряные карманные часы (официальный документ государственного алхимика), однако пол-

ностью таковым не становится и даже не отождествляет себя с армией, нередко нарушая субординацию и действуя в основном не по чьему-то приказу. Подобное прослеживается даже в его внешнем виде: в основном, все государственные алхимики изображены в официальной форме, тогда как Элрик не носит её. Возможно, это может быть обусловлено тем, что герой отправился служить в армию по собственным, субъективным причинам. В самой армии Эдварда признают талантливым, но, в силу молодости, темпераментным и самонадеянным мальчишкой. Его манеру общения можно назвать «условно взрослой»: Эдвард не всегда церемонится, подбирая слова и выражения при общении с другими героями, и очень злится, когда его считают маленьким. «Условно» поскольку люди (особенно из ближнего круга) в основном понимают, что за внешне резким и даже грубоватым поведением и такой же «взрослой» манерой общения он прячет сомнения и страхи, связанные как с беспокойством об окружающих, так и с собственными муками совести. Эдвард очень привязан к своим родственникам и друзьям. Он всячески пытается уберечь их от своих проблем и, впоследствии, от различных опасностей (отговаривает Альфонса становиться государственным алхимиком [6, с. 7]; просит, чтобы Уинри с бабушкой Пинако уехали в безопасное место [6, с. 112]. Но, при всей целеустремленности, Эдвард не считает, что цель оправдывает средства: он приходит в ярость, когда видит, что маленькая девочка превращена собственным отцом в химеру ради его нездоровых амбиций; узнав, что философский камень создаётся из людей, он отказывается его применять, и ищет другой путь возвращения тел. Цель в связи с сюжетом также корректируется: узнав тайну философского камня, на первый план герой ставит защиту гражданского населения и победу над искусственными людьми – гомункулами.

Из анализа становится видно, что герой спортивной манги не обладает отличительными чертами, его образ индивидуализирован автором.

Список использованных источников

1. Проханов, Д. М. Возникновение и развитие манга [Текст] / Д. М. Проханов // МедиаАльманах. – 2000.
2. Тадатоси, Ф. Баскетбол Куроко [Текст] / Ф. Тадатоси.– Азбука-Аттикус, 2017.
3. Хирому, А. Стальной алхимик [Текст] / А. Хирому. – Азбука-Аттикус, 2019.
4. Gravett P. Manga: Sixty years of Japanese Comic books. – London: Laurence King Publishing Ltd, 2004.
5. Nobuo, T. Early Medieval Picture Scrolls as Ancestors of Anime and Manga in Births and Rebirths in Japanese Art. – Netherlands: Hotei Publishing, 2001.
6. Takahata, I. 12th Century Moving Pictures // Japan Quarterly. – 2001.

УДК: 81.25

ИДИОМАТИЧЕСКИЕ СЛЕНГОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

К. А. Хоронская,

*обучающаяся магистратуры, кафедра теории языка, литературы и
социолингвистики, Институт иностранной филологии (СП),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Чернышова М. В., к. пед. н., доцент

Аннотация. Цель исследования – выявить и описать особенности идиоматических сленговых выражений в английском языке и определить их функциональную значимость в процессе коммуникации. Данная работа определяет характерные черты маргинальных («сниженных») кодов общения, а также анализирует специфику их использования в дискурсе. Данное исследование основано на сочетании методов культурно-исторического подхода, синхронического подход, словообразовательного моделирования, психолингвистического анализа.

Ключевые слова: идиома, фразеологизм, маргинальные формы языка, сленг.

Summary. The aim of this research is to find out and describe the peculiarities of idiomatic slang expressions in the English language; to define their functional significance in the communicative process. The article examines typical features of marginal (reduced) forms of communication, and analyzes the specifics of their use in discourse. This study is based on such methods as cultural-historical approach, the synchronic approach, the word-formation modelling, the psycholinguistic analysis.

Key words: idiom, phraseologism, marginal forms of a language, slang.

Актуальность данного исследования обусловлена интересом к проблеме идиоматических сленговых выражений, которые раскрывают культуру англоязычного общества. Цель исследования – выявить и описать особенности использования современных идиоматических сленговых выражений в английском языке и определить их функциональную значимость в процессе коммуникации. Для достижения названных целей поставлены следующие задачи:

- дать определение понятию «идиома»;
- установить происхождение идиоматических выражений;
- проанализировать специфику использования идиоматических сленговых выражений, соотнося с присущими им функциональными установками.

Термин «идиома» впервые был введен английским лингвистом Л. П. Смитом. Он писал, что «слово *idiom* используется в английском языке для обозначения французского термина *idiotisme*, а именно: для обозначения грамматической структуры сочетаний, характерных для английского языка, хотя очень часто значения этих сочетаний невозможно объяснить с грамматической и логической точки зрения» [5, с. 32].

Идиома – это группа слов, которая имеет особенное значение, отличное от обычного значения отдельного слова, и не допускает внутри себя перестановок своих частей.

В русском языке мы используем термин «фразеологизм», в английском языке закрепилось понятие «идиома» (*idiom*), значение которого идентично по отношению к «фразеологизму». Как было уже ранее упомянуто, идиома – это цепочка слов, где каждый элемент цепи закреплён в определённом месте. Нарушив порядок элементов, значение фразы может поменяться или вовсе исчезнуть, так как оно закреплено не за отдельными словами, а за всей фразой в целом. Из-за данной специфики неанглоговорящему трудно сразу уловить смысл высказывания. Так, например, фразеологизм «*to have a frog in one's throat*» не переводится как «иметь лягушку в горле», а означает «хрипеть, говорить с трудом, испытывать боль в горле». Из этого можно сделать вывод, что идиома – это самостоятельная единица языка, закреплённая в словаре.

Однако не стоит путать некоторые единицы языка, которые похожи на фразеологизмы, но отличаются по некоторым признакам. Так не нужно путать фразеологизмы и коллокации. «Коллокацией называется словосочетание, имеющее признаки синтаксически и семантически целостной единицы, в котором выбор одного из компонентов осуществляется по смыслу, а выбор второго зависит от выбора первого» [2, с. 140]. Существует и другое определение коллокации, предложенное отечественным учёным Е. Г. Борисовой: «Коллокации – это сочетания слов, в которых один компонент (опорный, или основной, несвободный) определяется смыслом сообщения, его темой

и фразеологизирует сочетание, а другой компонент (свободный) характеризует опорное слово и является семантически ключевым словом» [1, с. 77].

Например, «в английском языке в одних случаях мы используем глагол “to make”, а в других “to do”: “to make an effort”, но “to do a favour”. Данный выбор слов обуславливается правилами языка, но смысл понятен и складывается из значения каждого слова в отдельности» [4]. Этим и отличается коллокация от идиомы.

Следующее – это разница между фразеологизмами и пословицами. Пословица отражает народную мудрость, в которой заключён совет или предостережение. В то время как идиомы описывают любую ситуацию. Они также отличаются по форме: «...идиомы не обязательно выступают предложением, это может быть только его часть. А пословицы – это законченные высказывания» [4]. Единственное, что объединяет эти понятия – их историческое происхождение.

В английском языке идиомы чаще всего ассоциируются с какими-то историческими событиями, которые, скорее всего, и дали толчок к их появлению. Например, идиома «it rains cats and dogs» (льёт, как из ведра; сильный проливной дождь) имеет два варианта происхождения. «Первая версия связана с североевропейской легендой, в которой боги природы и погоды всегда были тесно связаны с животными. Легенда гласит, что во время сильных штормов и проливных дождей появлялись воюющие собаки ветров и прогоняли кошек – приспешников злых сил. Хитрые ведьмы-кошки превращались тогда в струи дождя, чтобы сбежать от разъяренных псов на землю. Если вспомнить, с какой силой бьют по коже струи дождя, как будто бы слегка царапая ее, и сопоставить раскаты грома с угрожающим лаем и рычанием собак из свиты Одина, то можно допустить, что старинная скандинавская легенда могла быть связана с этой идиомой» [3]. Есть также более жизненная версия возникновения этой идиомы. «В древности мусор в бедных районах просто выбрасывали на улицы из окон, кроме того, система водостоков находилась в бедственном состоянии. Во время сильных гроз с проливными дождями всевозможные нечистоты и трупы бродячих собак и кошек несло потоком по улицам, впечатляя прохожих» [3]. Выражение «to cross the Rubicon» (перейти Рубикон – совершить решительное, непоправимое действие, принять необратимое решение) основывается на реальной истории, когда Цезарь со своим войском пересек реку Рубикон, данный поступок ознаменовал начало войны.

В живом разговорном языке нельзя обойтись без устойчивых фраз или выражений. Поэтому носители английского языка очень любят использовать идиомы, которые придают языку красочности, помогают маркировать эмоциональное состояние говорящего, а также способствуют живому и интересному способу самовыражения. Идиомы могут использоваться в самых разнообразных ситуациях, от дружеских бесед и деловых встреч до более формальных письменных контекстов. Рассмотрим некоторые из них.

«Bob’s your uncle» – фраза широко используется в Великобритании. Чаще всего появляется в конце предложения и переводится как восклицание «Вуаля!»:

– How did you make this cake? It’s delicious! (Как ты испек этот пирог? Он восхитителен!)

– Well, I just mixed in the batter thoroughly, poured it into a cake pan, baked it for 30 minutes **and Bob’s your uncle!** (Ну, я просто хорошенько смешал тесто, вылил его в форму, выпекал 30 минут – **и вуаля!**)

Следующее выражение – «Bee’s knees». В английском языке это значит что-то выдающееся и из ряда вон выходящее. Используется для эмоциональной окраски речи или определения отношения говорящего в шутливо-ироничной форме:

– You should see my new sound-system, it’s the **bee’s knees!** (Ты должен увидеть мою новую стереосистему, это нечто **уникальное!**)

– I don't like Harvey very much, he thinks he's the **bee's knees!** (Я недолюбливаю Харви, он считает себя **центром мироздания!**)

«To throw a spanner in the works» – мешать, препятствовать чему-либо или разрушать что-либо гаечным ключом. Существует русский эквивалент этой идиомы: «вставлять палки в колёса»:

– I managed to keep the surprise a secret, right up until the day before my sister's birthday, then he **threw a spanner in the works** by telling her! (Я хранил сюрприз в секрете почти до дня рождения сестры, а потом он **все испортил**, рассказав ей!)

Фраза «Easy Peasy» очень часто используется в британском сленге и обозначает что-то очень лёгкое, «как пить дать»:

– I could make that for you, if you like? It's **easy peasy!** (Я могу сделать это для тебя, хочешь? Это **пустяк!**)

«Fuddy-duddy» – сленговое выражение, описывающее старомодного и скучного человека. Данная идиома придаёт речи говорящего шутливо-иронично-оценочный характер:

– Look at your clothes – they're not very trendy, they're a bit boring. (Взгляни на свою одежду – она не совсем модная, несколько скучноватая.)

– Boring? (Скучноватая?)

– Yes... and come on, you're not very youthful! (Да... и давай на чистоту, ты выглядишь не очень-то молодо!)

– So you're saying I am **a fuddy-duddy?** (Так ты хочешь сказать, что я **отсталый человек с устаревшими взглядами?**)

В данной работе были выявлены идиоматические сленговые выражения в английском языке, а также их функциональная значимость в процессе коммуникации. В работе были даны примеры идиоматических сленговых выражений и выявлены особенности их использования в английском языке. Идиомы маркирует речь говорящего, определяя его эмоциональное состояние и отношение к происходящему.

Список использованных источников

1. Борисова Е. Г., Слово в тексте. Словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарём ключевых слов. М.: Филология, 1995. 148 с.

2. Виноградов В. В., Русский язык: Грамматическое учение о слове. М. : Гос. учеб. - пед. изд-во, 1947. 783 с.

3. Идиома «дождь из кошек и собак» [Электронный ресурс] // Хвостатые байки: информационный портал о животных. URL: <https://tailytales.ru/2018/06/05/25251/> (дата обращения: 09.01.2020).

4. Идиомы в английском языке [Электронный ресурс] // Puzzle English: научный портал. URL: <https://puzzle-english.com/directory/idioms> (дата обращения: 09.01.2020).

5. Смит Л. П., Фразеология английского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 208 с.

УДК 81'282.8

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ОБЪЯВЛЕНИЙ КАК РЕЧЕВОГО ЖАНРА

Е. В. Чуксина,

обучающаяся 4 курса, Институт иностранной филологии (СП),

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Данная статья посвящена изучению языка Интернет-объявлений как отдельного жанра. Виртуальные жанры служат для описания различных видов и аспектов в сфере Интернет-коммуникации, классификация которых довольно разнообразна и обширна в связи с активным развитием самого Интернета. В статье ставится задача рассмотреть отличительные черты языка Интернет-объявлений, его лексические и грамматические особенности. Благодаря комплексному анализу были выявлены характерные черты интернет-объявлений: простая структура, неосложненные предложения, отсутствие экспрессивно-эмоциональной окраски, информативность, четкость и краткость изложения, а также частое использование фраз-клише.

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, язык объявлений, речевой жанр, жанровая классификация, вакансии.

Summary. This article is devoted to the study of the language of the Internet ads as a separate genre. Virtual genres serve to describe various types and aspects in the field of online/virtual communication, the classification of which is quite diverse and extensive in connection with the active development of the Internet itself. The article sets the task to consider the distinctive features of the language of Internet ads, its lexical and grammatical features. Due to comprehensive analysis the characteristic features of Internet ads were revealed: simple structure, uncomplicated sentences, lack of expressive-emotional coloring, informative content, clarity and conciseness, as well as the frequent use of cliché phrases.

Key words: Internet communication, ad language, speech genre, genre classification, vacancies.

Если что-то и динамично в современном мире, так это концепция и процесс Интернет-коммуникации, которые развиваются с каждым годом. Международная сеть, обычно сокращенная до понятия «Интернет», обозначает глобальную сеть, состоящую из миллионов компьютерных сетей. Учитывая активное развитие и широкое распространение Интернета, следует подчеркнуть актуальность и значимость исследуемой темы. Интернет-коммуникация не перестает быть объектом исследований многих современных ученых, а с появлением новых функций и с регулярным обновлением становится все больше материала для изучения.

Объектом исследования данной статьи является Интернет-коммуникация. Предметом исследования является Интернет-объявление как речевой жанр.

Цель исследования – подробное изучение объявления как жанра и его лингвистических особенностей, для чего необходимо выполнить ряд задач:

- изучить понятие речевого жанра в сфере Интернет-коммуникации, определить его особенности;
- разобрать классификацию речевых жанров;
- осуществить сбор данных для последующего анализа и сравнения;
- исследовать Интернет-объявления как речевой жанр, установить его виды и функции;
- рассмотреть лингвистические особенности объявлений.

Исследованию жанров Интернет-коммуникации, в том числе объявлений, посвящены работы таких лингвистов как Щипицина Л. Ю., Достовалова Е.К., Исламова И.Ф., Е.А.Курченкова, Н. Файрклоу, Дж. Йейтсу, У.Дж. Орликовски, Э.Девитт и др.

Практическая часть исследования заключается в формировании корпуса исследования, состоящего из Интернет-объявлений, а также его анализа при помощи описательного и сравнительного методов. В процессе исследования было

отобрано 20 объявлений на популярном немецком сайте бесплатных объявлений ebay-kleinanzeigen.de [7].

Прежде, чем рассматривать речевой жанр в сфере Интернет-коммуникации, необходимо обратиться, собственно, к термину «жанр». Жанры – это расплывчатые категории без фиксированных границ, которые формируются наборами условий [3, с. 110].

Л.Ю. Щипицина, основываясь на коммуникативных функциях Интернет-общения, выделяет следующие виртуальные жанры [6, с. 157]:

- коммуникативные – социальные сети, чат, электронные письма, новостные группы, форумы;
- информативные – веб-страницы, поисковые системы, онлайн-энциклопедии, каталоги, электронные библиотеки;
- директивные – веб-реклама, коммерческие и частные объявления, интернет-магазины и аукционы;
- эстетические – сетевой роман и фанфик;
- презентационные – личные веб-страницы и блоги;
- развлекательные – многопользовательские миры и сетевые игры [6, с. 156].

Объявления – это размещение информации в интернете, газете, на телевидении или на плакате о каком-либо продукте, мероприятии или работе [5, с. 115]. Основная цель медийных объявлений – доставить информацию в виде сообщений посетителям сайта в онлайн-пространстве с помощью баннеров или других форматов текста, изображения, видео или аудио.

Благодаря анализу и сравнению Интернет-объявлений, можно выделить несколько вариантов классификации:

- общие, или универсальные, и тематические;
- частные, местные и региональные;
- платные и бесплатные;
- текстовые и иллюстрированные.

На общих или универсальных объявлениях присутствуют все виды товаров и услуг, которые сгруппированы по категориям или классам.

В тематическую группу входят объявления узкой тематики. Выделяют следующие разделы:

- покупка/продажа (недвижимость, транспорт, оборудование, техника, детские товары, косметика, электроника и т.д.);
- аренда (комнаты, квартиры, дома, загородные дома, коммерческая аренда);
- сервисы (строительство и ремонт, финансовые операции, транспорт, медицинские услуги, страхование, правовые услуги и др.);
- транспортные средства (воздушное судно, лодки, автомобили, мотоциклы, внедорожные транспортные средства, грузовая техника);
- недвижимость (коммерческая недвижимость, квартиры, дома, фермы и ранчо, земельные участки и др.);
- работа (образовательные вакансии, финансовые, риэлтерские вакансии, бухгалтерия, бизнес, строительство, креативные вакансии, стажировки, юридические вакансии, управление, маркетинг и т.д.);
- общение (знакомства) [7].

Объявления также могут делиться на частные, рекламирующие свои личные услуги и товары, и объявления местных предприятий или компаний. Местные ориентируются на определенный район или город, региональные позволяют разместить объявление в любом регионе страны.

Объявлениям в сфере Интернет-коммуникации свойственно, в первую очередь, проявление официально-делового стиля общения. Главной особенностью

данного стиля является информативность, а также экономия языковых средств для точной и полной передачи какой-либо информации [1, с. 76]. Основная цель такого рода сообщений заключается в том, чтобы сформулировать условия, обязательные для обеих сторон, и достичь соглашения. Еще одной особенностью является особая система клише, терминов и выражений, по которым каждый подстилить можно легко распознать. Словарный запас характеризуется не только использованием специальной терминологии, но и выбором возвышенных слов и фраз.

В Интернет-объявлениях проявляются также признаки публицистического стиля [2, с. 56], основными чертами которого являются:

- присутствие какого-либо факта, необходимого сообщить в объявлении;
- наличие информативной и воздействующей функций;
- максимально краткое представление информации [4, с. 22].

Проанализировав некоторые объявления, стало очевидно, что они также могут обладать экспрессивно-эмоциональной окраской и большим количеством выразительных средств для привлечения внимания и интереса. Кроме того, можно заметить признаки разговорного стиля речи.

В рамках представленного исследования были выбраны тематические объявления, а именно категория «Вакансии». Анализ показал, что объявления данной категории имеют следующие языковые особенности:

- использование фраз-клише (*Wir freuen uns über Deine Bewerbung. / Bei Interesse und weitere Fragen einfach Anschreiben. / Wir freuen uns über deine Nachricht!*);
- неэмоциональность и конкретность (*Wir suchen für unser Sonnenstudio eine Servicekraft. Erfahrung ist nicht notwendig.*);
- употреблением повествовательных предложений, модальных глаголов, инфинитивных и эллиптических конструкций (*Sie können auch gerne vorbei kommen Toni's Pizza, Neusser Straße...*).

Объявления в Интернете обладают рядом грамматических и лексических особенностей. Среди грамматических особенностей можно выделить следующие:

- чаще всего предложения простые, не осложнённые (*Wir suchen Dich als unsere Pausenablösung. Morgens von 10:30 - 11:30 Uhr und Abends von 20:15 - 21:15 Uhr. Wir freuen uns auf Dich.*);
- обычно повествование ведется от 1 или 2 лица единственного или множественного числа (*Wir bieten die Vorteile eines wachsenden und international tätigen Unternehmens vereint mit den Vorzügen eines Familienbetriebes.*);
- для выражения максимальной степени качества используют качественные прилагательные со значением оценочности (*Wir bieten echtes Teamwork. Unsere Anforderungen sind sicheres, freundliches Auftreten, Pünktlichkeit, eine gepflegte Erscheinung sowie Zuverlässigkeit.*);
- из всех частей речи в текстах объявлений чаще всего употребляется имя существительное, так как требуется наименования множества предметов и явлений. В данном случае существительные выполняют важнейшую информативную функцию: номинируют предметы, явления, процессы;
- глаголы несут идею, на них лежит основная смысловая нагрузка, это объясняет тот факт, что в текстах объявлений глаголы и глагольные формы встречаются очень часто, несмотря на тенденцию объявлений к номинативности;
- в тексте чаще всего употребляются глаголы в форме изъявительного наклонения настоящего времени (*Wir suchen eine weitere Reinigungskraft für unsere 4 Ferienwohnungen bei Wietzendorf. Die Wohnungen müssen im Schnitt 1 x pro Woche gereinigt werden. Die Arbeitszeit ist pro Wohnung ca 2 Stunden von ca 10:30 Uhr bis ca 12:30 Uhr an verschiedenen Tagen je nach Wohnungswechsel.*).

Лексика Интернет-объявлений довольно однообразна:

- используются слова в прямом значении (*Wir zahlen leistungsgerecht und mit Zuschlägen für Sonn- und Feiertage. Wer Lust hat, wird von uns bei Fort- und Weiterbildungen unterstützt.*);

- не часто можно заметить различные изобразительно-выразительные средства (*Wir suchen ab sofort Servicekraft m/w für unsere Spielhalle in Bergen. Sie arbeiten in 2 Wechselschichten von 10–17 Uhr u. 17–24 Uhr auch an Sonn- u. Feiertagen als Spielhallenaufsicht.*);

- лексике характерно отсутствие эмоциональности (*Wir suchen dringend Verstärkung für unser Team auf 450,00 € Basis in der Gastronomie und für die Pension. Ihr habt Lust auf ein tolles Team und abwechslungsreiche Arbeit, dann meldet euch bei uns unter folgender Telefonnummer.*);

- конкретность и официальность достигается посредством использования шаблонов и узуальной терминологии в области профессиональной деятельности (*Konnten wir Ihr Interesse wecken? Dann freuen wir uns auf Ihre Bewerbung! Zur Bewerbung und weiteren Infos geht es unter folgendem Link.*).

Таким образом, анализ интернет-объявлений показал, что есть типичные грамматические и лексические особенности, которые сложно отнести к конкретному жанру, поэтому актуальным является дальнейшее исследование данной темы.

Список использованных источников

1. Ванников Ю.В. Типы научных и технических текстов и их лингвистические особенности. М., 1984. 96 с.

2. Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль речи. М., 1982. 112 с.

3. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Том 24 (63). №1. Ч.1. С. 105–124.

4. Достовалова Е. К. Объявление о найме как особый жанр текста // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2011 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 21–23.

5. Провоторов В.И. Лингвотекстовые особенности речевого жанра объявления: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1991. 177 с.

6. Щипицина Л. Ю. Стилистико-языковой и жанровой подходы к изучению компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5 (143). Вып. 29 Филология. Искусствоведение. С. 155–161.

7. Ebay Kleinanzeigen. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ebay-kleinanzeigen.de/> (дата обращения: 10.01.2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абросимова А. А. обучающаяся кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Алимова А. К. обучающаяся магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аникеева Е. А. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Асанова Э. Н. обучающаяся 2 курса магистратуры, кафедра теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Банах Л. С. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Батурина Л. А. кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Факультет подготовки иностранных специалистов, Волгоградский государственный технический университет, Волгоград

Болдова Т. А. доктор педагогических наук, профессор кафедры РКИ Московский педагогический государственный университет, Москва

Бондаренко Л. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Борзова И. А. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Борисенко Т. И. кандидат филологических наук, доцент кафедры международной коммуникации, факультет мировой политики, Московский государственный университет М. В. Ломоносова, Москва

Бурда Ю. М. обучающаяся 1 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Варламова Е. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет, Казань

Васильева О. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Викторова Я. А. обучающаяся 4 курса, Институт иностранной филологии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Вовк Н. А. старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Воронцова И. И. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Выдря А. И. обучающаяся 1 курса магистратуры, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Газимаева Х. А. преподаватель колледжа, Медицинский государственный институт, Чеченский государственный университет, Грозный

Галавова Г. В. кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранного языка и языкознания, Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, Казань

Гарипова А. Н. кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранного языка и языкознания, Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, Казань

Герашенко А. В. аспирант кафедры патологической анатомии с секционным курсом, Медицинская академия имени С.И. Георгиевского (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Гладких О. И. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», Симферополь

Глухенькая Л. Н. аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия (СП), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Гулакова И. А. старший преподаватель кафедры иностранных языков №3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Дасовхаджиева А. А. старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания английского языка, ЧПГУ, Грозный

Димулас Н. учитель, командированный Министерством образования, науки и религии Греции в г. Краснодар, Греческая Республика

Дронякина Н. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал), ФГАОУ ВО «КФУ им. В. Вернадского», Ялта

Закирова Л. Р. старший преподаватель кафедры иностранного языка и языкознания, Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, г. Казань

Зекаг М. аспирантка кафедры турецкого и русского языков факультета арабского и восточных языков, Университет Алжир 2 им. Абу Эль Касем Саад Аллах Алжир, Алжир

Зиганишина Н. Ф. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода, КИУ им. В.Г. Тимирязова, Нижнекамский филиал, Нижнекамск

Иваниченко А. Ю. обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Исаев Э. Ш. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Исаева О. В. старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Карпенко А. В. кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Кириченко Д. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, филиал МГУ им. М.В. Ломоносова, Севастополь

Кирчанов М. В. доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, ФГБОУ ВО «ВГУ», Воронеж

Кислухина М. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Князева Н. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Колышкина Т. Б. кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль

Кохан О. Н. преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Крюкова Е. В. тьютор, Департамент иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Куккоев Б. С. магистр кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения КубГУ, Краснодар

Лихачёв Э. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Мазина Е. Н. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Малаховская А. И. обучающаяся 1 курса магистратуры, направление подготовки «Градостроительство», Академия строительства и архитектуры, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Мамутова Ш. З. обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Манцаева А. Н. кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, факультет иностранных языков, Чеченский государственный университет, Грозный

Марценюк М. А. обучающаяся 1 курса магистратуры, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Мележик К. А. доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков №3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Мельниченко Т. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Миколайчик М. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Мирошниченко Л. Н. кандидат филологических наук, доцент кафедры новогреческой филологии, Кубанский государственный университет, Краснодар

Литинская Е. П. кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, Институт филологии, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

Набиев Р. Ф. доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский институт МВД России, Казань

Новикова В. Ю. кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского и иностранных языков и литературы, Краснодарский государственный институт культуры, Краснодар

Оберюхтина М. В. аспирант кафедры английского языкознания, филологический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Онищенко Ю. В. старший преподаватель кафедры иностранных языков №3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», Симферополь

Опарин А. И. студент Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ, Архангельск

Павлова И. Ф. кандидат педагогических наук, доцент кафедры вычислительных систем и информационных технологий, Удмуртский государственный университет, Ижевск

Павловская И. Ю. доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Пападимитриу Х. доктор филологических наук, Лицей №2, г. Серрес, Греческая Республика

Переpečкина С. Е. кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Петренко А. Д. доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики, директор Института иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Петренко Д. А. кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Пирожкова А. О. кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания, Институт филологии, истории и искусств, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте, Ялта

Полховская Е. В. кандидат филологических наук, заведующая кафедрой английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Пономарёва А. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Продромаки Е. преподаватель, филолог, аспирант факультета педагогики Университета г. Патры, Греческая Республика

Редько Г. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения, КубГУ, Краснодар

Рейнова А. В. обучающаяся 2 курса, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Рамазанова Р. Т. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания европейских и восточных языков, Чеченский государственный педагогический университет, Грозный

Романова Е. А. ассистент кафедры “Русский и иностранные языки”, ФГБОУ ВО Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I, Санкт-Петербург

Рыжикова М. Д. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Самойленко Н. Б. доктор педагогических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и зарубежная филология», СГУ, Севастополь

Семёнкина И. А. кандидат психологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки», ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Сиротюк О. В. заведующая отделом «Универсальный читальный зал» Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Крым «Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко», Симферополь

Сдобнова С. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Старыгина Н. Ф. старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, социально-экономический факультет, Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург

Столярова А. О. аспирант III года обучения МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения, кафедра лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, Москва

Стрембицкая Н. С. ведущий специалист учебно-организационного отдела, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Суханова Е. В. кандидат педагогических наук, доцент кафедры вычислительных систем и информационных технологий, Удмуртский государственный университет, Ижевск

Сыроватская Г. И. кандидат филологических наук, доцент кафедры международной коммуникации, факультет мировой политики, Московский государственный университет М. В. Ломоносова, Москва

Тазеев Г. Г. кандидат филологических наук, доцент кафедры языковедения и иностранных языков, Казанский юридический институт МВД России, Казань

Тамбулова М. О. обучающаяся 2 курса магистратуры, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Тарасова Ф. Х. доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет, Казань

Татарникова И. В. кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры № 2, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Ткаченко А. Ю. обучающаяся 1 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Трегубова Л. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка, Московский педагогический государственный университет, Москва

Трунченкова Н. Н. преподаватель кафедры № 4, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Тудзари Е. преподаватель кафедры педагогических и социальных наук Кипрского университета им. Фредерика, филолог, писатель, г. Никосия, Республика Кипр

Фарамазян З. А. преподаватель кафедры новогреческой филологии, факультет романо-германской филологии, Кубанский государственный университет, Краснодар

Фокин М. Д. студент Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ, г. Архангельск

Хаджипанайотиди А. профессор кафедры педагогических и социальных наук Кипрского университета им. Фредерика, г. Никосия, Республика Кипр

Харламова Н. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Факультет подготовки иностранных специалистов, Волгоградский государственный технический университет, Волгоград

Хоронская К. А. обучающаяся магистратуры, кафедра теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Цебровская Т. А. кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Чернега Г. П. обучающаяся 4-го курса, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Черныш И. В. старший преподаватель кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Чернышова М. В. кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Чернышова Т. Г. кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №4, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Чуксина Е. В. обучающаяся 4 курса, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Шамиева Э. С. магистр кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Шевченко С. А. заведующая отделом иностранной литературы Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Крым «Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко», Симферополь

Шевель В. Г. преподаватель кафедры иностранных языков №3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Шелехов Д. М. аспирант кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Шиманович А. Н. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Шкабара И. Е. кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, факультет филологии и массовых коммуникаций, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал), Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург

Шустина И. В. кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории коммуникации и рекламы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль

Южанинова Е. В. кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал), ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», Нижний Тагил

Ягенич Л. В. кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков №4, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Языкова Т. В. аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, факультет славянской филологии и журналистики, ТА (сп), ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», Симферополь

Яхьяева А. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания иностранных языков, Чеченский государственный педагогический университет, Грозный

Научное издание

**ИНОСТРАННАЯ ФИЛОЛОГИЯ.
СОЦИАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

Материалы V Международного научного конгресса

(Симферополь, 9 – 24 апреля 2020 г.)

в авторской редакции

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 23,72. Тираж 65 экз. Заказ № 01А/09.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru